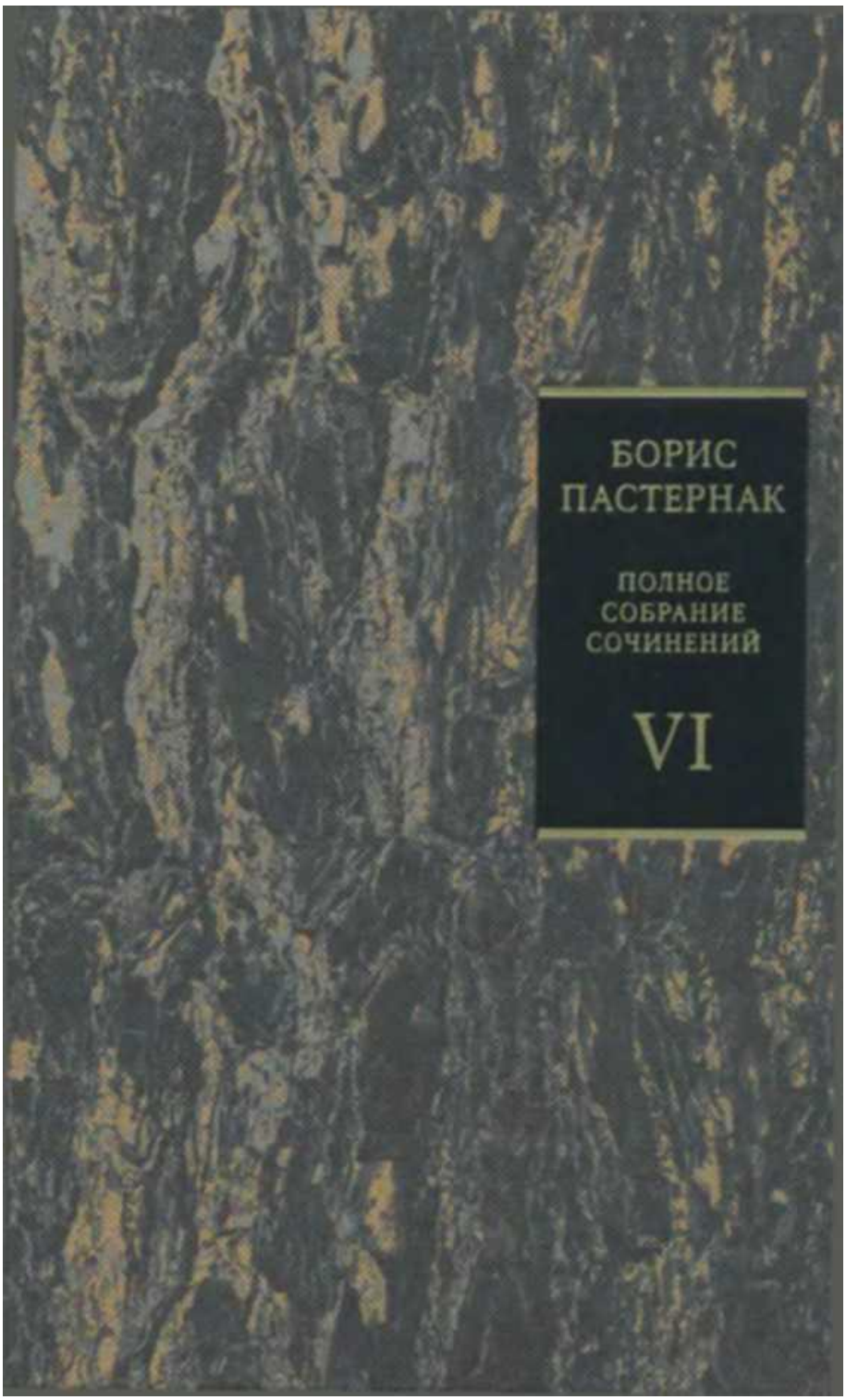
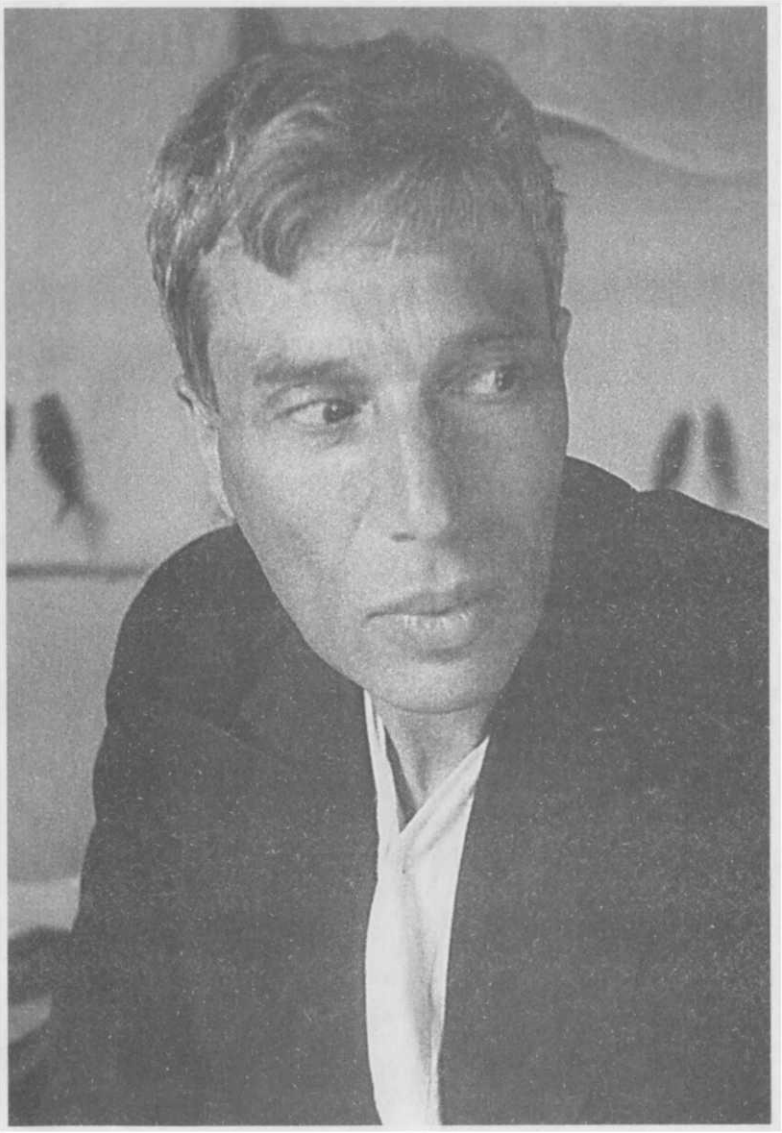

БОРИС
ПАСТЕРНАК
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
VI

БОРИС ПАСТЕРНАК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

В одиннадцати томах

БОРИС ПАСТЕРНАК
Том VI
СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

GJIOBO/SLOVO
2005
УДК 821.161.1

ББК84(2Рос-Рус)6-5
П1

9Издание осуществлено
в рамках Федеральной программы
поддержки книгоиздания России

Главный редактор Д. В. Тевекелян
Составление и комментарии
Е. В. Пастернак и А. Ю. Сергеевой-Клятис

На авантитуле:
Борис Пастернак. 1943 год. Чистополь.
Фото В. Д. Авдеева

ISBN 5-85050-686-1 (т. VI) © Наследники Пастернака Б. Л., 2005
ISBN 5-85050-680-2 © Пастернак Е. В. и Сергеева-Клятис А. Ю.,
составление, комментарии, 2005
© Журавлев К. Е., художественное
оформление, 2005
© Слово/Slovo, издание, 2005

• Из Книг Библиотеки TopLib.net •

ПЕРЕВОДЫ
ЗАПАДНОЙ ПОЭЗИИ

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

К МЕЛЬПОМЕНЕ

На кого в час рождения,
Мельпомена, упал твой взор приветливый,
Уж того ни кулачный бой
Не прельстит, ни успех в конном ристании.

И ему не сужден триумф
В Капитолии в честь воинских подвигов
И венок победителя,
Растоптавшего спесь гордого недруга.

Но в тибурской глуши стоит
Шум лесов, и ручьи плещут и шепчутся.
Он опишет в стихах их шум
И надолго в веках этим прославится.

Я горжусь — молодежь меня
Причисляет к своим лучшим избранникам,
И с годами звучит слабей
Ропот зависти и — недружелюбия.

Муза, сладостным звоном струн

Переполнившая щит черепаховый,
Кажется, бессловесных рыб
Ты могла б одарить голосом лебедя.

Удивительно ли тогда,
Что показывают пальцем прохожие
На меня? Если я любим,
Я обязан тебе честию выпавшей.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОМПЕЯ ВАРА

В дни бурь и бедствий друг неразлучный мой,
Былой свидетель Брутовой гибели,
Каким ты чудом очутился
Снова у нас под родимым небом?

Помпей мой, лучший из собутыльников,
Ты помнишь, как мы время до вечера
С тобой за чашей коротали,
Вымочив волосы в благовоньях?

Ты был со мною в день замешательства,
Когда я бросил щит под Филиппами
И, в прах зарыв покорно лица,
Войско сложило свое оружье.

Меня Меркурий с поля сражения
В тумане вынес вон незамеченным,
А ты подхвачен был теченьем
В новые войны, как в волны моря.

Но ты вернулся, слава Юпитеру!
Воздай ему за это пирушкою:
Уставшее в походах тело
Надо расправить под тенью лавра.

Забудемся над чашами массика,
Натремся маслом ароматическим,
И нам сплетут венки из мирта
Или из свежего сельдерея.

Кто будет пира распорядителем?
Клянусь тебе, я буду дурачиться
Не хуже выпивших фракийцев
В честь возвращенья такого друга.

ГАНС САКС

НЕМЕЦКАЯ МАСЛЯНИЦА

Как после заговин в пяток
Я подсчитал свой кошелек,
Так стала мне того числа
И масляница не мила.
С обиды вышел я пройтись,

По Пегницу спустился вниз,
Свернул у Шниглинга и просто
Дошел до каменного моста.
Вдруг вижу: далью из-за вала
Зверь-невидаль. Я мигом — драла.
Кто этот зверь, я знать не знал.
Живот, как бочка, выпирал.
Все тело было в бубенцах,
А пасть зубастая в резцах.
Хвостом обшмыганным он тряс,
На рыле ж — ни ушей, ни глаз.
Вот, как я отбежал поречьем,
Он голосом мне человечьим,
Чтоб подошел я, не дрожал.
Перекрестился я и стал,
А тварь поближе подползла.
Я подивился, как хила.
Но так как встреча, счел, некстати,
Сказал для верности заклятье.
«Ты зверь, — сказал я, — или дух, —
Изволь сейчас назваться вслух».
Сказал, — а нечисть хохотать.
«Не можешь масляны признать?
Аль с этим брюхом незнаком?
С зубами, глоткой, языком?
Одних блинов я сколько съела,
Покамест упитала тело
Ботвиньей, рыбой, заливным,
Холодным и иным съестным —
Соленым, квашеным, моченым,

Копченым, пряженым, печеным.
А погреба и подземелья
Осушенного мускателя?
А бочки из-под мальвазии?
А прочие — пустым-пустые?
Все, все я подгребла ковшом,
Чтоб вам не допивать потом».
Тут я спросил: «К чему отнесть,
Что в бубенцах ты вся как есть?»
Она ж в ответ: «К тому, заметь,
Что легче в них ломать комедь.
Что пляской и пальбой пищальной
Творят обряд мой величальный.
Что жгут костры и в бубны бьют,
Горят, и скачут, и поют,
Играют в мяч, и в жмурки жмутся,
И на мечах, как турки, бьются.
Везде личина, все подвох.
Вот ряженый, вот скоморох.
Откуда ни возьмись — арапы.
Вон барин бабою-растяпой,

Вон баба, в свой черед, в штанах.
Вон трубочист, а вон монах.
Вон мужики, а вон цыгане,
>И теснота, как в балагане.
Что наипаче невпопад,
Тому награда за наряд».
«Что так зубаста?» — я спросил.
«Сейчас скажу», — ответ гласил.
«Немало этот зуб, как ножик,
Перепилил стальных застежек.
Немало дыр проел в мешках,
И ладанках, и кошельках.
Немало слопал состояний,
} И дарственных, и завещаний.
Немало изглодал в обглод
Костей и карточных колод,
Немало дней укоротил,
Немало нравов тлей растлил».
«Что глотка больно широка?» —
Она от смеху за бока.
«А на мое ты место стань,
Когда летят в мою гортань
Дома со скарбом, города,
80 Луга, усадьбы и стада.
Будь уже пасть, я б подавилась
И жизнь моя б остановилась».
«Скажи, зачем в коросте хвост,
И вымок, точно в косохлест?»
«Он как подол у непосед.
Я свой им заметаю след.
Долги, болезни, голод, срам —
Толпою по моим следам.
Разгул на сырной пыль метет,
90 А мирной жизни он извод.
Приходится, трудясь в тоске,
Семье отказывать в куске,
Болея головой тупою
Водянкою от перепою.
Амуры с шашнями и блуд
К добру женатых не ведут.
Кровь, слезы, пот, угар, скотство,
Я все под хвост, не счесть того».
И вновь я масляне вопрос:
100 «Скажи, пиявка-кровосос,
Зачем без глаз ты и ушей?»
Она в ответ: «Без глаз ловчей.
Без глаз что пахота, что лес, —
Я, знай, ломлю наперерез.
Лицо духовное ль, мирское,
Пред всеми чудо я морское.
Без глаз себя мне не видать —
Что мне под стать, что не под стать.

Пусть я и курица слепая,
110 Все врозь, когда я выступаю.
Вот от того же я греха
Для безопасности глуха,
Чтоб на бездушность истуканью
Не услыхать мне нареканья
И пуще лишь не озвереть.
А я не зверь ли? — сам ответь.
И то ведь, знаешь, дай мне волю,
Жила б я месяц, два и доле,
Да вышел в городе приказ,
Чтоб тотчас убиралась с глаз.
Шуты мои, конечно, — к сборам.
Они мне проводы, и хором,
Чтоб в здравии, не помня зла,
Лишь краше через год пришла.
Дождутся, то-то попируют,
А год, что делать, прогорюют».
Сказала, и при сих словах —
К воде, и за мост — чебурах —
Перелетела кувырком,
?Я глянул, только рябь кругом.
Вздохнул я — и назад домой.
И много в ум запало мой
Дорогой разных поговорок.
Как глаз народный смел и зорок!
Про праздники как меток сказ!
Дурак рад празднику у нас.
Ему и горя ведь спола,
А умным это — кабала.
Не на ветер и эта речь.
*Чтоб дом от масляны сберечь,
Не надо в будущем году
Ходить у ней на поводу.
Попросим к рюмке, пусть пирует,
Да руку над собою чует,
Чтоб нам постом на черный плат
Опять потом не класть заплат.
Такой совет вам на поверку
Дает Ганс Сакс из Нюренберга.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ СО СЛЕПЦАМИ
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ входит и говорит:
Тилль Эйленшпигель имя мне.
Знаком немецкой всей стране.
Где простоваты, где не ждут
И редок плут, я тут как тут.
Когда ж, бывает, как сейчас,
Иду, не натворив проказ,
Тогда за городской рогаткой
Я чувствую себя прегадко,
Честь Эгельсгейму и почет.
10 Но вот кого-то черт несет.

Слепцы плетутся на карачках.
Скажу: вот талер вам в подачку,
При этом звуке слов моих
Втроем протянут руки вмиг,
А я не дам им ни гроша,
И примут на душу душа,
Что талер у другой в руках,
Ас тем и будут в дураках.
И Эгельсгейм не без забав.
20 Не бресть, не солоно хлебав.
ТРИ СЛЕПЦА, держась друг за друга, проходят мимо.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
Куда, куда, убогий люд?
Мороз сегодня ай как лют.
В медвежьей шубе, а прозяб,
А ваш наряд и вовсе слаб.
Одежа — звание одно,
Закоченеть немудрено.
Вам знать бы дом свой, худоба!
ЛЕРЛЬ, первый слепой, говорит:
Угла нет, барин, — не судьба.
Лишь побираясь, жизнь и тянем,
30 По хлебушко, за подаяньем.
И терпим в стужу и страду
Детишек слезы и нужду.
Повсюду поношенье нам:
Крестьяне гонят по шеям, —
В хлеву-де и без вас смердит,
И пес у мужика сердит.
Наплачешься, надавишь вшей,
Накормишь коркою мышей,
Как спишь в соломе скот-скотом,
40 Да ведь спасибо и на том.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
Так в город! Призрят нищету!
Линдль, третий слепой, говорит:
Нет, там мы на дурном счету.
Там почитают нашу братью
За лиходеев и за татей.
Пожар случится или кража,
Того гляди, поймает стража,
Отымут посох да суму
И упекут тебя в тюрьму.
Слепцу там каторга прямая.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
50 Я с болью в сердце вам внимаю.
Решил вас в Эгельсгейм направить.
Хочу вам талер предоставить.
В тепле пропейте талер тот,
Покудова мороз спадет.
У Ганса Вирта на заезжей
Набраться можно силы свежей.

Какой ночлег среди равнин?
ЛЕРЛЬ, первый слепой, говорит:
Спаси вас Боже, господин,
И в жизни вам воздай другой.
60 Такие деньги нам впервой.
К Ганс Вирту в Эгельсгейм пойдем,
Захаживали, знаем дом,
Остался в памяти у нас.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
Счастливо, братцы. В добрый час!
Все вчетвером уходят.
Входит ГАНС ВИРТ С женой и говорит:
Безвременье, в делах застой.
Торчи за стойкою пустой.
На кошек, что ли, будем стряпать?
Где взнос акцизный нацарапать?
А на носу платежный день.
ХОЗЯЙКА говорит:
70 И очень вздорожал ячмень.
Да редко пиво кто и варит.
ГАНС ВИРТ говорит:
И сам не хочешь, станешь скаред.
Задумаешься обо всем
И словно тронешься умом.
Когда поправка не наступит,
Какой предмет себя окупит?
Одно теперь раздолье свиньям.
ХОЗЯЙКА говорит:
Не унывай, дружок, не сгинем.
Бездетны, ну и передолим.
80 Гляди, никак слепые полем
И будто к дому напрямик.
ГАНС ВИРТ говорит:
Слепцы из первых горемык.
Таким гостям у нас отвад.
ХОЗЯЙКА говорит:
А прямо к нам и норовят,
И — чует сердце, видит глаз —
На счастье нам, с добром для нас.
СЛЕПЫЕ входят, ЛЕРЛЬ стучит палкою и говорит:
Тук-тук, тук-тук, чтоб Вирт услышал.
ГАНС ВИРТ говорит:
Да слышу. Вот он я, — не вышел.
Людль, второй слепой, говорит:
Дай Бог, чтоб все в хозяйстве спело.
90 Нам барин подал талер целый.
Ты, слышно, угощать горазд.
Пригрей, покамест стужа сдаст.
ГАНС ВИРТ говорит:
Добро пожаловать. Я сам
Рад услужить таким гостям.
Вчера свинью я заколол.

Хозяйка, колбасу на стол!
Бочонок пива прикачу,
И сядем, тоже есть хочу.
Прошу отведать, — сам шпигую.
Упишем, и на боковую.
Придвиньтесь к печке ноги греть.
У нас вам не пред кем робеть.
Хозяин и хозяйка уходят.
ЛЕРЛЬ, первый слепой, говорит:
Лафа нам, братцы, тут, слепцам!
Тепло бежит по изразцам.
Вперед наляг на колбасу,
А там на пиво, дуй вовсю.
Зальем нужду! Забудем зло!
Людль, второй слепой, говорит:
Вовек нам эдак не везло.
Пошли Господь за деньги эти
Тому кормильцу долголетья.
Видать, сорвал большую талью.
А то б мы денег не видали:
От выигрыша щедрость в нем.
Линдль, третий слепой, говорит:
У Вирта знатно мы всхрапнем.
Он домовод большой руки,
Такие и пуховики.
Как выйдет талер, снова в путь.
Теперь про старое забудь!
Не вынесет мужик добром,
Острасткою к стене припрем!
Не даст, возьми его чума,
По бревнам разнесем дома!
Хозяин, входит с биркою и говорит:
Вы шибко раскрутились, братцы,
Не грех бы нам и рассчитаться.
Я, так и быть, налью по кружке,
А то весь талер до полушки
И даже с лишним, почитай.
Чей талер, тот и подавай.
ЛЕРЛЬ, первый слепой, говорит:
У двух моих он односумов.
Людль, второй слепой, говорит:
Не говори вперед, не думав.
Линдль, третий слепой, говорит:
Не мне тот барин талер дал.
ЛЕРЛЬ, первый слепой, говорит:
Тогда возьми его провал.
Я талера не трогал тоже.
Линдль, третий слепой, говорит:
Врешь, — у тебя, а у кого же?
Давай, пока тебя, портянка,
Не вывернули наизнанку!
Людль, второй слепой, говорит:

Вытряхивай из затрапеза!
ЛЕРЛЬ, первый слепой, говорит:
Вы первые головорезы!
Что плохо клали, — мастера
Стащить с хозяйского двора
И прятаться востры, пролазы.
Людль, второй слепой, говорит:
Отдай монету, лупоглазый!
Держи, хозяин! Вот кто вор,
С него — потрава и прожор.
А нам в дорогу. Недосуг.
Хозяин хватает всех троих и говорит:
Куда! Всей сворой я вас, сук,
Запру и продержу в хлеву,
Пока с вас долга не сорву.
Вам дай, изгадите весь свет.
ЛЕРЛЬ, первый слепой, говорит:
Чего с нас взять! Закладов нет.
Хозяин выталкивает их вон и говорит:
Еще вы упираться, шельмы?
Проворней, воровские бельма!
Он уходит со слепыми.
Входит ХОЗЯЙКА и говорит:
Теперь их и раздень до нитки,
На целый талер мы в убытке.
Они не слепы, я — слепа:
Не видела, что шантрапа.
Теперь, да поздно, — дура, вижу.
Входит ГАНС ВИРТ и говорит:
Я говорил, — народ бесстыжий!
Карманники и объедалы.
ХОЗЯЙКА говорит:
А врали, — талер капиталу!
Разважничались, петухи.
Хозяин говорит:
А я не рад был ни крохи.
Да зло теперь не в том, другое:
Пустить их прочь без неустоя, —
Покоя деньги не дают;
Оставить — вовсе обожрут.
А кроме грязи, вшей и блох,
Что и возьмешь с таких в залог?
Возись-ка с ними. А придется!
Удавку б этому народцу!
ХОЗЯЙКА говорит:
Про них — молчок. Вот гость как раз,
Он прежде стаивал у нас.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ входит и говорит:
Почет, хозяин! Угол есть?
ГАНС ВИРТ говорит:
Найдется все, была бы честь.
Такому со столом квартира.

ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
А для какой ты твари сирой
Отвел свиной, я вижу, хлев?
ГАНС ВИРТ говорит:
Скажу ль, душой не поболев?
К нам три слепца вошли с поклоном,
Хвалились талером червонным, —
Случилось, будто, получить,
Пришли в трактире прохарчить.
Ну, что ж, наелись до отвалу,
А талера как не бывало.
Я их и запер, как скотину,
Чтоб выкупились до алтына,
А то и шкуру с них сниму.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
За что их мучить? Почему?
Схватил, ни в чем не улича!
Да чем ты лучше палача?
Таков же Яковлев слуга.
ГАНС ВИРТ говорит:
Ведь в хлев — не к черту на рога.
Заставить надо откупиться.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
Да ты ведь просто кровопийца!
А если бы из городских
Кто поручился бы за них,
Ты выпустил бы их на волю?
Хозяин говорит:
Минуты не держал бы доле!
И то ведь в тягость, — не могу.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
Тогда я мигом побегу.
Мы поручителя разыщем.
Неужто не услужит нищим
Из видных лиц какое-либо?
Хозяин говорит:
Вот я когда скажу спасибо!
Входит поп и говорит:
Неверие! Бедняк последний
И тот не стал ходить к обедне.
Пресвитера священный сан
В пренебреженьи у крестьян.
Бывало, всяк к себе под сень,
А ныне поклониться лень.
Да ну их, думать неохота.
Никак, ко мне по делу кто-то?
Из важных, видно по походке,
Возьму молитвенник и четки.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
Мир дому, пастырю и стаду.
Поп говорит:
Аминь, возлюбленное чадо!

ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
Отец, я к вам от Ганса Вирта.
Он тронулся умом от спирта.
Горячкою горит, родимый,
И мечется, как одержимый.
Слезами плачет, как благой,
Соседям мочи никакой.
Что ж, — полотенцами скрутили,
В квасную кадку посадили.
Хозяйка для беды такой,
Отец, тревожит ваш покой.
За исцеление от чар
Обильный обещает дар.
Я сам свидетелем тому.
Поп говорит:
Могу. Охотно подыму.
Оно не редкость для меня.
Работы будет на два дня.
Бог даст, избудем их беду.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
Я к вам хозяйку приведу.
Пусть убедится в вашей власти,
А то ведь не поверит счастью.
Эйленшпигель уходит.
Поп говорит:
Господь дожить меня сподобил
До часа, что для Вирта пробил.
Он к пиву воду подливал,
За все брал дважды, не зевал,
Товары отпускал с провесом, —
Вот он и мается под бесом.
Однако в доме что-то знобко.
Пойду подкину дров в подтопку.
Поп уходит.
Входит ТРАКТИРЩИК с женой и говорит:
Узнать не терпится, а ну-ка
Найдется не шутя порука?
Да вот, чуть речь, и сам как раз.
Смеется. Видно, впрямь нашлась.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ входит и говорит:
Сказал — найду, и в самом деле
Несчастных нищих пожалели.
Священник вызвался. Охоч
В два-три дня сроком вам помочь:
Пойдем, кума, и спросим снова.
Он все повторит слово в слово.
Хозяин говорит:
Коль так, то дело не во днях.
Сейчас же выпущу бедняг.
Втроем уходят.
Входит СВЯЩЕННИК и говорит:
В глазах сплываются слова.

От чтенья пухнет голова.
Коль паства к пастырю глуха.
Не зря и проповедь плоха.
Пословицу сложил не я,
Медь деньги, медь и лития.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ С хозяйкой входит и говорит:
Не подтвердите ли куме,
Какая мысль у вас в уме?
СВЯЩЕННИК говорит:
Про вашу слышал я нужду,
И послезавтра сам приду
И Вирта на ноги поставлю.
Сказал — приду, и не слукавлю.
Я саном дорожу своим.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ отвешивает поклон и говорит:
Скорей обратно побежим.
Спасибо за добросердечье
И за сочувствие к увечью.
Оба уходят. СВЯЩЕННИК говорит:
Послал служанку в хлебный ряд,
Да долго не идет назад.
Поди, опять народ буянит.
Пойти взглянуть, кто перетянет.
Уходит.
Хозяин входит и говорит:
Поп талер даст за шарлатанов?
Вот не поверю, сам не глянув!
А слава об отце святом,
Что скопидомом скопидом.
Как грош выкладывать, вперед
Три раза к свету поднесет.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ входит с хозяйкой и говорит:
Хозяин, выпусти, милюта,
Слепых из грязного закута.
Поп все устроит, не соврет,
Дороже, говорит, — приход.
Не правда, что ль, скажи, кума?
ХОЗЯЙКА говорит:
А как же, слышала сама.
Дня через два, сказал, я чаю.
ГАНС ВИРТ говорит:
Ну, ваше счастье, попрошаи.
Уж как нашли вам благодея,
Тогда и я держать не смею.
Тогда и разговор не тот.
Тогда и я вам доброхот.
Хозяин с хозяйкой уходят.
ЭЙЛЕНШПИГЕЛЬ говорит:
Давай Бог ноги, да скорее:
Сцепил с сидельцем иерея,
И их обоих, как фефел,
Вкруг пальца малого обвел.

Ужо меня не будет, жалко,
Как из-за денег выйдет свалка.
Да все узнаю, как опять
Приеду в Эгельсгейм стоять.
Чтоб след проделки замести,
Скажу за дверью вам — прости.
Эйленшпигель уходит.
Поп с розгами в руках входит и говорит:
Пора купца от наважденья
Отмаливать за награжденье.
Пугнем-ка розгой сатану.
Да вот он шлет за мной жену.
Входит ХОЗЯЙКА и говорит:
За талером я прибежала.
Что ваша милость обещала.
Супругу помните посул?
СВЯЩЕННИК говорит:
Какой он талер помянул?
ХОЗЯЙКА говорит:
Который за слепых в залог.
СВЯЩЕННИК говорит:
Ваш муж, я слышал, мозгом плох, —
Что завирается, не диво.
Да я нарезал свежей ивы,
Сейчас отправлюсь врачевать.
ХОЗЯЙКА говорит:
Вы вот как деньги отдавать?
Едва три дня, как дали слово,
Уже у вас и речи новы?
Уж вот и муж мой не в рассудке,
И вы лечить, и все за сутки?
Благодарю на похвальбе!
Поп говорит:
Ты тоже, тетка, не в себе.
Попутал, видно, окаянный,
Про чей-то талер мелешь спьяну,
А этот талер — грезы, чушь.
ХОЗЯЙКА говорит:
Так с вами потолкует муж!
Покажет предлагать пособье!
Не поглядит на преподобье!
Убегает прочь.
СВЯЩЕННИК говорит:
Ну, как не козни супостата?
Хозяйка тоже бесновата.
Грубьянит, — выдержать нет сил.
А чем я бабе насолил?
Слепые... талер... что за бредни...
И что-то обещал намедни...
Хозяин с вертелом входит и говорит:
Отец, где талер? Срок приспел!
Зачем совался, кто велел?

Не ври, что в сделке с сатаной!
Не дам ругаться над женой!
Давай скорее, самохвал.
Железный вертел ты видал?
Давай, советую, Иуда!
СВЯЩЕННИК говорит:
Брось прут, сосед, не вышло б худа!
Князь тьмы, дружок, в тебе сидит.
Не ты про талер, он гудит!
Брось палку, отчитаю дай!
ТРАКТИРЩИК говорит:
Слепцовы деньги отсчитай!
Какой мне прок в твоей отчитке?
Отвертываться все вы прытки.
Давай, коль жить на свете любо!
Не заговаривай мне зубы!
Давай, не наводи на грех!
СВЯЩЕННИК
Ой, братцы, караул, набег!
Спасите, режут, кум Гейнц Бирдопфф!
На помощь, друг любезный Дольгопф!
Вбегают мужики. БИРДОПФФ говорит:
Кто тут, к почтенным людям лазя,
Устраивает безобразье?
Поп говорит:
У Вирта повредился ум,
Вот он в сердцах и поднял шум.
Какой-то талер дать неволит,
Давай, орет, не дашь, — заколет.
А знал бы долгу я хоть пфенниг.
Фляйн ДОЛЬГОПФ говорит:
Ганс Вирт, не стыдно ль из-за денег!
Насквозь видать твое нутро.
Кто скуп, тому и бес в ребро.
Смотри, потом не будет сладу.
Сосед, тебе лечиться надо,
Покамест корня не пустил.
ГАНС ВИРТ говорит:
Поп талера не заплатил!
Не путайся в мою управу!
БИРДОПФФ говорит:
Опять все это он, лукавый.
Наш дружеский тебе совет:
Дай отведем домой, сосед,
Как сам бы ты, неравен случай,
Не прянул из окна в падучей.
Да и далеко ль до колодца?
А прыгать выдумки найдется,
Коль сдуру поднял этот гам.
ВИРТ говорит:
Отстань — уйди; не прыгни сам.
Поп должен талер мой отдать.

СВЯЩЕННИК говорит:
Придется вывесть и связать,
А дома, как он ни перечь,
В квашню, а то не устеречь,
Ступайте, милые, с соседом.
Я облачусь и тоже следом.
Силой уводят Вирта. Он отбивается и кричит.
Поп говорит:
Какое помраченье мозга!
Пойду-ка освящу я розгу!
Стяжанья бес в него проник,
Про талеры кричит на крик.
Изгнать его великий труд,
Как по себе найдет сосуд.
А первый признак этой порчи
Плаксивость, судороги, корчи.
Что это подлинная стать,
Ганс Сакса подпись и печать.
КОРЗИНА
РАЗНОСЧИКА

РАБОТНИК С кружкой входит и говорит:
Послал хозяин за вином,
А где достать, ни-ни о том.
Спасибо, помогли соседки:
Спрошу у пекаря в беседке.
Обедать сели; не подашь,
Головомойка, ералаш.
А только, голову сломя,
Поспеть за блюдами тремя.
Гляди-ко-ся! Перед таверной
Торгаш с своею благоверной!
Ну, как на диво не взглянуть!
РАЗНОСЧИК ставит наземь корзину и говорит жене:
Взвали-ка на плечи, и в путь.
РАЗНОСЧИЦА
Взвали! По рылу ль будет честь?
За то ль тебе корзину несть,
Не пропуская ни двора,
Что проигрался ты вчера?
Когда б ты так же, не усердней,
Смотрел за делом, как за зернью,
Давно скопили б мы запас,
И денежки б текли у нас
Не вон, не из сеней, а в сени.
РАЗНОСЧИК говорит:
Наслушался нравоучений!
Долбила ночь, звенит в ушах.
Хоть днем отстала бы на шаг.
Да разве зря играть я сел?
Я, дура, выиграть хотел.
Ну ладно, больше не пили.

Бывало, в те же короли
Какой приваливал барыш!
Про это ты не говоришь?
Ужо счастливей карту выну.
Ну, трогай. Подымай корзину.
Тащи. Не ранний час — обед.
РАЗНОСЧИЦА говорит:
Как есть отпетый дармоед!
Тащи! А я вот погожу.
Гнешь горб, а служишь картежу.
Тебя хоть семь потов проймет,
Все по ветру развеет мот.
Теперь, когда б не пуст карман,
^Купили б пряников, румян.
Иголок, ниток, бус, перчаток,
Пополнили бы недостаток.
Как спросит — нет, — мужик не ждет.
В базарный день какой расчет
В село без этого товара.
РАЗНОСЧИК говорит:
Ну, ладно, трогай, кончим свару.
Уж так и быть, даю зарок:
Я в карты больше не игрок.
Небось довольна, образина?
Ну трогай. Подымай корзину.
Что ж ты кобенишься при всех?
Не стыдно, что ли? Срам и смех.
РАЗНОСЧИЦА говорит:
Скажи-ка, дурень, сколько раз
Ты зарекался, как сейчас?
Зарок твой крепок, да пока
Не налетишь на игрока.
С лица он друг тебе и брат,
А сам тебя очистить рад.
Ты шалый: как увидишь кости,
Уж думаешь, что счастье в гости.
А у прохвостов на беду
Почище счастья вещь в ходу.
Обман тебе не по уму.
Вот и нищаем потому.
Пусть до тех пор стоит корзина,
Как карт не будет и помину,
А хочешь, сам неси пока.
РАЗНОСЧИК
Ну, поваляли дурака,
Пора и дело знать, жена.
Придут, увидишь, времена,
Богаты, сыты будем оба.
РАЗНОСЧИЦА
С тобой их не видать до гроба.
Пока ты жив, мне свет не мил.
Последнее чужим скормил.

Весь год до ночи, в зной, в погоду
Кряхти, а что с того доходу?
Что хожено и прето даром
По ярмаркам да по базарам!
Год — весь он вот, а всей поживы,
Что шерсти от овцы паршивой.
Добро б и это, а долги?
Подумай-ка и не солги.
А ты мне говоришь — корзина.
РАЗНОСЧИК
Слышь, Эльза, в том и ты повинна.
Тут и твоя рука, заметь,
Что мимо протекает медь.
РАЗНОСЧИЦА говорит:
Что все продул, моя рука?
Скажи, пропащая башка!
Ответь и не виляй, как пес.
РАЗНОСЧИК говорит:
Ну да, — лишь выйдем мы в разнос,
Суешь за пояс флажку с водкой
И бесперечь полощешь глотку.
Немудрено, что тяжело
С корзиной стало: разнесло.
Отъелась, ну и зад мясист.

РАЗНОСЧИЦА
Да как ты смеешь, брандахлыст,
Нахально придираться к заду?
РАЗНОСЧИК
А так, что нет с тобою сладу,
Кругом и моты и лентяи,
Одна она у нас святая.
А как ведь до вина падка!
Не вытащишь из кабака.
Мне мерки много, знаю честь.
Ей — две и пирогом заесть.
Ты думаешь, таким порядком
Спознаемся когда с достатком,
Я с картами, а ты за кружкой?
Мы на один покрой друг с дружкой,
И лучше б ты молчала, мать!
Давай корзину подымать.
Берись, я подопру плечом.
РАЗНОСЧИЦА
Не приневолишь нипочем,
Хотя б как чиж ты заливался,
Как козлик прыгал и лягался.
Пускай стоит, коль лень нести.
Мне в Форхайм, нам не по пути.
РАЗНОСЧИК сует ей корзину и говорит:
Тащи, тащи-ка, не толкуй.
РАЗНОСЧИЦА бросает корзину наземь и говорит:

Нет, сам потащишь, обалдуй.
Они хлещут друг друга мешками. Работник разнимает их. Они разбегаются, а РАБОТНИК возвращается за корзиной и говорит:
Бой-баба! Он понес урон.
Да я-то что ловлю ворон?
Ведь этак, делу посторонний,
Гляди, и полдник провороню.
Ну, помогай теперь проворство,
А то кишкам придется черство.
Он уходит. Входит господин с госпожою.
Господин говорит:
Куда пропал работник Гайнц?
Как видно, к виноделам в Майнц?
Ждем полчаса их благородья, —
Три четверти, обед в исходе,
Три блюда — это час в обрез,
А Гайнца нет как нет — исчез.
Но чем же занят он, однако?
ГОСПОЖА говорит:
Скорей всего петушьей дракой.
Наслушаемся отговорок.
Товар в питейных нынче дорог
И не по силам никому,
И Гайнц не сможет потому
Опять оправдываться давкой
Прислуги перед винной лавкой.
Да вот он, легок на помине,
Бредет честь-честью, рот разиня.
СЛУГА ГАЙНЦ подходит и говорит:
Благослови вас Бог вином!
Господин говорит:
Аминь! Ну а тебя — бревном!
Вот посылать кого за смертью!
Куда тебя носили черти?
Пока ты пропадал в подвале,
Мы рот сухою ложкой драли.
За то и я с тобою квит:
Авось и видом будешь сыт,
Но от обеда, не взыщи,
Остались кости да хрящи.
Не нам, себе будь благодарен.
РАБОТНИК говорит:
Ах, не серчайте, милый барин!
Тут любопытный вышел спор. .
Я — слушать, вот и не был скор.
Разносчица близ кабака
Костила мужа-игрока.
За то, что проигрался мот,
Корзины в руки не возьмет.
Он то да се, сначала лаской,
1бо Потом — резонами, острасткой,

Ну ладно, думает, — заставил.
А баба — женщина без правил:
Корзину обземь, и со слов
Дошел их спор до тумаков.
Друг дружку знатно б истузили,
Когда бы их не растащили.
Помог я, розняли ватагой.
Чуть встали, друг от друга тягу.
Вот этим-то и был я занят.
ГОСПОЖА говорит:
Ну что ж, за дело. В пользу станет.
Разносчик предостережен.
Проигрываться не резон.
Будь торгашихой, я шаталу
Еще не так бы отчитала.
И тоже б не взялась за гуж.
Господин говорит:
Будь я той торгашихи муж,
То, даже больше проиграв,
Не позабыл бы мужних прав.
Я б настоять на том сумел.
Носить есть женщины удел.
Возьмешь ли носку или роды,
Она носильщик от природы,
Да и закон на то один:
Кем дом стоит, тот господин.
Пускай и носит, не переча.
ГОСПОЖА говорит:
На это вот что я отвечу.
А если, скажем, тряпка муж,
И прочим не взял чем к тому ж?
За что ему такая честь?
Не след ли тут корзину несть
Такой породе человечьей?
Господин
А чья порода, я отвечу,
В нарядах, сшитых для соблазна,
Срамит своих мужей заглазно?
Увешается до коленок,
Потом сбывает за бесценок,
И снова — ленты, веера.
Не ваша это ли сестра?
Такой корзина не по чину?
ГОСПОЖА говорит:
Учить такую есть причина:
Тайком от мужа позади,
Хозяйству в доме не вреди.
Такой корзина и по праву.
Господин говорит:
А ты-то многим лучше, пава?
Я б показал, кто голова!
Навьючил бы, как дважды два!

Сама б взяла, не отвертелась.
ГОСПОЖА говорит:
Мне б это посмотреть хотелось.
Насчет корзины ты напрасно,
Я совершенно не согласна.
Не тронула б, и кончен бал.
Господин говорит:
А ежели б я приказал?
Уж я б прибрал тебя под ноготь.
ЖЕНА
И все равно не стала б трогать,
Хоть десять раз бы подобрал,
Когда б ты деньги проиграл.
Господин говорит:
И ты б ослушалась? Ответь!
ЖЕНА
Не стала б даже я глядеть
Ни на тебя, ни на поклажу.
Господин говорит:
Вот я затылок те наглажу,
Ты будешь, дьявол, рассуждать!
ГОСПОЖА говорит:
Попробуй, только раз погладь.
Набрасываются друг на друга с кулаками.
ГОСПОЖА кричит:
Вот я дружкам своим пожалюсь,
Что бьешь всем на смех, чтоб сбежались.
Господин говорит:
За злой язык тебя я бью,
За прыть, за дерзость за твою.
И до тебя жил не в грязи.
ГОСПОЖА говорит:
Ну, что же оробел? Тузи.
Оба убегают. РАБОТНИК говорит:
Я в жизни ко всему привычен,
А сколько слез и зуботычин!
Должно, своя причина в этом:
Корзина, надо быть, с секретом.
Вперед, как с воли прибегу,
Про то, что видел, ни гуту.
Входит КУХАРКА с уполовником и говорит:
Скажи-ка, Гайнц, ты тут вертелся,
С чего сыр-бор их загорелся?
Я тут служу девятый год
И знаю хорошо господ.
У них не только что баталий,
Размолвок люди не видали.
В довольстве жили, без помех.
Так что ж их навело на грех?
РАБОТНИК ГАЙНЦ
Пошел я покупать вино.
У кабака — полным-полно.

Об чем шумят? Я — остановку.
Торговцу говорит торговка:
«Ты проигрался, и отлично.
А я носить товар отвычна.
Бери корзину, мне не жалко».
Тут и случилась перепалка.
Я это нашим по порядку, —
Смеется барыня украдкой:
«Хвалю разносчицу за нрав.
Пусть гнет загорбок, кто неправ».
И был бы барину урок,
Когда б он тоже был игрок.
Так с этой ивовой плетушки
И перешли на колотушки.
Цена ж корзине — медный грош.
КУХАРКА
И я стояла бы за то ж,
За правый, торгашихин суд.
Пусть те корзину понесут,
Кто деньги зря мотать не слаб.
РАБОТНИК
Нет, у меня ты понесла б.
Когда б я был твой муж законный,
Учил, что мочи есть, до стону б.
КУХАРКА
Кого? Меня?
РАБОТНИК
Тебя.
КУХАРКА
Слабенек.
Под лавку сунула б, как веник,
И на тебе, приткнув корытом,
Болтушку б съела с аппетитом.
РАБОТНИК
Опомнись! Я тебя, кощунья!
Сейчас же подбери-ка слюни!
Да будь таких вас трое даже,
Не бойся, будь покойна, — слажу!
Скажи, откуда что берется!
КУХАРКА
У, гад! И он туда ж, бороться!
Чем сопротивишься тому,
Как пыль столбом я подыму?
Да я и не твою корзину,
Тебя, как сумку, наземь скину.
Свалю, вот и лежи во рву,
А то и ухо оторву.
РАБОТНИК ГАЙНЦ
Молчать! Заткни сейчас же глотку,
А то — сапожною колодкой,
Да так, что засквозишь, как сито.
КУХАРКА

Есть и у нас, не лыком шиты.
Да жаль мою свинья стащила,
Сейчас бы съездила по рылу.
Я б навела тебя на путь,
Кому из нас заплечье гнуть.
Ты под корзиной погулял бы!
РАБОТНИК
Нет, ты б побегала, кувалда!
С тех пор как в мире грешено,
Ты срама понесла пятно.
А про тебя толкуют глухо,
Что и не то носила, шлюха.
Тебе корзина и под стать.
КУХАРКА
Не смей, охальник, облыгать!
Нет, так нельзя того оставить,
Чтоб имя женское бесславить.
Расправлюсь, ни на что не глядя.
Невежа, — ну и будь в накладе.
Дерутся чем попало, пока она не убегает.
РАБОТНИК
Во сне не снится столько зла,
Что та корзина принесла.
До каждого дошел черед.
Подумать — просто страх берет.
Вот и меня попутал черт.
А уполовник ах как тверд!
Да и кухарка драться зверь.
Не верь пословицам теперь.
А с делом как слова сошлись:
В чужую драку не вяжись.
И раньше б вас предупредили,
Когда б Ганс Сакса вы спросили.

ФЮНЗИНГЕНСКИЙ КОНОКРАД И ВОРОВАТЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

Входят три мужика. ГАНГЕЛЬ ДЁЧ говорит:
Почтеннейшие, сельский сход
Большой нам оказал почет.
Дано нам обсудить и взвесить,
Когда злодея нам повесить,
Что всем вредил, а у меня
Угнал солового коня.
Теперь он в башню заперт, вор.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ говорит:
Со мной недолог разговор:
Не ждав поимки, конокрада
Уже повесить было надо.
Того, что съест, не возвратим.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ говорит:
Ну прямо в точку, побратим!

Уже на языке вертелось.
Ты то сказал, что мне хотелось.
Трех геллеров не стоит вор.
ГАНГЕЛЬДЁЧ
По мне, составить приговор,
Чтоб в понедельник был повешен.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Соседушки, ваш суд поспешен.
У виселицы мой ячмень.
Коль вора вешать в этот день,
Толпой сойдутся в ячмене
И урожай потопчут мне.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ говорит:
По чести, правда ведь его!
Тут и мое прощай жнитво:
От виселицы ведь налево, —
Сообразил, — мои посевы.
Отца наследственный прирез.
Оно и мне не интерес
У поля собирать народ.
ГАНГЕЛЬДЁЧ
Тогда один у нас исход:
Отложим казнь до лучших дней,
Как будет убран хлеб с полей.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
А правда ведь его, — смотри:
Недолгий срок недельки три.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Ну нет! Коль жить его оставить,
Кому харчи на вора править?
В одну неделю глот свиной
Нам в десять крейцеров ценой.
Да видишь, жалуется, — мало!
ГАНГЕЛЬДЁЧ
А мы отучим жрать с нагалу,
Толстить каналью мало толку.
Мы корм заложим выше полкой.
Пусть с тела поспадет пока,
А то не выдержит пенька.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
А что, скажу, соседи, — коли
На время дать бы вору волю?
Чем зря откармливать бродягу,
Заставим вора дать присягу,
Что сам, как месяц истечет,
Без зову вешаться придет.
Тем временем вкруг костыля
Убрать успели бы поля, —
Чистехоньки б кругом стояли.
Линд ЕЛЬ ФРИЦ
Умней исход найти едва ли.
Мы так и жатву сохраним,

И нянчиться не надо с ним.
И казнь, как это обмекнешь,
Не обойдется нам ни в грош.
А, Гангель, какова затея?
ГАНГЕЛЬДЁЧ
Осталось опросить злодея,
Годятся ли ему условья,
А то не выдумать толковей.
Пускай, покамест хлеб не снят,
Идет куда глаза глядят.
Ступай-ка, Лёль, за ним в тюрьму.
Уладим эту кутерьму.
Придешь, — расспросим самого.
Держи, как будешь весть его!
Штеффель Лёль уходит.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ говорит:
А, Дёч, что скажешь, — какова
У Штеффель Лёля голова?
ГАНГЕЛЬ ДЁЧ
Никак бы прежде не сказал,
Какую сметку показал!
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Пора тебе бы, Гангель, знать,
Что с Лёлем не равняться стать
Деревни нашей дуралеям.
Он подал мысль — столярным клеем
Сводить накаты в храме Божьем.
Живи он в Мюнхене, положим,
Он даром бы не пропадал,
Давно б в совете заседал.
Штеффель Лёль приводит вора на веревке.
ГАНГЕЛЬ ДЁЧ говорит:
Уль Фризинг, ратуша села
Поставила сего числа
Пустить тебя совсем на волю
На месяц, до уборки поля.
Тебе ж не пропадать в пути,
Но после жатвы в срок прийти
И в пору дать себя повесить.
Подумай, Уль, ты должен взвесить.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ прибавляет:
Уль, уговор наш будет строг.
Подумай, обернешься ль в срок.
Мужики удаляются.
Вор рассуждает сам с собой:
Ну и народ! Божиться смею,
Что в жизнь не видывал глупее.
Недаром складывали слово,
Что фюнзингенцы безголовы.
Могли б в минуту вздернуть Уля
И вздернули бы, не смигнули,
Да вот пускают, вишь, на время.

Я поклянусь святыми всеми.
И то, язык от клятв не сохнет
И слово пуху не шелохнет.
Дам клятву, в клятве нет труда,
Да и не покажусь сюда.
Уйду, куда вступных не просят
И ворон кости не заносит,
А то смягчусь и навещу
И что-нибудь опять стащу.
Ну, а теперь ответим сходу.
Покочевряжусь для отвода
И буду с ними так надут,
Что даже денег мне дадут.
Мужики возвращаются.
ГАНГЕЛЬ ДЁЧ говорит:
Ну, Уль, по совести, без лжи
Свое решенье изложи.
КОНОКРАД
Вот, сельской ратуши мужи,
Скажу, не хвастая, без лжи.
Я миру подчинюсь во всем
И, как управитесь с овсом,
Вернусь в день казни аккурат,
В чем клятвой обязаться рад.
Но вот, примите в рассужденье:
На чьем я буду изждивеньи?
Вседенно просит есть душа,
А за душою ни гроша.
Когда я снова стану красть,
В ином селе иная власть
Меня поймает, слушать будет
И там же к вешанью присудит.
Я не смогу прийти обратно
По слову клятвы аккуратно.
Про Уля будут думать худо,
И мне один позор отсюда.
Опять же, например, начни
Я побираться эти дни,
Об этом разнесутся вести,
Деревне не было б бесчестья.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ говорит:
Давай подумаем, ратманы.
Он дело молвил, без обману.
Пустить молодчика с сумой
Позор для общины самой.
Поддержим парня, братцы, ну-ка.
Ведь крейцер на душу не штука,
А нас земельных тридцать тут.
Коль все по крейцеру дадут —
Вот и полгульдена. Покуда
Даю я эти деньги в ссуду.
Вот, братец, деньги. Получай

И вверх два пальца подымай.
Дай клятву, что придешь опять
Чрез месяц, чтобы казнь принять.
КОНОКРАД поднимает два пальца и говорит:
Приду, всего дороже честь,
Но и верней порука есть.
Возьмите красный мой картуз
В залог того, что я вернусь,
Минуты мешкать не позволю,
И дам себя повесить в поле.
ГАНГЕЛЬДЁЧ
Мы вот что, Уль, предполагаем.
Как уберемся с урожаем,
И ты, хитрец, да не придешь.
Тогда всем обществом за ложь
Тебе на месте том разъезжем
Мы уши наперед отрежем,
И лишь с увечием таким
Урочной казни предадим.
Прими к вниманью эту пеню.
КОНОКРАД
Да что вы, бросьте опасенья!
Не дорог, что ли, мне картуз?
Я раньше времени вернусь.
ГАНГЕЛЬ ДЁЧ говорит:
Ну, вот мы и пришли к согласью.
Беги, дружок, желаем счастья,
Да только ворочайся в срок.
Конокрад убегает.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ говорит:
Как уговор наш ни был строг,
А слово вора вышло строже:
Такая вещь не шутка тоже,
Ей девять крейцеров цена.
Картуз, как сельский старшина,
Себе возьму я в сохраненье.
И грех ли, если в воскресенье
Надену я его разок?
А в будний день избави Бог.
Для будней приберег другую.
Когда ж вернется вор, сторгую.
ГАНГЕЛЬ ДЁЧ
Осталось сделать оглашенье
Про наше с вором соглашенье.
Нас по достоинству уважут:
Вот изворотливые! — скажут.
Уходят.
ВОР входит, крадучись, в голубом камзоле и говорит:
Боялись эти дуралеи,
Что я вернуться не успею,
А у меня настолько чести,
Что сделал поворот на месте.

Еще и солнце не зашло,
А я наведался в село.
У Линдея пропал козел,
У Лёля — голубой камзол.
Достаточный для них предлог
Опять поднять переполох?
Я с этим в Мюнхен побегу
И там на рыночном торгу
Спущу попутную добычу,
Как у меня на то обычай.
С крестьян довольно картуза.
Залог хороший, за глаза.
Я шапки не спрошу обратно:
Народ уж очень неопрятный.
Пусть носят вещь и Уля ждут
До жатвы и когда сожнут.
Мой хлеб разбойничья потеха.
К другому не причислен цеху.
Из всякой потасовки вдруг
Как из воды я выйду сух.
К тому и поговорка клонит:
Тот, говорят, в воде не тонет,
Кому на виселице быть.
А с тем и нечего тужить.
Конокрад скрывается. Входят ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
И ГАНГЕЛЬДЁЧ.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ говорит:
Уж жатва убрана почти,
А вор не думает идти.
Когда он в срок не возвратится,
То может с шапкой распроститься,
Мы картуза не отдадим,
Кого б ни посылал за ним.
ГАНГЕЛЬДЁЧ
А вот и Штеффель, ах как скор,
Пригнал, видать. Домой вечор.
Он в Мюнхен ездил, и с путей.
Расспросим, нет ли новостей.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Где, Штеффель, пропадал досель?
Не слышал ли про вора, Лель?
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
А как же, виделись вчера.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Что ж не позвал его? Пора.
Вчерашний день, поди, истек
Весь льготный конокрадов срок.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Подумал было, — не посмел.
Своих у вора много дел.
ГАНГЕЛЬ ДЁЧ
Уж и дела у твари сучьей!

ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Выходит на базар толкучий,
Старье и рухлядь продает
И честным промыслом живет.
Цены не ломит, знает меру.
Я у него купил, к примеру,
Вот этот голубой камзол.
И приглянулся мне козел.
Купил бы по своей охоте,
Да только не сошлись мы в счете.
Двенадцать крейцеров просил.
А то точь-в-точь как твой трусил
И тоже не хватало рога.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Постой, ведь мой ушел, ей-богу!
Недели три, порукой честь!
Тут, верно, совпаденье есть.
Похоже, моего козла
Увел разбойник из села.
Что ж ты не сдал его властям?
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Тогда б и вешать стали там.
Мы б головы его лишились.
Уж он из петли бы не вылез.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
А ты не пособил немножко?
Поди, устроили дележку?
Ему достался мой козел,
А ты взял голубой камзол.
Ты тоже праведник лишь с виду.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Не ври, ответишь за обиду.
Тринадцать крейцеров отчел.
ГАНГЕЛЬДЁЧ
А залит пивом как камзол!
С плеча кабатчика, похоже.
А пуху, перьев что в одеже!
Ты б малость пообмел метлой.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Зато как раз по мне покрой,
Я вещь не для парадов прочу, —
Для обиходности рабочей.
Для праздников есть дома свой,
Как раз как этот голубой.
Пойти взглянуть, намного ль лучше.
Тьфу, провались ты, что за случай!
Ведь это он, да как знаком.
Украден, знать, с твоим козлом.
ГАНГЕЛЬДЁЧ
Проверь-ка толком, знака нет ли.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Да вот: нет пуговицы к петле.

И как же надо мной, пострел,
Он насмеяться так посмел?
Своей одежи не признал!
Ведь знал чем взять, дешевкой взял,
Взял, даровщинкой огорошив,
Взял тем, что синь камзол и дешев.
Ну, что же, я зевать не стал,
Скорее деньги отсчитал
Да шмыг в толпу. На этот раз он
За дело, стало быть, наказан.
ГАНГЕЛЬДЁЧ
А как ты вора наказал?
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Он еле-еле поспевал.
К нему шел покупатель лавой.
Сдавал налево и направо
Отбою не было от них.
Я улучил удобный миг.
Вот тут ему и вышла кара, —
Я взял тайком перчаток пару:
Подумалось, переплатил, —
В приклад к камзолу прихватил.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Выходит, вор украл у вора.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Да что ты, взял лишь для добору,
Чтоб тем камзол дешевле стал.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Я это кражей и назвал.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Тогда послушай, друг ты милый,
Тебе не памятны ли вилы,
Которыми слоил навоз?
Не у меня ль ты их унес?
И точно, брать и отдавать
Совсем не воровская стать.
Что это с правом говорится,
Видать по Линделю по Фрицу.
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Коль, Штеффель, ты на этот счет,
Так поздно, делу скоро год.
А ежели ты так остер,
Я нынче плюнул и растер,
Да завтра не отвел бы злобы.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
А ну-ка, только тронь, попробуй!
Дам сдачи, чтоб тебя чума...
Вбегает ГАНГЕЛЬ ДЁЧ и говорит:
Да вы никак сошли с ума.
Забыли, видно, костоправа,
И понятых и штраф в управу?
Ведь так и череп пополам.

Ну, след ли драться по скулам
За слово, хоть бы и с укором?
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Зачем меня зовет он вором?
Чем звать, вперед спроси людей:
А может, я тебя честней.
ГАНГЕЛЬДЁЧ
Да как сказать, какой достойней.
Вы, братцы, думается, двойня,
И оба на один покрой.
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
Гляди-кось, праведник какой!
За честность, знать, у нас ославлен?
ГАНГЕЛЬ ДЁЧ
На что, скажи, намек направлен?
Не про железную ль ты шину?
Тогда нет лаяться причины.
Не сам ли ты меня силом
Заставил заплатить за лом?
Чай были, помнят очевидцы.
Да чтоб те шиной подавиться!
Иди-ка с Богом, — полосну!
ШТЕФФЕЛЬ ЛЁЛЬ
А я так и насквозь проткну.
Подумаешь, какой он страшный!
ЛИНДЕЛЬ ФРИЦ
Не миновали рукопашной!
Кровавая свалка.
Входит КОНОКРАД С картузом в руках и говорит:
И ловки рвать те мужики
Чубы и бороды в клоки!
Давно слежу за буйной склокой
Из-за плетня неподалеку.
Не видывал людей разгульней.
Зато и кончилось цирюльней.
У Линдля Фрица под спиной
Рубец в три пальца шириной.
Не мал и Гангель Дёча вред
Со всей душою приугрет.
Два друга в губы лобызали,
Все зубы Гангля видны стали.
У Лёля брадобрей не мог
На ране затянуть платок,
Решил заняться кровопуском,
Но лишь забила кровь огузком,
Как носом Лёля тем же часом
Два зуба вышли вместе с мясом.
Меж тем как бой у них кипел,
Я свой картуз найти успел,
Знать, Линдель в драке потерял, —
Середь дороги подобрал.
Вот я и заявился в срок

И получил назад залог.
Сдержал обет, который дан,
Могу по праву у крестьян
За честь свою и постоянство
Просить принять меня в крестьянство.
Что стойло, бают, то и скот.
Пускай обсудит сельский сход,
Достоин жить я с ними вместе
Иль не заслуживаю чести.
Он, думается, не откажет,
Такой тут ум великий нажит.
Еще мы пить деревней станем
За то, что ту же лямку тянем,
И глупость пиром небольшим
По Гансу Саксу завершим.

УОЛТЕР РАЛЕЙ

СЫНУ

Три вещи есть, не ведающих горя,
Пока судьба их вместе не свела.
Но некий день их застигает в сборе,
И в этот день им не уйти от зла.

Уильям Шекспир

Те вещи: роща, поросль, подросток.
Из леса в бревнах виселиц мосты.
Из конопли веревки для захлесток,
Повеса ж и подросток это ты.

Заметь, дружок, им врозь не нарезвиться.
В соку трава и лес и сорванец.
Но чуть сойдутся, скрипнет половица,
Струной веревка и юнцу конец.

Помолимся ж с тобой об избежании
Участия в их роковом свиданьи.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

СОНЕТ 66

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живется богачу,
И доверять, и попадать впросак,
И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,

И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,
И вспоминать, что мысли заткнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.
Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

СОНЕТ 73

То время года видишь ты во мне,
Когда из листьев редко где какой,
Дрожа, желтеет в веток голизне,

А птичий свист везде сменил покой.
Во мне ты видишь бледный край небес,
Где от заката памятка одна,
И, постепенно взявши перевес,
Их опечатывает темнота.
Во мне ты видишь то сгоранье пня,
Когда зола, что пламенем была,
Становится могилою огня,
А то, что грело, изошло дотла.
И, это видя, помни: нет цены
Свиданьям, дни которых сочтены.

СОНЕТ 74

Но успокойся. В дни, когда в острог
Навек я смертью буду взят под стражу,
Одна живая память этих строк
Еще переживет мою пропажу.
И ты увидишь, их перечитав,
Что было лучшею моей частицей.
Вернется в землю мой земной состав,
Мой дух к тебе, как прежде, обратится.
И ты поймешь, что только прах исчез,
Не стоящий нисколько сожаленья,
То, что отнять бы мог головорез,
Добыча ограбленья, жертва тленья.
А ценно было только то одно,
Что и теперь тебе посвящено.

ЗИМА

Когда в сосульках сеновал
И дуют в руки на дворе,
И Том дрова приносит в зал,

И мерзнет молоко в ведре,
И стынет кровь, и всюду грязь,
Заводит сыч, во тьму вперясь:

Ту-гу!
Ту-ит, ту-гу! Ну и певун!
Вся в сале, Анна трет чугун.

Когда от кашля прихожан
Не слышно пасторовых слов,
И птицы хохлятся в буран,
И у Марьяны нос багров,
И прыщут груши в кипятке,
Заводит филин вдалеке:
Ту-гу!
Ту-ит, ту-гу! Ну и певун!
Вся в сале, Анна трет чугун.

МУЗЫКА

Лирой заставлял Орфей
Горы с гибкостью ветвей
Наклоняться до земли.

На призыв его игры
Травы из земной коры
Выходили и цвели.

Все, что слышало напев,
Никло ниц, оторопев,
И смирялась моря гладь.

Музыка глушит печаль.
За нее в ответ не жаль,
Засыпая, жизнь отдать.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Шаги зари заслышав, с перепугу
Непрочный сон ресниц моих бежал.
Как утро свеж, покинул я лачугу
И горный путь до света продолжал.
Тонули ноги в сонной неге луга,
Бурьян в росе купался и дрожал,
Зажглась заря, и все кругом, пьянея,
Делиться звало упоеньем с нею.
Меж тем, как я всходил, из долу, с поем
Пополз туман. Он крался, рвался, рос,
Плескал волной, и вдруг, сгустясь застоем,
Лег сединой вокруг моих волос.
Не стало гор. Туман застлал лицо им.
Угрюмой мглой и я кругом оброс.
И вот я облит тучами и, мнится,
Один с собою заключен в темницу.

Был миг — я ждал: вот-вот, одним прорывом

Развалит солнце дымные пласты.
Спадала мгла и стлалась по обрывам,
'Кой-где рвалась, цепляясь за кусты,
Я солнце ждал найти вдвойне красивым
По временном затменьи красоты.
Еще у света с тьмою шло боренье,
Вдруг блеск иной, сверкнув, затмил мне зренье.

Когда ж опять я ощутил отвагу
Открыть глаза, то было в муку мне
Глядеть на долы, тлевшие сквозь влагу,
И выси гор, горевшие в огне.
Вдруг облака пошли нести ватагой
'Виденье женской тени к крутизне.
Блеща красой, немыслимой на свете,
Замедлила полет, меня заметя.

«Не узнаешь? — произнесла устами,
Дышавшими любовью. — Не узнал?
А я ведь — та, в чьем неземном бальзаме
Иной твой шрам житейский заживал.
На что еще, как не на связь меж нами,
Ты с детских лет так свято уповал?
В далеком прошлом не в слезах по мне ли
}Я заставала мальчика в постели?»

«Да! — я вскричал, на землю упадая. —
Я — твой давно. Ты родилась не вдруг.
Ты мне чело студила в зной, когда я
Ловил на лбу небесных крыльев пух,
Когда любовь, как буря молодая,
Отбушевав, до дна взрывала дух.
Ты все дала, ничем не обделила,
Раздатчица всего, что сердцу мило!

Тебя не назову я. Как ни много
Тебя зовущих дерзостно своей,
Для глаз людей ты — мука и тревога,
Хотя и — цель для всех людских очей.
Я с ними жил... Нашел к тебе дорогу,
И вот один, без них бреду по ней...
Хотел пролить твой свет, чтоб видел всякий, —
А должен скрыть, замкнуть его во мраке».

«Суди ж теперь, — на те мои слова
С усмешкой отвечала, — не умно ли
От вас держаться в скрытности?.. Едва
'Вообразил ты, что владеешь волей
И что соображает голова, —
Сверхчеловеком мнишь себя, не боле!
Так велико ль от всех твое отличье?..
Познай себя и чти людской обычай».

«Не так толкуешь, — вскрикнул я, — прости!
Ужель напрасно видит это око?
Благой порыв таится во плоти,
Я понял смысл даров твоих высокий:
Они должны для ближнего расти,
] И я не властен их зарыть без проку.
Зачем всю жизнь искал к тебе пути,
Когда не с тем, чтоб братьев навести?»

Тем временем с участьем снисхожденья
Она на мне остановила взор.
Я узнавал себя в глазах виденья,
Читал себе двоякий приговор.
Но улыбнулась — и сошли все тени,
И ожил дух мой, и повлек простор.

Казалось, я приблизиться к ней вправе,
Свои сомнения и страх оставя.

И руку подняла она над краем
Впитавших запах пастбищ облаков.
В ее руках туман стал осязаем,
Поплыл за ней, мелькнул, и был таков.
Я глянул вниз: был дол неузнаваем.
Я глянул вверх: был свод далек и нов.
Одна она лишь, прячась в покрывало,
Сквозные складки платья волновала.

«Я знаю, чем за слабостями всеми
Твои движенья сердца хороши». —
(Звук этих слов мне памятен все время.) —
«Прими мой дар. Счастливец, кто в тиши
Владеет им, ничто тому не бремя.
Блажен, кто принял в простоте души
Поэзии покров благоуханный
От Истины, ее руками тканный.

Когда тебе с друзьями в полдень станет
Невмочь дышать, над ними им повей;
Тотчас вечерней свежестью потянет,
'На вас пахнет, нахлынув, ветр с полей,
Могила ложной жутью не обманет,
Не больше тучи, тающей над ней,
Слепая ярость жизни усмирится,
День станет кроток, ночь дохнет зарницей».

Придите же, друзья, когда дорогой
Вам станет трудно бремя дней нести
Или когда удача как из рога
Свои цветы рассыплет по пути.
Навстречу дням грядущим выйдем в ногу

'И будем жизнь счастливую вести.
Когда же всех оплачут нас, то внуки
Любовью нашей будут жить в разлуке.

ТАЙНЫ
(ФРАГМЕНТ)

К необьгчайной песне приступаю.
Склоните слух к ней. Всякому почет!
Извилисто ползет стезя крутая,
Где — меж теснин, где волею течет,
Где пропадает, в чаще утопая.
Но нам и тут теряться не расчет:
Не сбились мы, — и, выйдя из ущелий,
Мы в верный срок очутимся у цели.

Но не старайтесь силою понятий
Прямой разгадки песни всей добиться.
Иных она смутит, для многих — кстати,
Но будет всем на пользу углубиться.
Значеньям нет числа, их не обнять ей,
Так мать-земля на тьмы цветов дробится.
Кой-что сумеет вынесть всяк во благо.
Родник про всех скитальцев точит влагу.

Голодный, покорившийся невзгодам,
При посохе, паломником одет,
Измученный тяжелым переходом,
Внушенным свыше, чтимым как обет,
Спустился в лог пред солнечным заходом
Брат Марк, и хоть стези терялся след,
Но верою проникся он, что тут-то
Он и найдет ночлег себе как будто.

Он открывает, присмотревшись к глыбам,
Пропавший след. Он еле отличим.
Подъем идет обрывами, изгибом,
Тропа ведет к хребту путем кружным.
Он — на скале. Утес поднялся дыбом,
И — снова солнце, снова даль пред ним.
С восторгом замечает он, как мало
Осталося ему до перевала.
А рядом — солнце между туч стоячих
Еще в сниженьи попирает их
Собравши силы, Марк спешит напрячь их,
Мгновенье — и вершины б он достиг!
Там, у конца его трудов горячих,
Решится, нет ли тут следов людских.
Он переводит дух: за высшей вехой
Трезвон колоколов разносит эхо.

Взобравшись на утес, он видит: сбоку
Лощину приукрыл крутой отвес.
Он смотрит вниз, и счастьем блещет око:

Там дом стоит! Садясь за ближний лес,
В мгновенье это солнце издалека
Шлет в окна отблеск гаснущих небес.
То — монастырь. Горя от нетерпенья,
Туманным лугом он спешит к строенью.

Уж он у стен, простую душу эту
Объемлющих святою тишиной.
Над аркой входа — странная замета.
Он поражен эмблемою стенной.
И он стоит, шепча слова обета,
Звучащие в душе его одной,
Стоит и, размышляя, торопеет.
Меж тем садится солнце, звон слабеет.

Знакомый символ на дверном забрале.
Тот знак, в который с верой в благодать,
С мольбой вперялось столько глаз в печали,
Который стольким стойко дал страдать,
С которым рати в поле побеждали,
Который смертью смерть сумел попрать.
Животворящий ток его пронзает,
Он видит крест и взоры потупляет.

Он чует вновь, какой завет дарован
Полмиру им. Он вновь, как прозелит,
Каким-то новым чувством очарован,
Глядит на крест. Необычайный вид!
Крест розами увит и облицован.
По чьей он мысли розами увит?
Сухую строгость символа волнуя,
Гирляндой розы льнут к нему вплотную.

И облака из серебра, витая,
Кресту, как розы, служат оторочкой.
Из середины брызжет мощь святая
Тройных лучей, одной разлитых точкой.
Девиза нет, и, ясность отметая,
Щит не осмыслен ни единой строчкой.
Смеркается. Он всё еще пред зданьем,
Сраженный молчаливым назиданьем.

Уже в виду горящих звезд, он позже
Стучится наконец в врата ограды.
Ворота — настежь, будто ждан прохожий,
К нему простерты руки, гостю рады.
Он говорит, отколь веленье Божье
К ним шлет его. Он приковал их взгляды.
Все слушают, отдавшись обаянью
Пославшего, посланца и посланья.

К нему теснятся, каждый слышать хочет.

Тая дыханье, весь их круг притих,
Все силятся свой дух сосредоточить
На родственности слов его простых.
Как если бы младенец стал пророчить,
Так действует его рассказ на них.
Он кажется им в искренности этой
Каким-то существом с иной планеты.

«Пожалуй к нам; ты — вестник утешенья! —
Старейший восклицает. — В добрый час!
Ты видишь нас с печатью огорчений,
А сам, меж тем, нас радостью потряс.
Не удивляйся. Нам грозит лишенье.
Свой страх, свои заботы есть у нас.
В недобрый час дает приют подворье
Чужому: ты разделишь наше горе.

Знай!.. Муж, связавший всех нас воедино,
И в ком мы чтим отца и побратима,
Кто жизнь меж нас раздул как тлень лучины,
Покинет скоро нас. Неотвратима
Поведанная им самим кончина.
1 Он род и час ее — как ни проси мы —
Таит. И эта ясность роковая
Гнетет нас, неизвестное скрывая.

Гляди, мы все без исключенья седы,
Самой природой нам сужден покой,
Здесь нет того, кто б, не сбивавшись с следа,
Юнцом не в срок на жизнь махнул рукой.
Нет. Испытав весь хмель земного бреда,
Как парус наш оставил вихрь мирской,
Искать мы стали верного привала.
'Не раньше нам зайти сюда пристало.

В душе у благородного собрата,
Приведшего нас в гавань, редкий мир.
Я свыкся с ним, сопровождав когда-то
Его в миру, пред тем как кинуть мир.
Уж то, что он замкнулся — род утраты,
Но вскоре круг наш вовсе будет сир.
Что значит человек? Как он несчастен,
Что жизнь отдать за лучшего не властен.

Единственный предел моих желаний!
'Зачем оно без исполненья стынет!
О что их, отошедших в поминанья!
Но если он, и он меня покинет,
Как воздержусь от горького стенанья?
Ах, гость! Будь тут он, как бы ты был принят!
Но дом — на нас; не назван заместитель,
Хоть в мыслях и покинул он обитель.

Он каждый день средь нас часок короткий
Проводит, оживленней, чем когда.
Мы узнаем из уст его, как кротко
Был Промыслом брегом он от вреда.
Мы ценим эту повесть как находку,
И, чтобы не пропала без следа,
С рассказчиком садится брат радивый
Записывать со слов рассказ правдивый.

Признаться, часто с большею охотой,
Чем слушать, сам бы взялся за рассказ.
Я в нем привел подробностей без счету,
На памяти не меркнет их запас.
Следя за ходом повести с заботой,
Не удовлетворяюсь ей подчас.
В моих устах предмет, не меньше знача,
Расцвел немало б в лучшей передаче.

Как третий, не стесняясь изложеньем,
Я б рассказал, какая весть была
Родительнице пред его рожденьем,
Как в ночь крестин звезда была светла,
Как к голубям, бушуя опереньем,
На двор спустился коршун, не со зла,
Не хищником, не за живой добычей,
Но как бы стражем мира стаи птичьей.

Так, из стыда, он умолчал нам тонко,
Как мальчиком, застав сестру свою
Во сне, с змеей, обвившею ручонку,
Кормилицу ж, со страха на краю
Погибели оставившей ребенка,
Он взял рукой и задушил змею.
Мать, прибежав, не знала, как поверить,
Что дочь жива, и чем ей сына мерить.

Он также скрыл, как от удара шпагой
' Из камня ключ в горах пред ним забил;
Как он бурлил; как, пав на дно оврага,
Он оглушителен и буен был.
Теперь там речка так же брызжет влагой,
Как в день, когда он камень раздробил,
И спутники, деянья очевидцы,
Едва водой решались поживиться.

Когда природой кто-нибудь возвышен,
Нет дива, что во всем ему успех.
Что прах почтен, в том горний голос слышен.
Излишне выделять его из всех.
Но если им в самом себе утишен
Сам человек, он сам, тогда не грех
Его в пример показывать друг другу

С словами: вот он, вот его заслуга!

Бесспорно: смысл всех сил — ширять
в просторе
И посылать наружу свой разряд.
Меж тем мирской поток в своем напоре
Несет на нас цепь мчащихся преград.
Между душевных смут, во внешнем споре
1И слышим мы, что значит наш разлад:
От уз, в которых целый мир страдает,
Свободен тот, кто волю обуздает.

Как рано он черту усвоил, коей
Здесь имя "добродетель" — не к лицу.
Как возраст чтил! С готовностью какою,
Покоя старость, услужал отцу
В часы, как тот, его досуг расстроя,
Брал мальчика под строгую узду!
Ни дать ни взять — найденыш-побродяга,
'Служить за харч считающий за благо!

Сперва он пешим побывал в походах,
Бойцам пажом при стремени служа.
Стерег коней и стряпал на господ их,
Смотрел, чтоб их постель была свежа.
В посылках и в бегах, презревшим отдых
И днем и ночью видели пажа.
Привыкнув жить всегда другим во славу,
Он труд считал естественной забавой.

Точь-в-точь как в бой бросаясь, по-геройски,
Юн в сече стрелы подбирал с земли,
Спешил он после, от работы в войске,
За травами для тех, что полегли.
Он знал в них толк и применял по-свойски —
Все здравыми почесть себя могли.
Кто не сиял, любуясь со стремян им?
Один отец не баловал вниманьем.

Как кораблю нет тягости в балласте,
Как он не создан плыть порожняком,
Не тяготился сын отцовской властью
3 И как закона слушался во всем.
Как отрок — честью, как подросток — страстью,
Он — тягой чуждой воли был влеком.
Отец, изобретая испытанья,
Терялся меж похвал и приказаний.

Но сдался наконец и он, на деле
Свое признанье сыну доказав.
Куда все строгости девались, еле
Коснулся дома рыцарский устав?

Дареный конь и меч в его наделе,
0 Взамен услуг — раздолье новых прав,
И в орден он вступает, с утвержденья
Особых качеств и происхожденья.

Дни целые я мог бы до потемок
Повествовать, запас бы не иссяк.
Настанет время, эту жизнь потомок
Поставит вровень с лучшими из саг.
И что в стихах, где вымысел так громок,
При всей неправде трогает нас так,
Тем самым тут пленимся мы тем боле,
°Что эту быль проверить в нашей воле.
А спросишь ты, как избранного имя,
На чье чело луч взысканное™ лег,
Которого как я ни славь своими
Хвалами вечно истинной далек, —
Гуманус звать его, и меж живыми
Я б равного ему назвать не мог;
Я после разовью тебе дословно
Пути его старинной родословной...»
Сказал старик и продолжал бы дале,
Захваченный и сам волною притч,
А мы б потом недели коротали
За сказками — но тут раздался клич
Его собратьев, вышедших вначале
И заглянувших снова, чтоб застичь
Обоих в полной страсти этих былей.
Они вошли и старца перебили.
К концу обеда Марк поднялся с кресел
И попросил налить воды бокал.
Он выпил воду, всем поклон отвесил —
Пред этим Богу должное воздал, —
Затем, обласкан, угощен и весел,
Он отведен был в необычный зал.
Мы из чудес, подсмотренных случайно
В том зале им, не станем делать тайны.
Слепить глаза убранство не искало.
Был стрельчат все поддерживавший свод.
Тринадцать кресел по стенам стояло
При аналоях, сдвинутых вперед.
Их спинки и резные пьедесталы
Ласкали взгляд — безмолвный хоровод,
Свидетельствовавший о тихом месте,
О жизни сообща и благочестьи.
И столько же щитов у изголовий
Успел он счесть, охваченный вполне
Серьезностью немого инословья.
Казалось, что, прибитые к стене
Не спесью родовою, но любовью,
Они таят немалое на дне.
Между гербов он в среднем необычный

Знакомый крест меж роз узнал вторично.
Вот где душе с воображеньем — темы.
От вещи к вещи как отвлечь ее!
Там — над щитом блеск выпуклого шлема,
Здесь шпагой перекрещено копье —
Оружие, что подберем везде мы,
Где поле битвы прячется в репьё.
Тут — флаги, чуждых стран великолепье,
А там — сдается, кандалы и цепи.
Собранье поникает на колени
У кресел, руки на груди скрестив.
Зал наполняют тихие моленья,
Отрадой веры дышит их мотив.
Затем, благословясь пред удаленьем,
Уходят спать на краткий перерыв,
Другие остаются, и, во власти
Увиденного, Марк при этой части.
Как ни устал он, сон не привлекает:
Сильней — очарование картин:
Вот огненный дракон огонь глотает.
Вот кисть руки засунул паладин
В медвежью пасть и кровью истекает.
Щиты висели к среднему впритин,
И равный промежуток отделял их
От среднего креста меж гроздий алых.
«Ты к нам пришел чудесными путями, —
Заговорил старейший с ним опять. —
Тебя без слов зовет остаться с нами
Язык щитов. Догадкой не узнать
Их прошлого. Доверье это сами
Тебе успеем после оказать.
Но ты не ошибешься в ожиданьях,
Ждав повести о мужестве в страданьях.
Не думай, что старик лишь о старинном
Ведет рассказ. Здесь жизнь идет своя,
И, придавая новый смысл картинам,
Вздымает их, как покрывал края.
Когда ты приготовишься, скажи нам,
И будешь принят в тайники жилья.
Пока же ты находишься в преддверьи,
Но кажешься мне стоящим доверья».

По кратком сне в укромной тихой келье
Его вдруг будит колокольный звон.
Он тотчас же срывается с постели,
В мечтах себя в часовне видит он,
Чуть пробудясь, едва одевшись, еле
Оправясь, он из кельи рвется вон,
Опережая зов молитвословья,
Трясет дверьми и видит: на засове.

Тут, притаясь, он слышит троекратный

Удар по чугуну. Не бой часов,
Не колокол, нет, звук иной, приятный,
Как флейты плач за шумом голосов,
Примешиваться стал к нему невнятно,
Как будто, отдаленная, как зов,
Немая песня ночи пролилася
Над цепью пар, танцующих в согласьи.

Он — у окна, где, может быть, воочью
Найдется ключ к разгадке тех рулад.
Уж брезжит день. Клоки нависшей ночи
'С востока тронул утра аромат.
Но не мара ль снует, его мороча,
И беглым глянцем озаряет сад?
То — факелы. Над головою взвив их,
Три отрока спешат, змеясь в извивах.

Он видит: ткань, обнявшая их станы,
Бела, как снег, и не теснит шагов.
Их волоса в венках благоуханны,
Таких же роз пучки у кушаков.
Похоже, будто с бала, неустанны,
350 Сейчас ушли, плясав до петухов.
Они спешат, и тушат чрез мгновенье
Свои огни, и — тонут в отдаленьи.

НА ГОРНЫХ ВЕРШИНАХ

Тихо высятся горы.
В полусон
Каждый листик средь бора
На краю косогора
Погружен.
Птичек замерли хоры.
Погоди: будет скоро
И тебе угомон.

МИНЬОНА

1

Ты знаешь край лимонных рощ в цвету,
Где пурпур королька прильнул к листу,
Где негой Юга дышит небосклон,
Где дремлет мирт, где лавр заворожен?
Ты там бывал?
Туда, туда,
Возлюбленный, нам скрыться б навсегда.

Ты видел дом? Великолепный фриз
С высот колонн у входа смотрит вниз,
И изваянья задают вопрос:
Кто эту боль, дитя, тебе нанес?

Ты там бывал?
Туда, туда
Уйти б, мой покровитель, навсегда.
Ты с гор на облака у ног взглянул?
Взбирается сквозь них с усильем мул,
Драконы в глубине пещер шипят,
Гремит обвал, и плещет водопад.
Ты там бывал?
Туда, туда
Давай уйдем, отец мой, навсегда!

2
Сдержись, я тайны не нарушу,
Молчанье в долг мне вменено.
Я б всю тебе открыла душу,
Будь это роком суждено.

Расходится ночная мгла
При виде солнца у порога,
И размыкается скала,
Чтоб дать источнику дорогу.

И есть у любящих предлог
Всю душу изливать в признанье,
А я молчу, и только Бог
Разжать уста мне в состояньи.

3
Кто знал тоску, поймет
Мои страданья!
Гляжу на небосвод,
И душу ранит.
В той стороне живет,
Кто всех желанней:
Ушел за поворот
По той поляне.
Шалею от невзгод,
Глаза туманит...
Кто знал тоску, поймет
Мои страданья.
4
Я покрасуюсь в платье белом,
Покамест сроки не пришли,
Покамест я к другим пределам
Под землю не ушла с земли.
Свою недолгую отсрочку
Я там спокойно пролежу
И сброшу эту оболочку,
Венок и пояс развяжу.
И, встав, глазами мир окину,
Где силам неба все равно,
Ты женщина или мужчина,

Но тело все просветлено.
Беспечно дни мои бежали,
Но оставлял следы их бег.
Теперь, состарясь от печали,
Хочу помолодеть навек.

АРФИСТ

1

Кто одинок, того звезда
Горит особняком.
Все любят жизнь, кому нужда
Общаться с чудаком?
Оставьте боль мучений мне.
С тоской наедине
Я одинок, но не один
В кругу своих кручин.

Как любящий исподтишка
К любимой входит в дом,
Так крадется ко мне тоска
Днем и при свете ночника,
При свете ночника и днем,
На цыпочках, тайком.
И лишь в могиле под землей
Она мне даст покой.

2

Подойду к дверям с котомкой,
Кротко всякий дар приму,
Поблагодарю негромко,
Вскину на плечи суму.
В сердце каждого — заноза
Молчаливый мой приход:
С силой сдерживает слезы
Всякий, кто мне подает.

3

Кто не в борьбе с судьбой окреп,
Кто не кропил слезами хлеба,
Кто по ночам от них не слеп,
Тот вас не ведал, силы неба!

Нас вводят в жизнь, в ее разгар
Взвалив на нас проступка бремя,
Чтоб нам страданья тяжесть в дар
Оставить способами всеми.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ ОХОТНИКА

Брожу я по полю с ружьем,
И светлый образ твой
В воображении моем
Витает предо мной.

А ты, ты видишь ли, скажи,
Порой хоть тень мою,
Когда полями вдоль межи
Спускаешься к ручью?
Хоть тень того, кто скрылся с глаз
И счастьем пренебрег,
В изгнаньи от тебя мечась
На запад и восток?
Мысль о тебе врачует дух,
Проходит чувств гроза,
Как если долго в лунный круг
Смотреть во все глаза.

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Старый знахарь отлучился!
Радуясь его уходу,
Испытать я власть решился
Над послушною природой.
Я у чародея
Перенял слова
И давно владею
Тайной колдовства.
Брызни, брызни,
Свеж и влажен,
С пользой жизни
Ключ из скважин.
Дай скопить воды нам в чане,
Сколько требуется в бане!
Батрака накинь лохмотья,
Старый веник из мочалы!
Ты сегодня на работе
Отдан под мое начало!
Растопырь-ка ноги,
Дерни головой!
По лесной дороге
Сбегай за водой!
Брызни, брызни,
Свеж и влажен,

С пользой жизни,
Ключ из скважин.
Дай скопить воды нам в чане,
Сколько требуется в бане!
Погляди на водоноса!
Воду перелил в лоханки,
И опять в овраг понесся
Расторопнее служанки.
Сбегал уж два раза
С ведрами батрак,

Налил оба таза
И наполнил бак.
Полно! Баста!
Налил всюду.
И не шастай
Больше к пруду!
Как унять готовность эту?
Я забыл слова запрета.
Я забыл слова заклятья
Для возврата прежней стати!
И смеется подлый веник,
Скатываясь со ступенек!
Возвратился скоком
И опять ушел,
И вода потоком
Заливает пол.

Стой, довольно,
Ненавистный!
Или больно
Шею стисну!
Только покосился в злобе,
Взгляд бросая исподлобья.

Погоди, исчадье ада,
Ты ведь эдак дом утопишь!
С лавок льются водопады,
У порогов лужи копишь!
Оборотень-веник,
Охлади свой пыл!
Снова стань, мошенник,
Тем, чем прежде был!

Вот он с новою бадейкой.
Поскорей топор я выну!
Опрокину на скамейку,
Рассеку на половины.
Ударяю с маху,
Палка пополам,
Наконец от страха
Отдых сердцу дам!

Верх печали!
О, несчастье!
С полу встали
Обе части,
И, удвоивши усердье,
Воду носят обе жерди.

С ведрами снуют холопы,
Все кругом водой покрыто.
На защиту от потопа

Входит чародей маспщлй.
«Вызвал я без знанья
Духов к нам во двор
И забыл чуранье,
Как им дать отпор!»

В угол, веник!
Сгиньте, чары!
Ты мой пленник!
Бойся кары!
Духи, лишь колдун умелый
Вызывает вас для дела.

ИЗ «ФАУСТА»

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне застлавши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.
Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора.
Пронизанный до самой сердцевины
Тоской тех лет и жаждою добра,
Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный,
Опять припоминаю благодарно.

Им не услышать следующих песен,
Кому я предыдущие читал.
Распался круг, который был так тесен,
Шум первых одобрений отзвучал.
Непосвященных голос легковесен,
И, признаюсь, мне страшно их похвал,
А прежние ценители и судьи
Рассеялись, кто где, среди безлюдья.

И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне.
Эоловою арфой прорыдало
Начало строф, родившихся вчерне.
Я в трепете, томленье миновало,
Я слезы лью, и тает лед во мне.
Насущное отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает явность.

ФУЛЬСКИЙ КОРОЛЬ

Король жил в Фуле дальной,
И кубок золотой
Хранил он, дар прощальный
Возлюбленной одной.

Когда он пил из кубка,
Оглядывая зал,
Он вспоминал голубку
И слезы проливал.
И в смертный час тяжелый
Земель он отдал тьму
Наследнику престола,
А кубок — никому.

Со свитой в полном сборе
Он у прибрежных скал
В своем дворце у моря
Прощальный пир давал.
И кубок свой червонный,
Осушенный до дна,
Он бросил вниз с балкона,
Где выла глубина.
В тот миг, когда пучиной
Был кубок поглощен,
Пришла ему кончина,
И больше не пил он.

МАРГАРИТА ЗА ПРЯЛКОЙ

Нет покоя, и смутно,
И сил ни следа,
Мне их не вернуть,
Не вернуть никогда.
Чуть он с порога,
И в груди
Жуть и тревога,
Хоть в гроб клади.
В душе упадок,
В огне голова,
От дум и догадок
Дышу едва.
Нет покоя, и смутно,
И сил ни следа,
Мне их не вернуть,
Не вернуть никогда.
За ним лишь следом

Гляжу в окно.
Все этим бредом
Во мне полно.
Его походкой,
Высоким лбом,
Улыбкой кроткой,
Глазами, ртом.
Уменьем чаруя
Вести разговор,
Огнем поцелуя
И взглядом в упор.
Нет покоя, и смутно,
И сил ни следа,
Мне их не вернуть,
Не вернуть никогда.
В порыве муки
Настичь, догнать,
Схватить бы в руки
И не пускать.
И с ним предаться
Безумствам всласть,
И не бояться
За них пропасть.

ПЕСЕНКА О БЛОХЕ

Жил-был король державный
С любимицей блохой.
Он был ей друг исправный,
Защитник неплохой.

И объявил он знати:
«Портному прикажу
Ей сшить мужское платье,
Как первому пажу».

И вот блоха в одеже,
Вся в бархате, в шелку,
Звезда, как у вельможи,
И шпага на боку.
Сенаторского чина
Отличья у блохи.
С блохой весь род блошиный
Проходит на верхи.

У всех следы на коже,
Но жаловаться страх,
Хоть королева тоже
В укусах и прыщах.
Блохи не смеют трогать,
Ее боится двор,

А мы блоху под ноготь,
И кончен разговор!

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

СТАНСЫ К АВГУСТЕ

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала —
И ошибкам моим не судья.
Не пугают тебя передряги,
И любовью, которой черты
Столько раз доверял я бумаге,
Остаешься мне в жизни лишь ты.
Оттого-то, когда мне в дорогу
Шлет природа улыбку свою,
Я в привете не чаю подлога
И в улыбке тебя узнаю.
Когда ж вихри с пучиной воюют,
Точно души в изгнанье скорбя,
Тем-то волны меня и волнуют,
Что несут меня прочь от тебя.

И хоть рухнула счастья твердыня,
И обломки надежды на дне,
Все равно, и в тоске и в унынье
Не бывать их невольником мне.
Сколько б бед ни нашло отовсюду,
Растеряюсь — найдусь через миг,
Истомлюсь — но себя не забуду,
Потому что я твой, а не их.

Ты из смертных, и ты не лукава,
Ты из женщин, но им не чета,
Ты любви не считаешь забавой,
И тебя не страшит клевета.
Ты от слова не ступишь ни шагу,
Ты в отъезде, — разлуки как нет,
Ты на страже, но дружбе во благо,
Ты беспечна, но свету во вред.

Я ничуть его низко не ставлю,
Но в борьбе одного против всех
Навлекать на себя его травлю
Так же глупо, как верить в успех.
Слишком поздно узнав ему цену,
Излечился я от слепоты:
Мало даже утраты вселенной,
Если в горе наградою — ты.

Гибель прошлого, все уничтожа,
Кое в чем принесла торжество:
То, что было всего мне дороже,

По заслугам дороже всего.
Есть в пустыне родник, чтоб напиться.
Деревцо есть на лысом горбе,
В одиночестве певчая птица
Целый день мне поет о тебе.

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

ИНДИЙСКАЯ СЕРЕНАДА

В сновиденьях о тебе
Прерываю сладость сна.
Мерно дышащая ночь
Звездами озарена.
В грезах о тебе встаю,
И всецело в их плену,
Как во сне, переношусь
Чудом к твоему окну.

Отзвук голосов плывет
По забывшейся реке.
Запах трав, как мысли вслух,
Носится невдалеке.
Безутешный соловей
Заливается в бреду.
Смертной мукою и я
Постепенно изойду.

Подыми меня с травы.
Я в огне, я тень, я труп.
К ледяным губам прижми
Животворный трепет губ.
Я, как труп, похолодел.
Телом всем прижмись ко мне.
Положи скорей предел
Сердца частой стукотне.

К...

Опошлено слово одно
И стало рутиной.
Над искренностью давно
Смеются в гостиной.
Надежда и самообман —
Два сходных недуга.
Единственный мир без румян —
Участие друга.

Любви я в ответ не прошу,
Но тем беззаветней
По-прежнему произношу
Обет долголетний.
Так бабочку тянет в костер
И полночь к рассвету,
И так заставляет простор
Кружиться планету.

СТРОКИ

Разобьется лампада,
Не затеплится луч.
Гаснут радуг аркады
В ясных проблесках туч.
Поломавшейся лютни
Кратковременен шум.
Верность слову минутней
Наших клятв наобум.

Как непрочны созвучья
И пыланье лампад.
Так в сердцах неживучи
Единенье и лад.
Рознь любивших бездонна,
Как у стен маяка
Звон валов похоронный
Над душой моряка.

Минут первые ласки,
И любовь — из гнезда.
Горе жертвам развязки,
Слабый терпит всегда.
Что ж ты плачешь и ноешь,
Что ты, сердце, в тоске?
Не само ли ты строишь
Свой покой на песке?

Ты — добыча блужданий,
Как над глушью болот
Долгой ночью, в тумане,
Птичьей стаи полет.
Будет время, запомни,
На осенней заре
Ты проснешься бездомней
Голых нив в ноябре.

ОДА ЗАПАДНОМУ ВЕТРУ

О буйный ветер запада осенний!
Перед тобой толпой бегут листы,
Как перед чародеем привиденья,
То бурей желтизны и красноты,
То пестрым вихрем всех оттенков гнили;
Ты голых пашен черные пласты

Засыпал семенами в изобилье.
Весной трубы пронзительный раскат
Разбудит их, как мертвецов в могиле,

И теплый ветер, твой весенний брат,
Взовет их к жизни дудочкой пастушьей
И новою листвой оденет сад.

О дух морей, носящийся над сушей!
Творец и разрушитель, слушай, слушай!

Ты гонишь тучи, как круговорот
Листвы, не тонущей на водной глади,
Которую ветвистый небосвод

С себя роняет, как при листопаде.
То духи молний, и дожди, и гром.
Ты ставишь им, как пляшущей менаде,

Распущенные волосы торчком
И треплешь пряди бури. Непогода —
Как бы отходный гробовой псалом

Над прахом отбывающего года.
Ты высишь мрак, нависший невдали,
Как камень громоздящегося свода

Над черной усыпальницей земли.
Там дождь, и снег, и град. Внемли, внемли!

Ты в Средиземном море будишь хляби
Под Байями, где меж прибрежных скал
Спит глубина, укачанная рябью,
И отраженный остров задремал,
Топя столбы причалов, и ступени,
И темные сады на дне зеркал.
И, одуряя запахом цветений,
Пучина расступается до дна,
Когда ты в море входишь по колени.
Вся внутренность его тогда видна,
И водорослей и медуз тщедушье
От страха покрывает седина,

Когда над их сосудистою тушей
Твой голос раздается. Слушай, слушай!
Будь я листом, ты шелестел бы мной.
Будь тучей я, ты б нес меня с собою.
Будь я волной, я б рос пред крутизной
Стеною разъяренного прибоя.
О нет, когда б, по-прежнему дитя,
Я уносился в небо голубое
И с тучами гонялся не шутя,
Тогда б, участник твоего веселья,
Я сам, мольбой тебя не тяготя,
Отсюда улетел на самом деле.
Но я сражен. Как тучу и волну
Или листок, сними с песчаной мели
Того, кто тоже рвется в вышину
И горд, как ты, но пойман и в плену.
Дай стать мне лирой, как осенний лес,
И в честь твою ронять свой лист спросонья.
Устрой, чтоб постепенно я исчез
Обрывками разрозненных гармоний.
Суровый дух, позволь мне стать тобой!
Стань мною иль еще неугомонней!

Развей кругом притворный мой покой
И временную мыслей мертвечину.
Вздуй, как заклятьем, этою строкой

Золу из непогасшего камина.
Дай до людей мне слово донести,
Как ты заносишь семена в долину.

И сам раскатом трубным возвести:
Пришла Зима, зато Весна в пути!

ДЖОН ките
ОДА к ОСЕНИ
Пора плодоношенья и дождей!
Ты вместе с солнцем огибаешь мызу,
Советуясь, во сколько штук гроздей
Одеть лозу, обвившую карнизы;
Как яблоками отягченный ствол
У входа к дому опереть на колья,
И вспучить тыкву, и напыжить шейки
Лесных орехов, и как можно доле
Растить последние цветы для пчел,
Чтоб думали, что час их не прошел
И ломится в их клейкие ячейки.

Кто не видал тебя в воротах риг?
Забравшись на задворки экономии,
На сквозняке, раскинув воротник,
Ты, сидя, отдыхаешь на соломе;

Или, лицом упавши наперед
И бросив серп средь маков недожатых,
На полосе храпишь, подобно жнице;
Иль со снопом одоньев от богатых,
Подняв охапку, переходишь брод;
Или тисков подвертываешь гнет
И смотришь, как из яблок сидр сочится.
Где песни дней весенних, где они?
Не вспоминай, твои ничуть не хуже.
Когда зарею облака в тени
И пламенеет жнивий полукружье,
Звеня, роятся мошки у прудов,
Вытягиваясь в воздухе бессонном
То веретенами, то вереницей;
Как вдруг заблеют овцы по загонам;
Засвиристит кузнечик; из садов
Ударит крупной трелью реполов;
И ласточка с чириканьем промчится.

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

В свой час своя поэзия в природе:
Когда в зените день и жар томит
Притихших птиц, чей голосок звенит
Вдоль изгородей скошенных угодий?
Кузнечик, вот виновник тех мелодий,
Певун и лодырь, потерявший стыд,
Пока и сам, по горло пеньем сыт,
Не свалится последним в хороводе.
В свой час во всем поэзия своя:
Зимой, морозной ночью молчаливой
Пронзительны за печкой переливы
Сверчка во славу теплого жилья.
И словно летом, кажется сквозь дрему,
Что слышишь треск кузнечика знакомый.

МОРЕ

Шепча про вечность, спит оно у шхер,
И вдруг, расколыхавшись, входит в гроты,
И топит их без жалости и счета,
И что-то шепчет, выйдя из пещер.
А то, бывает, тише не в пример,
Оберегает ракушки дремоту
На берегу, куда ее с излету
Последний шквал занес во весь карьер.

Сюда, трудом ослабившие зренье!
Обширность моря даст глазам покой.
И вы, о жертвы жизни городской,

Оглохшие от мелкой дребедени,
Задумайтесь под мерный шум морской,
Пока сирен не различите пенья!

«ЭНДИМИОНА»

Прекрасное пленяет навсегда.
К нему не остываешь. Никогда
Не впасть ему в ничтожество. Все снова
Нас будет влечь к испытанному крову
С готовым ложем и здоровым сном.
И мы затем цветы в гирлянды вьем,
Чтоб привязаться больше к чернозему
Наперекор томленью и надлому
Высоких душ; унынью вопреки
И дикости, загнавшей в тупики
Исканья наши. Да, назло пороку,
Луч красоты в одно мгновенье ока
Сгоняет с сердца тучи. Таковы
Луна и солнце, шелесты листвы,
Гурты овечьи, таковы нарциссы
В густой траве, так под прикрытьем мыса
Ручьи защиты ищут от жары,
И точно так рассыпаны дары
Лесной гвоздики на лесной поляне.
И таковы великие преданья
О славных мертвых первых дней земли,
Что мы детьми слыхали иль прочли.
ЮЛИУШ СЛОВАЦКИЙ

ОДА К СВОБОДЕ
I
Ангел вольности, пари
Над поверженной вселенной!
Родина, восстав из плена,
Ставит правде алтари.
Только здесь сказался вслух
Новой жизни новый дух.

И, летя на облака,
Задержись в ее пределе,
Чтоб к тебе издалека
Песни Польши долетели.

II
А позади, во тьме, остался дух неволи
Оглянемся, он нам на память дан.
Что завещал векам душитель на престоле?
Надменно-непонятен истукан.
Так древний обелиск, пугавший встарь феллаха,
Пока могли прочесть иероглиф,

Стоит на площади, и не внушает страха
И в наши дни, как камень, молчалив.

III
В незапамятную старину,
Хоронящуюся от взора,
Вся Европа росла в вышину,
Как готические соборы.
Слабым голосом дряхлый старик
Отрешал венценосцев от власти
И в жилище у грозных владык
Пересматривал судьбы династий.

Просвещение скупо текло
Сквозь церквей расписное стекло.

Вдруг поднялся безвестный монах,
Не клонивший пред церковью шеи.
С Божьим словом на смелых устах
Стал он силами мериться с нею.
Пошатнулось созданье веков.
Обвалились старинные своды,
И, избавясь от тесных оков,
Вера вышла сама на свободу.

IV
А по странам крепли короли.
Жители безропотно терпели.
Уроженцы Англии нашли
Мстителя за родину в Кромвеле.
Он Стюартов кровью залил трон,
Сам же отказался от короны.

Чем же в Альбионе тех времен
Стала королевская персона?
Это только символ показной
Самоуправляемой державы.
Это месяц в небе, белизной
Ярко отразивший солнце права.

За рулем великие умы.
Отданное мнениям и спорам,
Выше башен Тауэрской тюрьмы
Зданье за Вестминстерским собором.

V
О Новый свет ударилось весло
Испанского фрегата.
Там дерево недоброе росло
И брат вставал на брата.
Под деревом, уставши от труда,
Убитые печалью,

В мечтах о счастье люди навсегда
Сном смерти засыпали.
Они платили смертью за мечту.
С благословенья папства
Тропическое дерево в порту
Считалось пальмой рабства.
И вдруг по всей Америке — отказ
От подати исконной.
Страна в единодушьи поднялась
По зову Вашингтона.
Он добыл уваженье и хвалу
Соединенным Штатам,
И свет забыл о мачте на молу
И дереве проклятом.

VI
Хвала краям, добившимся свободы.
В лучах неугасающей зари
Там, как хотят, на солнце без захода
Растут богатыри.

VII
Заунывный похоронный звон
Долетел из сельского костела.
Зрелище печальных похорон,
Провожатых поезд невеселый.
Гроб, за гробом дети и семья,
Скорбных свеч мерцающее пламя,
И молитву шепчут сыновья,
Шевеля беззвучными губами.
Гроб отцовский на плече у сына,
И сырой кладбищенской земли
Глубже и чернее их кручина.
Что ж так плачут? Жалко ль им себя?
Их богатство ждет по завещанью.
По покойном плачут ли, скорбя?
Мертвые не чувствуют страданья.

Этот деревенский старикан
Был не просто пахарь престарелый.
Он последним был из могикан,
Вспоминавших Польшу до раздела.

Свеж его могильный бугорок,
Вдруг раскаты вести громогласной:
Совершилось то, что он предрек,
Он свободы ждал не понапрасну.

VIII
Вспоминаю: юноша в расцвете
Проклинал огонь своей души.
«Господи, к чему мне муки эти!

Лучше искру духа потуши!
Я ль своей свободе не хозяин?» —
Себялюбья страшные слова!
Гордый этот вопль так отчаян,
Что у всех кружилась голова.
Дерзость породила маловерье.
Маловерье — вот новейший ад,
Уподобивший пустой химере
Все, чем человек высок и свят.
Добродетель? Это предрассудок.
Преступленье? Преступленья нет.
На каких весах, времен ублюдок,
Взвешивал ты вечности завет?

И, однако, эти самохвалы
Были только как нетопыри,
Призраками ночи небывалой
Накануне утренней зари.
Вот ее победное сиянье.
Иго свергнуто! Мы спасены!
Впереди простор — как в океане.
Смело вплавь! Не бойтесь глубины!
Бросимся в пучину без оглядки.
Занырнем на дно, не жмуря глаз.
Если не теряться, все в порядке.
Не один всплывет, как водолаз.
Кто-нибудь зажал в руке кораллы
Или трубит в Амфитритин рог.
Кто-нибудь ударился о скалы
И себя в волнах не уберег.

ПЕСНОПЕНИЕ

Богородице Дево, услышь
Нас и наших отцов песнопенье!
Ликованьем наполнилась тишь.
Это благовест освобожденья.
Разносясь от села до села,
С каждым днем торжество всенародней.
Каждый день громогласней хвала
Достигает престола Господня.

Громче, рыцари, все, как один!
Пусть, раскатываясь по дорогам,
Эта песня свободных дружин
Грянет над петербургским острогом.
Пусть, ударясь о невский гранит,
Где не только тупые чинуши,
Обещаньем она прозвенит:
«Да услышит имеющий уши».

Кто по улице ночью не брел
Мимо зданья, где как бы в засаде
Спал, нахохлясь, двуглавый орел
С кандалами в когтях на фасаде?
Но однажды раздался набат,
И шарахнулась хищная птица
И взлетела, не смея назад
На покинутый шпиль обратиться.
И увидела вольности флаг,
И шарахнулась в поисках тени,
И на север далекий, во мрак,
Улетела в тоске и смятенье.

Если птица отыщет приют
В вашем городе, знайте, литвины,
Ваших внуков и правнуков суд
Обвинит вас, сыны Гедимина.
Но несходен наш, видно, удел.
Вам покорствовать перед чужими,
Нам бороться, чтоб край уцелел,
И беречь свое гордое имя.

Так к оружию, господа!
Пробуждаются наши селенья,
И из мертвых встают города:
Это светлое их воскресенье.

Богородице Дево, услышь
Нас и наших отцов песнопенье!
Ликованьем наполнилась тишь.
Это благовест освобожденья.
Но сияние этой зари
Пламенеет на павших героях.
Память вечную им сотвори!
Со святыми в раю упокой их!

«КУЛИГ»

Праздничный поезд мчится стрелою.
В вооружении, вереницей
Мчатся на место жаркого боя
Радостнее, чем в отпуск с позиций.
К дому лесному в чаще нагрянем,
Спящих без платья стащим с кроватей.
Поторопитесь с приодеваньем!
Едемте с нами, время не тратя!
Сядемте в сани в чем вас застали.
Топают кони, кличут возницы.
Это гулянье на карнавале.
Дальше и дальше, к самой границе!

Двор при дороге. Коней заслыша,
Ночь отзывается тявканьем песьим.
Не нарушая сна и затишья,
Мигом в безмолвьи ноги уносим.

Кони что птицы. В мыле подпруги.
Снежную кромку режут полозья.
В небе ни тучки. В призрачном круге
'Месяц свечою стал на морозе.
Редкому спится. Встречные с нами.
Кто б ни попался, тот в хороводе.
Над ездовыми факелов пламя.
Кони что птицы. В мыле поводья.
Если ж нельзя вам за нездоровьем,
Да не смутит вас пенье петушье.
Мы полукровок не остановим.
Мимо промчимся, сна не наруша.
Нечего думать нам о привале.
) Редко какому дома сидится.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе.

Стойте! Постройка. Отсвет кенкетов.
В воздух стреляю вместо пароля.
Тотчас ответный треск пистолетов.
Шляхта справляет свадьбу на воле.
Едемте с нами, шафер и сваты!
Где новобрачный? Кланяйся тестю.
Просим прощенья. Не виноваты.
'Наше почтение милой невесте.
Долгие сборы — лишние слезы.
Без разговоров разом в дорогу!
Ставь жениховы сани к обозу.
Вышли, махнули шапкой, и трогай!
Едемте с нами в чем вас застали.
Вихрем несутся кони, как птицы.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе.

Стойте тут, стойте! Снова именье.
Выстрелить, что ли? Тише. Отставить.
Лучше повергнем в недоуменье.
Всюду нахрапом тоже нельзя ведь.
Молча проходим мы по аллеям.
Дом. Занавески черного штофа.
Мы соболезнуем и сожалеем.
В доме какая-то катастрофа.
Сборище в зале на панихиде.
Отрок у гроба. Зал в позолоте.
Ах, в опустевшей вотчине сидя,
Сударь бесценный, вы пропадете.
Мы вас увозим. Слушайтесь слепо.

Всех вас собравшихся к отпеванью,
В траурных лентах черного крепа,
Просим покорно в парные сани.
Едемте с нами в чем вас застали.
Свищут полозья. Кони что птицы.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе!

Стойте. Усадьба. Память о предках,
'Кажется, реет где-то незримо.
Дверь кабинета. Свечи в розетках.
Ломберный столик. Облако дыма.
Карты! К лицу ль это, судари, шляхте
В час, когда зреют судьбы народа?
Цепью стрелковой в поле залягте!
К дьяволу карты! К черту колоды!
Вооружайтесь! Вон из трущобы!
Пусть в короли и валеты и дамы
Лишь коронованные особы
Мастью играют тою же самой.
Пусть венценосцы и фаворитки,
Лишь доверяя равным и близким,
Мечут упавшие вдвое кредитки
С Карлом Десятым и беем тунисским,
Едемте с нами в чем вас застали.
К дьяволу карты! Кони что птицы.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе.

Стойте! Старинный замок вельможи.
1 Залпы в ответ на залпы отряда.
В окнах личины. Странные рожи.
Бальные платья. Шум маскарада.
Черти, монахи, рыцари, турки,
Старый бродяга с бурым медведем!
Не доплясавши первой мазурки,
К нам выходите, вместе поедем!
Едемте с нами в чем вас застали,
Мавры, испанцы и сицилийцы!
Это гулянье на карнавале.
'Мимо и мимо, к самой границе.

Стойте тут, стойте! Новое зданье.
Света в окошках нет и в помине.
В воздух стреляю. Тихо. Молчанье.
Тьма и безмолвье сна и пустыни.
В двери стучитесь. Спать по-мертвецки?
Нет, не перечьте нашей забаве.
С лампой выходит старый дворецкий.
«Спит твой хозяин? Вот добронравье!»
«Нет, он не спит. Господин мой и дети,
'Только узнали о возмущеньи

В ночь декабря со второго на третье,
Вышли с отрядом в вооружении.
Вот почему опустели аллеи».
«Твой господин молодчина! А мы-то!
Думали, дрыхнет, — вот дуралеи!
Больше таких бы Польше в защиту».
Едемте дальше, раз не застали.
Свищут полозья, кони что птицы.
Это гулянье на карнавале.
Мимо и мимо, к самой границе.

Месяц сияет. В мыле буланый.
Полоз дорогу санную режет.
Сыплются искры. Блещут поляны,
И постепенно утро уж брезжит.
Мы подъезжаем. Стало виднее.
Вот и граница. Мы на кургане.
Заговорили все батареи.
Это на масленой наше катанье.

ПЕСНЬ ЛИТОВСКОГО ЛЕГИОНА

Ура, да здравствует Литва!
Хвалой ей солнце блещет.
Она жива! Она жива!
Ей тени рукоплещут.
Булыжником по воротам —
В казарменную плесень!
Мы будем мстить за долгий срам
Дождем камней и песен.
Ударим дружно на врага!
Последуемте зову!
Зычней в охотничьи рога
Трубите, звероловы!

Напрасно праву кулака
Учили нас тевтоны.
Мы будем бить наверняка.
Вступайте в легионы!
Шлют итальянцев усмирять.
А дома в час постылый
Кого оставим охранять
Отцовские могилы?
Ударим дружно на врага!
Последуемте зову!
Зычней в охотничьи рога
Трубите, звероловы!

Ольгерд светильник дал послам,
Сказав: «Пока он светит,
Ольгерд осадит вас и сам

Царю войной ответит».
И, выступив вслед за гонцом,
Нагрянул, верный слову,
Как будто с крашеным яйцом
Явившись к дню Христову.
Покажем новому царю
Такое же усердье.
Врагов народа к фонарю
На память об Ольгерде!
Ударим дружно на врага!
Последуемте зову!
Зычней в охотничьи рога
Трубите, звероловы!

А вам, птенцы военных школ,
В столице Ягеллонов
Букетами прекрасный пол
Усыплет путь с балконов.
При следованьи ваших рот
Одушевится глина,
И к вам бойницы повернет
Твердыня Гедимина.
Ударим дружно на врага!
Последуемте зову!
Зычней в охотничьи рога
Трубите, звероловы!

Теперь конец дурной молве
И долгому унынью.
Никто не спросит о Литве,
Жива ль она доныне.
Об этом говорят дела,
А так мала дружина,
Затем, что буря у ствола
Оборвала вершину.
Ударим дружно на врага!
Последуемте зову!
Зычней в охотничьи рога
Трубите, звероловы!

Когда раздастся шум знамен,
Себя забудет всякий.
Тесней сомкнётся легион
И ринется в атаку.
Чем ближе смерть к кому-нибудь,
Тем перед ней он бравей.
Самопожертвованье — путь
К непреходящей славе.
Ударим дружно на врага!
Последуемте зову!
Зычней в охотничьи рога
Трубите, звероловы!

ГРОБ АГАМЕМНОНА
ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК»

I

Пусть музыка причудливого строя
Сопровождает этих мыслей ход.
Передо мной подземные покои,
Агамемнона погребальный свод.
Здесь кровь Атридов обагрила плиты.
Сижу без слов средь давности забытой.

II

Невозвратима арфа золотая,
Которой описанья лишь дошли.
Я старину в расселине читаю,
Речь эллинов мне слышится вдали.
В шуршаньи трав мне чудится упорно:
Электры смех доносит ветер горный.

III

В своей извечной тяжбе с Арахнеей
Он пряжу рвет ее на сквозняке
И вносит запах мяты и пырея,
Цветущих на горах невдалеке.
Как тени мертвых или привиденья,
Здесь носятся пушинки их цветенья.

IV

Кузнечики в развалинах могилы
Отшибли треском память у меня.
Они к молчанью принуждают силой.
Как песня тишины их трескотня.
Как это поучительно: преданье,
Осиленное громом стрекотанья!

V

В покорности сдаюсь, как вы, Атриды!
Не стыдно мне, что я к стене прижат.
Я тоже победителем не выйду
Из состязанья с трескотней цикад.
Молчу, как смолкли вы в своей пещере
'Злодейства, славы и высокомерья.

VI

Над дверью склепа в треугольной нише
Растет дубок над самой головой.
Он этому подвалу служит крышей,
Бросая тень нависшею листвой.
Как этот дуб попал сюда в гробницу?
Росток, наверно, затащили птицы.

VII

Я обломил отросток нижней ветки,
Покоя мертвых этим не смутив.
За дерево не заступились предки,
Лишь солнце жадно ринулось в прорыв.
Мне в голову пришло, что по размеру
Такою быть могла струна Гомера.

VIII
Почти, за ним протягивая руку,
Я этот луч разрезал пополам.
Но не извлек и мысленно ни звука
Из роя мошек, бившегося там.
А мне уж в мыслях грезились напевы
Величья, скорби, жалости и гнева.

IX
Всю жизнь во имя выспренних материй
'Чужих предпочитаю я своим.
Всю жизнь во сне я властелин империй,
А въяве проповедую глухим.
Но полно суматошить прах впустую.
Скорей на волю! Лошадь верховую!

X
В седло! По пересохшему потоку,
Где лавр бушует розовой волной,
Стрелой по воздуху, как мысль пророка,
Несется конь ретивый подо мной.
Он мчится вскачь, сверкая косоглазьем
'И нехотя порой спускаясь наземь.

XI
У Фермопил, нет, раньше, в Херонее,
Я останавливаю скакуна.
Я в Фермопилах отдыхать не смею:
Мне может вспомниться моя страна.
А вдруг пред славной тенью полководца
С разбега конь мой в страхе отшатнется?

XII
Едва ль меня подпустят к Фермопилам
Спартанцы, погребенные во рву,
Я б наших странностей не объяснил им.
1 Их удивит, что я еще живу.
На этот счет их взгляды непреклонны.
Для древних побежденный вне закона.

XIII
Нет, я по фермопильскому ущелью
Проеду, не косясь по сторонам.
Там каждый камень говорит о деле,
И этих скал должно быть стыдно нам.

Нельзя в цепях входить к великим грекам,
Но только равным вольным человеком.

XIV
О, как я был бы пристыжен вопросом,
'Когда б, блистая бронзою кирас,
Толпа теней перед входным утесом
Меня спросила: «Много ль было вас?»
Что прокричал бы я в минуты эти
Чрез пропасть разделивших нас столетий?

XV
Но я без слез из Фермопил не выйду.
Средь них без пояса и кунтуша
Лежит нагое тело Леонида,
Из камня высеченная душа.
Она из века в век и год за годом
> Воспета и оплакана народом.
XVI
Пока, о Польша, ты не снимешь вретищ
И рубища из грубого рядна,
Ты жалости ни у кого не встретишь
И в нищем виде людям не страшна.
До этих пор твой путь — палач и плаха,
Не выпрямиться и не встать из праха.

XVII
Как Деяниры жгучую тунику,
Сорви с себя монашескую ткань.
Подобно торсу статуи великой,
100 В неустыдимой наготе предстань.
Без тряпок ты возвышенней и чище,
Чем в этом виде странницы и нищей.

XVIII
Пускай народ, как прошлого обломок,
Откопанный из-под известняка,
Представится, явившись из потемок,
Громадою из одного куска.
Пусть поразят воображенье наше
Его неистребимость и бесстрашье.

XIX
Но, Польша, для любителей безделиц
110 Ты — редкий попугай или павлин.
Как у игрушек должен быть владелец,
Так кто-нибудь всегда твой господин.
Я вправе говорить об этом с болью,
Но никому другому не позволю.

XX
Предай меня проклятьям за обиду,

Но если ты страдалец Прометей,
Народ, я буду, словно Евмениды,
Подхлестывать тебя плетями змей.
Я жалобами и словами гнева
Тебе, как коршун, истерзаю чрево.

XXI

Безропотно сноси мои нападки.
Анафему твою я перерос.
Твоя рука отсохнет до лопатки,
Когда ее поднимешь для угроз.
Да чем и угрожать тебе отныне,
О родина, бесправная рабыня!

ВОСХОД СОЛНЦА НА САЛАМИНЕ

Я вспоминаю об одной минуте.
Я в лодке плыл. Перегоняя нас
И выпятив, как раковины вздутье,
Свой парус, за баркасом шел баркас.
На всех толпились моряки на юте
Или стоял албанец-водолаз.
В воде желтело тускло полнолунье.
Мы шли из Каламаки по лагуне.
Зажглась заря. Повеял бриз с востока.
Раз или два тряхнуло нас в длину.
Как всадники съезжаются с наскоку,
Так лодка налетела на волну.
Устав с дороги долгой и далекой,
Она прошлась по лодочному дну
И вся была как вестница пучины
От гроба Фемистокла с Саламина.
Я приподнялся. Пенились буруны,
Окрашенные заревом в сандал.
Я солнца с этой стороны лагуны
Из-за могилы Фемистокла ждал.
Оно ж взошло из-за песчаной дюны,
Где Ксерксов трон стоял, и он со скал
В безмолвье властолюбья и злорадства
Смотрел, как гибло Греции богатство.
О, как мне жалки стали в это время
И море, и могила, и восход,
И помыслы о греческой трireме!
Как загляделся я на берег тот,
1де в золотой мидийской диадеме
На греческий, вдали тонувший флот
Смотрел часами победитель сытый
Перед посторонившеюся свитой.

ЗАКАТ НА МОРЕ

гимн

Грустно мне. По вечерам с небосвода

В воду спускается огненный мост.
Тянется хвост
Блещущих звезд.
Свежесть, погожая ночь... Отчего же
Грустно мне, Боже?
Пусты, как годы неурожая,
Наши сердца.
Маской лица
Я от других свой покой ограждаю.
Но от Творца не прикроюсь я ложью:
Грустно мне, Боже!
Точно по матери дети в кровати, —
Выйдет — и в рев, —
Так я готов
Солнце оплакивать на закате.
Знаю, что утром вернется, и все же
Грустно мне, Боже!
Аистов польских, на палубе лежа,
Видел я нынче на крыльях в пути
Милях В ПЯТИ
Или шести.
И оттого-то я жалобы множу:
Грустно мне, Боже!
И оттого, что не ведал я дома,
Как пилигрим,
Тягой томим
По незнакомому и по чужому,
И, вероятно, умру в бездорожьи,
Грустно мне, Боже!
Знаю, что я не на польском погосте
Кости сложу близ угла своего.
И оттого
Все существо
Жаждет покойного, верного ложа.
Грустно мне, Боже!
Молится дома ребенок невинный,
Чтобы приблизил Господь мой возврат.
Я же навряд
Буду назад,
И что с чужбины его я тревожу,
Грустно мне, Боже!
Впрочем, довольно. В морской панораме
Звезды и впредь
Будут гореть
Через сто лет, как при нас, вечерами,
Памяти след обо мне уничтожа.
Грустно мне, Боже!

РАЗГОВОР С ПИРАМИДАМИ

В ваших недрах, пирамиды,
Можно ль хоронить обиды

И мечи по рукоять
В урнах с прахом погребать?
Можно ли беречь годами
Месть, как мумию в бальзаме?
— Да, такое место есть.
Прячь оружие и месть.
Пирамиды, для ночлегов
Нет ли в вашей тьме ковчегов,
Чтобы прах борцов поляк
Мог сберечь в укрытьях рак
И потом вернуть отчизне
В дни восстановлены! жизни?
— Да, на временный постой
Выбирай любой покой.
Пирамиды, вы одни лишь
Место для слезохранилищ.
Можно ль слить в ваш водоем
Наши слезы о былом?
Слезы матерей о детях
Сохранить в иных столетьях?
— Есть бассейны, подойдут.
Выбирай любой сосуд.
Пирамиды, нет ли келий
В вашем черном подземельи,
Чтоб привесть под общий свод
В целости большой народ
И до лучших дней в палате
Водрузить его распятье?
— Совершай свой переезд,
Поднимай народ на крест.
Пирамиды, в ваших залах
Есть ли отдых для усталых?
Радостно б во тьме исчез,
Только б наш народ воскрес.
— Уходи. Борись и действуй
И не смей бросать семейство.
Здесь для мертвых только вход.
Дух бессмертен и живет.

В ШВЕЙЦАРИИ

ПОЭМА

I

Она ушла, как сон, и с тех времен,
Как умерла, я горько поражен,
Что жив, и устраниться не умею,
И не последовал туда за нею,
Где милая, избавясь от оков,
Случившееся видит с облаков.

II

В горах Швейцарии есть водопад.
Ревущий столб воды голубоват,
И радуга пластается в тумане

Над крутизной и местом бушеванья.
Она горит, под ней водоворот,
Никто постройки в пропасть не столкнет,
Но вдруг сквозь свод оранжево-зеленый
Пройдет ягненок по крутому склону
Иль голубь жаждущий рванется вниз
Попить воды под каменный карниз
И пролетает радугу до края,
Меняющейся краскою играя.
Когда из этой огненной дуги
Ее навстречу вынесли шаги,
Я вздрогнул и уверовал мгновенно
В ее рожденье из огня и пены,
И через разделявший нас поток
Глазами обнял с головы до ног.
Виденье было так великолепно,
Что я, казалось, тотчас же ослепну,
Когда об этом умолчу и сам
Своим восторгам выхода не дам.
Уже, приблизившись к какой-то грани,
Я мучился во власти обожанья,
Уже, волнуясь за нее, стерег,
Не сбил бы ветер незнакомки с ног.
Уж думал, как бы по вине обвала
Она с обрыва в пропасть не упала.
Уже хватался за перильный брус,
Боясь, что это сон и я проснусь.

III

Прогуливаясь с ней по котловине,
Мы подошли к скатившейся лавине.
Как выброшенный на берег дельфин,
Лежал на брюхе снежный исполин.
Бока дымились. Он дышал стесненно.
Из синей пасти вытекала Рона,
От зноя выси были тяжелы.
Мы диких коз спугнули со скалы.
Поверенные наших тайн, наверно,
Разглядывали нас в упор две серны.
И я сказал: «И эти влюблены.
Их взоры на тебя устремлены».
С улыбкой губы тиская до боли,
Она вдруг рассмеялась против воли,
И детский хохот, разорвавши тишь,
Порхнул шумливо, как бесстыжий чиж,
Когда ж опять вернулся к розе белой,
Ее лицо уже пожаром рдело.
Юнгфрау, снеговая дева гор,
Не так волнует вечерами взор,
Как этот недоступный для жеманниц
Непроизвольный мраморный румянец,
Зажегшийся над ямочками щек, —

60 Правдивости смеющийся залог.

IV
Настали удивительные дни.
Мы были безмятежны и одни.
И в первобытности и изобильи
На лодке дни и ночи проводили.
И тишь была порою такова —
Казалось, изволеньем божества
Мы режем гладь не лодочным подцоньем,
Но по воде шагаем и не тонем.
И как бы подзывая: «Подойди», —
Она всегда скользила впереди.
Она была озерною мадонной,
Владелицею горного кантона.
За нами разбегался пенный слой
Двойной круговоротною волной.
Вся в капельках, как к колдовской прилуке,
К ней рыба из воды кидалась в руки.
И у нее, как королевы вод,
Был свой дворец и свой хрустальный грот,
Где верховодила она и смело
1 Могла со мною делать что хотела.

V
Однажды я блуждал меж антитез,
Небесный ангел ли она иль бес,
И несколько позднее в этом панне
Принес чистосердечно покаянье.
Вот дело было как. Из валуна
Часовня Теллю сооружена.
Мы подошли к скалистому обрыву.
Она сошла и крикнула шутливо:
«Я вас люблю!» — вертясь живей юлы,
*И оттолкнула лодку от скалы.
Как опишу я, что со мною стало,
Пока я удалялся от причала?
Тоска и ликованье, буря слез,
Восторг и неотвеченный вопрос,
Всерьез ли это или же в насмешку,
В моей душе теснились вперемежку.
И я не знал, по озеру ль плыву
Или в заоблачную синеву,
Теченьем ли от прибережных галек
} На середину увлекает ялик,
Или я ввысь прокладываю путь
И встречный вихрь мне разрывает грудь.
И лишь тогда заметил я, что — в лодке,
Когда подплыл по озеру к середке,
И с противоположного конца
Потребовали к берегу гребца.

VI
Часовню Телля окружает лес.
Над ней высокий каменный отвес.
Кругом краса и тишь. Подножье входа
Ступеньками зачерпывает воду.
Здесь было нами произнесено
Все, что переполняло нас давно.
Здесь колыхались рыжие извивы
Трех сосен, отразившихся с обрыва.
Здесь, задохнувшись после первых фраз,
Мы от воды не поднимали глаз
И видели в волнующейся раме
Свои изображенья под ногами.
Хоть в жизни оба эти существа
Еще соединяли лишь слова,
Качая отраженья, как фелуки,
Волненье им переплетало руки.
И ветреного полдня суета
Шутя, соединяла им уста.
Ах, как вода, играя и лукавя,
Была провидицей в своей забаве!

VII
Однажды, снизу обходя ледник,
Мы с ней проникли в ледяной тайник,
Разглядывая светлые ледышки,
Стояла спутница моя в одышке.
Ее прическу убелил мороз.
Пушистый иней лег вокруг волос.
Как бы из недр взволнованной породы
Живые слезы капали со свода
Так часто, что немного погодя
Она закуталась как от дождя.
Когда я увидал, как от капели
Росинки в волосах у ней горели,
Когда увидел, как на ней хорош
Фигуру облегавший макинтош,
Когда взглянул в ее глаза святые,
Я стал молиться ей: «Ave Maria!»
Она зарделась словно маков цвет
И спину повернула мне в ответ.
Я видел, как она на лед дышала
И чье-то имя пальчиком писала.
И вдруг услышал: «Если на роду
Мне писано за мягкость быть в аду,
Я, заживо вмороженная в льдину,
Как солнце в этом тайнике застыну,
О, если б тот, кто в жизни был мне мил,
Меня тогда дыханьем растопил!»

VIII
Пересечем лесистые бугры.

Поднимемся на снежный верх горы.
Здесь нет лесов, и веянье прохлады
Разносит звон пасущегося стада.
Садится солнце, сумрак в глубине,
Но долго-долго выси гор в огне.
Здесь через пропасти, как привиденья,
Бесшумно переносятся олени.
И парой крыл орлы сквозь бирюзу
Бросают тень на облака внизу.
Пойдем и совершим туда подъем,
И если мы обратно не придем,
Пускай о нас распространятся слухи,
Что на прогулке нас украли духи
Или что сами мы на Млечный Путь
Вступили и идем куда-нибудь,
Оставив по себе одно преданье
Среди созвездий или на Монблане.

IX

Едва ли кто слыхал о перевале,
Где духи гор, бывало, ночевали,
Как лебеди, рассевшись тяжело
И головы запрятав под крыло.
Едва ль имеет кто-нибудь понятье
О горной хате на отлогом скате,
И сколько роз под окнами цвело,
И сколько вишен торкалось в стекло,
И сколько соловьиных гнезд торчало,
И сколько звезд молчало и мерцало
В часы, когда с раскатом их рулад
Ночами состязался водопад,
И сколько стад под нами и над нами
На пастбищах бренчало бубенцами.
Едва ль еще кому-нибудь вдомек,
Где затерялся этот уголок,
Который то ль стерег угрюмый траппер,
То ль крыльями своими демон запер,
Раскинувши их от скалы к скале
В глухом ущелье, лучшем на земле.

X

Но слишком живописны были выси
В пахучем и смолистом кипарисе.
И надо было пресыщенья ждать,
Как выкупа за эту благодать.
Однажды под садовою оградой
Сидели мы внизу у водопада,
Где бушевал его могучий сброс,
За чтеньем книги, книги, полной слез.
Внезапно на какое-то мгновенье
Я поднял голову, прервавши чтенье.
Как неземной задумавшийся дух
Она сидела, обратившись в слух.

Вдруг свежий ветер, налетевший сзади,
В лицо ей бросил сбившиеся пряди.
Я с силою к себе ее привлек,
Целуя в распушившийся висок.
Вдруг повалили разные напасти —
Стремительно надвинулось ненастье,
Как грива, растрепался водопад,
'На нас обрушив ледяной ушат.
Мы вымокли. Запахло как в подвале.
С тех пор мы вместе больше не читали.

XI
С тех пор она, стесняясь и дичась,
Грустнее становилась каждый час.
Все чаще забывалась на аллее,
Закинув руки с мукою за шею
И устремив отсутствующий взор
Куда-нибудь на небо иль в простор.
Все более, подобно хворой птичке,
Утрачивала прежние привычки.

XII
Тогда я, видя, как она убита,
Оправдываться стал в свою защиту
И что-то искреннейше плел и плел
Про берег речки и ольховый ствол,
Из-за которого зарей в тумане
Я наблюдал ее возврат с купанья,
Про плеск воды, и шелест камыша,
И хруст песка, и шорох голыша,
Что в заводи белела так кувшинка,
Как будто на перилах за кабинкой
Сушила горничная простыню,
Что я лишь их в случившемся виню
И что, хоть я ничуть не соглядатай,
Мне грусть ее — достойная расплата.
XIII
Уж я сказал, краснея от стыда,
Она о том не знала никогда
И безотчетной краской походила
На пышущее изнутри кадило.
Как бы стараясь уголек раздуть,
Смущенье ей приподнимало грудь.
Так и сейчас. Казалось, предрассудок
Спалит на ней венок из незабудок —
Так стала от стыда она ряба,
От подбородка вспыхнувши до лба.
Все это было точно голос детский,
Раздавшийся средь лжи великосветской,
И только не присутствовала мать,
Чтобы ребенка горе унимать,
Да в кругозоре ночи беспредельной

Недоставало песни колыбельной.

XIV

Быть может, с ангелами в вышине
Сейчас ты тужишь о своей вине
И говоришь им на своем примере
О грешнице, о случае в пещере,
Или об ослепляющей мечте,
Или о перепуге в темноте,
Иль о карающем Господнем громе,
Или о том, как в утренней истоме,
Среди ночных бесед в какой-то миг
Рассвет нас неожиданно застиг
Под зарослями в высохшем протоке,
Где спали мы, прижав друг к другу щеки.
Об этом ты? Про утреннюю рань?
И — ангелам? Не надо, перестань!
Не кайся перед ними и не сетуй!
Какое искушенье слушать это,
Когда ты исповедуешься им,
Жар сказанного непереносим.
Ах, если бы и я не ведал тлена
И ангелом носился по вселенной
И, лучезарный, став во весь свой рост,
Мог головою доставать до звезд,
О, как охотно все невероятья
Я б отдал за одно твое объятье!

XV

Гроза прошла. Как бы в самозащите,
Она второю вышла из прикрытья.
От пастбищ пар клубами к небу шел,
Как будто гром ударил в суходол.
Еще по-утреннему было сыро,
И туча тлела радугою мира.
Ей было странно: так же, как вчера,
Дышали розы, высилась гора.
Она дивилась радуги сиянью,
Столь необычному такою ранью,
И неба голубому молоку,
И месяца бледневшему кружку.
В ней было все так сдвинуто и ново,
Что и кругом она ждала иного.
Вдруг, проходя по каменной гряде,
Она себя увидела в воде.
В спокойном зеркале озерной глади
Белела девушка в простом наряде.
Была до дна недвижна глубина,
И девушка отчетливо видна —
И волосы, и губ ее кораллы,
И бледный облик, как вода, усталый.

XVI

Мгновенья есть: настанет тишина,
Ждут соловьи, чтобы взошла луна,
Листва замрет без шелеста над крышей,
Ручьи стараются струиться тише,
И у звезды такой разумный вид,
Что, кажется, вот-вот заговорит.
Мгновенья есть, когда из-за тумана
Показывается лицо Дианы.
Тут соловьи и поднимают свист,
И воздух вдруг становится смолист,
И начинают петь ручьи по склонам,
И шелест разбегается по кленам,
И вот шумит и ясеней листва,
И лишними становятся слова.
В минуты эти предают забвенью
Обиды, промахи и прегрешенья.
В одну из этих редкостных минут,
Оглядывая горный свой приют,
Мы обо всем на свете понемногу
Беседовали тихо у порога.

XVII

Как жаворонок в высях на заре,
Звонил порой отшельник на горе.
Прислушиваясь раз к его трезвону,
Она мне предложила убежденно:
«Расскажем старцу. Пусть он разберет.
Мне больше не по силам этот гнет.
Пусть обречет меня огню и муке
Иль на любовь соединит нам руки.
Пусть снимет с нас обоих этот грех.
Я жить привыкла честно, без помех».
Она пошла переодеться в сени
И вышла. Это было превращенье!
Она надела платье этих мест,
С корсажем и шнуровкою невест.
От неожиданности я вначале
Не узнавал швейцарки под вуалью.
На голове, венчая черный ток,
Качался проволочный мотылек.
Две чайных розы, только что из вазы,
Смотрели из-под падавшего газа.
Я вел ее, волнуясь, как на бал,
И к мотыльку на шляпке ревновал.
Дай, думал я, поглядывая с краю,
Крыло я этой бабочке сломаю.
Но не было мне радости вдвоем:
Предчувствия мрачили наш подъем.
Когда я сверху посмотрел в долину,
Сосновый домик в заросли жасмина
Чернел, как гробик, а вишневый сад,

Как кладбище в селе, печалил взгляд.
Каким все сверху показалось слабым,
Каким ничтожным по своим масштабам.
Так вот она, пещера изо льда!
Так вот они, хваленые стада!
Печально я карабкался по круче
И вижу как сейчас: утесы, тучи,
Орлов на леднике, кровоподтек
Садящегося солнца, лес у ног.
И след косых заносов: снег и ельник,
Где путников откапывал отшельник,
Крыльцо, и крест, и старца самого,
И сенбернара, и синиц его.
Где это все? Я старше стал и строже,
*И вместе все теперь на сон похоже.
Но помню пальчика ее ледок,
Когда я надевал ей перстенек,
И дрожь ладони при моем пожатьи,
И луч зари на каменном распятьи.

XVIII

Луга, долины, рощи и потоки,
Не жалуйтесь мне, как вы одиноки!
Не говорите мне, что я бедняк.
Я оглушен, со мной и так столбняк.
Я упаду без чувств и в летаргии
Опять черты увижу дорогие.
И светлый взор, и нитку черных бус
И вытянусь навстречу и проснусь.
Опять проснусь, опять недоуменно
Спрошу, куда я эту тяжесть дену.
Опять слоняться буду и в тоске
Писать родное имя на песке.
Или в знакомой заросли жасмина
В недвижности, задумавшись, застыну,
Как неудачник, потерявший клад
И шарящий в пространстве наугад.

XIX

Под окнами ночами неустанно
Переговариваются фонтаны.
В садах неистовствуют соловьи,
И месяц светит в комнаты мои.
Когда без жизни, вроде рыбы снулой,
Я пробуждаюсь от ночного гула,
И слышу плеск, и подхожу к окну,
И вижу за деревьями луну —
Все это в сердце растравляет раны.
Я смерти жду и скоро тенью стану,
Но это не конец, и я живу,
И плач фонтанов льется в синеву.

XX
Когда я мыслью погружен в былое,
По-разному я этот образ строю.
То наклоняется она ко мне,
Меня внезапно разбудив во сне,
То близ меня, задумавшись и хмуро,
Рассматривает книжную гравюру,
То в горы пред собой вперяет взгляд,
То, шествуя со свитою ребят
С величественным видом королевы,
Подходит с сельской детворою к хлеву,
То дремлет под платанами в тени,
То гости в домике, то мы одни,
То лунный свет деревьев тени движет,
То зарево заката Альпы лижет!

XXI
Как только ночью вызвездит, иду
К воде, на каменистую гряду.
Последний мой и незавидный жребий:
Созвездьем Лебедя пленяться в небе.
Найду и мысленно держу полет
За ним в бездонный черный небосвод.
Проходит жизнь, и, видно, ниоткуда
Я больше облегченья не добуду.
Где б ни был я, что б ни произошло,
Мне больно знать и помнить тяжело.
Но иногда я о далеком крае
Со слабою надеждою мечтаю,
Где б я разбитым сердцем овладел
И положил его тоске предел,
Где летней ночью водяные хляби
Окрасит месяц золотою рябью,
И где душа, не дожидаясь дня,
Тихонько ночью выйдет из меня.

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

С вами жил я, и плакал, и мучился с вами.
Равнодушным не помню себя ни к кому.
А теперь перед смертью, как в темном
предхрамьи,
Головы опечаленной не подниму.

Никакого наследства я не оставляю
Ни для лиры умолкнувшей, ни для семьи.
Бледной молнией имя мое озаряя,
Догорят средь потомства творенья мои.

Вы же, знавшие близко меня, расскажите,
Как любил я корабль натерпевшийся наш

И до этой минуты стоял на бушприте,
Но тону, потому что погиб экипаж.
И когда-нибудь, в думах о старых утратах,
Согласитесь, что плащ был на мне без пятна,
Не из милости выпрошенный у богатых,
А завещанный дедом на все времена.

Пусть друзья мое сердце на ветках алоэ
Сообща как-нибудь зимней ночью сожгут
И родной моей матери урну с золою,
Давшей сердце мне это, назад отнесут.

А потом за столом пусть наполнят бокалы
И запьют свое горе и нашу беду.
Я приду к ним и тенью привижусь средь зала,
Если узником только не буду в аду.

В заключенье, живите, служите народу,
Не теряйте надежды, чтоб ночь побороть.
А придется, каменьями падайте в воду
В светлой вере: те камни кидает Господь.

Я прощаюсь со считанною молодежью,
С горстью близких, которым я чем-либо мил.
За суровую долгую выслугу Божью
Неоплаканный гроб я с трудом заслужил.

У какого другого хватило б порыва
Одиноко, без всякой подмоги чужой,
Неуклонно, как кормчие и водоливы,
Править доверху душами полной баржой.

И как раз глубина моего сумасбродства,
От которой таких навидался я бед,
Скоро даст вам почувствовать ваше сиротство
И забросит в грядущее издали свет.

КАРЕЛ ЯРОМИР ЭРБЕН

КЛАД

На пригорке бук, березка,
Церковь, бедное селенье.
Благовеста отголоски
Замирают в отдалении.
Но не колокол уныло
Посылает весть приходу,
Это звук простого била
В деревянную колоду.

И по стуку колотушки
Крутизну одолевая,

Валит люд из деревушки.
Нынче пятница Страстная.
В церковь внутрь не протесниться.
В глубине меж стен суровых
Перед черной плащаницей
Скорбный звук Страстей Христовых.

Что шумит в пустом и звонком
Перелеске за оврагом?
Это женщина с ребенком
Сходит торопливым шагом.
Это с мальчиком крестьянка
В белой праздничной одеже
Вниз спускается полянкой
Торопливо в церковь Божью.

В глубине источник вешний
Плещет пеной по корягам,
Но она бежит поспешней,
Чем течет вода оврагом.

И не шутка: с косогора
И порубок прошлогодних

Тянут отголосок хора.
Скорбный звук Страстей Христовых.

Вдруг как вкопанная стала.
Шепчет: «Верить ли глазам мне?
Здесь со времени обвала
На дороге были камни».

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

* * *

Средь нашего земного рая
Не знаю красоты милей,
Чем мать с младенцем молодая.
Когда я молча перед ней
Стою, часами без отрыва
Заглядываясь, как на диво,
Какой-то тайный страх тоскливо
Сжимает существо мое.
Мне делается жаль ее.
10 В душе, как пред святой иконой,
Слагается ей похвала,
И я молюсь ей потаенно,
Как той, что Бога родила.
Ей любо ночью то и дело

Вставать, чтоб только бросить взгляд,
Ее сокровище ли цело,
И утром нянчить этот клад
И целовать его без счету,
Как маленькое божество,
20 Молиться Богу за него
И выходить с ним за ворота,
И наблюдать его успех,
Садиться с важностью царицы,
И радоваться, и гордиться,

И думать — мальчик лучше всех,
И как бы говорить: «Глядите
Сюда, на этого орла».
И веровать, что для села
Ребенок — главное событье.
Счастливая!
Пройдут года,
И вырастут твои ребята.
Жизнь унесет кого куда
На заработки и в солдаты.
Одна как перст, наденешь ты
Свои лохмотья, но заплаты
Уже не скроют наготы.
Родные не истопят хаты.
Захочешь хворосту набрать,
Чтоб развести огонь из веток,
'Присядешь и не сможешь встать
И, падая, старуха мать,
Начнешь, пред тем как замерзать,
Молиться за далеких деток...
Но даже это благодать.
А та!
Насколько же плачевней,
Страдалица, твой тяжкий крест!
Дрожа, обходишь ты деревни,
Чураясь многолюдных мест.
Ты прячешь на груди малютку,
) Чтобы не высмеял народ,
Чтоб чиж не прочирикал в шутку:
«Вот девушка несет ублюдка,
Несет любви внебрачный плод».

Что с тобою, бесталанной?
Где твой вид румяный?
От былого загляденья
Не осталось тени.
Все малыш. Лишили крыши,
Выгнали с порога.
0 Под собою ног не слыша,
Вышла на дорогу.
Вор и нищий взор отводят,

Как от прокаженной.
А малыш еще не ходит,
Дурень несмышленый.
И средь горечи и срама
Он еще не скоро,
Забавляясь, скажет «мама»
Под доской забора.
Ты расскажешь откровенно
Бедному ребенку
Про обиды и измены
Подлеца барчонка.
Лепет мальчика искупит
Эту жизнь без дома.
Впрочем, скоро сын поступит
Вожаком к слепому.
И тогда тебя в награду
Бросит под оградой
>Да еще покроет бранью
За твои страданья,
За твоей любви горячей
Жертвы и лишенья
Да за свой удел бродячий
И позор рожденья.
И зимою, от увечья
В поле замерзая,
Ты не вспомнишь бессердечья
Сына-негодяя.
} Оттого меня забота
О несчастной гложет,
Что бедняжка обормота
Позабыть не может.
Что она ему, поганцу,
Сонной этой туше,
Не жалея щек румянца,
Подарила душу.
А бывает, это чадо —
Выродок убогий,

И души ему не надо:
Это черт безрогий.
Хорошо на свете барам,
Все им сходит даром.
Свой ли сын или племянник,
Не проймешь их этим.
Матерей там нет, и нянек
Нанимают к детям.

МАРИЯ
ПОЭМА
Радуйся, Ты бо обновила
еси зачатыя студно.

Акафист Пресвятой Богородице,
икос 10
Все упование мое,
Пресветлая Царица рая,
На милосердие Твое —
Все упование мое,
Мать, на Тебя я возлагаю.
Святая сила всех святых!
Пренепорочная, Благая!
Молюсь, и плачу, и рыдаю:
Воззри, Пречистая, на них,
10 И обделенных, и слепых
Рабов, и ниспошли им силу
Страдальца Сына Твоего —
Крест донести свой до могилы,
Не изнемогши от него.
Достойно Петая! Взываю
К Тебе, Владычица земли!
Вонми их стону и пошли
Благой конец, о Всеблагая!
А я, незлобный, воспою,
20 Когда вздохнется легче селам,
Псалмом спокойным и веселым
Святую долюшку Твою.
А ныне — плач, и скорбь, и слезы...
Души, убогой от рыданий,
Убогой данью предстою.

У плотника иль бочара,
Иосифа того святого,
Жила Мария и росла.
Росла в батрачках, подрастала,
'И выданья пришла пора...
Мария, словно розан алый,
В убогой хате расцвела.
Невзрачно было в бедной хате,
Но рая тихого светлей.
Бочар, батрачкою своей
Любуясь, как родным дитятей,
Бывало, знай глядит в упор,
Забыв рубанок и топор;
И час пройдет, и два пройдет,
} А он и глазом не мигнет
И размышляет: «Сиротина!
Одна, ни дома, ни семьи!
Вот если б... Но года мои...
Да свет ведь не сошелся клином!..»
А та стоит себе под тыном
И белую волну прядет
Ему на свитку к именинам,
Или на берег поведет
Козу с козленочком болезным

}И попасти и напоить.
Хоть то и даль, в краю окрестном
Ей по душе был Божий пруд,
Широкая Тивериада.
И как она, бывало, рада,
Что нет запрета ей, и тут
Дозволено без всяких пут
На пруд ходить. Идет, смеется...
А он по-прежнему сидит
И за рубанок не берется.
°Коза напьется и пасется,

И девушка одна стоит,
И на широкий пруд с пригорка
Поглядывая зорко-зорко,
Она печально говорит:
«Тивериада, посоветуй,
Скажи мне, царь озер, открой,
Что дальше будет в жизни этой
С Иосифом и бедной мной?» —
И, молвив, сникла, как раина
От ветра клонится в яру. —
«Как дочь, его я не покину,
Плечами юными своими
Я плечи старца подопру».
И так взглянула облегченно,
Так выпрямилась сгоряча,
Что край заплатанный хитона
Спустился с юного плеча.
Такой красы земное око
Еще не видело ничье,
Но черное бездушье рока
По терну повело ее.
Над бедною смеясь жестоко.
Вот доля-то!
Она пошла
Вкруг пруда медленной походкой,
Лопух у берега нашла,
Покрыла сорванной находкой,
Как шляпой, бедную свою
Головку, горькую такую,
Свою головоньку святую,
' И скрылась в роще на краю.
О, свет Ты наш незаходимый!
О Ты, Пречистая в женах!
Благоуханный крин долины!
В каких полях, в каких лесах,
В расселине какого яра
Ты можешь спрятаться от жара
Огнепалящего того,
Что сердце без огня растопит
И без воды зальет, затопит

Твое святое существо?
Где скроешься от доли слезной?
Нигде! Огонь прорвался, — поздно!
Разбушевался он, и вот
Напрасно сила пропадет.
Дойдет до крови, до кости
Огонь тот лютый, негасимый,
И, недобитая, за Сыном
Должна Ты будешь перейти
Огонь геенский. То пророча,
'Уже заглядывают в очи
Тебе грядущего огни!
Не сокрушайся. Отверни
Глаза от страшного обличья,
И лилии вплети в девичью
Косу иль мак и ляг в тени
Под старый явор и усни,
Покамест время.
Из рощи, краше звезд ночных,
Выходит ввечеру Мария.
] Вдали пред ней Фавор-гора,
Литая как из серебра,
Вздымает ввысь бока крутые
И ослепляет.
Подняла
На тот Фавор свои святые
Глаза Мария — и козла
С козой из рощи увела.
Потом запела:
«Рай без краю, —
Темный лес!
3 Я не знаю,
Молодая,
Долго ль, Боже,
Погуляю
Среди твоих чудес?»
И замолчала.
Кругом рассеянно взглянула,
Козленка на руки взяла,
Тоску минутную стряхнула
И зашагала, весела.
И, как младенца-недотрогу,
Того козленка, что ни шаг,
Трясла и тискала дорогой
И вскидывала на руках.
Укачивала, щекотала,
К груди, целуя, прижимала
И нянчила, и козлик льнул,
Как кот спросонок, не упрямясь,
Как котик ластился, покамест
И в самом деле не уснул.
Без устали версту-другую

'Прошла она, чуть не танцуя.
Подходит, видит:
смотрит вдаль
Ее старик, в глазах печаль.
Сидит в тоске у палисада,
Встает, не отрывает взгляда.
«Где, — молвит, — пропадала ты,
Дитя, до самой темноты?
Да что уж, ладно, непоседа!
Пойдем в беседку; пообедай,
А после вместе посидим
}С веселым гостем молодым».
«Откуда гость?»
«Из Назарета.
Зашел к нам переночевать.
И слышно, Божья благодать
На старую Елизавету
Вчерашним утром снизошла:
Младенца-сына родила,
И старенький ее Захарий
Иваном мальчика нарек.
Вот видишь ли...»
И на порог
0 Выходит гость чужесторонний,
Сияя писаной красой
В белеющем, как снег, хитоне,
Высокий, стройный и босой.
И вот Марии боязливой
Отвешивает он поклон,
Ата стоит и все ей в диво —
И свет над гостем, и хитон.
Она взглянула на сиянье
И ни жива и ни мертва
'Коснулась, затая дыханье,
Иосифова рукава.
Потом глазами пригласила
Его во глубину шатра
И сыром козьим угостила,
Водой криничной из ведра.
Сама же не пила, не ела,
Но втихомолку, как сперва,
На гостя из угла глядела
И слушала его слова.
} И те слова его святые
На сердце падали Марии,
И у бедняжки то и дело
От них кружилась голова.

«Во Иудее искони
Того, — сказал он, — не бывало,
Что вы увидите. Равви,
Равви великого начала

На свежевспаханной нови
Посеяны, и мы не чаем,
0 Каким богатым урожаем
Взойдут и вызреют они.
И возвестить иду Мессию».
И помолилася Мария
Перед апостолом.
Горит
Костер, тихонько дотлевая.
Иосиф праведный сидит
И думу думает.
Ночная
Звезда на небосклон взошла.
Мария встала и пошла
К колодцу по воду с кувшином,
И следом гость, покуда мгла,
Догнал ее на дне лощинном...
С благовестителем часок
Прошли втроем ночною тишью
И двинулись домой, не слыша
От счастья под собою ног.

Все ждет и ждет его Мария,
Все ждет и плачет. Молодые
Глаза и щеки и уста
'Заметно вянут.
«Ты не та, —
Иосиф говорит с заботой, —
Не та, Мария, цветик мой,
С тобой случилось, дочка, что-то.
Венчаться надо нам с тобой.
А то... (Не приведи Бог худа,
Подумал, но не молвил вслух.)
Обладим это, милый друг,
И скроемся скорей отсюда».
Навзрыд, сбираясь второпях,
] Мария плачет и рыдает.

И вот они в пути шагают.
Старик с котомкой на плечах
Идет продать на рынке кружку
И свадебный платок цветной
Купить в подарок молодой
И за венчанье дать полушку.

О старец, правдою богатый!
Не от Сиона благодать,
А из твоей смиренной хаты
}Нам воссияла. Если бы
Пречистой ты не подал руку,
Рабами, бедные рабы,
Доселе гибли б мы...

О мука!
О, тяжкая души печаль!
Не вас мне, горемычных, жаль,
Слепые, нищие душою,
А тех, что видят над собою
Топор возмездья — и куют
Оковы новые. Убьют,
'Зарежут вас, душеубийцы,
И в окровавленной кринице
Напоят псов!
Куда ж пропал
Лукавый гость твой, гость недавний?
Зачем взглянуть не пожелал
На брак тот славный и преславный
И подмененный! Не слыхать
Ни о самом, ни о Мессии.
А люди ждут и будут ждать
Неведомо чего.
Мария,
'Среди несчастья твоего
На что надеешься еще ты?
На Бога ли твои расчеты
И на апостола его?
Не жди спасенья ниоткуда,
Благодари и чти за чудо,
Что входишь венчанной женой
В дом плотника, что он с порога
Тебя не выгнал на дорогу
И ты за каменной стеной.
) А то бы кирпичом убили...
В Ерусалиме говорили
Тихонько, что в Тивериаде
Какого-то мечом казнили
Или распяли на кресте
За проповеди о Мессии.
«Его!» — промолвила Мария
И, радуясь своей мечте,
Пошла домой.
И рад особо
Старик, что девушки утроба
280 Скрывает праведную душу
За волю распятого мужа.

И так они идут домой.
Приходят в дом, живут неделю,
Но в доме нет у них веселья.
Он трудится над колыбелью
Своей работы, а она,
На поле глядя из окна,
Сидит за кройкою и строчкой
И крошечную шьет сорочку —
290 Кому еще?

«Хозяин дома? —
Спросили со двора. — Указ
От кесаря, чтоб сей же час
Вы шли без всяких отговорок
Для переписи в Вифлеем!»
И, закатившись за пригорок,
Тот окрик стихнул вслед за тем.

Мария — тотчас печь лепешки.
Запас опресноков спекла,
Сложила молча их в лукошко,
300 Со старым в Вифлеем пошла.
Идут они.
«Святая сила!
Спаси нас, Боже, и помилуй!»
Взмолилась, утерев слезу.
Идут, смирясь перед судьбою,
Идут и тропкой пред собою
Козленка гонят и козу.
Их бросить дома нелегко;
И Бог пошлет в пути, быть может,
Ребенка, — вот и молоко.
310 Не отбегая далеко,
Скотина рядом ветки гложет.
За ней идут отец и мать
И начинают толковать.
«Протопресвитер Симеон, —
Не торопясь Иосиф начал, —
Мне сказывал: святой закон,
Что людям Авраам назначил,
Восстановят мужи ессеи
В той силе, как при Моисее.
И верь, — прибавил, — не умру,
Пока Мессии не узрю!
Ты слышишь ли, моя Мария?
Придет Мессия?» — «Он пришел,
И мы уж видели Мессию!» —
Мария молвила.
Нашел
Старик в своей суме лепешку
И говорит:
«Поешь немножко!
Пока что будет, подкрепись!
Дорога дальняя, садись.
>И я умаялся, присяду!»
И сели при пути в прохладу
Полудновать.
А солнце вниз
Все шибче катится — и село.
И вдруг — невиданное дело,
Аж вздрогнул плотник: только мгла
На поле дальнее сошла,

Горящая метла с востока,
Над самым Вифлеемом, сбоку,
Метла косматая взошла
} И степь и горы осветила.
И в этот миг, теряя силы,
Мария Сына родила,
Того единственного Сына,
Который нас от рабства спас,
И, непорочный, неповинный,
На крест пошел за грешных нас!
Дорогой тою гнали стадо.
Их увидали пастухи
И взяли мать к себе, и чадо
Эммануилом нарекли.

А на рассвете в Вифлееме
На площади гудит народ:
Последнее приходит время,
Беда-напасть на нас идет.
В толпе то громче пересуды,
То, стихнув, ловят новый слух,
Как вдруг, вбегая: «Люди, люди! —
Кричит на площадь всю пастух. —
Пророчество Иеремии
'Сбылось; пророк Исайя прав!
У нас, у пастухов, Мессия
Вчера родился!..»
Прокричав:
«Мессия!.. Иисус!.. Осанна!..» —
Толпа остыла и нежданно
Рассеялась.
А через час
По Иродову приказанью
Введен был в город легион.
Тогда свершилось злодеянье,
Неслыханное испокон.

^ще в кроватках детки спали,
В купелях воду нагревали,
Зря матери старались, знать:
Их больше не пришлось купать.
Уж в их крови легионеры
Ножи омыли, изуверы.
Как то могла земля принять?
Так вот, иная мать, смотри,
Что Ироды творят цари!
Мария и не хоронилась
}С своим младенцем.
Слава вам,
Убогим людям, пастухам,
Что сберегли ее и скрыли
И нам Спасителя спасли

От Ирода! Что накормили
И, напоив, не поскупились
Ей дойную ослицу дать,
Хотя и горемыки сами;
И с Сыном молодую мать
Пустились ночью провожать
1 Кружными тайными путями
На путь Мемфисский.
А метла,
Метла горящая светила
Всю ночь, как солнце, и плыла
Перед ослицей, что несла
В Египет кроткую Марию
И в мир пришедшего Мессию.

Когда б на свете где хоть раз
Царица села на ослицу,
Сложили б про нее рассказ
] И стали б на нее дивиться!
А эта на себе несла
Живого истинного Бога!
Тебя, родная, копт убогий
Хотел купить у старика,
Да пала Ты: видать, дорога
Тебе не выдалась легка.

Вот, в Ниле выкупанный, спит
В пеленках малый у обрыва.
Мать колыбель плетет из ивы,
1 Сидит, не утирая слез,
И колыбель плетет из лоз.
Иосиф наш трудолюбивый
Постройкой занят шалаша
Из срезанного камыша,
Чтоб было где укрыться ночью.
Вдоль Нила сфинксы, как сычи,
Таращат неживые очи,
И, выстроясь по нитке в ряд,
Отряды пирамид стоят
8 песках сторожевым кордоном,
Давая фараонам знать,
Что Божьей правды благодать
Означилась под небосклоном,
Чтоб фараонам не дремать.

Мария шерсть пошла мотать
У копта, а Иосиф старый
Взялся пасти овец отару,
Чтоб денег на козу собрать.
Проходит год.
Не унывая,
) Святой наш старец день-деньской

Сбивает бочки в мастерской,
Устроенной в углу сарая,
И знай мурлычет.
Ну, а ты?
Не плачешь ты, не напеваешь,
Гадаешь, думаешь — гадаешь,
На путь как сына навести,
Как в правде воспитать высокой,
Как уберечь от тьмы порока
И от житейских бурь спасти...

Еще проходит год.
На травке
Коза пасется, а малыш
С козленком возится под лавкой.
А на крыльце с куделью мать
Не может взора оторвать
От их веселья.
Вдоль забора
Старик едва плетется в гору.
Был в городе, сбывал заказ
И по гостинцу всем припас.
Для сына пряник есть медовый,
Для матери — платочек новый,
К своим сандалиям ремни, —
Давно изношены они.
Вошел, передохнул с устатку
И говорит:
«Не плачь, касатка,
Какую новость я узнал:
Жить Ирод долго приказал.
Наелся на ночь до отвала —
И поутру его не стало.
Такие, видишь ли, дела.
'Вернемся в сад наш за оградой.
Пойдем домой, моя отрада!»
«Идем!» — сказала и пошла
На Нил стирать белье ребенку.
Паслась коза, прильнув к козленку,
Иосиф сына забавлял,
Пока Мария в водах Нила
Ребенку рубашонки мыла.
Потом в избе ремни размял
И пару добрых сплел сандалий.
Потом они котомки взяли,
В далекий путь направив шаг
С младенцем малым на руках.

Вот кое-как дошли до дому.
Не дай Бог взору никакому
Наткнуться на такой разгром!
На что уж глушь! Ведь под защитой

Тенистой рощи хата скрыта,
А в хате этой все вверх дном!
Придется спать среди развалин.
} Мария кинулась от них
К ключу, но как и он печален!
Здесь некогда в счастливый миг
С ней встретился тот гость красивый.
Как изменилось все! Родник
Порос бурьяном и крапивой.
Мария, горю нет границ!
Молись и волю дай моленьям!
В слезах кровавых павши ниц,
Вооружись долготерпеньем!
С отчаянья Мария там
Едва тогда не утопилась.
Что было б непрозревшим нам?
Дитя б без Матери томилось,
И мы по сей на свете час
Не знали б правды, душегубы...
Но, вовремя остановясь,
Мария горько сжала губы
И, прислонившись к стенке сруба,
Свободно выплакалась всласть.
'В те времена Елизавета,
Вдова, в предместье Назарета
С Иваном маленьким жила
И приходилась им роднёю.
Вот ранней зорькою одною
Мария малого взяла
И с мужем в Назарет пошла
К той родственнице и вдовице
Внаймы из милости проситься.

Тем временем дитя растет,
Растет себе и подрастает,
Растет, не ведая забот,
И с мальчиком вдовы играет.
Играли раз они у рва,
Две палки подобрали с краю
И тащат матерям к сараю
С преважным видом на дрова.
Знай наших, мол (известно, дети!),
И просто загляденье эти
Веселых мальчугана два.
} И вот меньшой берет нежданно
Вторую палку у Ивана
(Иван скакал на ней верхом)
И складывает их крестом,
Чтоб дома, видите, похвастать,
Что он уж мастер хоть куда...
Мария обмерла, когда
В руках у сына увидала

Тот крестик-виселицу.
«Стой! —
Вскричала мать, — недобрый, злюка
Тебя подбил на эту штуку.
Брось палки прочь, сыночек мой!»
И мальчик, материнским страхом
Ошеломлен и с толку сбит,
Святую виселицу махом
Швырнул и зарыдал навзрыд.
Он плакал в первый раз. Впервые
Лил эти слезы ей на грудь.
Поглубже в сад под тень Мария
С ним поспешила завернуть.
Там пестовала, целовала
Его без счету, тормоша,
И коржик в рот ему совала,
Угомонила малыша.
Разнежившись от утешений,
Зевнул он, растянулся, лег
На материнские колени
И задремал, как ангелок.
Он спит, и беспокойным оком
В слезах на сына смотрит мать,
1 Чтобы не всхлипнуть ненароком
И сна его не разогнать.
Крепилась, да не тут-то было:
Сама ту дрему прервала.
Слезой упавшей разбудила.
Кипящей каплей обожгла.
Свою печаль от сына прячет,
Но мальчика не обмануть:
Все понял он — и, к ней на грудь
Упавши, вместе с нею плачет.

} Из заработков ли скопила,
Взаймы ли у вдовы взяла,
За четвертак букварь купила,
Ребенка в школу отвела.
Сама б растила грамотеем,
Да неученая была.
Учиться он ходил к ессеям,
А душу сына мать блюла,
С ним в класс Иван был отдан вдовин.
Всем выдался Иван в него,
1И как росли ребята вровень,
Так и учились.
Баловство
Не коренилось в мальчугане.
Он детских не любил проказ.
Бывало, в стороне держась,
Забьется где-нибудь в бурьяне
И тешет клепку, — так мальцу

Хотелось помогать отцу.

Ему пошла весна седьмая
(Постиг уже он мастерство).
) Лежал Иосиф, отдыхая,
И любовался на него.
Какие у него задатки?
Каким займется ремеслом?
Вот как-то, ведра взяв и кадки,
Они отправились втроем
На ярмарку да прямо в самый
Что ни на есть Ерусалим.
Хоть далеко, — они упрямы:
Там цены выгоднее им.
} Пришли, расставили посуду.
Куда ж девался баловник?
Мать мечется и ищет всюду.
Нет сына, хоть кричи на крик.
Бежит в испуге в синагогу
Защиты попросить у Бога.
И тут — сокровище благих!
Попав на сборище к раввинам,
Сидит он с личиком невинным
И, крошка, поучает их,
Как в свете жить, людей любить,
За правду стать, за правду сгинуть.
Без правды горе!
«Горе вам,
Учители архиереи!..»
И удивлялись фарисеи
И книжники его речам,
А радость матери Марии
Неизреченна! Ведь Мессия
Воочию пред нею Сам.
С утра продавши весь товар,
Во храме помолились Богу
И вышли холодком в дорогу,
Когда остыл полдневный жар.

Так и росли, так и учились
Святые деточки вдвоем,
И ими матери гордились.
Они тернистые пути
Избрали, вышедши из школы, —
Освобожденья путь тяжелый,
Во имя Божьего глагола
>Не устрашась на крест пойти.
Иван в пустыне жил неведом,
А твой пошел в народ.
За ним,
За Сыном праведным своим,
Пошла и Ты покорно следом,

Иосифа на склоне лет
Совсем покинув; Сыну вслед
И Ты пошла навстречу бедам,
Пока, скитаясь, не пришла
К самой Голгофе.
Ибо всюду
3 Святая Мать за Сыном шла,
На речи Сына и дела
Смотрела, и, дивясь, как чуду,
Издалека, наедине,
От счастья млела в стороне.
Бывало, он, на Елеоне
Присев, вздохнет.
Ерусалим
В красе раскинется под ним,
И блещут в золотом виссоне
Израильский архиерей
И римский золотой плебей!
И так он, сидя, заглядится
На иудейскую столицу,
Что час пройдет, не вспомнит мать,
И два пройдет, забудет встать,
И вдруг заплачет беспричинно.
Заплачет и она, в лощину,
К ключу спускаясь за водой.
С водой вернется, успокоит,
Стопы усталые омоет,
'Даст пить, возьмет хитон худой,
Зашьет его и удалится,
Чтоб за смоковницей седой
От сына в стороне таиться
И охранять его покой.
А вот из города ребята.
Его любила детвора
И с ним по улицам с утра
Толпой ходила до заката.
Сбегались и на Елеон,
^от и сейчас пришли резвиться.
«Святые!» — тихо молвил он,
Навстречу встав их веренице,
И подошел, благословил,
И с ними сел, как встарь, играть,
В ребенка превратясь опять.
Потом, повеселев душой,
Спустился с ними на закате
На проповедь в Ерусалим
Спасенье возвещать глухим.
}Не вняли — предали распятью!
Как распинать Его вели,
Вокруг Тебя на перекрестке
Стояли дети и подростки,
А взрослые ученики

Поразбежались, как от плети.
«Пускай идет, пускай идет!
Вот так и вас Он поведет! —
Сказала Ты.— Смотрите, дети!»
И наземь грохнулась с тоски.
1 Без Сына опустел весь свет.

Ночуя под плетнями, позже
Вернулась Ты в свой Назарет.
Вдову похоронили Божью,
Чужими труп ее зарыт.
Иван давно в тюрьме убит,
Иосифа не стало тоже,
Одна, как перст, лишь Ты одна
Осталась в эти времена.
Уж как талан Твой, видно, латан.
Трусливые ученики
Ушли от пыток в тайники,
И, выведав, где кто попрятан,
Ты стала собирать бедняг.
Однажды ночью в полном сборе
Они с Тобой сидели в горе,
И Ты, великая в женах,
Их малодушие и страх
Дыханьем огненного слова
Развеяла, как горсть половы,
) И дух в их бренные тела
Святой свой вдунула. Хвала
И слава ввек Тебе, Мария;
Воспрянули мужи святые
И в разные концы земли
Во имя мученика-Сына
И памяти Его невинной
Любовь и правду разнесли.
Ты ж после с голоду у тына
В Польши умерла. Аминь!

А после смерти чернецы
Тебя одели в багряницу
И золоченые венцы
Тебе дарили, как Царице.
Прибили и Твою к кресту
Поруганную простоту,
И оплевали, и растлили,
А Ты, как золото в горниле,
Такой же чистой, как была,
В душе невольничьей взошла.

АЛДЖЕРНОН ЧАРЛЗ СУИНБЕРН

ДЖОН ФОРД
ПЕРЕВОД ПОСВЯЩАЕТСЯ И. А. АКСЕНОВУ

Из горных недр, где ночь железом сжала
Наплыв опалов, талей голубей,
На изваянье мрамора набей,
Чтоб встал с Мемнона мощью матерьяла
Тот чародей, чье властное ваяло
Врезало в ночи ночь резцом скорбей.
Чья память на плите — как знак запала
Кронида меж титановых бровей.
День мраморной не расколышет глыбы
И не расслышит музыки немой.
Но либо тьме, без звезд плывущей, либо
Звездам, заплывшим полуночной тьмой,
Откроет мрамор мышц своих аккорд.
Таким миражем мреешь ты, Джон Форд.

ГЕОРГ ГЕРВЕГ

ЛЕГКАЯ ПОКЛАЖА

Я — вольный человек и пеньем
Не добиваюсь почестей,
За песнь весенним дуновеньем
Дарит меня простор полей.
Живу не в замке, за стеною,
Не жалован поместьем я,
Гнездо, как птица, вольно строю,
Мое богатство — песнь моя.
Мне б захотеть, — и многих долю
Не пропустил бы между рук,
Когда по королевству роли
Распределяли между слуг;
А часто приглашали знаком,
Расположенья не тая,
Но я до почестей не лаком;
Мое богатство — песнь моя.
Из бочки цедит лорд червонцы,
Я разве лишь вино тяну.
Я видел золотым лишь солнце,
Серебряною — лишь луну.
Вопрос наследников не занял
О веке моего житья.
Свое добро я сам чеканил;
Мое богатство — песнь моя.
Пою охотно в вольном хоре,
В подножье тронов не певал,
Немало одолевши взгорий,
Дворцовых плит не преступал.
Пусть лихоимец богатеет
Среди отвалов и гнилья,

Я рад, что розы не скудеют;
Мое богатство — песнь моя.
Еще одной я полон страсти,
Дитя, о, жить бы нам вдвоем!
Но ты захочешь бус, запястий,
А мне на службу? — Нипочем!
Я не продам своей свободы,
И как дворцов чурался я,
Прощусь и с чувством ей в угоду;
Мое богатство — песнь моя.

КТО СВОБОДЕН?

Свободен только тот вполне, —
Его и славить нам, —
Кто завоевывает сам
Свободу на войне.
Кто шпагою своею
Ее возьмет.
Пред тем благоговею,
Свободен тот.

Зачем французов мы зовем
И ждем их, как гостей?
Они введут невесту в дом,
Нацеловавшись с ней.
Мы порохом богаты,
Так что ж — в поход!
Лишь женихов — не свата —
Свобода ждет.

Ее отчизна Белы и Дон,
Она из Рейна пьет,
Ей сладкий навевает сон
В степи шатра намет;
Искать, однако, надо
Ее красот.
Смерть за нее — отрада.
Свободен тот!
Еще у немца две руки,
И цел его тесак;
Но и к свободе земляки
От дому ни на шаг.
А кто от многих родин
К одной зовет,
Да славится! — Свободен
Всецело тот.

Слей искры заодно свой пыл.
Бей заодно сердца, —
То хоть и ангел бы трубил,

Не страшно нам конца.
В разладице пригоден
Единства оплот,
И будет им свободен
Германский род.

ПРОТЕСТ

Пока еще я протестант,
Я громко протестую.
Пусть каждый немец-музыкант
Усвоит песнь простую.
На гимн «О, вольный Рейн» всегда
Отвечу речью: — Господа,
Рейн мог бы стать вольней куда.
Я громко протестую!

Едва оставил я купель,
Как тут же зачастую
Я стал разбрасывать постель,
Мятежно протестуя.
С тех пор я спорить и пошел, —
О ветер, о людской глагол,
Как вольный вихрь, бегущий в дол, —
С тех пор и протестую.
Один завет нам крепкий дан,
Один он — не впустую.
Мы протестанты меж христьян,
Христьяне — протестуя.
Что в Рейне, что в воде морей,
Не только в рейнской, что мне в ней?
Не встречу вольных там людей, —
И я запротестую!

О, протестанты, иль дана
Вам эта кличка всуе?

ВОЗЗВАНИЕ

Все кресты могил наружу
В пополнение оружья!
Небожители простят.
Чем стихи кропать до рези,
Глянь: поэзия в железе,
И спаситель наш — булат.

Ваши дубы, ваши росы, —
А в листве значков вопроса
Не улавливал ваш взгляд?
Будет ли освобожденье?
Воли ж полное рожденье

Стоит нисхожденья в ад!

Немец, верь своим пророкам
И себя к грядущим срокам
Века медного готовь.
Золото его расплаты —
Это золото заката,
Смерть черна, багряна кровь.

Все кресты могил наружу
В пополнение оружья!
Небожители простят

И, услыша, как меж нами
Свищет сталь и пышет пламя,
Святость шпаг благословят.

Воля будет мирным знаком,
До нее ж шуметь атакам,
Бракам прежде не бывать;
До победы, прежде воли
Не желтеть колосьям в поле,
Детям в люльке не играть.

Часа городам в печали
Ждать, когда на их забрале
Воля развернет свой флаг,
И сквозь мостовые своды
С гулом пронесет свободу
Рейн, стенающий в песках.

Все кресты могил наружу
В пополнение оружья!
Небожители простят.
Притеснителей главенству
Наш ответ — меча священство,
Символ веры наш — булат!

ПЕСНЬ О НЕНАВИСТИ

В дорогу, трогай, в добрый час
Чрез горы и овраги.
Целуйте жен в последний раз,
Да и берись за шпаги!
Мы их не выпустим из рук,
Не распростясь с дыханьем.
Уже любить нам недосуг,
Мы ненавидеть станем!

Кто сердцем юн, пусть в сердце том
Лишь ненависть играет.

Немало хворосту кругом, —
Как свечка, запылает!
Пройдемся с песнью вдоль лачуг,
По улицам затянем:
Любить нам больше недосуг,
Мы ненавидеть станем!

Уже спасти нас у любви
Нет мочи и в помине,
Верши свой суд и цепи рви
Ты, ненависть, отныне!
Тиранов нет ли, глянь вокруг,
Найдешь, покличь — нагрянем.
Любить нам больше недосуг,
Мы ненавидеть станем!

Боритесь, не щадя костей,
Гони насилье взашей,
И будет ненависть святей
Любви обильной нашей.
Мы шпаг не выпустим из рук,
Не распростясь с дыханьем!
Уже любить нам недосуг,
Мы ненавидеть станем.

ПРОГУЛКА В ПОЛНОЧЬ

Я с духом ночи тихо взад-вперед
По улицам пустым брожу без цели.
Как хохотал и плакал тут народ
Лишь час назад! И снова присмирели;
Чуть распустись, веселье отцвело,
И пенный кубок перестал беситься,
Кручину будней солнце увело, —
Пускай их спят и видят, что приснится.

Мою печаль и гнев мой в черепки
Изнеможенье ночи разбивает,
Когда и роз увядших лепестки
Мирящим светом месяц обливает.
Легка, как звук, невнятна, как звезда,
Душа порхает в сумраке, как птица,
И рада погрузиться без следа
В тот тайный мир, который спящим снится.

Как сыщик, тень моя скользит за мной,
Я останавливаюсь под окном темницы.
О, родина, там сын вернейший твой,
Он горько за любовь к тебе казнится.
Он спит. Он чует ли, чего лишен?
Не по дубам ли он родным томится?
Не о венке ль победном грезит он?
Свободы бог, пусть доле сон тот снится!

Гигантская дворцовая стена.
И вижу я, сквозь пурпурную штору,
Как за кинжал хватаются со сна
С растерянностью пойманного вора.
Желтей венца обличье короля.
Для беглецов готовы колесницы,
Под ними расступается земля, —
Возмездья бог, пусть доле сон тот снится!
У речки домик, кругозор стеснен.
В нем голод и невинность делят ложе.
Бедняк из страшной яви унесен
В свой сон заветный, с прочими несхожий.
Разбрасывает зерна этот сон,
И золотится зыбкая пшеница,
Дом ширится, и стен не видит он.
Бог нищеты, пусть доле сон тот снится!

У дома с краю сяду на скамью,
Душой моля благословенья милой,
Люблю тебя, дитя, но не таю,
Что и свободы разлюбить нет силы.
Что видишь ты? — Я б увидал орла.
В твоих мечтах воркуют голубицы.
Мне б снился конь, грызущий удила.
О, бог любви, пусть светлый сон ей снится!

Звезда, из предрассветной темноты
Светящая, побудь еще, покуда
Взгляну на искаженные черты
Для горестей поднявшегося люда!
Чуть свет свобода отступает вдаль,
Слезами первый луч зари дробится,
И снова притеснитель точит сталь.
О, боже снов, пусть воля всем нам снится!

ХУДОЕ УТЕШЕНЬЕ

Ты лучшей жизнью насладишься,
Та жизнь вовеки не прейдет;
В волшебных замках поселишься,
Но — надо помереть вперед.

Ты изойдешь миры до края,
Ты вступишь в звездный хоровод,
Как равный между них, играя,
Но — надо помереть вперед.
Там, Брут, тебя обступят Бруты
И примут в вольный свой комплот.
С тебя спадут земные путы,
Но — надо помереть вперед.

Пусть грешников в аду шпигуют, —
Тебя страж рая у ворот
Гостеприимно поцелует,
Но — надо помереть вперед.
Что телу птички, к солнцу взвитой
Орлом, когда она мертва?
В попутном ветре что разбитой
Ладье, держащейся едва?

JACTA ALEA EST1
Ich hab's gewart.
Ulrich v. Hutten2
Я посягнул! Пусть страсти эти
Потухнут в срок, —
Я посягнул, — и век в ответе
За их поджог.
А спросят: право где же?
А скажут с трона: как дерзнул?
Я с ГУттеном отрежу:
Я посягнул.
Пусть только зеркалу я ведом.
Пусть темен я,
Пускай не блещет славным дедом
Моя семья.
1 Жребий брошен (лат.).
2 Я посягнул на это. Ульрих фон Гуттен (нем.).
На то и тьма, чтоб к сроку,
Расцветши, славный день блеснул.
Так стою ль я упрека?
Я посягнул.
Когда седой порок безмездно
В стране царит,
Пусть кажется геенской бездной
Наш юный стыд.
Все, кто свой век угрюмо
Пред стариною спину гнул,
Любуйтесь, стародумы:
Я посягнул!
В иной сиятельной палате
Я видел срам,
Я видел Каина печати,
Судя по лбам.
Мне стало как-то чудно,
Что молча терпится разгул,
Я гаркнул: «Вы подсудны!» —
Я посягнул.
Я видел жалких великанов,
Упавших в прах
Пред карликами, что, воспрянув,
Внушали страх.
Я молвил: «Хоть из сора
И высунулись вы до скул,

Но карлики — не горы!» —
Я посягнул.
Я наблюдал глупцов под митрой.
И так, и сяк
Гласил закон, и были хитры
Слова присяг.
Когда облаву песью
Свободы красный зверь минул,
Омыл я раны лосю, —
Я посягнул.
Будь палица при мне Геракла,
Самсона мощь,
Когда б стена дворца размякла,
И камней дождь
Дрожащие основы
Осыпал, — этот гул
Мое покрыло б слово;
Я посягнул.

ПРОТИВ РИМА

Еще одно спешу проклясть:
Проклясть тебя, о, сын Петра,
Проклясть святого клира власть
И грешного всего двора.
О, папа, только желчь и яд
Державы мира, как холопы,
Глотали с рук, в которых сжат
Вселенский скипетр из иссопа.

Увы! Европы Ханаан,
Где Брута протекла борьба,
Теперь, при входе в Ватикан,
Смирясь, кладет поклон раба.
Позорным осенен столбом
Край, где рожден Риенци Кола,
С тех пор, что Лютер проклят в нем
И что лоялен лишь Лойола.

Лишь слезы точит чернозем,
Струивший прежде мед и морс,
С тех пор как Генрих пред крыльцом
Во власянице, каясь, мерз.
Твой ландыш ныне — трупный смрад,
Рай превращен тобой в Сахару,
И блещет, как надгробный плат,
Над всей Италией тиара.

Не чванься ж, горделивый Рим,
Конец твой скор. Былой ручей,
Руслом иссякнувшим твоим

Уж не обманешь и детей.
О, край погибший, ты похож
На Вавилон, но безопасней:
В одной руке ты держишь ложь,
Другою — оперся на басню.

Каких бы ты ни нанял слуг,
Тебя конец недальний ждет,
А дух святой и без порук
Духовной власти проживет.
Послушай, сатаны посол,
Что я скажу твоей особе!
Наследовав Петров престол,
Ты впрямь того Петра подобье,

Который, видя, что на суд
Богов ведут, душою тих,
Когда же их казнить ведут,
Лжет смело: «Я не знаю их».
Который, как земли кора,
Трясется с горя и испуга,
Болтает, греясь у костра,
С судьи домашнею прислугой.

Ты не скала, как оный Петр,
Но шаток и, как Петр, труслив.
Чтоб пал за светом твой присмотр,
Чрезмерен ветерка порыв.
Тебя сразит, лжецов оплот, —
Мысль, возмутившаяся ныне!
Столетье бурное сметет
Последних палачей твердыню!

СТРОФЫ С ЧУЖБИНЫ

Я умереть хотел бы, как закат,
Как день в последнем багреце агоний.
О, как я этой смерти был бы рад! —
Истек бы кровью вечности на лоне.
Я умереть хотел бы, как звезда,
Ни блеска, ни мерцанья не ослабя,
И не страдая, кануть навсегда
В бездонной ночи голубые хляби.

Я б умереть хотел, как аромат,
Испущенный цветка раскрытой чашкой,
Который, направляясь наугад,
Уносит ветр, дыханьем сада тяжкий.

Я б умереть хотел, как дол сырой,
В устах зари, испепеленных сушью.

О, дал бы Бог, чтоб солнца первый зной
Испил до дна мою больную душу!

Я б умереть хотел, как арфы стон,
Как звон, слетевший со струны певучей,
Когда душой творца он превращен
И по исчезновеньи в благозвучье.

Ты не умрешь в багрянце, как закат,
Тебя меж звезд полуночь не осыплет,
Не выдохнешься ты, как аромат,
Рассвета луч твоей души не выпьет.

Лишь вслед за тем умрешь ты, как недуг
И горе придут юности на смену.
В природе только смерть приходит вдруг,
А сердце умирает постепенно.

БЕРАНЖЕ

Весна! Весна! Перо подобно крыльям.
Блаженством даже кажется напасть!
Весна! Весна! Карандаша усильем
Могу я чуть ли не миры потрясть!
И днем, и ночью душу песнью нежу.
Но в этом беспрерывном кутеже
Красивейший венок и самый свежий
Я ныне сплел седому Беранже.

Он все свободы обнял в колыбели,
Все с плачем до могилы проводил.
Глаза побед в глаза ему глядели,
Он всех восстаний громы разбудил.
Свободе отданы его седины,
Нас не пугает, если сед уже
Главой напоминающий лавину,
Душой с вулканом схожий Беранже.

Краев всех выходцы, вы, чей на фразы
В отечестве потрачен был бы пыл,
И вы, царя редчайшие алмазы,
Что от воров в Сибири он укрыл,
Ты, сулиот, предавший жизнь тревогам,
Вы, турок, чьи мечети в мятеже,
Делите свой восторг меж вашим богом
И тем, моим, чье имя — Беранже!

Кто наземь пал, — не приподнял кого бы?
Чье сердце слишком мало для певца?
Вокруг какой заброшенной трущобы
Не сплел он лучезарного венца?

«Бродяга старый», с молодой досадой
Уже бредущий к гробовой меже!
Хвала, хвала и слава трижды сряду
Клюке дорожной старца Беранже!

Весна! Весна! Ты жаждешь роз, природа!
Но первые тому певцу готовь,
Кто, воспевав, как соловей, свободу,
Отождествил с свободою любовь.
Пусть только к вольности стремят объятья,
Пусть страсть влечет нас к этой госпоже,
И мы почтим мечом, до рукояти
Увитым роз гирляндой, Беранже.

СОНЕТЫ

II

Да, знаю я, что голос неба — глас
Народа, и внимающий ему
Живет в несокрушаемом дому,
Невнемлющий же — без пути мечась.

Незабывающему ни на час
Народных слез — хвала певцу тому!
И в будущем не канет он во тьму:
Одним собою он не занял нас.

Но значит ли, что жалок и убог,
Он должен бресть между обозных дрог,
Лишь как оруженосец, войску вслед?

Не впереди, как светоч и как свет?
Не как провидец? Отвечаю: нет,
И трижды нет! Он должен быть пророк.

IX

ПЕВЦАМ ПРИРОДЫ

Поэзия есть в карлике, титане,
И в философском камне, и в песчинке,
Имеется поэзия в тычинке
И есть своя — в тропической лиане.

В столбом стоящем солнечном сиянье
Танцуют живописные пылинки.
Купающиеся морские свинки
Глубоко поэтичны в океане.

Поэзии что плохо? — Налетев,
Она в любом сказаться может вздохе.
Подчас одни поэты только плохи,
Будь сказано поэтам не во гнев...
Но все ж, когда пред вами встанет лев,
Не пойте, как на нем прелестны блохи.

XVI
Я целыми часами у потока
Готов стоять, избавясь от людей.
Он рассуждает многих не глупей,
Он видел виды и глядит далеко.

Он прежде, говорит, страдал жестоко
От скал, песков — но рос и рос ручей.
Как близок сердцу звук его речей!
Полезнее не выдумать урока.

Как он упорен в поисках пути!
Как слышится в его безвольном шуме
Решенье к сроку до моря дойти!

Душа, душа, оставь блуждать в раздумье,
Пример природы вечной подхвати
И черпай из воды благоразумье.

XVIII
Я славлю смерть, друзья, без поворота
Глубокой ночью песню я сложил
Хранительнице мира и могил
И поднял смерть на должные высоты.

Как капли от пучины, с неохотой
Оторвались мы от первичных сил.
Смерть нас уносит в океан, что был
Нам родиной до нашего отлета.

Вам гибель горькой кажется пилюлей?
Но ведь — не требуй смерти ход вещей —
Мы сами б к ней с своих путей свернули.
А чтобы сердцу застучать полней
В груди веков и не заглохнуть в гуле, —
Пускай вперед замрет в груди твоей.

XX
Служить красе и поклоняться воле
На землю посылается поэт.
Он странствует, и всё, чем красен свет,
Восходит в песне в новом ореоле.
Певцом превознесенные в застолье,
Дела переживают смену лет.
Но на песке ведет он запись бед
И расстается с собственною болью.
Доверен сад чужой его уходу:
Цветы в саду — чужих украсят грудь.
Он нанят в виноградари природы:
Он пьян, когда пьянеет кто-нибудь.
Как водолаз, рискуя потонуть,
На радость веку он ныряет в воду.

XXII

ХЛОПОТУНЫ

Они не расточат и вздоха даром.
Биенье сердца спустят с аукциона.
Что ни родит мгновенье, — смех и стоны, —
Становятся тотчас у них товаром.
Игра их чувств посвящена базарам,
Я ж возлюбил покой и, чуждый гона,
Живу, в фортуну веря неуклонно.
Не по часам, не внемля их ударам.
Мне не понять, что мечет этих скорых
Дельцов и в них поддерживает пыл?
Я тишины б не променял на шорох.
Я на стезю скромнейшую вступил:
Пойду искать отрады в детских взорах,
В полете туч и в музыке светил.

XXVII

Кто в наши дни о дружбе заикнется?
Она мертва. Как прочие богини,
Умерщвлена и эта, и отныне
Уж больше жертв для дружбы не найдется.
Борись один, и не устань бороться.
Один плыви по жизненной пучине,
Один ищи путей в ее пустыне,
Один, один, — никто не отзовется.
Мы древних вспоминаем, и законно:
Еще не все их мертвы идеалы,
К иным есть и у нас еще уклоны.
Но нет того, что их одушевляло:
Пошли нам случай Аристогитона, —
Гармодия, наверно б, не хватало.

XXXVII

НЕМЕЦКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЭТЫ

Часы, картины, зеркала, обои,
А вкруг, как у турецкого султана,
Шелка и бархат, низкие диваны
И — назначенья спорного — налои.
Певцов французских таковы покои.
К чему же тут халаты и кафтаны,
Кадильницы, распятья и тюрбаны?
Еще поэты ль то, иль что другое?
Над садом возвышается мансарда.
Дыша растущею внизу сиренью,
Воткнув в фуражку розу, как кокарду,
И роту воробьев ведя в сраженье, —
Вот как у нас приличествует барду
Немецким девушкам слагать хваленья.

XLIX

Когда б, как воин, я носил вкруг чресел
Меч или шел, как селянин, за плугом,
Я б наслаждался ввечеру досугом
И, потрудясь, за кружкой был бы весел.
Но так, когда б я ни поднялся с кресел,
Мой дух, не оставляемый недугом,
Уходит в высь ночную круг за кругом,
Как тяжело б истекший день ни весил.
Светилам я не положил предела,
И суток не успел разбить на части.
Вот я и ночью в их руках всецело.
О, мысли! Как спастись от вашей власти?
Разите вы, как громовые стрелы,
Где б ни застали. И в объятьях страсти.

LII

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Быть иль не быть — лжемудрие пустое.
Я был, чем мог, задаткам не во вред:
Не плут, о, нет, — глупец, на чей-то след
Я шел и днем с зажженною свечою.
Во всем я был немецкого покроя,
И будь так чист, как руки, мой сонет,
Когда-нибудь истлевший мой скелет
Сложили б в урну, почести устроя.
Подобно большей части простофиль,
Играл я в жизнь, как в кости, в увлеченье
И тер глаза, как подпускали пыль.
Но слишком поздно возвращалось зренье.
Счастливее, чем некогда Шлемиль,
Я никогда не расставался с тенью.

ВОЕННАЯ ЗАРЯ

Песнь жаворонка, не соловья, —
Сейчас небеса огласила.
Уж вырвалось солнце и, ветр уловя,
Как шар, поднялось и поплыло.
День встал, день встал в кутерьме
И тьме,
Тьме — крышка: светило воскресло!
Кто в свет еще верит, вставай, не зевай!
Ленивцы-любовники, розы срывай
И мечом препоясывай чресла!

Песнь жаворонка, — не соловья.
Иль грешной не сыты вы ленью?
Небесный огонь перешел за края.
О, утра святое горенье!
Встань, встань и кудри со лба!
Борьба,

Борьба наша в самом начатке.
Объятье возлюбленной прочь отстраня,
Берись за оружье и прыг на коня,
И — в разгар завязавшейся схватки!

Песнь жаворонка, — не соловья.
То песнь не о ласках и холе,
То песня о треске раскатном ружья,
О розах военного поля.
Средь нег, средь смертных потех
Доспех,
Доспех храбреца ими убран!
Так в путь же! Да будет походным шатром
Нам небо, покамест неволя кругом
И возмездья кинжал не иззубрен!
Песнь жаворонка, — не соловья.
О, юность, стряхни сновиденья!
Смотри, как, шумя и смеясь и снуя,
Внизу разбегается в пене,
Упав с высоты, струя
Ручья,
Троящаяся на излуке!
Отдай, как она, свою силу и дух
Долине, напой ее в пору засух,
Посвяти ей и сердце, и руки!

Песнь жаворонка, — не соловья.
Беспечный товарищ лазури
Звенит в небесах, и под ним — колея,
И люди идут, балагуря.
Свет! Свет! Его не запрут
Под спуд.
Свободного света не словят!
Тьму тысяч сердец его зорька зажгла.
Пусть звездам и ночи любви похвала,
Но утро народ славословит.

ЯЗЫЧНИКИ

«Der verfluchte Gaffe weiss selbst nicht,
was er will; hol ihn der Teufel»
Friedrich der Grosse1

1 «Проклятый поп сам не знает, чего хочет; чтоб его черт побрал». Фридрих Великий (нем.).

А в жизни больше толку
Являли старики.
Язычник был из шелку,
А мы грубей пеньки.
И если вдруг с красоткой бык
Искал покрова тьмы,
Язычник не вставал в тупик
Ни на вот столь, как мы.

А жаль, что больше в мире
Их сметке не блистать.
Считалось: чет — четыре,
Считалось: нечет — пять.
Роди же дева невзначай, —
И девство тут ее прощай,
Затем, что новый наш завет
Лишь после вышел в свет.
Нахальство их едва ли
Не облетело мир:
В сраженьях побеждали,
Забыв надеть мундир.
Полиции не завели,
Ходили не в пивные пить.
В языческой времен дали
О, как умели жить!
И ни Ахилл, ни Гектор,
Которых пел Гомер,
Ни высшей школы ректор
Ни люди прочих сфер,
Во всех Афинах (о, разврат!)
В руках не держивали книг!
Гуляючи, умнел их брат,
Их просвещал пикник.
Зато попам-авгурам
Жилось неважно там.
Их приставляли к курам,
А не к опеке дам.
А принцы вовсе жизнь бродяг
Бездомные вели.
Нет, многобожцы как никак,
А всем нас превзошли!
Незнавшие купели!
Благодаря богам
И вам, мы еле-еле
Читаем по складам.
Итак, да славится же сброд
Язычников-плутяг,
Гомера слушавший народ,
Его ареопаг!

АМНИСТИЯ

Они в расположеньи добром духа,
Но бесполезны и улыбки их:
Как у меня к громам князей нет слуха,
Так ласки их не будят чувств моих.
Остерегайтесь этих ухищрений:
Такую милость нам поставят в счет.
Останемся-ка лучше на арене.
Скорей, чем сдаться, гвардия умрет!

Теперь удушат розами свободу,
Которой цепью удавить нельзя.
Пусть лицемерят, простоту народа
Великодушьем ложным поразя.
Он голоден, так вот и рад известью,
Что хлеб его в обильи большем ждет.
Мы ж пить хотим, и пьем за гибель с честью!
Скорей, чем сдаться, гвардия умрет!
Вы клетку открываете, предвидя,
Что птица разучилася летать.
В ином освобожденном инвалиде
Соратника былого не узнать.
Цветы рескриптов ваших так кудрявы,
Но терньи в них просовывает гнет!
Священно и без вас святое право.
Скорей, чем сдаться, гвардия умрет!
Теснится люд, места берутся с бою
На милостивца короля взглянуть.
Пусть их, — мы за своей пойдем звездою,
Которой мимо балдахина путь.
Пусть солнцем милостей согрет усталый, —

Отряд я знаю, рвущийся вперед.
О, юноши, то лишь борьбы начало!
Скорей, чем сдаться, гвардия умрет!
Но что за грех отпущен беззаконный?
Какая снята смертная вина?
Мы добивались близости с короной,
Но поднесете ль в ней вы нам вина?
Помиримся! — Но размуруйте стены:
Свободы полной в них стеснен полет.
Колеблетесь? Звучи же, клич военный:
«Скорей, чем сдаться, гвардия умрет!».
Так хочет век. Он жаждет красных зарев.
В их реве тонет нежный вздох любви.
Что раз мы взяли, на врага ударив,
Омыли и для близких мы в крови.
Когда толпа в восторге чуть не пляшет,
Что милостей фонтан из камня бьет,
То с гордостью воскликнут девы наши:
Мой милый умер, но не сдал высот!

ШАНДОР ПЕТЕФИ

НА РОДИНЕ

Степная даль в пшенице золотой,
Где марево колдует в летний зной
Игрой туманных, призрачных картин!
Вглядись в меня! Узнала? Я — твой сын!

Когда-то из-под этих тополей
Смотрел я на летевших журавлей.
В полете строясь римской цифрой пять,
Они на юг летели зимовать.

В то утро покидал я отчий дом,
Слова прощанья лепеча с трудом,
И вихрь унес с обрывками речей
Благословенье матери моей.
Рождались годы, время шло вперед,
И так же умирал за годом год.
В телеге переменчивых удач
Я целый свет успел объехать вскачь.
Крутая школа жизни — Божий свет,
Он потом пролитым моим согрет.
Я исходил его, и путь тернист
И, как в пустыне, гол и каменист.
Я это знаю, как никто другой.
Как смерть, недаром горек опыт мой.
Полынной мутью из его ковша
Давным-давно пропитана душа.
Но все печали, всякая напасть,
Вся боль тех лет теперь должны пропасть.
Сюда приехал я, чтоб без следа
Их смыть слезами счастья навсегда.
О, где еще земля так хороша?
Здесь мать кормила грудью малыша.
И только на родимой стороне
Смеется, словно сыну, солнце мне.

НАДОЕВШЕЕ РАБСТВО

Все, что мог, я делал,
Втайне мысль храня,
Что она полюбит,
Наконец, меня.
А теперь я слабым
Огоньком костра
Пред шатром пастушьим
Тлею до утра.

Удержу не знал я, —
Так, спалив амбар,
Рвется вдаль по крышам
Городской пожар.
Был я водопадом,
Рушился со скал.
Мой обвал окрестность
Гулом оглашал.

А теперь я мирно
От цветка к цветку
И от кочки к кочке
Ручейком теку.
Был я горной высью,
Выступом скалы,
Где в соседстве молний
Жили лишь орлы.
Рощей стал теперь я,
Где в тени ветвей,
Исходя тоскою,
Свищет соловей.
Чем я только не был,
Чем не стал потом!
Девушке, однако,
Это нипочем.
Нет, довольно! Брошу!
Дорога цена.
Этих жертв не стоит,
Может быть, она.
О любовь, напрасно
Цепи мне куешь!
Пусть и золотые —
Это цепи все ж.
Я взлечу на крыльях,
Цепи сброшу ниц,
Так к себе свобода
Манит без границ!

ПОБЫВКА У СВОИХ

С отцом мы выпивали,
В ударе был отец.
Храни его и дале,
Как до сих пор, Творец!
За много лет скитаний
Я не видал родни.
Отца, сверх ожиданий,
Скрутили эти дни.
Поговорили вволю,
Пред тем как спать залечь,
И об актерской доле
Зашла при этом речь.
Вельмо в глазу отцовом
Такое ремесло, —
Мне с ним под отчим кровом
Опять не повезло.
«Житье ль в бродячей труппе
На должности шута?»
Я слушал, лоб насупя,

Не открывая рта.
«Смотри, как щеки впали.
И будет хуже впредь.
Твои сальто-мортале
Непрочь я посмотреть».
С улыбкою любезной
Внимая знатоку,
Я знал, что бесполезно
Перечить старику.
Потом, чтоб кончить споры,
1 Стихи я произнес.
Твердя мне: «Вот умора!» —
Он хохотал до слез.
Старик не в восхищенье,
Что сын поэт. Добряк
Невыгодного мненья
О племени писак.

Я на него не злился.
Не надо забывать:
Он в жизни лишь учился
Скотину свежевать.

Когда вино во фляге
Понизилось до дна,
Я бросился к бумаге,
А он в объятья сна.
Тогда вопросов кучу
Мне предложила мать.
Я понял, что не случай
Мне в эту ночь писать.

Носил следы заботы
Предмет ее бесед.
Я ей с большой охотой
На все давал ответ.

И, сидя перед нею,
Я видел — нет нежней
И любящих сильнее
На свете матерей.

АЛФЕЛЬД

Что мне в романтизме ваших дебрей,
Соснами поросшие Карпаты!
Я дивлюсь вам, но любить не в силах,
Редкий гость ваш, но не завсегдатай.

Алфельд низменный — другое дело:
Тут я дома, тут мое раздолье.
Загляжусь в степную беспредельность,
Вырываюсь, как орел, на волю.

Мысленно парю под облаками
Над смеющимся, цветущим краем.
Колосятся нивы, версты пастбищ
Тянутся меж Тиссой и Дунаем.

Звякая подвесками на шее,
Средь степных миражей скот пасется.
Днем с мычаньем обступает стадо
Водопойный желоб у колодца.
Табуны галопом мчатся. Ветер
Вбок относит топот лошадиный.
Гикают табунщики, путая
Хлопаньем арапников равнину.

За двором качает ветер ниву,
Как ребенка на руках, и всюду,
Где ни встретишь одинокий хутор,
Тонет он средь моря изумруда.

Утки залетают вечерами
Из окрестностей, кишащих птицей.
Сядут в заводь и взлетают в страхе,
Лишь тростник вдали зашевелится.

В стороне корчма с кривой трубою,
Вся облупленная по фасаду.
Здесь, спеша на ярмарку в местечко,
Смачивают горло конокрады.

Ястреб в чаще ивняка гнездится
Близ корчмы, где дыни на баштане.
Тут от сорванцов-ребят подальше
И для выводка его сохранней.

В ивняке потемки и прохлада,
Разрослась трава, цветет татарник.
Изомлев до одури на солнце,
Ящерицы прячутся в кустарник.

А где небо сходится с землею,
Несколько туманных, стертых линий.
То верхи церковных колоколен
И садов фруктовых в дымке синей.

Алфельд! ты красив, здесь я родился,
Здесь меня качали в колыбели.
Стань мне в будущем моей могилой

У последней и конечной цели!

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь не соловьиный скит,
Где с пеньем пробуждаются от сна,
Пока земля наполовину спит,
От поцелуев солнечных красна.

Моя любовь не тихий пруд лесной,
Где плещут отраженья лебедей
И, выгибая шеи пред луной,
Проходят вплавь, раскланиваясь с ней.

Моя любовь не сладость старшинства
В укромном доме средь густых ракит,
Где безмятежность, дому голова,
По-матерински радость-дочь растит.

Моя любовь — дремучий темный лес,
Где проходимцем ревность залегла
И безнадежность, как головорез,
С кинжалом караулит у ствола.

* * *

Бушующее море,
С землей и небом споря, —
Любовь уж больше волн не мечет в небосвод,
Но тихо задремала,
Как море после шквала,
Как после слез покой у крошек настает.

Она плывет не глядя.
Ее зеркальной гладью
Уносит в даль надежд качанье челнока,
И песнью соловьиной
С береговой плотины
Ей будущее шлет привет издалека.

ЛЕСНОЕ ЖИЛЬЕ
(ПОЭТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ С КЕРЕНИ И ТОМПОЙ)

Как таят от взоров первую влюбленность, —
Прячут горы эту бедную лачугу.
Не боится бурь соломенная крыша,
Хоть бы ураган шумел на всю округу.

Шелестящий лес соломенную крышу
Приодел сквозною кружевною тенью.
Щелканье скворцов доносится из чащи,
Горлинки воркуют около строенья.

Пенистый ручей проносится скачками
С быстротой оленей, чующих облаву.

В зеркало ручья, как девушки-кокетки,
Смотрятся цветы речные и купавы.

К ним летят и льнут поклонники роями —
Пчелы из лесных своих уединений.
Пьют блаженства миг и, поплатившись жизнью,
Падают, напившись до изнеможенья.

Это видит ветер и бросает в воду
Тонущей пчеле сухой листок осины.
Только бы ей влезть в спасительную лодку,
Солнце ей обсушит крылышки и спину.

А на холм коза с набухшими сосцами
Завела козлят под самый купол неба.
Козье молоко да свежий мед пчелиный —
Вот что здешним людям нужно на потребу.

И скворцы свистят, и горлинки воркуют.
Не боясь сетей и козней птицелова.
Слишком дорожат свободою в лачуге,
Чтоб ее лишать кого-нибудь другого.
Здесь ни рабства нет, ни барского бесчинства,
Только временами в виде исключенья
Молния сверкнет да гром повысит голос
И во всех вселяет вмиг благоговенье.

Милостив Господь и долго зла не помнит —
Затыкает глотки облакам-задирам,
И опять смеется небо, и улыбкой
Радуга сияет над ожившим миром.

Кабаки не редкость здесь в стране,
Но из множества известных мне
Свет того не видел искони,
Что под вывескою: «Заверни».

Раскачнувшись, чтобы сделать шаг,
Как гуляка падает кабак,
Точно сползший на ухо картуз,
Съехал набок потолочный брус.

Если ты цветок — я буду стеблем,
Если ты роса — цветами ввысь
Потянусь, росинками колеблем, —
Только души наши бы слились.

Если ты, души моей отрада,
Высь небес, — я превращусь в звезду.
Если ж ты, мой ангел, бездна ада, —

Согрешу и в бездну попаду.

Смолкла грозовая арфа бури.
Вихрь улегся, затихает гром,
Как, намучившись в борьбе со смертью,
Засыпают непробудным сном.
Восхитителен осенний вечер.
В ясном небе только кое-где
Облака, следы недавней бури,
Сохраняют память о беде.

Крыши деревенских колоколен
Покрывает золотом закат.
Хутора в морях степных миражей
Кораблями зыбкими висят.

Беспредельна степь! Куда ни глянешь,
Вся она открыта и ровна.
Нет и сердцу ни конца ни края,
И куда ни глянь, любовь одна.

И, под тяжестью любви сгибаясь,
Сердце может рухнуть невзначай,
Как надламывает ветви яблонь
Слишком небывалый урожай.

Сердце, полное любви, как кубок,
Пей, подруга, только не пролей,
Чтобы я не пожалел, что смерти
Не дал выпить этой чаши всей.

В ДЕРЕВНЕ

Теперь меня всегда по вечерам
Провозглашает королем закат,
И солнце на прощанье багрецом
Окрашивает мой простой наряд.

С восторгом по окрестностям брожу.
Кругом клубится пыль до облаков.
Из степи гонят скот домой. Звенят
Нестройно колокольчики коров.
Самозабвенно вглядываюсь вдаль.
Самозабвенно вслушиваюсь в звон.
Везде, везде, насколько видит глаз,
Лишь степь, да степь, да синий небосклон.

Теряясь в этом мире, там и сям
Маячит дерево, как островок.
Протягивая тень во всю длину,

Как мусульманин руки на восток.

Как раненный в сраженье богатырь,
Исходит солнце кровью на заре.
Луна и звезды выплывают вслед
Посмертной славой о богатыре.

Теперь кругом сияющая ночь.
Так тих и бездыханен небосвод,
Что различимо, кажется, о чем
Давида арфа на луне поет.

Над озером, покинув камыши,
Косяк гусей летит средь темноты.
Так улетают из моей души
Мои честолюбивые мечты.

Я забываю Пешт, и суету,
И планы горделивые свои
И думаю: как славно было б жить
В безвестности, вдали от толчеи!

Меня не манит блеск больших имен.
Мне б виноградник да земли клочок,
Да был бы красного вина глоток,
Да был бы хлеба белого кусок.

Да был бы угол, чтоб, придя с полей,
Вкушал я средь домашней тишины
Свой белый хлеб и красное вино
Из белых рук красавицы жены.
Да чтобы смерть в один и тот же час
Постигла нас пожившими, в летах,
И чтобы внуки, искренне скорбя,
В одной могиле схоронили прах.

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ТРАКТИРЩИК

Здесь, откуда долго ехать до предгорий,
На степном низовьи, средь цветущих далей,
Провожу я дни в довольстве на просторе,
Не тужу, живу, не ведаю печалей.
Постоялый двор — мое жилье в деревне.
Утром тишина, лишь ночью шум в прихожей.
Старый добрый дед хозяйствует в харчевне, —
Будь ему во всем благословенье Божье!

Здесь я даром ем и пью и прочь не еду.
10 Сроду не видал ухода я такого.
Никого не жду, садясь за стол к обеду,
Опоздал, войду — все ждут меня в столовой.

Жалко лишь, с женой своей трактирщик старый
Ссорится подчас, — характером не схожи.
Впрочем, как начнет, так и кончает свару, —
Будь ему во всем благословенье Божье!

С ним толкуем, как он в гору шел сначала.
То-то красота, ни горя, ни заботы!
Дом и сад плодовый, земли, капиталы,
Лошадям, волам тогда не знал он счету.
Капитал уплыл в карманы к компаньонам,
Дом унес Дунай со скарбом и одежей.
Обеднел трактирщик в возрасте преклонном, —
Будь ему во всем благословенье Божье!

Век его заметно клонится к закату.
В старости мечтает каждый о покое,
А старик несчастный поглощен проклятой
Мыслью о насущном хлебе и тоскою.
Будни ль, праздник, сам он занят неустанно,
Раньше всех встает, ложится спать всех позже.
Бедствует трактирщик, жалко старикана, —
Будь ему во всем благословенье Божье!

Говорю ему: «Минует злополучье,
Дни удач опять вернутся в изобильи».
«Верно, — говорит, — что скоро станет лучше.
Спору нет — ведь я одной ногой в могиле».
Весь в слезах тогда от этого удара
К старику на шею я бросаюсь с дрожью.
Это ведь отец мой, тот трактирщик старый, —
Будь ему во всем благословенье Божье!

РАЗВАЛИНЫ КОРЧМЫ

Простор чудесной степи низовой,
Из всех краев излюбленнейший мой!
В горах то вверх, то вниз, за пиком пик,
Я двигаюсь, как по страницам книг,
А ты мне уясняешь все сама,
Как содержанье вскрытого письма,
Где сразу можно без труда прочесть,
Что нового и важного в нем есть.
Как жаль, что я наездами сюда,
А не в степи безвыездно всегда,
Один с собой, как может быть один
Аравии бескрайной бедуин.
Свободой веет здесь, в степной глуши,
Свобода ж — божество моей души!
Да и живу я только для того,
Чтоб умереть за это божество,
И я легко скажу «прости» годам,

Когда всю кровь по капле ей отдам.
Откуда мысли мрачные нашли?
20Я увидал развалины вдали.
Развалины чего? Дворца? Двора?
Пустой вопрос. Все прах, все мишура.
Что замок, что харчевня — все тщета,
И все растопчет времени пята.
Под этою ногой не устоит
Ни зданье, ни железо, ни гранит.
Корчма из камня. Но откуда он?
Здесь пустошь с незапамятных времен.
В те дни, когда наш край не знал тревог,
До власти турок был здесь городок.
(О Венгрия, в течение веков
Сменилось сколько на тебе оков!)
Османы выжгли городок дотла,
Лишь церковь бедствие пережила.
Но вид пожарищ стольких и могил
Ее, как плакальщицу, подкосил.
Карниз ее все ниже нависал,
Покамест мук не прекратил обвал.
Из каменных обломков алтаря
Построили обитель корчмаря.
Питейный дом из Божья дома? Что ж,
И храм не вреден, и кабак хорош.
Мы дух и плоть, так создал нас Господь,
И мы должны блюсти и дух и плоть.
Пусть стал питейным домом Божий дом,
Угодным Богу можно быть во всем.
А чистых сердцем между пьяных рож
Я видел больше, чем среди святош.
Во время оно, старая корчма,
'Какая здесь царила кутерьма!
Я строю мысленно тебя опять
И всех гостей могу пересчитать.
Вот странник-подмастерье взял стакан.
Вот шайка жуликов и атаман.
Вот с бородой, в очках, торгаш-еврей.
Вот медник-серб с товаром у дверей.
А вот недоучившийся студент
С красавицей шинкаркой в вихре лент.
Его сознанье заворожено,
1И в голову ударило вино.
А муж? Где муж? Где старый? На копне
Храпит, забывши обо всем во сне.
Он спит опять, на этот раз в земле,
И с ним все те, кто был навеселе:
Жена-красавица, и грамотей,
И полная гостиная гостей.
Они давно истлели, и от стен,
Ютивших их, остался только тлен.
Боролась долго с временем корчма

И старилась, как старятся дома.
Как головной платок с ее волос,
С нее однажды ветер крышу снес.
Она пред ним готова в ноги пасть,
Чтоб не показывал над нею власть.
Но все перемешалось, все в былом,
Оконный выем и дверной пролом.
И только к небу поднята труба,
Почти как умирающей мольба.
Засыпан погреб, снят с колодца вал,
Столбы и раму кто-то разобрал,
Но цел журавль, на нем сидит орел,
Он круч искал — и этот шест нашел,
Он сел и мерит взглядом небосклон
И размышляет о чреде времен.
Пылает небо, — так любовь пылка
У солнца к детищу солончака.
Да вот она: глаза вперила в синь
Фата-моргана, марево пустынь.

* * *

На горе сижу я, вниз с горы гляжу,
Как со стога сена аист на межу.
Под горою речка не спеша течет,
Словно дней моих не радующий ход.

Сил нет больше мыкать горе да тоску.
Радости не знал я на своем веку.
Если б мир слезами залил я кругом,
Радость в нем была бы малым островком.
Завывает ветер осени сырой
На горе и в поле, в поле под горой.
По душе мне осень, я люблю, когда
Умирает лето, веют холода.
Пестрая пичужка в ветках не свистит.
Желтый лист с шуршаньем с ветки вниз летит.
Он летит и наземь падает кружась,
Пасть бы с ним мне тоже замертво сейчас!
Чем я после смерти стану, как умру?
Мне бы стать хотелось деревом в бору!
Я б лесною чащей был от света скрыт,
Был бы скрыт от света и его обид.
Деревом хотел бы стать я, но вдвойне
Мне бы стать хотелось чащею в огне!
Я лесным пожаром целый мир бы сжег,
Чтобы досаждать мне больше он не мог.

ИСТОЧНИК И РЕКА

Как будто колокольчика язык,
Ручей лепечет, полный благозвучья,

В дни юности моей была певуча
Моя душа, как плещущий родник.
Она была как зеркало ключа.
В ней отражалось солнце с небосвода,
И звезды и луна гляделись в воду,
И билось сердце, рыбкой хлопоча.
Большой рекою стал ручей с тех пор.
Пропал покой, и песнь его пропала.
Не может отразиться в пене шквала
Полночных звезд мерцающий собор.
О небо, отвернись куда-нибудь!
Себя ты не узнаешь в отраженье.
Волнами взбудоражено теченье,
Со дна его всплыла речная муть.

И на воде кровавое пятно.
Откуда эта кровь? Лесой удильной,
Крючком, в поток закинутым насильно,
Как рыбка, сердце, ты обагрено.

В ЛЕСУ

Брожу среди дубов
По чаще темной.
Под ними тьма цветов
Пестреет скромно.

Пьянит дыханье смол,
Щебечут птицы.
С жужжаньем туча пчел
В цветах роится.

Не дышится цветам,
Молчат вершины.
Чарует птичий гам
И шум пчелиный.

Быть может, вправду спят
Дубы и клены?
Я тоже сном объят,
Как эти кроны.

Любуюсь сквозь листы
Водой потока,
Бегущей с высоты
Струей широкой.

Гонясь быстрей стрелы
За тенью тучи,
Теченье мчит валы
Воды кипучей.

Я тоже гнался вслед
Душой ребенка,
По молодости лет,
Мечтам вдогонку.

Но я забыл, что шел
Под эти сени,
Чтоб средь жужжанья пчел
Найти забвенье.

Как на летнем небе бродят
Облака в извечной смене,
Так приходят и уходят
Наши чувства и влеченья.
Что их гонит и откуда?
Время их пускает в ход,
Время двигает их груду
Ветром вечности вперед.

Облака любви и страсти —
В громе, молниях и ливне.
Тучи дружбы — дней ненастья
Бесконечных заунывней.
Если ж, к радости природы,
Солнца луч на миг блеснет,
Вновь обложит непогода
Облаками небосвод.

Туча может быть и белой,
Но ложится черной тенью.
Доживу ль, чтоб поредело
В небе их нагроможденье?
Чтоб в нахлынувшем мгновенно
Блеске солнечных лучей
Стали облака, как стены
Сказочного замка фей?

Но когда-нибудь зардеют
Облака любви и дружбы,
Тут и время подоспеет
Сослужить одну мне службу.
В этот час к моей кровати
Кликните духовника:
Солнце только на закате
Зажигает облака.

* * *

Люблю я как никто, пожалуй,

Еще на свете не любил.
Но не земному идеалу
Я это чувство посвятил.

Одну изгнанницу-богиню
Люблю, превозношу и чту.
Люблю свободу, но доныне
Во сне лишь вижу, как мечту.
Зато во сне я постоянно
Встречаюсь с милою своей.
Сегодня посреди поляны
Я ночью объяснялся с ней.
Я стал пред нею на колени
И, ей изливши чувств поток,
Нагнулся, чтобы в заключенье
Сорвать на память ей цветок.
Но тут палач ударил сзади,
Скатилась голова моя, —
Взамен цветка своей отраде
Ее поднес с поклоном я.

* * *

Розами моей любви
Устланное ложе!
Снова душу положу
К твоему подножью.
Укачает ли ее
Ветерок пахучий,
Или глубоко пронзит
Длинный шип колючий?

Все равно, душа, усни,
Утопая в розах,
В сновиденья погрузись,
Затеряйся в грезах.
Слово мне во сне найди,
Чтоб оно вместило
Все, что рвется из груди
С небывалой силой.

* * *

Дней осенних прозябанье.
Солнце прячется в тумане,
Мелкий дождик сеет,
Пасмурно и мрачно,

И камин не греет
В комнате невзрачной.

Окна, дверь прикрыл от стужи

И не выхожу наружу.
Примостился с краю
У огня камина
И перебираю
Прошлых лет кручины.
А воспоминаний — кучи!
Я сгребаю их, как сучья,
К печке ворохами
И сношу в вязанки,
И бросаю в пламя
Дней былых останки.

А от них-то дыму, дыму!
Что же, это объяснимо.
Но сырыми стали
Ветки не от ливней,
Ливших непрестанно,
А от слез печали.

И сейчас в слезах ресницы,
Если б вместе очутиться,
Ты б улыбкой милой
Тотчас втихомолку,
Как платком из шелка,
Их бы осушила.

НОЧЬ ЗВЕЗДНАЯ,
НОЧЬ СВЕТЛО-ГОЛУБАЯ

В окне раскрытом блещет ночь без края,
Ночь звездная, ночь светло-голубая.
Безмерный мир простерся между ставен.
Мой ангел красотою звездам равен.

Ночь звездная и ангел мой — два дива,
Затмившие все, чем земля красива.
Красот я много видел средь скитаний,
Но ни одно не встретил несказанней.

Бледнеет тонкий серп луны и скоро
Зайдет за синий выступ косогора.
Как горя след забытый, незаметно
Совсем исчез он в дымке предрассветной.

Уже почти над головой Стожары,
Достигло пенье петухов разгара,
Проснулся день, и свежий ветер, вея,
Легко мне обдувает лоб и шею.

Пора бы растянуться на кровати
И от окна уйти. Но сон некстати.

Зачем мне спать? Какой мне сон приснится,
Который с жизнью наяву сравнится?

В АЛЬБОМ БАРЫШНЕ Р. Э.

Весною выбеги на волю.
Послушай, как полно раздолье
Вечерним лепетом ручья,
Прохладой, полем, ароматом
Цветов, угаснувшим закатом,
Луною, пеньем соловья!
Как звезды слушают с любовью
Его ночное славословье,
И сколько на земле добра!
Вбирай его в себя и слушай,
И, пропитав вселенной душу,
Беги домой, спи до утра, —
И пусть с тобою всё случится,
Что в эту ночь тебе приснится.

ВЕНГЕРСКАЯ НАЦИЯ

Обойдите земли этой
Богом созданной планеты,
Не отыщете вы наций,
Что с венгерскою сравнятся.
Как с ней быть, что делать с нею?
Презирать ли, сожалея?
Край же, рассуждая строго,
Как букет на шляпе Бога.
Дивный край, подобье сада,
Глазу и душе отрада.
А богатство! Ветру бросив
Океан своих колосьев,
Зыблется и золотится
На полях ее пшеница.
А сокровищ сколько щедрых
В рудниках и горных недрах!
То добро, что там таится,
И во сне вам не приснится.
Но народ средь нив богатых
Ходит сиротой в заплатах,

Терпит голод, униженье
И идет к уничтоженью.
Перлы мудрости бесплодно
Прячутся в душе народной,
Если же из тьмы дремучей
Их наверх выносит случай,
Никого они не тронут
И в грязи безвестно тонут.
Или горькая судьбина

Их уносит на чужбину
В глубь хранилищ заграничных
И трудов иноязычных.
И когда мы там свой гений
Открываем в изумленье,
Рады мы, что это чудо
Перешло туда отсюда.
Вот та гордость, смысл которой
Равен горькому позору
И которой, как величьем,
Все мы в нос друг другу тычем.
Чем хотите тешьте сердце,
Но не гордостью венгерца.
Вот уже тысячелетье
Обжили мы земли эти.
И когда бы нас не стало,
По каким чертам анналы
Сохранят векам известье
О венгерцах в этом месте?
Что внесли мы за событья
В ход всемирного развитья?
Чем мы можем на странице
Летописи похвалиться?
Вот что скажут летописцы:
«Здесь селилось возле Тиссы
Племя, сотни поколений,
В вечной трусости и лени».
Родина! На наше имя
Брось два-три луча, и ими
Вновь зажги под мутью ржавой
Чести блеск и доброй славы!»
Сердце не из камня.
Чем любовь была мне?
Полным слез водоворотом,
Легкой лодкой, утлым ботом.
Грусть стояла у кормила,
В парусах разлука ныла.

Сердце не из камня.
Чем любовь была мне?
Темным лесом, страшной чащей,
Полной нечисти рычащей,
Воем волчьих стай заблудших,
Шорохом мышей летучих.

Сердце не из камня.
Чем любовь была мне?
Глупой мальчика забавой,
Ловлей бабочки вертлявой.
Он — к цветку, она — с купавы,
Он за ней — и бух в канаву!

Сердце не из камня.
Чем любовь была мне?
Палачом моих мечтаний,
Увозящим на рыдване
Бедный труп мой с эшафота
За тюремные ворота.

Сердце не из камня.
Чем любовь была мне?
Щелкающим реполовом
На гнезде в кусте терновом.
Разорит гроза жилище, —
Он другое вьет, почище.
* * *
Скинь, пастух, овчину, леший!
Воробьев пугать повешу.
Видишь, налегке, без шубы,
Как реке-резвушке любо!
Разлилась и всею грудью
Жмется к мельничной запруде,
Потому что в эту белость
Сверху небо загляделось.
Где синичек пересуды?
Соловьи взялись откуда?
Где да что — мне горя мало, —
Пели б в роще, как бывало!
Первый лист, как пух бесперый,
На орехе у забора.
Будут крылья — от желанной
Улететь не смей с поляны.
Эй, куда, куда, знакомка?
К лавочнику за тесемкой?
Вон, бери их, даровые
Ленты — версты луговые.

ЦВЕТЫ

Любуюсь, обходя ПОЛЯ,
Цветами средь густой травы.
Цветы мои, мои цветы,
Прекрасны несказанно вы.
Как мальчик девочки, дичусь
Я вашей дивной красоты.
Я завещаю на моей
Могиле посадить цветы.
Присаживаюсь я к цветку,
И вот, беседою согрет,
Я признаюсь ему в любви
И жду, что скажет он в ответ.
Он понял все, но он молчит
Под видом ложной немоты.

Я завещаю на моей
Могиле посадить цветы.
Как знать, быть может, аромат
Цветка и есть его язык?
Он обращается к душе
И ставит нашу мысль в тупик.
Но мир существ вообразим,
Лишенных этой глухоты.
Я завещаю на моей
Могиле посадить цветы.
Да, верно, запах — это звук,
И я услышу песнь цветов,
Когда спадет с меня в гробу
Глушащий эту песнь покров.
Не дух я буду обонять,
А слушать музыку мечты.
Я завещаю на моей
Могиле посадить цветы.
Могилу будет овевать
Их, ставший благозвучьем, дух
И усыпительно ласкать
Мне колыбельной песнью слух.
Я буду спать, и вновь весна
Расплавит снежные пласты.
Я завещаю на моей
Могиле посадить цветы.

Стоит мне о милой замечтаться,
Как в цветы все мысли обратятся.
Из пристрастья к этим-то растеньям,
Занят я весь день их разведеньем.

Солнце, заходя, исходит кровью.
Горы все лиловей и лиловей,
А любимая недостижимей
Даже этих гор в лиловом дыме.

Солнце ходит на закат с восхода.
Я б ходил не так по небосводу:
Я ходил бы с запада к востоку, —
К самой лучшей девушке далекой.

И вечерняя звезда сегодня
Льет свой свет щедрее и свободней,
И в наряде праздничном, пожалуй,
Оттого лишь, что тебя видала.

О, когда же я тебя увижу,
Сяду пред тобой, лицо приближу,
Загляну в глаза и их закрою,
Небо, небо ты мое седьмое!

* * *

Пыль столбом клубит, земля гудит, трясется,
Шалый конь с упавшим всадником несется.
Если бы упал седок, и горя б мало, —
В стремени одна нога его застряла.
Жеребец земли не слышит под собою,
А наездник оземь бьется головою.
Черными кудрями пыль метет густую,
Заливает кровью алой мостовую.

Я как этот всадник. Бешенство страданья
Тащит за собой меня, как на аркане.
Ослепленьем гнева я на землю сброшен.
Мозг мой вытек вон, и череп мой раскрошен.
Поделом! Была мрачней земного шара
Эта голова, рождавшая кошмары.
Ничего не зрело в голове отпетой.
В эту местность солнце не бросало света.
Я любил тебя, как сам Господь, наверно,
Сделавший тебя прекрасною безмерно.
Верности звездой среди ночного мрака
Ты сияла в виде путевого знака.
А теперь туман закрыл твое сиянье.
Звездочка моя, как ты бледна в тумане!
Я твоей руки просил напрасно. Разом
Строгий твой отец ответил мне отказом.

Изгнан я от вас, как из ограды рая.
Только твой отец — не ангел, дорогая.
Э, не унывай, лиха беда начало, —
Я добьюсь тебя во что бы то ни стало.
Унесу тебя, как солнце — пар росистый,
И как ветер — розы лепесток душистый.
Я и уношу тебя с собой в разлуку,
Словно лев стрелу, попавшую из лука.

ТЕТЯ ШАРИ

На пороге тетка прикорнула.
Тетя Шари не встает со стула.
Тетя Шари на пороге спальной
Шьет в очках свой саван погребальный.
А давно ли малого ребенка
Звали братья Шаринькой-сестренкой?

Лоб в морщинах, словно эти складки
Бывших фалд на платье отпечатки.
Все на ней сидит теперь уныло,
Словно лиф напялила на вилы.
А давно ли малого ребенка

Звали братья Шаринькой-сестренкой?

В волосах у ней зима. Я стыну,
Погляжу лишь на ее седины.
И торчит пучок косицы вдовьей,
Как на крыше аиста гнездовье.
А давно ли малого ребенка
Звали братья Шаринькой-сестренкой?
1лубоко ее глаза ввалились,
Словно в дом с чужбины возвратились,
И мигают исподлобья слепо,
Как лампадки из-под свода склепа.
А давно ли малого ребенка
Звали братья Шаринькой-сестренкой?
Грудь плоска, как каменные плиты.
Сердца не слыхать из-под гранита.
Сердце есть, но так устало бьется,
Что на слух уже не отдается.
А давно ли малого ребенка
Звали братья Шаринькой-сестренкой?
Сумасбродка-молодость мгновенно
Расточает клад свой драгоценный,
Но приходит старости проклятье
Предъявлять ее долги к оплате.
А давно ли малого ребенка
Звали братья Шаринькой-сестренкой?

Дорогою пустынные места.
Ни деревца, ни травки, ни куста,
Где б даль перекликалась с соловьем.
Пустынные места в пути моем.
И темный вечер в облака одет,
И кажется, что звезд на свете нет.
Но вот я карих глаз припомнил взгляд —
И ожил я, и я дороге рад,
И будто все другое, не узнать, —
Мерещится такая благодать.
И будто вдоль дорожной колеи
Цветущие кусты и соловьи,
И небо за чертой земных борозд
Полно бесчисленных огромных звезд.

«Люблю ли я тебя?» Справляйся
И спрашивай, — ответ мой прям:
«Люблю». Но как люблю, насколько,
Я этого не знаю сам.
Озер нагорных глубина
Без измерения ясна.

Я вправе был бы дать присягу,
Что мысль любая, шаг любой

И каждое биенье сердца
Наполнены одной тобой,
И светоч верности моей
За гробом вспыхнет не слабей.

Я б мог предать себя проклятью
В том случае, когда б на миг
Тебя забыть был в состоянье,
Благословенье глаз моих!
Пусть буду громом я убит!
Пусть молния меня спалит!

Но горе тем, кто верен слову
Из робкой верности божбе.
И без взывания к святыням
Я всю тебя ношу в себе.
Мне радость наполняет грудь,
Как своды неба Млечный Путь.

Что верен я тебе навеки,
В том нет заслуги никакой.
Ведь тот, кого ты полюбила,
Не может думать о другой;
Земля не сманит уж таких,
Кто неба самого достиг.
У леса — птичья трель своя,
У сада — мурава своя,
У неба — звездочка своя,
У парня — милая своя.

И луг цветет, и чиж поет,
И девушка и небосвод
Выходят вчетвером вперед
В свой беззаботный хоровод.

Увянет цвет, звезда падет,
И птица улетит в отлет,
Но милый с милой — круглый год
И всех счастливей в свой черед.

Я вижу дивные цветы Востока —
Природы восхитительный гарем.
Как глаз, мигающий кому-то сбоку,
В разрывы туч мигает солнце всем.
Я вижу пальм таинственные чащи,
Где ветер еле слышно шелестит
И птицы голосят в листве дрожащей,
Иль это хор поющих звезд звенит?
С горы вдали я вижу остров синий,
Укачанный морскою синевой.
У нас здесь осень, там весна в долине

И журавли летят над головой.
Они летят в весну, и вслед за ними
Летят желанья прошлых дней моих,
И так как всё сегодня достижимей,
Я там уже, я тех краев достиг.
Я вижу ночи лунные, так в сказке.
Жизнь спит, но мертвецы настороже:
Вон пляшут духи, задевая в пляске
За тополя на полевой меже.
Нам эти привиденья не враждебны.
Они в довольстве прожили свой век,
Сошли по лунной лестнице волшебной
И к милым в дом спустились на ночлег.
Они сошли возлюбленных проведать,
Чтоб поцелуй на них напечатлеть
И дать во сне блаженство им изведать,
Которое их ожидает впредь.
Я вижу то, что недоступно глазу
И что бывает ночью — дня ясней,
И эту тьму чудес я вижу сразу
В мечтательных глазах любви моей.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО МОЕЙ МИЛОЙ

Пришло, пришло желанное письмо!
Его прочел я много раз, без счета
И, Бог весть, сколько раз еще прочту,
Покамест буквы все и запятые
Не прирастут так к сердцу моему,
Как звезды к небу, вместе с ним составив
Один поток сверкающих миров.
Письмо и в данный миг в моих руках.
К нему я прижимаю губы, в страхе,
Что, может быть, кощунство целовать
Его листки, — так святы эти строки.
О девочка, не знаешь ты сама,
Кто ты и что. Позволь, тебе скажу я.
Когда я из ущелья детских лет
Взошел по склону к юности вершине,
Открылся мне оттуда целый мир
Безмерной красоты, огромный, пышный,
Необозримый. У меня глаза
От блеска разбежались. «Труд на славу! —
Воскликнул я. — Но мастер где его,
Создатель этого великолепья?
Где ты, Господь? Как мне тебя найти,
Чтоб, пав перед тобою на колени,
Воздать благодаренье и хвалу?»
Затем на розыски послал я разум.
Все дебри философии, всю ширь,
Какую можно было, он обрыскал,

И все скорей кометы облетел.
Он побывал, где до него бывали,
И там, куда впервые он ступал,
И через много, много лет скитаний
Вернулся с этих поисков ни с чем,
Больной, усталый. Он блуждал напрасно.
По счастью, тут я встретился с тобой.
Я сразу воспылал к тебе любовью.
Ты мне открыла душу, ото всех
Таимую, и что же я увидел!
Тот Бог, которого я так искал,
Жил у тебя в душе, ты оказалась
Его жилищем! Знать мне не дано,
Где был Он раньше и где будет после, —
Сейчас Он с очевидностью в тебе.
За что мне выпало такое счастье
Найти Его в тебе? За жар, с каким
Его искал я, как никто доныне?
Быть может, да, но если даже нет,
И милость эта мне не по заслугам,
Теперь я эту радость заслужу.
Я не могу остаться недостойным
Того, что ты дана мне и что Бог
В тебе предстал мне и как бы открылся —
И нет границ моей любви к тебе.
С ней может исступленье лишь сравниться,
С каким пред тем я ненавидел мир.
Теперь вся эта ярость, став любовью,
Как даль без туч, принадлежит тебе.
Вот будущность моя. Распоряжайся
Как хочешь ею. Вот мои мечты.
Они — твои. Но это все — пустое.
Есть многое, есть большее, есть всё.
Желаешь — отрекусь от убеждений,
Потребуешь — я честью поступлюсь
И проживу всю жизнь с пятном позора,
Которого стереть не сможет смерть.
Но сам ведь слишком хорошо я знаю,
Что ты не можешь этого хотеть.
На имени того, кого ты любишь,
Быть не должно позорного пятна.
Ты будешь поощрять меня, напротив,
Идти вперед по прежнему пути,
Чтоб умер я таким, каким родился, —
Открытым, независимым, прямым.
Нет, имени, которое я создал,
Не пожелаю сам я разрушать.
Оно в наследство перейдет потомку;
И хоть оно не очень велико,
Но будет незапятнанным и чистым.
Оно бы выросло во много раз,
Когда б ты тоже выступила гласно

Союзницей моей. Ведь и тебя
Укачивала в детстве муза славы.
Но ты не знаешь сил своих, а свет
Не верит тем, кто сам в себя не верит.
Нет, нет, держись вдали от шума битв,
Где лавры служат гробовым покровом
Им в жертву принесенных нежных чувств.
Держись вдали! В тени уединенья
Ты будешь мне не менее мила,
Чем в ослепительных лучах успеха
Пред громко рукоплещущей толпой.
Наоборот, сознанье, что, владея
Способностями с целый океан,
Ты блещешь только маленькой росинкой
На розе скромности, всего ценней.

НЕ ОБИЖАЙСЯ

Мое живое солнце золотое!
Не обижайся, если иногда
Я хмур и мрачен. Даже пред тобою
Я не могу веселым быть всегда.
Утешься тем, что в тяжкие минуты
Приносишь огорченья мне не ты.
Виновницею этой скорби лютой
Ты быть не можешь, ангел доброты!

Меня совсем иное нечто гложет,
Глаза подергивая серой мглой.
Недобрый некий дух меня тревожит,
Ко мне ночами ходит демон злой.

Напрасно умоляю: «Не преследуй!»
Он к этим просьбам остается глух.
Я знаю, вечным наважденьем бреда
Ко мне являться будет этот дух.

Едва я, как пьянящего напитка,
Касаюсь чаши радости, как вдруг
Уж тут как тут мой посетитель прыткий —
И чаша мигом падает из рук.

Былое — вот тот призрак окаянный,
Воспоминанье — вот как звать его.
Лишь горький рок мой мог придумать спьяна
Такую казнь, такое колдовство.

Теперь ты знаешь, под каким я игом.
Хотя в другое время я не трус,
Чуть шаг минувшего заслышу, мигом
Бесчувственнее камня становлюсь.

Не говори со мной в часы унынья.
Тебя я в это время не пойму.
Дай без следа исчезнуть чертовщине,
Я сам воспряну и рассею тьму.

Вот сон какой мне временами снится.
Пока мне снится этот страшный сон,
Не верю я, что это небылица, —
Так част и так правдоподобен он.

ПРЕКРАСНОЕ ПИСЬМО

Милая, ты написала
Мне прекрасное письмо.
Это след ума немалый,
Прямодушие само.
Пишешь, — я тебе дороже
С каждым часом, но, дружок,
Веришь ли, мороз по коже
Пробежал от этих строк.
Пролегла на лбу морщина —
И она как след ножа.
В этом ты, мой друг, повинна, —
Я читал письмо, дрожа.
То письмо — как куст на грядке,
Под которым спит змея.
Не найду ее, но в пятки
Был тайком ужален я.
Объясни мне: неужели,
Друга за любовь казня,
С умыслом или без цели
Оскорбила ты меня?
И рукою той же самой
В сердце всажен мне кинжал,
От которой я бальзама
Исцеляющего ждал.
Звал тебя я, утопая,
Руку помощи подать.
Подошла ты, но не знаю, —
Чтоб спасти иль вглубь загнать?
Приходи, рассей сомненья,
Иль безумья не сдержу,
И себе о скал каменья
Голову я размозжу.

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

Я на спине лежу и из густой травы
На звезды ясные гляжу во власти грез.
Их серебристый свет, касаясь головы,
Свивается венком моих волос.
Я душу выкупал свою в дожде лучей,

Их светлый ливень смыл с нее земную муть.
Она рванулась ввысь, чтобы себе скорей
Путь на небо вернуть.

Земля объята сном, он сладок и глубок,
ю pj что-то лишь в тиши гудит невдалеке:
Букашка ль близ меня уселась на цветок,
Или вдали шумит плотина на реке,
Иль это более еще далекий гром
И эха замирающий ответ,
Иль то душа моя свой праздничный псалом
Поет с других планет?

Лети, душа моя, сквозь дали без числа
И загляни за край таинственных завес,
Которые рука Господня соткала
20 В премудрости иль прихоти небес.
И взорами пытливыми окинь
Всю бездну звезд, весь купол голубой
И прилети сквозь горнюю их синь —
Поговорить со мной.

Что видела? — спрошу. — Там есть ли жизнь,
как тут?
Похожа ли она на наш тоскливый ад?
И существует ли взаправду Страшный суд,
Где жалуют святых, а грешных не щадят?
Но мне-то в этом что? Одно мне объяви,
30 Одно я знать хочу, одно поведай мне:
Там бьются ли сердца и в них огонь любви
Горит ли в глубине?
И если любят там, то я готов года
Молиться, чтоб Господь меня там поселил.
А если нет, и вход любви закрыт туда,
То Бог с ней, со страной мерцающих светил!
Я землю предпочту тогда любой звезде,
Пусть в ней я превращусь по смерти в прах и тлен —
Все может заменить любовь, любви ж взамен
Нет ничего нигде.

Видал ли кто на свете
Такого великана?
Я на коленях небо
Держу и не устану.
Обвей рукой мне шею,
Мой светлый свод небесный,
И кругозор закрой мне
Своей красой прелестной!
Зачем грудная клетка
Заключена в границы?
В таком пространстве счастье

Не может уместиться.
Чтоб радость не давила,
Я часть ее истрачу:
От полноты восторга
Я, кажется, заплачу.
Я знал, что буду счастлив,
Что горе — гость минутный,
С которым я столкнулся
На станции попутной.
И вот печаль, прощаясь,
Снимается с привала,
А я не обращаю
Внимания нимало.
Еще не село солнце,
А соловей безумный
Уже защелкал где-то
Раскатисто и шумно.
Но соловей ли это?
Нет, это, без сомненья,
Звук наших поцелуев
Похож на птичье пенье.

Как тихий дождь весною
Живит земные соки,
Они покрыли градом
Мне губы, лоб и щеки.
Как тихий дождь весною,
Рождающий без счету
Моря цветов и всходов
В дни полевой работы.

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ

Цветы по садам доцветают в долине,
И в зелени тополь еще под окном,
Но вот и предвестье зимы и унынья —
Гора в покрывале своем снеговом.
И в сердце моем еще полдень весенний
И лета горячего жар и краса,
Но иней безвременного поселенья
Закрался уже и в мои волоса.

Увяли цветы, умирает живое.
Ко мне на колени, жена моя, сядь.
Ты, льнущая ныне ко мне головою,
Не бросишься ль завтра на гроб мой рыдать?
И, если я раньше умру, ты расправишь
На мне похоронных покровов шитье?
И, сдавшись любви молодой, не оставишь
Для нового имени имя мое?

Ах, если ты бросишь ходить в покрывале,
Повесь мне, как флаг, на могилу свой креп.
Я встану из гроба за вдовьей вуалью
И ночью тайком унесу ее в склеп.
Я слезы свои утирать буду ею,
Я рану сердечную ею стяну,
Короткую память твою пожалею,
Но лихом и тут тебя не помяну.

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

Во вражде со всем красивым,
Осень яростным порывом
Рвет венок с чела земли.
Не найти цветов по нивам,
И у нас в саду тоскливом
Те, что были, отцвели.

Юля — умница, на грядке
Собрала цветов остатки
И связала их в букет,
Чтобы их на стол поставить,
Этим радость мне доставить
И спасти цветы от бед.

Если умереть им надо
За окном на клумбах сада,
Пусть умрут они у нас.
Может быть, в воде кувшина
Легче будет им кончина
Здесь, под лаской наших глаз.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Прощай, чертог несбыточных мечтаний,
Спускаюсь вниз по твоему двору.
Вот ключ от всех сокровищниц. Мгновенье,
Я за собой входную дверь запру.

Сюда мне белой радугою ночи
Указывал дорогу Млечный Путь.
Здесь прожил я в воздушном замке детства,
И ухожу, и дверь хочу замкнуть.

Здесь, в неземном и тридесятом царстве,
В заоблачном и сказочном краю,
В мечтах и сумасбродных размышленьях
Провел я юность шалую свою.
Надежды и мечты недолговечны,

Иссякли легковерья родники,
Пора уже и мне остепениться,
Настало время мыслить по-мужски.
Скорей оставлю высший мир стремлений,
Пока под кучей рухнувших стропил
Меня и сам он при своем крушенье,
Разваливаясь, не похоронил.
Поосторожнее, воображенье!
Неси меня полегче под уклон,
Чтоб я, спускаясь, не разбился насмерть,
Как некогда безумец Фаэтон.
Но что ж я плачу, расставаясь с небом?
Прощай, мечта, рассейся в синей мгле!
На родину! Я радуюсь уходу.
Я человек, мне место на земле.
Земля не то, что полагает юность:
Не так низка и буднична она.
Нет ангелов на ней, но нет и черта,
А если есть зима, — есть и весна.

МОГИЛА НИЩЕГО

Словно зверь в предчувствии кончины
В гущу леса тащится несмело,
В пустошь удалялся старый нищий,
Только близость смерти подоспела.
Труп нашли разбойники проездом,
Вырыли могилу, схоронили,
На могильный холм суму и посох,
Завязав крест-накрест, водрузили.
На равнине голой и песчаной
Виден холм и этот знак могильный.
Но природа, покровитель бедных,
Затянула холм травой обильной.
Удивительно! На нищем в жизни
Лишь пестрели рваные отрепья,
Но в цветы запряталась могила,
Утопая в их великолепье.
Наконец-то он достиг покоя.
Жизнь прошла, и кончились тревоги.
Кто поверит, сколько треволнений
Испытал он на своей дороге?
Кто поверит, что рука, которой
Стал опорой посох суковатый,
В буйной юности своей махала
Боевою саблею солдата?
Кровью жертвуя своей в сраженье,
Для господ он жил страдой походной,
Ради преимуществ тех, кто дали
Смертью умереть ему голодной.
Так и умер он, и позабыта

Нищета и шум боев бывалый.
Безмятежен сон его подземный,
Вкруг него безмолвие настало.
Иногда на посох птичка сядет
И поет задумчиво и жалко.
Да и что навеять может птичке
Странническая сума и палка?

У ЯНОША АРАНЯ

Снова еду в город, проведя в деревне
Тихо, одиноко месяц свой медовый.
Там средь тесноты и давки бестолковой
Я души одежды слякотью покрою.
Но пред тем как люди каменной столицы,
Встретив, ледяной водой меня окатят,
Дай мне у огня с тобой наговориться.
Жизни, кажется, на это мне не хватит.
Здравствуй снова, друг! Кругом все зеленело
В дни, когда к тебе приехал я впервые.
А теперь печально в роще опустелой,
Осень на дворе, дожди, поля пустые.
У меня с природой общность ощущений, —
Если грустно ей, и мне должно быть туго;
Но теперь со мною часть поры весенней,
Лучшая притом, — со мной моя супруга!
Я привез жену. Чего желать другого?
Мир женатого пленителен и сладок.
Пусть ругают брак отшельники и совы,
Слышать не хочу их холостых нападок.
Скажут — я в плену, заботы одолели.
Но куда мне рваться из такого плена,
Если в малой точке этой параллели
Совместились все сокровища вселенной?
Ну, да это в дверь открытую ломиться,
Воду лить в Дунай — тебе хвалить женитьбу.
Счастие семьи с заглавного страницей
Жизни всей твоей легко я мог сравнить бы.
Здесь твоя жена и двое ребятишек.
Сядем в круг, забудем перья и чернила,
Проведем в беседах времени излишек,
Чтобы наша речь часы остановила.
Так мы и обманем гайдука в ливрее,
Чтоб не гнал меня к трудам без перерыва.
Жажду славы я пустил себе на шею
И с седла не сброшу, как ни тряс бы гривой.
Но не жажда славы новый мой погонщик.
День и ночь не ей я отдаю усилья.
Я теперь тружусь, как рядовой поденщик,
Словно запродав себя нечистой силе.
Знаю, что забвенье, как добычу кречет,

Имя унесет мое в места глухие.
Пусть меня отчизна не увековечит,
Я пою затем, что петь — моя стихия!
Поскорей молва ко мне бы охладела,
Жизнь освободить бы от ее отравы!
Снова бы себе принадлежать всецело.
Розы лучше лавров ненадежной славы!

Как бы я хотел с женой и вами всеми
Погостить, пожить в глуши среди природы
И не вспоминать на будущее время
Дней, когда и я входил сначала в моду.
Навестив тебя, здесь встретится со мною
Слава и кивнет приятелю былому.
Но ответом я ее не удостою.
«Виноват, — скажу, — мы с вами незнакомы».

Чепуха! Зачем наплел я столько вздора!
Не судьба мне жить в тиши уединенья,
Суждены не мне цветущие просторы.
Поле боя — вот мое предназначенье!
Имя пусть мое в могилу с телом бросят,
Бьюшее при жизни неприкосновенным.
Я не отступлю, покамест смерть не скосит,
Весь в крови паду я, но в бою священном.
* * *
В душе глубокой
Цветник Востока,
Всегда облитый солнцем вешних дней:
Всех стран растенья
Без исключенья
Собрал я полностью, казалось, в ней.
Недоставало
Лишь веры малой
В загробный мир, в иное бытие.
Теперь средь сада
Есть та рассада:
Ты посадила, ангел мой, ее.

Что о вселенной
Мне ум надменный
Не мог сказать в былые времена,
Мне объяснила
Легко и мило
Сама своей любовию жена.

Темны не склепы
Мы сами слепы
При встрече с вечностью лицом к лицу.
Ее свеченье

Лишает зренья —
И мы уподобляемся слепцу.

Гроб не темница.
Нет, нет, — гробница
Речного перевозчика паром,
Когда с обрыва
Земли счастливой
Еще на лучший берег мы плывем.

Лишь неизвестно,
Но интересно
Расположенье этих дальних мест,
И, в лодке сидя,
В каком мы виде
Свершим туда по смерти переезд?

Как соловьи ли,
Раскинув крылья,
Мы на звезду с звезды перепорхнем,
Иль лебедями,
Скользя кругами,
Вдвоем на море вечности замрем?
ночь

Спать ложитесь,
Вдруг блеснет
Лишь в бреду
Люди!
Улыбки
Безумный
Даль во мгле.
Благодать.
Ловит слух,
Иль ступайте
Что это?
Что в пространствах
Тихо
Откуда?
Духу
По земле.
Как понять?
Шепчет дух.
Двигайтесь
Встал из гроба
Слышит их
Тенями.
Месяц
Пред смертью
Легче шаг!
И притих.
Вдалеке

Крадучись,
Это вот и есть
Тот, чья жизнь
Безмолвно,
Ее
Висит на
На носках.
Жених.
Волоске.
Чтите траур,
Радость встречи,
Слышит также
Чтите
Нега
Речь их
Знак судеб.
Без конца.
И поэт
Ночь надела
Мука
В час, как сам
Нынче
Разрывает
Впадает
Черный креп.
Их сердца.
В вещий бред.
У нее был
Шепчутся.
И не в силах
Милый.
О чем же?
Мыслей
Умер он.
Кто поймет?
Прочь отвлечь,
Ночь горюет
Никому
Понимает
С самых
Не слышен
Мигом
Похорон.
Шепот тот.
Эту речь.
Бродит,
Да и так-то
Но, очнувшись,
Ляжет наземь,
Лучше:
Он,
Зелень нив

Велика
Теряя нить,
Слез своих
Тайна
Слов ночных
Росою
Их беседы
Не может
Окропив.
На века.
Повторить.

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

Куда девалось радуги сверканье,
Рой мотыльков и кашка на поляне?
Где шум ручья, и щебетанье птичье,
И все сокровища весны и лета?
Все это стало памяти добычей,
Добычею могилы стало это.
Белеют пятна снега на пригорках.
Зимой земля — как нищенка в опорках.
Зимой земля, как нищенка в сермяге,
Дрожит в дырявом рубище бродяги.
Из льда и снега сметаны заплаты,
Но через них проглядывает тело.
Она стыдом и трепетом объята:
В такую рвань ее нужда одела.
Промозглым днем не хочется на волю,
Зато какое в комнате раздолье!
Блажен, кого Господь хранит здоровым
И наградил семьей и теплым кровом.
В своем углу сейчас благословенье
Среди домашних, преданных друг другу,
А если для камина есть поленья,
Волшебным замком кажется лачуга.
Слова обычно на ветер бросают,
А здесь они до сердца долетают.
Как хорошо такими вечерами,
Вы б не поверили, не знай вы сами.
На первом месте, угощая свата,
Сидят хозяин и сосед бывалый.
Во рту их трубки, рядом штоф пузатый,
Наполненный венгерским из подвала.
Но им никак не одолеть бутыли, —
Опять полна, как много бы ни пили.
Сидящих потчует хозяйка дома.
Ее обязанности ей знакомы.
Она неравнодушна к доброй славе
И наполняет вновь и вновь баклагу,
Чтобы никто из здешних не был вправе
Назвать ее ленивою и скрягой.
Она все в беспокойстве, все в заботе

И все твердит: «Ну, что же вы не пьете?»

И гости пьют, радушием согреты,
А трубки догорят, берут кисеты
И мнут табак меж пальцев для набивки.
И как блуждают в доме кольца дыма,
Блуждают так же мыслей их обрывки
О прежней жизни, пролетевшей мимо.
Кто большей частью все оставил сзади,
Тот любит вспять смотреть, вперед не глядя.

К столу присели юноша с девицей.
Что прошлое? Им будущее снится.
Не беспокоит их, что было прежде.
У них все впереди, а не за гранью.
Их души сблизились в одной надежде
И смотрят вдаль сквозь чад очарованья.
Они молчат, но как красноречиво
Их взгляды обличают их порывы!

А близ камина, у его решетки,
Мал мала меньше детвора-погодки.
Они из карт игральных строят башни
1И валят на пол их без сожаленья.
Что завтрашний им день, что день вчерашний?
Им важно настоящее мгновенье.
Как много в этой комнате ютится:
Что было, есть и что еще случится.

Хлеб надо завтра ставить спозаранку.
Над ситом и мукой поет служанка.
Перед окном гремит бадья в колодце, —
Соседский конюх лошадь на ночь поит.
Цыганской скрипки отзвук раздается,
70 И контрабас на чьей-то свадьбе воет.
Весь этот шум снаружи, сбившись в кучу,
Приобретает в доме благозвучье.

Снег падает без устали, и все же
Черным-черно в потемках бездорожье.
Прохожий в это время очень редок.
Вот с фонарем бредет домой гуляка
И, за угол свернувши напоследок,
Внезапно тонет под покровом мрака.
Но любопытство в комнате задето:
80 «Кто б это мог пройти теперь? Кто это?»

СТЕПЬ ЗИМОЙ

Степь вправду — степь теперь, и вся седа как лунь.
Ну и хозяйка осень: дом у ней хоть плюнь!

Все, чем весна горда
И летняя страда,
Мотовка на ветер бросает без стыда.
Зимою — мерзость запустенья, холода.

Не звякают вдали бубенчики отар;
На дудке перестал наигрывать овчар;
Не слышно птичьих стай,
Увеселявших край;
Совсем умолк на кочках перепел-дергач,
И больше не пиликает сверчок-скрипач.

Замерзшим морем смотрит пустоши печаль.
Усталой птицей солнце низко тянет вдаль.
Лучей холодных пук
Стал стар и близорук, —
Нагнуться надо, чтоб увидеть что-нибудь.
Напрасный труд. Кругом одно унынье, жуть.

Пуста сторожка и дощаник рыбака.
Скотина вся в хлевах, на хуторах тоска,
Пред пойлом у корыт
По стойлам рев стоит,
Артачатся бычки, упрутся и не пьют:
В закутах духота, им хочется на пруд.

Батрак снимает с балки листовой табак,
И на порог кладет, и режет, взяв тесак.
За трубкою в сапог
Полез, набил, разжег,
Сопит, попыхивает и косится вбок:
Не опустел ли в стойле кормовой лоток.

Шинкарь с шинкаркой спят, стоит их мерный храп,
Хоть выкинь вон ключи, замкнув подвал и шкап.
На шест у их ворот
Никто не завернет:
Зимой сюда ничья не сунется нога,
Метели замели пути. Снега. Снега.

Порывы ветра в поле рыщут вверх и вниз.
Вот вихря клуб рванулся к небу и повис,
Другой размел сугроб,
Рассыпав целый сноп
Снежинок, блещущих, как искры из кремня,
А третий взвыл и бьется с первыми двумя.

Но вот пурга без сил и уползла в углы.
Из разостлавшейся кругом вечерней мглы
Всплывает тень с кнутом
Разбойника верхом.
Пофыркивая, конь несет его домой;

За ними следом волк, над ними ворон злой.

Как изгнанный король с границы смотрит вспять
На родину, пред тем как на чужбину стать,
Так солнца диск, садясь,
Глядит в последний раз
На землю, и, пока насмотрится беглец,
С его главы кровавый катится венец.
В РОДНЫХ МЕСТАХ

Здесь я родился, я в своем краю,
Вернулся в Алфельдскую степь свою,
Где все места следами старины
И няниными песнями полны.
В одной припев был, помнится, такой:
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Ушел ребенком я из этих мест
И взрослым совершаю новый въезд.
Как странно, двадцать лет прошло с тех пор-
ода, время, время мчит во весь опор,
Наполненное счастьем и тоской!..
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Где вы, друзья тех детских лет, сейчас?
Хоть одного б увидеть мне из вас!
Уверьте, что по-прежнему я мал.
Пусть я забуду, что мужчиной стал,
Что четверть века за моей спиной.
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Как птичка прыгает с сука на сук,
20 Бессвязно мысли носятся вокруг,
Ловя воспоминанья на лету,
Как пчелы мед на липовом цвету.
Ах, здесь воспоминаний целый рой!
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Я мальчик вновь и на лошадку — скок,
Скачу, трубя в осиновый рожок,
Но хочет пить конек мой боевой,
Я тросточку веду на водопой.
Напился конь. Пора, бетяр, домой.
30 «Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

Вот колокол вечерний зазвучал.
И всадник утомлен, и конь устал.
Я дома засыпаю в тот же миг
И долго-долго слышу в снах своих
Припев любимой песенки одной:
«Жук, майский жук, пострел-проказник мой».

В ГОРАХ

Там, внизу, внизу в ложбине,
Тонет город в дымке синей.
Он на прошлое походит
И, как время, вдаль уходит.
Он рисуется в тумане
В образе воспоминанья.
Хорошо средь высей горных,
Высоченных, непокорных.
Здесь становятся на отдых
Облака в своих походах.
Я б вступал отсюда в споры
С звездами в ночную пору.
Там, внизу, внизу в тумане,
Смутном, как воспоминанье,
Я оставил мысль о доме
В шумном городском содоме.
Я оставил там заботы.
Я не выношу их гнета,
И когда они на шее —
Я, как камень, цепенею.
Я средь гор вздохнуть присяду, —
Трогать здесь меня не надо.
Для других отдавши годы,
Украду хоть день свободы.
Дрязги я внизу оставил,
Вниз, в туман, обиды сплавил,
Гадости и все иное.
Здесь лишь радости со мною.
Здесь со мной два близких мира:
Милая моя и лира.
Женщина с душой ребенка, —
Вон жена моя сторонкой
Мотыльков с цветов сгоняет,
Рвет цветы, венки сплетает.
Вот она мелькнула тенью,
Вот исчезла на мгновенье,
Вот опять явилась, рея
Феей леса, горной феей.
Я ж стою в благоговенье
Пред красой миротворенья.
Трепетом своим и дрожью
Листья на сердца похожи.
Сонное их шелестенье
Мерно, как сердцебиенье.
Дерево большое с края,
Голову мне осеняя,
С важностью седого предка
Надо мною тянет ветку
И, благословив, как сына,

Ласково трясет вершиной.
Господи! Я чуть не плачу
В благодарности горячей.

ТЫ ПОМНИШЬ?..

Ты помнишь, как с тобой глядели
Мы в первый раз на этот пруд?
С тех пор два года пролетели.
Не правда ли, как дни бегут!

Стоял такой же день осенний,
Тянулись ветви в синеву,
С деревьев ветра дуновенье
Бросало на воду листву.

Поверхность пруда отражала
Свод неба светло-голубой,
И так же лодка у причала
Покачивалась над водой.
Тогда еще я только мыслью
Навстречу счастью вдаль летел.
В прямом, не переносном смысле
Я целовать тебя не смел.

Прошло два года. Не досадуй,
Утрата их не тяжела.
За это время жизнь в награду
Безмерно больше принесла.

Она дала тебя в отплату.
Спасения меня лишив, —
К чему оно, когда сама ты —
Бессмертие моей души?

Побудем здесь, где о подруге
Тогда я и мечтать не смел.
Дай мне измерить на досуге,
Как несравненен мой удел!

* * *

Осень вновь, опять чаруя,
Красит мне мое житье.
Не пойму, за что люблю я,
Но люблю, люблю ее.

Утоплю глаза в просторах;
С косогора средь травы
Сяду слушать тихий шорох
Опадающей листвы.

Солнце на землю с улыбкой
Смотрит, с кротостью светя,
Словно мать, качая зыбку,
На уснувшее дитя.

У земли на самом деле
Сонный, а не мертвый вид.
Нет, она в своей постели
Не кончается, а спит.

Снявши платье дорогое,
Положила на кровать,
Чтобы было под рукою,
Как придется надевать.

Спи, красавица природа,
Спи до первых дней весны.
Пусть тебе до их прихода
Снятся сладостные сны.

Кончиками пальцев трону
Лиру тихую свою.
Легкий звук скользнет к затону,
Призывая к забытью.

Сядь, дружок, со мной в прохладе.
До тех пор молчи, пока
Смолкнет звук над водной гладью,
Словно шепот ветерка.

Если целоваться станем,
Чуть коснись губами губ,
Чтоб не разбудить касаньем
Дремлющих древесных куп.

В КОНЦЕ ГОДА

Старый год, итак, уходишь?
Порожнем уходишь? Стой!
Под землею — мрак могильный,
Надо бы туда светильню, —
Песнь мою возьми с собой.

Вновь испытанная лира,
Службу я тебе задам.

Ты со мной с поры ребячьей, —
Что же нам сказать в придачу
К прежде сказанным словам?

Если славилась ты звуком,

Оправдайся пред молвой.
Заслужи былое мненье
И торжественность мгновенья
Звука важностью удвой.

Ну, а вдруг последний вечер
Это на твоем веку?
Может быть, потрогав струны,
В угол я тебя засуну
'И назад не извлеку?

Я в солдаты записался
И на поприще большом
Распрощусь с тобой покуда
И стихов писать не буду —
Или только палашом.

Ну, так разбушуйся, лира!
Выйди вся из берегов.
Пусть струна с струною сцепит
Смех и стон, и плач и лепет,
} Спутай жизнь и смерти зов!

Будь как буря, пред которой
Дубы с корнем — кувырком,
Или расчеши полоску
Еле слышным, как расческа,
Бороздящим ветерком.

Будь как зеркало, и в лицах
Жизнь мою восстанови
С первым возрастом начальным
На глубоком дне зеркальном
0И бездонностью любви.
Душу вывороти, лира!
Вспомни солнца мотовство
И обеими руками
Сей слабеющее пламя
В час захода своего.

До последних замираний
Звуков сдерживай раскат, —
И в горах времен, пожалуй,
Твой аккорд, как гул обвала,
50 В будущности повторят.

* * *

Вновь жаворонок надо мной.
Чуть от него я не отвык.
Пой, вестник дней весенних, пой,
Ликуй, что так простор велик.

О Господи, как этот звук
Мне после шума битвы мил!
Он кровь мне с обагренных рук
Своею чистотою смыл.

Пой, милый, не жалей рулад.
Ты мне напомнил в их пылу,
Что я не только ведь солдат,
Но твой собрат по ремеслу.

Твой щебет оглушает синь
Во славу музы и любви.
Во имя этих двух богинь
Безумствуй и в лазурь зови.

Воспоминанье и мечта,
Проснувшись, прерьюают сон
И, как два розовых куста,
Цветут во мне под твой трезвон.
К возлюбленной лететь мечтой —
Наверно, счастия предел,
И этой счастья полнотой
Я всех бы наделить хотел.
Могу сказать как на духу:
Создав ее, признался Бог,
Что рай небес не наверху,
А здесь, внизу, у наших ног.
Пой, жаворонок. Ты — призыв,
Чтоб вышли из земли цветы.
Пой, вешний вестник, пробудив
Души дремавшие пласты.

ВИТЯЗЬ янош
ПОЭМА

I
Безоблачных небес неистов жар жестокий,
И мучится пастух на солнечном припеке.
Напрасно с высоты так солнце припекает,
Пастух на берегу и без того страдает.
В его груди пожар, он от любви безумен.
Он неспроста пасет овец у сельских гумен.
Пока пасутся овцы под горой в лощине,
Валяется в траве он на своей овчине.
Ромашки вкруг него головками качают.
Внимания пастух на них не обращает.
Внизу течет ручей, бурля и извиваясь,
И на него пастух глядит не отрываясь.
Но взор его совсем не к пене волн прикован.
Он девочкой в ручье прельщен и очарован.
Он восхищен ее тяжелою косою,

И ростом, и лицом, и стана красотою.

Она стоит в ручье и, подоткнувши юбку,
Полощет в нем белье и скатывает в трубку.
И Янчи ослеплен и смотрит в удивленье,
Как белизной горят в воде ее колени.

Задумчивый, пастух с заплатанною блузой
Не кто-нибудь иной, но Янчи Кукуруза.
А девочка в ручье — его любовь до гроба,
Свет Илушка, его сердечная зазноба.

«Жемчужина моя, свет без тебя затмился, —
Он к девочке в ручье с поляны обратился, —
Голубушка моя, души моей отрада,
Хотя на миг один выдь, ангел, на леваду.

Порадуй душу мне своим лучистым взглядом,
Дай мне обнять тебя и сядь со мною рядом.
Выдь, красота моя, выдь на минуту, люба,
Дай всласть и до смерти нацеловаться в губы».

«Когда б мне не белье стирать велели, Янчи,
Не надо бы просить, сама б я вышла раньше.
Но горе ведь с бельем, — случись с ним проволочка,
Съест мачеха меня, я ей чужая дочка».

Так Илушка ему ответила покорно
И принялась опять белье стирать проворно.
Но с шубы встал пастух и, подойдя к потоку,
Сказал еще нежней подруге синеокой:

«Выдь на берег скорей, живее, голубь белый.
Два слова, поцелуй-другой — большое ль дело?
Ведь мачеха сейчас не над душою самой.
Уморишь ты меня, — как быть с тобой, упрямой?»

И выманил пастух любовь свою на сушу,
И с нею говорил, и отводил с ней душу.
И целовал ее раз сто и полтораста, —
И знает только Бог, как крепко и как часто.

II

Шло время между тем, и золото заката
Румянило ручей и мачехину хату.
Сердилась мачеха: «Где эта тварь дрянная?
Ну, погоди, придет, я девку отругаю!»

Та мачеха была несносной ведьмой злою.
Не знала Илушка от мачехи покоя.
«Небось баклуши бьет, — так думала старуха, —
Накрою-ка ее, влеплю ей оплеуху».

Ах, Илушка, беги от мачехи, родная!
Бедняжка, не уйти тебе от нагоняя.
От сладких снов любви, несчастная сиротка,
Ты вдруг пробуждена ее визгливой глоткой.

«Ах, вот ты где, овца, святая недотрога?
Ты вот чем занята? И не боишься Бога?
Вот девушкам пример! Любуйтесь ею, люди!
Чтоб с места не сойти теперь тебе, паскуде!»

«Довольно горло драть, вы слышите ли, тетка!
Заткните сами рот, иль мы заткнем вам глотку!
Про Илушку хоть раз скажите слово худо —
Я зубы выбью вам и сожалеть не буду».

Что говорил пастух, он сам в сердцах не ведал,
Но Илушки-красы своей в обиду не дал.
К старухину лицу он свой кулак приставил
И вот что ко всему для внятности прибавил:

«Смотрите, если вы не станете потише,
Я петуха пущу вам красного на крышу.
И так ведь девочка оттерта на задворки,
Гнет спину день и ночь, не видит хлеба корки.

Брось, Илушка, робеть. Она ведь ясно видит,
Что будет с ней, когда она тебя обидит.
Чем всюду нос совать, вы дома бы сидели
Да за собой, кума, получше бы глядели».

Накинув свой тулуп, простился он с подругой
И в поисках овец пошел шагать по лугу.
Он обошел луга, крестьянские угодья, —
Лишь несколько овец паслось кой-где в разброде.

III
Уж стало вечереть, повеяло прохладой...
Овец недостает, нет половины стада.
Где остальные? Где другая половина?
Кто это, вор иль волк в пропаже их повинны?

Чья б ни была вина, раздумывать в печали
Уж было поздно тут, раздумья запоздали.
Что делать Янчи? Он — неробкого десятка.
Погнал овец домой, не глядя на нехватку.

«Ну, Янчи, — думал он, — за новые успехи
Достанется тебе сегодня на орехи.
Ты рос и так, глаза хозяину мозоля,
А нынче... Что уж там, на все Господня воля!»

Так думал он, хотя не время думать было:

Отара в ворота хозяйские входила.
Хозяин, как всегда, стоял перед оградой,
Чтоб там пересчитать вернувшееся стадо.

Вот Янчи говорит: «Не буду я лукавить:
Полстада нет. Мой грех. Но дела не поправить.
Я пред тобой стою с повинной головою,
Хоть режь меня, хоть жги, убытка не покрою».

«Я смеха не люблю, и мы не скоморохи,
Ты, Янчи, не дури, со мною шутки плохи.
Ты дело говори, а то, предупреждаю,
Все ребра я тебе, смотри, пересчитаю».
Когда ж старик узнал, что это все не шутки,
От гнева он едва не тронулся в рассудке.
Стал бегать он кругом, крича и угрожая:
«Где вилы? Вилы мне! Проткну я негодяя!

Ах, вор, головорез, грабитель беззаконный!
Умри! Пусть выклюют глаза тебе вороны!
Затем ли подлеца я выходил и холил,
Чтоб висельник меня за хлеб мой обездолил?

Сквозь землю провались, исчезни, скройся, Каин!»
Орал до хрипоты на пастуха хозяин.
Потом, собравшись вдруг с последнею силенкой,
За Янчи побежал с дубиною вдогонку.

Но Янчи удирал, не пред дубиной струсив.
Не испугался б он и потолочных брусьев, —
Он парень был силач, шутя коней треножил,
Хотя до двадцати годов еще не дожил.

Он потому бежал, что должен был признаться,
Что в этот раз старик был вправе бесноваться.
И в драку ли вступать ему с отцом приемным,
Что сжалился над ним, найденышем бездомным?

Вот отчего бежал он, обливаясь потом,
Покамест не пропал старик за поворотом.
Куда глаза глядят пошел он по проселку, —
Так был он сразу сбит несчастьем этим с толку.

IV

Когда вода ручья совсем зеркальной стала
И вся роями звезд несметных засверкала,
Он, к радости своей, негаданно-нежданно
На Илушкин плетень набрел среди тумана.

Он стал перед плетнем средь вьющегося хмеля
И грустно заиграл на ивовой свирели.
Вечерняя роса, сверкавшая в бурьяне,

Казалась в эту ночь слезами состраданья.
А Илушка спала в те грустные мгновенья.
Ей летнею порой служили спальней сени.
Проснулась, услыхав свирели переливы,
И выбежала вон, одевшись торопливо.
Но Янчи напугал ее своей печалью.
«О Янчи, у тебя глаза и щеки впали.
Скажи мне все скорей, быть может, легче станет.
Ведь краше в гроб кладут, и на тебе лица нет!»
«Эх, Илушка моя, я бледен не впустую.
В последний раз тебя я, может быть, целую».
«О Янчи, перестань! Ты так меня пугаешь!
Побойся Бога ты! На что ты намекаешь?»
«Я правду говорю, моя весна и зорька!
В последний раз свирель моя рыдала горько.
В последний раз тебя я вижу, утро мая,
В последний слышу раз, в последний обнимаю!»
Потом, чтоб разъяснить ей страшную загадку,
Он рассказал ей все, как было, по порядку,
От Илушки лицо заплаканное пряча,
Чтоб видом слез своих не огорчить в придачу.
«Ну, Илушка, пора, мой белый ангел в небе,
И думай иногда про мой несчастный жребий.
Когда зимой в буран заслышишь веток стоны,
Пусть вспомнюсь я тебе, твой бедный нареченный».
«Ну, Янчи, добрый путь, раз такова судьбина.
Господь с тобой, тебя я в мыслях не покину.
Найдешь в пути цветок с головкой отсеченной, —
Подумай о своей несчастной нареченной».
Прижались, обнялись, рванулись друг от друга.
Заплакали. В сердцах у них завыла вьюга.
Оставив всю в слезах ее вдали на шляхе,
Он шел и утирал глаза полой рубахи.

Он наудачу шел, шел напрямик от тына
И не глядел вперед, и было все едино.
Кругом паслись стада, звон бубенцов был ласков,
А он не замечал смеющихся подпасков.

Деревня позади уже давно осталась,
И больше по пути костров не попадалось.
В последний раз назад взглянул несчастный Янчи,
И колокольни тень мелькнула великаншей.

Будь рядом кто-нибудь и вздох его подслушай,
Тот понял бы, что он вложил в него всю душу.
Но Янчи был один, лишь журавли держали
Вдоль по небу свой путь и вздохов не слыхали.

Он брел все глубже в ночь. Его тулуп овечий
Сегодня тяжелил так непривычно плечи.
Как заблуждался он! Не шуба тяжелила,

А сердце у него надорванное ныло.

V

Лишь только солнце, встав, луну домой услало,
Простерлась степь кругом, как море степь лежала.
Все, все, что видел глаз с восхода до заката,
Все это степь была, все было ей объято.

Ни кустика кругом взор Янчи не заметил,
Но вид травы уж был по-утреннему светел.
Лишь солнце поднялось, в его лучей потоке
Вдали сверкнул песок и озеро в осоке.

Там цапля, не спеша и жерди долговязей,
} Ловила лягушат средь камышей и грязи,
И, рассыпаясь врозь и собираясь в стайки,
Летали вниз и вверх на длинных крыльях чайки.
А Янчи брел один с своей огромной тенью,
Не видя ничего кругом от огорченья.
Уже давным-давно под солнцем степь сияла,
А у него в душе разлуки ночь стояла.

В полдневный час, когда палило солнце в темя,
Он вспомнил, что сейчас перекусить бы время.
Такой далекий путь за сутки одолевши,
Он еле шел, с утра вчерашнего не евши.

Он сел и, сумку сняв, доел остаток сала.
Лишь небо с высоты за Янчи наблюдало,
Да, громоздя в песках манящие курганы,
В обманчивую даль звала фата-моргана.

Когда он подкрепил иссякнувшие силы,
Он к озеру свернул, — так жажда затомила.
Тут, шляпой зачерпнув воды, стал пить он жадно.
Он сроду не пивал такой воды прохладной.

От озера едва успел он удалиться,
Сонливость налила свинцом его ресницы.
Он вытянулся весь и выбрал изголовьем
Пучок густой травы на холмике кротовьем.

И сон его унес в родимое селенье.
Он встретил Илушку в счастливом сновиденье,
Но чуть ее хотел губами он коснуться,
Гром пробудил его, он должен был проснуться.

Он стал искать кругом: «Где небо голубое?»
Все двигалось над ним, приготовляясь к бою.
Как бедствие войны, простерлась тень над краем.
'Небесный свод померк и стал неузнаваем.

Степь спрятала лицо под черною одежей.
Трещал небесный гром, разили стрелы Божьи.
Разверзлись хляби вод, и в шуме их и гаме
Озерная вода покрылась пузырями.
Встал Янчи, крепче сжал свой посошок пастуший,
Шляпенку поплотней надвинул он на уши
И, вывернув тулуп овчиной наизнанку,
Стал наблюдать стихий небесных перебранку.

Но мимолетный вихрь улегся так же скоро,
Раздорам был конец положен в ту же пору,
Толпою облака валили с места боя,
И радуги цвета раскинулись дугою.

Перевернув тулуп, наш Янчи не сушился,
Но воду отряхнул и дальше в путь пустился.
Уж солнце спать ушло, а Янчи Кукуруза
Все без дороги шел степной травой кургузой.

И вот он вдруг забрел в урочище лесное.
Непроходимый лес кругом стоял стеною.
Там ворон падаль жрал и первым Янчи встретил
И карканьем его у входа в лес приветил.

Но не пугал его ни лес, ни ворон вещий.
Он шел, и мрак густел и становился резче.
Он шел средь темноты и видел на тропинке
Свет месяца, и шел без страха и заминки.

VI
Уж время к полночи, наверно, приближалось,
Полоска света вдруг средь чащи показалась.
Взял Янчи на нее и видит — свет в окошке
В дремучей глубине на пешеходной стежке.

«Вот счастье, — думает, — как видно, двор заезжий.
Вот мне ночлег и кров в такой глуши медвежьей.
Наверное, корчма, благодаренье Богу!
Переночую в ней и отдохну немного».

Ошибся Янчи. Дом в густом лесу зеленом
'Был не корчмой. Он был разбойничьим притоном.
Дом не был пуст, была полна народу хата, —
Двенадцать человек, как на подбор ребята.
Разбойники, ножи, секиры, пистолеты...
Кто б не струхнул при том? Ведь не игрушки это.
Но Янчи не робел и без малейшей дрожи
Поднялся в дом и стал в разбойничьей прихожей.
«Компании честной почет и уваженье!» —
Сказал он из сеней, помедлив в отдаленье.
Разбойники, вскочив, взялись за ятаганы,
1 Но удержали их по знаку атамана.

«Кто ты, — спросил вожак, — что дерзко, без тревоги
Переступил порог разбойничьей берлоги?
Родители твои, жена и сестры-братья
Поплачут о тебе, что ты так смел некстати».
Но сердце не быстрей у Янчи стало биться
От этих грозных слов начальника станицы,
И он ему, при всей повольнице разбойной,
Ответил не спеша, толково и спокойно:
«Кто жизнью дорожит, тому необходимо
'Чураться ваших мест и в страхе ехать мимо.
Я с жизнью не в ладу и крест на ней поставил
И потому к вам путь без трепета направил.
Я все от вас приму, и, если захотите,
Мне сохраните жизнь и на ночь приютите,
А если нет, ну что ж, губите невозбранно:
Презренной жизни я отстаивать не стану».
Так он сказал. Его безмерная отвага
Поставила в тупик разбойничью ватагу.
«Вот это, братцы, хват! Вот это удаль-малый! —
) Воскликнул атаман. — Тебя судьба послала.
Бедовый у тебя святой, клянусь я Богом!
Природой создан ты, чтоб грабить по дорогам.
Ты презираешь жизнь и смерти не боишься.
Ударим по рукам — ты в нашу рать годишься.
Для нас забава — кровь, убийство, святотатство.
Награда же за труд — несметное богатство.
Вот бочка с серебром, а в этой вот дукаты.
Ну, что, хотелось бы тебе зажить богато?»
Какие б ни были у Янчи втайне мысли,
Но атаману он ответил, поразмысля:
«Согласен, по рукам. Вступаю к вам в дружину.
Сегодня лучший день моей судьбы кручинной».
«А чтобы этот день еще был много краше, —
Прибавил атаман, — полней нальемте чаши.
Покойный поп знал толк в вине, и всем собраньем
Мы за его помин на дно баклаг заглянем».
И заглянули так, что память всем отшибло,
Всей братией честной, всей вольницею гиблой.
Но тут, не будь дурак, наш Янчи в общем гаме
1 Знал меру и вино отхлебывал глотками.
Когда вино глаза разбойникам смежило,
Как раз настало то, что Янчи нужно было.
Разбойникам, кругом валявшимся вповалку,
Сказал он: «Добрый сон! Мне вас тревожить жалко.
Усните, больше вам никто мешать не будет,
Пока на Страшный суд труба вас не разбудит.
Вы многих жизней свет задули бессердечно.
Я наведу на вас за это сумрак вечный.
Теперь же — к золотым! Набью полну кошелку
} И милушке снесу на самый край поселка.
Откупится она от мачехи сварливой,
Не будет больше ей рабыней терпеливой.

Посереди села хороший дом построю,
И милушку введу в него своей женою,
И заживем вдвоем, король и королева,
Как некогда, до нас, в раю Адам и Ева.

Но что я говорю? Не так я опрометчив,
Чтоб счастье строить, жизнь и душу искалечив.
На этих золотых кровавый знак насилья,
На них проклятья след. Мы их не накопили.

Нет, я не трону их, я рад, что голос строгий
Мне не велит их брать, благодаренье Богу.
Нет, Илушка, прости, я снять хвалился бремя,
Но, видишь, не могу, неси свой крест со всеми».

С горящею свечой, совсем не тронув денег,
Он вышел на крыльцо, спустился со ступенек,
Поджег со всех сторон нависшие стропила,
И пламя через миг всю крышу охватило.

Огонь взвивался ввысь и нес клоки соломы,
Лизали языки оконные проемы,
И звезды и луна затмились от пожара,
Все сделалось черно от сажи и угара.

При виде зарева зловещего на тучах
Шарахнулась сова, спугнув мышей летучих,
И стала крыльями над головою хлопать,
То облетая дом, то рушась в дым и копоть.

На утреннем ветру деревья шевелились.
Пожар уж догорал, развалины дымились.
На выжженной земле, свидетели рассвета,
1 Лежали средь золы разбойничьи скелеты.

VII
За тридевять земель уносят Янчи ноги.
Забыл он о лесной разбойничьей берлоге.
Задумавшись, идет он, — глядь, пред ним нежданно
Откуда ни возьмись солдаты, доломаны!
Гусары едут в ряд пред ним по перелеску.
Их сабли наголо отточены до блеска.
Гарцуют лошади жеманно и красиво,
Небрежно в лад шагам помахивая гривой.

Завидел Янчи их, и сердце так забилось,
Что у него в груди насилу уместилось.
«О, если б, — думал он, — нашелся мне ходатай
И упросил бы их принять меня в солдаты!»

Лишь поравнялись с ним красивые мундиры,
Услышал над собой он окрик командира:

«Куда ты прешь, земляк, весь свет забыв в кручине?
Смотри, коней моих не задави, разиня!»

И Янчи отвечал: «Простите, ваша милость,
Мне заслоняет свет моей судьбы постылость.
Когда б я мог служить в команде вашей славной,
Я солнцу бы всегда глядел в глаза, как равный».

Начальник возразил: «Мы мчим не на пирушку.
Мы едем на войну, а это не игрушка.
Французов турки жмут. Мы, дорожа союзом,
Во Францию спешим на выручку французам».

И Янчи отвечал: «В столь доблестной затее
Я с вами разделить опасности сумею.
А смерть в бою сто раз я предпочту кончине
От беспокойных дум и горького унынья.

Признаться, до сих пор мне был конем осленок.
Я с детства в пастухах и пас овец с пеленок.
Но я венгерец, а венгерец гнет подковы.
Создав венгерца, Бог задумал верхового».

Речь Янчи, смелый вид, и рост, и живость взгляда
Понравились весьма начальнику отряда,
Он только посмотрел в его глаза живые
И тотчас же его зачислил в рядовые.
Нет слов, чтоб описать, как Янчи Кукуруза
Торжествовал, надев гусарские рейтузы,
Стянувши доломан и ментик перекинув,
И саблю из ножон сверкающую вынув.

Он сел на жеребца, и тот, бока запенив,
Стал искры высекать, как дьявол, из каменьев.
Но Янчи так прирос к седлу, что, взятки гладки:
Землетрясенье не испортило б посадки.

Он удивлял своих товарищей сноровкой,
Осанкою, огнем и выездкою ловкой,
И в деревнях, когда снимались со стоянки,
Смотрели вслед ему и плакали крестьянки.

Но сколько девушек в пути ни улыбнулось,
Все ж Янчи ни одна из них не приглянулась.
Хоть много разных стран объехали гусары,
Не встретил никого он Илушке под пару.

VIII

Шла армия вперед с беспечностью гусарской,
Достигнув глубины империи татарской.
Опасности таил гусарам край суровый:
Ту землю населял народ песьеголовый.

Их царь, нагнав гусар в дороге непроезжей,
Приветствовал гостей, как истинный невежа:
«Куда вы сунулись, глупцы и непоседы?
Известно ль вам, что все в краю мы людоеды?»

Их были тысячи, венгерцев очень мало,
' И сердце у гусар от этих слов упало.
Добро, на счастье их, тогда в столице ханской
Гостил заступник их, властитель негритянский.

Он не согласен был с такою речью дерзкой,
Он помнил Венгрию и знал народ венгерский.
Когда-то молодым, в прогулке кругосветной,
Проездом в Венгрии он пожил незаметно.

На память о былом он смело и открыто
Взял сторону гусар и стал на их защиту.
Он, надобно сказать, был другом закадычным
С песьеголовым тем насильником владычным.

И он сказал царю: «Я знаю их. Ей-богу,
Все это — добряки. Оставь их и не трогай.
Пожалуйста, уважь меня и, мне в угоду,
Дай пропуск им чрез край для вольного прохода».

«Всем услужу тебе, — воскликнул повелитель. —
И даже прикажу им дать путеводитель».
Так он сказал, и в две каких-нибудь минуты
Велел им выписать удобные маршруты.

Хоть знали, что в пути им нечего страшиться,
1 Как ликовали все, достигнувши границы!
Приелись кушанья им тут одни и те же:
Лишь финики весь год да фрикасе медвежье.

IX
Песьеголовую страну давно покинув,
Трусила конница под сенью розмаринов.
Тут были рощи их, Италии пределы,
Италия на них со всех сторон глядела.

Здесь, славы не стяжав для нашего оружья,
Венгерцы бедные боролись с лютой стужей.
В Италии зима всегда без перемены.
Солдаты шли в снегу глубоком по колено.

Но совладал гусар и с холодом и с бурей.
Все было нипочем выносливой натуре.
Чтоб не закоченеть, они с коней слезали
И на спину себе на время их сажали.
X

Дойдя до Польши, в ней гусары не стояли,
Проехали ее и повернули дале.
Хоть Индия лежит близ Франции вплотную,
Не так легко попасть из первой во вторую.

Индийские холмы становятся все круче
И в глубине страны скрываются за тучи.
Поближе к рубежу так вырастают горы,
Что служат небесам надежною опорой.

Понятно, что войска, вспотев на перевале,
Сорвали галстуки и доломаны сняли.
И шутка ли! Места, где так они томились,
В двух милях с небольшим от солнца находились.

Питались здесь одной лишь синевой надмирной,
Откусывая твердь, как леденец имбирный.
Когда ж хотелось пить, ручищами своими
Брались за облака, как за коровье вымя.

Не стало сил дышать. Они достигли гребня.
Стать и передохнуть все делалось потребней.
Бригада шагом шла, преграды попадались.
'Все чаще лошади о звезды спотыкались.

И Янчи размышлял об этих звездах в небе,
Что в каждой заключен людской житейский жребий
И если чья-нибудь звезда с небес сорвется,
То жизнь его внизу земная пресечется.

Он думал: «Жалко, я не отличу по виду,
Какая изо всех тут мачехи планида.
С небесной крутизны, без дальних размышлений,
Я сбросил бы ее звезду в одно мгновенье».

Снижался горный кряж. Свершали спуск по склону.
1 Воспрянул эскадрон, бодрее шла колонна.
Спадала духота, и легче всем дышалось,
И Франция внизу под ними показалась.

XI
Французский край почти второй обетованный.
Он сущий рай земной и лучше Ханаана.
Вот на него зачем точили турки зубы
И вторглись в этот край своей ордою грубой.

Когда в страну пришла венгерская подмога,
Враг буйствовал вовсю, уже награбив много.
Тащили что могли — церковное убранство,
Лохмотья бедняков, имущество дворянства.

Пылали города, людей ловили в поле

1И уводили в плен, чтоб посадить на колья.
Они и короля изгнали, низложили
И милой дочери единственной лишили.

В те дни его нашел в степи разъезд венгерский.
Он прятался, страшась расправы изуверской.
При виде короля в какой-то кофте рваной
Заплакали навзрыд гусары-ветераны.

Изгнанник говорил: «Теперь я нищ, как парий.
А я ведь был богат, как царь персидский Дарий.
На свете все пройдет, и я мирюсь, понятно,
}С превратною судьбой, с потерей невозвратной».

«Утешься! — убеждал венгерский полководец. —
Управу мы найдем на этот злой народец.
Резвятся пусть они, пускай оружьем машут,
Но завтра у меня еще резвей попляшут.

Мы за ночь отдохнем, раскинемся привалом,
А завтра зададим острастку самохвалам.
И, голову тебе даю на отсеченье,
Я край твой отвоюю за одно сраженье».
«Что край! — вскричал король. — Житье ли в одиночку?
Верните дочь мою, единственную дочку!
Ее турецкий князь похитил дерзновенно.
Я дам ее тому, кто дочь вернет из плена».

Понятно, как от слов таких зажглись венгерцы.
У каждого из них сильней забилось сердце,
И каждый залетал мечтами в поднебесье,
О битве думая и грезя о принцессе.

И, может быть, средь них лишь Янчи Кукуруза
Не слышал этих слов венчанного француза.
Он думал, как всегда, об Илушке с печалью,
1И помыслы его в других местах витали.

XII
Наутро солнце, вновь взошедши по привычке,
Увидело внизу приготовленья к стычке.
То, что теперь под ним творилось на равнине,
Превосходило все, бывавшее доныне.

Сыграли зорю. Все, кто ночью был в дозоре
Или на койке спал, все оказались в сборе.
Точили палаши, звенели сабель сталью,
Поили лошадей, вели их и седлали.

Король стоял на том, чтобы идти со всеми.
«Оставьте, — слышал он. — Другим сражаться время.
Повоевали вы, держали с честью знамя,

Пора на отдых вам, а очередь за нами.

На Бога и на нас надейтесь. Мы клянемся,
Что к вечеру уже с победою вернемся.
Все возвратим, конец положим беззаконьям,
На трон вас возведем и вон врага прогоним».

Начальник не любил с врагом игры и жмурок.
Как он сказал, так и повел отряд на турок.
Искать их не пришлось. Гонца к ним отрядили
И с помощью его войну им объявили.
Пришел назад гонец. Раздался клич горнистов,
И битва началась. Был шум ее неистов.
Звон стали, глоток гик и боевые кличи
Перемешались вмиг во всем многоязычье.
Пришпорили коней. Под выездкой военной
Поднялся частый стук подков попеременный,
Как будто это гул начавшийся сраженья,
Волнуя, участил земли сердцебиенье.
Турецкий вождь, паша семилошаднохвостый,
В две бочки толщиной, был небольшого роста.
Его распухший нос был сиз от перепоя,
Как спелый огурец осеннею порою.
Средь подначальных войск заметивши упадок,
Турецкий командир привел ряды в порядок,
Но армия его не двинулась ни шагу,
Увидевши гусар летевшую ватагу.
Атака их была нешуточной и жуткой.
Ряды сошлись лицом к лицу без промежутка.
Противник потерял при этом столько крови,
'Что травянистый луг стал кумача багровей.
Мелькали там и сям бегущие фигурки,
И падали с седла зарубленные турки.
Но дрался все еще паша их толстопузый,
Пока не налетел на Янчи Кукурузу.
А тот уже кричал, скача ему навстречу:
«Ах, бочка сальная, ах ты, курдюк овечий!
Приятель, из тебя свободно выйдут двое.
Не хитрый это труд, сейчас я все устрою!»
И саблю с силою на толстяка обрушив,
Рассек он пополам увесистую тушу.
С седла свалились вниз две равных половинки.
Покинул мир паша, убитый в поединке.
Узнав про смерть паши и потому горюя,
В испуге турки прочь пустились врассыпную.
Быть может, до сих пор их пятки бы мелькали,
Когда б гусары их в дороге не нагнали.
Бегущим головы сшибал гусар-рубака,
Как в поле васильки или головки мака.
Все пали, и один лишь мчался без оглядки,
И Янчи припустил за ним во все лопатки.
То несся сын паши. У дерзкого пришельца

Белела пленница на чепраке седельца.
Она лишилась чувств от горести душевной.
Та пленница была французской королевной.
За похитителем гнал Янчи шибче серны
И вслед ему кричал: «Остановись, неверный!
Стой, или я в тебе отверстье пробуравлю
И к праотцам твой дух из тела вон отправлю!»
Не в знак смиренья сын паши остановился,
'А потому, что конь без сил под ним свалился.
Тут всадник спешился и, павши на колени,
У Янчи стал просить пощады и прощенья.
«Пощады, удалой мой богатырь, пощады!
Я молод, жизнь люблю, мне ничего не надо.
Взгляни, как молод я, и сжалься надо мною.
Оставь мне жизнь одну, бери все остальное».
«Ступай отсюда прочь, трусишка, а не воин!
Ты от руки моей погибнуть недостоин.
Все забирай с собой, своим расскажешь дома,
'Какой конец пришел вам, роду воровскому».
Тут Янчи слез с коня, без хвастовства и спеси
Почтительно шагнул к очнувшейся принцессе.
Она была без чувств; теперь, придя в сознанье,
Сказала, устремив на Янчи глаз сиянье:

«Освободитель мой, кто б ни был ты, бесценный,
Благодарю тебя. Ты спас меня из плена.
Я все тебе отдам, все сделаю, желанный,
И, если хочешь ты, женой твоею стану».

Кровь, не вода текла в нем, не был он колодой,
В нем встрепенулась вся горячая природа,
Но он смирил ее, припомнив ненароком
Об Илушке своей в родном краю далеком.

Он тихо ей сказал: «Мой друг, спешить не будем.
Поедем к твоему отцу и все обсудим.
Пускай поступит он по своему желанью».
И с девушкой верхом поехал по поляне.

XIII
Когда приехали они на поле брани,
Садилось солнце и глядело на прощанье
Опухшими от слез и красными глазами
В пустую даль пространств с лугами и полями.

Была покрыта сплошь земля телами павших
И стаями ворон, покойников клевавших.
И солнце было так потрясено картиной,
Что поскорей ушло на дно морской пучины.

Близ поля прежде пруд блистал красой излучин.
Теперь он был, как кровь, багров и взбаламучен.

Сейчас в его воде проточной, у верховий,
Гусарский полк отмыл следы турецкой крови.

Когда гусары кровь с себя в пруду отмыли,
То в замок короля толпою проводили.
Тот замок, отнятый назад в бою жестоком,
От поля битвы был в соседстве недалеком.
Чуть в замке собрались его однополчане,
Приехал, опоздав, и Янчи на собранье.
Он королевну ввел и с нею стал у входа,
Как туча с радугой у края небосвода.

Не ждав ее в живых, король при встрече с нею
К принцессе бросился без памяти на шею.
Он долго с ней стоял в восторге непритворном,
Потом, опомнившись, сказал своим придворным:

«Чтоб ознаменовать счастливое событье,
На кухню поскорей за поваром сходите.
И этот чародей, умом своим раскинув,
Спроворит ужин нам для этих паладинов».

«Я здесь уж, мой король, — вмешался в общий говор
Случайно в комнату в тот миг вошедший повар. —
В соседней зале все накрыто по-французски.
Там дорогих гостей ждут вина и закуски».

Его слова для всех приятно прозвучали,
И заставлять просить себя они не стали.
Вокруг столов с вином, в чаду мясного пара,
Расселись без чинов немедленно гусары.

Как с турками они расправились нещадно,
Так обошлись с едой и влагой виноградной.
И диво ли, что так они проголодались,
1 Когда они с таким усердием сражались!

В разгаре пиршества и оживленной встречи
Приветствовал гостей король такою речью:
«Я нечто важное скажу вам в заключенье.
Внимайте, речь моя исполнена значенья».

Гусары как один оставили кувшины,
Чтоб вслушаться в слова седого властелина.
А тот отпил глоток, откашлялся немного
И начал речь свою торжественно и строго:
«Скажи, как звать тебя, мой доблестный воитель
И дочери моей достойный избавитель?»
Тот отвечал: «Меня звать Янчи Кукуруза,
И это прозвище ношу я без конфуза».

Король заметил тут отважному герою:

«Не беспокойся, мы дадим тебе другое.
Мы в дом тебя введем, тебе мы станем тестем
И примем в рыцари и Яношем окрестим.

Ты дочку спас мою. Я думаю, законно,
Чтоб ты венчался с ней, взяв королевну в жены.
Я за тебя ее охотно выдам замуж.
Займи мой трон и мне наследуй, витязь Янош.

Я долго просидел на троне, долго правил.
Давно пора, чтоб я другим его оставил.
Я стар и болен стал в заботах государства.
Прошу, смени меня и с нею сам поцарствуй.

Я дам тебе свою корону золотую,
И ничего взамен ее не попрошу я
Сверх малого угла при замковой палате,
Где мог бы я дожить остаток дней у зятя».

Так говорил король. Гусары молчаливо
* Сидели, слушая, и лишь давались диву.
А витязь Янош встал и, будто бы в угаре,
Смутившись, отвечал седому государю:

«Спасибо, государь, за добрые желанья!
Но я не заслужил великодушной дани.
Хоть редко снится сон такой, когда мы дремлем,
Но для меня твой дар великий неприемлем.

Наверно, ты не ждал, что я его отрину.
Послушай быль мою, она тому причиной,
Что на любезный дар ответил я отказом —
} Не буду в тягость я тебе своим рассказом?»
«Рассказывай, мой сын, без всяких отговорок.
Едва ли знаешь ты, как нам ты мил и дорог».
Так ободрял король простого рядового.
Что Янош им сказал, повторим слово в слово:

XIV
«Сперва — как получил я имя Кукуруза?
Средь кукурузных гряд нашли меня, бутуза.
Та, что нашла меня и оказала помощь,
Так прозвала меня. Я стал ее приемыш.

Жена сквалыжника, большая сердоболка,
Однажды занялась на огороде полкой
И вдруг подобрала младенца-карапуза,
Который нагишом лежал средь кукурузы.

Я плакал, говорят. Она из состраданья
1 Решила взять меня к себе на воспитанье.
Любя ребят, она сама была бездетна,

Но муж был скуп у ней. С ним спорить было тщетно.

Как увидал меня, так, стыд теряя всякий,
Стал бедную жену ругать он, как собаку.
«Ты что, с ума сошла? Сокровище! Подкидыш!
Чужого все равно за своего не выдашь!»

А мужу та в ответ: «Еще б недоставало,
Чтоб он остался там, живой ребенок малый!
Когда б он там погиб, как я б могла своими
Тубами призывать потом Господне имя?

Да надо рассудить, ведь это не змееныш!
Немного подрастет, окупится найденыш.
Он даровой чабан для вас, для овцевода,
И помощь мне в дому, — вот и вернет расходы».

Сдавался злой ворчун, но на меня, по злобе,
Смотрел всегда потом он косо, исподлобья,
И если дел своих я чуточку не ладил,
Он батогом меня и так и этак гладил.
Так я и вырос бы среди пинков и брани,
Ничем не скрасив тьмы такого прозябанья.
Но я дружил с одной девчуркой белокурой, —
Мне радостью она была в той жизни хмурой.
Мать умерла давно у ней, у горемычной,
Женился на другой отец ее вторично,
Но умер вскоре вслед и он, и оказалось,
Что с мачехою злой она одна осталась.
Та девушка была мне розаном весенним,
Единственным моим всегдашним утешеньем.
Как я любил ее! Соседи в околотке
Нас звали ласково: приходские сиротки.
За то, чтобы ее увидеть было можно,
Я жертвовал легко ватрушкою творожной.
Как радовался я, когда я в день воскресный
Мог вместе с ней играть средь детворы окрестной.
Так дружно жили мы в ребячестве сначала,
Когда же я подрос, — как сердце заиграло!
За поцелуй ее или прикосновенье
Я был готов весь мир отдать без рассужденья.
Но мачехина злость, пинки и перебранки
'Ей отравляли жизнь, — Бог не простит тиранке!
Кто знает, что б еще с ней сделала старуха,
Когда б не я. Востро со мной держала ухо!
Но вот и для меня собачья жизнь настала:
Хозяйка наша жить нам долго приказала.
Не стало у меня той матери названой,
Печальницы, меня нашедшей, мальчугана.
Я жизнью закален и нравом не плаксивый,
Слезинку для меня пролить — большое диво,
Но на похоронах я плакал неуемно

По доброй той душе, по матери приемной.
А Илушка, кого назвал я розой вешней,
Та плакала еще, быть может, неутешней.
Как было не рыдать? При жизни доброхотка
Старалась обласкать, где чем могла, сиротку.
Покойница не раз твердила перед смертью:
«Не беспокойтесь, я вас поженю, поверьте.
Ей-богу, поженю. Да что за шутки, право!
А пара-то из вас получится на славу!»
Слов тратить попусту бедняга не любила,
И если б не сошла сама от нас в могилу,
То обвенчала б нас, могу сказать наверно,
Ни мужа не боясь, ни той старухи скверной.
Но вот ушла она, и с ней ее обеты.
Для нас настала ночь без всякого просвета.
Как в памятные дни поры первоначальной,
Друг к дружке льнули мы средь этой тьмы печальной.
Но счастья не судил нам Бог и отнял тоже
Последний луч надежд и благодати Божьей.
Я стадо потерял, хоть овцы — не булавка.
Хозяин разругал меня и дал отставку.
Я с Илушкой тогда простился белокурой
И по миру пошел, унылый и понурый.
Я обошел весь свет с востока до заката,
И видел многое, и поступил в солдаты.
Когда я уходил, не заклинал я милой,
Чтоб сердца своего другому не дарила.
Она мне верила с таким же простодушьем.
Мы знали — верности друг другу не нарушим.
Располагать собой не властен, королевна.
'Я Илушку люблю и в мыслях с ней вседневно.
Куда ни заберусь, куда себя ни дену,
Кого ни встречу я, не будет ей замены».

XV
Так Янош заключил, и все, кто были в зале,
Под властью слов его сидели и молчали.
Принцесса плакала, слезам давая волю,
От жалости к нему и от сердечной боли.

Король ему сказал: «Мой дорогой, помилуй,
К женитьбе я тебя не принуждаю силой.
Но чувства добрые, уж коль не этим браком,
Позволь мне выразить другим посильным знаком».

Подвалы отперев, велел он казначею
Наполнить Яношу мешок казной своею.
Он Яноша водить стал за собой повсюду,
Кругом до потолка сокровищ были груды.

«Мой долг велик, — сказал король, — а деньги — малость.
Возьми их. Отпустить тебя — такая жалость!

Вернись в свое село, к оставленной невесте,
На эти деньги с ней живи беспечно вместе.

Я б не пустил тебя, но ты не уживешься,
Ступай, ведь ты и так к своей голубке рвешься,
А вы, его друзья, товарищи по роте,
'Останьтесь с нами здесь, живите тут в почете».

Так говорил король, так было в самом деле.
Все мысли Яноша домой в село летели.
Сказал принцессе он и королю: «Простите», —
И на корабль пошел, назначенный к отплытью.

Король и армия стояли у причала,
И свита долго вслед ему с мостков кричала,
Весь двор руками вслед ему махал со взморья,
Покамест не исчез корабль в морском просторе.
XVI
Шел по морю корабль, в нем Янош находился,
И ветер, в паруса вцепившись, выл и злился;
Шел по морю корабль, прошедши много за ночь,
Но дальше залетал мечтами витязь Янош.

Он все перелетал, он несся без препятствий.
0 встрече думал он, о будущем богатстве.
Он думал так: «Мой друг, тебе во сне не снится,
Кто по морю к тебе на корабле стремится.

К тебе спешит жених, чтоб браком сочетаться,
И больше мук не знать, и больше не скитаться,
И в радости зажить, и ею всех превысить,
И впредь ни от кого на свете не зависеть.

Хотя хозяин мой был скопидом и жила,
Я все простил ему, и все во мне остыло.
Притом повинен он в моем обогащеньи.
Я щедро награжу его по возвращеньи».

Вот Янош где витал своей мечтою смутной,
Покамест плыл корабль и ветер дул попутный,
От Франции вдали, в открытом океане,
От Венгрии ж еще на большем расстоянье.

Раз Янош вечером у вышки корабельной
Взад и вперед бродил по палубе бесцельно.
Матросам шкипер так сказал: «Заря румяна,
Ребята, не было бы завтра урагана».

Но Янош не слыхал, что молвили матросы.
Клин аистов над ним как раз в то время несся.
Шло дело к осени. Наверно, в те недели
Они из Венгрии, с земли родной, летели.

С восторгом он смотрел вослед их веренице.
1 Скрываясь вдалеке, на юг летели птицы,
Неся ему как бы далекие призывы
Красивой Илушки и родины красивой.

XVII
На следующий день, как небо предвещало,
С утра поднялся шквал упорный и немалый.
Плетями вихрь хлестал валы нетерпеливо,
Валя их кувырком и им косматя гривы.

Команда видела, что положенье трудно.
Волна, как скорлупу, подбрасывала судно.
Крепился экипаж. Он знал — момент опасный.
Спасенья не было, и было все напрасно.

Вот черный смерч нашел, корабль в его капкане.
Бьют молнии, слепит их частое сверканье.
Удар в корму, еще удар, корма пробита.
Пропало все, конец дырявому корыту!

Обломки корабля плывут, куски обшивки,
Всплывают мертвецы, плывут снастей обрывки.
А где ж герой наш? Что предпринял Янош-воин,
Когда в корабль вода вбежала из пробоин?

Ведь смерть уже почти взяла его за горло,
И вдруг спасенья длань судьба ему простерла.
Все выше гребни волн, вода несет все выше,
Он достает рукой край облака нависший.

С какого-то в воде торчавшего осколка
Нацелившись, поймал он облако за холку
И полетел, вися на нем, покамест туча
Не врезалась концом в береговую кручу.

Он на землю сошел. Упавши на колени,
Вознес он Господу за все благодаренье.
Что клад его пропал в том он не видел горя.
Ведь главное, что сам не потонул он в море.
Вот огляделся он: на выступе стремнины
Тень грифова гнезда висела над равниной.
Заметив, что птенцов кормила птица злая,
Подумал Янош: «Вот кого я оседлаю».

К гнезду подкравшись, он негаданно-нежданно
Одним прыжком вскочил на птицу-великана,
Пришпорил хищника, и тот раскинул крылья,
И горы и моря под ними вдаль поплыли.

Его бы сбросил гриф на дно глубин отвесных,

Когда бы сам в тисках не очутился тесных,
Но Янош обхватил ему бока умело,
И, воле вопреки, с ним птица вдаль летела.

Бог знает сколько стран мелькнуло по дороге.
Случайно солнце раз взошло на холм отлогий
И осветило вдруг внизу подъем неровный,
И колокольни верх, и сельский двор церковный.

Святые небеса! Он чуть не помешался.
То был поселок их. Поселок приближался.
Все ниже гриф летел, — его земля манила,
Он все искал, где сесть, он выбился из силы.

Вот опустился гриф усталый на пригорок.
И витязь Янош слез скорей с его закорок.
Он позабыл про все и, не простившись с птицей,
Шел, глядя на село и церкви черепицы.

«Без золота иду и не довез подарка,
Но сердцем рвусь к тебе, — оно, как прежде, жарко!
А это, Илушка, всех царств земных превыше.
Сейчас увижу я тебя, сейчас услышу».

Подобных мыслей полн, прошел он сельский выгон,
Вдоль виноградников околицы достиг он.
Бочонок прозвенел и въехал воз в ограду.
Он понял: у сельчан день сбора винограда.
Навстречу ехали тяжелые подводы.
Никто не узнавал чужого пешехода.
Вот за угол он взял, где, по его расчетам,
Шла к Илушке тропа, и подошел к воротам.

Перехватило дух от первой же попытки
Открыть затвор, рукой притронуться к калитке.
С волненьем справившись и замираньем сердца,
Шагнул он — и чужой народ нашел за дверцей.

«Я не туда попал, тут есть другая тропка», —
Решил он, повернув опять дверную скобку.
«Кого вы ищете?» — его в дверях светлицы
Спросила новая какая-то жилица.

Ответил он кого. «О милосердный Боже!
Простите, ваш загар, обветренная кожа,
Я не узнала вас, — растерянно, негромко,
И вся смутясь, ему сказала незнакомка. —

Прошу вас в дом. Зачем мы топчемся у входа?
Я расскажу вам все, что было в эти годы».
И с гостем в дом войдя и севши у окошка,
Так продолжала речь, помедливши немножко:

«Неужто вы меня совсем не узнаёте?
Девчурка, помните, боялась строгой тети?
В те годы к Илушке ходили часто дети...»
«Где Илушка сама, скорее мне ответьте!»

«Где Илушка? — вздохнув и утерев слезинки,
Переспросила эта женщина в косынке. —
Что, дядя Янчи, мне сказать? Она в могиле.
Не знали разве вы? Ее похоронили».

Не рухнул на пол он затем, что слушал сидя.
' Поник он, ничего перед собой не видя,
Но плакать он не мог. Прижавши к сердцу руку,
Он как бы сдерживал нахлынувшую муку.
Он долго так сидел, без всякого движенья,
И тихо вдруг спросил, как после пробужденья:
«Не замужем она? Нарочно, может, скрыли?
Я б это предпочел. Чтоб только не в могиле.

Я б увидал ее хоть раз еще единый,
И сладкой стала б мне тогда моя кручина».
Но не дождался он от женщины ответа
И вздрогнул, заключив, что, значит, правда это.

XVIII
И он закрыл лицо, чтоб горя скрыть улики,
И слезы полились рекой у горемыки.
Разбилась вдребезги вся жизнь, вся раскололась.
Он что-то говорил, и прерывался голос.

«Зачем я не погиб в бою от вражьей силы?
Зачем морская хлябь меня не поглотила?
Зачем я в мир пришел? Имело ль смысл родиться,
Чтоб это пережить и с этим примириться?»

И стала боль сдавать, как бы собой пресытясь.
«Скажите, — спрашивал крестьянку Янош-витязь, —
Как померла она и по какой причине?»
«От безутешных слез, от долгого унынья.

Пока вас не было, ведь мачеха-ехидна
Вогнала в гроб ее напраслиной обидной.
Замучила совсем, на сиротинке ездя,
Зато сама теперь и мается в возмездье.

Все было Илушке без вас кругом постыло.
И вам она свой вздох последний посвятила.
Она шептала: «Вот я ухожу отсюда.
1 Мой Янчика, не плачь, я там с тобою буду».

Так перешла она в тот мир легко и просто.

Народу много шло за гробом до погоста.
Никто пройти не мог, не прослезившись, мимо.
Все плакали — она в селе была любима».

«Скажите, где ее покоятся останки?»
«Пойдемте на могилу», — был ответ крестьянки.
На кладбище, один, расставшись с провожатой,
В безмолвье он упал лицом на холм покатый.

Иные времена он вспоминал и сроки,
Когда в ней все цвело, уста, глаза и щеки.
Нет ничего теперь, все смерти вихрь развеял,
Что он чрез жизнь пронес, что он в мечтах лелеял.

Шло солнце на закат, румяня край дороги,
Потом зарю сменил на небе серп двурогий.
Безрадостно луна смотрела из тумана,
Безрадостно он брел с могильного кургана.

Но он вернулся вновь. Средь трав и повилики
Рос на могиле куст — колючий розан дикий.
Он ветку отломил и с думой невеселой
Засунул черенок за отворот камзола.

«Из праха сироты ты вырос, цветик сирый, —
Сказал он, — будь со мной в путях далеких мира.
Я сохраню тебя в дороге кругосветной,
Покамест не пробьет мой смертный час заветный».

XIX
Два было у него дружка в житейском море,
Два спутника в беде: булатный меч и горе.
Сидело горе в нем и грудь тоскою ело,
А меч сидел в ножнах, заржавевши без дела.

Сменилось много лун, валили зимы скопом,
Пока он шел и шел по неизвестным тропам.
Весной, когда земля была в цветном уборе,
Сказал он одному из двух собратьев — горю:
«О горе, для чего всегда меня ты гложешь?
Ты видишь, что меня ты доконать не можешь.
Другого избери, других терзай, преследуй,
Над теми, кто слабей, одерживай победу.

Не гибнут от тоски, — все это бабьи бредни.
Не от тебя удар я получу последний.
Неравная борьба, опасность и невзгода,
У вас молю себе смертельного исхода!

Расстанемся добром, я сам тебя оставлю.
И ты не мучь меня своей бесцельной травлей».
Так он сказал, с тех пор закрыв страданью двери,

Стараясь вспоминать поменьше о потере.

С терзаньями тоски покончив в это время,
Он жизни лишь тащил наскучившее бремя,
Тащил, тащил и раз, весной, в дневную пору,
Увидел воз в грязи среди густого бора.

Тот воз был гончара, — гончар готов был плакать,
Что воз так глубоко увяз, ушедши в слякоть.
Гончар стегал коня по морде, дик и злобен,
А возу хоть бы что, — нейдет он из колдобин.

Вот Янош говорит: «Здорово, друг сердечный».
Но злобно посмотрел ремесленник горшечный:
«Проваливай-ка ты с твоим здоровьем к чёрту!
С телегой я тут бьюсь уж скоро час четвертый».

А Янош отвечал: «Не злись, мастеровщина!»
«Да как не злиться мне, дорога — что трясина.
С утра хлещу коня, обдергал все поводья,
Знать, приросли к земле колесные ободья».

«Ну что ж, не унывай, твоей беде поможем.
А что там за большак бежит лесным изложьем?»
«Какой большак?» — «Да вон, мелькает между елок».
1 «Да это не большак, а так — глухой проселок».
«Ну что ж, хотя б и он. Вон там, на повороте...» —
«Да нет, чур вас туда! Пойдете — пропадете.
Никто не приходил оттуда цел-нетронут.
Там великаний край, там люди камнем тонут».

«Я сам уж рассужу, — мне, думаю, виднее.
Давай-ка воз тащить. Возьмемся, да дружнее», —
Ответил Янош, сам схватился за нахлестку,
Оглоблю потянул и вытащил повозку.

Глаза у гончара расширились с тарелку,
А Янош это все считал пустой безделкой.
Стоял и вслед глядел горшечник, рот разинув,
А Янош шел уже в пределы исполинов.

Он шел и вдруг достиг границы пресловутой,
Где всем бывал капут, где гибли смертью лютой.
По рубежу земли поток кипучий мчался.
В другой стране бы он большой рекой считался.

У края на часах стоял детина ражий,
Служивый великан из пограничной стражи.
И Янош, вскинув взор, детину мерил снизу,
'Как башни городской зубцы или карнизы.

Вдруг тот пробормотал: «Никак ползет разведчик?

А ну-ка поглядим, кто это? Человечек?
Знать, пятки неспроста чесались беспрестанно,
Сейчас я раздавлю его, как таракана».

Но саблю поднял вверх над головой лазутчик.
Не видел никогда жердяй таких колючек.
Ступил он на клинок и, ногу вверх отдернув,
Всей тяжестью в поток обрушился, как жернов.

«Он плюхнулся как раз, как надо мне, в канаву, —
] Подумал Янош, — вот и мост для переправы».
И, бросившись стремглав к громаде бездыханной,
Чрез воду перешел легко по великану.
Дозорный не успел еще пошевелиться,
Как Янош был уже на том краю границы.
Он саблею своей взмахнул со всею силой
И жилу разрубил на шее у верзилы.

Уж больше часовой с земли не подымался,
Глазами зоркими вперед не уставлялся.
Нашло на жизнь его внезапное затменье
На вечность целую, наверное, не мене.

Труп запрудил поток, и, хлынувши по телу,
Мгновенно вся вода от крови покраснела.
Что будет с Яношем? Терпеньем запасемся:
В свой срок мы не спеша до цели доберемся.

XX
Все дальше Янош шел лесистым буераком,
Ошеломленный всем, и деревом и злаком.
В тех дебрях что ни шаг он видел тьмы диковин,
К которым он не мог остаться хладнокровен.

Деревья тут росли, и вширь и кверху пялясь,
Такие, что нигде их ветки не кончались.
А листья были в рост людской, и половины
Листа могло хватить на платье с пелериной.

Большие комары величиной с бугая
> Летали тучами, дороги преграждая,
И сабле Яноша нашлось где разгуляться:
Он стаи их крошил, чтоб дальше продвигаться.

Величина ворон... Вот это птички были!
Одну он увидал на расстоянье мили.
Сидела на суку ворона, когти скрюча, —
Он принял издали ее сперва за тучу.

Так витязь Янош шел страной замысловатой,
Вдруг на небо легла косая тень заката.
То замок короля туземного мудреный

Полнеба заслонил зубцами бастиона.
Ворота были в нем — я смею вас уверить —
Такие, что никто не мог бы их измерить.
Но вот чем я могу пытливость успокоить:
Не стал бы великан ворот пустячных строить.
Стал Янош и стоит: «Построен замок ловко.
Наружный вид хорош. Посмотрим обстановку».
Он по мосту прошел легко и без заминки
И замковых ворот раскинул половинки.
И что ж он увидал! Перед столом накрытым
'Изволил их король обедать с аппетитом.
Но знаете, что их величество жевало?
Никак не угадать. Береговые скалы!
Чуть Янош увидал утесистые груды,
Не по душе пришлось ему такое блюдо,
Но великанский царь с улыбкой хлебосола
Стал потчевать его той пищею тяжелой.
«Раз, говорит, зашел, тебе не будет спуску,
Садись, не обессудь и с нами камни лускай.
А то конец твоим всем потрохам-лохмотьям, —
} Всего как есть тебя в одежде мы проглотим».
Нельзя сказать, чтоб рад он был словам царевым,
Но Янош отвечал согласием готовым:
«Признаться, кручи гор глотать мне непривычно,
Но раз на то пошло, согласен я, отлично.
Чем не пожертвуешь для светского общенья?
Но сделайте тогда и вы мне одолженье.
Я — издали, в трудах пути уставший странник.
Прошу мне наколоть помельче ваш песчаник».
Царь отколол ему на четверть пуда глыбу.
} «Закусывай, сказал, соленой этой рыбой.
А на второе вот порфировая груда.
Ее ты с толком ешь. Она — мясное блюдо».
«Нет, — Янош возразил, — я погожу, а лучше
Ты сам прожуй и съешь свой жребий неминучий».
И камнем угодил в висок царя так метко,
Что брызнули мозги фонтаном на салфетку.
«Ну, что, не прожевал? Застряло в глотке жадной? —
Со смехом говорил он королю злорадно. —
Ты все шутил! Вперед наука зубоскалу:
Другому в рот не суй свои кремни и скалы!»
Тут великаний род был весь охвачен скорбью.
Подперши головы рукой и спины горбя,
Печалились они, тайком шепчась друг с дружкой.
Их каждая слеза была воды кадушкой.
И старший великан взмолился: «Бога ради,
Наш победитель, все мы молим о пощаде!
Будь нашим королем, у царственного стяга
Все в верности тебе мы принесем присягу».
«Он волю выразил и общий голос схода», —
Раздался в зале гул пришедшего народа.
И долго там и сям твердили в перепуге:

«Царь, смилуйся! Мы все твои рабы и слуги».
И Янош отвечал: «Прослушав, постановим:
Я королевский сан приму с одним условьем.
Остаться мне нельзя. Я дальше шаг направлю
И за себя у вас наместника оставлю.
Берите, кто вам люб, на должность запасную.
А я вас вот к чему за это обязую:
Понадобитесь вы, — на мой призыв далекий
Должны явиться вы в одно мгновенье ока».
«Великий государь, возьми свистульку эту.
Как свистнешь, мы придем хотя бы к краю света!» —
Так Яношу сказал из великанов старший,
Униженно припав к его руке монаршей.

Заслуженно гордясь своей победой громкой,
Засунул он свисток в дорожную котомку.
При множестве кивков и теплых пожеланий
Покинул он предел державы великаньей.

XXI
Как долго шел он, я понятья не имею,
Но чем он дальше шел, тем делалось темнее.
«Я в памяти, и я не сплю, но уж неделю
Не вижу я ни зги. Ослеп я в самом деле?»

Так Янош рассуждал, пришедши к заключенью,
Что наступила ночь иль он теряет зренье.
Он зренья не терял нисколько, и, однако,
Сходилась все плотней пред ним завеса мрака.

То было царство тьмы, и Янош, как незрячий,
1 Отныне дальше шел на ощупь, наудачу.
Он изредка слыхал над головою шорох
Несущихся над ним каких-то стай бесперых.

Не крылья птиц над ним в полете трепетали,
А толпы ведьм верхом на метлах пролетали.
В бессолнечность, в страну беззвездья и безлунья
Слетались испокон на шабаш свой колдуньи.

Сюда на сборища для плясок до упаду
Столетьями они слетались кавалькадой.
Они и в данный миг собралась в сердце пущи,
Тде лес непроходим и мрак черней и гуще.

Они теснились тут вокруг костра в пещере,
Как Янош подсмотреть успел сквозь щелку двери.
Потрескивал огонь сухих еловых сучьев,
И свешивался вниз котел с железных крючьев.
Когда подкрался он к собравшейся ораве,
Колдуньи были тут уже во всем составе:
На цыпочках, застыв у скважины замочной,

Смотрел он чуть дыша на сбор их полуночный.

Скача вокруг котла, сестрицы внутрь кидали
Лягушек, дохлых крыс и много всякой швали,
Цветы, кровавый мох с гнилого эшафота,
Людские черепа и пакостное что-то.

Покамест он смотрел на сцену их разгула,
Мысль невзначай одна у Яноша блеснула:
«Наверное, сейчас в пещере этой гадкой
Все ведьмы, сколько есть на свете, без остатка».

Полез он за свистком, чтоб кликнуть великанов,
Но отскочил назад, взволнованно отпрянув:
Запуталась рука в каком-то колком хламе.
'Он стал его впотьмах ощупывать руками.

То были лошади всей этой стаи храброй —
У входа под скалу наваленные швабры.
Он их в охапку взял и снес подальше к шуту,
Чтоб ведьмы не нашли их в нужную минуту.

Тогда-то засвистал он в свой свисток карманный.
И только свистнул раз, явились великаны.
«Высаживайте дверь! Вперед, ребята, смело!» —
Скомандовал он им, и с петель дверь слетела.

Ну и галдеж пошел у ведьм и суматоха!
) И в довершенье бед, в чаду переполоха
Хватились метел — нет! Как мы их вой опишем
При этом бедствии, над ведьмами нависшем?

А великаны той порою не дремали,
Спасающихся ведьм на всем скаку хватали
И ударяли так об землю, взяв за ножки,
Что вышибали дух и плющили в лепешки.
И любопытно: чуть одна из ведьм кончалась,
Так постепенно тьма на небе прояснялась.
Редела мгла небес, лились потоки света,
Лучами солнца вся земля была согрета.

Последняя из ведьм, из чертова отродья,
Вилась между землей и солнцем на восходе.
Кого ж он в ней признал, вглядевшись в чародейку?
Бич Илушки, ее насильницу-злодейку.

«Ну, — вскрикнул Янош, — дай я эту сам приплюсну!» —
Из великаньих рук рванув ее искусно.
Но ведьма не далась ему так просто в руки
И увильнула прочь проворнее гадюки.

«Чего стоишь, как пень? Лови, дурак, неловкий!» —

Юн гаркнул. И в момент смял великан чертовку
И, высоко ее подбросивши, как мячик,
Навеки излечил от всяческих болячек.

Труп ведьмы грохнулся, перелетев созвездья,
В родное их село, на улицу при въезде.
Все ненавидели ее и сторонились.
Вороны — даже те не каркали, ленились.

А в царстве тьмы с концом души ее змеиной
Установился день в честь ведьминой кончины.
И Янош, уходя, сжег метлы до единой,
'Чтоб более о них уж не было помину.

С дружиною простясь и побежденным мраком,
О долге службы вновь напомнил он воякам,
И каждый великан ему ответил браво,
Потом он влево взял, а великаны вправо.

XXII
Так Янош двигался, пересекая страны.
Он больше не страдал. Закрылась сердца рана,
И не впивалась в грудь колючею занозой
С могилы Илушки обломанная роза.
Он за подкладкою хранил ее отводок.
В пути, когда на грудь склонял он подбородок
И мельком на нее посматривал украдкой,
Его охватывал какой-то трепет сладкий.
Так он однажды брел. За рощей солнце село.
Недолго полоса заката розовела.
Угасла и она и скрылась с глаз бесследно.
Дорогу осветить ей вышел месяц бледный.
Уже зашла луна, когда шагавший Янош
Решил привалом стать на этом месте на ночь.
Не разбирая, где свалила с ног усталость,
Он как попало лег, чтоб отоспаться малость.
Он спал, не ведая, где он расположился,
А он на кладбище забытом находился,
На старом кладбище, где вольно, без ухода,
Царила, буйствуя и одичав, природа.
Как полночь пробило, открылись все гробницы,
И бледных призраков явились вереницы.
Их выдохнула глубь могил во всяких видах, —
В истлевших саванах и простынях-хламидах.
Они пустились в пляс, перелетая ямы,
И затряслась земля от топота и гама.
Ни песен их, ни их прыжков в тиши безлюдной
Не слышал Янош, — так уснул он непробудно.
Вдруг он замечен был одной плясавшей тенью.
«Смотрите-ка, живой!» — вскричало привиденье. —
Захватим смельчака, похитим сумасброда,
Посмевшего прийти в час нашего обхода».

И сонмы мертвецов, сдвигая полукружье,
Столпились вкруг него, и кончилось бы хуже,
Когда бы нечисти, теснившейся в тумане,
Не разогнал петух, пропевший ранней ранью.

Проснулся Янош, весь от холода в ознобе.
Дул ветер и качал траву среди надгробий.
Встал Янош, посмотрел на плиты удивленно
И далее пошел дорогой нетореной.

XXIII
Взобрался Янош раз на горную вершину.
Свет озарил верхи, не захватив долины.
Был дивный мир внизу в рассветной мгле раскинут.
Он ждал, что и туда лучи вот-вот нахлынут.

То исчезая с глаз, то появляясь снова,
Плыла звезда зари средь неба голубого
И скрылась, замерев, как тихий вздох упрека,
Чуть солнце поднялось, свершая въезд с востока.

Вкатившись в золотой, горящей колымаге,
'Взглянуло солнце вниз, в простор недвижной влаги.
Казалось, вдалеке теряясь, гладь морская
Была объята сном, сном без конца и края.

Хоть море замерло, не тронутое зыбью,
Местами косяки его рябили рыбьи,
Когда они, плещась, выкидывались стаей,
На солнце чешуей алмазною блистая.

На берегу морском была рыбачья хата.
Рыбак был старый дед, седой и бородатый.
Он только что хотел закинуть сеть с обрыва,
* Вдруг Янош стал пред ним и вымолвил учтиво:

«Бог в помощь, дед! — сказал. — Услуги мне не явишь?
Меня ты за море в челне не переправишь?
Я б щедро заплатил, да деньги буря съела,
Я в ноги поклонюсь, ты даром это сделай».
«Хоть их имей, хоть нет, — ответил дед толковый, —
Не надо денег мне, на что их рыболову!
Морская глубина родит довольно рыбы,
А это, сын мой, все, что надо мне, спасибо.

Но сам-то ты сюда, скажи, попал откуда?
Ведь это океан. Вот ты тут и орудуй.
У океана нет конца и нет начала,
И перевоза нет, чем ни дари, ни жалуй».

Но Янош думал так: «Чем цель недостижимей,
Тем манит и влечет она неудержимей.

Я буду там, назло преграде ненавистной,
Есть способ у меня: в свисток карманный свистну».

Едва он просвистал, как тут же по призыву
Явился великан пред ним трудолюбивый.
«Скажи, ты можешь ли, — спросил он великана, —
Со мной успешно вброд пройти по океану?»

«Могу ли? — тот сказал, смеясь. — По этой луже?
Взберись на шею мне и обними потуже».
Послушно Янош влез, тот по земле потопал,
Чуть подвернул штаны и по воде зашлепал.

XXIV
Они недели три уже в дороге были.
И шагом великан отмахивал полмили,
Но сколько он ни шел, при столь великой прыти,
Не видели земли они со дня отбытья.

Раз на заре, когда туман свиваться начал,
«Земля!» — вскричал он. Холм пред Яношем маячил.
Вгляделся великан и говорит: «Возможно.
Но то не материк, а островок ничтожный».

Стал Янош спрашивать, чей остров в отдаленье,
1И великан сказал, что это фей владенье.
Край света тут, конец, а там, за этой гранью —
Страна небытия, край несуществованья.

«Неси ж меня туда, мой преданный служитель,
На остров, к феям тем в волшебную обитель».
«Ну, что же, — великан сказал, — могу, согласен.
Но ты имей в виду, что вход туда опасен.

Обдумай наперед, что ты себе готовишь.
Ворота стережет там несколько чудовищ».
«Ты только донеси, а там, войду ли, нет ли, —
Я тоже не дурак лезть на погибель в петлю».

И великан понес его беспрекословно,
На остров высадил, спустил на берег ровный.
Отвесил Яношу поклон, тепло простился
И тотчас по морю в обратный путь пустился.

XXV
У входа в царство фей передние ворота
Оберегали три медведя-живоглота.
Он сладил с ними и ушел из лап когтистых.
Недаром Янош встарь служил в кавалеристах.

«Достаточно пока, устрою передышку, —
Подумал Янош вслух, свалив меньшого мишку, —

Здесь на ночь протяну измученные члены,
А завтра дальше вглубь проникну непременно».

Как и предполагал он по своим расчетам,
Назавтра подошел он ко вторым воротам.
У этих сторожа куда лютее были:
Привратниками тут три страшных льва служили.

У Яноша и тут был разговор короткий,
Он саблю выхватил, бросаясь к загородке.
Как яростно себя ни защищали звери,
Но испустили дух и эти у преддверья.
Гордясь одержанной победой справедливо,
Он далее решил идти без перерыва.
И от своих трудов еще покрытый потом,
Он к третьим подошел таинственным воротам.

Но, приближаясь, что увидел он с дороги?
Чудовищный дракон валялся на пороге!
Дракон позевывал прожорливо и сонно.
Свободно шесть волов входило в зев бездонный.

Не робок Янош был и был умом не глупый,
Преграды брал судьбы, всходил на гор уступы, —
Увидел он, что тут отвага не годится,
Задумался, какой тут хитростью пробиться.

Понявши, что нельзя и думать о защите,
Решился Янош сам предупредить событья.
Дракону прыгнул в пасть, влетел в отверстье зева
И сердце стал искать, вбежав в драконье чрево.

Он сердце саблею проткнул без промедленья.
Дракон рванулся, взвыл и рухнул без движенья.
Тогда возник вопрос, как выбраться из туши
Драконовой, чтоб не погибнуть от удушья.

В драконе просверлить проход был труд немалый,
Чтоб выйти из его нутра, как из подвала,
Но Янош справился, пролез, дыру проделав,
И радостно вступил внутрь островных пределов.

XXVI

Нет ночи в царстве фей, нет ни зимы, ни снега.
Там дышат круглый год одной весенней негой.
Там не слыхал никто об осени и лете,
Там алая заря, как утром на рассвете.

Там смерти нет, там дни весенних равноденствий,
Там тонут юноши и девушки в блаженстве.
Там не едят, не пьют, нет ни воды, ни хлеба,
И нежности любви — единая потреба.

Там горе слез не льет, но плачут от веселья,
И слезы фей текут в нутро земли сквозь щели
И образуют там, в глубинах зарождений,
Смарагдов залежи, алмазов отложенья.

От выжатых волос в глуби речного ила
Родятся россыпи и золотые жилы,
И золото течет по всем дорогам мира
В ведро старателя и в лавку ювелира.

Там дети фей плетут цветную ткань для радуг
Из шуток юношей и девичьих оглядок.
Когда достаточной длины навьют плетенье,
Обтягивают край небес для украшенья.

Спят феи на цветах, и ветра колыханье,
Укачивая их, полно благоуханья.
От этих запахов все более пьянея,
Лежат и видят сны царицы края, феи.

Весь этот остров фей лишь тень их сновидений.
Еще пышнее их игра воображенья.
Впервые любящего первое объятье
Дает о жизни фей неполное понятье.

XXVII

Сперва для Яноша на острове красивом,
На что б он ни глядел, все было сном и дивом.
Рябило так в глазах от розового света,
Что он не мог смотреть на близкие предметы.

Доверчивей детей, нисколько не робея,
К нему со всех сторон толпой сбегались феи.
Приветливо шутя и весело болтая,
Они его вели все дальше в сердце края.
Чем больше он смотрел на остров небывалый,
Тем больше пелена с глаз Яноша спадала.
Он вспомнил Илушку, и горе охватило
И стало грызть его с возобновленной силой.

«Здесь, средь чудес, в стране любви и единенья,
Брожу лишь я один угрюмой, скучной тенью.
Куда я ни взгляну, везде счастливцев пары,
И в жизни только я лишен такого дара».

На острове был пруд, иль озеро большое.
Он подошел к нему с печальною душою
И, в воду броситься решив у перевоза,
С груди своей достал сухой отросток розы.

«Цветок мой, — он сказал, — мне к милой путь неведом.

Будь мне поводырем. Плыви, я брошусь следом».
И бросил розу вглубь и сам за нею ныром
Готов был броситься, расставшись с этим миром.

Но что он увидал! Лишь роза погрузилась,
Как в Илушку она в воде преобразилась.
К воскресшей девушке он устремился в воду,
Чтобы спасти ее и вынесть на свободу.

То было озеро живой воды, ключ жизни,
И воскрешало все, на что ты ей ни брызни.
Из праха Илушки был розан. Ключ встревожил
Дремавший в розе прах, проснулся прах и ожил.

Ни в сказке не сказать, не описать пером мне,
Как Янош ликовал, когда себя не помня
Он вынес Илушку в объятиях, волнуем
Трепещущим ее и первым поцелуем.

Как Илушка была прекрасна! Даже феи
Смотрели на нее без слов, благоговея.
И было решено всей островной столицей,
Чтоб Янош был царем, а Илушка царицей.
Так правит Янош там с царицею своею
Прелестным островом, где обитают феи,
Страною неги и любви, чудесным краем,
Балуем счастием, народом обожаем.

ШАЛГО
ПОЭМА

Меж Гемером и Ноградом простерлась
Лесистых гор темнеющая цепь
И смотрит вдаль, как ставший у обрыва
Увенчанный косматой гривой лев.
На этой высоте в дни непогоды
Седые караваны облаков
Нередко отдыхают по дороге.
Здесь в мастерской кузнец небесный, гром,
Выковывает молний злые стрелы
Бушующему божеству грозы.
Здесь замок Шалго высился зубцами
И дерзкою рукой, как великан,
Тянулся к небу, похищая звезды.
Но, небо подпирая головой,
Внутри таил он тартар, ад кромешный.
Тяжелые шаги веков давно
Свалили башен каменную кладку.
Лишь там и сям развалины стены
С печальным видом коротают время,
Как после долголетних кутежей
В пустыню удаляется отшельник.

Сюда взошел я летом как-то раз
И сел поразмышлять среди обломков.
Был светозарный, бесподобный день.
Как птица, улетевшая из клетки,
Носился беспрепятственно мой взор
По многоверстным темно-синим далям.
Везде, везде, на пасшихся стадах,
В воде ручьев, на сельских колокольнях
Широкий, ровный солнечный поток
Дробился, ослеплял, переливался.
Но я был полон образов других.
Обрывки незапамятных преданий
Закрыли от меня весь горизонт.
Передо мной роились привиденья
И мглистой дымкой призрачно мелькал
Кровавый страшный мир средневековья.
Настал четырнадцатый век. Наш край
Покрылся мраком беспросветной ночи.
За Эндре Третьим вымерла вся ветвь
Арпадов. Солнце славы закатилось.
Пошли междоусобья. В вихре смут
Всплыла вся муть со дна, а в мутных водах,
Известно, рыба ловится легко.
Исчезла, вывелась любовь к отчизне.
Святыню потерявшие сыны
Топили Венгрию в потоках крови,
Забыв, что это их родная мать.
Все одичали. Чуть не каждый замок
Был обращен в разбойничье гнездо,
Где пировали, как бы потешаясь
Над стонами несчастных деревень,
Испуганно ютившихся в долинах.
Так отвечает хохот зимней вьюги
На тихий плач осеннего дождя.
Петр Компольти был господином в Шалго.
В округе только на ухо, дрожа,
Произносить решались это имя.
Что приглянулось — он тащил к себе,
А где сопротивлялись — он в отместку
Сжигал дома, стерев с лица земли.
Достойными помощниками были
Отцу в его злодействах сыновья,
Иов с Давидом. Не было владений
В окрестностях, где б он не побывал
С потомством, не ронявшим родословной.
И вот они втроем теперь лежат
Пред винной бочкой на медвежьих шкурах,
Которые накинут на себя
При первом кличе боевого рога,
И обсуждают, на кого напасть.
Они лежат и пьют. Вино сгущает
В их жилах без того густую кровь,

Что слепо мечется у них по жилам,
Как мечутся кометы между звезд.
И вот отец орет: «Подымем кубки!
Здоровье Геде! Да поможет Бог,
Мы завтра в ночь к нему нагрянем в гости!»
«Здоровье Геде!» — вторят сыновья,
И гулко повторяют своды замка,
Как будто разбудили свору псов
И лай пошел, надорванный, протяжный,
И долго, долго тявканье стоит,
Покамест псы, охрипнув, не устанут.

Молчит, как вымер, замок Гедевар.
Подобно крышке гроба на усопшем,
Лежит на нем ночная тишина.
Но кто не спит в полночный этот час
В глухих стенах немого Гедевара?
Любовь к стране и женская любовь,
Две лучшие звезды на звездном небе,
Не знают сна. Пусть в целом мире спят,
Заботы об отечестве не дремлют
И прогоняют сон у Геде с век.
Тем временем как он при тусклой лампе
Обдумывает будущность страны,
Стоит в соседнем зале на коленях
В благоговейных думах и слезах
Его жена, красавица Перенна,
И молит Бога, чтобы он послал
Земле венгерской радость: ведь покамест
Не будет счастья всей родной земле,
И муж ее не будет ведать счастья.
Но вдруг, услышав близкий лязг мечей,
Она в испуге вскакивает с полу
И входит к мужу, бледная как смерть.
И в тот же миг в другую дверь заходит
Петр Комполти, держа в руке свой меч.
И объявляет: «Добрый вечер, Геде!
Мы в гости, видишь, прибыли к тебе.
Твое гостеприимство безупречно,
И гостю, верно, ты предложишь сам
По доброй воле все свое богатство.
Но наш приход застиг тебя врасплох?
Ты удивлен? А это объяснимо.
Подкуплен твой привратник и открыл
Ворота Гедевара. Нас тут сотня,
Пойми, сто человек, как на подбор.
Твою дружину уложили в лежку.
Ребята спали богатырским сном,
И мы им без труда скрутили руки.
Так не скупись, все подавай сюда!
Но, может быть, ты мне еще не веришь?
Так посмотри!» Он двери распахнул

И показал на сто вооруженных
С Иовом и Давидом впереди.
«Завладевай, разбойник, всем, что сыщешь! —
Сказал с презреньем Геде. — Ну, а ты,
Дитя мое, ступай в свою светелку
И не страшись, я защищу тебя,
Сокровище мое и драгоценность!
Лишь ты мой клад, все остальное прах.
Пусть давятся моим добром мерзавцы!»
Петр с шайкою на розыски пошел.
Все разбрелись по замку, кроме братьев.
У них же, видно, отнялся язык,
А то б они, наверное, спросили:
«Что это значит? Где мы? Это сон?
Что за мечта сошла с небес на землю?
Какая фея из страны чудес?»
И вот прошел столбняк. Как по команде,
Послушные чему-то одному,
Рванулись оба к комнате Перенны.
Но тут им муж дорогу преградил.
Он страшен был, как ангел перед раем
С вращающимся огненным мечом.
«Назад! — предостерег он громко братьев. —
Здесь смерти и отчаянья слуга
Несет охрану этой чистой двери
И стережет священный этот вход.
Назад! Ни шагу дальше! Прочь с порога!»
Но ни взволнованная речь, ни взгляд,
Ничто не удержало негодяев!
«Опомнись! — крикнул яростно Иов. —
Ты мне грозишь? Ты стал мне на дороге?
Когда б держал ты даже сто мечей
И сто смертей оскалилось на каждом,
Я б через них пробился! Берегись!»
И лезвием стуча о лезвие,
Они схватились. Все перемешалось.
Тем временем, пока шел бой, Давид
Пробрался незамеченно к Перенне,
Которая не помнила себя
От ужаса. И в этот миг раздался
Предсмертный чей-то вздох и чей-то вскрик:
Вскрик женщины, предсмертный вздох мужчины,
Вскрик жертвы у Давида на руках,
Вздох умиравшего ее супруга.

На полдороге между Гедеваром
И Шалго — замок Хайначкё. Была
В глубокий сон погружена природа.
Лишь сторож на дозорной каланче
Старался не дремать, и то вполглаза,
И то с трудом. Песочные часы
Показывали полночь. Тишь. Ни звука.

Но что за шум прорезал тишину?
Он с каждым шагом явственней и ближе.
Перекрестился сторож и глядит
С отяжелевшим сердцем вниз в долину.
Что это может быть, как не возня
Злых духов? Полночь — время привидений.
И вот он видит: золотой парчой
Лежит на замке свет луны, а ниже
Серебряной парчой лежит туман,
И мгла и месяц обнялись друг с другом,
Как будто две влюбленные души.
Дорогою из Гедевара в Шалго
Несется с женщиною на руках
Какой-то всадник. Незнакомка в белом,
С копною черных взвихренных волос,
Рассыпавшихся прядями. А сзади
Им вслед другой какой-то верховой.
Виденье промелькнуло так мгновенно,
Что показалось часовому сном,
Когда он отоспался после смены.

Когда с чудесною своей добычей
Примчался в Шалго, наконец, Давид,
То пленница лежала без сознанья
В седле пред ним. Она лишилась чувств
От горя, быстрой скачки и испуга.
Он снес ее на мягкую постель
И стал за ней ухаживать, как мальчик
За выкраденным из гнезда птенцом.
Ошеломленный этой красотою,
Он говорил: «Когда бы наш Творец
Дал вместо головы мне купол неба
Со столькими глазами, сколько звезд,
Я на тебя глядел бы ими всеми,
Глядел и наглядеться бы не мог.
Кто ты? Откуда так до слез знакомы
Твои черты? Где я тебя встречал?
Я что-то вспоминаю, вспоминаю.
Мы виделись. Постой. О, как давно!
Я мал был, сердце обливалось кровью
При виде лани раненой. В те дни
Любил бродить я по дремучим чащам.
Вот, вот когда ты попадалась мне.
Я на траве дремал. Как усыпляло
Ее благоуханье! И сквозь сон
Я видел, как ко мне ты наклонялась,
Склоняясь, словно радуга к земле.
Я узнавал твой серебристый голос.
И руки простирал к тебе в тоске,
И — просыпался. Тут ты исчезала,
Мелькая в чем-то белом вдалеке.
Я в гору за тобой взбегал вдогонку

И останавливался наверху
Как вкопанный: ты на меня глядела
С далекой, беспредельной высоты
Большой звездой вечерней с небосвода.
Но детство улетело навсегда
И тихий мальчик стал головорезом.
Но я тут говорю и говорю
Без умолку, а ты меня не слышишь
И рухнувшею статуей лежишь.
Что, ты жива или мертва? О только
Не умирай! Пусть больше на земле
Не будет никогда цветов и весен,
Лишь ты не умирай! О, наконец,
О, наконец, глаза она открыла!
Но что за взгляд! Что тут? Литейный двор,
Где миру солнца мастерит зиждитель?
Вселенная сгорит дотла, едва
Пойдут вращаться оба эти солнца!»
«Довольно, брат! Довольно, мой черед! —
Иов прервал Давида, — он приехал
Как раз в тот миг. — Мы будем сообща
Владеть с тобой жемчужиною этой».

Перенна ожила, бросает взор
Блуждающий кругом, зовет супруга:
«Мой муж! Я вижу тут чужих мужчин.
И комната не наша. Все чужое.
Мой друг, не оставляй меня одну!
Мне страшно без тебя! Где ты? Откликнись!»
«Твой муж отсюда очень далеко,
Красавица, — сказал Иов. — Напрасно
Ты б стала ждать его. За этот срок
Увянут прелести твои. Послушай,
Забудь его, предайся лучше нам.
Дай нам вкусить, что муж твой безраздельно
Забрал себе, похитив у небес».
«Назад, подлец! — воскликнула Перенна. —
Прочь от меня! За каждый шаг ко мне,
За каждое мне сказанное слово
Отмстит мой муж, когда вернется он!»
«Да, если он вернется, — возражает
Иов с усмешкой, — но ведь я сказал —
Он страшно далеко. Ему с песчинку
Казаться должен этот шар земной.
Короче, полно ждать, он не вернется.
Мой меч в крови, и эта кровь — его.
Я сам убил его своей рукою.
Итак, теперь ты освобождена
От рабских уз супружеского долга.
Так пользуйся свободой. Вместо двух,
Как раньше, рук теперь хотят четыре
Тебя в объятья страсти заключить».

Перенна, побледневши, цепенела,
Как мертвой зимней ночью куст в степи
В снегу, без листьев. Неподвижным взором
Она смотрела на преступный меч,
Запятнанный такой родною кровью.
Но был обманчив временный покров
Беспамятства ее и омертвенья!
Как подо льдом замерзшая река,
Рыдала в ней душа, металась, билась,
Стучалась в стенки тела, в сердце, грудь
И — вырвалась! Как столб огня и дыма
Из огнедышащей горы, взвилась
Ее тоска. Проклятье за проклятьем,
Одно другого горше и страшней,
Посыпались на голову убийцы.
Но тот стоял, как под дождем цветов,
И, наконец, вскричал: «Ты не поверишь,
Как хороша ты в гневе! Я б желал,
Чтоб каждый день ты выходила замуж
И мужа у тебя я убивал,
И каждый день купался в водопаде
Твоих ругательств, не боясь того,
Исполнятся иль нет твои проклятья».
Тогда Перенна бросилась к ногам
Давида и, обняв его колени,
Взмолилась: «Сжалься, защити меня!
О юноша, ты смотришь человечней,
Чем этот дьявол. Хочешь, полюблю
Тебя, твоей рабыней верной буду,
Но защити меня от сатаны,
Не отдавай меня убийце мужа!»
«Я защищу тебя, — вскричал Давид,
Ее прижавши к сердцу, — светлый ангел,
Благословенье детских снов моих!
Я защищу тебя ценою жизни
И грудь свою подставлю под удар,
Я — щит и панцирь твой, на них наткнется
Любой, кто лишь приблизится к тебе!
Имей в виду, мой брат Иов, запомни!»
«Как бы не так! — вскричал Иов, сверкнув
Глазами. — Это против уговора!
Всегда добыча общая у нас,
И женщина не будет исключеньем.
Но если хочешь, вот мой острый меч,
Которым я снабдил ее супруга
Проездом на тот свет. Ну как? Начнем?»
Сошлись вплотную братья, предоставив
Решающее слово двум мечам,
И в этот миг отец вошел в хоромы.
«Остановитесь! Стойте!» — он вскричал.
«Будь нам судьей, — сказал Иов, — ты видишь,
Брат хочет пленницей владеть один,

А это не по нашему уставу.
Я с ним поспорил. Разве я не прав?»
«Ничтожества! Из-за такого вздора
И в драку? — заорал на них отец. —
И я, по-вашему, судья, посредник
В подобных пустяках? Что ж, хорошо:
Я разрешу ваш спор. Добыча будет
Ничьею — ни твоею, ни его.
Для простоты моею будет баба.
Вы поняли?» И выпали из рук
Мечи у сыновей. Почти с шипеньем
Кровь бросилась в лицо им, как шипит
Вода в реке от попаданья молний.
Они ворчали, но отец сказал:
«Что там еще? Кому охота дуться,
Когда Петр Компольти прикажет: "цыц!"»

Приходится дивиться, из чего
Бог создал человеческое сердце.
Как не разорвалось оно от мук,
Постигших сразу бедную Перенну!
Она под стражей в Шалго пять-шесть дней,
Но каждый день казался ей столетьем;
Страданье миг растягивает в век.
То скорбь по мужу ей томила душу,
То дикий страх ей душу леденил,
То поглощали мысли о побеге,
Чтоб подлому убийце отомстить,
И все напрасно: время проходило,
И не было возможности бежать.
Тут подоспел тягчайший из ударов.
Петр Компольти вошел к ней и сказал:
«Ты, несомненно, с сатаной в союзе.
Я околдован, госпожа моя.
Ты с каждым часом нравишься мне больше
И, как там хочешь, будешь мне женой».
«Согласна», — отвечала так Перенна,
Как будто ангел смерти возвестил:
«Петр Компольти, твой час последний пробил!»
К себе Давида вызвавши тайком,
Она спросила юношу: «Признайся,
Твоя любовь действительно любовь,
Иль ты блуждающим огнем обманут?
И если правда ты меня любил,
Скажи, ты любишь ли меня доныне?»
«Люблю, — ответил юноша, — люблю,
Как любит ручеек свою лощину,
Как любит высь небесную звезда
И червячок — малину! Как добиться
Твоей любви, как мне ее достичь?»
«Есть способ, есть, — ответила Перенна. —
Твой брат — убийца моего супруга.

Отец твой сватается за меня.
Он ненавистен мне, как тот убийца.
Ты любишь, говоришь, меня? Так знай:
Спаси меня от этих двух злодеев,
Обоих погуби, и я твоя».

Любовь, любовь, извечная загадка!
Ты, как река, уносишь на себе
Красу цветов, и грязь, и муть, и тину
Из омута речного одного,
Тот омут — человеческое сердце.
Ты — океан, которого никто
Не переплыл, ты глубина, которой
Никто не мог постичь, ты великан
Из великанов. Вот, подобно морю,
Ты разлеглась безмерной синевой,
И звезды полным счетом, до последней
Отражены в тебе. И вдруг, смотри:
Все духи ада, схватываясь в драке,
Катаются клубками по тебе.
Любовь, ты всемогуща! Ты всесильна:
Ты превращаешь в ангелов людей,
И в бесов — Божьих ангелов, и бесам
Обличье человека придаешь.

Безмолвная, безоблачная ночь.
В венце из звезд спокойно смотрит месяц
На землю, а на ней совершено
Отцеубийство и братоубийство.
В отцову спальню вполз змеей Давид,
Дрожа, откинул полог пред кроватью.
«Он спит. Какая кротость на лице! —
Подумал сын. — А днем, когда проснется,
Не человек, а дьявол, Вельзевул!
Иль мне таким его рисует совесть,
Трусливый сторож мой, незваный гость?
Прочь от меня, я глух к твоим веленьям.
Напрасно подымаешь ты свой перст.
Оставь! Смотри — раз, два, и все готово».
Давид за горло спящего схватил,
Сжал с силой, — небольшое содроганье,
Хрип еле уловимый, и — конец.
И прочь пошел Давид, задернув полог.
Но у порога повернул назад —
Увериться, недвижен ли покойник,
Не ожил ли? Он к ложу подошел,
Но полог приоткрыть он не решился.
Едва дыша, он побежал бегом
К Иову, разбудив его шагами.
Но раньше чем успел очнуться тот,
Кинжал с его стены у изголовья
Уже торчал в его груди. Удар

Был не смертелен. Брат шагнул, шатаясь,
К Давиду, но удар мечом по лбу
Свалил Иова. Обливаясь кровью,
Он рухнул наземь. Бросив меч, Давид
Из комнаты пустился без оглядки,
Как будто сотни тысяч ведьм, чертей,
Всего, что есть ужасного на свете,
Неслись за ним вдогонку по земле
И воздуху. И на задворках замка
Забился в угол и закрыл глаза.
Увы, и сквозь опущенные веки
Он видел их. То бледного отца,
То, рядом, окровавленного брата.
Они теснились в ярости к нему,
Впивались в грудь, вонзали в тело когти.
Он с криком растянулся на полу.
Когда очнулся он, уже светало
И перед ним была кровать отца.
«Вставай, вставай, — он обратился к трупу. —
В дорогу! Улучим удобный миг.
В стране нет короля и — безначалье.
Вставай! Пойдем ограбим Гедевар!
Не надо спать так долго! Погуляем!
Берите все себе, а мне одну
Хозяйку замка. Что ж ты так заспался?
Ну, все равно, проснешься в Судный день.
Не вздумай там наябедничать Богу,
Что по моей вине ты долго спишь».
Давид пошел в другое помещенье.
«А это кто? — спросил он, пнув ногой
Труп брата. — Брат Иов, не ты ли?
Ну так и есть. На каменном полу?
Не неженка ты, значит, если ребер
Себе не отлежал! Довольно спать!
Вставай, вставай! Отмой лицо от крови!
Да что вы, сговорились не вставать?
Что тут у вас сегодня в самом деле?
Ну, все равно. Тем лучше. Под шумок
Теперь я удеру с моею милой».
К Перенне он пошел. «Ты их убил?» —
Она спросила. «Что ты, Бог с тобою!
Убил? Я никого не убивал.
Они лежат рядком, не шевелясь,
Один бледнехонек, другой весь красный.
Нас не заметят. Торопись, бежим.
Взбежим на башню, а оттуда — к небу!»
«О ужас, да ведь он сошел с ума!» —
Кричит Перенна, пятясь, отступая.
Но, на руки легко ее схватив,
Давид бежит с ней через двор на башню.
Ступень, ступень, ступень, — она кричит
В смертельном страхе. «Тише, тише, тише! —

Упрашивает юноша. — Молчи,
Мой ангел, жизнь моя, ты их разбудишь,
Нас схватят, и тогда пропало все.
Теперь летим!» — вскричал он на площадке,
Прижал Перенну крепче и с зубцов
С ней в пропасть кинулся вниз головою.
Кусты по крутизне и край скалы
Окрасились огнем зари и кровью.
Под замком, обойдясь без похорон,
Лежал Давид и рядом с ним Перенна.
Но не нашлось руки, чтоб погребла
Его отца и брата. Род их вымер.
Дворовые при дележе богатств
Друг друга изрубили, так что мало
Кто уцелел. Над трупами весь год
Кружились вороны. И замок Шалго
Ветшал, ветшал. И жители внизу
Шарахались, когда дул ветер сверху.

МАРИЯ СЕЧИ
ПОЭМА

Рыцарское время доблести суровой!
Северным сияньем ты отполыхало.
Жаром вдохновенья озарю я снова
Родину героев старого закала,
Где царем вздымался дуб отваги смелой
И цветком любви царица роза рдела.
Двести лет назад Дёрдь Ракоци с войсками
В Венгрию пришел за дело веры биться.
В Гёмерских горах за темными лесами
10 Крепости Мурань он увидал бойницы.
К самым облакам забравшись на высоты,
Замок ждал его, открыв ему ворота.
Бетлева вдова, краса Мария Сечи,
Вышла к Ракоци, сказать гостеприимно:
«Здравствуй, храбрый сын Эрдея, рада встрече,
Уваженье наше, видимо, взаимно.
Делу одному мы посвятили сердце.
Руку дай, пожму тебе, единоверцу.
Вот моя рука, дай мне свою спокойно.
20 В поводах к тому у нас нет недостатка.
Муж мой и отец вели со славой войны,
Да и я сама — не робкого десятка.
Так-то, Дёрдь. Теперь мы связаны судьбою.
Недруги — друзья у нас одни с тобою».
Ракоци Марии выделил охрану
И пустился с войском дальше в путь-дорогу.
Он считал, что, если враг придет нежданно,
Неприступны склоны горного отрога.
За черту громов ушла Мурань на круче,
1 Молнии топча и попирая тучи.

И пришли войска на штурм твердыни дерзкой.
Вел их полководец Ференц Вешелени.
Подступив к Мурани с армией имперской,
Он дает гонцу такое порученье:
«Подымись в Мурань и, умысла не пряча,
Объяви им бой или потребуй сдачи».
В форт придя, гонец смущен явленьем странным:
Женщина выходит из-за бастиона.
«Я поговорить хотел бы с капитаном».
'«Говори, я здесь начальник обороны».
Стал в тупик гонец и смотрит на Марию.
Воина такого видел он впервые.
Победив смущенье, говорит, однако:
«Отвори добром ворота, а иначе
Силой их взломаем, бросившись в атаку
Что мне передать? Согласна ль ты на сдачу?»
Гордо улыбнулась не моргнувши глазом
Сечи и гонцу ответила отказом.
Рассказал гонец, когда пришел обратно,
Ю переговорах. Слушал Вешелени
И не знал, что думать. Выло непонятно,
Сердце или ум задело донесенье.
Тучей он смотрел в тревоге незнакомой
И метал такие молнии и громы:
«Только этих лавров мне недоставало —
Пушки наводить на чепчики и кички!
Наступлю ногой на кончик покрывала,
Голову с тебя сорву я с непривычки!
В кладовой ли пусто у тебя, чертовка,
Что пришлось на саблю променять шумовку?

Слава ли моя сюда не долетела,
Что она со мною связываться смеет?
Завтра ведь заря от грохота обстрела,
Вспыхнуть не успев, смертельно побледнеет!
А к восходу солнца на обломках зданья
Трубку разожгу я головней Мурани.

Женщина в доспехах! Странное явленье!
Как мужчина в юбке или же в корсете.
Я об амазонках слышал измышленья,
Значит, в самом деле есть они на свете?
По словам гонца, она к тому ж красива.
Надо непременно посмотреть на диво».

Время шло лениво, долго, безысходно.
Как сороки треск и ворона галденье,
Спорили в душе его поочередно
Демон любопытства и желанье мщенья.
Ночь прошла. Светает. Будет загляденье
Наблюдать зарю с развалин укрепленья!

Вот и сам рассвет на звонкой колеснице,
'Словно победитель, катит по долине.
На плечах багряный ментик шевелится.
В шапке светится звездой перо павлинье.
Он зарезал ночь, снял голову с казненной
И забрызгал кровью полог небосклона.

А ряды тумана из обоза ночи
Бросились бежать и быстро поредели.
Разметенной мглы разрозненные клочья
Спрятались внизу, на самом дне ущелья.
Как бы удавившись с горя и позора,
) Всюду вис туман на соснах косогора.
Чу! В Мурани трубят сбор, гремят оружьем,
Видя, что снаружи враг пришел в движенье.
«В бой друзья! Примером храбрости
послужим!» —
Раздается слово воодушевленья.
Зов Марии льется жаворонка трелью,
Звонко отдаваясь в глубине ущелья.

Бесновался конь под ней разгоряченный,
Удила грызя и фыркая все время.
Всадница бряцала саблей золоченой,
В панцире стальном, в стальном блестящем
шлеме.
Панцирь, сабля, шлем отсвечивали резко,
Но в глазах Марии было больше блеска.

Люди позади лихого командира
Ждали, чтоб завыли вражьих пушек глотки.
Как цепные псы, оскалились мортиры,
Глядя с ближних гор на замок посередке.
И однако вместо пушечного грома
Входит в замок новый вестник, незнакомый.

Он — красы мадьярской лучшее наследье,
'И его глаза, как факелы отваги,
Светят по дороге к смерти иль победе.
Вот он поднял их и стал белей бумаги.
Перед ним Мария. Кровь с лица мгновенно
Скрылась в угол сердца самый сокровенный.

Он стоял пред ней, соображая туго.
Сам без языка, как колокол разбитый.
Все сочли, что он молчит от перепуга,
Лишь одной Марии было все открыто.
Женщина всегда прочтет в душе мужчины.
'В чем ее красы пленительность повинна.

Прелестью своей гордясь и торжествуя,
Что она бедняге голову вскружила.

Всадница к гонцу подъехала вплотную
И улыбкой край зубов полуоткрыла.
Конь одним прыжком осилил расстоянье.
И тогда гонец с трудом прервал молчанье.

«Госпожа! — сказал он. — Мой начальник снова
Предлагает сдаться. Вдумайся серьезно.
Всякий, кто сперва не слушается зова,
Кается, когда раскаиваться поздно.
Грозны наши пушки. Видишь их свирепость?
Львы дохнут огнем и сдунут вашу крепость».

«Поблагодари сердечно полководца, —
Молвила Мария, — но пускай он знает,
Что у нас решили до конца бороться
И напрасно нас он предостерегает.
Знай, у наших ног в исходе передряги
Лягут ваши львы, как мирные дворняги.

Замок на скале и укреплен неплохо,
1 Но не будь и этих башен из гранита.
Руки и мечи до рокового вздоха,
До последней капли крови нам защита».
Хлопнувши рукой по сабле золоченой,
Кончила Мария воодушевленно:

«С Богом! Приходите. Дрогнут наши стены,
Сами мы тогда подымемся стеною.
Крепость может пасть, но храбрость неизменна,
И уж если мы умрем, то как герои.
Мы умрем, не видя, как потом над нами,
'Оттеснив наш стяг, взовьется ваше знамя».

На нее смотрел гонец в оцепененье.
И слова Марии пропадали даром.
Дух его пылал, как будет все творенье
В страшный Судный день охвачено пожаром.
Поклонился он, а может, без поклона
Удалился, прямо в сердце пораженный.
Юношу Мария провожала взглядом,
Сетуя, что с ним так мало говорила.
«Он бы до сих пор стоял со мною рядом,
Глядя на меня так пылко и уныло.
Больше бед наделать мог гонец несмелый,
Чем его начальник батареей целой».

Только у ворот опомнился насилу
Молодой гонец, позвал сторожевого,
Попросил в сторожку принести чернила
И присел черкнуть по делу два-три слова.
«Сплоховал я, брат, — сказал он, — в замке вашем,
Как гонец Осман пред королем Матьяшем.

Гаркнувши: «Султан привет шлет властелину!» —
1 Смолк он и ни с места, стал балда балдою.
С языком отсохшим так и я, дубина,
Только что стоял пред вашей госпожою.
Здесь есть все, что я забыл сказать в смущенье.
Передай письмо скорей по назначенью».

Сторож снес письмо. Верхом, как прежде, сидя,
В чтение письма Мария погрузилась.
Хорошо еще, что, бедная, при виде
Этих строк с коня на землю не свалилась!
Спешившись и внешне овладев собою,
1 Со двора она ушла в свои покои.

О, как не терпелось ей одной остаться!
Чуть к себе вошла, раздумывать не стала,
Панцирь свой сняла, чтоб лучше отдышаться,
Так теперь ее вооруженье жало.
Сердце билось с болью, прежде неизвестной,
Отшвырнула шлем, ей в шлеме было тесно.

Если скинуть шлем и сбросить панцирь можно,
Надо ли, чтоб сабля на боку моталась?
И ее сняла Мария осторожно,
} Точно на нее теперь взглянуть боялась.
Та, что обнаженной саблею махала,
С робостью теперь ее в ножнах держала.
Превратился Марс в Венеру. Шум прибоя
Переходит так в безветрия затишье,
На закате после духоты и зноя
Солнце золотит остынувшие крыши.
И глаза, что прежде молнии метали,
Розы щек в росе счастливых слез купали.
Много раз прочла записку, раз за разом.
«Женщина превыше всех! — она читала. —
Ум был у меня единственный, и разум
Я не уберег, и ты его украла.
Тысяча сердец зато ему замена,
Отдаю их все одной тебе, бесценной.
Надо увидаться до начала боя.
Может статься, я паду в его разгаре,
Умереть, пред тем не свидевшись с тобою,
Было б равносильно ада вечной каре.
Покажись хотя бы лишь на то мгновенье,
'Сколько надо сердцу на одно биенье.
Укажи мне путь, какой тебе угодно.
Я к тебе пробьюсь чрез пламя преисподней,
На тебя взгляну — и радостно, свободно
Смерть из рук твоих приму хотя б сегодня.
Свой ответ отправь Ференцу Вешелени —
Это он к тебе являлся в укрепленье».

Вот письмо какими чувствами дышало.
Но не поддается вовсе описанью,
Что с Марией сталось, что обуревало
^сю ее при чтенье этого посланья.
Над душой промчалась буря грозовая,
Словно в море волны белые вздымая.
В этом море сердце, маленькая шлюпка,
Смело вдаль гребло сквозь волны и буруны.
Ах, оно везло в своей обшивке хрупкой
Целый мир надежд, сокровища подлунной.
Берег был далек, но цель уж засветилась.
Впрочем, все равно: она на все решилась.

«Напишу ему», — Мария прошептала.
Села, замечтавшись над пустой страницей,
Мысль из-под пера скользила, ускользала, —
Нет, она писать была не мастерица.
Наконец в своей растерянности шалой —
«В полночь будь у южной башни», — написала.

Сам не зная, как попав в свою палатку,
Лег в вей Вешелени на медвежью шкуру.
Жестким мех казался, постлан был негладко,
Вешелени встал и вышел, злой и хмурый.
В поисках помягче постланной постели
Лег на голый камень в глубине ущелья.

Высилась скала как раз против Мурани.
Он в раздумье сел под сенью старой ели.
Снизу доносилось ручейка журчанье,
Птичек голоса над головой звенели.
Раньше он совсем не замечал их пенья,
А теперь впервые слушал в умиленье.

«Наконец, нельзя так! — он вскричал с досадой. —
Я заворожен! Я только ею занят!
Мир завешан силой колдовского взгляда!
'Занавес на всем, и тьма мой взор туманит.
В занавесе дырка проткнута иголкой,
Чтобы этой ведьмой любоваться в щелку.

Хороша, смела! Мы были б славной парой.
Схоронив жену, я горевал невольно,
Но пришел в себя я скоро от удара —
Так она была скучна и богомольна.
Лучше б до меня она пошла в монашки.
В браке состоять совсем не шло бедняжке.
О, любовь, любовь! Нежданной гостьей чудной
Ты пришла ко мне. Сказать тебе спасибо
Иль проклясть, что кончен сон мой
непробудный,
Что могла ты сдвинуть каменную глыбу?

Вдруг она ответит гордо, нелюбезно?
Не толкай меня, безумье, к краю бездны».

На Мурань взглянув с угрозою впервые.
Он вошел в шатер в замер на пороге:
В глубине палатки ждал ответ Марии.
У него едва не подкосились ноги.
Став белей бумаги, он волненье спрятал
И письмо рукой дрожащей распечатал...

...Вот и ночь пришла, видений королева,
Месяц в волосах у ней венцом сияет.
Гибель звезд алмазных на груди у девы —
Как ни при каком дворе не насчитают.
Но сейчас пришла царица без регалий —
Небо затянуло, звезды не сверкали.

Ночь пришла в плаще, под черным капюшоном.
Может быть, и ей свиданье предстояло?
Вешелени ждал во рву под бастионом
И о милой думал. Время шло, бежало,
Вдруг он вздрогнул: в башне на краю обрыва
Пробило двенадцать гулко и лениво.

Он считал удары. Как он волновался!
Из окошка сверху к башни основанью
Лестницы конец веревочной спускался.
Вешелени вверх полез без колебанья.
Что ждало его? Блаженство или плаха?
Все равно. С окна он спрыгнул внутрь
без страха.

Он застал ее одну, но в ореоле
Тысячи красот, с почетной свитой всею —
Темно-синих глаз, волос чернее смоли,
И вишневых губ, и белоснежной шеи.
Лампа на столе от ревности дрожала,
Чувствуя, какое чудо освещала.
«Я пришел, — сказал он, — выразить сначала,
Как я благодарен за великодушье.
Повторять ли вновь, что ты уже читала?
Душу ты во мне растормошила! Слушай:
В одиноком сердце, мертвом и угрюмом,
Птицей вьет любовь гнездо с веселым шумом.
Это сердце дрожью все теперь объято
Не как розы куст от ветра дуновенья,
Но как иногда качаются Карпаты
В миг, когда колеблет их землетрясенье.
Это сердце — крепость, и она — во власти
Овладевшей ею величайшей страсти.
Но скажи, что ждет меня в судьбе тяжелой?
Жалость ли твоя? Или благоволенье?

Женская насмешка? Гордости уколы?
'Или на вершине моего мученья
Ты надежды замок возвести решила?
Объясни, зачем меня ты пригласила?»
«Хочешь знать зачем? — переспросила
Сечи. —
Потому что я горю к тебе любовью.
Сердцем и рукой, поверь чистосердечью,
Я теперь твоя, но вот одно условье:
Докажи и ты мне искренность желанья,
Будь со мною вместе в протестантском стане».
«Нет, — он ей ответил твердо и сурово, —
}С этим разум мой не может примириться.
Требуй жертв, проси чего-нибудь другого.
Ты дороже жизни мне. Но есть границы.
Жизни мне не жаль, но выше честь и имя.
Даже для тебя не поступлюсь я ими.
В верности поклявшись цезарскому стягу,
Я по гроб останусь верен клятве этой.
Если научусь я нарушать присягу,
Как сама поверишь ты в мои обеты?
Пожелай другого, сжалься надо мною,
' Или я уйду с разбитою душою.

Между тем Мария тихо, молчаливо
Любовалась им и втайне ликовала:
«О, как хороши души его порывы!
Я его себе таким и представляла.
Что же делать мне? Для нашего блаженства
Стать отступницей, пойти на отщепенство?»

И она сказала с яростью притворной.
«Если, оказалось, ты такой безбожник,
Что не покорился истине бесспорной.
'Что ж, ты не уйдешь отсюда, ты — заложник.
Раз пренебрегаешь ты постелью брачной,
Есть другая спальня, там темно и мрачно».

Потайную дверь Мария отворила.
Рядом был застенок с черным эшафотом.
Глянул Вешелени, но не страх унылый —
Жгучий стыд покрыл его холодным потом.
«О глупец! — вскричал он. — О глупец
влюбленный,
Простотой своей и страстью ослепленный!

Я предвидел ведь, подозревал ловушку
!И пришел, однако, к своему позору!
Где помощник твой! Поторопись, подружка!
Кончены мои с тобою разговоры.
Обезглавь меня, зарой в могильной яме
И укрась мой холм ослиными ушами!

Тот, кого сам бог войны щадил в сраженье,
Женскими руками глупо пойман в сети!
Но причем тут ты и это обвиненье?
Каждый жнет, что сеял. Это я в ответе!
Приступай скорей к заслуженной расплате.
Не тебя, себя я предаю проклятью».

«Думать брось о плахе! — женщина
вскричала. —
Не на плаху, нет, сюда, в объятья эти!
Силы нет такой, чтоб между нами стала.
Жребий наш записан на одной планете.
А чтоб честь твоя осталась без изъяна
В вере я сама отступницею стану.

Мне единоверцы не простят разрыва.
Близ тебя я, верно, справлюсь с этой болью.
В будущем, надеюсь, вникнут справедливо
1 Почему я тут не доиграла роли,
Почему в итоге я не удержалась —
И в воительнице женщина сказалась.

Я стыжусь, что я платила дань актерству,
Унижая тем военные доспехи.
На плечах мужчины это не притворство,
И война не шутка и не для потехи.
Роза, цвет любви, — вот в чем одном по праву
Женское оружье, женская держава».

Через день в Мурани загремели пушки.
Только это были залпы холостые,
Громовой салют на свадебной пирушке
Князя Вешелени и его Марии.
Долго ли на этой свадьбе пировали,
Не слыхал, но знаю лишь, что без печали.

Двести лет спустя я был тут мимоходом.
Шума прежней жизни не было в помине.
Розы осыпались грустные пред входом
В старую Мурань, забытую твердыню.
Розу я сорвал. Быть может, роза эта
'Выросла из праха женщины воспетой.

ПОЛЬ МАРИ ВЕРЛЕН

НОЧНОЕ ЗРЕЛИЩЕ
Ночь. Дождь. Вдали неясный очерк выбит:
В дождливом небе старый город зыбит
Разводы крыш и башенных зубцов.
На виселице — тени мертвецов,
Без угомону пляшущих чакону,

Когда с налету их клюют вороны,
Меж тем как волки пятки им грызут.
Кой-где терновый куст, и там и тут
На черном поле измороси мглистой —
Колючие отливы остролиста.
И шествие: три узника по ней
Под пешей стражей в двести бердышей,
Смыкающей еще лишь неизбывней
Железо пик в железной сетке ливня.

Так как брезжит день, и в близости рассвета,
И в виду надежд, разбитых, было, в прах,
Но сулящих мне, что вновь по их обету
Это счастье будет все в моих руках, —
Навсегда конец печальным размышленьям,
Навсегда — недобрым грезам; навсегда —
Поджиманыо губ, насмешкам и сомненьям
И всему, чем мысль бездушная горда.
Чтобы кулаков не смела тискать злоба.
Легче на обиды пошлости смотреть.
Чтобы сердце зла не поминало. Чтобы
Не искала грусть в вине забвенья впредь.
Ибо я хочу в тот час, как гость лучистый
Ночь моей души, спустившись, озарил,
Ввериться любви, без умиранья чистой
Именем за ней парящих добрых сил.
Я доверюсь вам, очей моих зарницы,
За тобой пойду, вожатого рука,
Я пойду стезей тернистой ли, случится,
Иль дорога будет мшиста и мягка.
Я пройду по жизни непоколебимо
Прямо за судьбой, куда глаза глядят.
Я ее приму без торга и нажима.
Много будет встреч и стычек и засад.
И коль скоро я, чтоб скоротать дорогу,
Песнею-другою спутнице польщу,
А она судья, мне кажется, не строгий,
Я про рай иной и слышать не хочу.

ЗЕЛЕНЬ

Вот листья, и цветы, и плод на ветке спелый,
И сердце, всем биеньем преданное вам.
Не вздумайте терзать его рукою белой
И окажите честь простым моим дарам.
Я с воли только что и весь покрыт росою,
Оледенившей лоб на утреннем ветру.
Позвольте, я чуть-чуть у ваших ног в покое
О предстоящем счастье мысли соберу.
На грудь вам упаду и голову понурю,

Всю в ваших поцелуях, оглушивших слух,
И знаете, пока угомонится буря,
Сосну я, да и вы переведите дух.

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

За музыкою только дело.
Итак, не размеряй пути.
Почти бесплотность предпочти
Всему, что слишком плоть и тело.

Не церемонься с языком
И торной не ходи дорожкой.
Всех лучше песни, где немножко
И точность точно под хмельком.

Так смотрят из-за покрывала.
Так зыблет полдни южный зной.
Так осень небосвод ночной
Вызвезживает как попало.

Всего милее полутон.
Не полный тон, но лишь полтона.
Лишь он венчает по закону
Мечту с мечтою, альт, басон.

Нет ничего острот коварней
И смеха ради шутовства:
Слезами плачет синева
От чесноку такой поварни.

Хребет риторике сверни.
О, если б в бунте против правил
Ты рифмам совести прибавил!
Не ты, — куда зайдут они?

Кто смерит вред от их подрыва?
Какой глухой или дикарь
Всучил нам побрякушек ларь
И весь их пустозвон фальшивый?

Так музыки же вновь и вновь!
Пускай в твоем стихе с разгону
Блеснут в дали преображенной
Другое небо и любовь.

Пускай он выболтает сдуру
Все, что впотьмах, чудотворя
Наворожит ему заря...
Все прочее — литература.

ТОМЛЕНИЕ

Я — римский мир периода упадка,
Когда, встречая варваров рои,
Акростихи слагают в забытьи
Уже, как вечер, сдавшего порядка.

Душе со скуки нестерпимо гадко,
А говорят, на рубежах бои.
О не уметь сломить лета свои!
О не хотеть прожечь их без остатка!

О не хотеть, о не уметь уйти!
Все выпито! Что тут, Батилл, смешного?
Все выпито, все съедено! Ни слова!

Лишь стих смешной, уже в огне почти,
Лишь раб дрянной, уже почти без дела,
Лишь грусть без объясненья и предела.

ХАНДРА

И в сердце растрава,
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?
Откуда ж кручина
И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни от чего.

О дождик желанный,
Твой шорох — предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок.
Хандра ниоткуда,
Но та и хандра,
Когда не от худа
И не от добра.

* * *

Средь необозримо
Унылой равнины
Снежинки от глины
Едва отличимы.
То выглянет бледно
Под тусклой латунью,
То канет бесследно

Во мглу новолунье.
Обрывками дыма
Со стертою гранью
Деревья в тумане
Проносятся мимо.
Худые вороны
И злые волчицы,
На что вам и льститься
Зимой разъяренной?

То выглянет бледно
Под медной латунью,
То канет бесследно
Во мгле новолунье.
Средь необозримо
Унылой равнины
Снежинки от глины
Едва отличимы.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН

РАВНИНЫ

Под небом тоски и печали,
Где тучи к равнине припали,
Версты идут...
И туч бесконечных гряда
Влечется в небесной пустыне,
А версты идут по равнине
В безвестную даль, туда...
И высятся в селах под крышами башни;
Усталые люди идут вереницей, всегда —
От пашни до пашни.
Так люди блуждают, им отдыха нет, —
И стары, как путь, за плечами сто лет, —
Из равнины в равнину плетутся
Чрез былые годы и навечно;
И обозы телег бесконечно
Впереди и за ними влекутся
К деревням, на ночлег —
Вереницы телег...
И мучителен крик утомленных осей
В беспредельности дней и ночей.
Бесконечность равнин,
Как томительный сплин!
И в язвах — земля, на участки разбита,
Межами изрыта.
Поля так печальны, и фермы убоги,

И двери все настежь у самой дороги.
И кровлю гнилую — как будто корыто —
Ветер дырявит ударом неверным.
Ни травки зеленой, ни красной люцерны,
Ни зернышка хлеба, ни листьев, ни льна,
ни ростка,
Так годы проходят — за веком века.
И клен у порога, грозою расколот,
В себе воплощает страданье и голод.

Равнина, равнина! Бледнее пустыни!
Всегда бесконечна — и прежде, и ныне...

И часто в лазури
Рождаются страшные бури;
И, кажется, молот
Колеблет времен коромысла,
Равняет ударами числа.

Ноябрь завывает в безумном тумане,
Как вечером волк на печальной поляне,
И сучья, и травы замерзли, несутся,
И листья в аллеях влекутся,
Ударами кто-то их гонит в канавы...
И там на дорогах распятья
Раскрыли во мраке объятья,
И будто растут и внезапно уходят,
При криках от страха, туда, где заходят
Кровавые зори.
И снова равнина, и снова равнина,
Где ужас блуждает, где вечно кручина!
Река отошла от своих берегов,
И волны не могут достигнуть лугов.
И в ложе реки — торфяные запруды
Дугой искривились. — Ненужные груды! —
Как почва, погибли и высохли воды;

И меж островов, от морской непогоды
В бухте закрытой — яростно молоты, пилы
Рушат и пилят стропила
Старых гнилых кораблей!
Бесконечность равнин —
Как томительный сплин!
По колеям утомленных полей,
Траурных, жалких полей,
Шествует бедность в веках...
О, равнина, равнина!
И птицы крылами ее бороздят,
Мелькая в небесных волнах,
С тоскою смерти кричат.
О, равнина, равнина!
Однообразна равнина, как злоба, и вечна;

И страна бесконечна,
Где бледное солнце, как голод, парит,
А на реке одинокой — вдали —
В водовороте кипит
Великое горе земли.

ИВАН ФРАНКО
ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «МОИСЕЙ»

Народ мой, исстрадавшийся, разбитый,
Как немощный калека на дороге,
Пренебреженья струпьями покрытый,
О будущих потомках я в тревоге.
Какой позор для них твои печали!
Мне не дает уснуть твой вид убогий.
Ужель твои железные скрижали
Велят тебе для всех быть удобреньем,
Чтоб на тебе, как могут, выезжали?
Ужель миришься ты с предназначеньем
Скрывать вражду под маской послушанья
Пред каждым, кто насильем и уменьем

Связал тебя и держит на аркане?
Ужель не ждет тебя на свете дело,
Что только ты осилить в состоянье?

Ужель напрасно столько их сгорело —
Сердец, пылавших тем бесценным жаром,
Что не жалеет ни души, ни тела?

Ужель их кровью полит край задаром,
' И ширь его ни для кого не диво,
И он не горд своим величьем старым?

Что ж в слове у тебя такие взрывы
Шутливости, и ласки в разговоре,
И нежности, и силы горделивой?

Что ж в песнях у тебя такое море
Задора, смеха, молодой истомы,
Любви, надежды, и тоски, и горя?

О нет, не вздохи лишь тебе знакомы.
Я верую в здоровую основу
1И в день заветный твоего подъема.

О, если б ведать миг, послушный слову,
И слово знать, которое мгновенно
Собою мир преобразить готово!

О, если б выйти с песнью вдохновенной

В тот миг к народу, и зажечь примером,
И вывесть всех до одного из плена!

Но нет, не нам, усталым маловерам,
С сомненьем нашим, и стыдом, и болью,
Водить дружины к боевым брустверам!

Но час придет, в багряном ореоле,
В кругу народов вольных, за Карпаты
И к Черноморью рокот новой воли

И радости ты доплеснешь раскаты.
И, все обняв хозяйскою управой,
Полями залюбуешься и хатой.

Прими ж мой стих, хоть и больной отравой,
Но полный веры, пусть он и неярок.
Прими в залог своей грядущей славы

Его — как скромный праздничный подарок.

ШАРЛЬ ВАН ЛЕРБЕРГ

ЗАБВЕНИЕ

До тебя коснулась фея,
Как цветком по лбу шурша.
Присмирев, благоговея,
Рада всё простить душа.

Этот скипетр не навязан.
И, алмазных искр ясней,
Ропот всех часов досказан,
Всё забылось в детском сне.

Те же розы тем же летом,
Раз увянув, вновь цветут,
Тем же верные приметам:
Та же грусть и хрупкость тут.

Так и мир, насквозь охвачен
Синей ясностью кругом,
Изумлен и озадачен
Век от века, день за днем.

Он проснулся, веки жмуря:
День, сиянье, смех везде.
Всё поет, плещась в лазури,
Как купальщица в воде.

ПРЕДВЕСТНИЦА

Апрель, на заранках самих
Твои белокурые сестры
Спешат вереницею пестрой
К тебе, любовь, в этот миг.
Ты скрылся в густой городьбе
Боярышниковой: к беседке
Дорогу завесили ветки —
Таинственен путь к тебе.
Они, волоча свои платья,
С рукою рука, подряд
Вступают с опаскою в сад,
Где с ночи заря на зачатьи.
Приблизившаяся впредь всех
Тебя открывает в нечеткой
Тени и смеется находке,
И золотом блещет тот смех.
Все вздрагивают, до меньшой.
Ты губ их коснулся губами,
Они ж отражают то пламя
До дна озаренной душой.

КАРТИНЫ

Однажды покинули разом
Свой пышный золотообрез
Картинки к детским рассказам,
Как феи — замок чудес.

Одна из картин предплечья
Ребенка коснулась слегка.
Картинка без слов, без речи,
Как колос, была высока.

О, руки у нас обвисли
Сказала ребенку в укор,
Носив на себе эти мысли,
Как слишком душный убор.

Вот, вышли на воздух хороший.
И все, неземные, за ней,
Согбенные тяжкой ношей,
Предстали ясней и стройней,

Чем были, носивши вериги.
Сияя от счастья, притих
Ребенок, во всей своей книге
Боготворивший лишь их.

АНДРЕ ПОЛЬ ГИЙОМ ЖИД

СТИХИ ИЗ РОМАНА «НОВАЯ ПИЩА»

* * *

Ветерок забубённый —
От стебля ко стеблю.
Всей душою ловлю
Первым утром вселенной
Свежий лепет о ней
Лепестков и лучей
Во хмелю.
Не перечь и не сетуй
И последуй совету:
Предрешенному дай
Перейти через край.

С напускной неохотой
Льют лучи благодать.
Против их приворота
Чьей душе устоять?
* * *
О весна, вся — томленье, —
Пред тобой я в мольбе:
Сердце, полное лени,
Предаю я тебе.

Ты журчание вод
Точишь, точно как мед.

Ветерочка разгон
Мысль, как хочет, колышет.

О, не видеть, не слышать, —
Или только сквозь сон!

Чую жмурками век
Света юркого взбег.

Солнце, помилосердствуй.
Ключ добра во плоти, —
Пей до дна мое сердце
И за день не плати.

Ослепленье спросонок,
Пробужденного встреть.
Не настолько я тонок,
Чтоб в бесплотность лететь.

Но люблю в светосини

Ариеля, мечту,
И умру, лишь в пучине
Части часть предпочту.

Из забот обихода
Неотложнее нет,
Чем с зари до захода
Со всего небосвода
Пить медовый твой свет.

* * *
Юной жизни оплот.
Рай взаправду, на деле.
В небывалом весельи
Дух мой взмыл и поет.

Приумножь мои радости,
Боже.

Размечи расстоянье
Меж тобой и душой,
Что в опальном изгнаньи
Помнит взор твой былой.

Восхити и возвысь меня,
Боже.
Как на почве сыпучей
Знаки пяток босых,
Оставляет созвучья,
Где ни ступит, мой стих.
Отшибив себе память
И о ней не тужа,
Без заботы зыбями
Ходит-бродит душа.
Пуще в дубе высоком
Птиц поселок шумит.
Свесьте в листья, пичужки:
Трели, свисты, лады.
Я пьянее пьянчужки
И, как вы, от воды.
Ты обжег мне ресницы,
Боже, свет Твой сверх сил.

Когда цветом и соком
Куст веселый умыт,
Ты меня, как десницей,
Им насквозь поразил.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

ПО ОДНОЙ ПОДРУГЕ.
РЕКВИЕМ

Я чту умерших, и всегда, где мог,
давал им волю и дивился их
уживчивости в мертвых, вопреки
дурной молве. Лишь ты, ты рвешься вспять.
Ты льнешь ко мне, ты вертишься кругом
и норовишь за что-нибудь задеть,
чтоб выдать свой приход. Не отнимай,
что я обрел с трудом. Я прав. Кой прок
в тоске о том, что трогало? Оно
претворено тобой; его здесь нет.
Мы всё, как свет, отбрасываем внутрь
из бытия, когда мы познаем.
Я думал, ты зрелей. Я поражен,
что это бродишь ты, отдавши жизнь
на большее, чем женщине дано.
Что нас сразил испугом твой конец,
и оглушил и, прерывая, лег
зияньем меж текущим и былым,

так это наше дело. Эту часть
наладим мы. Но то, что ты сама
перепугалась, и еще сейчас
в испуге, где испуг утратил смысл,
что ты теряешь вечности кусок
на вылазки сюда, мой друг, где всё —
в зачатке; что впервые пред лицом
вселенной, растерявшись, ты не вдруг
вникаешь в новость бесконечных свойств,
как тут во всё; что из таких кругов
тяжелый гнет каких-то беспокойств
тебя магнитом стаскивает вниз
к отсчитанным часам: вот что, как вор,
меня нежданно будит по ночам.
Добро бы мысль, что ты благоволишь
к нам жаловать от милостей избытка,
и до того уверена в себе,
что, как ребенок, бродишь, не чураясь
опасных мест, где могут сделать вред.
Но нет. Ты просишь. Это так ужасно,
что, как пила, вонзается мне в кость.
Упрек, которым, ночью мне привидясь,
ты шаг за шагом стала бы, грозя,
теснить меня из легких в глубь брюшины,
отсюда в сердца крайнюю нору,
упрек подобный не был бы жесточе
такой мольбы. О чем же просишь ты?

Скажи, не съездить мне куда? Быть может,

ты что забыла где, и эта вещь
тоскует по тебе? Не край ли это,
тобой не посещенный, но всю жизнь
родной тебе, как чувств твоих двойчатка?

Я похожу по рекам, расспрошу
о старине, пойду водить беседы
с хозяйками у притолок дверных
и перейму, как те детей сзывают.
Я подгляжу, как там земную даль
облапливают в поле за работой,
и к властелину края на прием
найду пути. Я подкуплю дарами
священников, чтобы меня ввели
в глухой тайник с заветною святыней,
и удалились и замкнули храм.
А вслед за тем, уже немало зная,
я вволю присмотрюсь к зверям, и часть
повадок их врастет в мои суставы.
Я погощу в зрачках у них и прочь
отпущен буду, сонно, без сужденья.
Я попрошу садовников назвать
сорта цветов и затвержу названья,
чтобы в осколках собственных имен
увезть осадок их благоуханья,
и фруктов накуплю, в которых край
еще раз оживает весь до неба.

К тому же в них ты знала толк, в плодах.
Перед собой их разложив по чашкам,
ты взвешивала красками их груз.
Так ты смотрела на детей и женщин,
любуясь, как в плодах, наливом их
наличья. Так же точно ты смотрела
и на себя, как полуголый плод
вся в зеркало уйдя по созерцанье,
оно ж по росту не влезало внутрь,
и сторонясь, оно не говорило
о видимом — я есмь, но: это есть.
И так нелюбопытно было это
воззренье, что не жаждало тебя:
так чуждо было зависти, так свято.

Таким бы я хотел сберечь твой образ
в глуби зеркальной, прочь ото всего.
Зачем же ты приходишь по-другому?
Зачем клевещешь на себя? Зачем
внушить мне хочешь, что в янтарных бусах
на шее у тебя остался след
той тяжести, которой не бывает
в потустороннем отдыхе картин?
Зачем осанке придаешь обличье

печального предвестья? Что тебя
неволит толковать свое сложенье,
как линии руки, так что и мне
нельзя глядеть, не думая о роке?

Приблизься к свечке. Мне не страшен вид
покойников. Когда они приходят,
то вправе притязать на уголок
у нас в глазах, как прочие предметы.

Поди сюда. Побудем миг в тиши.
Взгляни на розу над моим бюваром.
Скажи, не так же ль робко рыщет свет
вокруг нее, как вкруг тебя? Ей тоже
не место здесь. Не смешанной со мной,
внизу в саду ей лучше б оставаться
или пройти. Теперь же вот как длит
она часы. Что ей мое сознанье?

Не содрогнись, коль мысль во мне блеснет.
Понять — мой долг, хотя б он жизни стоил.
Так создан я. Не бойся; дай понять,
зачем ты здесь. Я ослеплен. Я понял.
Я, как слепой, держу твою судьбу
в руках, и горю имени не знаю.
Оплачем же, что кто-то взял тебя
из зеркала. Умеешь ли ты плакать?
Не можешь. Знаю. Крепость слез давно
ты превратила в крепость наблюдений
и шла к тому, чтоб всякий сок в себе
преобразить в слепое равновесье
кружащего столбами бытия.
Как вдруг почти у цели некий случай
рванул тебя с передовых путей
обратно в мир, где соки вожделеют.
Рванул не всю, сперва урвал кусок,
когда ж он вспух и вырос в вероятьи,
то ты себе понадобилась вся
и принялась, как за разбор постройки,
за кропотливый снос своих надежд
и срыла грунт, и подняла из теплой
подпочвы сердца семена в ростках,
где смерть твоя готовилась ко всходу,
особенная и своя, как жизнь.
Ты стала грызть их. Сладость этих зерен
вязала губы и была нова, —
не разумелась, не входила в виды
той сладости, что мысль твоя несла.

Потужим же. Как нехотя рассталась
с своим раздольем кровь твоя, когда
ты вдруг отозвала ее обратно.

Как страшно было ей очнуться вновь
за малым кругом тела; как, не веря
своим глазам, вошла она в послед
и тут замялась, утомясь с дороги.
Ты ж силой стала гнать ее вперед,
как к жертвеннику тащат скот убойный,
сердясь, что та не рада очагу,
и преуспела: радуясь и ластясь,
она сдалась. Привыкнувши к другим
мерилам, ты почла, что эта сделка
ненадолго, забыв, что уж и ты
во времени, а время ненасытно,
и с ним тоска и канитель, и с ним
возня, как с ходом затяжной болезни.

Как мало ты жила, когда сравнишь
с годами те часы, что ты сидела,
клоня, как ветку, будущность свою
к зародышу в утробе, — ко вторично
начавшейся судьбе. О труд сверх сил!
О горькая работа! Дни за днями
вставала ты, чуть ноги волоча,
и, сев за стан, живой челнок гоняла
наперекор основе. И при всем
о празднестве еще мечтала. Ибо,
как дело было сделано, тебе
награды стало жаждаться, как детям
в возместку за противное питье,
что в пользу им. Так ты и рассчиталась
с собою; потому, что от других
ты слишком далека была и ныне,
как раньше, и никто б не мог сказать,
чем можно наградить тебя по вкусу.
Ты ж знала. Пред кроватью в дни родин
стояло зеркало и отражало
предметы. Явность их была тобой,
все ж прочее — самообманом; милым
самообманом женщины, легко
до украшений падкой и шиньонов.

Так ты и умерла, как в старину
кончались женщины, по старой моде,
в жилом тепле, испытанным концом
родильницы, что хочет и не может
сомкнуться, потому что темнота,
рожденная в довес к младенцу, входит,
теснит, торопит и сбирает в путь.

Не следовало плакальщиц, однако б,
набрать по найму, — мастериц вопить,
за плату? Можно мздой не поскупиться,
и бабы выли б, глоток не щадя.

Обрядов нам! У нас нужда в обрядах.
Все гибнет, все исходит в болтовне.
И, — мертвая, еще должна ты бегать
за жалобой задолженной ко мне!
Ты слышишь ли, я жалуюсь. Свой голос
я бросил бы, как плат, во всю длину
твоих останков, и кромсал, покамест
не измочалил, и мои слова,
как оборванцы, зябли бы, слоняясь,
в отребьях этих, если б все свелось
лишь к жалобам. Но нет, я обвиняю.
И не того, отдельного, кто вспять
повел тебя (его не доискаться
и он, как все), — я обвиняю всех,
всех разом обвиняю в нем: в мужчине.

И пусть бы даль младенчества когда
мне вспомнилась, былую детскость детства
уликой озаряя, — не хочу
про это ведать. Ангела, не глядя,
слеплю я из нее и зашвырну
в передний ряд орущих серафимов,
напоминаньем рвущихся к Творцу.

Затем, что мука эта стала слишком
не в мочь. Уже давно несносна ложь
любви, что, зиждясь на седой привычке,
зовется правом и срамит права.
Кто вправе обладать из нас? Как может
владеться то, что и само себя
лишь на мгновенье ловит, и, ликуя,
бросает в воздух, точно детский мяч?
Как флагману не привязать победы
к форштевню судна, если в существе
богини есть таинственная легкость
и рвет невольно в море; так и мы
не властны кликать женщину, коль скоро,
не видя нас, она уходит прочь
по жерди жизни, чудом невредима;
неравно, что самих нас манит зло.

Ведь вот он грех, коль есть какой на свете:
не умножать чужой свободы всей
своей свободой. Вся любви премудрость —
давать друг другу волю. А держать
не трудно и дается без ученья.

Ты тут еще? В каком ты месте? Ах,
как это все жило в тебе, как много
умела ты, когда угасла, вся
раскрывшись, как заря. Терпеть — дар женщин.
Любить же, значит жить наедине.

Порой еще художники провидят:
в преображеньи долг и смысл любви.
Здесь ты была сильна, и даже слава
теперь бессильна это исказить.
Ты так ее чуждалась. Ты старалась
прожить в тени. Ты вобрала в себя
свою красу, как серым утром будней
спускают флаг, и только и жила
что мыслью о труде, который все же
не завершен; увы, — не завершен.

Но если ты все тут еще, и где-то
в потемках этих место есть, где дух
твой зыблется на плоских волнах звука,
которые мой голос катит в ночь
из комнаты, то слушай: помоги мне.
Ты видишь, как, не уследя, когда,
мы падаем с своих высот во что-то,
чего и в мыслях не держали, где
запутываемся, как в сновиденьи
и засыпаем вечным сном. Никто
не просыпался. С каждым подымавшим
кровь сердца своего в надежный труд
случалось, что она по перекачке
срывалась вниз нестоящей струёй.
Есть между жизнью и большой работой
старинная какая-то вражда.
Так вот: найти ее и дать ей имя
и помоги мне. Не ходи назад.
Будь между мертвых. Мертвые не праздны.
И помощь дай, не отвлекаясь; так,
как самое далекое, порою,
мне помощь подает. Во мне самом.
РЕКВИЕМ

Так я не знал тебя? А у меня
ты на сердце, как тяжесть начинанья
отсроченного. Сразу бы в строку
тебя, покойник, страстно почиющий
по доброй воле. Дал ли этот шаг
то облегченье, как тебе казалось,
иль нежитье еще не весь покой?
Ты полагал, где не в цене владенье, —
верней кусок. Ты там мечтал попасть
10 в живые недра дали, постоянно,
как живопись, дразнившей зренье здесь,
и, очутившись изнутри в любимой,
сквозь все пройти, как трепет скрытых сил.
О только бы теперь обманом чувств
не довершил ты прежнюю ошибку.
О только б, растворенный быстриной,
беспамятством кружим, обрел в движеньи

ту радость, что отсюда перенес
в мерещившуюся тебе загробность.
20 В какой близи был от нее ты здесь!
Как было тут ей свойственно и свычно, —
большой мечте твоей большой тоски.

Зачем ты не дал тяготе зайти
за край терпенья? Тут ее распутье.
Оно ее преображает всю,
и дальше трудность — значит неподдельность.
Таков был, может быть, ближайший миг,
в венке спешивший к твоему порогу,
когда ты перед ним захлопнул дверь.
О этот звук, как бьет он по вселенной,
когда на нетерпенья сквозняке
отворы западают на замычку!
Кто подтвердит, что не дают щелей
ростки семян в земле; кто поручится,
не вспыхивает ли в ручных зверях
позыв к убийству в миг, когда отдача
забрасывает молнии в их мозг.
Кто знает, как вонзается поступок
в соседний шест; кто проследит удар,
когда кругом проводники влиянья.
И все разрушить! И отныне стать
навек такою притчей во языцех.
Когда ж герой, в неистовстве души,
на видимости разъярясь, как маски
срывает их и обнажает нам
забытое лицо вещей, то это
есть зрелище и зрелище навек.
И все разрушить. — Глыбы были вкруг,
и воздух веял предвкушеньем меры,
бессильный зданье будущее скрыть,
а ты, бродя, не видел их порядка.
Одна другую заслоняла; все
врастали в грунт, едва ты их касался
без веры, что подымешь; и один
загреб их все в отчаяньи в охапку,
чтоб ринуть вниз в зияющую пасть
каменоломни. Но они не входят.
Ты покривил их страстью. — Опустись
на этот гнев, пока он был в зачатке,
'прикосновенье женщины; случись
вблизи прохожий с недосужим взглядом
безмолвных глаз, когда ты молча шел
свершать свое; лежи дорога мимо
слесарни, где мужчины, грохоча
приводят день в простое исполненье;
да нет, найдись в твоих глухих зрачках
местечко для сырого отпечатка,
преграду обходящего жучка, —

ты б тотчас же при этом озареньи
1 прочел скрижаль, которой письмена
ты с детства врезал в сердце, часто после
ища, не сложится ль чего из букв,
и строил фразы, и не видел смысла.
Я знаю, знаю: ты лежал ничком
и щупал шрифт, как надпись на гробнице.
Все, что ты знал горючего, дрожа,
ты подносил, как светоч к этой строчке.
Но светоч гас, не дав ее постичь,
от частого ли твоего дыханья,
от вздрагиванья ли твоей руки,
иль просто так, как часто гаснет пламя.
Ты был чтецом неопытным. А нам —
не разобрать в скорбях на расстояньи.
И лишь к стихам есть доступ, где слова
отборные несет былое чувство.
Но нет, не все ты отбирал; порой
начатки строф, как целого предвестья
валились в ряд, и ты их повторял,
как порученье, мнившееся грустным.
О вовсе б не слыхать тебе тех строк
из уст своих. Твой добрый гений ныне
иначе произносит тот же текст,
и как, пленясь его манерой чтенья,
я полн тобою! Ибо это — ты;
тут все твое, и вот в чем был твой опыт:
что все, что дорого, должно отпасть,
что в пристальности скрыто отреченье,
что смерть есть то, в чем можно преуспеть.
Тут все твое, три эти формы были
в твоих руках, художник. Вот литье
из первой: — ширь вокруг живого чувства.
Вот что вторую полнило: — творца
не жаждущее ничего воззренье.
В последней же, которую ты сам
разбил, едва лишь первый выпуск сплава
из сердца ворвался в нее, была
та подлинная смерть глубокой ковки
и превосходной выделки, та смерть,
которой мы всего нужнее в жизни,
'да и нигде не ближе к ней, чем здесь.
Вот чем владел ты и о чем ты часто
догадывался; но затем тебя
пугали этих полых форм изъемы,
ты скреб их дно, и черпал пустоту,
и, — сетовал. — О старый бич поэтов,
что сетуют, тогда как в сказе суть;
что вечно судят о своих влеченьях,
а дело в лепке; что еще поднесь
воображают, будто им известно,
что грустного, что радостного в них,

и будто дело рифм греметь об этом
с прискорбьем или с торжеством. Их речь,
как у больных; они тебе опишут,
что у кого болит, взамен того,
чтобы самим преобразиться в слово,
как в ярости труда каменотес
становится безмолвьем стен соборных.
Вот где спасенье было. Если б раз
ты подсмотрел, как рок вступает в строку,
чтоб навсегда остаться в ней и стать
подобием, и только, — равносильным
портрету предка (вот он на стене;
он схож с тобой, и он не схож) — тогда бы
ты выдержал.
Но мелочно гадать
о не бывавшем. И налет упрека,
упавший вскользь, направлен не в тебя.
Все явное настолько дальше наших
догадок, что догнать и доглядеть
случившееся мы не в состояньи.
Не устыдись, коль мертвецы заденут
из выстоявших до конца. (Но что
назвать концом?) Взгляни на них спокойно,
как должно, не боясь, что по тебе
у нас особенный какой-то траур,
и это им бросается в глаза.
Слова больших времен, когда деянья
наглядно зримы были, не про нас.
Не до побед. Все дело в одоленьи.

ЗА КНИГОЙ

Я зачитался. Я читал давно.
С тех пор как дождь пошел хлестать в окно.
Весь с головою в чтение уйдя,
Не слышал я дождя.
Я вглядывался в строки, как в морщины
Задумчивости, и часы подряд
Стояло время или шло назад.
Как вдруг я вижу, краскою карминной
В них набрано: закат, закат, закат.
Как нитки ожерелья, строки рвутся
И буквы катятся куда хотят.
Я знаю, солнце, покидая сад,
Должно еще раз было оглянуться
Из-за охваченных зарей оград.
А вот как будто ночь по всем приметам.
Деревья жмутся по краям дорог,
И люди собираются в кружок
И тихо рассуждают, каждый слог
Дороже золота ценя при этом.
И если я от книги подыму
Глаза и за окно уставлюсь взглядом,

Как будет близко все, как станет рядом,
Сродни и впору сердцу моему.
Но надо глубже вжиться в полутьму
И глаз приноровить к ночным громадам,
И я увижу, что земле мала
Околица, она переросла
Себя и стала больше небосвода,
А крайняя звезда в конце села
30 Как свет в последнем домике прихода.

СОЗЕРЦАНИЕ

Деревья складками коры
Мне говорят об ураганах,
И я их сообщений странных
Не в силах слышать средь нежданных
Невзгод, в скитаньях постоянных,
Один, без друга и сестры.

Сквозь рощу рвется непогода,
Сквозь изгороди и дома,
И вновь без возраста природа,
И дни и вещи обихода,
И даль пространств, как стих псалма.

Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно то, что против нас.
Когда б мы поддались напору
Стихии, ищущей простора,
Мы выросли бы во сто раз.

Все, что мы побеждаем — малость,
Нас унижает наш успех.
Необычайность, небывалость
Зовет борцов совсем не тех.

Так ангел Ветхого Завета
Нашел соперника под стать.
Как арфу он сжимал атлета,
Которого любая жила
Струною ангелу служила,
Чтоб схваткой гимн на нем сыграть.

Кого тот ангел победил,
Тот правым, не гордясь собою,
Выходит из такого боя
В сознаньи и расцвете сил.
Не станет он искать побед.
Он ждет, чтоб высшее начало
Его все чаще побеждало,
Чтобы расти ему в ответ.

БОЛЕСЛАВ ЛЕСЬМЯН

СЕСТРЕ

Ты спала непробудно в гробу
В стороне от вседневное™ плоской.
Я смотрел на твою худобу,
Как на легкую куклу из воска.

Пред тобой простирался тот свет.
Для вступленья на эту чужбину
На тебе был навеки надет
Мешковатый наряд пестрядинный.

В доме каждая смерть говорит
Об еще не открытом злодействе.
Каждый из умиравших убит
Самой близкой рукою в семействе.

Я укрыться убийцам не дам.
Я их всех, я их всех обнаружу.
Я найду, я найду их. Но сам,
Сам я всех их, наверное, хуже.

Понапрасну судьбу мы виним,
Обходясь оговоркой окольной.
Лучше, Боже, прости нам самим
Грех наш вольный и грех наш невольный.

То я грезил, — еще ты больна
И мне пишешь письмо из больницы,
То я слышал с могильного дна:
«Дай мне есть» или «дай мне напиться».

Как ответить? Отвечу ли я?
Бог один пред тобою в ответе.
Нет на свете такого питья,
Нет и хлеба такого на свете.
Гроб качался на наших руках.
Вот уж он на крестьянской подводе.
О, какой охватил меня страх,
Когда тронул возница поводья!

Может, ты в летаргическом сне
И живою тебя закопают?
Но резонно ответили мне,
Что ошибок таких не бывает.

Молча брел я за возом в подъем.
Мир заметно мельчал предо мною,
Уменьшаясь в размере своем

На одно существо небольшое.

Я шел молча. «Увы, может быть, —
Думал я, — нет столь родственных нитей,
Без которых нельзя было б жить».
Это грустное было открытье.

Ночь у гроба длинна и пуста.
Тех уж нет, кто глядит из гробницы.
Истлевают их взгляд и уста.
Лица их — черепа, а не лица.

Знаю я, что и в тленье свой путь
Под землей ты проделаешь честно.
Но вовек не решусь заглянуть,
Как ты гнешься под ношею крестной.

Верно, смерть протрезвляет всю плоть
От желаний и жажды и хмеля.
Догадается ль только Господь,
Что лежишь перед Ним в подземелье?

Ты, парящий в далеких мирах,
Задержи перелет свой по тверди
И согрей на груди этот прах,
Что обманут Твоим милосердьем.

ЛЮДВИГ РУБИНЕР

голос

О, голос, что перелетает моря на прозрачных увалах
колеблющегося эфира.
О, свет в человеке горящий, торчат лесом пик голоса
в городах всего мира.
О, косность кружащего шара, ты с Богом боролась
стеной допотопных лесов, ископаемых, сабель,
атак, недомыслия, злобы, убийств, эпидемий.
Но луч человечества выбился вон сквозь кору гробо-
вую; и клапаны фабрик ревут, и он реет один
надо всеми.
Вот голос: он звонче стекла, он стальная стрела, изу-
мительна твердость закала.
Вот голос средь негров Америки, потных, вертящих
белками, среди дезертиров, среди бородатых
приплюснутых нищих, средь тощих евреев,
которых промозглое гетто прижало.
Вот голос среди изможденных рабочих, что мало-по-
малу в числе трех миллионов в тиши вымирают
по новым фабричным методам.
Вот голос средь женщин, изрытых развратом, в рас-
шитых рубахах, хозяин борделя сыт, тепел и
пьян их доходом.

Вот голос средь скудных китайцев, в зловоньи голодного тифа стирающих барам салфетки.
Вот голос среди безработных Чикаго, что рады, слоняясь на солнце весь день, у отелей напасть на объедки.
Вот голос другой, он нежнее воды, закипающей белым ключом, это нежная песнь возмущенья.
Летучим песком он ворвался в уста звуком флейт, проскользнул по зубам рудокопов, бредущих как тени.
В потемки каморок и солнце и месяц вломились, и звезды прошли сквозь обои.
О, может быть, утро найдет еще нас, не истлевших под гроба доскою.
Вот голос еще, он — как муха летит перепившися поту в пыли мастерских.
Надежда и гнев обегают тела, словно кровь в обращеньях своих.
Вот голос, ложащийся сажей на гранки во тьме типографского склада.
Вот шепотом слово прочли: забастовка в подземных копях Колорадо.

Тот голос горячим туманом висит над раскачанными пристанями, над говором по погребкам,
и в деревне бежит по меже, по слезам мужика.
Тот голос сигнальной сиреной орёт в городах, и встречает в собраньи пшика.
О, рты, обожженные пламенем речи людской!
О, губы шестидесятилетних, о рот осторожный, скупой.
О, красное моря огня, о язык, о плесканье безумных слогов горловых о гряду негритянских зубов.
О, радуга рта, о живые врата, где бросает об свод пустота перекаты народных псалмов.
О, щелки грошевых копилок, о, с жалобой сжатые губки обиженных швей.
О, сморщенный рот агитатора, что словно филин глазами спокойно вращает обдуманной речью своей.
О, синеблузник меж смен пропаганду ведущий, живущий мечтою весь день.
О, аккуратный чиновник почтовый, в дни выбора всем рассылающий ваш бюллетень.
О, присмиревшее сердце, лишь раз только смогшее ближнему руку пожать.
О, новичок в красноречьи, все первой же фразой желающий сразу сказать.
Голос один, словно пламя бушует над загнанным людом Европы и над австралийцами, прячущимися за куст.
Рты и уста, сколько вас, сколько ждет вашей вести на свете ответных отзывчивых уст!

АЛЬФРЕД ВОЛЬФЕНШТЕЙН

ГОРОЖАНЕ

Гуще сетки в частом решете
Наши окна. Улицы и зданья,
Словно трупы, испустив дыханье,
Пухнут и сереют в темноте.
Съемщиками до верху полны
Задыхающиеся фасады.
В их стенах, желания и взгляды
Проволокою оплетены.
Наши стены тоньше кожуры.
Всем слыхать, лишь всхлипну я за ними.
Чуть шепнешь, пойдет рыдать фанера.
И, однако, как в тиши пещеры,
— Свету недоступные миры —
Мы стоим и знаем: мы одни.

ПАУЛЬ ЦЕХ

СОРТИРОВЩИЦЫ

Темный угол у канала, плесень стен под чешуей,
По соседству лязг и крики крючников и кранов.
Скудный свет слепых окон ползет
по мастерской.
Бледны девушки, когда, назад отпрянув,
Видят призрак шелудивой нищеты
Над тряпьем своих давно погибших планов.
Бледны девушки, и стерты их черты.
Бледны девушки — о, постыдимся фразы
Про сады, про ветр, про вечность красоты.
Натруженной баржами воде канав ни разу
Брызги лодок гоночных не пели о луне,
Острова про страсть не сказывали сказок.

Влага, в люки и проемы проходящая извне,
Пахнет дегтем, и дубленьем, и гнилой соломой.
Вопль о помощи не редкость в этой стороне.

Погружаясь в груды ржавчины и лома,
Взгляд тупеет, отбирая брос,
Руки поражаются истомой.

Иногда раздастся песня, затесавшись в стук колес,
Зародясь в устах, источенных цингою.
Внемлет ли тогда Мария-Дева песне той без слез?

Но совсем другое
Видят окна: жизнь их жестче, чем худые сенники,

На которых даже ночью нет покоя.
Шаря в складках, обирая кофты, юбки и платки,
Как чужие ездят руки или виснут плетью,
Между тем как отблеск молний пьют откуда-то
зрачки.
Ненавистнее нет ничего на свете
Инженера — шалопая и самца:
Сифилитики милей, чем брови эти!

Ходу жизни заведенной нет износа, нет конца,
Из нее тоски не вытравишь и ядом,
Переполнившим до края их сердца.

Между тем, как братья рядом
Точат месть оселком бунта, им не верится в успех:
Брак и ржавчина согласны с их укладом.

Редко лишь, как каплей крови резко реющийся снег,
Вспыхнет счастье, их румянцем крася.
В этот миг в руках аббата загорается ковчег,
1И они дрожат, губами прижимаясь к рясе.

ГЕОРГ ГЕЙМ

ПРИЗРАК ВОЙНЫ

Пробудился тот, что непробудно спал.
Пробудясь, оставил сводчатый подвал.
Вышел нов и стал, громадный, вдалеке.
Заволокся дымом, месяц сжал в руке.

Городскую рябь вечерней суеты
Охватила тень нездешней темноты.
Пенившийся рынок застывает льдом.
Все стихает. Жутко. Ни души кругом.

Кто-то ходит, веет в лица из-за плеч.
Кто там? Нет ответа. Замирает речь.
Дребезжа сочится колокольный звон.
У бород дрожащих кончик заострен.

И в горах уж призрак, и, пустившись в пляс,
Он зовет: бойцы, потеха началась!
И гремучей связкой черепов обвит,
С гулом с гор он эти цепи волочит.

Горною подошвой затоптав закат,
Смотрит вниз: из крови камыши торчат,
К берегу прибитым трупам нет числа,
Птиц без сметы смерть наслала на тела.

Он спускает в поле огненного пса,

Лясканьем и лаем полнятся леса,
Дико скачут тени, на свету снуя,
Отблеск лавы лижет, гложет их края.

В колпаках вулканов, мечется без сна,
Поднятая с долу до свету страна.
Все, чем, обезумев, улицы кишат,
Он за вал выводит, в этих зарев ад.
В желтом дыме город бел, как полотно,
Миг, глядевшись в пропасть, бросился на дно.
Но стоит у срыва, разрывая дым,
Тот, что машет небу факелом своим.

И в сверканьи молний, в перемигах туч,
Над клыками с корнем вывернутых круч,
Пепеля поляны на версту вокруг,
На Гоморру серу шлет из щедрых рук.

ДЕМОНЫ ГОРОДОВ

Сквозь тьму ночную черных городов
Они бредут, пригнув их до земли.
Подобно подбородкам шкиперов,
Щетиной туч их щеки обросли.

По морю крыш скользит их силуэт.
По мостовым, гася светильный газ,
Густой туман ползет за ними вслед,
От дома к дому ощупью влачась.

Одну стопу на площадь отведя,
Другой на башне, наклонивши стан,
В струистой шкуре черного дождя
Они на флейтах свищут словно Пан.

Внизу, как море призрачно кружит
Необозримых кровель ритурнель,
Безбрежна звуков грусть, безбрежен вид,
То дико взвизгнет, то замрет свирель.

Они бредут по берегу реки,
Змеей сквозь тьму влачащейся в туман.
Дрожа в воде желтеют огоньки,
Пестря поток, как спины саламандр.

А после, свесясь с мостовых перил,
Как фавны, обступившие ручей,
В людскую гущу, как в упругий ил,
Засовывают руки до локтей.

Один из них встает. Он на луну

Бросает маску. Как свинцовый гнет,
Все ниже опускаясь в глубину,
Вминает зданья в землю небосвод.

Трещат предплечья крыш, и сквозь пролом
'Взвивается пожара красный плат.
Рассевшись в круг под слуховым окном,
Они как кошки плачут и кричат.

В каморке темной бьется роженица
Под страшной пыткой родовых потуг,
Встав на дыбы, громада мышц дымится,
И бесы ждут, столпившися вокруг.

Она дрожит, цепляясь за кровать.
Крик катится по пляшущим полам.
Вот плод. Но лона больше не разъять,
) Облившись кровью, рвется пополам.

У них жирафьи вырастают шеи:
Без головы младенец! С ним в руках
Мать с криком навзничь падает. За нею,
Сев жабою, топырит пальцы страх.

Уж на рогах у демонов горит
Пробитых туч кровавая гряда.
От гула огнедышащих копыт
Колеблются, потрясшись, города.
ЯКОБ ВАН ХОДДИС

СОМНЕНИЕ

Ввиду того, что эти ночи — нить
Предпраздничных неведомых рассветов,
Ребячливо я не устану ныть
«Еще, еще», твоей любви отведав.
Уж город с моря волны всколыхнули,
И лучники небес шлют наземь стрелы.
Бледнеет лампа. В этом легком гуле —
Рассказ ночей о полднях обгорелых.

НЕБЕСНАЯ ЗМЕЯ

Жарки дни и ночи глухи.
В окнах тени точно духи,
И порочны
Их движенья.
На лету
Пышут водкой
В темноту
Лица привидений.

«К тверди ринемся туманной,
Обманув ее охрану.
Месяц скроется из виду,
Звезды не дадут в обиду.
Свет ли то или потемки?
Песнь, мольба иль спор негромкий?
Во дворце ль мы, в хате ль тесной?
Тише, мы в стране чудесной».
Пропасть войск идет походом,
Стройно в небе маршируя.
Тьма друзей от них по сводам
Убегает врассыпную.

Мысль чумеет от вопросов.
Нынче их не разрешат.
Марш, рехнувшийся философ,
Под ушат!

У облак вид столового белья.
На небе безобразный чад угара.
От Бога это тщательно тая,
Украдкой курят ангелы сигары.

Зван нынче дьявол в гости к серафимам.
Он ляжет с кем-нибудь из них вдвоем.
На семь небес разит табачным дымом,
И жарят жирных грешников живьем.

РУДОЛЬФ ЛЕОНГАРДТ

МЕРТВЫЙ ЛИБКНЕХТ

Его тело лежит на всех дворах,
на всех улицах и скверах.
Все обои
истекли его кровью и стали как прах.

На заводах сирены,
бесконечно протяжно,
постепенно
разрываются в голос над телом.

И тогда-то губою
шевелит он
и по белым, как пена,
зубам пробегает усмешка.
То смеется умерший.
АЛЬФРЕД ЛИХТЕНШТЕЙН

СУМЕРКИ

Прудом играет юный карапуз.
Ветр меж ветвей застрял, попав в засаду.
Во рту у туч ночной попойки вкус,
С похмелья небу не помочь помадой.

Ползут калеки, изогнув скелет,
Их костыли заносятся упрямо.
Сойти с ума пытается поэт.
Лошадка натыкается на даму.

К окну толстяк прижался и присох.
Идет юнец кокетке строить глазки.
Седой паяц кряхтит, обув сапог.
Истошно воет детская коляска.

ФРАНЦ ВЕРФЕЛЬ

ЧИТАТЕЛЮ

Тебе родным быть, человек, моя мечта!
Кто б ни был ты, — младенец, негр иль акробат,
Служанки ль песнь, на звезды ли с плота
Глядящий сплавщик, летчик иль солдат.

Играл ли в детстве ты ружьем с зеленой
Тесьмой и пробкой? Портился ль курок?
Когда, в воспоминанье погруженный
Пою я, плачь, как я, не будь жесток!

Я судьбы всех узнал. Я сознаю,
Что чувствуют арфистки на эстраде,
И бонны, въехав в чуждую семью,
И дебютанты на суфлера глядя.

Жил я в лесу, в конторщиках служил,
На полустанке продавал билеты,
Топил котлы, чернорабочим был
И горсть отбросов получал за это.
Я — твой, я — всех, воистину мы братья!
Так не сопротивляйся ж мне назло!
О если б раз случиться так могло,
Что мы друг другу б бросились в объятья!

НА ЗЕМЛЕ ВЕДЬ ЧУЖЕЗЕМЦЫ ВСЕ МЫ

Умерщвляйтесь паром и ножами,
Устрашайтесь словом патриота,
Жертвуйте за эту землю жизнью!
Милая не поспешит за вами.
Страны обращаются в болота,

Ступишь шаг, — вода фонтаном брызнет.
Пусть столиц заносятся химеры,
Ниневии каменной угрозы,
В суете не утопить унынъяэ
Не судьба —• всегда стоять твердыне,
Меру знать становится не в меру,
В нашей власти только разве слезы.
Терпеливы горы и долины
И дивятся нашему смятенью.
Всюду топи, чуть пройдем мы мимо.
Слово «мой» ни с чем не совместимо.
Все в долгах мы и во всем повинны.
Наше дело — долга погашенье.
Мать залог того, что будем сиры.
Дом — ветшанья верная эмблема.
Знак любви неравный знак повсюду.
Даже сердца судороги — ссуды!
На земле ведь чужеземцы все мы,
Смертно все, что прикрепляет к миру.
ВАЛЬТЕР ГАЗЕНКЛЕВЕР

СМЕРТЬ ЖОРЕСА

С открытым взором истины глашатай
Покинул путь блуждавшей клеветы.
Слепцы, они его убили, — брата
Парижской бедноты!

Он выстрелом убит, которых тучу
Он в близости стране своей предрек,
Так от руки убийцы неминучей
Пал примиренья вечного пророк.

Был как из строя выведен он Богом
Из сумрака кончавшихся времен.
Но он успел нам показать дорогу,
Он близок нам. И да воскреснет он!

ИОГАННЕС РОБЕРТ БЕХЕР
БРОНЕВАЯ БАЛЛАДА
Броневики бормочут.
Мерзкое отродье танков с клокотаньем наполняет мглу
зловоньем мертвечины.
— «Ктоступитдальшебудетубит»...

И прожекторы штурмуют светом гейзеров повстанцев.

Броневики бормочут.
Как чертополох железный буйно вьется заросль касок.
Жгучая штыков крапива.

Пышущий чумою идол газовой атаки снес сестры цветочный
венчик с полыхающей трибуны.

С ней и ты, святой подвижник, брат, восторженный смешливец,
брошен топотом тайфуна в блеск и лязг
гвоздей сапожных под ружейные приклады.
На руках гиганта дремлет океан лазури.
Вечности завоеватель пьет, захлебываясь, звезды под сосущим
поцелуем волн в катящихся объятиях арф
с звенящими руками,
С глазом месяца, блаженством, переполненным до края,
Со щекою лета, льнущей к флейтам и стволам березы,
И со ртом аккордов.

Броневики!
Буржуазии когорты косят, скотски скаля зубы, и свирепыми
серпами жнут поющие отряды
марширующих рабочих.
Двор казарм конногвардейских скрыл расстрел парламентеров.
Пьяная солдатчина. Безмозгло жестикулирующая сволочь.
Стадо, купленное за деньги тупицами. Ростовщики.
Рабочие!
Сквозь строй прогоняет ваших пленных братьев шайка
унтерофицерских подручных!
Ваших раненых хотят поместить в клетки для хищных зверей!
Подлый притворщик редактор оффициоза господин Фридрих
Штампфер (тучнейший зубоскал с выпяченными
челюстями) удовлетворенно ковыряет трупную кашу.

Однако:
Несмотря на это, все-таки, все-таки
Там, там,
За стелющимися нивами плетью избиваемых спин,
За костяными кучами хрустящих черепов и балок,
За тобой, за тобой, за тобой, за вами грустно издыхающий
зверь — человеческое сердцев
Сквозь еще заросшие кровью и заслеженные слизистой мглой
промежутки и сердцевины,
Сквозь пораженья, залы ожиданья, тягостные остановки
и станции униженья
Открываются косые, душистые и уже медоносные просини,
Ведущие к серафическим высотам
Навстречу будущности и счастью,
Навстречу несказанным государствам Востока!

В предцверьи дающихся в руки спасительных звезд
Твое аллилуйя из львиного рва, Даниил —
Пред красной кирпичной стеною последняя песня
твоя на земле —
Смелейший из смелых, о мальчик, заклятье героя твое —
При залпе плутонга, пред смертью последний твой зов

и пароль: —
40 «Да здравствует Либкнехт!»
О, уста ангельского экстаза, заткнутые щетинистым кулаком палача!
Иисус младенец, истолченный заводною пастью бешеной ищейки.
Броневики бормочут.
Плаха.
Грудь нараспашку, голову долой.
В Тегеле начато уголовное следствие.
Однако их же заглушённое ура, подобное хихиканью, пушком пирушек с шампанским, пробилось над каналом,
где покоятся оба подвижника.
Но приливы и отливы, моря взрыхлены от взрывов.
Атмосфера боя.
По утрам к столбам афишным пристают иероглифы неизвестных манифестов.
Разговаривают звери.
Дуют крашеные ветры.
Окрыляются утесы.
Маршируют люди.
Днем весенним черепаха переливчатых пригорков путешествует, полнеет.
Всем охота стать звездами!
Всем — сидеть на троне!
Под истыканными громом небесами цвета умбры пышут призраки убийства, войсковые тризны.

Тень густого древа ночи пучеглазо прорезают фосфорические люди.
60 По асфальтам машинально вдаль плывут пустые лодки.
Из казарм треща несутся залпы воспаленных оргий.
В погреба трясин, сседаясь, превращаются амбары.
Благородья скачут в шахты.
Почки фонарей бьют стекла.
В желваках от истощенья трупный ветер волком воет.
Караванами с хрустеньем странствуют скелеты.
Стихотворец умирает, занемогши сном пустыни.
Между тем идет успешно превращенье пушек.

Начинают жить согласно.
Броневики бормочут.
ЛЕС
Я — темный лес, я мрак и сырость леса,
Я — темный лес, куда ходить не надо,
Тюрьма, где в диких завыванъях мессы
Я проклял Бога, как исчадье ада.

О темный лес, я затхлой чащи вздох.
Ворветесь с криком в тьму мою, пропащие!
Я ваши черепа сложу на мягкий мох
В глубь тинистых прудов моих, пропащие!

Я — лес, как гроб, укутанный в лоскутья
Ветвей свихнувшихся, нелеп нередко вид.
Господь погиб, не справясь с темной жутью.
Я тот фитиль, что сыр и не горит.

Ты слышишь ли болот заплесневелый стук?
Оскалясь, зорю бьет на черепках гремушка,
Над жидкой топью всплыв, гудит навозный жук
С огромной вилкою на роговой макушке.

Смотрите ж, берегитесь, я предам!
Земля расступится под вами, я затку

Ветвистой сеткой вас, раздастся гам
Грозы, подобной взрыву и щелчку!

Но ты — равнина с развевающейся гривой,
Порывом мглы зачесанной назад,
Ты — тучами окаченная нива,
На чьих глазах слезами стынет град.

Я — лес, что улыбается, едва
Его коснется веянье твое,
Тогда на горле слабнет бичева
И по берлогам прячется зверье.

Резвятся птицы, мертвецы поют
В цветном пожаре солнечных полос,
Сквозь корку соки горькие текут
И ночь околевает, старый пес.

Но ты — равнинав На твоем затылке
Луны ветшающей качается лимон.
Ты ангел с сонным снадобьем в бутылке,
Подходишь, — и бродяга усыплен.

Я темный лес. Ключи кипят и скачут,
Виясь, шепчась с травой, как змеи шустры.
Они язык то высунут, то спрячут,
А выше — звезд беснуемая люстра.

Я темный лес. Взлетают с треском страны.
Моих пожаров адские огни
Колеблят жидкий камень океана,
В суставе горный надломив ледник.

Я лес, что к ночи, сдвинувшись с земли,
Распространяет горький дух кругом,
Пока нарвется на закат вдали,
Что тушит жар, накрыв меня платком.
ЛЮТЕР

ПОЭМА

1

Монах шагнул на паперть и прибил
Лист тезисов к церковному порталу.
Был день торговый. Гуще люд ходил.
Подняв глаза, толпа листок читала.
О торге ощущеньями, грехе
Лжеверия, налогов непосилье
Открыто было сказано в листке
То самое, что дома говорили.
С соборной колокольни лился звон,
И улицы захлебывались в гаме.
Монах стоял, как будто пригвожден.
Стоял, как будто в землю врос ногами.
Он пел, не отвлекаемый ничем,
Что время возвещенное настало,
Когда вино и хлеб разделят всем,
И был мятеж в звучании хорала.

2

Из Виттенберга слух разнесся вширь:
«Исполнился предел терпенья Божья.
По зову свыше кинув монастырь,
Монах пришел на поединок с ложью.
Мы все равны пред Богом, учит он,
Грехам и отпущенье не отмена,
И только лицемерье, не закон,
Царит по всей Империи Священной.
Вкруг Бога понаставили святых.
Он, как в плену, в их мертвом частоколе.
Ему живых не видно из-за них,
И все идет не по Господней воле.
Нам надобно осилить их синклит
И высвободить Бога из темницы,
Тогда-то Он, поруганный, отмстит
И на неправду с нами ополчится».

3

По княжествам летели эстафеты
С известием, что заключен союз
В защиту слова Божья от извета.
Всяк это слышал и мотал на ус.
Молва передавалась все свободней,
Когда, с амвонов грянув невзначай,
Дорогою к пришествию Господню
Легла чрез весь немецкий бедный край.

4

На сейме в Вормсе, вызванный повесткой,
Терялся малой точечкой монах
Средь облаченья пышного и блеска
Стальных кольчуг, и панцирей, и шпаг.

Он был в дешевой рясе с капюшоном,
Веревкой стянут вместо пояска,
И несся к небу взглядом отрешенным
За расписные балки потолка.
Он был один средь пекла преисподней.
'Ее владыка, сидя невдали,
Смотрел на жертву с вожделеньем сводни,
И слюнки у страшилища текли.
Их покрывал своим примером папа,
И, в мыслях соприсутствуя в гурьбе,
Из царств земных своею жадной лапой
Выкраивал небесное себе.
А чином ниже пенились баклажки,
И, вытянувши руки за ковшом,
На монастырских муравах монашки
Со служками валялись нагишом.

Монах привстал. Кровь бросилась в лицо.
Он выпрямился. Он в воображеньи
Увидел палача и колесо
И услыхал своих костей хрустенье.

Ударил туш. Явился государь.
«Как веруешь?» — вопрос был государев.
Все смолкли. Как костров далеких гарь,
В глазах у всех блеснула сухость зарев.

Тогда смелей обвел он взором зал,
Набравшись сил для этого наруже,
Ifre угольщик немецкий голодал,
Топчась в лесах толпою неуклюжей.

И, победив насмешливый прием,
Как пристыдить не чаял никогда б их,
Поведал он о Господе своем,
О Боге бедных, брошенных и слабых.

На золотую навалясь скамью,
Сидела туша с головой свинячьей.
Монах вскричал: «На этом я стою
'И, Бог судья мне, не могу иначе!»

5
Совет держали хитрые князья:
«К рукам давайте приберем монаха.
Великий крик и так от мужичья.
Отступишься — не оберешься страху.

Сдружимся с ним, чувствительно польстим
И до себя, как равного, возвысим.
Чего приказом не добыть простым,
Добиться можно угожденьем лисьим.

Дадим вероучителю приют
И примем веру и введем ученье.
Сильнейшие со временем сдают
В тенетах славы, роскоши и лени».

6
Засев на башне Вартбургской, монах
Переводил Священное Писанье.
Переложенья сила и размах
Щетинились, как войска нарастанье.

Князья толклись в прихожей вечерком,
Приема дожидаясь, словно счастья.
Чтоб завладеть полней бунтовщиком,
'Впадала знать пред ним в подобострастье.

Подняв потир и таинство творя,
Он причащал упавших на колени,
И хором все клялись у алтаря
Стоять горой за новое ученье.

Но как ни веселился мир Христов,
Как ни трезвонили напропалую,
Как ни распугивали папских сов,
Не мог монах примкнуть к их аллилуйе.

Его тревожил чьих-то глаз упрек,
'Оглядывавших стол его рабочий.
Он тер глаза. Он отводил их вбок.
Он прочь смотрел. Он не смотрел в те очи.

7
Тут поднялись крестьяне. Лес бород,
Густая чаща вил, и кос, и кольев.
«Все повернул монах наоборот,
Себя опутать по рукам позволив.
Все вывернул навыворот монах,
Набравшийся от нас мужицкой силы.
Его раздуло на чужих хлебах,
А лесть и слава голову вскружила.

Он чашу нашей крови, пустосвят,
Протягивает барам для причастья!
А чаша-то без малого в обхват!
А крови в ней — ушаты, то-то страсти!»

8
Он уши затыкал, но слышал рев
И в промежутках — пение петушье:
«Теперь ты наш до самых потрохов.
Иди на суд и обвиненье слушай.

Петух я красный, Петя-петушок,
'Я искрою сажусь на крыши княжьи.
Я мстить привык поджогом за подлог,
Я углем выжигаю козни вражьи.

Я меч возмездья, я возмездья меч.
Я речь улик, что к сердцу путь находит.
Я тот язык, кого немая речь
Тебя на воду свежую выводит.

Я меч возмездья и его пожар.
Гляди, гляди, как я машу крылами,
Гляди, гляди, как меток мой удар,
}Я меч возмездья и возмездья пламя.

Князья умрут, и ты не устоишь,
И поколенья сменят поколенья,
А я останусь сыпать искры с крыш,
Единственный бессмертный в вашей смене.

Я — как народ. Я кость его и хрящ.
Я плоть его, и доля, и недоля.
Я как народ, а он непреходящ:
Доколе жив он, жив и я дотоле».

Монах бледнел, превозмогая страх.
Кричал петух, и меч огнем светился.
Чуть стоя на ногах, он сделал шаг
И вдруг на лобном месте очутился.

9Он как беглец, весь в трепете оглядки,
Чтоб ложный шаг в беду его не вверг.
А сыщики за ним во все лопатки.
Вот набегут и крикнут: «Руки вверх!»

Он — в их кольце. Пропало. Окружили.
И вдруг спасенье. Он прорвал кольцо.
Какой-то лес. Лесной тропы развилье.
) Какой-то дом. Он всходит на крыльцо.

Как прячутся во сне под одеяло,
Так, крадучись, с крыльца он входит в дом.
Как вдруг — ни стен, ни дома, ни привала,
Лишь лес, да вслед бегут, да он бегом.

Так грезит въявь, склонясь к доске конторки,
Монах с чернильницею в пятерне.
Вдруг склянка скок — и на стену каморки,
И страшен знак чернильный на стене.

Тогда он в крик: «Светлейшие, пощады!

} Сиятельные, не моя вина,
Что, бедняков и слабых сбивши в стадо,
Их против вас бунтует сатана.

Какой-то Мюнцер в проповедь разгрома
Вплетает наше имя без стыда.
Прошу припомнить: ни к чему такому
Я никогда не звал вас, господа.
В его тысячелетнем вольном штате
Ни старины, ни нравов не щадят.
Там грех не в грех, и все равны и братья.
Огнем их проучите за разврат.

Их надо бить и жечь без сожаленья.
Дерите смело кожу с них живьем.
Я всем вам обещаю отпущенье,
И Бог вас вспомнит в Царствии Своем».

10
Повешенным в немецком бедном крае
Терялся счет, хоть подпирай забор;
Руками и коленками болтая,
Они до гор бросали мертвый взор.

Тела, вертясь направо и налево,
1В согласьи с тем, как плыли облака,
Свершали круг от темени до зева,
Как темной ночью лампа маяка.

У многих рот был до ушей разинут
И вырван был и вырезан язык,
И из щелей, откуда был он вынут,
Торчал немой, но глазу зримый крик.

11
Счастливцев кучка прорвала кордон,
Где их, как бешеных собак, кончали,
И, затянув дорогой, как сквозь сон,
UO, лик в венце терновом!» — шли в печали.

Один из них направил в город путь.
Он знамя нес, крестьянский стяг истлелый.
Сорвав с шеста, он обмотал им грудь,
И шел, и пел, прижав обрывок к телу.
Он пел: «Гори, кусок холста, гори!
Зажгись опять в годах, и стань предцверьем
Той возмужалой веры и зари,
Когда мы лишь в одних себя поверим».

12
Он заработок в городе нашел,
Подручным в кузню поступив к кому-то.

У кузнеца был добрый кров и стол,
И знамя не осталось без приюта.

ПАВЛО ТЫЧИНА

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Мне помнится: осенний день. В усердье
синело небо. Серебристый прах,
казалось, осыпался с синей тверди.

Была седа сухая тень в садах,
и даль как бы от дряхлости дрожала.
Не выйти ль на этюды? Просто страх,

как на простор влекло из-под начала
казенных стен! Уроки отошли.
По семинарским классам разудалый

10 галдеж пошел, и смех, и ай-люли
на гребешках. Я из-за парты вылез,
палитру вытер, вдвинул под шпили,

чтобы края этюдника сходились,
и к Валу зашагал, а ветерок —
вприпрыжку рядом, точно сговорились.

Вот неотвязный! Стал я поперек
дороги, осмотрелся: тут и сяду.
Лениво Стрижня движется поток.

Наславу место. Лучшего не надо.
'Сказал — и сделал. Тишина и зной.
Так клонит спать, что никакого сладу.

Прошел чиновник. Желтою копной —
страницами чужого лексикона —
расшелестелся ясень надо мной.

На Стрижне челн качнулся плоскодонный.
Еще краплаку в тюбике достав,
я оглянулся. Стаями вкруг клена

кружились листья, с придорожных трав
под провода взлетая, как от шквала,
и запускали пальцы в телеграф,

как в струны цитры или на цимбалы.
Вдруг как из-под земли с травы к холсту —
какой-то долговязый. «Всех, пожалуй,

Не дотащить?» — он молвил в пустоту,
а сам в руках сжимает листьев ворох.
Он черноглазый. В шляпе. На лету

ловлю черту тревожную во взорах.
Когда подсел он? Как я передам
таинственности прелесть? Чем так дорог

'звук голоса его, и кто он сам,
что так располагает с полуслова?
Вспорхнула с ветви птица. Ветра гам

улегся. Солнце выглянуло снова.
А незнакомец, собираясь встать,
меня окинул взглядом, как родного.
Как было голову не потерять!
Вскочил я, стал, глаза вдогонку пялю,
стою... А дней примерно через пять

концерт давали в семинарском зале.
Ухаживать за публикой взялись
учащиеся. Гости прибывали,

уж коридор был полон. Скрывши фриз,
у входа в залу зелень на бордюре
живой гирляндой свешивалась вниз.

Тут, средь распорядителей дежуря,
стояли мы. То поправляя бант,
то на ходу друг с дружкой балагуря

об играх в фанты или про Жорж Занд,
пред нами проплывали к повороту
за парой пара и за франтом франт.

Как вдруг: «Нашли! — воскликнул радом кто-то. —
Мы в поисках, а он тут в царстве грез».
Очнувшись и всерьез, как от дремоты,

взглянул я, вздрогнул и к земле прирос.
Я черные глаза узнал не сразу.
Ведь это тот, что на речной откос

с охапкой листьев лазил, черноглазый.
«Смелей!» — сказал мне, подтолкнув слегка,
учитель рисованья, с полуфразы

'представив спутнику ученика: —
«Поэт, и — обещает; был бы случай,
Не грех в печать бы». — «И наверняка

Уже стихов вот этакая куча?» —
пожав мне руку, пошутил другой,
щадя мою застенчивость бирючью.
«А это Коцюбинский», — ткнул рукой
преподаватель рисованья. «Fata!» —
воскликнул я невольно, и за мной

высокий вторил, радуясь, как брату.
Потом, взяв за плечи, проговорил:
«Мы, кажется, уж виделись когда-то?»

И, юный мой оберегая пыл,
повел средь пар. Бродя в их веренице,
я ликовал. Как был со мной он мил!

Я слышал смех и видел чьи-то лица,
но что мне до всех тех веселых мин?
Лишь сознавал блаженство без границы:

все заслонял собою он один.
А рядом вновь учитель рисованья.
«Кручиниться, — сказал он, — нет причин».

По коридору с шумом, как и ране,
тянулись пары. Прозвенел звонок —
неторопливо в зал пошло собранье.

Навстречу устремилась за порог
нескладица настройки. Вперегонку
с кларнетом, тон альтам давал рожок.

Поднялся гул, как потасовка, звонкий.
Попробовал и я тут свой гобой,
все заглушивший, точно плач ребенка,

и отложил, чтоб овладеть собой.
Вот капельмейстер палочкой оббитой
взмахнул, смиряя звуков разнобой.

Все замерло. И Глинка из сюиты
заговорил. Со дна басов, звеня,
стал подыматься лес, с высот зенита
безоблачность простерлась. Зеленя
пошли тянуться к солнечным триолям.
Зима npoumas Без края вкруг меня

весенний день, и солнце, и над полем
110 Вот эта пташка! Нет! Еще и пот
трудящихся, с той славою мозолям,

которую поет им Глинка. Тот
почет труду, что рвет времен пределы

и тянет вдаль. То бушеванье нот,

что чувствовал, казалось мне, всецело
и Коцюбинский. Это в цвете сил
Мы «Жаворонка» заиграли смело.

Играя на гобое, я следил
за Коцюбинским. Ровно и спокойно
120 смотрел он вдаль, как люди у кормил.

Он знал: вдали — бои, победы, войны,
и оттого-то, выпрямясь струной,
Сидел творец, любимый наш, достойный,

И вдаль перед собой смотрелБ Родной...

Я ЗНАЮ...

Я знаю, вас в потомстве проклянут
Певцы иного, высшего полета,
За то, что возлюбили вы болото,
И на простор не вырвались из пут.

Что вы презрели благородный труд,
Сочтя его нестоящим почета,
Что вы воспели лень, а не работу,
Забыв о том, что сущностью зовут.

Пора! Проснитесь! Утро у порога!
Прославьте человека, а не Бога,
О будущем скажите без прикрас!
Одумайтесь! Давно невыносима
Пустая спесь отмеченности мнимой,
А жизнь одна, и жить нам только раз!

ЭДЛЕФ КЁППЕН

МЕРТВЫЙ ГОРОД

По сирым улицам опустошенья ужас
Ползет, лениво ссасывая грязь.
То в двери сорванный проем просунет череп,
Средь мертвых стен осмотрится, порог
Обугленный прожорливо догложет,
Подлижет кровь, растекшуюся с тел,
То высаженного окна схватясь за раму,
Осколки стекол выбьет из пазов
И вдребезги разбившись, разлетятся.
Вот он урча об угол дома трется,
И с треском валятся последние столбы,
А он зевает, сладострастно скалясь.

Когда смеется он, дрожит земля.

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

ПОЛДЕНЬ

Мохнатый шмель пьет мед из красных шапок
репейника. С какою полнотою
гудит и стелется над светлой далью
полуденный виолончели звук!
Передохни, и обопрись на заступ,
и слушай, и гляди, и не дивись.
Ведь это сам ты зеленью безбрежной
широко разбежался по земле,
и это сам ты бурых пчел роями
в могучих ветках ясеня гудишь,
ведь это ты разливы ржи пыльцою
плодотворишь... И это снова ты
для нужд людских с людьми на новом месте
возводишь поселенья, и мосты
прозрачные крепишь над пропастями.
Спят заводи, спят лодки на воде,
пчелиный рой висит пахучей гроздью,
и даже солнце налилось, как плод,
и кажется недвижным...
Только ты
не поддаешься полдню и покою, —
уже пришла, склонилась над тобою
и ждет поэзия, твоя подруга.

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

я и стихи

Думают, стихосложенье —
как солдатское «ать-два»,
марпшруют отделенья,
строятся в ряды слова.

На стихи давно б я плюнул,
но не в силах перестать:
черт какой-то мне подсунул
надоевшую тетрадь.

И у черта план роскошный,
чтоб такое я загнул,
чтобы небу стало тошно
и чтоб лопнул Вельзевул.
Вот я и веду бессменно,
закрепляя каждый миг,
из скитаний по вселенной
свой космический дневник.

В прошлом — Лондона туманы,
недоснившиеся сны...
Как на эти все романы
поглядеть со стороны?

И другое есть в сознанье,
но охватывает страх
вплоть до сердца замиранья
думать о таких вещах!..
Есть мучительное право
знать, что мир зажат в тиски,
вспоминать дано Варшаву
до мучительной тоски.
Кровь и гибель в миг тоски я
словно вижу наяву.
Именем твоим, Мария,
я бессонницу зову...

Думал я: в дыму стеная,
старый город пал... И вот
плачу я... Прости, родная!..
А отчаянье растет...
Но, беспомощный, неловкий,
все в Леванте, у воды,
обучаю маршировке
стихотворные лады...
Это мне не нужно лично
и не нужно никому.
Родина ведь безгранична,
сердцу нужды нет в дому...

ВИТЕЗСЛАВ НЕЗВАЛ

Судьба, о судьбина,
Как всех я покину,
Мне в целой вселенной
Не будет замены.
Появятся вещи
Того-то, того-то,
Слова будут хлеще
И тоньше остроты.
Но суть не во вкусе,
Не в блеске работы.
Стихи мои — гуси
Порой перелета.
Часть стихотворений
Погибнет в дороге,
А те, что смиренней,
Спасутся в итоге.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Я вам прощаю, люди, слепоту
Стяжанья, чванства жалкие потуги.
Я вашему тщеславью предпочту,
В траве валяясь, думать на досуге.
Я лягу под сиреневым кустом,
Где пахнет дерном и болиголовом,
И, вспомнивши о чем-нибудь простом,
Почувствую себя совсем здоровым.

НАД СВРАТКОЮ-РЕКОЙ

Над Свраткою-рекой вероника в цветеньи
И берега в густой траве и тростнике.
Купаться счастье тут, бродить тут наслажденье.
Над Свраткою-рекой вероника в цветеньи.
Темна и холодна, как лед, вода в реке.

Здесь знойным летом тень, как дома на картине,
Висящей на стене в гостиной меж зеркал.
И пахнет тмином здесь, ромашкой и полынью.
А знойным летом тень, как дома на картине,
Как в том саду, куда я в детстве забредал.

Есть радостней места и краше, может статься,
И реки веселей, чем Свратка, может быть,
Но здесь пришлось семье обосноваться.
Есть редкостней места и краше, может статься,
Но там, быть может, мать не захотела б жить.

Быть может, в мире есть блистательней державы,
1де реки голубей и зеленей поля, —
Любимицей моей останется Морава.
Быть может, в мире есть блистательней державы,
Но те мне не сродни, как здешняя земля.

Есть кладбища пышней, нам с ними
не сравниться,
Над Прагой Вышеград роскошнее втройне,
Но мне милее в Брно гранитные гробницы.
Есть кладбища пышней, нам с ними
не сравниться,
Но памятники в Брно милей раз во сто мне.

Вероника в цвету над Свраткою весною,
А летом этот склон под кукурузой сплошь.
Как сожалели мы, покинув Брно родное.
Вероника в цвету над Свраткою весною,
Нигде подобных мест на свете не найдешь.

Есть редкостней места и краше, может статься,
Чем Свратки берега, не буду отрицать,
Но родиной ни с кем не стал бы я меняться.
Есть редкостней места и краше, может статься,
Но здесь моя земля, моя родная мать.

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКЕ

Минуя в беге города и веси,
Спустись оленем пенных горных вод
На солнцепек приморского безлесья,
Где только зимородок гнезда вьет.

А я, заждавшись, как небесной манны,
Бютка живого с ледяных высот,
Из камышей соленого лимана
Тростинкой брошусь в твой водоворот,

И на ручье, который взял начало
Из талой глыбы снежного обвала,
Свои инициалы напишу.

А ты, как пар, сквозной и одинокий,
Осоки запись растворив в потоке,
Вернись к горам, и дубу и плющу.

* * *
Дочь булочницы, встарь
Я изъяснялся флагами
С тобою, как сигнальщик.
Была ты булки лакомей,
А я морской сухарь.
Мне не житье на суше,

А лишь одно удушье,
Совсем как в западне.
С тобой я, помнишь, мальчиком
Играл при звезд сверканье.
Но хуже чем в капкане
У вас на суше мне.

* * *
Летняя моя матроска,
Мне в тебе не щеголять
И воротника в полоску
Горожанам с перекрестка
Никогда не увидать.
В материнском гардеробе

Облаченье моряка,
Чтобы он в матросской робе
Не удрал с материка.

САН РАФАЭЛЬ
(СЬЕРРА ДЕ ГУАДАРРАМА)

Цветущий шиповник
И роза в цвету.
На розыски из дому
Выйдя, подруга,
Без отзыва кличу
Тебя среди луга.
Гляжу, — зацепясь
За шиповник каемкой,
Запаски знакомой
Повисли тесемки.
А рядом и ты,
Моя прелесть, лежала,
Безжизненней трупа,
Под розою алой.
Как в гуще питомника
Сломанный розан
Под розовой ветки
Колючим обломком.
Как роза в истомы
Холодном поту
Под рослым кустом
В шипах и цвету.

* * *

Нет его, морюшка-моря.
Вот ведь горе-беда!
Зачем, отец,
Ты взял меня
Сюда, в этот город проклятый?
Все слышу, прибоя раскаты
Во сне отдаются в груди.
Вот, кажется, так и подкатит, косматый,
И стащит с кровати,
Того и гляди.

* * *
Если голос умрет мой на суше,
Отнесите на берег морской,
На какой-нибудь мыс мало-мальский,
Отнесите на берег морской,
И пожалуйте чин адмиральский

И назначьте на бриг боевой.
О мой голос, покойся средь шири.
Шум прибоя всегда над тобой.
У тебя ордена на мундире:
Якорь, парус и вал голубой.

ПРЕГОН
(ПЕСНЯ УЛИЧНОГО ТОРГОВЦА)
Облака продаю, И воздушных шаров
Опахала, напитки, Разноцветные гроздья.
Шемаю, скумбрию
И кораллы на нитке. И любое число,
И минувшие сутки,
Чешую вечеров И свое ремесло
Со слоновою костью И его прибаутки.

МОНТЕ ДЕ ЭЛЬ ПАРДО
Столько солнца на фронте; в контрасте
С синевой тишина так резка,
Так надменно небес безучастье,
Снисходящее так свысока,
Так полянам до смерти нет дела;
Ход часов так собой поглощен;
Снег такою горячкою белой
Смотрит с гор вне пространств и времен, —
Что от боли валюсь я и слепну,
И лазурь, превратясь в динамит,
Темнотой осыпается склепной
И расколотой тишью гремит.
КРЕСТЬЯНЕ

Они идут, сверкая смуглой кожей,
Которой, верно, не берет топор.
С кремневой искрой их усмешка схожа,
А скрытность глубже, чем кедровый бор.
Козлом несет от вымокших шинелей,
В мешках картошка и на ней песок,
И багажа походного тяжеле
Лепешки на подошвах их сапог.
Все те ж они на мостовых столицы,
Что на полях в страду у шалашей.
Им кажется, — как семенной пшеницы,
Их ждут в глубоких бороздах траншей.
Никто не отдает себе отчета,
Куда спешит, а подоспевши вблизь,
Находит ток, где до седьмого пота
Молотят смерть, чтоб заработать жизнь.

ОНДРА ЛЫСОГОРСКИЙ

ПРЕВРАЩЕНЬЕ

Бежит поток, не внемлющий преградам,
Бежит, катая камушки во рту.
Завидев рыбку плотоядным взглядом,
Ныряет в воду чайка на лету.
Бежит поток, не ведая, что рядом —
Обрыв, и, взяв с разбега высоту,
Он ринется в долину водопадом,
Перелетев заветную черту.
Так жизнь моя нечаянно упала
Струей надежды, смерти и войны
С уступов снегового перевала

На пажити соседней стороны.
Россия приняла меня потоком.
Я стал рекой в ее краю широком.

ВЕНЕЦИАНСКИЕ МОСТЫ

Как будто кот за мышкой малой
Бросается из темноты,
Над тихою водой канала
Подскакивают вверх мосты.

Их выгибы бросают тени
Горбатой каменной резьбы
На затонувшие ступени
И на причальные столбы.

Кормою лодки вдоль балкона
Проскальзывает гондольер
И пропадает, озаренный,
Под аркой, как во тьме пещер.

Кому назначено свиданье?
Но утаит их имена
Аккорда звон под аркой зданья,
И отзвук волн, и тишина.

А из дворцового подполья
Выныривает стая крыс,
И на швартовочные колья
Герб у портала смотрит вниз.

Что стережет он, как привратник?
И почему вы не коты,
Чтоб ринуться в сырой крысятник,
Венецианские мосты?

КОМНАТА В ТАШКЕНТЕ

Не живописца ль огненный этюдник?

Нет, солнца луч на внешнем сквозняке.
Вот кто зажег средь комнаты, причудник,
Куст кактуса в фаянсовом горшке.
Все спуталось. Какая роскошь глазу!
Где был стакан, там радуги игра
Разбрасывает пачками алмазы
В цветной вулкан узбекского ковра.
Я из угла смотрю и цепенею
Голодными глазами северян,
Как под лучами солнца-чародея
Предметы вызревают, как баштан.
И я вернусь, как из оранжереи,
На родину, ташкентским солнцем пьян.

БЛАГОДАРЕНЬЕ

Для слова «ты» я рифмы не найду.
Все прочие пред ним — песок сыпучий.
Меж небом и землею нет в виду
ни одного пригодного созвучья.
Была в прическе легкость вешних ив,
и ночь, и лето в робком беге крови,
и в снах — осенних яблоков налив,
спасавший нас зимой от нездоровья.
О этот мир! Стоял он, невредим,
столетьями шумя под небом духа.
И зори века любовались им.
И вот взамен его — зола и дым.
Обвал Европы оглушает ухо.
Но мы святыню духа отстоим.

РАДИОРУПОР

В песках пустыни — вечер и прохлада.
Накрапывает дождь, журчит вода.
Радиорупор мечет в ночь рулады.
Кому они назначены? Куда?
Что дарит человеку на чужбине
Горланящего рупора труба?
О чем ему в домишке близ пустыни
Журчащих кровель шепчут желоба?
Стоит, к воротам прислонившись, кто-то.
И дождь ему смывает слезы с век.
Другие видятся ему ворота,
А рядом тот же бешеный разбег
Уносит в ночь рулады из пролета.
Свои Бескиды видит человек.

РАЗВЕДЧИК

По земле пронесся страх:

в небе — двигателя вой.
Кто ты, в световых клещах
над моею головой?
Свет прожектора нанес
на стену мой силуэт.
Профилем каким прирос
к крыльям твой ужасный след?
Как мне мысль свою отвлечь
к недописанной строке?
Надо мной Дамоклов меч,
жизнь моя на волоске.
Может быть, когда-нибудь
за границею, без сна,

я делил с тобою путь
у вагонного окна.

Может, в номере одном
оставались мы стоять,
и за мною позже днем
ты бросалась на кровать?

Стены, где росли из строк
виденные города,
наблюдали твой порок
циника уж и тогда.

А места, где я витал,
как средневековый бард,
бомбой ты потом сметал,
словно домики из карт.

Сколько надо тысяч рук,
чтоб свести соборный свод?
Сколько горьких ран вокруг
никогда не заживет?

Свет прожектора нанес
на стену мой силуэт.
Профилем каким прирос
к крыльям твой ужасный след?

По земле пронесся страх:
в небе — двигателя вой.
Кто ты, в световых клещах
над моею головой?

ПЕРЕВОДЫ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

АЛИШЕР НАВОИ

ГАЗЕЛИ

Ты лицом хороша и сама сложена хорошо,
Все в тебе до конца для меня, ворчуна, хорошо.

Ты одна — человек, остальные же — прах,
мелюзга.
Разве втаптывать в грязь их на все времена —
хорошо?

Я смотрел на красавиц, но только одна дорога,
Только ей я шептал в забытьи полусна: хорошо!

На свиданье я ей не скажу, как разлука долга,
Что такое страдание, знает она хорошо.

Да и есть ли страданье? Все дар от нее. И строга,
Бессердечна ль она иль добра и нежна — хорошо.

Вся она в моем сердце, как в зеркале вод —
берега.
Так прозрачно и чисто оно и до дна хорошо.

Без тебя Навои никуда ведь не ступит нога,
Без тебя ни одна из дорог не видна хорошо.

* * *

Брось кипарис в огонь, она стройней его!
Что розан перед ней? Кинь, не жалей его.
Меж нами тянется разлуки горный кряж,
Я превращу в песок, как суховей, его.
Куда свой ум девал разумник наш?
Куда девал, посеял, дуралей, его?
Вина за рубище, кабатчик, не продашь?
Я стыд в придачу дам, лови живей его!
Что тряпки? Наготу презреньем опояшь.
Будь проклят этот мир со спесью всей его!
Ты бред обожествил и возвеличил блажь.
Ты, Навои, — Меджнун или шальней его.

* * *

Ко мне нагрянула извне беда.
Она ушла. Что делать мне? Беда.
А я роптал и думал о другой,
Такая с ней, бывало, мне беда.
Я ревновал и звал ее домой,
А вот не ревновать — вдвойне беда.
Тревога в жизни лучше, чем покой.
Не знать беды — поистине беда.
О Навои, отрадно быть собой,
Но быть с собой наедине — беда.

Не Не *
И туфель покрой, и тюрбан ее груб.
Весь вызов ее обаяния груб.
Чтоб любящих душу губить без ножа.
Узор на ее одеянии груб.
Вы все испытаете в ночь кутежа,
Как цвет ее губ и румян ее груб.

Теперь у меня голова несвежа,
Кабатчик, я против желания груб.

Прости своего Навои, госпожа,
Что так он в часы эти ранние груб.

НИКОЛАЙ БАРАТАШВИЛИ

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Нераскрывшейся розе твердил соловей:
«О владычица роза, в минуту раскрытая
Дай свидетелем роскоши быть мне твоей —
С самых сумерек этого жду я событья».

Так он пел. И сгустилась вечерняя мгла.
Дунул ветер. Блеснула луна с небосклона.
И умолк соловей. И тогда зацвела
Роза, благоуханно раскрывши бутоны.

Но певец пересилить дремоты не мог.
Хоры птиц на рассвете его разбудили.
Он проснулся, глядит: распустился цветок
И осыпать готов лепестков изобилье.

И взлетел соловей, и запел на лету,
И заплакал: «Слетайтесь, родимые птицы.
Как развеять мне грусть, чем избыть маяту
И своими невзгодами с кем поделиться?

Я до вечера ждал, чтобы розан зацвел,
Твердо веря, что цвесть он уж не перестанет.
Я не ведал, что подвиг рожденья тяжел
И что все, что цветет, отцветет и увянет».

КЕТЕВАНА

Шумит, и пенится сердито,
И быстро катится река.
Кустами берега покрыты
И зарослями тростника.
Кто это, голову грустно понуря,
Смотрит с обрыва в водоворот?
Перебирая струны чонгури,

Девушка в белом громко поет:
«Насытишься ли ты, злоречье?
Не насмехайся, не язви
Над каждым мигом нашей встречи
Из зависти к моей любви.
Зачем, поверив лжи бесстыдной,
Ты до того, мой друг, дошел,
Что преданности очевидной
Ты голос злобы предпочел?
Зачем не изучил заране
Мой образ мыслей, сердце, нрав?
Зачем мне расточал признанья,
Чтобы убить, избаловав?
Зачем согнул мою гордыню,
На муку сердце мне обрек?
Зачем бесплодием пустыни
Дохнул на юности цветок?
Я верую: моя кончина —
Переселенье в мир иной.
Уверившись, как я невинна,
Ты в небе встретишься со мной».
Она умолкла. И нежданно
В словах, затихших над волной,
Узнал я голос Кетеваны,
Чарующий и неземной.
Шорох паденья скоро разнесся,
Страшный и неотвратимый удар.
Девушка бросилась в воду с утеса,
Крикнув пред смертью: «Мой Амилбар!»

СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ

Люблю твои места в росистый час заката,
Священная гора, когда его огни
Редеют и верхи еще зарей объяты,
А по низам трава уже в ночной тени.
Не налюбуешься! Вот я стою у края.
С лугов ползет туман и стелется к ногам.
Долина в глубине, как трапеза святая.
Настой ночных цветов плывет, как фимиам.
Минутами хандры, когда бывало туго,
Я отдыхал средь рощ твоих и луговин.
Мне вечер был живым изображеньем друга.
Он был как я. Он был покинут и один.
Какой красой была овеяна природа!
О небо, образ твой в груди неизгладим.
Как прежде, рвется мысль под купол небосвода.
Как прежде, падает, растаяв перед ним.
О Боже, сколько раз, теряясь в созерцанье,
Тянулся мыслью я в небесный Твой приют!
Но смертным нет пути за видимые грани,

20 И Промысла небес они не познают.
Так часто думал я, блуждая здесь без цели,
И долго в небеса глядел над головой,
И ветер налетал по временам в ущелье
И громко шелестел весеннею листвой.
Когда мне тяжело, довольно только взгляда
На эту гору, чтоб от сердца отлегло.
Тут даже в облаках я черпаю отраду,
За тучами и то легко мне и светло.
Молчат окрестности. Спокойно спит предместье.
30 В предшествии звезды луна вдали взошла.
Как инокини лик, как символ благочестья,
Как жаркая свеча, луна в воде светла.
Ночь на Святой горе была так бесподобна,
Что я всегда храню в себе ее черты
И повторю всегда дословно и подробно,
Что думал и шептал тогда средь темноты.
Когда на сердце ночь, меня к закату тянет,
Он — сумеркам души сочувствующий знак.
Он говорит: «Не плачь. За ночью день настанет.
И солнце вновь взойдет. И свет разгонит мрак».

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС

Чей это странный голос внутри?
Что за причина вечной печали?
С первых шагов моих, с самой зари,
Только я бросил места, где бежали
Детские дни наших игр и баталий,
Только уехал из лона семьи, —
Голос какой-то, невнятный и странный,
Сопровождает везде, постоянно
Мысли, шаги и поступки мои:
«Путь твой особый. Ищи и найдешь».
Так он мне шепчет. Но я и доныне
В розысках вечных и вечно в унынье.
Где этот путь и на что он похож?
Совести ль это нечистой упрек
Мучит меня затаенно порою?
Что же такого содеять я мог,
Чтобы лишить мою совесть покоя?
Ангел-хранитель ли это со мной?
Демон ли, мой искуситель незримый?
Кто бы ты ни был, — поведай, открой,
Что за таинственный жребий такой
В жизни готовится мне, роковой,
Скрытый, великий и неотвратимый?

ДЯДЕ ГРИГОРИЮ

Родину ты потерял по доносу,
Сослан на север в далекий уезд.
Где они — дедовской рощи откосы,
Место гуляний, показа невест?
Но и в изгнанье, далеко отсюда,
Ты не забудешь родной толчеи.
Парами толпы веселого люда
Шли, оглашая аллеи твои.
Жаль, что не видишь ты на расстоянье
Нынешних наших девиц-щеголих.
Как бы припомнил ты очарованье
Сверстниц былых незабвенных своих!

НОЧЬ НА КАБАХИ

Люблю этих мест живописный простор.
Найдется ли что-нибудь в мире волшебней,
Чем луг под луною, когда из-за гребня
Повеет прохладою ветер с Коджор?

То плавно течет, то клокочет Кура,
Изменчивая, как страсти порывы.
Так было в тот вечер, когда молчаливо
Сюда я зашел, как во все вечера.

С нарядными девушками там и сям
Толпа кавалеров веселых бродила.
Луна догадалась, что в обществе дам
Царит не она, а земные светила,
И скрылась за тучи, оставшись в тени.
«Ты б спел что-нибудь, — говорят домочадцы
Любимцу семьи, одному из родни, —
Любое, что хочешь. Не надо ломаться».

И вот понемногу сдается певец.
Становится, выпятив грудь, начинает,
И кто не взволнуется, кто не растает
От песни, смертельной для женских сердец?

Тогда-то заметил я в белом одну,
И вижу, она меня тоже узнала.
И вот я теряюсь, и сердце упало,
Я скован, без памяти я и в плену!

Я раз ее видел в домашнем кругу.
Теперь она ланью у тигра в берлоге
Средь шумного общества стынет в тревоге,
И я к ней, смутясь, подойти не могу.

Вдруг взгляд ее мне удается поймать,
И я подхожу к ней, волненья не пряча,

И я говорю ей: «Какая удача!
Я счастлив, что с вами встречаюсь опять».

Спасибо, — она говорит, — что хоть вы
Меня не забыли. Теперь это мода».
«Ваш образ не могут изгладить ни годы, —
Я ей возражаю, — ни ропот молвы».

И вдруг ветерок колыхнул ей подол,
И ножка, тугая, как гроздь винограда,
На миг обозначилась из-под наряда,
И волнами сад предо мною пошел.

И выплывший месяц, светясь сквозь хрусталь,
Зажег на груди у нее ожерелье.
Но девушку звали, и рядом шумели.
Она убежала. Какая печаль!

РАЗДУМЬЯ НА БЕРЕГУ КУРЫ

Иду, расстроясь, на берег реки
Тоску развеять и уединиться.
До слез люблю я эти уголки,
Их тишину, раздолье без границы.
Ложусь и слушаю, как не спеша
Течет Кура, журча на перекатах.
Она сейчас зеркально хороша,
Вся в отблесках лазури синеватых.
Свидетельница многих, многих лет,
Что ты, Кура, бормочешь без ответа?
И воплощеньем суеты сует
Представилась мне жизнь в минуту эту.
Наш бренный мир — худое решето,
Которое хотят долить до края.
Чего б ни достигали мы, никто
Не удовлетворялся, умирая.
Завоеватели чужих краев
Не отвыкают от кровавых схваток.
Они, и полвселенной поборов,
Мечтают, как бы захватить остаток.
Что им земля, когда, богатыри,
Они землею завтра станут сами?
Но и миролюбивые цари
Полны раздумий и не спят ночами.
Они стараются, чтоб их дела
Хранило с благодарностью преданье,
Хотя, когда наш мир сгорит дотла,
Кто будет жить, чтоб помнить их деянья?
Но мы сыны земли, и мы пришли
На ней трудиться честно до кончины.
И жалок тот, кто в памяти земли
Уже при жизни станет мертвечиной.

МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

На кого ты вечно в раздраженье?
Не везет с тобой мне никогда,
Злой мой рок, мое предназначенье,
Путеводная моя звезда!

Из-за облаков тебя не видя,
Думаешь, я разлюблю судьбу?
Думаешь, когда-нибудь в обиде
Все надежды в жизни погребу?

Наша связь с тобой, как узы брака:
Неба целого ты мне милей.
Как бы ни терялась ты средь мрака,
Ты — мерцанье сущности моей.

Будет время, — ясная погода,
Тишина, ни ветра, ни дождя, —
Ты рассыплешь искры с небосвода.
До предельной яркости дойдя.

НАПОЛЕОН

Взором огромную Францию меряя,
Мысленно вымолвил Наполеон:
«Необозримы границы империи.
Жертвы оправданы. Мир покорен.

Дело исполнено. Цели достигнуты.
Имя мое передастся векам.
Мощное зданье порядка воздвигнуто,
Что еще лучшего я создам?

Этим и надобно ограничиться.
Но не могу я ничем быть стеснен.
Слава не стала моею владычицей:
Я управляю потоком времен.
Впрочем, быть может, другой ей приглянется,
Если судьбе я своей надоем?
Нет, она верной навек мне останется.
Все я ей дал и пожертвовал всем».

Наполеон и соперник? Не вяжется.
Он не потерпит ни с кем дележа.
Он и в могиле, наверно, разляжется,
Руки крест-накрест свободно сложа.

Годы проходят, и сказкою прежнею
Кажется гения этого дар.
Пламени ярче и моря безбрежнее
Этот бушующий ночью пожар.

КНЯЖНЕ Е<КАТЕРИ>НЕ Ч<АВЧАВА>ДЗЕ

Ты силой голоса
И блеском исполненья
Мне озарила жизнь мою со всех сторон.
И счастья полосы,
И цепи огорчений.
Тобой я ранен и тобою исцелен.

Ты средоточие
Любых бесед повсюду.
Играя душами и судьбами шутя,
Людьми ворочая.
Сметая пересуды,
Ты неиспорченное, чистое дитя.

Могу сознаться я:
Когда с такою силой
Однажды «Розу» спела ты и «Соловья»,
Во мне ты грацией
Поэта пробудила,
И этим навсегда тебе обязан я.

СЕРЬГА

Головку ландыша
Качает бабочка.
Цветок в движенье.
На щеку с ямочкой
Сережка с камешком
Ложится тенью.

Я вам завидую,
Серьга с сильфидою!
Счастливец будет,
Кто губы жадные
Серьгой прохладною
Чуть-чуть остудит.

Богов блаженнее,
Он на мгновение
Бессмертье купит.
И мир безгрозия
В парах амброзии
Его обступит.

МЛАДЕНЕЦ

Люблю младенца лепет из пеленок.
Как с неба на землю упавший дух,
Лепечет что-то райское ребенок
И услаждает материнский слух.

Надежно детский мир его устроен.
Он живо чувствует, что рядом мать,
И так в ее присутствии спокоен,
Что не боится взоры вкруг кидать.

Жизнь для него — нисколько не загадка.
Своим явленьем сам вменил он в долг,
Чтоб старшие склонялись над кроваткой,
Пока он голосит и не умолк.

Воркуй по-голубиному, младенец,
Болтай свое на языке сивилл,
Пока тебя, миров переселенец,
Своею ложью мир не отравил.

ОДИНОКАЯ ДУША

Нет, мне совсем не жаль сирот без дома.
Им что? Им в мир открыты все пути.
Но кто осиротел душой, такому
Взаправду душу не с кем отвести.

Кто овдовел — несчастен не навеки,
Он сыщет в мире новое родство.
Но, разочаровавшись в человеке,
Не ждем мы в жизни больше ничего.

Кто был в своем доверии обманут,
Тот навсегда во всем разворожен,
Как снова уверять его ни станут,
Уж ни во что не верит больше он.

Он одинок уже непоправимо.
Не только люди — радости земли
Его обходят осторожно мимо,
И прочь бегут, и держатся вдали.

МОЯ МОЛИТВА

Отец небесный, снизойди ко мне.
Утихомирь мои земные страсти.
Нельзя Отцу родному без участья
Смотреть на гибель сына в западне.

Не дай отчаяться и обнадежь,
Адам наказан был, огнем играя,
Но все-таки вкусил блаженство рая.

Дай верить мне, что помощь мне пошлешь.

Ключ жизни, утоли мою печаль
Водою из Твоих святых истоков.
Спаси мой челн от бурь мирских пороков
И в пристань тихую его причаль.
О сердцевед, Ты видишь все пути
И знаешь все, что я скажу, заране.
Мои нечаянные умолчанья
В молитвы мне по благости зачти.

Не % %
Когда ты, как жаркое солнце, взошла
На тусклом, невзрачном моем кругозоре
И после унылых дождей без числа
Настали прозрачные, ясные зори,

Я думал, ты светоч над жизнью моей
В дороге средь мрака ночного и жути.
Куда ж ты? Как прежде, лучи эти лей,
Опять я в потемках стою на распутье.

Я радость люблю и совсем не ворчун.
Свети мне, чтоб вновь на дорогу я вышел
И снова, коснувшись нетронутых струн,
В ответ твое дивное пенье услышал.

Чтобы в отдалении отзвук возник,
Чтоб нашим согласьем наполнились дали,
Чтоб, только повздоривши, мы через миг
Не помнили больше недолгой печали.

Едва на тебя набегут облака, —
Кончаются радости все и забавы.
Пред этим мне всякая жертва легка,
И я для тебя отказался б от славы.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

В дни молодости, вашим утром ранним,
Легко заботы сбрасывайте с плеч.
Не придавайте важности страданьям,
Слезам невольным не давайте течь.
Спешите за минутами вдогонку,
От них не отставая ни на миг.
Как резонерство раннее ребенка,
Уродлив молодящийся старик.

Хвалю того, кто соблюдает время
И весь свой век по возрасту живет.
Перегорит и он страстями всеми,

Переберет и он весь мир забот.

Но в зрелости, когда ваш первый шепот
Насильно сменит дня корыстный шум,
Вот что советует мой горький опыт, —
Я это говорю не наобум:

Не увлекайтесь львицей и кокеткой,
Она жива, красива, молода,
Всегда занятна и умна нередко,
Но полюбить не может никогда.

* * *

Что странного, что я пишу стихи?
Ведь в них и чувства не в обычном роде.
Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор верхи.

Чтоб мой приход сопровождали птицы
Безумным ликованьем вдалеке.
Чтоб ты была росой, моя царица,
И падала на розы в цветнике.

Чтобы тянулось, как жених к невесте,
К прохладе свежей светлое тепло.
Чтобы существованьем нашим вместе
Кругом все зеленело и цвело.

Любви не понимаю я иначе.
А если ты нашла, что я не прост,
Пусть будет жизнь избитой и ходячей —
Без солнца, без цветов, без птиц и звезд.

Но с этим ты сама в противореча,
И далеко не так уже проста
Твоя, растущая от встречи к встрече,
Нечеловеческая красота.

Я храм нашел в песках. Средь тьмы
Лампада вечная мерцала,
Неслись Давидовы псалмы,
И били ангелы в кимвалы.

Там отрясал я прах от ног
И отдыхал душой разбитой.
Лампады кроткий огонек
Бросал дрожащий свет на плиты.

Жрецом и жертвой был я сам.
В том тихом храме средь пустыни
Курил я в сердце фимиам

Любви — единственной святыне.

И что же, — в несколько минут
Исчезли зданье и ступени,
Как будто мой святой приют
Был сном или обманом зренья.

Где основанье, где престол,
Где кровельных обломков куча?
Он целым под землю ушел,
Житейской пошлостью наскуча.

Не возведет на этот раз
Моя любовь другого крова,
Где прах бы я от ног отряс
И тихо помолился снова.
Глаза с туманной поволокою,
Полузакрытые истомой,
Как ваша сила мне жестокая
Под стрелами ресниц знакома!

Руками белыми, как лилии,
Нас страсть заковывает в цепи.
Уже нас не спасут усилия,
Мы пленники великолепья.

О взгляды острые как ножницы!
Мы славим вашу бессердечность
И жизнь вам отдаем в заложницы,
Чтоб выкупом нам стала вечность.

ГИАЦИНТ И СТРАННИК

СТРАННИК
Гиацинт, где бывалая яркость твоя?
День ли, ночь — все пред ней забывалось
на свете.
Где поляну дурманившая струя
Аромата, которым дышали соцветья?
ГИАЦИНТ
Я один. Я покинул родные края.
В мае там соловьи. Как в руках чародея,
Возвращается к жизни вся наша семья,
Все в красе, все в цвету, только я сиротею,
И в своем заточении, в оранжерее
10 Не услышу певца своего — соловья.
СТРАННИК
Разве ты ничего не нашел тут взамен?
Жить внутри безопаснее ведь, чем снаружи.
Здесь тебя не достанут средь роскоши стен
Ни палящее солнце, ни зимняя стужа.

ГИАЦИНТ
Что мне золото и серебро богача?
С мертвым воздухом комнат мне нечем делиться.
Ни росы по утрам, ни журчанья ключа,
Ничего нет хорошего в этой теплице,
И нельзя за плющом мне от солнца укрыться,
Ветерку шаловливые речи шепча.
СТРАННИК
Ты не прав. А припомни суровую зиму.
Ты, наверное, был бы морозом побит.
А теперь пусть метели проносятся мимо, —
Ты от снега рукой человека укрыт.
ГИАЦИНТ
Милый странник, на свете всему свое время,
Я умру и ожить не сумею в плену.
А на воле зимою цветочное племя
Лишь на время разлуки отходит ко сну.
Как ликуют, проснувшись, зеленые семьи,
Когда ласточки оповестят про весну!
Только я не смогу пробудиться со всеми,
На небесную синюю ширь не взгляну.
СТРАННИК
Гиацинт, ты напомнил другой мне цветок,
Тот цветок — мой еще не изведанный жребий.
Он нуждается тоже в приволье и в небе.
Или, может быть, поздно, и он уж поблёк?

* * *
Как змеи локоны твои распались
По ниве счастья, по твоей груди.
Мои глаза от страсти разбежались,
Скорей оправь прическу! Пощади.

Когда же ветер, овевая ниву,
Заматывает локоны в клубки,
Я тотчас же в своей тоске ревнивой
Тебя ревную к ветру по-мужски.
* * *
Мужское отрезвленье — не измена.
Красавицы, как вы ни хороши,
Очарованье внешнее мгновенно.
Краса лица — не красота души.

Печать красы, как всякий отпечаток,
Когда-нибудь сотрется и сойдет,
Со стороны мужчины — недостаток:
Любить не сущность, а ее налет.

Природа красоты — иного корня
И вся насквозь божественна до дна,
И к этой красоте, как к силе горней,
В нас вечная любовь заронена.

Та красота сквозит в душевном строе
И никогда не может стать стара.
Навек блаженны любящие двое,
Кто живы силами ее добра.

Лишь между ними чувством все согрето,
И если есть на свете рай земной,
Он во взаимной преданности этой,
В бессмертной этой красоте двойной.

МЕРАНИ

Стрелой несется конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай!
Вперед! Все мысли по ветру развей.

Вперед, вперед, не ведая преград.
Сквозь вихрь, и град, и снег, и непогоду.
Ты должен сохранить мне дни и годы.
Вперед, вперед, куда глаза глядят!
Пусть оторвусь я от семейных уз.
Мне все равно. Где ночь в пути нагрянет,
Ночная даль моим ночлегом станет.
Я к звездам в небе в подданство впишусь.

Я вверюсь скачке бешеной твоей
И исповедаюсь морскому шуму.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай!
Вперед! Все мысли по ветру развей!

Пусть я не буду дома погребен.
Пусть не рыдает обо мне супруга.
Могилу ворон выроет, а вьюга
Завоет, возвращаясь с похорон.

Крик беркутов заменит певчих хор,
Роса небесная меня оплачет.
Вперед! Я слаб, но ничего не значит.
Вперед, мой конь! Вперед во весь опор!

Я слаб, но я не раб судьбы своей.
Я с ней борюсь и замысел таю мой.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай!
Вперед! Все мысли по ветру развей!

Пусть я умру, порыв не пропадет.
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату
Пройти за мной когда-нибудь вперед.

Стрелой несется конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперед, мой конь, и ни о чем не думай!
Вперед! Все мысли по ветру развей!

МОГИЛА ЦАРЯ ИРАКЛИЯ

Князю М. П. Баратаеву

Перед твоей могильною плитой,
Седой герой, склоняю я колени.
О, если б мог ты нынешней порой
Взглянуть на Грузию, свое творенье!
Как оправдалось то, что ты предрек
Пред смертию стране осиротелой!
Плоды тех мыслей созревают в срок,
Твои заветы превратились в дело.
Изгнанников теперешний возврат
Оказывает родине услугу.
Они назад с познаньями спешат,
Льды севера расплавив сердцем юга.
Под нашим небом эти семена
Дают тысячекратный плод с десятка.
Где меч царил в былые времена,
Видна рука гражданского порядка.
Каспийское и Черное моря —
Уже нам не угроза. Наши братья,
Былых врагов между собою миря,
Из-за границы к нам плывут в объятья.
Покойся сном, прославленный герой!
Твои предвиденья сбылись сторицей.
Мир тени царственной твоей святой,
Твоей из слез воздвигнутой гробнице.

ЗЛОЙ ДУХ

Кто навязал тебя мне, супостата?
Куда ты заведешь меня, вожак?
Что сделал ты с моей душой, проклятый?
Что с верою моею сделал, враг?
Ты это ли мне обещал вначале,
Когда ты обольщал меня, смутьян?
Твой вольный мир блаженства без печали,
Твой рай, суленный столько раз, — обман.

Где эти обещанья все? Поведай!
И как могли нежданно ослабеть
И уж не действуют твои беседы?
1де это все? 1де это все? Ответь!

Будь проклят день, когда твоим обетам
Пожертвовал я сердца чистотой,
В чаду страстей тобою подогретом,
И в вихре выдумки твоей пустой.

Уйди и скройся, искуситель лживый!
По милости твоей мне свет не мил.
Ты в цвете лет растлил души порывы.
О, горе тем, кого ты соблазнил!
* * *
Вытру слезы средь самого пыла,
И богине своей и врагу,
Пламя сердца, как ладан кадила,
Не щадя своих сил, разожгу.

Светозарность ее мне на горе.
В нем она неповинна сама.
Я премудрость ловлю в ее взоре
И схожу от восторга с ума.

Как ей не поклоняться с любовью?
Красоте ее имени нет.
Только ради ее славословья
Я оставлю в поэзии след.

ПОХОД ГРУЗИИ НА ЧЕЧНЮ И ДАГЕСТАН В 1844 ГОДУ

Перед уликами крови невинной
Трепещи же, Кавказ! Срок приспел.
На тебя ополчились грузины
И злодейству положат предел.

Вот их войско. Командует ими
Эристави. Он сам впереди.
На устах у них Картлоса имя.
Ты пропал, хоть свой цвет выводи.

Вот сомхитцев сомкнулись колонны.
В них Сардали Давид жив без слов.
Ты разрушил у них бастионы,
Мы их сложим из ваших голов.

Кахетинцы идут, негодуя,
Царь Ираклий растил их отцов.
Дети множат их славу седую.
Это все — сыновья храбрецов.

Вот тушйнцы, как волки лесные,
Налетают из темных лощин.
Искони уж тушйнцы лихие
Меч точили на шеях лезгин.

Все в руках одного полководца.
Он готов умереть за солдат,
А когда врукопашную бьется,
Все в волненье на помощь спешат.

Как Чечня против нас ни боролась,
А пришел ее гибели срок.
Свыше слышен Ираклия голос:
«Эй, грузины, вперед! С нами Бог».
Слава вам! На неверных ударя,
Вы остались на все времена.
Всем, погибнувшим за государя,
Память вечная предрешена.

ЧИНАРА

На берегу могучая чинара
Над кручею раскинулась шатром,
Тенистое убежище от жара.
Приют полураздумий-полудрем.

Шумит Кура, чинару в колыбели
Качает ветер, шелестит листва.
Едва ли это шум без цели:
В нем слышатся какие-то слова.

Как любящий возлюбленную, яро
Целует корни дерева Кура,
Но горделиво высится чинара,
Чуть-чуть качая головой шатра.

Повеет ветер, и одною дрожью
Забьются и чинара и река.
Как будто все у них одно и то же,
Одна и та же тайна и тоска.

Ты самое большое чудо Божье,
Так не губи меня красой своей.
Родителям я в мире всех дороже —
У нас в семье нет больше сыновей.

Я человек простой и немудрящий,
Подруга — бурка мне, а брат — кинжал.
Но будь со мною ты, — в дремучей чаще
Мне б целый мир с тобой принадлежал.

ЕК<АТЕРИНЕ>, КОГДА ОНА ПЕЛА ПОД АККОМПАНЕМЕНТ ФОРТЕПИАНО

Звуки рояля
Сопровождали
Наперерыв
Части вокальной
Плавный, печальный
Речитатив.
Ты мне все время

Слышалась в теме.
Весь я был твой,
В смене гармоний,
В гулкой погоне
Их за тобой.
Мало-помалу
Ты распрямляла
Оба крыла.
И без остатка
Каждою складкой
В небо плыла.
Каждым изгибом
Выгнутых дыбом
Черных бровей,
Линией шеи,
Бездною всею
Муки моей.

* * *
Осенний ветер у меня в саду
Сломал нежнейший из цветов на грядке,
И я никак в сознанье не приду,
Тоска в душе и мысли в беспорядке.
Тоска не только в том, что он в грязи,
А был мне чем-то непонятным дорог, —
Шаг осени услышал я вблизи,
Отцветшей жизни помертвелый шорох.

* * *
Когда мы рядом, в необъятной
Вселенной, — рай ни дать ни взять.
Люблю, люблю, как благодать,
Лучистый взгляд твой беззакатный.
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!
Приходит время уезжать.
Вернусь ли я еще обратно?
Увижу ли тебя опять?
Люблю, люблю твой образ статный.
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!

С годами гуще тени, пятна
И резче возраста печать.
О, если б снова увидать
Твою божественную стать!
Люблю твой облик благодатный.
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!

* *

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.

Это цвет моей мечты,
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.

Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.

Это синий, негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый, зимний дым
Мглы над именем моим.

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ

Ты горька, моя жизнь бесталанная,
Ты глуха, моя боль непрестанная,
Потому что мне стала желанная
Ненавистницею окаянною.
Ад в душе у меня. Смерть. Агония.
В одиночестве духом я падаю,
Но когда предо мной посторонние,
Я креплюсь, и врагов я не радую
Незажившей открытою раною.

Ты горька, моя жизнь бесталанная,
Ты глуха, моя боль непрестанная,
Потому что мне стала желанная
Ненавистницею окаянною.

Кто мне будет от муки защитою
И подаст руку помощи братскую?

В розах скрыта змея ядовитая,
Желчь в щербете моем, зелье адское,
И кощунство в устах, речи бранные.

Ты горька, моя жизнь бесталанная,
уТы глуха, моя боль непрестанная,
Потому что мне стала желанная
Ненавистницею окаянною.

Умирать мне пора. Что ж я мешкаю?
С каждым годом ведь старость постылее,
Жар истлевший дымит головешкою
И одною ногою в могиле я,
Вот и пристань моя долгожданная.

Ты горька, моя жизнь бесталанная,
Ты глуха, моя боль непрестанная,
} Потому что мне стала желанная
Ненавистницею окаянною.

Я бессилен, мечты не сбываются,
Сам себе я смешон в этой немощи.
Дай мне, Боже, уснуть, чтоб не маяться
Без огня и любви цепенеющим.
Лучше смерть, чем тоска постоянная.
Ты горька, моя жизнь бесталанная,
Ты глуха, моя боль непрестанная,
Потому что мне стала желанная
^Ненавистницею окаянною.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Пусть остальные пьют друг за дружку,
Я своим счастьем пьян без вина.
Только восторгом моим, а не кружкой
Прелесть вселенной озарена.

Как благодатно
В дымке закатной
Дали прощальным блеском зажглись!
Вечером ясным
Веяньем властным
10 Душу уносит в горнюю высь.
Необычайно
Чувствую тайну
Мир обнимающего родства.
Ум, хоть и гибок, —
Полон ошибок,
Сердце правее, чем голова.

Знаю наверно:

Небо безмерно
Чувству открыто все, без конца.
20 Мир, это чудо,
Явное всюду,
В благоговенье славит Творца.

Лунной печалью
Светятся дали,
Лунной печалью строг небосвод.
Звезды бессонно
По небосклону
Водят и водят свой хоровод.
«Неизреченна
Слава вселенной», —
Как бы твердят светила, крыля.
Звездному строю
Снизу земною
Песнею Песней вторит земля.
В этом напеве
Слышны деревья,
Одурью грядок пахнущий сад,
Свежесть рассвета,
Шелесты лета,
Ропот прибоя, роз аромат.
Сдавшись напору
Брачного хора,
Сам ликованья я не избег,
И, подпевая
Песне, я знаю:
Богу подобен я, человек.
Кто дал прозреть мне? Что превратило
Жизнь предо мною в сказку и сон?
Кем над уделом твари бескрылой
^высшим пределам я вознесен?
Это все ты, любовь. Ты причина.
Это тобою совершено, —
Небо и землю всю воедино
Соединяющее звено!
Ты, на кого клевещут жестоко,
Именем чьим зовут, что хотят:
Скотоподобье, пошлость порока,
Образ животный, грязь и разврат.
Всех постигало косноязычье,
э Брался лишь кто тебя воспевать.
Как описать твоей силы величье,
Свыше дарованная благодать?
Но, как кончины предчувствие мечет
Лебедя с песней за облака,
Пусть этот стих мой увековечит,
Царственная, тебя на века.
Для красоты своей небывалой
Ты всю природу обобрала.

Голос у соловьев украла,
Алый румянец у роз взяла.
Сон мой, мечта моя! Славословья
Сами теснятся мне на уста,
Ты, величаемая любовью,
Все увенчавшая чистота!
...Пусть остальные пьют друг за дружку,
Я своим счастьем пьян без вина.
Тайной любви моей, а не кружкой
Прелесть вселенной озарена.

ПАМЯТИ ГОГОЛЯ

Когда — невежества добыча
И торжествующего зла —
У ног раздутого величья
Без силы правда замерла,
Когда льстецы и лжепоэты
Слагали славу лжебогам,
А фарисеи без запрета
Злословьем наполняли храм, —
Тогда в народных недрах грянул
Свободной речи чьей-то гром
И в малодушье не отпрянул
От грозных окриков кругом.

От звонкого его раската
Заколебалась старина.
Перед уликами разврата
Страна очнулась ото сна.

Так чей же был тот голос новый,
Что миру правду возвестил,
Потряс отечества основы
И краски жизни изменил?

То был таланта смех, беззлобно
Увещевающий народ
И эпитафией надгробной
Звучавший для его господ.

Поэт — мечтатель и задира,
Смеясь, он слезы проливал.
Писал он на слепых сатиры —
И высмеянный прозревал.

Так множилось его влиянье,
) И скоро убедился свет,
Что животворно осмеянье,
Что смех — целитель многих бед.

Когда он умер — пустомели
Признались ханжески в вине —
Какое сердце проглядели
Они, мол, в этом ворчуне!

Теперь все соглашались молча,
Что он добряк из добряков,
И то, что им казалось желчью,
}Была любовь без берегов.

Припоминали ум природный
И как он был неистощим...
Преклонимся же всенародно
Пред гением его живым.
Нет у искусства средостенья,
Творцы не расставляют вех,
Подобно солнцу, их творенья
По праву — принадлежность всех.

Не может автор «Ревизора»
Чужим остаться для грузин,
И мы как бы по уговору
Его венчаем как один.

ПОЭТ

То я — мудрец, то — сумасброд,
Я ни глубок, ни плосок.
Дитя падений и высот,
Я — жизни отголосок.

Глубокомыслью не дивись!
На простоту не сетуй:
Все чувства мощные слились
В отзывчивости этой.

Способность замечать дала
Мне в дерзкий дар природа,
И я ловлю, как зеркала,
Все, что мелькнет у входа.

Но слышу и передаю
Лишь то, что в полной мере,
В придачу к своему чутью,
На опыте проверю.

Итак — не то, что в первый миг
Предполагают люди, —
Я жизни чистый проводник
И истины орудье.

БОЛЬНОЙ ПОЭТ

Судьба моя горькая, лютая,
Всегдашняя боль и досада,
Хотя бы одною минутою
Удовлетворенья порадуй!

Я — прошлого тень запоздалая,
Грядущего проблеск, гаданье.
Позволь мне хоть долею малою
Отдать свою дань прозябаныо...

Но что же я силами падаю,
Зачем я душой унываю,
Когда ты сама мне наградою,
О лира моя роковая?

О лира, о лира безумная,
Ты отзвук прибоя мирского.
Твое бушевание шумное
Услышать мне хочется снова.

Нежнее фиалок в цветении,
Звончей соловьиного пения,
Полета орлов дерзновеннее
Подъемы твои и парения.

Лишь стоит в полет нам отправиться,
Мы край пролетаем за краем.
Смерть, верно, за мною не явится
В места, куда мы залетаем.

Я счастлив, что ты мне дарована.
Ты в сердце отвагу вселила.
Я славлю тебя, очарованный
Твоею пленительной силой.

ЛИРА

Молитва и лира певца —
Два мира, две силы родные.
Вы схожи, как два близнеца,
Рожденные той же стихией.

И чувство, и разум, вдвоем
Качавшие вас в колыбели,
В свободном полете своем
Вам ставят высокие цели.

Склонить вас к иному чему
Бессильны слова и внушенья,
Лить свет, точно звезды, во тьму —
Удел ваш и предназначенье.

Грешно ни с того ни с сего
Тревожить ваш мир понапрасну.
Бессмысленное ханжество —
Молиться везде и всечасно.

И глупо бряцать без конца
На лире. А то ведь иначе
Любого поэта-творца
Заменит волынщик бродячий.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

ТА, КОТОРУЮ Я ЛЮБИЛ

Та женщина, что мне была мила,
Жила когда-то в этой деревеньке.
Тропа к озерной пристани вела,
К гнилым мосткам на шаткие ступеньки.

Названье этой дальней деревушки,
Быть может, знали жители одни.
Холодный ветер приносил с опушки
Землистый запах в пасмурные дни.

Такой порой росли его порывы.
Деревья в роще наклонялись вниз.
В грязи разжиженной дождями нивы
Захлебывался зеленевший рис.

Без близкого участия подруги,
Которая в те годы там жила,
Наверное, не знал бы я в округе
Ни озера, ни рощи, ни села.

Она меня водила к храму Шивы,
Тонувшему в густой лесной тени.
Благодаря знакомству с ней, я живо
Запомнил деревенские плетни.

Я б озера не знал, но эту заводь
Она переплывала поперек.
Она любила в этом месте плавать,
В песке следы ее проворных ног.

Поддерживая на плечах кувшины,
Плелись крестьянки с озера с водой.
С ней у дверей здоровались мужчины,
Когда шли мимо с поля слободой.

Она жила в окраинной слободке.
Как мало изменилось все вокруг!
Под свежим ветром парусные лодки,
Как встарь, скользят по озеру на юг.

Крестьяне ждут на берегу парома
И обсуждают сельские дела.
Мне переправа не была б знакома,
Когда б она здесь рядом не жила.

ОБЫКНОВЕННАЯ ДЕВУШКА

Я — девушка из онтохпура. Ясно,
Что ты меня не знаешь. Я прочла
Последний твой рассказ «Гирлянда
Увянувших цветов» — Шорот-бабу.
Твоя остриженная героиня
На тридцать пятом годе умерла.
С пятнадцати случались с ней несчастья.
Я поняла, что вправду ты волшебник:
Ты девушке дал восторжествовать.

10 Я о себе скажу. Мне лет немного,
Но сердце я одно уж привлекла
И ведала к нему ответный трепет.
Но что я! Я ведь девушка как все,
А в молодости многие чаруют.

Будь добр, прошу я, напиши рассказ
О девушке совсем обыкновенной.
Она несчастна. То, что в глубине
У ней необычайного таится,
Пожалуйста, найди и покажи
20 Так, чтоб потом все замечали это.

Она так простодушна. Ей нужна
Не истина, а счастье. Так нетрудно
Увлечь ее! Сейчас я расскажу,
Как это все произошло со мною.
Положим, что его зовут Нореш.

Он говорил, что для него на свете
Нет никого, есть только я одна.
Я этим похвалам не смела верить,
Но и не верить тоже не могла.

30 И вот он в Англию уехал. Вскоре
Оттуда письма стали приходить,
Не очень, впрочем, частые. Еще бы!
Я думала — ему не до меня.
Там девушек ведь тьма, и все красивы,
И все умны и будут без ума
От моего Нореша Сена, хором

Жалея, что так долго был он скрыт
На родине от просвещенных взоров.

И вот в одном письме он написал,
'Что ездил с Лиззи на море купаться,
И приводил бенгальские стихи
О вышедшей из волн небесной деве.
Потом они сидели на песке,
И к их ногам подкатывались волны,
И солнце с неба улыбалось им.
И Лиззи тихо тут ему сказала:
«Еще ты здесь, но скоро прочь уедешь.
Вот раковина вскрытая. Пролей
В нее хотя одну слезу, и будет
'Жемчужины дороже мне она».

Какие вычурные выраженья!
Нореш писал, однако: «Ничего,
Что явно так слова высокопарны,
Зато они звучат так хорошо.
Цветов из золота в сплошных алмазах
Ведь тоже нет в природе, а меж тем
Искусственность цене их не мешает».

Сравненья эти из его письма
Шипами тайно в сердце мне вонзались.
}Я — девушка простая и не так
Испорчена богатством, чтоб не ведать
Действительной цены вещам. Увы!
Что там ни говори, случилось это,
И не могла ему я отплатить.

Я умоляю, напиши рассказ
О девушке простой, с которой можно
Проститься издали и навсегда,
Остаться в избранном кругу знакомых,
Вблизи владелицы семи машин.
Я поняла, что жизнь моя разбита,
Что мне не повезло. Однако той,
Которую ты выведешь в рассказе,
Дай посрамить врагов в отместку мне.
Я твоему перу желаю счастья.

Малати имя (так зовут меня)
Дай девушке. Меня в ней не узнают.
Малати слишком много, их не счесть
В Бенгалии, и все они простые.
Они на иностранных языках
1 Не говорят, а лишь умеют плакать.

Доставь Малати радость торжества.
Ведь ты умен, твое перо могуче.

Как Сакунталу, закали ее
В страданиях. Но сжалься надо мною.
Единственного, о котором я
Всевышнего просила, ночью лежа,
Я лишена. Прибереги его
Для героини твоего рассказа.
Пусть он пробудет в Лондоне семь лет,
'Все время на экзаменах срезаясь,
Поклонницами занятый всегда.
Тем временем пускай твоя Малати
Получит званье доктора наук
В Калькуттском университете. Сделай
Ее единым росчерком пера
Великим математиком. Но этим
Не ограничься. Будь щедрей, чем Бог,
И девушку свою отправь в Европу.
Пусть тамошние лучшие умы,
Правители, художники, поэты,
Пленятся, словно новою звездой,
Как женщиною ей и как ученой.
Дай прогреметь ей не в стране невежд,
А в обществе с хорошим воспитаньем,
Где наряду с английским языком
Звучат французский и немецкий. Надо,
Чтоб вкруг Малати были имена,
И в честь ее готовили приемы,
Чтоб разговор струился, точно дождь,
И чтобы на потоках красноречья
Она плыла уверенней в себе,
Чем лодка с превосходными гребцами.
Изобрази, как вкруг нее жужжат:
«Зной Индии и грозы в этом взоре».
Замечу между прочим, что в моих
Глазах, в отличье от твоей Малати,
Сквозит любовь к Создателю одна
И что своими бедными глазами
Не видела я здесь ни одного
'Благовоспитанного европейца.
Пускай свидетелем ее побед
Стоит Нореш, толпою оттесненный.
А что ж потом? Не стану продолжать!
Тут обрываются мои мечтанья.
Еще ты на Всевышнего роптать,
Простая девушка, имела смелость?

МОНОЛОГ МУЖЧИНЫ

День, что тебя я увидал,
Мне днем прозренья стал.
Судьба, скрестив со взором взор,
Связала нас с тех пор.

Среди рассветной полутьмы
Еще бродили мы.
Я был с младенческих пелен
Еще неискушен.
Еще не ведал я тревог,
10 Еще с тоски не сох,
Еще мне был неведом страх
На первых тех порах.
Что и любви положен срок,
Я угадать не мог.
Еще таких вещей простых
Тогда я не постиг.

Я их не мог предусмотреть,
Я думал — в мире впредь
Одна забота у земли:
Чтоб мы любить могли,

Чтоб ночи не было конца,
Связавшей нам сердца,
Чтоб свет зари, будивший птиц,
Касался наших лиц.

Надев на голову венок,
Как некий юный бог,
Бросал я на тебя в упор
Свой восхищенный взор.

Я видел небо, россыпь звезд,
) Мир был велик и прост,
Таинственно царя вокруг
Твоих белевших рук.

Как дивный лотоса цветок
Глядит в речной поток,
Твое родное существо
Цвело среди всего.

Щедра на ласки ты была.
Я им не знал числа.
Не утомляла ночь меня,
}И не хватало дня.

Я не всегда был убежден,
Что это все не сон,
Впотьмах ловил тебя рукой
И обретал покой.
Сказать, насколько мир был нов,
Не нахожу я слов.
Он к нам являлся на порог,
Застигнув нас врасплох.

Но вот к чему нас через год
Привел событий ход.
Восторгам наступил предел,
Жар сердца охладел.

Я был все время начеку,
Чтоб скрыть свою тоску
И градом шуток и острот
Отбиться от забот.

Я уснащал весельем речь,
Чтобы тебя развлечь,
Убитый долей роковой,
1 От горя сам не свой.

Откуда это? Отчего?
Такое колдовство,
Что вид недавно милых уст,
Мне стал постыл и пуст?

Что сталось с пеньем птиц? Зачем
Ночами воздух нем?
Как облик твой когда-то влек!
Как он теперь далек!

Я про себя твердил: «беда!»,
3 Сгорая от стыда,
И с глаз твоих куда-нибудь
Старался ускользнуть.

Я не питал к тебе вражды.
Былой любви следы
Готов был снова я разжечь
В живую жажду встреч.
Но только сказки дух исчез
И не творил чудес.
Лишилась ценности мечта,
80 Настала пустота.

Я думал — жизнь в тебе одной.
И вижу, мир земной
Умеет обойтись верней
Без помощи твоей.

Произошел переворот,
Прошла пора невзгод,
Горячей юности недуг
Попал в горнило мук.

Он испытанья победил
90 И вышел в цвете сил,
Сомненьям не поддался он,

Проверкой закален.

Оставшийся последний шаг
Осуществит наш брак,
В котором радость бытия
Нам довершит семья.

ЦВЕТОК

На ветке плодового дерева
Ждал цветок тебя, женщина.
Зарею раннею его обдало твое дыхание.
Он взглянул на тебя всем венчиком
Доверчиво, очарованно.

Он сказал: «С незапамятного времени,
На заре, когда часть зелени еще в темени,
Точно брат и сестра, дружной парою,
Взявшись за руки, сквозь заросли,
К общей цели летели мы.

Всегда вместе в роскошной заброшенности,
Мы — родня с того дня, но вскорости
По какой-то печальной оплошности
Разошлись пути наши в стороны
В нашем земном обиталище.
Сотни раз мы рождались по-новому,
По дубравам лесным, под разными покровами
Все прекраснее, все благоуханнее,
Кружась по заранее готовому
Кругу существования.
Наконец после стольких превратностей
Поражен нашей новою встречею,
Я все тот же, с той же нежностью братскою,
Как в то время, невозвратно прошедшее,
Ты же овладела речью человеческой.
Но не может разрушиться
Наше тесное единодушие.
Нерушимы узы чувств наших лучшие.
Музыкой звучит их созвучие,
Если вслушаться.
Говорит оно каждою нотою:
«Я растенье, цель моя — цветение.
Глаз ласкать красотой в мое рожденье сотое
Остается, как встарь, моей заботою,
А любить — твое предназначение».

ЛЮДИ ТРУДЯТСЯ

По потоку ленивого времени

Устремляется ум мой в пространство.
По дороге везде и везде меня
Ждут виденья былого тиранства.
Лили кровь, силы попусту тратили,
Сея гибель и смерть где придется,

Победители, завоеватели,
Предводители орд, полководцы.
Шли афганцы отрядами конными.
В колесницах, колонной тяжелой,
Под развернутыми знаменами
Приходили, вторгались моголы.
Где их полчища победоносные?
Где их слава, где завоеванье?
Где следы на дороге колесные,
По пыли, в придорожном бурьяне?
Но цела и румянится заново
Каждый день синева небосвода
Свежей краской восхода багряного
И багряною краской захода.
Вдоль железных дорог, на чудовищах,
Изрыгающих трубами пламя,
Нам печальную участь готовящих,
Англичане являлись пред нами.
Чту их пришлую силу могучую,
Но сотрет ее след в той же мере
Время, с верною помощью случая,
И отбросит, как сети империй.
Наряду с пережитками глупыми,
Сверх тупого бряцанья оружьем,
Мы народ в одиночку и группами
В отдаленье веков обнаружим.
Он не ведает лени и трудится
День и ночь, из эпохи в эпоху.
Слава труженикам! Не забудется
Их страда до последнего вздоха.
Люди пашут и сеют, любуются
Делом рук, гнут за жатвою спину.

С общей помощью их мне рисуется
Вот какая в грядущем картина.
Упразднят триумфаторов статуи,
Арки, шлемы, солдатские каски.
Былью войн, стариной бесноватою
Будут заняты детские сказки.
Не в ходу будут битвы, баталии.
Но за труд добровольцев в Бомбее,
В Гуджарате, в Пенджабе, в Бенгалии
Люди примутся, сил не жалея.
Соберутся с рабочею хваткою
Люди вместе, в грядущее веря,
Привлеченные зданья закладкою

На развалинах древних империй.

ВОПРОС

Всевышний, веками Ты слал нам своих апостолов
С их предтечами.
Они учили: «Милосердье вас создало.
Прощайте. Терпите. Не поддавайтесь бессердечию».
Достойны удивления добра провозвестники.
Но что делать с испорченностью нашей?
Наше время истину спускает с лестницы,
Справедливость гонит взашей.
Я видел, — юноша, с горя впавший в помешательство,
Бился головой о мостовую булыжную.
Печальное обстоятельство.
Молча наблюдала толпа неподвижная.
Вот вопрос Тебе, Господи, прости меня:
Святотатцев, богоненавистников,
Растоптавших славу Твоего имени,
Ты простил бы, любил бы их, воистину?

РАСПАХНИ ДВЕРЬ

Распахивай дверь поскорее заре,
Впусти в нее запах цветущего сада.
Увидев, что солнце и день на дворе,
Как тело с душою нам радо!

Я жив! Это ветром мне подтверждено,
Шумящим так громко в листве и посеве.
Заря, красным шарфом махнувши в окно,
Мой ум ослепляет и застит деревья.

Любовь я изведал и силы знаток,
Волненьем колеблющей листья сегодня.
В растущего чувства бегущий поток
Бросаюсь, быть может, еще сумасбродней.

Мы истину, явную в шуме листвы,
Со всем человечеством делим,
Как миру всему на груди синевы
Сверкает заря ожерельем.

ДРАГОЦЕННАЯ ПЫЛЬ ЗЕМЛИ

Прекрасна подлунная, и недра в горах,
И почвы земной изобилье.
Прекрасна земля, — я падаю в прах
Перед земною пылью.

Прекрасен материи тайный состав
И участь земного тлена:

Распавшись на части и тайною став,
Смешаться со всею вселенной.

Я счастлив и рад, что от жизни былой
Останется главная истина в силе:
Я вечностью стану, я стану землей,
Земной драгоценною пылью.
ВАЖА ПШАВЕЛА

ЗМЕЕЕД
СТАРИННЫЙ РАССКАЗ
I
Хевсуры гуляли в гостях.
У Цыки варилося пиво.
С ковшами у полных корчаг
На крыше сидели шумливо.
Преданьями слаще сыты,
Гостей веселя под пандуру,
Мостили к их слуху мосты
Рассказчики и балагуры.
Посасывая чубуки,
Внимали преданиям чтимым
Седые как лунь старики,
Как облаком, скрытые дымом.
Живя стариною былой,
Пускались о витязях спорить,
Чтоб возданной им похвалой
Свою молодежь раззадорить:
«Посмотрим, из вас, молодчин,
Кто в доблести будет удалей».
Грустил на пирушке один,
И все туда взгляды кидали.
Оставив других в стороне,
Все льнули к нему на попойке.
С мечом и щитом на ремне
Стоял он, худой и небойкий.
Две преданных близких души
Служили ему всем порывом.
Хватали пустые ковши
И передавали их с пивом.
«Бери, — говорили, — не лей,
И что ты так хмур? Приосанься.

Взгляни на народ веселей,
Скажи что-нибудь и не чванься».
А он отвечал: «Во хмелю
Хорошего что я скажу им?
Я глупости спьяна мелю.
Проспимся, тогда потолкуем».
И, чашу поднявши к губам,
Он опорожнил ее духом.

Он рад был родимым местам,
Седым старикам и старухам.
И пьяный, как все, в пух и прах,
Смотрел он на пьяные лица.

О Миндии этом в горах
Рассказывали небылицы.
Его лет двенадцать в плену
Держали могучие дивы.
Он муки познал глубину,
Томясь на чужбине тоскливой.
Двенадцать Христовых Рождеств
И столько ж Его Воскресений
Прошло той порой, что простец
Из плена не видел спасенья.
В неволе истаяла грудь.
Душа запросилась из тела.
Тоске не давая уснуть,
Он рвался в родные пределы,
В ущелия гор снеговых,
На тропы с неверным изломом,
К не чающим сына в живых
'Родителям, братьям, знакомым,
В ту хату, которой столбы
Теперь ему раем казались...
Святителям множа мольбы,
Он так раз сказал, опечалясь:
«Покончу с собой. В западне
Житья все равно мне не выйдет».
Однажды котел на огне
С обедом для дивов он видит.
Он знал, что варилось в котле.
Готовились змеи с приправой.
У дивов не раз на столе
Он видел тарелки с отравой.
«Вот этим-то и отравлюсь», —
Как громом, сраженный догадкой,
Сказал он, и выловил кус,
И съел через силу украдкой,
И небо окинуло дол
Глазами в живом повороте.
Он новую душу обрел,
'Очнулся под новою плотью.
Прозрел он, и точно замок
С очей и ушей его взломан.
Все слышно ему и вдомек:
И птичий напев, и о чем он,
Крик счастья и лепет истом,
Зверей и растений усилья,
Все созданное Творцом,
С душой ли оно, без души ли,
У всех есть особый язык,

) Особые установленья.
И пленник, попав в их тайник,
Дивится своей перемене.
Теперь ему ясно, что змей
Нарочно придумали дивы,
Чтоб тайна была их тошней
Душе человека брезгливой.
Хоть правда, что дивы всегда
И потчевали его кротко,
Уверенные, что еда
*Не может пролезть ему в глотку.
Лес, небо, что ни попади —
Теперь с ним в беседе совместной.
И в Миндиевой груди
Лишь зло не нашло себе места.
Все прочее их существо
Впитал он и духом воспрянул.
Не страшно ему ничего,
Хотя бы и гром даже грянул.
Не нынче — ближайшим из утр
Отделается он от дивов.
Он скор, точно пуля, он мудр
Всем ходом змеиных извивов.
В нем боготворят свой оплот
Хевсуры и пшавы не споря,
В венце своей славы, с высот
Царица Тамара им вторит:
«Коль Миндия с нами пойдет
И с ним его рода горяне,
То враг ничего не возьмет,
На все невзирая старанья».
Он способы знает в бою
Расправиться с вражьею силой,
Он раненых за врачею
Спасает у края могилы.
Разрубленного пополам
Умеет срастить его зелье.
Он вечный предлог к похвалам
В военном ли, в мирном ли деле.
И область молвою полна
} О жизни его и удаче.

II
Когда наступает весна,
Как бы пробуждается спящий.
От радости и полноты
Природы восторг беспределен.
Являются почки. Цветы,
Обнявшись, вплетаются в зелень.
Бросается Миндия с ног
На горы и с гор, как к знакомым.
Приветствует каждый цветок,

140 Здоровается с насекомым.
И все ему хором: «Ура!» —
Свои распуская знамена.
Раскраской во все колера
Кивают цветы изумленно.
И все сообща, как один,
Навстречу: «Здорово, дружище!»
И лес шевеля до вершин,
Подпочву сосут корневища.
Вдруг, что ни росток, то: «Сорви!
От кашля настойки нет лучшей».
«А я от застоя в крови»,
«А я от глистов и падучей».
Он рвет их, покуда темно,
И только роса их курчавит.
Он знает: из них ни одно
Ни в грош свою целость не ставит.
Им главное — жизни бы нить,
Подаренную в посеве,
На чью-либо пользу продлить.
Но иначе плачут деревья.
Лишь Миндии внятен их стон,
Их жалобы и настоянья.
И в жизни от этого он
Не чувствует преуспеянья.
Чуть скажет, стволу не в укор:
«Мне надо тебя на дровишки»,
А жалость отводит топор,
И нет от нее передышки.
«Не тронь меня, — слышит, — не тронь.
'Красы не темни мне окружной.
За то ль меня с солнца в огонь,
Что я пред тобой безоружно?»
Он смотрит кругом, одурев,
А сметит какое меж ними,
Так сверх пощаженных дерев
То стонет еще нестерпимей.
И вот он домой порожнем,
Не взявши с собой ни полена.
А чтобы не вымерзнул дом,
'Жжет дома солому и сено.
В подмогу — валежник, кизяк —
Все, что подберет он дорогой,
За что всякий раз, что ни шаг,
Всегда благодарен он Богу.
И с тем же советом для всех,
Твердит он соседям, как детям:
«Деревья рубить — это грех.
Довольствуйтесь суховетьем».
Но мнения не побороть,
Что это одно сумасбродство.
«Ведь все это создал Господь

Для нас и для нужд домоводства» —
Лес рубят по-прежнему все.
Редеют чинары и клены.

III
Все жнут полоса к полосе,
А Миндия, как исступленный,
Здесь вырежет колос, там — два,
И кинется слева направо.
Рубаха на нем чуть жива,
200 И кажется поле отравой.
Пока он на что-нибудь гож,
Он кубарем скачет по ниве,
А станет совсем невтерпеж,
Бросается ниц в перерыве.
А спросят, какой в этом прок,
Ответит: «Когда б вам да уши,
Схватило б и вас поперек
И поизмотало б вам душу.
Как станут колосья стеной,
210 од тут я от просьб их чумею.
Тот с этой, а этот с иной,
Всем племенем, шея на шее.
Душ в тысячу эта толпа
Бушует о разном и многом.
Сдается, — при блеске серпа
Кажусь я каким-то им богом.
«Срежь нас!» — протеснясь к лезвию,
Кивают головками злаки.
«Нет, нас! Мы стоим на краю», —
Другие мне делают знаки.
«Чуть туча, — душа ниже пят.
Смотри, как зерном нас расперло.
А ну, как посыплется град
И хряснет холодным по горлу».
Иные орут: «Пощади!
Дай Бог тебе силы и счастья».
Послушать, так сердце в груди
С нескладицы рвется на части.
На всех угодить не поспеть.
1 Ни рук ведь, ни глаз не хватает.
Намечешься день, и как плеть
К заре тебя с ног подсекает.
А чем против градины серп
Любезнее сердцу колосьев?
Боятся, что людям ущерб,
Иные печали отбросив.
Зерно для народа соблюсть,
А не для вороньего клёва, —
Вот вся-то забота и грусть
'Пшеницы золотоголовой.
Затем-то, шумя на ходу,

Под серп и торопится жито,
Чтоб людям пойти на еду.
А будут голодные сыты,
Чтоб к небу молитвы несло
Простить прегрешенья умершим».

IV
Свой праздник престольный село
Справляло со всем полновершьем.
К Гуданскому храму креста
250 Спешит не один богомолец.
Толпа неиссчетно густа,
И толки у створ и околиц.
Одни говорят про свое,
Другие твердят про чужое,
Но все — про житье и бытье
Покрытого славой героя.
Одни о ружье и мече,
Другие о былях друг друга,
Но все — о сажени в плече,
Раскраивающей кольчугу.
Заспоривших уж не разнять,
Как вдруг переводят беседу
С побед на особую стать
Всезнающего змееда.
«Давно вам дивлюсь, земляки, —
Им Чалхия всем не без веса: —
Ведь если у скал языки,
Что ж нам не слыхать ни бельмеса?
Он слышит, а к нам не несет?
fНе больно ль великая странность?
Обманщик ваш Миндия, — вот,
И с умыслом водит вас за нос,
Таить не могу, — не таков.
Вон сам он; пусть скажет, не прав ли.
Примите ж без обиняков,
Что я еще дальше прибавлю.
Допустим, жалея луга,
Деревья беря под опеку,
Как примем убийство врага?
}Не жальче ли всех человека?
Зачем же без дальних затей
Ваш Миндия, в доблести бранной,
Сам нагромождает, злодей,
Из вражеских трупов курганы?
Видать, хоть и грех, а порой
И сами лишаем мы жизни,
Кто наш нарушает покой
Или угрожает отчизне.
Тут, видно, сам Бог наш отпор
э Не может считать душегубьем.
Не то же ли, если топор

Возьмем мы и дерево срубим?»
«Прав Чалхия, истинный Бог,
А Миндия — плут, баламутчик», —
Несмело еще, под шумок
Пошептывалися меж кучек.
«Смотри, надоумит хитрец,
Как после бы плакать не начал!
Годится ль жалеть, что Творец
Для жалости не предназначил?
Весьма непохвально, что плут
Играл нашей легкою верой.
От лучших не россказней ждут,
А дельного в жизни примера.
Они нам опора, а он
Одно лишь с пути совращенье».
Таков был конечный резон
Хевсурского общего мненья.
Тем временем Миндия сам
'Поблизости, полный кручины,
Сидел, предаваясь слезам.
Никто им не ведал причины.
Уставив глаза в мураву,
Он толков соседских не слышал
И только из сна наяву
По окрику Бердии вышел.
«Зачем, повернувшись спиной,
Лицо от народа ты прячешь?
Зачем неприветлив со мной?
} На нас ли в обиде, что плачешь?
Я в том никого не виню:
Приливы твои и отливы
Бывают раз по сто на дню
И стали нисколько не в диво.
Но все ж отчего ты так хмур?
Что мучит с такой тебя силой?»
При этом ватага хевсур
Теснее его обступила.
«Заслушался этих пичуг, —
} Сказал он и, в сторону тыча,
Рукой показал им на двух
Синиц, говоривших по-птичьи, —
О смерти птенцов, надо знать,
Щебечут, — такое то дело.
Налево сидящая — мать,
Направо — рассказчица села.
Что с матерью — вымолвить страх.
Глядите, как свесила крылья».
И тут лишь хевсуры на птах
Как следует взгляды вперили.
Но только глазами впились,
Как птичка, сидевшая с края,
Скатилась с булыжины вниз

И кончилась, дух испуская.
Которой конец был таков, —
Уж люди не осведомлялись
И лишь, друг на друга без слов
Посматривая, удивлялись.
В чем ложь заподозрили, в том
Должны были вдруг убедиться,
Как обухом по лбу кругом
Ушибленные очевидцы.
Но случай забылся скорей,
Чем мог одолеть его разум.
По-прежнему били зверей
И обогревалися вязом.

V

Все время хевсуры в огне.
От прежних побед не остынув,
Все снова, внутри и вовне,
'Бьют турок, лезгин и кистинов.
Окреп Карталинский увал.
Враг крышки со гроба не сдвинет.
Лишь только б народ побеждал, —
Ни в чем ему больше нужды нет.
Пока предводителя власть
На Миндии, — дело в порядке.
Никто не посмеет напасть,
И люди в ладу и достатке.
Блажен, кто при жизни добром
Снискал благодарность народа.

VI

На камне обрывистом — дом.
Он крышей приперт к небосводу.
Громадные горы вокруг,
Взметнувшие кверху все тело.
На них белоснежный клобук,
Владычество их без предела.
Увидишь в снегу их хоть раз,
Всегда их захочешь такими.
Чудесны они без прикрас,
да дучше^ Чем в лиственном дыме.
На грудь ли им солнце вползет,
Обвал ли запрет песередке,
Ущелья пролетом в пролет
Раскашляются, как в чахотке.
Но даже и эта краса
Не обойдена благодатью:
Блуждают и их волоса
В теплыни нежданном охвате.
Весной облака в темноте
Жгут молньями ярые свечи.
Земли на такой высоте

Не пашет рука человечья.
Лишь турам для тески рогов
Те выси и кручи любезны.
Лишь горы кругом, от веков
Корнями ушедшие в бездну.
Свои ледяные тела
Полуоголив, исполины,
Как темные демоны зла,
Владычествуют над долиной.
Дом с башнею. Башни кремень
Задымлен от вечного боя.
Волнует ее что ни день
Ружейною громкой стрельбою.
Возможно ли ей отдохнуть,
Пока она на карауле,
Пока в ее бедную грудь
Сажают за пулею пулю,
Пока в человеке огнем
Безумствует жажда раздора?
Дом ходит сейчас ходуном
Не от перестрелки, — от ссоры.
В нем плач, перебранки в сердцах,
Бранящихся только лишь двое.
Пылающий ярко очаг
Их свел голова с головою.
На той стороне очага
Хевсурка с детьми, а по эту —
Хевсур, и управа строга,
А мука его без просвета.
МУЖ
Будь проклято время, что ты
Мне стала женою и гирей.
До приступа той слепоты
Мне не было равного в мире.
Ты сделала, глупая тварь,
Что стал я похож на урода.
Могу ль я и ныне, как встарь,
Ходить, не стыдясь небосвода?
О, знать бы о средстве каком
Вернуть себе прежнюю ясность!
Быть лучше скалы черепком,
Чем жить для того, чтоб угаснуть.
Причина всему — мой потвор.
Для вас я пред Богом лукавил,
И дети мне в тягость с тех пор,
Что стал я идти против правил.
Какой же веревкой завью
Я скорбь о здоровье и чести?
ЖЕНА
Вали со своей на мою!
Насильно ль с тобою мы вместе?
Кто Мзии пройти не давал?

Кто жалобил рано и поздно:
«Люблю, не полюбишь — пропал»?
Кто плакал несчетно и слезно?
Кто братьев честил средь села?
Кто ночью творил им бесчинья?
Тогда я как сахар была, —
Так как же я стала полынью?
Зачем на детей клевета?
Откуда на Бога хуленье?
Жениться — и за ворота,
А нас — на судьбы изволенье?
Моя ли вина, что себе
Ты кажешься хуже, чем раньше?
МУЖ
Твоя! Ты, как ветер в трубе,
Гудела, мытаря и клянча.
«Детей моих губит мороз, —
Как бы схоронив их, ты выла. —
У Бердии дров целый воз.
Очаг раскалился от пыла».
Ты ставила мне в образец
Любого глупца-тунеядца
И не разбирала словец,
Чтоб всласть надо мной насмеяться.
Ты в жажде достатка пекла
Пирог с ядовитой приправой,
И вот, в довершение зла,
Я сам пропитался отравой.
Обман городя на обман,
Я ради какого-то черта
Рубил за платаном платан,
Как жулик последнего сорта.
Стыдом перед ними томим
И жалостью к стонущим кленам,
Я стал притворяться глухим
И их языку не ученым.
Нечуткий, не то что, как встарь,
Я жаждал бесчувствия камня.
Но ты, ненасытная тварь,
JJ отдохнуть не дала мне.
Бывало, кто тура убьет,
Ты издали слюнки глотала,
Мнежальтвоих слез и забот,
Ты ж о сыновьях причитала:
«Не выйдет мужей из бедняг,
Ращенных без мяса, на постном».
О, лучше б при этих словах
Ты сделалась прахом погостным.
Я начал ходить на зверье,
Чтоб вы от свежины жирели.
Но было мне в муку твое
С детьми за едою веселье.

О, если б в минуту одну
Разверзлась земля подо мною!
Утраченного не верну
Уже никакою ценою.
ЖЕНА
Не знаю, в какой ты беде,
Что полон тоски и заботы.
Все рубят дрова, и нигде
500 Грехом не считают охоты.
МУЖ
Где взять это все тебе в толк,
Болтушка, пустая с рожденья,
Постигшая в жизни не долг,
А средство к самоуслаждению!
Ты скажешь: и то не беда,
Что все мне на свете постыло
И нет у меня ни следа
Бывалого знанья и силы?
Ты скажешь, не должен мертвец
510 О собственной ведать кончине
И жизни презренной конец
Оплакать в последней кручине?
Найди мне другую судьбу,
Что горем с моей бы сравнилась.
Покойникам лучше в гробу:
Не чувствовать — высшая милость.
Чем миру служить я могу?
Земля предо мной как немая.
Я вижу цветы на лугу,
Но их уже не понимаю.
Готовности их вопреки,
Уж не говорят мне поляны.
Но это еще пустяки,
Есть и поважнее изъяны.
Останусь ли с вами я тут,
Спущусь ли в ущелье какое, —
Гроша за меня не дадут,
Я связки соломы не стою.
А хуже всего, что стране
'Помочь не смогу я в несчастье.
Управиться по старине
Теперь не в моей уже власти.
Зачем не погаснула в срок
Звезда моя в небе? Доселе
Враги и за свой-то порог
Охоты ступать не имели.
Разведай они невзначай,
Что стало с грозой их вчерашней,
И завтра же ринутся в край,
'И в прах превратят наши башни.
До этого не доведу,
Хоть это б нас ввергло в пучину.

Пусть сам я погибну в аду,
А родины в бездну не рину.
А то как на вас мне смотреть,
Господне как славить мне имя?
Позор мне и ныне, и впредь
Пред мертвыми и пред живыми.
Как хлеб есть, как воду мне пить,
} Даренья земли благодатной,
Когда я за всех, может быть,
Должник перед ней неоплатный?
Сказал так и вышел во двор,
И, руки скрестивши, при виде
Отвсюду открывшихся гор,
Заплакал в тоске и обиде.

VII
Уж сухо. Потоки лощин
В движении неугомонном.
Все меньше в ущельях лавин,
В паденье подобных драконам.
Был дождь и закапал листы
Холодными каплями пара,
И кажутся в поле цветы
Глазами царицы Тамары.
Чрез пропасть привет Пиримзе
И путникам, только что мимо
Вдоль по перевальной стезе
Спустившимся вниз невредимо.
Гора эта в крапинках стад,
Как в родинках тело красотки.
Зима не вернется назад.
Все рады весне, как находке.
Но много и горя кругом.
Иного в беде и заметим,
Зато не смекнем о другом
И знать не узнаем о третьем.
А в селах хлопот невпроед:
Тревога, смятенье, событья.
«Проведайте, где змееед.
Найдете, на сходку зовите.
Идет ополченье кистин.
Мост через Аргун разобрали.
Все драться должны, как один,
И не допустить его дале».
Как море бушует народ.
Большая кругом подготовка.
Где ствол оружейный блеснет,
1де шашки старинная ковка.
Давно уж хевсурская рать
Противника вспять не бросала.
Давно не бросалась топтать
Отбитого штурмом завала.

Воинственная молодежь
Рассвета никак не дождется.
В мечтах про одно и про то ж —
Кто вражья убьет полководца.
Он руку ему отсечет
И голову напрочь отрубит.
Все в области наперечет
'Прославят его и полюбят.
Почтят его кубком вина,
К которому свечи прилепят.
А имя на все времена
Украсят почтенье и трепет.
Уж женщины в башнях с детьми,
И там, разрываясь от спеха,
Готовят для членов семьи
Провизию в сумках из меха.

VIII
Смеркается. Сажей покрыт
Мрак заночевавших ущелий.
Так тих и печален их вид,
Как будто они заболели.
Грустит под обрывом овраг.
Арагва, что понизу скачет,
И та, как и камни, в слезах.
Мне ясно, о чем они плачут.
Призывы бессонных гонцов
Разносятся в воздухе горном:
«Кого не дочтем средь бойцов,
Да сгинет со всем своим корнем»
Нигде не заметно костра,
Пастушьей не слышно свирёлки.
Все втащено в дом со двора
До самой последней иголки.
Все в села скорей убрались
И в башнях крутых схоронились,
Куда-нибудь в тайную близь
Коровушек спрятав, кормилиц.
Дрожащего света намек
Мерцает в Хахматской часовне
Сквозь ясеня крайний сучок.
От свеч на ограде светло в ней.
Огонь, как на смертном одре,
Все дышит слабей и раздельней.
Лишь двое хевсур на дворе,
А то — ни души у молельни,
Один из них руку отвел.
Кровь на руку каплет с железа.
В ногах у них жертвенный вол.
Он только что, верно, зарезан.
БЕРДИЯ — ХЕВИСБЕРН
Подай тебе, Миндия, Бог

По силе, с какою ты просишь,
По жару молитв и тревог,
С которыми жертву приносишь.
Будь славен, доколе твой меч
Хевсур ограждает селенья.
Ты всех побеждал: не изречь
Креста к тебе благоволенья.
Что столько быков перевел?
Поди, это будет десятый,
Какие грехи, богомол,
Страшат тебя дальней расплатой?
Для жертвы довольно быка.
А ты, значит, просишь без меры.
Прости меня Бог, старика,
Коль сбрякнул я что против веры.
Миндия
Две пары еще на базу
Да три иль четыре телицы,
Я тоже их в дар принесу,
Лишь только б от язв исцелиться.
БЕРДИЯ
От язв? Ниоткуда о них
Не слышал. Про те только разве,
Что ты исцелял у других.
А ты о какой еще язве?
Миндия
Нет, Бердия, речь об ином.
Сказать нелегко начистую.
Свой грех мы с трудом сознаем,
Не то что ошибку чужую.
Богач на словах то да се,
Мошны ж пред людьми не развяжет.
А впрочем, вам скоро про все
Гонец из долины расскажет.
БЕРДИЯ
Ты наша надежда. Зачем
Тебе предаваться сомненьям?
Не спорь, это ведомо всем —
Беседы твои с провиденьем.
Мы знаем, и как нам не знать, —
И вновь ни к чему переторги, —
Какую тебе благодать
Святой посылает Георгий.
Бог смилуется над тобой
И нас не оставит, как ране.
И, кубок подняв над главой,
Он стал совершать возлиянье.
Слезами наполнился взор
Молящегося, и ладонью
Он их, отвернувшись, утер,
Чтоб не увидал посторонний.
Потом опустился у врат,

Едва сохраняя осанку,
Как луга прокошенный ряд
Иль срубленных прутьев вязанка.
Молитва невнятно жарка.
Доселе не видывал Бердья
От Миндии, от бирюка,
К молитве такого усердья.
Еще удивляет его,
Что страстность мольбы не похожа
На тихих молитв торжество
Й веру в участие Божье.

IX
Был ополночь ливень и град.
Вода, разбивая пороги,
Сносила остатки преград,
Встречавшихся ей по дороге.
И с гор было к сроку нельзя
В долину привезть донесенье.
Обложено небо, слезя
Густою росою растенья.
И свечи уже сожжены
В Хахматском церковном притворе.
Не видно нигде старшины
И воина в бранном уборе.
Лишь церковь стоит, где была,
И смотрит в раздумье угрюмом,
Как двигает камни русла
Арагва с назойливым шумом.

С утра седловины кряжа
Покрылись толпой покаянной;
Под платами, крылья сложа,
Потупясь, стояли туманы.
Мы рады обилью воды,
Когда она травам во благо,
Но были следами беды
Та мгла над лугами и влага.
Ущелье и роща внизу,
Недавно лишь из-под обвала,
Забыв про ночную грозу,
Блестят как ни в чем не бывало.
Но башня с крутой высоты
Невесело смотрит в ущелье.
Как гор каменистых цветы,
В ней женщины с ночи засели.
Всё судят они да рядят
О том, победят ли хевсуры,
В лощину уставивши взгляд
Сквозь башенные амбразуры.

Все шепчут молитвы святым
За войско, за сына, за друга,
И, точно на блюдечке, им
Отсюда видать всю округу,
Весь лес до листочка, всех птиц,
Все камни, всю рощу с ущельем.
На досках сидят у бойниц
И сетуют за рукодельем.
САНДУА
Ты что ж это, Мзия, всех злей
Напрасной тоской себя гложешь?
Для мужа глаза пожалей.
Ты в смерть его верить не можешь.
Тебе ли не знать, что война
Для Миндии первое дело?
Рука еще не рождена,
Чтоб в схватке его одолела.
Что ж мне ты прикажешь тогда?
В походе ведь муж да три брата.
Вот это беда так беда.
Как мне убиваться тогда-то?
Не Миндье бояться меча.
Лишь славу свою приумножит.
Кто век убивал рогача, —
И нового нынче уложит.
Мзия
Ох, смерть мне, когда что случись!
Ему что-то скверное снилось.
Весь год он грызмя себя грыз.
Какую-то чувствовал хилость.
Стращал нас, что всех перебьет.
Не сжил, слава Богу, со свету.
Но, в набожность впавши, весь скот
На жертвы извел по обету.
Бывало, вернется, грустя,
Сидит и не трогает хлеба.
Чуть что, — в три ручья, как дитя,
И вновь под открытое небо.
«Беда мне, я клад потерял», —
Шептал он, бывало, я слышу.
И точно он звезды считал,
Просиживал ночи на крыше.
От всех сторонился молчком,
Старался ни с кем не встречаться.
Все стало тогда не по нем,
И первыми — мы, домочадцы.
Что дива, коль в горе таком
Его седина убелила.
Зимою в потемках, тайком,
Частенько за ним я следила.
Зачем он так уединен,
Тогда поняла я не очень,

Зато догадалась, что он
Народной судьбой озабочен.
«Уж не послужить мне стране», —
Говаривал он все несвязней
И к детям моим и ко мне
Все больше питал неприязни.
САНДУА
Я просто не верю ушам.
Ты знаешь, какого мы мненья.
Твой Миндия, кажется нам,
Идет только с солнцем в сравненье.
Хотя б ты прибегла к божбе, —
Не удостоверишь рассказа.
Не тот он, чтоб, плачась тебе,
Другим не открылся ни разу.
И что это, скажешь, за клад?
И что это вдруг за утрата?
И как это так невпопад,
Что дети и ты виноваты?
И как я поверить могу,
Чтоб руку на близких он поднял?
Мзия
Без солнца мне жить, — не солгу.
Мне памятно все, как сегодня.
Он руку простер на детей
И начал пенять нам с досадой:
«Для вас и для ваших затей
Я делать пошел, что не надо.
Я стал дроворуб, зверолов,
Как будто убийство — забава.
Зато и не слышу цветов
Оглохшей душою лукавой.
Я мудрость и мощь растерял,
Чтоб только живот ваш раздулся.
На что мне мой меч», — он вскричал
И им на меня замахнулся.
Три раза спасалась: едва
Меня не прикончил он пулей.
Спасибо, в нем жалость жива,
А то бы мы не протянули.
САНДУА
Тогда, значит, правда, кума,
Сгубила нас всех твоя жадность.
В военное время сама
Ты знаешь суда беспощадность.
Тебя мы живою сожжем.
Ты мужа на грех наводила,
А мы только им и живем.
Лишь Миндии держимся силой.
Мзия
Скажи ты, вина моя где,
И взыскивай после сторицей.

Вина ли, что мужу в нужде
Советовала я трудиться?
Жениться тебя понесло, —
Неси по семейству расходы.
Одно у нас, баб, ремесло,
Другое у вас, воеводы.
Про это б ему самому
Без жениных знать наставлений.
А сталось учить, — не пойму,
Какое и тут преступленье.
Так в чем же вины существо,
Когда ты и в малости плевой
Не вор, и в ином ничего
Не делал другому дурного?
А чтоб за чужие грехи
Платить, — не слыхала нигде я.
Не из-за домашней трухи
Был спор, а о чем поважнее.
Какую-то чуя беду,
Срывал он на нас всю немилость.
Мне тоже сегодня в бреду
Недоброе что-то приснилось.
САНДУА
Рассказывай, Мзия, и брось
Гадать о дурном сновиденье.
Господь не допустит авось
Народного уничтоженья.
Мзия
Дурной это, Сандуа, сон,
Зловещий такой и особый,
Чуть сердца не вырвавший вон
И дрожью пронзивший утробу.
Мне снилось, что, падая вниз
С обрывов на долы и нивы,
Взбешенные воды неслись,
Как тяжко храпящие дивы.
Был так оглушителен гром,
Что думалось, будто от рева
Разверзлися горы кругом
И рушатся неба основы.
Ломались утесы; треща,
Обломки валились в ущелья,
И тучи сухого хряща
Как залпы из ружей гремели.
Твердь дегтя чернее была
И вся, как мятеж, бушевала.
И на землю с неба смола
Горящим дождем упадала.
Гул разбушевавшихся вод
Вспухал, приумноженный ливнем.
Везде попадался народ:
«Спасите! — кричали. — Мы гибнем!»

Смотрю, а вода на волнах
Выносит доспехи и трупы.
Крошилися крепости в прах,
Трещали дома, как скорлупы.
«Нет плакальщиц. В самый бы раз,
Для важности, — думаю, — вящей»,
Как будто еще до прикрас
В напасти такой настоящей.
И только подумала, — вал
Смывает нас вместе с жилищем.
Всплывает, как плот, сеновал.
На нем мы спасения ищем.
И башня не пощажена.
Гляжу, где была она, — гладко.
В Арагве, меж глыбами дна,
Вся каменная ее кладка.
Мне б крикнуть, а тут напади,
На грех, на меня онеменье.
Детей прижимаю к груди
И Бога молю о спасенье.
Плыву я, детей берегу,
Их черным платком накрываю.
Я к берегу — на берегу
Стена из людей неживая.
Толкают обратно к реке,
А лица у них — ровно деготь.
При мертвом моем языке
Чем взять их и как их растрогать?
Я в реку, а сзади — совет:
«Не свертывай прочь с подорожья,
Тянись за теченьем вослед.
Так волей положено Божьей».
Вдруг вижу, волна из-за скал
Мужчину выносит на стрежень.
Узнал меня муж и сказал, —
А голос так тих был и нежен:
«Прости меня, Мзия. Со мной
Жила ты, попреками мучась.
Ты видишь, в беде я какой.
Знай: я заслужил эту участь.
Смотри за детьми, чтоб недуг
Иль горе их как не коснулось».
Каких натерпелась я мук,
Покамест в слезах не проснулась!
САНДУА
Тебя унесло? Не спаслась?
Мзия
Нет. Всех унесло. С малышами.
САНДУА
Минуй нас несчастье и сглаз,
И смилуйся, небо, над нами!
ОБЩИЙ голос ЖЕНЩИН

Идут наши богатыри.
Будь крестною сенью им, Боже!
Стань, Мзия, к стене, посмотри,
Меж ними и Миндия тоже.
Где знамени ходят края,
Он месяцем всплыл светлооким.
ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА
А вон и мои сыновья,
Да будет любовь моя впрок им.
Смотрите, краса на подбор.
Ужель она не защитит их?
Господь да избавит мой взор
От поисков их средь убитых.
ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА
За ними и Унцруа мой,
Будь матери сердце с ним рядом.
Смотрите, каков у них строй,
Как дышит порядком и ладом!
ДЕВУШКА
Будь с Тотией сердце сестры,
Не вижу в толпе его, странно.
Да вот он, съезжает с горы,
Узнала по выгибу стана.
ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА
Дышать бы мне было невмочь
При взгляде на брата родного.
Я взор отвернула бы прочь
Иль стала б глядеть на другого.
ДЕВУШКА
А я-то уж, Зекуа, нет.
Я брату бы славы желала
И жизни такой, что, как свет,
Средь темного мрака сверкала.
ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА
Кому эта честь не мила?
Да речь-то ведь не о признанье.
А только что я б не могла
На брата глядеть в испытанье.
ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА
Вот новость! А видано ль где,
Чтоб слава была без заслуги?
ОБЩИЙ голос
О Боже, блюди их в беде.
Храни от мечей их кольчуги.
Такими назад их верни,
Какими ведешь по дороге.

И долго молились они
В тоске и сердечной тревоге.

XI

Все выстроились на горе,
Местечко избрав поровнее,

Оружие с солнцем в игре
Соперничает, пламенея.
Вниз под гору из-под копыт
Откатываются каменья.
Сейчас тут совет закипит,
Где дать иль принять им сраженье:
Внизу ли, в долине, иль здесь,
На горных родимых отвесах.
Отряд уже спешился весь,
И руки у всех на эфесах.
На Миндию обращены
Допрашивающие взоры,
Ему ж что горох от стены, —
И все тут, как по уговору:
Воины
Мы чтили всегда твой совет
И не пожалели ни разу.
Навел бы и ныне на след,
А мы подчинимся приказу.
Миндия
Что ждать от меня вам добра?
Какой я советник, вояки?
Иная была то пора,
Когда я водил вас в атаки.
Теперь мне уж не по плечу
Подумать о нашей защите.
Как вражью прогнать саранчу,
оооо уж лучше вы сами решите.
Я вышел принять ваш совет
И с общим противником биться.
Ведь не до скончания лет
В начальниках мне находиться.
Воины
Пусть проклят останется всяк,
Кто без твоего приказанья
Осмелится сделать хоть шаг,
Пускай и ценой испытаний.
Пусть сдохнет и пусть наперед
Подавится глиной могилы.
Миндия
Пусть не забывает и сход,
Что я соглашаюсь чрез силу.
Скажу, — ибо целую сеть
Проклятий сплести вы сумели.
Так вот мой совет: запереть
Кистин в Ядовитом ущелье.
Все стали в тупик, как один.
Мелькнули смущенные лица.
Как выбором этих теснин
Мог Миндия так ошибиться?
Однако что делать? Отряд
Поклялся в слепом подчиненье

И должен теперь, рад не рад,
Последовать без рассужденья.

XII
Два дня уж, как гул за горой.
Земля содрогается в гаме.
Жесток и безжалостен бой.
Сцепилися тигры со львами.
Кровавая струйка, как нить,
Спустившись до рощи, сочится.
Двоим в равновесье не быть,
Кому-нибудь да оступиться.
Кого-то несут, башлыком
Скрутив ему руки, хевсуры.
Закопчены все вшестером
От порохового окура.
Вот за гору перенесли
И наземь его опускают,
И, став от него невдали,
Упреками вслух осыпают.
ХЕВСУРЫ
Ты что ж это прешь на копыл?
Иль жить уж тебе неохота?
Врезаешься в самый их пыл,
Где войску ни меры, ни счета.
Покудова верх брали мы,
Теперь они сами нас давят.
Но ты успокойся, — средь тьмы
Попробуем дело поправить.
Прощай. Еще можно напрячь
Ю50оСТаток последних усилий...
И, прежде чем кончили речь,
В сраженье стопы обратили.
Их копья — в наклоне, мечи
Грозят в обнаженье кому-то...
Как тягостны и горячи
Меж жизнью и смертью минуты!
Нельзя осрамиться; жесток
Разбор немужского поступка:
Дадут вместо шапки платок
л ВЬ1рядят в женскую юбку.
Позор повернувшему вспять,
Кто смелостью дел не проблещет.
Пытаясь башлык развязать,
Лежащий зубами скрежещет.
Он множит попытку раз сто.
Он не о свободе жалеет, —
О смерти средь всех, где никто, —
Он ведает, — не уцелеет.
Их мало, исчерпан запас,
И ночь наступает. И тут-то,
В последний напрягшися раз,

Он сбрасывает свои путы.
Что ж видит он, впившись во мрак?

С какого ни глянь поворота, —
В селеньях пожары. Их знак
Он понял и без звездочета.
Стал бледен он как полотно.
Слез нет для такого несчастья.
Страдание утаено.
Лишь хрустнули руки в запястье.
Нет слов, челюстей не разжать.
Меч сам запросился из ножен,
Лишь тронули за рукоять,
И кончиком к сердцу приложен.
Мгновенье — и крови волна.
И с гор, из обители турьей,
Пришедшая плакать луна
По самоубийце хевсуре.

Крылатый летел ветерок,
'Летел беззаботный и сладкий,
Задел за клинка язычок,
Торчавший из левой лопатки.
Язык был весь выкрашен в сок
Пурпурного сердца мужского.
И в лес упорхнул ветерок,
Беспечный, живой и бедовый.

АВЕТИК ИСААКЯН

* * *
Когда бы из моей сердечной раны
По смерти вырос розы черенок,
И из страны далекой друг желанный
С поклоном к праху моему притек,

И в сердцевину розы над могилой
Из слез его хоть капелька влилась, —
Она б насквозь прошла цветочной жилой
И рану мне закрыла тот же час.

Глухим, неясным, призрачным порывом
Куда-то рвется существо мое.
Как мглистой ночью моря забытье
Лишь плеском выдает себя тоскливым, —
Душа как сон: то есть, то нет ее.

* # #
Душа — перелетная бедная птица
Со сломанным бурей крылом.
А дождь без конца, и в пути ни крупицы,

И тьма впереди и в былом.
Но где-то, усеявши неба покатость,
Не ведают звезды беды,
И ты — голубая хрустальная святость
Большой путеводной звезды.
Хоть раз меня взором мирящим порадуй
И верь мне: конец мятежу.
На дно твоего непорочного взгляда
Я сердце свое погружу.
Душа — перелетная бедная птица
Без дома, без сил и без сна.
А дождь без конца, и в пути ни крупицы,
Дорога ночная темна.

* # #

В тоске я шел вдоль горного кряжа,
Своей любви оплакивая долю.
Те вздохи ветер подхватил, кружа,
И, крыльями шумя, умчал в раздолье.
С тех пор свой голос где-то на краю
Я часто ночью узнаю нежданно.
Как я, стучится ветер в дверь твою,
Но, как ко мне, глуха ты к урагану.

Из жизни всей
Лишь две заметы
С давнишних дней
Теплом согреты;
Я ликовал,
От слез шалея,
И обожал,
Не вожделея.

ПЕСНЯ ЗАРО

Закрылись веки темноты,
И дол и горы сном объяты.
Над головою только ты
Сверкаешь солнцем без заката.
Я черных глаз читаю цель.
Твой взгляд, играющий агатом,
Меня за тридевять земель
Уносит царством тридесятым.
Мой друг, блаженство выше сил.
Я под собой земли не слышу.
Вели, — огнем ночных светил
Тебе кушак алмазный вышью.
Ударил ветер в темноту,

И все очнулось. Мой хороший,
Давай я косы расплету
И ветру их навстречу брошу.

АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ

МОРЕ

Море дышало все утомленнее.
Слышались слабые вздохи пучины.
Волны плескались сонной симфонией,
Грустной мелодией, песнью кручины.

Нагромождениями унылыми
Тучи чернели на небосводе.
Небо глядело всеми светилами
В похолоделую гладь полноводья.

Чуть шевелило поверхностью водною
Зеркало звезд в ожерелий пены.
Море грустило. Скорбь безысходная
Овладевала им постепенно.

Вдоль по обрыву мерцание лунное
Травам слезило росою ресницы.
Звезды сбивались в кучки табунные
Или вытягивались вереницей.

Не было ветра, и пахло несвежею
Тиною и водою стоячей.
Море дремало у побережия,
Месяц под камни нависшие пряча.

Были не только объяты дремотою
Море, и небо, и горы, и скалы,
Но и сознанье мое, не работая,
В оцепенении замирало.
Но на востоке несмелые полосы
Первого света забрезжили вскоре.
Заговорило сначала вполголоса
И встрепенулось, воспрянуло море.

Полчища волн набегали колоннами
На каменистые кручи и косы.
Клекотом над пропастями бездонными
Солнце орел славословил с утеса.

Так и меня увлекло вдохновение.
Я позабыл про заботы другие,
Музыкою морского волнения
Перенесенный в родную стихию.

ФИОЛЕТОВЫЙ СВЕТ

Была зима, а жили мы апрелем.
Нам снился он, хоть властвовал февраль.
И лишь мои стихи своим похмельем
Твою мечту переносили вдаль.

И вот апрель. В парчовом платье лето
Является на самом деле вслед.
Уже не бред воображенья это,
Не жалкий бред, — в саду цветут фиалки,
И фиолетов глаз твоих отсвет.

СЕРДЦЕ ПОЭТА

Рассвет далек, и трудно с ночью спорить,
И сердце содрогается в груди:
Оно полет пытается ускорить
К той пропасти, что где-то впереди.

Мой взор открытой бездны не страшится,
Я к мысли о неведомом привык.
О, сколько звезд на крылья мне садится,
И свет какой передо мной возник!
И все же удивляюсь и не знаю,
Как выдержало сердце до сих пор.
Его машина, видимо, шальная,
Неугомонен маленький мотор!
Его, должно быть, солнце зарядило,
Что так неиссякаемо оно
И что с такою пылкостью и силой
И радостей и горестей полно.
Я поседел, но не убавил жару,
И, как бойца несокрушимый щит,
Привыкло сердце отражать удары
И предано мне, и меня хранит.
Источник жизни может ли лукавить?
Ее родник обмана не таит.
Поэта сердце лгать нельзя заставить,
Когда оно мечтает и творит.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Солнце село за выступ утеса,
И, как будто скосили луга,
Величаво, как после покоса,
Облаков разместились стога.
Точно сена душистые груды

Эти розовые облака,
А второе, ответное чудо
Бьет из сердца струей родника.
Так рождается стихотворенье.
Все, что скопят ночные часы,
В нем, как в чашечке белой сирени,
Станет каплей рассветной росы.

КАМЕННЫЙ ОЛЕНЬ

Вон, где крепость Нарикалы,
Словно вышитая тень,
Там стоит, венчая скалы,
Стройный каменный олень.

«Мне отсюда горы видны, —
Как бы жалуется он, —
Посуди ж, как мне обидно,
Что к скале я пригвожден!»

Свет луны подплыл к пещере.
Тишь ночная. Благодать.
Сердце каменного зверя
Начинает трепетать.

Оживает изваянье,
Точно подлинно оно
Радостью воспоминаний
И тревогой чувств полно.

Вот он, обрывая листья,
Ломится на водопой,
И его рога ветвистей
Веток леса над тропой.

Слышит поступи упругой
Легкие шаги, и глянь:
Узнает свою подругу,
Пред собою видит лань...

Но молчат глаза оленьи,
А быть может, говорят?..
Как росистые каменья,
Звезды на небе горят.

НИКОЛАЮ БАРАТАШВИЛИ

Разогнан мрак проклятья твоего,
С которым ты боролся неизменно.
Как встарь, над нами властно волшебство
Твоей великой лиры вдохновенной.

Лишь потому у нас теперь светло,
Что по небу пронесся твой Мерани,
Что сломано у ворона крыло
И ворон при последнем издыханье.

И мы летим вслед за конем твоим
И именем твоим, Бараташвили,
Зовем все то, что стало нам святым
И что вчера мы как святыню чтили.

ВЕСНА

Холода уже дышат на ладан,
Миновала дурная погода.
Майский ливень, нежданный и негадан,
Низвергается вновь с небосвода.

И весна, в переливах тумана
И сиянье лучей перекрестном,
Входит тою же гостьей желанной,
Как от века положено веснам.

Вот она, с мятежами и громом,
Вся в цветочную вьюгу одета,
С первой молнией прямо над домом
В сто свечей засвеченного света.

Я раскаты ее громовые,
Запаленные почки, как свечи,
Точно в жизни встречаю впервые,
Словно праздную первую встречу.

Солнце луч свой в цветок заронило,
Колокольчик заполнивши звоном.
Надо мною орел мощнокрылый
Тает точкою в небе бездонном.

Вешней лаской самозабвенной
Дышат камни, деревья, металлы.
Жизнь рожденной земли и вселенной
Начинается как бы сначала.

ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ

С ГАЛЕРКИ ОПЕРНОГО ТЕАТРА

Смотрю на сцену, свесясь,
Как попугай в окне.
Вступленья всходит месяц.
Горю: мой слух в огне.

Не сумрак беспокоит,

Упавший вниз, в партер.
Гобой с фаготом ноют
На дне его пещер.

Курлыкая, как аист,
Они задрали клюв,
Всех свесть с ума стараясь
И птичий зоб раздув.

Оркестр засел в теснине.
Там духовидцев сбор.
Потребуй Паганини —
Влетит во весь опор.

Вальпургиевой ночью
Не забывая нот,
Все ласковей и кротче
Певица к Фаусту льнет.

Лью голубые слезы.
Внизу, пустив росток,
Фиалка ариозо
Переросла раек.

В пахучий венчик пялюсь
Ресницами во сне,
И в этот миг Новалис
Брат и соперник мне.

КУТАИС В ВЕТРЕНУЮ ПОГОДУ

Причудливо в ветреный день в Кутаисе,
Когда он сапфирною бурею взбит.
Не город, завешенный вихрем, роится —
Рой призраков в воздухе пыльном клубит.
Столбы меловые гарцуют, как кони.
На них три наездницы в седлах для дам.
К Джоконде, Корделии и Дездемоне
Лечу с перекрестка по жарким следам.
Вон, руки ломая, кричат, как павлины,
Русалки, поднявшись на гребнях песка.
Но вихрь обращает их в искры пылинок
И вновь перестраивает облака.
Проходят поэты, мелькают и меркнут.
Вот с беркутом на рукавице Эдгар.
Вот в облаке мусора, взвившемся кверху,
Рембо от Верлена, в их ссоры разгар.

Загадки Египта дымятся в самуме,
Сшибаются, тонут и кличут в пыли:
Да здравствуют громкие выси безумья,

Внизу мы ужиться в тиши не могли.

А серый огонь все шумней и шумнее.
Вон с бритвой цирюльник за Гамлетом вслед.
И вот уж в огне не одна Саломея,
А весь серо-пламенный кордебалет.

А вихрь все пуще. Остались кладбища,
И там-то подавно ему благодать.
Для ветра найдется богатая пища,
Чтоб хаосу подлинность нашу придать.

И все же, есть грех, и не в силах таиться:
Чарует меня этот встрепанный вид
Набитого призраками Кутаиса,
Когда в нем сапфировый ветер кипит.

МОРЕ

Море мечтает о чем-нибудь махоньком,
Вроде как сделаться б птичкой колибри,
Или звездою на небе заяхонтить,
Только бы как-нибудь сжаться в калибре.

Обременительны грозы, тайфуны,
Их необъятность, их необитаемость.
То ли в мерцании тихой лагуны
Ножка купающейся китаянки!
Как надоело ему полноводье!
Сердце сосущей пиявкой ужалено.
Взять и вместится б, целуя ободья,
В узком глазу кольца обручального!

Что бы плениться булавкою колкой,
Речки журчанием, шелестом рощицы?
Иль, с потолка облетая светелку,
Попкой на проволоке взъерошиться.

Но появляется женщина с воинством,
В маске из молний и в дыме мимикрии,
И, на воде расписавшись разгонисто,
Прячет усмешку в прорезях вихря.

Эйфель за Эйфелем, башни из пены!
Всем ураганом своим тигрошкурым
Море вприпрыжку ползет за надменной,
Все изгибаясь, как шлейф за турнюром.

МЕЧТА

В одних стихах я — богатей.
Что прочее ни славословься, —
Ничем из остальных затей
Не интересовался вовсе.

Всегда мечтал: скажусь в строфе,
Да так, что точно душу выну.
Она, как дым аутодафе,
Мне станет песнью лебединой.

Всю жизнь я этой песни жду
И следом — этой летаргии,
И дня ее ищу в году,
Как папоротников цвет — другие.
Но вот не много ль чересчур
Забот и пульса остановок,
Бессонниц, тропов и фигур,
И образов, и зарифмовок?

Не следует ли их пресечь
Таким стихотвореньем, словно
Стих не рифмованная речь,
А лист с составленной духовной?

Всегда мечтал себя излить
В. таком стихотворенье, чтобы
Жизнь стало бесполезно длить,
С народом слившись, после гроба.

ДАНТОН

Он весь был подобен восстанья сигналу.
Рычанию льва отвечала земля.
Настало десятое августа, — пала
Монархия и голова короля.

Кипучий, отзывчивый, неукротимый,
Не раз от беды избавляя Париж,
Он видел в мечтах городишко родимый,
Арсийскую провинциальную тишь.

Он к близким был нежен и к гневу способен
И верности, дружбы и страсти пример.
В Конвенте он был урагану подобен,
И крови Дантона взалкал Робеспьер.

Ну что ж. Он, не вздрогнув, умрет. Он не трус
Он встретит во Франции смерть. Он француз.
ИОСЦФ ГРИШАШВИЛИ

СУДЬБА ГЕНИЯ НА ТИФЛИССКОМ БАЗАРЕ

В то воскресенье, средь давки базара,
Куплены мной — не пришлось торговаться —
Распродававшиеся на тару
Шота, Акакий и Чавчавадзе.

«Собственность Теклы» — виднелся экслибрис
В книге Вахтанговой первопечатни.
«Терек бурлящий из памяти выбрось», —
В новой гласило ничуть не понятней.

В третьей стонали святые интриги
Наших грузинских Ромео с Джульеттой
Или табак был заложен и в книге
Девы замужней бродили букеты.

Я и подумал: какая обида!
Сведать бы, кто продавец дальнозоркий,
Что отдавать не стыдится Давида
Ректора рукописи на обертки.

Или такая ему незадача,
Съехал до ручки и наг до коленок,
Что на торгах, фолианты маклача,
Редкости распродает за бесценок?

О Ингороква и Джавахишвили,
Вот где и мы по заслугам получим,
Щеки с конфуза румянцем заплыли:
Грузии голос на рынке толкучем!

О, неужели затем нас призвали,
Чтобы и нас ожидало такое?
Так же ли тлеть на базарном развале
Писанному и моею рукою?

Иосиф Гришашвили

Волком весь день пробродил я, сраженный,
Злой, как Шамиль, и с тоски безъязыкий.
Сердце ж глухою цвело белладонной,
Выросшею на баштанах Бесики.

ПРОЩАНИЕ СО СТАРЫМ ТИФЛИСОМ

Ты прочитал иероглифы,
И хроники тебе дались,
А видел ли, какой олифой
Старинный выкрашен Тифлис?

Блуждая в шумных Сирачханах,

Былого ярком очаге,
Дивился ль бурдюкам в духанах,
И чианурам, и чарге?

И если к древностям забытым
10 Я нежности тебе придам,
Легко поймешь, каким магнитом
Притянут я к его вратам.

И ты поймешь, за что нападок
Я у поэтов не избег,
И силами каких догадок
Я воскрешаю прошлый век.

Вот зрелище — глазам раздолье!
Но и следов уж не найти
Ковровых арб на богомолье
20 С паломниками на пути.

Вино на кладбище не льется,
Оборван на платке гайтан,
О чоху черную не трется
К дверям привязанный баран.
Исчез кулачный бой, амкары,
Игра в артурму, плясуны.
Все это — достоянье старой,
Давно забытой старины.

Я на спине лежу на кровле.
Рассвет огнем взрывает высь.
Мой слух далеким остановлен:
Зурны разливы раздались.

Я жду мелодии знакомой
С конца дороги проездной,
Но ветер, не достигнув дома,
Ее проносит стороной.

Взамен шикасты — пара высвист
И частый стук по чугуну.
Напев, будивший вихрь неистовств,
1 Как в клетке соловей, — в плену.

С кем разделить мою незваность?
Я до смерти ей утомлен.
Меджнун без Лейлы, я останусь
Предвестником иных времен.

Тбилиси древний мой, не надо!
Молчу, тут сил моих предел.
Но будь в преданье мне в отраду
Таким, как я тебя воспел.

Тбилиси древний мой, сомненьям
) Нет доступа на этот раз.
Расстанемся и путь изменим,
Прощай! Будь счастлив! В добрый час!

НИКОЛО мицишвили

СТАЛИН

Своей страной ты выкован, как меч,
Как мысль без сна, как вечное исканье,
Как скрытых мук прорвавшаяся речь
На потрясенье старым основаньям.

Твой край соединил в одну слезу
Все слезы толп, и ей, как горной соли,
Алмаза твердость дал в твоем глазу,
Чтоб растоплять, как солнце, лед неволи.

Он прометеевым огнем согрел
Тебя, и ты, по старой сказки слову,
Из зуб дракона нижешь тучи стрел,
Орфей, с рабов сдвигающий оковы.

Твой край тебя на подвиг снарядил
И щедро одарил тобой народы,
Чтоб всей игрой согретых кровью жил
Ты радугою лег на их невзгоды.

Ты та мечта, что он хранил промеж
Двух тысяч лет, в кромешной тьме лелея,
Прошел моря борьбы, как Гильгамеш,
Герой седого эпоса Халдеи.

Живущий в камне гений россиян
Встал над тобою северным сияньем,
И вы, как с океаном океан,
Теперь одно безбрежное плесканье.

И ты недостижимого достиг:
Ты пересоздал ум людей и душу:
Рука с серпом покрыла материк,
А с молотом — ушла концом за сушу.
Как коммунизма имя, так и твой
Звук имени стал словом обихода,
Как слово: «хлеб», «река» и громовой
Клич «Лилео» — гимн солнцу над природой.

Хотя, принадлежавший всем краям,
Ты всюду станешь страждущих скрижалью,

Будь гордостью еще особой нам
И нашей славой, человек из стали.

НИКОЛАЙ НАДИРАДЗЕ

ПЕСНЯ

Сдается, — месяц запотел
И рядом с диском уменьшенным
Я точно только что летел
В коляске детской с капюшоном.

И вдруг такая даль в дому,
Что даже звезды будто внове,
И верю — руки подыму,
Взмахну и поплыву вдоль кровель.

Таким предстало детство мне,
Пронесшееся, как ширянье
На неоседланном коне
Росистым лугом ранней ранью.

БЕЛАЯ АЛЫЧА

Весна. Горячие лучи —
Как драгоценные каменья,
Из-за цветущей алычи
Смотрю на горы в отдаленье.

О сердце! Только я смирись, —
Тебе и все б уж тут. Тебе бы
И голубем бы с ветки ввысь,
И облачком бы к краю неба.

Полюбовалась бы! Я весь
Под лепестков молочной пленкой,
В глазах рябит, а перевесть —
Несутся за пчелой вдогонку.

Гляди, вся ветвь в цвету. За ней
И смежными — прохлада балок,
И даль и горы — цепь теней,
Парящих складами фиалок.

От радости я сам не свой.
Так и нырнул бы, словно лодка,
В бездонный полдень головой
?И вынырнул до подбородка.

Приди, по вике пробеги,
Разросшейся напропалую.
Я помню жар твоей руки
И все ступени поцелуя.

Как женщина, ты расцвела
Почти в те самые недели,
Как, в смену дыням без числа,
В деревне персики созрели.

В густом ореховом шатре,
}Под виноградом, висшим в дыры,
Я помню губы в кожуре
Растрескавшегося инжира.

И помню жатву, а потом
Сбор кукурузы, скрип аробный,
И днем и ночью босиком
Твой дробный топот расторопный.
Весна. Побеги алычи
Кипят в цвету, шепча и ластясь.
Кипите же и вы, ключи
Тепла и жизни — слезы счастья!

ОКРОКАНЫ

Приходит в зрелость все во мне,
И мастерство на той ступени,
Когда в душевной глубине
Любовь приносит дар прозренья.

Покойтесь, слезы прошлых лет!
Я больше не пролью вас, мир вам,
Хочу смеющихся побед.
У гор родных признанье вырву.

Ей-ей, не стоит стольких тризн
В свои утраченные сроки,
Живи лишь ты отныне, жизнь,
Забудь, забудь мои упреки.

Благодарю за все и вас,
Минуты в срок и неурочье.
Возобновляя ваш запас,
Уходят дни, приходят ночи.

Хотя не время для молитв
И праздности линяют перья,
Но что-то и средь дел велит
Открыть высоким чувствам двери.

Чтоб все, что искушало ум
И растлевало глаз невинность,
Из потайных сердечных сум
На свет широкий с пеньем вынесть.

Чтоб рассказать, как, полюбя
Все правое, спиной к причудам,
Я рад бы, позабыв себя,
Стать братства высшего сосудом.

А вы, которых нет и впредь
Мне больше не обнять руками,
Для вас останется гореть
Заплаканного сердца пламя.

Я вас не брошу вдалеке,
Но захвачу в ряды азарта,
Как зажимают в кулаке
Кусок отбитого штандарта.

О поле, поле, ты, как сот,
Струишься, в душу меду вылив.
Как прежде, верую в полет
'Мечты о паре вольных крыльев.

Одна она равняет слог
С тобою, золотая нива,
И гонит по колосьям строк
Все, чем глаза и уши живы.

ПУШКИНУ

Нет, весь я не умру...
А. Пушкин

О нет, певец, не умер ты, чьи взоры ввысь воздеты,
Вернейший друг страны своей, величествен и прост!
Увенчанный бессмертием, присутствуешь везде ты:
У очага трудящихся, в сердцах и возле звезд.

Сто лет прошло, как пулею твой светоч погасили;
Давно уж троны ветхие повержены во прах,
Но как и встарь — великое сокровище России —
Неугасимым факелом пылаешь ты в сердцах.
Величье дум постигнул ты, и слезы, и стенанья;
Любовь и розы славишь ты, пылая и светя;
На все ты откликаешься, вмещая мирозданье,
Мудрец, в душе читающий, и нежное дитя!

О, сколько дней, исполненных предвечного тоскою,
Я проводил наедине, поэт, с твоей душой!
Орлы твоей фантазии кружились надо мною,
И, упоенный вымыслом, рыдал я пред тобой.

Конец твой героический, твое долготерпенье,
И гений благородный твой, и мужественный ум
Волнуют, как в былом, меня и гонят искушенье —
Внушенье одиночества и долгих горьких дум.

Провидец прозорливейший, надежда и защита!
Все думы свои лучшие, влекущие к стихам,
Что в строфах выливается и что в душе сокрыто,
Отдам твоим божественным и праведным рукам!

Пусть не смогу, о Пушкин мой, прибавить тем подарком
Я к твоему несметному богатству ничего —
Позволь пробыть подольше мне в твоем сиянье ярком,
Не покидай, не оставляй меня ты одного.

Будь мне руководителем, чтоб на мирских распутьях
Я за тобою следовал, очищенный в огне,
Чтоб думал с милосердием и кротостью о людях.
И чтоб любовь высокая сопутствовала мне!

Кто тернами венчал тебя — забыты люди эти,
И смерти над тобой, поэт, бессильно торжество,
И, как в былом, глядит на смерч несущихся столетий
Нерукотворный памятник величья твоего!

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

* * *

Трижды существуя,
Я крещен втройне.
Видя ежедневно
Выси гор в снегу.

Смерть придет впустую
В первый раз ко мне. В третье посещенье
Буду я — полей
Я в конец плачевный Сжатых совершенней,

Верить не могу,

Яблока спелей.

АВТОПОРТРЕТ

Профиль Уайльда. Инфанту невинную
В раме зеркала вижу в гостиной.
Эти плечи под пелериною

Я целую и не остыну.
Беспокойной рукой перелистывая
Дивной лирики том невеликий,
Зажигаюсь игрой аметистовой,
Точно перстень огнем сердолика.
Кто я? Денди в восточном халате,
Я в Багдаде в расстегнутом платье
Перечитываю Малларме.
Будь что будет, но, жизнь молодая,
Я объезжу тебя и взнуздаю
И не дам потеряться во тьме.

ФАТЬМА ХАТУН

Терзает душу девы отраженье.
Фатьма Хатун, твой взгляд мне сны прожег!
О милый призрак, множащий мученья,
Когда бы прошлое вернуть я мог!
Певцы любовь поют. Всю ночь — их пенье.
Фатьма целует полный влагой рог.
Любовники спешат к ней в нетерпенье,
Пыль караванов вьется вдоль дорог.

Нет счета поцелуям. Счастлив пленный,
Хотя потом казнишь его изменой.
Кто б ни был — Чачнагир иль Автандил, —

Как не мечтать о жарких тайнах ложа!
Мышь в западне, иль с голубем ты схожа,
Душа? И ястреб голубя сразил.

ПЕТЕРБУРГ

Ветер с островов курчавит лужи.
Бомбой взорван воровской притон.
Женщины бредут, дрожа от стужи.
Их шатают ночь и самогон.

Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей потных. Мгла.
Медный всадник опускает руки.
Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предрешен.
Ночь запомнит только имя «Ленин»
И забудет прочее, как сон.

Черпая бортами мрак, в века

Тонет тень Скитальца-Моряка.

КАРМЕНСИТА

Ты налетела хищной птицей,
И я с пути, как видишь, сбит.
Ты женщина или зарница?
О, как твой вид меня страшит!

Не вижу от тебя защиты.
В меня вонзила ты кинжал.
Но ты ведь ангел, Карменсита,
Я б вверить жизнь тебе желал.

И вот я тлею дни и ночи,
Горя на медленном огне.
Найди расправу покороче, —
Убей, не дай очнуться мне.

Тревога все непобедимей,
К минувшему отрезан путь,
И способами никакими
Былого мира не вернуть.

В душе поют рожки без счету,
И звук их жалобно уныл,
И точно в ней ютится кто-то
И яблоню в ней посадил.

И так как боли неприкрытой
Не утаить перед людьми,
Пронзи мне сердце, Карменсита,
И на небо меня возьми.

ТАНИТ ТАБИДЗЕ

Саламбо, босоногая, хрупкая,
Ты привязанною за лапку
Карфагенской ручною голубкою
Ходишь, жмешься и хохлишься зябко.
Мысль моя от тебя переносится
К Карфагену, к Танит, к Ганнибалу.
Он на меч свой подставленный бросится
И покончит с собой, как бывало.

Сколько жить мне, про то я не ведаю,
Но меня со второго апреля
Всю неделю тревожат, преследуя,
Карфагенские параллели.

Я в Тбилиси, но дерево всякое,
Травка, лужица гонят отсюда,

И лягушки весенние, квакая,
Шлют мне весть с деревенского пруда.

Спи, не подозревая ни малости,
Как мне страшно под нашею крышей,
Как я мучусь тоскою и жалостью
Ко всему, что я вижу и слышу.

* * *

Иду со стороны черкесской
По обмелевшему ущелью.
Неистовей морского плеска
Сухого Терека веселье.

Перевернувшееся небо
Подперто льдами на Казбеке,
И рев во весь отвес расщепа,
И скал слезящиеся веки.

Я знаю, от кого ты мчишься.
Погони топот все звончее.
Плетями вздувшиеся мышцы.
Аркан заржавленный на шее.

Нет троп от демона и рока.
Любовь, мне это по заслугам.
Я не болтливая сорока,
Чтоб тешиться твоим испугом.

Ты — женщина, а кто из женщин
Не верит: трезвость не обманет.
Но будто б был я с ней обвенчан —
Меня так эта пропасть тянет.

Хочу, чтоб знал отвагу Мцыри,
Терзая барса страшной ночью,
И для тебя лишь сердце ширю
И переполненные очи.

Свалиться замертво в горах бы
Нагим до самой сердцевины.
Меня убили за Арагвой,
Ты в этой смерти неповинна.

* * *

Высоким будь, как были предки
Как небо и как гор венец,
Где из ущелья, как из клетки,
Взлетает ястреба птенец.

Я тих, застенчив и растерян.
Как гость, робею я везде,

Но больше всех поэтов верен
Земле грузинской и воде.

Еще под бархатом кизила
Горит в Кахетии закат,
Еще вино не забродило,
И рвут и давят виноград.

И если красоте творенья
Я не смогу хвалы воздать,
Вы можете без сожаленья
Меня ногами растоптать.
Высоким будь, как были предки
Как небо и как гор венец,
Откуда, как из темной клетки,
Взлетает ястреба птенец.

НА РАССВЕТЕ

По небу мечется звезда денницы,
С глаз матери исчезнув на рассвете.
Родные ждут возврата баловницы,
Ворота всех небес раскрыв планете.

Лес тянется, река в дыму тумана,
День еле отличим от тьмы полночной.
И скалы выросли, как великаны,
Подернутые пеленой молочной.

Охотник притаился, ждет оленя.
Дрожь на заре пронизывает тело.
Но рядом нет тебя, ты в отдаленье, —
А будь ты здесь, как все бы закипело!

Кто эти строки, собственно, выводит?
Здесь твой поэт бродил обыкновенно.
Он и сейчас еще здесь часто бродит, —
Но без тебя все потеряло цену.

Не Не Не

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих.

Под ливнем лепестков родился я в апреле.
Дождями в дождь, белея, яблони цвели.
Как слезы, лепестки дождями в дождь горели.
Как слезы глаз моих они мне издали.
В них знак, что я умру. Но если взоры чьи-то
Случайно нападут на строчек этих след,

Замолвят без меня они в мою защиту,
А будет то поэт — так подтвердит поэт.

Да, скажет, был у нас такой несчастный малый,
Орпирских берегов большой оригинал.
Он припасал стихи, как сухари и сало,
И их, как провиант, с собой в дорогу брал.

И до того он был до самой смерти мучим
Красой грузинской речи и грузинским днем,
Что верностью обоим, самым лучшим,
Заграждена дорога к счастью в нем.

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих.

ЛИКОВАНИЕ

Как кладь дорожную, с собою
Ношу мечту грузинских сел.
Я — к Грузии губам трубою
Прижатый тростниковый ствол.

Я из груди бы сердце вынул,
Чтоб радость била через край,
Чтоб час твоей печали минул, —
Свободно мной располагай.

Поют родные горы хором,
На смерть сейчас меня пошли —
Я даже и тогда укором
Не упрекну родной земли.
С поэта большего не требуй,
Все пули на меня истрать,
И на тебя я буду с неба
Благословенье призывать.

ВСХОДИТ СОЛНЦЕ, СВЕТАЕТ

Солнце первыми лучами метит
Склоны гор, очнувшись ото сна,
Из-за тучи светит и не светит
В ней заночевавшая луна.

Сверху Терек набегает, воя,
Снизу слышится Арагвы рев,
Солнце незаметною киркою
Разбивает льдины ледников.

По Казбеку вихрь метет с вершины,
В пурпуре зари его висок.
Стыд тому, кто пред такой картиной
Смерти бы еще бояться мог.

Я стою внизу оцепенелый,
И себя совсем не узнаю,
Точно вдунул сам Важа Пшавела
Жар Химикаури в грудь мою.

* * *

Если ты — брат мне, то спой мне за чашею,
И пред тобой на колени я грянусь.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

Кто дал окраску мухранскому соку?
Кто — зеленям на Арагвинском плесе?
Есть ли предел золотому потоку,
Где б не ходили на солнце колосья?
Если умрет кто нездешний, то что ему,
Горы иль сон — эта высь голиафья?
Мне ж, своему, как ответить по-своему
Этим горящим гостям полуяви?

Где виноградникам счет, не ответишь ли?
Кто насадил столько разом лозины?
Лучше безродным родиться, чем детищем
Этой вот Родины неотразимой.

С ней мне и место, рабу, волочащему
Цепью на шее ее несказанность.
Здравствуй же, здравствуй, о жизнь сладчайшая,
Твой я вовек и с тобой не расстанусь.

СЕЛЬСКАЯ НОЧЬ

Дворняжки малые «тяв-тяв» на месяц в небе,
А он к земле — и шмыг от них в овражек.
Мешая в шапке звезды, точно жребьи,
Забрасывает ими ночь дворняжек.

Дворняжки малые «тяв-тяв» на новолунье,
А я не сплю, не спится, как ни силюсь.
Что-то другое б сцапали брехуньи, —
Унесть в зубах покой мой умудрились.

Все ближе день, все ниже, ниже месяц.
Все больше гор, все явственней их клинья.
Все видимей за линией предместьиц

Тифлис, с горы открывшийся в низине.

О город мой, я тайн твоих угадчик
Я сторож твой, и утром, как меньшая
Из тявкающих по ночам собачек,
Стихами с гор покой твой оглашаю.
Из Окрокан блюду твои ворота.
А ведь стеречь тебя такое счастье,
Что сердце рвется песнью полноротой,
Как лай восторга из собачьей пасти.

ОКРОКАНЫ

Если впрямь ты поэт, а не рохля,
Будь как день в окроканской глуши.
Пусть и руки б, чесавшись, отсохли,
Воздержись и стихов не пиши.

Кто взошедшее солнце, как бомбу,
На рассвете огнем набивал?
Что ты скажешь похожего, в чем бы
Не сказался болтун-самохвал?

Если можешь, чтоб грудь не издрогла,
Стереги Марабды голыши,
Висни в небе, как крепость Короглы,
Стой века и стихов не пиши.

Чуть толкнуть — ты не тверже тростинки,
А она, точно грома раскат,
Оттатакала все поединки
И стоит, как столетья назад.

Если ты не хвастун, если трижды
Наши дни средь веков хороши,
Жди души настояний и выжди,
Но, как все, второпях не пиши.

И тогда, если все ж ты не шляпа,
Покажи себя впрямь молодцом
И такое украдкой состряпай
Как вчера соловей из Удзо.
Если мужества в книгах не будет,
Если искренность слез не зажжет —
Всех на свете потомство забудет
И мацонщиков нам предпочтет.

СТИХИ О МУХРАНСКОЙ ДОЛИНЕ

В Мухрани трава зеленей изумруда

И ласточки в гнезда вернулись свои,
Форели прорвали решетки запруды,
В обеих Арагвах смешались струи.

И воздух в горах оглашают обвалы,
И дали теряются в снежной пыли,
И Терека было б на слезы мне мало,
Когда б от восторга они потекли.

Я — Гурамишвили, из сакли грузинской
Лезгинами в детстве захваченный в плен,
Всю жизнь вспоминал я свой край материнский,
Нигде ничего не нашел я взамен.

К чему мне бумага, чернила и перья?
Само несравненное зрелище гор —
Предчувствие слова, поэмы преддверье,
Создателя письменный лучший прибор.

Напали, ножом полоснули по горлу
В горах, на скрещенье судеб и стихов,
А там, где скала как бы руку простерла,
Мерани пронесся в мельканье подков.

И там же и так же, как спущенный кречет,
Летит над Мухранской долиной мой стих,
И небо предтеч моих увековечит,
И землю предшественников моих.

* * *

Лежу в Орпири мальчиком в жару.
Мать заговор мурлычет у кроватки
И, если я спасусь и не умру,
Сулит награды бесам лихорадки.
Я — зависть всех детей. Кругом возня.
Мать причитает, не сдаются духи.
С утра соседки наши и родня
Несут подарки кори и краснухе.
Им тащат, заклинанья говоря,
Черешни, вишни, яблоки и сласти.
Витыми палочками имбиря
Меня хотят избавить от напасти.
Замотана платками голова.
Я плаваю под ливнем роз и лилий;
Что это — одеяла кружева
Иль ангела спустившегося крылья?
Болотный ветер, разносящий хворь,
В кипенье персиков теряет силу.
Обильной жертвой ублажают корь,
За то что та меня не умертвила.
Вонжу, не медля мига, в сердце нож,
Чтобы напев услышать тот же самый,
И сызнова меня охватит дрожь

При тихом, нежном причитанье мамы.
Не торопи, читатель, погоди.
В те дни, как сердцу моему придется
От боли сжаться у меня в груди,
Оно само стихами отзовется.
Пустое нетерпенье не предлог,
Чтоб мучить слух словами неживыми,
Как мучит матку без толку телок,
Ей стискивая высохшее вымя.
МАТЕРИ

Я был похож на Антиноя,
Но все полнею, как Нерон.
Я с детства зрелостью двойною
Мук и мечтаний умудрен.

Я вскормлен топями Орпири,
Как материнским молоком.
Будь юношею лучшим в мире —
В два дня здесь станешь стариком.

В воде ловили цапли рыбу,
И волки резали телят.
Я людям говорю «спасибо»,
Которые нас возродят.

Я лить не стану слез горючих
О рыщущих нетопырях,
Я реющих мышей летучих
Не вспомню, побери их прах.

Ты снова ждешь, наверно, мама,
Что я приеду, и не спишь;
И замер в стойке той же самой,
Как прежде, на реке камыш.

Не движется вода Риона
И не колышет камыша,
И сердце лодкой плоскодонной
Плывет по ней едва дыша.

Ты на рассвете месишь тесто —
Отцу-покойнику в помин.
Оставь насиженное место,
Край лихорадок и трясин!

Ты тонешь вся в кручине черной,
Чем мне тоску твою унять?
И рифмы подбирать позорно,
Когда в такой печали мать.

Как, очевидно, сердце слабо,

Когда не в силах нам помочь!
А дождь идет, и рады жабы,
Что он идет всю ночь, всю ночь.

Отцовскою епитрахилью,
Родной деревнею клянусь:
Мы понапрасну приуныли,
(Я оживить тебя берусь.

Люблю смертельно, без границы
Наш край, и лишь об этом речь.
И если этих чувств лишиться —
Живым в могилу лучше лечь.

ПАОЛО ЯШВИЛИ

КАК ХЛОПАНЬЕ ПАРУСА

Что мне в поисках новой гармонии?
Виноградники рядом простерты.
Там найду я ее в благовонии
Гроздьев аладастурского сорта.

Летний мир поднесен, как сокровище,
И в глубокой тени даже ярок.
Что ни шаг, всюду полдень, готовящий
Мне какой-нибудь новый подарок.

Тих и трепетен воздух, щекочущий,
10Опрозраченный и бездыханный.
Что мешает запеть мне? И тотчас же
Бормочу про себя невозбранно:

«Как хлопанье паруса,
Что взморьем лопочет,
С такою же яростью
За стол бы рабочий.
Как хлопанье паруса,
30Что взморьем лопочет,
С такою же яростью
За стол бы рабочий.

Чтоб вместе с часами,
Как ясеня тени,
Ворочались сами
Собою сравненья.
Чтоб стих сам собой
До хевсурского стада
Всходил, на его водопой

К водопаду.

Чтоб гнулось, чуть вылупясь, Чтоб ночь нетревожно

Из музыки, слово
Тяжелой, как живопись,
Ношей плодовой.
Спала и невинно,
А день был похож
40На рождение сына.

Чтоб падало в мяту
На пользу для гроздьев,
Как суперфосфаты,
Гряду унавозив.
Как хлопанье паруса,
Что взморьем лопочет,
С такой же яростью
За стол бы рабочий».

СОБЫТИЕ САДА

Устанешь — погоду проведать пойдешь,
Засасывает писать без отрыву.
Наскучит — и к двери. А за дверью дождь,
Как рис из мешка и как град торопливый.

До вечера после него тишина
И пяток ребячьих в песке отпечатки,
Вдруг шум: воробей захлопочет со сна,
Дождя на каштане сбивая остатки.

А спустишься в этот же сад ввечеру,
Посмотришь на уголь в куле и стропила —
И врезаны знаки в листву и кору,
Что солнце еще раз его посетило.
Стемнеет, и тонешь душой в теплоте
При мысли о выпавшем саду событьи.
Дом настежь. Луна — простыней на тахте,
И ветер — как замысла первые нити.

ОБНОВЛЕНИЕ

Большое чувство вновь владеет мной.
Его щедрот мой мозг вместить не в силах.
Поговорим. Свой взор вперяю в твой

И слов ищу, простых и не постылых.
На выходки мальчишеской поры,
На то, за что я и сейчас в ответе,
На это все, как тень большой горы,
Ложится тень того, что ты на свете.
И так как угомону мне не знать,
То будь со мной в часы моих сомнений,
А седины серебряная прядь —
Лишь искренности новое свеченье.
Ах, тридцать восемь лет промчались так,
Как жизнь художника с любимым цветом.
Разделим вместе мужественный знак
Великих дней, которым страх неведом.
Не бойся сплетен. Хуже — тишина,
Когда, украдкой пробираясь с улиц,
Она страшит, как близкая война
И близость про меня сужденной пули.

БЕЗ ПОВОДА

Небо над влажной землею.
Темновершинное дерево.
Я — в беспричинном покое.
Будто я малым дитятей
Лишь и увидел теперь его,
Мне простирает объятья

Запросто. Без преднамеренья. Темновершинное дерево.

Ветер, простор преогромный
Стаей пернатых вымеривая,
Спархивает на плечо мне
Птичкою с тихого дерева.
Мирное небо над далью.
Темновершинное дерево.
Я без забот и печалей.
Попросту. Непреднамеренно.

УТРО

Рассвет пришел, как мысли допущенье,
И по песку водить сушилкой стал.
Так тихо, что раздался б звук паденья,
Когда б я руку, с ветром в ней, разжал.
Бумажными корабликами утки
Плывут по пробудившейся воде.
Верхушки ив, как перья рыбок, чутки,
Птиц не слыхать, как их ни ждут везде.
Но вот их пенье близится и длится.

В лесу ль, в траве ль — их трели тут как тут.
Они в воде и шлепают, как птицы,
И брызгом звуков уток обдают.
Почти недвижны горы и овраги.
Как водолазы — грабы в холодке.
И воздух так сгущен и полон влаги,
Что прибывает уровень в реке.
Но что мне верхом радости тогдашней —
Тот миг, как в поле пахари пришли,
И дружный труд стал выводить по пашне
Плетенье из сырых ломтей земли.

СТОЛ - ПАРНАС МОЙ

Будто письмо пишу, будто это игра,
Вдруг идет как по маслу работа.
Будто слог — это взлет голубей со двора,
А слова — это тень их полета.
Пальцем такт колотя, все, что видел вчера,
Я в тетрадке свожу воедино.
И поет, заливается кончик пера,
Расщепляется клюв соловьиный.
А на стол, на Парнас мой, сквозь ставни жара
Тянет проволоку из щели.
Растерявшись при виде такого добра,
Столбенеет поэт-пустомеля.
На чернил мишуре так желта и сыра
Светового столба круговина,
Что смолкает до времени кончик пера,
Закрывается клюв соловьиный.
А в долине с утра — тополя, хутора,
Перепелки, поляны, — а выше
Ястреба поворачиваются, как флюгера
Над хребта черепичного крышей.
Все зовут, и пора, вырываюсь, ура,
И вот-вот уж им руки раскину,
И в забросе, в забвении кончик пера,
В небрежении клюв соловьиный.

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Сядь, посвяти свои помыслы благу.
Изобрази, что волнует наш край.
Изголодавшуюся бумагу
Мыслями памятными пропитай.
Чуждый мещанской пустой суматохи,
К людям ты льнул трудовым, и теперь
В строгом горниле суровой эпохи
Правды своей долговечность проверь.
Ты даром слова владеешь. Природа

10 Даст этой силе широкий полет.
Меряй отныне стихами невзгоды,
Рифмой веди испытаниям счет.

Слово, нацеленное по мишени,
Метко вонзается в цель, как стрела.
Изобрази, как росло поколенье,
Вырази, как его слава росла.

Вспомни, как мальчики удочек лески
Махом бросали в Лиахву с моста.
Вспомни трущобы, углы, перекрестки,
Где городская росла беднота.

Ахни сатирой по гвардии белой.
В оде излей восхищенье души.
О Джапаридзе поэму доделай,
Сцену расстрела в отрывок впиши.

Дивной Кахетии дай описанье,
Рек и долин ее, рощ и полей,
На Мурдзакана Дадешкелиани
Свет изысканий новейших пролей.

Кару предвидя, расчеты какие
' Мог он иметь и чего он желал,
Над губернатором из России
Жизни ценою занесши кинжал?

Сядь, запиши, нанеси на бумагу
Все, чем ты жил, что достойно любви.
О Саакадзе старинную сагу
В духе теперешних дел обнови.

С косностью спорь, не заботясь нимало
Об остающихся позади.
Пушкина с верностью оригиналу
Нам по-грузински переведи.

Ты от народа не скроешься в доме.
От ожиданья он входит в азарт.
Он, словно зрители на ипподроме,
Ждет, чтоб поэзия вышла на старт.
Вырвавшись из загородки на волю,
Образы мчатся наперегонки
К финишу, под одобрение поля,
Словно заправские рысаки.

Сядь и пиши, увлеченный задачей
Импровизатору дать матерьял,
Чтоб пандурист и сказитель бродячий
Слово твое, как свое, повторял.

Чтобы казалось, что знает природа,
Как ты в искусстве своем несравним.
Чтобы служила во время похода
Песнь твоя знаменем боевым.

Чтобы молва разнесла понаслышке
Все, что ты в сердце таил иногда,
Чтоб содержаньем написанной книжки
Села гордились и города.

Чтоб земледелец и правды поборник,
Жадно твой труд прочитав как-нибудь,
Мир испытал, закрывая твой сборник,
Как закрывают глаза, чтоб уснуть.

Время наступит, и зависти бранной
Скажут: «Увы, бесполезен твой пыл.
Строгий поэт, завершив свои планы,
Умер, как труженик, честно почил».

МАЛТАКВА

Берег песчаный курчавя,
Волны взбегают на гравий.
Я ощущаю, как сладок
Запах недавних посадок.

Пенятся, тают, шипят,
Скатываются назад.
Вон эвкалипты теплиц
Гнутся под щебетом птиц.
Отмель с оттенком агата
Пестрою галькой богата.
Будут террасы и крыши,
Море, раздолье, затишье.

Мирно под солнцем простерт
Будущий детский курорт.
В зданье поближе к бугру
Будут растить детвору.

Здесь через близкие сроки
Хлынут известки потоки,
Няни их будут аукать,

Море их будет баюкать.

Каменщики вдоль холма
Сложат из камня дома.
Сказочный день. Тишина.
Осуществление сна.

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ

КУДРЯВЫЙ МАЛЬЧИК

Закрываю устало глаза,
И так ясно, так ясно я вижу:
День в грядущем. Небес бирюза.
Огнекудрое утро все ближе.

Уже солнце пошло на подъем,
День гремит, как аккорд на органе.
С риних-синих небесных каем
Низвергается наземь сиянье.

К Арарату проходит шоссе
'Изменившеюся Эриванью.
Сколько лет этой новой красе
И живому ее ликованью?

Вдоль дороги, по обе руки,
Переезды, дома и заводы.
Кто разбил у домов цветники?
Как густы этой зелени своды!
Воздух чист, меж домами — простор,
Мастерские меж них вперемежку.
Ни соринки кругом. Что ни взор,
То — блаженного счастья усмешка.

Вот из города мимо оград,
Попирая проснувшийся камень,
Пионерский выходит отряд,
Впереди его — красное знамя.

Слышен топот уверенный ног
И отрывистый бой барабана.
Лица ясны, в глазах огонек,
Рады в ногу шагать мальчуганы.

По асфальту срезают дугу
'И сворачивают по извиву
В то ущелье, где низом Зангу

Протекает светло и шумливо,

Где прозрачное кружево плесть
Не устало потока журчанье.
Рядом старая изгородь есть,
Под оградою камни в бурьяне.

Камни с виду без мет и письмен,
Безыменные камни-могилы.
Надо всем — тишины полусон,
* Точно памяти призрак бескрылый.

Сверху синие своды глядят.
Виснет солнце, подобное звону,
И беспечно проходит отряд,
Полыханьем его опьяненный.

Слышен марша уверенный шаг,
Рассыпается дробь барабана,
И весна затаясь в их очах,
Улыбается солнцу нежданно.
Тем-то шагом, без дум и забот,
И обходят бурьян пионеры.
А весна — то куда-то зовет,
То о ком-то тоскует без меры.

Но внезапно из их череды
Кто-то смотрит на камни и травы.
Покидая дружины ряды,
Отделяется мальчик кудрявый.

Пионер до колен голоног,
Красный шейный платок у подростка.
Мальчик с выпуклым лбом, синеок,
'В белой курточке с синей полоской.

Он подходит к камням и, всмотрясь,
Принимается скресть их ногтями
И стирает присохшую грязь,
Затянувшую надпись на камне.

И тогда: «Здесь покоится прах
Егише, — он читает, — Чаренца. —
И дочитывает второпях: —
Стихотворца, Маку уроженца».

И как бы объясненья ища,
Юн стоит, смотрит вдаль, размышляет.
И, сорвавши отросток плюща,
С ним покинутый путь продолжает.

И когда нагоняет своих,

В незапамятности, как дотоле,
Остаются, оживши на миг,
Эти камни, забытые в поле.

О вернись, там ведь сердце мое!
Растопчи его, ножкам в забаву.
Ты, всех жажд моих ключ и питье,
Наша будущность, мальчик кудрявый!
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

ПЕРВЫЙ СНЕГ
Непонятно, хоть убей,
Снег ли это или сокол
Гонит белых голубей
Мимо звезд? И, скинув стёгань,
Сони в звездном терему
Жмутся у оконных стекол,
Сонно глядя в эту тьму.
Тише! Слышу шум погони.
Дайте я ружье возьму
И на скакуне проворном
(Конь ячменного раскорма)
Брошусь в эту кутерьму.
Бах! Но мимо. Улетели.
Уплывают по стрежню!
Молодость моя, ужели
Я тебя не догоню?
Нет, ушли, ушли, вне цели!
Где же вы схоронены,
Первые мои метели,
Детского безделья сны?
Где вы, юности недели,
Нетели оленьей дни?
(Дальним ревом из ущелий
Мне ответили они.)
Где ты, на свирели ивам
Подражавшая тоска?
Где форелью под обрывом
Клокотавшая река?
Не вернуть мне сиротливым
Рифмам вас издалека,
Как и не зажечь огнивом
Истинного светляка.

Хоть убейте, не пойму —
Это ветра ль ходит полог,
Сердцу ль больно моему?
Смотрят ли со звезд из щелок,
Снега ль крутит бахрому?
Стих ли это иль осколок
Дней далеких? Ночь в дому
Или утром, полным пчелок,

Поле в розовом дыму?
Слёз ли водяные пятна,
Непонятно почему,
Или перья с голубятни?
Хоть убейте, не пойму.

Не хочу навесть в безлунность
Заряженное ружье,
На коне настигнуть юность,
И попасть, и сбить ее.
1 Бах! Но стая — за рекою.
Либо сим же часом вплавь,
Либо уж махни рукою
И надеяться оставь.

КАЛИЛА И ДИМНА

Ночь. К звезде, скользящей в небе низком,
Свежевыструганном, как доска,
Липнет воздух с комариным писком,
Как к кружку Тамарина соска.

А в тиши берлоги два зверюги,
Димна и Калила, севши в ряд,
На шакальем языке друг другу,
Чередуясь, сказки говорят.

Где пройдет опять к закату
Солнце, веруя в возврат?
Где громадой бесноватой
Рухнет в пропасть водопад?

Где бессмертия печатью
Гений озарит тетрадь?
Где раскроется объятье
И не станет страсть молчать?

НАДПИСЬ НА ЧАШЕ

Грозой заброшенный цветок
Завял на перевале..
Кто я? Узора завиток
И надпись на эмали.

Пропала надпись. Стерся след
Старинного узора.
И молодости больше нет,
И все исчезнет скоро.

ОСЕНЬ
Из старой тетради

Трудно бодрость соблюсть.
Листья лип в позолоте.
Это осени грусть,
Отцветанья лохмотья.

Всё в воде и дожде,
Глубь аллей и скамейки.
Ни прикрытья нигде,
Ни пути, ни лазейки.
Между тем, как упрям
Оборот беспрестанный
Хроматических гамм
На плохом фортепьяно.

Гостя ждет, может быть,
У соседей девица,
И чтоб время убить,
Села за экзерсисы.

Сад оборван и наг,
На душе ад кромешный,
Дождь сквозь мокрый гамак
Льет и льет безутешно.
А выси так чисты,
Что больно глядеть
В их синь
Сквозь ветвистого
Инея сеть.

ЗИМА

Как мрамора жилки,
Весь в инее день.
В горах пал
Красивый и пылкий
Олень.

* * *

Я привязал коня к плетню.
Дороги тонут в глине.
Я мимо крепостей гоню,
Твердыня за твердыней.

Шпалеры виноградных лоз
Цепляются за платье.
Деревья, мокрые от слез,
Бросаются в объятья.

Отцовский дом не помнит зла,

10 Не пострадал от бедствий,
И пахнет в очаге зола,
Как гиацинты в детстве.
Как глубоко не по летам
Все трогало ребенка!
Таскались липы по пятам,
Текли ручьи вдогонку.

Бывало, жизнь отдать не жаль,
Казалось мне, подростку.
Куда, к кому, в какую даль
Манило с перекрестка?

Я в жертву был принесть готов
В шальные годы эти
Любовь, здоровье, отчий кров,
Все лучшее на свете.

Я бредил прошлым наяву,
Чуждался всех, печален,
И пеплом посыпал главу,
Бродя среди развалин.
Я лазил выше птичьих гнезд
>До крутизны орлиной,
И верил, что оттуда мост
В потомство перекину.

И жар священного огня
Или другая сила,
Но что-то мучило меня
И жаждою томило.

И эта страсть была слепа,
Как и все страсти, впрочем,
И в будущность вела тропа
°Не так, как мы пророчим.
ПУТЕШЕСТВИЕ
(Из записной книжки)

1. КАХЕТИЯ
Я смотрел в долину на рассвете.
Вдруг я понял, заглянув за склон:
Эта куча домиков — Ахмети,
И над ними — крепость Бахтрион.

Как к невесте шафера и дружки
С песнями съезжаются во двор,
Выстроились на лесной опушке
Пред Кахетиею цепи гор.

Над лесами облака нависли,
Только солнце брызнуло сквозь них,

Как к возлюбленной, рванулись мысли,
И с нежданной силой хлынул стих.

На раздолье пастбищ необъятных
Пала тень летящего орла;
Как на пире скатерть в винных пятнах,
Алазани даль под ним цвела.

2. АНАНУР

Как из засады, вдруг пред нами
Возникла крепость Ананур
И преградила путь зубцами
Обрушившихся амбразур.

Молчала мрачная твердыня,
Ущелья древний аванпост,
И плеск Арагви темно-синей,
И ночь в подковах крупных звезд.

3. ВЕЧЕР В СТАРОМ ТИФЛИСЕ

На сады тифлисские, где живы
Сказки, на тифлисские сады,
На сады Тифлиса и обрывы
Налетели черные дрозды.

Вечерело. Небо было чисто.
Город замер, засмотревшись ввысь,
И потоки щелканья и свиста
Вдоль его заборов полились.

4. КАРТАЛИНСКАЯ НОЧЬ

Позже я скажу, на что похожи
Ночь, Кура и ветлы в серебре,
Черный буйвол с выгоревшей кожей,
Тихий шелест розы во дворе.

Здесь боев промчались ураганы,
И земля, под мерный ропот вод,
На себе осматривает раны
И следит, как сверху плот плывет.

5. ГАРЬ ПОЖАРИЩ ТИМУРА

Тишина и сумрак голубиный
На вершинах снежного хребта,
А в долине, как на дне кувшина,
Жаркая, сырая духота.

Город, улицы, огни, фигуры,
Зарево, и вдруг — пожара гарь.
И опять мне снится век Тимура,

И на помощь я лечу, как встарь.

ТИФЛИССКИЕ РАССВЕТЫ

I

За тифлисской цитаделью
Пепельное небо.
Утро, фрукты, свежесть хлеба,
Свежее похмелье,
Ночь оттеснена, и чахнут
Мглы рассветной пятна.
Солнцу радостно распахнут
Город шестивратный.

На ноги, — в ком спозаранок
Пламя Саят-Новы!
Жизни с нами не до жданок,
Ведь она — лукава.
По Куре потоки света
Бьют в речное лоно
И в резную Кашуэти
С крыльями грифона.

Юность говорит: исчезну,
Как следы угара.
Протекут меж пальцев в бездну
Воды — ниагвари.
Но в садах дойдет черешня,
И Верийским склоном
Женщина из бань поспешно
Проплывет пионом.

Разве сказка будет сказкой,
Потерявши голос?
Как хурджин живет растряской,
Так и сердца полость.

Вон Этим Гурджи горланит
Меж татар в духане.
Кистью из стакана тянет
Краску Пиросмани.

Выход ли в исконной хмури
Плача чианури?
На пароме ль, в свежем сене,
На арбе спасенье?
Ну, так как же нам, поэтам,
Быть с таким рассветом?

II

Цвел миндаль. С Мтацминды утром
Ветер дул. В тот час
Блеск звезды разросся — будто
Буйволовый глаз.

Воздух, как каменоломню,
Полнил ветра гул.
Ветер пёр, себя не помня,
С войском гор в Стамбул.

Шелком, смотанным с личинок,
Тут белела мгла,
Дворничихой под овчиной
Мимо ночь прошла.

Игроки внизу гремели:
По дощечке вкось
С крапчатой спиной форели
Уносилась кость.

Не по кровельному гонту,
Как бывает в тишь, —
По каемке горизонта
} Несся грохот крыш,

Ветер буйствовал не всуе:
Под горой с утра
В убранной волненьем сбруе
Прыгала Кура.

Он не ждал, чтоб ночь сгорела,
Он без фитиля
Подвергал Тифлис обстрелу
Цвета миндаля.
Из-за лысины Махати
С хлебом и вином
Вышло солнце, и тогда-то
Пробудился дом.
В доме встали. Все проснулись
В гуще ближних сел,
Пробудился огородник
И его осел.
И поэтам на ночлеге,
Где в уют, где — нет,
Протянул свои побеги
Золотой рассвет.
И вздохнул, как от понюшки,
Город, до верхов
Полный запаха петрушки
И живых стихов.

ПЕРЕПИСЧИК ДРЕВНИХ КНИГ

Древних свитков игра и расцветка,
Букв заглавных цветочная вязь.

Составитель вначале нередко
Заявлял, пред потомством винясь:
Вот я раб худородный пред вами.
Не корите, что труд мой так мал.
Я трудился украдкой ночами
Тем во славу, кто мне помогал.
Слава тем, что меня не отринул,
Кто мне хлебом помог и вином.
В даль веков я, как невод, закинул
Эту повесть о веке моем.
Я не все в ней привел без разбора,
А событья отчизны одни,
Имя той, что была мне опорой,
Я нарочно оставил в тени.
Как гнездо соловью не защита, —
Песнь его выдает с головой —
Будет каждому ясно, что скрыто
У меня от молвы вековой.
Меж страниц не вшивайте закладок
И сушить не кладите цветов.
Эта книга без тайн и загадок.
Все живое понятно без слов.

НАД МЕТЕХИ

Бушует ветер над Метехи,
Сметает мусор с древних плит.
Где ты — там все мои утехи,
Туда душа моя летит.
Во дни Тамары величавой
Такой же ветер листья нес,
И так же, повернув направо,
Кура скрывалась за утес.
И так же задувало в щели,
И было шумно к той поре,
Когда Тамара — Руставели
Выслушивала при дворе.
Как из глубин средневековья
Средь сна я просыпаюсь вдруг.
Разбуженный твоей любовью,
Я слышу в ставню ветра стук.
Наверно, с бурею нет сладу
На улице средь бела дня.
Мне в мире ничего не надо:
Ты день и буря для меня.
Из бывшего со мной доныне
Ты — лучшее изо всего,
Заветная моя святыня,
Единственное божество.

ЧАЙКА

Люблю я волн неистовую синесть,
Когда на солнце море, как в огне,
И белой чайки яркости не вынесть,
Раскачивающейся на волне!
Со вздыбленного гребня, как с трамплина,
Она взлетает вверх под облака.
Прибоя выгнувшаяся пружина
Ее бросает силою толчка.
Как это море в солнечном ожоге
И волн расколыхавшаяся гладь,
Душа всегда в волненьи и тревоге,
Которых я не в силах передать.
Подбрасывая чайку, как игрушку,
С ней возится и носится прибой...
Не так же ли играем мы друг с дружкой
И толку не добьемся меж собой?
С добычей в клюве чайка мешковато
Бьет по воде опущенным крылом.
Порой в твоей улыбке виноватой
Есть тот же ускользающий излом.
Особенно на чайку ты похожа,
Когда, как ночью, черен кругозор,
И море бурно, небо непогоже,
И волны на просторе выше гор.
Когда, наволновавшись до упаду,
Решаешь ты сменить на милость гнев
И силой прояснившегося взгляда
Вдыхаешь жизнь в меня, повеселев.
Все предо мной тогда покрыто мраком,
На будущем — тумана пелена.
Тогда, как чайка, рея добрым знаком,
Ты тем белей, чем больше ночь темна.
Люблю я волн неистовую синесть,
Когда на солнце море, как в огне,
И белой чайки яркости не вынесть
Раскачивающейся на волне.
Как это море в солнечном ожоге
И волн расколыхавшаяся гладь,
Душа всегда в волненьи и тревоге,
Которых я не в силах передать.

ФРЕСКА АНГЕЛА

Я рассматривал изображенье
Ангела в простенке алтаря.
Девушка давала объясненья,
О манере фрески говоря.
Девушка хвалила на иконе
Очертанье крыл и глаз разрез,

И водя по воздуху ладонью,
Отмечала теплый тон небес.
Вдруг, взглянувши с полной прямотою
В первый раз на спутницу свою,
Понял я, что, одного не стоя,
Я промеж двух ангелов стою.
Шум Куры вдали катился мимо.
Солнце озаряло потолок.
Пред лицом живого серафима
Лик на своде постепенно блек.

СТАРЫЙ БУБЕН

Луна зашла, и ночь в исходе,
И бубен выбился из сил.
В запасе больше нет мелодий,
Пир весь их выбор истощил.
Но девушка, стройней газели,
Ждет, чтобы буря улеглась,
И средь примолкшего веселья
Затягивает мухамбаз.
Усталый голос тянет ноту
10 Упреков, жалоб и угроз,
Восторгов и безумств без счету,
И новых просьб, и новых слез.
В напеве отзвук просьб и пыток,
В нем дрожь вонзенных в сердце стрел,
Он — древней неги пережиток,
Которой трепет устарел.
И как бы сладостно ни пахло
Цветенье песни в первый раз,
Звучит надтреснуто и дряхло
20 Ее усталый пересказ.
Напев кружит, как одержимый.
Он — сверстник вековых чинар,
И едче пламени и дыма
Слезит глаза его угар.
Его слова, как жар, горючи.
Когда их слышит старый сад,
Участье опаляет сучья,
Они от жалости горят.

Его ровесницы-чинары
1 Родились в тот же самый срок,
С них валится на стол от жара
Лист, как спаленный мотылек.

Довольно грусти и разлада!
Как ни заплакан мой платок,
Я слушаю напев с досадой,
Он мне и жалок и далек.

Преданий путь подобен рекам.
Положен песне свой предел.
Не разлучайте песен с веком,
1 Который их сложил и пел.

Их постигает обмеленье,
Как дно речного рукава.
Меняются века и мненья,
Приходят новые слова.

ПЛАТАН В ТЕЛАВИ

Средь нашего шума
О чем, старикан,
Ты думаешь думу,
Телавский платан?
Тебя не согнули
Ни смерч, ни обвал,
Как на карауле,
Ты твердо стоял.

Стоишь, как бездельник,
Не счесть сколько лет,
Мыслитель, отшельник
И анахорет.
Не ступит ни шагу,
Ни с места, ни вспять.
Стоит молодчагой,
Как надо стоять.

АЛИО МИРЦХУЛАВА

МОРСКОЙ ОРЕЛ

Земляку-орденоносцу капитану А. Цурцумия

Вот Родины последний мыс,
А дальше море без охвата.
Паря над ним, ты смотришь вниз,
Не встретишь ли судов пирата?!
Но вот клубится дым вдали.
Не остров ли пучина прячет?
Нет, это вражьи корабли
В тумане лесом мачт маячат.
Ты поравнялся с их чредой.
10 Три взрыва, брызги, гул и пламя.
Три вражьих судна под водой.
Три ямы под тремя столбами.
Вперед! Но грохот за спиной.
Ты говоришь, не унывая:

Как вы ни поспешай за мной,
Я увернусь от вашей стаи!
Быть первым в буре и бою —
Твое разительное свойство.
Я в восхищенье воздаю,
20Что должно, твоему геройству.
Тобою все поражены,
И все тебе в Союзе рады.
Достойный сын своей страны,
Достоин ты ее награды!
Тобой в мингрельской стороне
Гордятся с основаньем предки,
А я горжусь тобой вдвойне:
Мы земляки и однолетки!
Ты радость матери. С высот
Ты видишь за зеленой гранью
«И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье».
Лети, герой, лети, орел,
Предвестьем стаи соколиной,
Куда б грабитель ни ушел,
Кидайся молниею в спину!
Лети, орел, лети, пари
Защитником по белу свету.
Твоих полетов пустыри
*Я озарю стихов ракетой!

СИМОН ЧИКОВАНИ

МИНГРЕЛЬСКИЕ ВЕЧЕРА

I

Уже полсолнца в море. Так олень,
Бросаясь вплавь, по грудь уходит в воду.
Но тополя мингрельских деревень,
Как девушки, толпою ждут захода,

Наряженные в шелест во весь рост.
Когда закат весь пурпур свой засолит,
Он из-за брызг седых морских борозд
По розе к каждой макушке приколет.
С мотыгами стоят крестьяне в ряд.
И, до зари не нашумевшись вдоволь,
Трепещущие тополя стоят.
Что дом — то двор и сумерки да тополь.
Бывало, состязаясь с соловьем,
Под тополя такие звал я музу.

Теперь не то: не тополь воспоем —
Засеянный гектар под кукурузу.

Передвигаясь по его ковру,
Колхозники в поту поют надури.
Надури было дедам по нутру,
И нам в работе дружной по натуре.

Лишь соловей, усевшись вдалеке, —
Единоличник в доле щекотливой, —
Трещит вовсю на сливовом сучке,
Весь истекая мленьем спелой сливы.

Приморский ветер остужает грудь
Певца с огнем неугасимым в зеве,
И руки вместе силятся сомкнуть
Разросшиеся тени и деревья.

В сторонке, злобы доверху полна,
Клянет старуха век, что так напорист,
И, отгоняя дали с полотна,
Вдали на всех парах проходит поезд.

II
Своя печать на всем вечернем есть.
Осмысленней с полудня солнца пламя.
Закат, как свеженачатую десть,
Исписывает ширь полей лучами.
Испариною вяжущей маис
Мог оттянуть бы час повечеренья,
Но полем с моря ходит легкий бриз,
И вечер в ветре входит в испаренья.
И входит в лес. И он шумит вверху
О старине и жалуется с дрожью:
«Не чтут межи, обидели соху».

Вдруг, изогнувшись, тополь помоложе
Выбрасывает ветру вслед аркан.
Напрасный труд — времен не остановишь.
Но целый лес, поддавшись на обман,
Встает за ним толпой, как на чудовищ.
«Накрывшись общей шапкой облаков,
Куда вы строем ломитесь отсюда?
Давайте людям топливо и кров.
Служите нам, не то вам будет худо».

А лес в ответ: «Что толку от машин?
Прорубленные рощи, рельсы, шпалы.
Баклан, где сесть, не сыщет мочежин,
По росчисти сквозной летя устало.
Осоки обезводившую топь
Обвоют овдовевшие лягушки.
И паровоз, вдали рассыпав дробь,
Приблизившись, обдаст дыханьем пушки.
Косяк гусей взметнется в вышину.

До Очамчир идет пути прокладка
По жидкому когда-то зыбуну.
Кому-кому, а нам ничуть не сладко».

III
Пастух пригнал быков на водопой.
Речное устье клином входит в море.
Топ по мосту, мычанье, разнобой.
В деревне рядом — скрип ворот в затворе.
Со дна реки на водяную гладь
Всплывает перевернутое стадо.
Прощай, тенями стланная кровать.
Ходи кругом, когда уснуть бы надо.
Гоня валы теченью вперекор,
Плывут быки. Звон колокола дальний,
Сквозь дальний лай собак, зовет на сбор,
И плеск стоит в тенями стланной спальне.

С такой природы пахарь бы хотел
Сорвать небес и облаков лохмотья,
Чтоб телом всем обнять ее предел
И покорить, поспорив с ней в работе;
Чтоб вывесть ночь в просторы без болот,
Как буйволов. Слепней сгоняя с лядвей,
Уже в деревню с ревом входит скот,
Мыча как бы об августе и жатве.

Нисходит ночь. Звезды вечерней ртуть
Зазыбилась. Такая тишь в просторе,
Что страх дохнуть. Такая тишь, что жуть
Встревожить поседелый мрамор моря.
Лишь всплеску ненасытному не лень
Сосать песок. Лишь тополя предгорий,
Как девушки мингрельских деревень,
Толпясь вдали, толпою тянут к морю.
Такая ночь. Так вольно. Час такой.

Теперь дано обняться в единенье
Звезде и лесу с пеною морской.
Природе, натерпевшейся гонений,
Отныне обещается покой.
В смарагды моря падают сапфиры,
Как будто ночь блаженной вязью слез
Связала сноп из всех сокровищ мира.

Вдали вдоль моря гонит паровоз.

ТИФЛИССКИЙ РЫБАК

Когда в Тбилиси ночь приходит
И тянет холодком с Куры,

Он с рыбою живой обходит
Передрассветные дворы.

Блеснет ли где ночник из щели,
Он — с солнцем к окнам кладовой,
Как будто сверх речной форели
Торгует зорькой весовой.
Когда в подставленную кадку
Летит покупка, как в Куру,
Он вам поверит без задатка,
Он не купец, а гость в пиру.

И вновь он шествует и шарит,
Не пьют ли с ночи где-нибудь.
Найдет — и ястребом ударит,
К столу прокладывая путь.

Шум, хохот, голос толумбаша,
И, весь на взводе, как курок,
Рыбак встает с заздравной чашей,
Подбросив шапку в потолок.

Пока он пьет, от чувств прилива,
Как рыба проданная, нем,
Она, как тост красноречивый,
Горит и ходит телом всем.

А уж лучи как в полдень жгучи,
И, их не ставя ни во что,
Вздымает ветер пыли тучи,
Клубя их, как штаны кинто.

Валится с ног, вернувшись в хату,
Рыбак, недавней встречей пьян,
И спит, и видит челн дощатый,
Речную зыбь, ночной туман.

ПРИХОД РЫБАКА

Такие ночи сердце гложут,
Стихами замыслы шумят.
То, притаившись, крылья сложат,
То, встрепенувшись, распрямят.
За дверью майский дождь хлопочет,
Дыханье робости сырой.
Он на землю ступить не хочет
И виснет паром над Курой.

Как вдруг рыбак с ночным уловом, —
' Огонь к окну его привлек.
До рифм ли тут с крылатым словом?

Все заслонил его садок.

Вот под надежным кровом рыба.
Но дом людской — не водоем.
Она дрожит, как от ушиба
Или как окна под дождем.

Глубинных тайников жилица,
Она — не для житья вовне.
А строчке дома не сидится,
Ей только жизнь на стороне.

А строчку дома не занежишь,
И только выведешь рукой,
Ей слаще всех земных убежищ
Путь от души к душе другой.

Таких-то мыслей вихрь нахлынул
Нежданно на меня вчера,
Когда рыбак товар раскинул,
Собрал и вышел со двора.

Прощай, ночное посещенье!
Ступай, не сетуй на прием.
Будь ветра встречное теченье
Наградой на пути твоем.

Мы взобрались до небосвода,
Живем у рек, в степной дали,
В народе, в веянье народа,
В пьянящем веянье земли.
Мы лица трогаем ладонью,
Запоминаем навсегда,
Стихов закидываем тоню
И тащим красок невода.

В них лик отца и облик вдовий,
Путь труженика, вешний сад,
Пыль книг, осевшая на брови,
Мингрельский тающий закат.

Все это жизнь выносит к устьям,
Но в жизни день не сходен с днем.
Бывает, рыбу и упустим,
Да после с лихвою вернем.

Когда ж нагрянувшая старость
Посеребрит нас, как рассвет,
И ранняя уймется ярость,
И зрелость сменит зелень лет,

Тогда, как день на водцой глади

Покоит рощи и луга,
Так чувства и у нас в тетради
Войдут и станут в берега.

У КАМИНА ВАЖА ПШАВЕЛЫ

Как келья отшельника, дом твой в Чаргали,
И ели чернеют, как сажа в печах.
Весь путь они в изморозь рядом шагали,
Так вот твой хваленый когда-то очаг!

Ты сам его выложил в виде камина,
Чтоб в доме живое иметь существо.
Ты в комнате этой, немного пустынной,
Поставил и глиной обмазал его.
Ты клал кирпичи по натянутой нитке
И вывел под звезды кривой дымоход,
Чтоб с искрами вместе души пережитки
Кружащимся вихрем несло в небосвод.

Увидев, что в жизнь воплотилась затея
И в обществе с нею, уже не один,
Ты в творческой жадности, как Прометея,
К простенку в углу приковал свой камин.

Когда ты приделал железные дверцы
И вьюшку для тяги пред топкой прожег,
В счет будущей неги ты пламенем сердца
Каминное устье ссудил под залог.

И вот началось бушеванье растопки.
Посыпались искры, послышался гул,
Как будто свой голос и опыт неробкий
Ты ветру поведал и в уголь вдохнул.

Как обе Арагвы на водоразделе
Текут, не сливая воды двух цветов,
Так жизнь твоя знаменовала в ущелье
Границу людских поселений и льдов.

Шел дождь, словно сыпали на пол пшеницу,
От струй поднимался светящийся пар,
И, видя, что солнце за тучей садится,
Спускался орел на одну из чинар.

Сушилась развешанная одёжа,
Шипя, закипала вода в котелке,
И были на музыку горы похожи,
Безмолвные после дождя, вдалеке.

Здесь в зимние ночи, не ведая лени,

Писал ты без устали, неутомим.
Ты весь был как пламя — порыв и горенье,
'И с пламенем рядом соперничал с ним.
Я — отпрыск творений твоих и героев,
И книг твоих отзвук, и мыслей двойник,
И, душу на лад твой посмертный настроив,
По шелесту леса в Чаргали проник.
И вот я в Чаргали. Шумит непогода.
Растапливаю. Запылала смола.
И первое, что я встречаю у входа, —
Простертого вширь над камином орла.
Смотря на меня с нескрываемой злобой,
Он как самозванца встречает меня,
Как будто я с мыслью какой-то особой,
Тебя унижая, сижу у огня.
Орел свирепеет от огненных знаков.
Он в отсветах пламени весь, как в крови.
Всю ночь я борюсь с ним, как праотец Яков,
И утром прошу его: благослови.
Мудрец, загадавший полуночью зимней
Вот этот рассвет и вот эту мечту,
Будь тоже поддержкою мне, помоги мне,
Шум рощ помоги понимать на лету.

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Под карнизом на моем балконе
Ласточка гнездо проворно вьет
И, как свечку в выгибе ладони,
Жар яйца в укрытье бережет.
Ласточка искусней нижет прутья,
Чем иглой работает швея.
Это попеченье об уюте
Сказочнее пенья соловья.
Может быть, помочь мне мастерице?
Я в окно ей кину свой дневник.
Пусть без связи выхватит страницу
И постелет словно половик.

Даже лучше, что, оставшись втуне,
Мысль моя не попадет в печать.
Пусть она у бойкой хлопотуньи
Не шутя научится летать.
И тогда в неузнанном обличье
Грусть, которой я не устерег,
Крыльями ударивши по-птичьи,
Ласточкою выпорхнет из строк.
Не летите прочь от нас, касатки!
В Грузии вам ласка и почет.
Четверть века вскапывали грядки,
Почки набухают круглый год,

Грузия весь год на страже мая,
В ней зима похожа на весну.
Я вам звезд на гнезда наломаю,
Вас в стихи зимою заверну.
Режьте, режьте воздух беспредельный,
30 Быстрые, как ножниц острия!
Вас, как детство, песней колыбельной
Обступила Родина моя.
Что же ты шарахаешься, птаха?
Не мечись, не бейся — погоди.
Я у слова расстегну рубаху
И птенца согрею на груди.

РАБОТА

Настоящий поэт осторожен и скуп.
Дверь к нему изнутри заперта.
Он слететь не позволит безделице с губ,
Не откроет не вовремя рта.
Как блаженствует он, когда час молчалив!
Как ему тишина дорога!
Избалованной лиры прилив и отлив
Он умеет вводить в берега.

Я сдержать налетевшего чувства не мог,
Дал сорваться словам с языка,
И, как вылитый в блюдце яичный белок,
Торопливая строчка зыбка.

И, как раньше, в часы недовольства собой —
Образ Важа Пшавелы при мне.
Вот он сам, вот и дом, вот и крыша с трубой,
Вот и купы чинар в стороне.

И как к старшему младший, застенчив и нем,
Подхожу я к его очагу
И еще окончательнее, чем пред тем,
Должных слов подыскать не могу.

Я ищу их, однако, и шелест листа
Пробуждает под утро жену.
Мы читаем сомнительные места.
Завтра я их совсем зачеркну.

И начальная мысль не оставит следа,
Как бывало и раньше раз сто.
Так проклятая рифма толкает всегда
Говорить совершенно не то.

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

Ни слова пока о дожде.
Все после о нем уяснится.
То просо мешают в воде,
То с веток летит шелковица.
То в капанье слышится треск
Расправленных крыльев павлиньих,
То их переливчатый блеск
Мерещится в молниях синих.

К дождю обратим все мечты.
Прижмемся на улице к зданьям.
Средь давки откроем зонты,
В толпе под платанами станем.

Дождь шлепает по мостовой
И брызжет струями с балкона.
Дождь хлопает над головой
Забытою рамой оконной.

Я сам становлюсь бестолков.
Мне слышится в плеске капели
Твой шаг, стук твоих каблуков
По каменным плитам панели.

Мы встретимся чуть погодя,
Душой освеженной воспрянув.
Ведь только и после дождя
Приходят развязки романов.

Ни слова пока о дожде.
Сначала увериться надо,
Что не пострадали нигде
Зеленые всходы от града.

Но ярко блестят зеленя,
И свет отражается в лицах,
И капли, пленяя меня,
Дрожат у тебя на ресницах.

Ни слова пока о любви.
Она еще тайной покрыта.
Но истину установи:
Дождь — самый большой волокита.

ЦВЕТЫ

С цветами входя, ты снаружи
Заносишь дыханье полей,
Тебе, целый день недосужей,
Средь них хлопотать веселей.

Я ставлю цветы эти в банку

С сознаньем, забытым давно:
Дни лета, я встал спозаранку,
Дни детства, и в доме темно.

Иные цветы — словно шпорцы
Жар-птицы. Свидетель я сам, —
Дивились суровые горцы,
Как дети, мудреным цветам.

Иные цветы вроде рога.
Иные как помощь в пути.
С тобой мы берем их в дорогу,
Чтоб с честью до цели дойти.

Цветы не бывают пустыми:
В них воздух, в них ветер сокрыт.
Наряд твой, украшенный ими,
Как бы бубенцами обшит.

Возьмем их и к платью приколем
И к выходу, к двери шагнем,
И вот, виноградником, полем,
Дорогой становится дом.

Я ставлю их в сердце, как в вазу,
Цветами уставив весь стол.
Для них я бродил по Кавказу
И родину всю обошел.

Я шел и не видел покоя,
В пути головы не терял,
Я думал о ближних с тоскою,
Я жатву для братьев сбирал.
Теперь, вдохновленный цветами,
Трублю я по-прежнему в рог.
Я выкинул юности знамя,
Я пламя усердья разжег.

ТАБАК

Верным спутником был мне табак.
Не смогу я расстаться с кореньем.
Спичка гонит души моей мрак,
Стройность звезд придает размышленьям.
За работаю дым табака —
Самый лучший мой друг и советник.
Струйки тянутся в высь потолка
Через серые звенья колечек.
Точно ладан окутал алтарь,
Или дым в курене, как в берлоге,
Или в рощу врезается гарь

Паровоза с железной дороги.
День дождливый. Ущелье Чечни.
Скрип арбы. Туч несущихся клочья.
Электрических станций огни
Где-нибудь в глубине среди ночи.
К огорчению близких, табак
Стал курить я особенно крепкий.
Чтоб удачно писать, как-никак
Я нуждаюсь в хорошей зацепке.
Я не брошу курить, и куря,
Как бы вижу в дыму папиросы:
Склон, поросший травой. С пустыря
Я спускаюсь к речному откосу.
На ладони спиральный узор
Недокуренного никотина, —
Точно вид затуманенных гор
Застилает мне дали картину.

В ТЕНИ ПЛАТАНОВ

По обсаженной улице этой
Я ходил молодою порой.
Под платанами два силуэта.
Это — мой, а второй — это твой.

Ты проходишь под ними, не глядя.
Ты идешь, не смотря на листву.
Очутившись опять в их прохладе,
Я былое обратно зову.

Под стволами воронки в панели.
Камнем выложены их края.
Наши тени близ них уцелели —
Вот моя, а вот эта — твоя.

Листья осенью прыщут, увянув,
Облетает, лежит большинство.
Если срубят один из платанов,
В яму стану я вместо него.

Не платаны уходят, а время,
А платаны глядят ему вслед.
Я стою здесь с деревьями всеми
И тебе посылаю привет.

Я шаги твои раньше узнаю,
Чем платаны начнут шелестеть.
Ты меня на панели у края,
Как бывало, по-прежнему встреть.

СНЕЖОК

Ты в меня запустила снежком.
Я давно человек уже зрелый.
Как при возрасте этом моем
Шутишь ты так развязно и смело?
Снег забился мне за воротник,
И вода затекает за шею.
Снег мне, кажется, в душу проник,
И от холода я молодею.

Что мы смотрим на снежную гладь?
Мы ее, чего доброго, сглазим.
Не могу своих мыслей собрать.
Ты снежком своим сбила их наземь.

Седины моей белой кудель
Ты засыпала белой порошей.
Ты попала без промаха в цель
И в восторге забила в ладоши.

Ты хороший стрелок. Ты метка.
Но какой мне лечиться микстурой,
Если ты меня вместо снежка
Поразила стрелою амура?

Что мне возраст и вид пожилой?
Он мне только страданье усилит.
Я дрожащей любовной стрелой
Ранен в бедное сердце навылет.

Ты добилась опять своего,
Лишний раз доказав свою силу,
В миг, когда ни с того ни с сего
Снежным комом в меня угодила.

КАРЛО КАЛАДЗЕ

ЗИМА
...Снова, по-видимому,
Придется в стихах побалакать,
Лучше не выдумаю,
Чтоб сделаться ведомым всякому...

Словом, начнем про погоду. Гнилая распутица,
Ветер и снег. Короче — это зима.
Глянешь в окошко, и ворон на ветке очутится,
Сад, как картина, висящая криво весьма.

Надо заметить — аллеею вышеописанной
10 Сам Инашвили гулял до последних недель.
Думаю, больше он из дому носу не высунет.
Станет он тоже студить своей глотки свирель!

К делу, однако. Итак, предо мной, весь источенный,
Сухо качается сада истлевший скелет.
Чуть где-нибудь незамеченный вздрогнет листочек, —
Ветер заметит и срежет за прочими вслед.

Что возразишь? Чем ответишь грядущим метелям?
Дело естественным кажется даже листве;
Только в прохожем с тяжелым служебным портфелем
20 Это рождает обидный сумбур в голове.

Но не о том я. Когда вечерами на ветке
Каркает ворон, развилье сука раскачав,
Не по себе мне, и, вдруг расхандрясь напоследки,
Счастья не чаю и жду неизвестных растрав.

А говорят ведь — на дереве чуть не столетья ль
Ворон, где выберет, зиму и лето живет!
Орбелиановой, может быть, жизни свидетель,
Он очевидец и наших удач и невзгод.

Карло Каладзе

Век его долгий, и глаза недоброго порчу
Я для сравненья кой с кем привожу, как намек,
Воображаю, какую бы рожу он скорчил,
Мой ненавистник, когда б я назвать его мог!

Впрочем, из нас кто не сталкивался со злоречьем?
Кто из боровшихся мелких интриг не знавал?
Шедшим к победе и раны в сраженьях обретшим
Ворон от века открытую печень клевал.

Главное — нет от него никакого спасенья.
Вот он уставил в меня беспокойный свой взгляд.
Сбить его пулей? Но можно ли без униженья
Сдуру на ворона жалкого тратить заряд?

Как же тут быть? И не в небо ли пальцем я тыкал,
Шум подымая вокруг рядовой чепухи?
Вот наважденье! Но ворон мне зиму накликал,
Горе накаркал, и это попало в стихи.

ИЗ ПОЭМЫ «УЧАРДИОНИ»

Два дерева, ошеломляющих взгляд,
У дома, державно обнявшись, стоят.
В прохладе, под тенью нависших вершин,
Изрядной вместимости винный кувшин.
Он пуст, как и девять таких же, как он,
Зарытых неподалеку испокон.

И с сыном отец, волоча костыли,
К деревьям, как тени, без сил подошли.
Родитель, ослепший с давнишней поры,
Касается дряхлой рукою коры.
Что сил ему юных бывалый задор?
Сегодня он должен оставить свой двор!
И в горе, и в гордости, и в забытьи
Он шепчет: «Прощайте деревья мои!»

«Твои?» — удивляясь и как бы смеясь,
Ветвей повторяет зеленая вязь.
«Твои?» — вопрошают столетья, шумя
Деревьями ластящимися двумя.
И двое владельцев уходят в их шум,
Прижавшись к деревьям смеющимся двум.

САМЕД ВУРГУН

ФИЛОСОФИЯ жизни

Как уносятся птиц вереницы,
Поколенья уходят в отлет, —
Человечество то веселится,
То отраву смертельную пьет.

То в тисках, то ломая оковы,
Точно русла стареющих рек,
Изменяются снова и снова
И вселенная и человек.

Всех нас счастье влечет изначала,
Но, над нами смеясь искони,
Подпускало к себе, ускользало
И звало на бегу: «Догони!»

О безумная, дивная пери,
Брось негодную, злую игру.
Я свидетельствую и верю:
Все живое стремится к добру.

Этой тяги таящейся ради
Окажи свою помощь живым.
Смерть — проклятое ада исчадье,
Жизнь — сияющий серафим.

С сотворения мира две силы —
Свет и тьма — в вековечной войне.
Тьма — зияющая могила,
Солнце — к воле взывает извне.

Зло досталось вселенной в наследье

В незапамятные времена,
Но, дыханье зимы обезвредя,
Настает в наших душах весна.

Между горестями и весельем
Нет похожего ничего.
На два мира особенных делим
Мы уныние и торжество.

Но крылит из столетья в столетье
Мысль, исполненная огня, —
И фантазия щелкает плетью,
Погоняя веками коня.

Утро счастья, таинственный гений,
Перелей благодать через край,
Осчастливь и направь поколенье,
Руку помощи людям подай.

Чем ты радовать станешь, стихия,
Если будешь, как камень, гола?
Как бездетности недра сухие,
Бесполезные гибнут дела.

Не сойди же со сцены в бесплодье,
Стань за новую правду горой.
Дай победу над рабством свободе,
Славой сторону нашу покрой.

Божество прошлых дней, угнетенье,
Нами вдоволь натешилось встарь.
Ожила и становится тенью
Эта подлая старая тварь.

Счастье — детище нашего века
И, как истинное дитя,
Улыбается человеку,
Солнцем будущего светя.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

БАЛЛАДА СПАСЕНЬЯ

Брату моему, молодому доктору,
находящемуся в экспедиции
на Северном Ледовитом океане

В мировой войне, на фронте, у границы,
В Трапезунде или где-то по пути
Потерял сосед наш верного кормильца
Сына, Мике именем, лет двадцати.

Он не слыл убитым, но кто б мог поручиться,
Что, куда-то канув, он явится со дна?
Без вести пропал он, значилось, с позиций,
И семью уведомил об этом старшина.

Доцветал сентябрь. Смеркалось. Полусонно
Опускалось солнце, совершив свой путь.
И тогда раздался крик оповещенных.
Помню, долго-долго мы не могли уснуть.

После многих слез, как сил не стало плакать,
Близкие пропавшего, как требовал обряд,
Подрядили на ночь плакальщицу Маку,
В крик проголосившую эту ночь подряд.

Днем съезжаться стали. Табором бродячим
Потянулись арбы родных со всех сторон.
И хоть он отсутствовал, заупокойным плачем
Проводили Мике полным чином похорон.

Мать моя тогда, средь них явившись в черном,
Села между плакальщиц и залилась навзрыд.
Кучами толпились на дворе просторном,
Под чинарой стол был, как в посты, накрыт.

Мама после этого проплакала неделю.
Тайным чем-то сердце жег ей этот плач.
В ту пору еще мы не осиротели.
Жив был наш отец, красавец и силач.

«Не гневи ты Бога, — приказал он маме, —
Выла — хватит. Сил нет слушать эту дичь.
Клича о беде за девятью горами,
Нам, смотри, чего на шею не накличь».

Созвала нас мать, объятая тревогой,
Со всех ног слетелись к ней мы на порог.
Восхвалив за все ниспосланное Бога,
Помолились, чтоб и дальше нас берег.

Ведали ль мы что о материнской пытке,
Маленькие в те большие времена?
Даже наш волчок ореховый на нитке
Повторял звеня: война, война, война.

Страх за нас с тех пор не мог уж их оставить,
Приютясь в углах родительских сердец:
«Дети подрастут, опять войну объявят,
Заберут на фронт, а там прощай, конец».

Брат, о как летит безжалостное время!
За мгновеньем миг и за порой пора.

Так давно ль мы были мальчиками теми?
Кажется, — вчера или позавчера.

Но семнадцать лет, семнадцать без изъятья,
1 Мановеньем ока канули во тьму.
Думаешь, судьбы костлявые объятья
Отнялись и впредь не страшны никому?
Слушай: помнишь, как пред смертью наш
страдалец,
Поручив нас маме, и о том скорбя,
Чтобы в жизни мы с тобой не затерялись,
Саван свой могильный выбрал для себя?

Помнишь, как потом мы бились, горемыки,
Пробиваясь к свету? А теперь, взгляни:
Будущность в руках, избегнут жребий Мике,
Да и о войне не слышно в наши дни.

Ах, но только ль фронт превратностями скользок?
Тверже ли уклад в уюте и быту?
Мало ли и тут проспавших жизнь без пользы
И из темноты ушедших в темноту?

Зрячими родясь, в потемки из потемок
Разве не блуждают слепо и теперь?
По каким следам отыщет их потомок?
Но никто не плачет от таких потерь.

К нашей чести, нас к рядам их не причислят.
'Не за то боролись, не к тому идем.
Не пропали мы ни в переносном смысле,
Ни, как бедный Мике, в горьком и прямом.

Веря и надеясь, смотрим вдаль недаром,
К полюсам ли держим или строим быт,
Там тебя от льдов прохватывает жаром,
А меня тут солнце юга леденит.

В тот же путь, что ты, пускались и другие,
Не герой ли Фритьоф Нансен? Но суда
Сплющивала в блин стесненных волн стихия,
'На себе вздымавших панцири из льда.

Но на то ведь ты и сын страны бесстрашья,
По которой ходит ледоколов строй,

Чтобы быть во всем как поколенье наше,
Где почти что всякий — рядовой герой.

И теперь, заплыв на шпиль земли, у цели,
И глаза на брата сверху вниз скосив,
Подтверждаешь мне сквозь мрак и вой метели,

Что совсем не так велик ее массив.

Но вперед, корабль, сквозь стоны непогоды,
В пенье льдов вплети совсем иной мотив,
Не погибли мы в превратностях похода,
Но и не пропали, небо зря коптив.

АШОТ ГРАШИ

* * *

Я родился в седле

Растопляли снега

Конным рыцарем счастья. Огневые подковы.
Было солнце в селе

Жеребцом рыжей масти.

Солнце — конь боевой —
Мчалось вдоль по обрыву
И трясло головой
И косматою гривой.

Конь скакал по хребту
Без труда и без страха,
Превзойдя быстроту
Лошадей Карабаха.
То он брал перевал
Через крайние горы,
То он переплывал
Ледяные озера.

По утрам при звезде
И потом на заходе
Конь тащил по воде
Золотые поводья.

Конь легко в высоту
Поднимался с размаху,

Где ступала нога
Скакуна боевого,
Превзойдя быстроту
Скакунов Карабаха.

# # #
Мои глаза, из глубины долины
Любившие к горам и к небу льнуть,

Которыми с дней юности невинной
Я девушкам невольно ранил грудь,
Мои глаза степного бедуина, —
Вы прахом станете когда-нибудь.

И вы, о руки, ни на миг единый
Усталости не знавшие ничуть.
Вздымавшие стихов моих махины,
Вам тоже, тоже смерти не минуть,
Вы канете когда-нибудь в пучину.
Вы прахом станете когда-нибудь.

О ноги, вы, проделавшие длинный,
Извилистый, тернистый, трудный путь,
Вы, вброд переходившие стремнины,
Чтобы до высей снежных досягнуть,
Вы обратитесь в пыль, песок и глину, —
Вы прахом станете когда-нибудь.

Не надо унывать. Долой кручину!
Не в смерти дело, в превращенье суть!
Всему меняться в мире есть причина.
Растенья осенью хотят уснуть.
Ты, плоть моя, не избежишь кончины,
Ты прахом стать должна когда-нибудь.

Но я не сгину. Я надгробье сдвину
В стремленье встать и ветви разогнуть.
Я персиком цветущим тень раскину
И буду воздух листьями тянуть.
Земля! По зову песни соловьиной
Я оживу, очнусь когда-нибудь.

* * *

Петухи поют на гумнах.
Пенье крикунов безумных
Будит все село.

Лилии глаза открыли,
Полные росы и пыли.
Рассвело.

Рядом с песнею горластой
Вспоминается мне часто
Детская пора.

Детство предстает, волшебней
Петушиных шпор и гребней,
Игры, детвора.

Время шло под песню эту.
Петухи кричали где-то,
Лето... Вновь зима...

Встретим год, и провожаем,
И богатым урожаем
Полним закрома.

В детском краю возле дома
Жаворонок, звеня,
Совьет гнездо из соломы,
Из усов ячменя.
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

Розы отцовского сада
Станут толпой у плетня,
Выбегут за ограду
Гулять в поля, в зеленя.
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

Пережитые событья,
Мыслям и сердцу родня,
Вечно, как звезды, ночами светите
До наступления дня!
Будет весна
В те времена,
В дни, как не станет меня.

АМО САГИЯН

МОЕМУ ВОРОТАНУ

Кому досадно, а кому смешно,
Что о тебе я говорю давно,
Что грохоту твоих порогов в тон
Язык моих писаний посвящен.
Ты из веков торопишься в века,
Армении родимая река!
Питаясь таянием ледников,
Ты паром вновь встаешь до облаков.
И как ни «узок» и ни «стар» твой путь,
Завидую тебе, не обессудь.

ВОРОТАН

Ложится небо синью первозданной
На снежных гор курчавый завиток.
Внизу бушуют волны Воротана,

Разбрасывая воду и песок.

Амо Сагиян

Вода ли, сумасшествуя, взбесилась,
Иль небо, с миром потерявши связь,
На голову высоких гор свалилось
И ниже устремляется, катясь?

Фонтаном брызг, кипящим ливнем пены,
Вода потока тяжестию всей
Бросается на каменные стены,
Как стая перепуганных гусей.

Бушуя и шумя, ты выйдешь к морю,
Пробивши путь средь камня и песка,
С безоблачностью дня и неба споря,
Сестра поэта, чудная река.

Рождай в ущельях отзвук неустанный,
Из пропасти подпрыгивая ввысь,
Спеши вперед, теченье Воротана,
Зови и увлекай, и вечно мчись.
* * *
Стремительно летит машина.
Вот и последний поворот,
Где отчий дом на дне долины
Опять передо мной мелькнет.

Но чуть я этот дом замечу,
Опять негадан и не ждан,
Мне волны выкатит навстречу
Покрытый пеной Воротан.

В оцепенении застыну,
Чтоб в море он с собой отнес
Мой приступ грусти беспричинной
И бурю радости и слез.
* * *
Куда вы плывете, усталые тучи,
Над далью морскою, над ширью мирской,
Покоя не зная, с такою тоской
Дожди изливая, как слезы, рекой.
Куда вы плывете, усталые тучи?

Куда вы плывете усталые тучи?
В вас ветра прохлада, и сырость морей,
И запах платанов и осокорей,
Растущих в ущельях у наших дверей.
Куда вы плывете, усталые тучи?

Куда вы плывете, усталые тучи?

Ночами под звездами вы не одни —
Мерцаньем своим вас пронзают они,
А в дни грозовые в вас молний огни.
Куда вы плывете, усталые тучи?

Куда вы плывете, усталые тучи,
Одна за другой вереницей подряд,
Прильнув к Арарату, обняв Арарат
И грома катя надо мною раскат?..
Куда вы плывете, усталые тучи?

КОММЕНТАРИИ

Шестой том составили впервые собранные вместе переводы Пастернака из западной и восточной поэзии. К сожалению, из-за технических условий состав тома не может претендовать на полноту представленных стихотворных переводов. Драматические произведения Шекспира, Бен Джонсона, Клейста, Шиллера, Ю. Словацкого в переводах Пастернака прилагаются к собранию сочинений в виде компакт-диска.

В творчестве Пастернака поэтические переводы занимали значительное место. Общий объем переводов, сделанных им, намного превышает его оригинальное творчество, — художественная правда, которую он стремился высказать, всегда натыкалась на непреодолимые преграды времени, в которое он жил.

В последние годы он с болью ощущал этот перекос и наименование «переводчика», которым его награждали современники, воспринимал как оскорбление. Однако эти обстоятельства не снижают огромного значения результатов его переводческой деятельности, сделавшихся достоянием русской поэзии.

Первые попытки переводов Пастернака совпадают с началом его занятий литературой, — в его студенческих тетрадях с конспектами лекций и руководств по философии, среди стихотворных и прозаических набросков, сохранились переводы Р.-М. Рильке — поэта, который играл особую роль в художественном самоопределении Пастернака. «Я всегда думал, что в своих собственных опытах, во всем своем творчестве, — писал он, — я только и делал, что переводил и варьировал его мотивы, ничего не добавляя к его собственному миру и плавая всегда в его водах» (письмо к М. Окутюрье 4 февр. 1959, перевод с франц.). После смерти Рильке Пастернак перевел два его «Реквиема» и посвятил его памяти «Охранную грамоту» (1931). В конце жизни для автобиографического очерка «Люди и положения» (1956) были переведены еще два стихотворения.

В 1910-е гг. Пастернак переводил А.-Ч. Суинберна, Э. Верхарна, Г. Клейста. В 1919 г. были переведены четыре стихотворные драмы Клей

ста и Бен Джонсона, интермедии Ганса Сакса, поэма Гете «Тайны», стихи Шарля Ван Лерберга.

Но если ранние переводы были для Пастернака школой сознательного приобретения профессиональных навыков и выработки художественной независимости, — то в это время договорную работу по заказам издательств Пастернак называет «побочным заработком», «против которого... ничего возразить не имею», — добавляетон, считая «прямым заработком... оплату художественного оригинального труда, при возможности издания» («Анкета московского профессионального Союза писателей и Союза поэтов», 1919).

Переводы выполнили свою «дисциплинарную» роль, но, несмотря на издания оригинальных книг, необходимость в этом заработке периодически возникала. Так появились переводы из Георга Гервега и немецких импрессионистов. Но со временем все более отчетливым становилось понимание, что на переводы отдаются душевные силы и время, необходимые для собственного творчества.

Во время поездки в Грузию в 1931 г. Пастернак познакомился с грузинскими поэтами Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе и попробовал переводить их стихи. Это были первые опыты перевода с незнакомого языка. Поэты сами делали подстрочники, читали свои вещи по-грузински, чтобы он мог услышать размер и музыку стиха. Круг знакомств быстро расширялся. Пастернак стал переводить Симона Чиковани, Георгия Леонидзе и мог выбирать для работы наиболее близкое ему по духу и тематике, — но когда чувствовал, что публикация стихов на общественные темы может помочь и поддержать друзей, подвергавшихся политическим нападкам, он неожиданно брался переводить вещи подобного плана (в их числе стихи о Сталине Мицишвили и Яшвили). Работа вдохновлялась любовью, которую Пастернак встретил в этой стране, и высотой духа, которая сблизила его с грузинскими друзьями. «Тогда Кавказ, Грузия, отдельные ее люди, ее народная жизнь явились для меня совершенным откровением», — писал он в очерке «Люди и положения» (1956).

Трагическая гибель Тициана Табидзе и Паоло Яшвили в 1937 г. стала для Пастернака незаживаемым горем. Вместе с Ниной Табидзе он хлопотал об освобождении Тициана, не зная, что его уже нет в живых. Через 20 лет он так характеризовал это время: «Именно в 36 году, когда начались эти страшные процессы (вместо прекращения поры жестоко-стей, как мне в 35 году казалось), все сломилось во мне, и единенье со временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал. Я ушел в переводы. Личное творчество кончилось» («Искренняя, одна из сильнейших...» — из «Мелких записей». Т. 5 наст. изд.).

С середины 1930-х гг. переводческая деятельность Пастернака становится особенно интенсивной. «Я сейчас много перевожу, — писал он. — Тут и какой-нибудь грузинский поэт или кто-нибудь из революционных немцев, и Верлен, и французские символисты, и Ганс Сакс XVI века, и кто-нибудь еще. Между прочим, займусь и англичанами для

одной антологии, еще не знаю кем, вероятно, Китсом, Байроном, может быть, Блейком, может быть, даже Спенсером» (Р. Н. Ломоносовой 14 апр. 1938). В эти годы значительно расширился круг переводимых европейских поэтов: Верлен, Шекспир, Ките, Бехер, Р. Альберти.

«Смысл» своего обращения к переводам в период нависшей над Европой угрозы фашизма Пастернак объяснял тем, что «это соответствует моей тоске по Европе... моей всегдашней мысленной жизни в ней» (письмо Л. Л. Пастернак-Слейтер 25 апр. 1936). С другой стороны, он признавался, что эти работы были предприняты «под влияньем общего горя. Оно отравило мне притягательность современных задач, затруднило печатанье и толкнуло на путь переводов» (Дарственная надпись Нине Табидзе // «Русский литературный авангард: Материалы и исследования». Тренто, 1990. С. 266).

«Чем сильнее лирический поэт, — писал А. Блок об А. Григорьеве, — тем полнее судьба его отражается в стихах <...> Даже большинство переводов Григорьева созвучно с его душою, несмотря на то, что он часто работал по заказу: еще один признак истинного художника». Эти слова вполне соотносятся с творческим темпераментом Пастернака.

Выбор поэтов далеко не случаен, в первую очередь, это те, мир поэзии которых с юности близок ему и дорог, и переводы стали долгом ученичества и преданности, желанием познакомить с ними русского читателя. Это свойство было подмечено и оценено критикой. А. Евгеньев писал в «Литературном обозрении»: «Переводы Пастернака заслуживают высокой оценки <...> они входят в творческий мир поэта как вехи, определяющие в какой-то степени его собственный творческий путь, потому что Пастернак, одержимый любовью к переводимым поэтам, сумел передать и читателю это великолепное творческое волнение» (1939, № 3).

Защищая Пастернака от обвинения К. Л. Зелинского в «опастер-начивании» грузинских поэтов, Д. П. Святополк-Мирский сопоставлял переводы Чиковани и Леонидзе у Пастернака и Н. Тихонова и утверждал несомненную отчетливость «ярких индивидуальностей

отдельных поэтов. Не только Важа Пшавела не похож на современных поэтов, не только Гришашвили не похож ни на "голуборожцев ", ни на "пролетарского поэта" Каладзе, но и внутри самих "голуборожцев" мы совершенно четко отличаем несколько жесткую и рационалистическую мужественность Паоло Яшвили от тонкой романтической серьезности Тициана Табидзе, от музыкальной динамичности Леонидзе или от космополитического урбанизма Гаприндашвили» («Литературная газета», 24 окт. 1935).

В нескольких работах 1940-х гг. Пастернак формулирует принципы своей переводческой деятельности: «Переводы либо не имеют никакого смысла, либо их связь с оригиналами должна быть более тесною, чем принято. Соответствие текста — связь слишком слабая, чтобы обеспечить переводу целесообразность. Такие переводы не оправдывают обещания. Их бледные пересказы не дают понятия о главной стороне предмета, который они берутся отражать, — о его силе. Для того чтобы

перевод достигал цели, он должен быть связан с подлинником более действительной зависимостью. Отношение между подлинником и переводом должно быть отношением основания и производного, ствола и отводка. Перевод должен исходить от автора, испытавшего воздействие подлинника задолго до своего труда. Он должен быть плодом подлинника и его историческим следствием» («Заметки переводчика», 1943).

Осенью 1945 г. по просьбе Симона Чиковани Пастернак перевел собрание стихотворений Николая Бараташвили к 100-летию со дня его смерти, широко отмечавшемуся в Грузии. Вскоре после начала работы он писал Чиковани: «Я смотрел, что сделали в этом отношении раньше <...> Попытка сделать ритмическую комбинацию изо всех слов подстрочника уже произведена, и ее не стоит повторять. Из этого надо сделать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченки, Верлена и других, так я понимаю свою задачу» (9 сент. 1945).

Два года спустя после публикации «Доктора Живаго» за границей и присуждения Нобелевской премии, за несколько месяцев до смерти, Пастернак с болью писал польскому поэту Владиславу Броневскому: «К концу жизни у меня сложилось некоторое имя. Мне стыдно и я рву на себе волосы, что эта известность поддержана таким малым количеством, таким недостатком оригинально написанного, что она мало заслужена и слабо оправдана. Отчего это? Оттого, что полжизни и чьей, — моей, отдано на переводы!!» (2 февр. 1960).

Вместе с тем переводы Пастернака обогатили русскую литературу великими произведениями в высоком поэтическом претворении. Передавая мысли и чувства подлинника, а не только слова текста, Пастернак вернул искусству перевода его литературное значение и вывел из узких границ филологических упражнений.

Составители выражают благодарность за помощь в работе над томом А. В. Вигилянской, Е. Д. Михайловой, М. А. Рашковской, В. Г. Смолицкому.

Материалы семейного собрания Пастернака приводятся без ссылки на архив.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

А. Церетели-1953 — Акакий Церетели. Избранные стихотворения. М.-Л., Детгиз, 1953.

Аветик Исаакян—1945 — Аветик Исаакян. Избранные стихи. М., Гослитиздат, 1945.

Александр Абашели-1957 — Александр Абашели. Избранное. М., Гослитиздат, 1957.

Амо Сагиян—1959 — Амо Сагиян. Зеленый тополь Наири. М., «Советский писатель», 1959.

Антология узбек.-1950— Антология узбекской поэзии. М., Гослитиздат, 1950.

Борис Пастернак. Стихи о Грузии — Борис Пастернак. Стихи о Грузии. Грузинские поэты: Избранные переводы. Тбилиси, «Заря Востока», 1958 (Составление Г. В. Бебутова).

Гервег. Стихи, 1925 — Георг Гервег. Стихи живого человека. М., Государственное издательство, 1925.

Гете. Избр., 1950 — И.-В. Гете. Избранные произведения. М., Гослитиздат, 1950.

ГЛМ — Государственный литературный музей, Москва.

Гораций. Избранные оды. М., 1948 — Квинт Гораций Флакк. Избранные оды. М., Гослитиздат, 1948.

Грузинские поэты-1946 — Грузинские поэты в переводах Бориса Пастернака. М., «Советский писатель», 1946.

Грузинские поэты—1947 — Грузинские поэты в переводе Бориса Пастернака. М., Гослитиздат, 1947.

Избр.-1948 — Машинопись неизданного сб. переводов.

«Избранные переводы» — Борис Пастернак. Избранные переводы. М., «Советский писатель», 1940.

ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы.

«Звездное небо» — Звездное небо. Стихи зарубежных поэтов в переводе Бориса Пастернака. М., «Прогресс», 1966.

«Молодая Германия» — Молодая Германия: Антология современной немецкой поэзии. Харьков, 1926.

Музей грузинской литературы — Государственный музей грузинской литературы имени Георгия Леонидзе (Тбилиси).

Навои-1948 — Алишер Навои. Лирика. М., Гослитиздат, 1948.

Незвал. Избранное. 1960 — Витезслав Незвал. Избранное. М., «Иностранная литература», 1960.

Николай Бараташвили-1946 — Николай Бараташвили. Стихотворения. М., «Правда» (Библиотека «Огонек», № 9), 1946.

Николай Бараташвили—1957 — Николай Бараташвили. Стихи. М., Гослитиздат, 1957.

Пастернак. Не я пишу стихи — Борис Пастернак. Не я пишу стихи: переводы из поэзии народов СССР. М., «Советский писатель», 1991 (Составление, текстолог, подготовка и комментарии Е. С. Левитина).

Петефи. Избр. 1948 — Шандор Петефи. Избранное. М., Гослитиздат, 1948.

Петефи. Избр. 1958 — Шандор Петефи. Избранное. М., Гослитиздат, 1958.

Рабиндранат Тагор. Т. 7 — Рабиндранат Тагор. Сочинения в 8 томах. М., Гослитиздат, 1957. Т. 7.

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства.

Собр. соч. — Борис Пастернак. Собрание сочинений в 5 томах. М., «Художественная литература», 1989-1992.

Шандор Петефи. Собр. соч. — Шандор Петефи. Собрание сочинений в 4 томах. М., Гослитиздат, 1952-1953.

Шандор Петефи. Стих. Поэмы. 1971 — Шандор Петефи. Стихотворения. Поэмы. М., Издательство художественной литературы, 1971.

ПЕРЕВОДЫ ЗАПАДНОЙ ПОЭЗИИ

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК (65-8 до н. э.) - классик римской литературы, автор сборников «Сатир», «Од», «Эподов» и «Посланий». В юности Гораций примкнул к сторонникам Брута в его борьбе против Октавиана и Антония, участвовал в неудачном сражении при Филиппах (42 до н. э.). Вернувшись в Рим, сблизился с Вергилием и Меценатом, который после окончательной победы Октавиана стал его советником по вопросам культуры. Меценат ввел Горация в круг приближенных Августа.

Пастернак знал латинский язык по классической гимназии и университету; две оды Горация переведены по просьбе Я. Э. Голосовкера в 1947 г. для готовившегося им сборника.

К Мельпомене (С. 6). — Гораций. Избранные оды. М., 1948. — Автограф (собр. С. О. Шмидта), под назв. «Ода XXIX»; вариант

ст. 4: Не прельстит, ни успех в конном ристалище.

(исправлено рукою Я. Э. Голосовкера: «ристании»).

Ода входит в четвертую книгу од (V, 3), написана в 17 г. до н. э.

Мельпомена — муза трагической поэзии. Капитолий — римский кремль на Капитолийском холме, в котором происходило чествование триумфаторов. Но в тибурской глуши... — окрестности города Тибура (совр. Тиволи) в Лациуме, к востоку от Рима; город располагался на живописных берегах реки Анио, недалеко от известного водопада.

На возвращение Помпея Вара (С. 7). — Гораций. Избранные оды. М., 1948; вариант ст. 5: Помпей, о лучший из собутыльников.

—Автограф (собр. С. О. Шмидта) без назв.; под номером XVI; ст. 18, 21, 26 исправлены рукою Я. Э. Голосовкера; в окончательном тексте — первонач. варианты Пастернака.

Ода входит в состав второй книги од (И, 7).

Комментарии

Помпеи Вар (?-30 до н. э.) соученик Горация в афинской академии и соратник в битве при Филиппах. В отличие от Горация, он продолжал свои военные походы до 25 года до н. э. и после полученного от Октави-ана прощения возвратился в Рим. ...свидетель Брутовой гибели... — в битве при Филиппах Гораций и Помпей Вар участвовали на стороне Марка Юния Брута (85-42 до н. э.), потерпевшего поражение. Когда я бросил щит под Филиппами... — по мнению Голосовкера, «потеря щита» — традиционный литературный мотив отказа от политики, а не признание в трусости, как принято считать (см. «Бежал, позорно бросив щит...» в переводе А. С. Пушкина «Кто из богов мне возвратил...», 1835). «...Он бросил свой щит под Филиппами в эпоху гражданских войн. Теперь он только поэт», — пишет Голосовкер («Избранные оды». С. 126). Меня Меркурий с поля сражения / В тумане вынес... — свое спасение Гораций рисует в образах поэм Гомера, где боги спасали героев, окутывая облаком, которое делало их невидимыми. Забудемся над чашами мйссика... — знаменитое вино, изготовляемое из винограда с горы Массика в Кампании, считалось одним из лучших среди кампанских вин (фалернское, цекубское, каленское).

ГАНС САКС (1494-1576) — немецкий поэт-«мейстерзингер» (мастер пения). Родился в Нюрнберге и был сыном портного. После окончания латинской школы он стал заниматься сапожным ремеслом. Правилам стихосложения его научил один ткач. Поэтическое творчество настолько увлекло Сакса, что он решил посвятить ему жизнь. «Узости мейстерзингеров Ганс Сакс изменил с самого начала. События двадцатых годов XVI века, деятельность Лютера и крестьянское движение рано превратили его в политического памфлетиста и сатирика», — писал Б. Пастернак («Ганс Сакс». Предисловие переводчика, 1939). Творческое наследие Ганса Сакса насчитывает свыше шести тысяч произведений. Среди них гимны религиозного содержания, басни, сказки, рассказы, анекдоты и более двухсот пьес для народного театра. «Интермедии» Сакса — это короткие комедии с нравоучительным подтекстом («Fastnachtsspiele», то есть масляничные представления). «Бытовые и дидактические эти интермедии изобилуют юмором, тонкой наблюдательностью и носят отпечаток недюжинной житейской мудрости. Усмешка присуща им в той высокой степени, в какой она почти всегда бывает единственным прибежищем большого ума, утомленного частыми социальными разочарованиями», — писал Пастернак («Предисловие к Саксову "Фюнзин-генскому конокраду и вороватым крестьянам"», 1922). С конца XVIII века писатели Германии обращаются к его творчеству. Молодой Гете подражает ему в «Масляничных фарсах» и «Прафаусте» и посвящает ему небольшую поэму «Поэтическое призвание Г. Сакса» (1776). Пастернак называет его «далеким первопредшественником пролетарских и крестьянских поэтов, бывших и какие когда будут; в том числе и наших, па

раллель же между ним и Демьяном Бедным напрашивается с неотразимостью» («Ганс Сакс», 1919).

Переводы Г. Сакса были сделаны в 1918 г. по заказу Театрального отдела Наркомпроса; 14 окт. 1920 г. был подписан договор с Госиздатом, на публикацию интермедий в объеме

1000 строк. Эти издания не состоялись, переводы были впоследствии опубликованы в разных журналах и в сб. «Избранные переводы».

Немецкая масляница (С. 8). — «Красная новь», 1938, № 9; варианты: ст. 5: С досады вышел я пройтись

ст. 61: Чей вид всех больше невпопад ст. 106: Для всех как чудо я морское ст. 143: Мы позовем — пускай пирует.

— «Избранные переводы».

«Немецкая масленица» — образец популярного средневекового жанра юмористического стихотворного рассказа («шпруха»), признанным мастером которого был Ганс Сакс.

Написано 18 февр. 1540 г.

Эйленшпигель со слепцами (С. 12). — «Красная новь», 1938, № 9; варианты:

ст. 84: А прямо к нам ведь норовят ст. 157: Поверила, и — дура, вижу ст. 176-177: Ну, а какой же твари сирой

Отвел свиной ты, вижу, хлев? ст. 188: За что их мучить и к чему? ст. 206: Не ходит, возгордясь, к обедне ст. 238: Что час для Ганса Вирта пробил ст. 246: И впрямь найдется им порука? ст. 248: Смеется, видно, что нашлась ст. 250: Нашел. Несчастных пожалели ст. 255: Раз так, то дело не во днях

— «Избранные переводы». — Автограф 1919 г. с авт. правкой 1930-х гг. Лития — общее моление во время праздничной всенощной.

Корзина разносчика (С. 26). — «Молодая гвардия», 1940, № 1; варианты:

ст. 33: Бери. Не ранний час — обед ст. 35: Бери! А я вот погожу ст. 50: Ну, ладно, подымай корзину! ст. 98: Известно почему: с досады ст. 128: Ждем новых пол, обед в исходе, ст. 159—160: Потом — резонами, острасткой, Туда, сюда, смешком, побаской

Комментарии

ст. 203—204: Такой корзина-то по праву.

А многим ли ты лучше, пава?

ст. 215: Хотя бы десять раз прижал,

ст. 231: Не помню ни зимой, ни летом

— «Избранные переводы». — Автограф 1919 г. с авт. правкой 1930-х гг.

Смотрел за делом, как за зернью... — зернь — игральные кости. Мне в Форхайм, нам не по пути. — Известно несколько немецких городков с таким названием, наиболее близкий к Нюрнбергу, очевидно, и упоминается Саксом.

Написано, по-видимому, в 1556 г.

Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне (С. 36). — «Красная новь», 1922, № 5 (ранняя редакция). — «Избранные переводы».

Фюнзинген (Фюзинген) — деревня в Баварии. ...куда вступныхне просят... — очевидно, вступительного денежного взноса.

Написано в 1553 г.

УОЛТЕР РАЛЕЙ (РЭЛИ) (1552-1618) - британский поэт, драматург, историк, а также мореплаватель, участник пиратских экспедиций, естествоиспытатель и музыкант — один из типичных представителей эпохи Возрождения, овеянный авантюрным духом своего времени. Семнадцатилетним юношей простым солдатом участвовал в военных действиях во Франции на стороне гугенотов. В тридцать три года стал вице-адмиралом и фаворитом Елизаветы I. Пересек Атлантический океан с намерением основать в Северной Америке английскую колонию, привез в Европу картофель и табак. В 1588 г. — один из руководителей разгрома испанской Непобедимой Армады. После смерти Елизаветы, при короле Якове I, попал в немилость, был арестован за участие в заговоре и приговорен к смертной казни (1603). Однако через 12 лет заключения освобожден и отправлен королем в новую экспедицию, чтобы добыть для казны золото. Неудачу экспедиции Рэли пытался компенсировать морским грабежом испанских кораблей, что привело к осложнению

дипломатических отношений с Испанией. По возвращении на родину Рэли был снова арестован и казнен.

Сыну (С. 48). — «Избранные переводы». — Автограф, датирован: 11 июля 1938 (ГЛМ, ф. 6135); варианты:

ст. 6—7: Из конопли — пеньковые кнуты.

Из леса в бревнах — виселицы доски.

ст. 9: Заметь, дружок, что врозь им жизнь — малина.

ст. 14: Знакомства с ними в общий день свиданья.

Датируется 1600 г. и обращено к старшему сыну (род. в 1593 г.); представляет собой иронический постскриптум к прозаическому посланию «Советы сыну».

391

Переводы западной поэзии

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564-1616) - был для Пастернака его пожизненной любовью и предметом серьезного изучения. К 300-летию со дня смерти Шекспира Пастернак написал две статьи, текст которых не сохранился. Вероятно, некоторые мысли этих статей отразились в стих. «Шекспир» (1919). В конце 1930-1940-х гг. Пастернак взялся за переводы трагедий Шекспира и в небольших заметках и статье высказал свои мысли о его творчестве («О Шекспире», 1942; «Заметки о Шекспире», 1939-1942; «Новый перевод "Отелло" Шекспира», 1944; «Замечания к переводам из Шекспира», 1946-1956). К1950 г. им было переведено восемь драматических произведений. В 1938 г. Пастернак обратился к сонетам. Как бы подтверждая мысль Пастернака, что перевод возможен только тогда, когда становится «вровень с оригиналом своей собственной неповторимостью», С. Н. Дурылин писал о его переводах: «Пастернак обладает превосходным филологическим и философским образованием, но встречается он с Шекспиром не как стихотворец, сгибающийся под филологическим грузом, а как поэт, подающий руку поэту, чтобы перевести его через "реку времен", на прекрасный берег другой культуры, другого, но дружественного языка» (М. А. Рашковская. Две судьбы: Пастернак и Дурылин: К истории взаимоотношений // Быть знаменитым некрасиво: Пастернаковские чтения. Вып. 1. М., 1992. С. 243).

Сонет 66 (С. 49). — «Молодая гвардия», 1940, № 5-6 (в контексте статьи М. Морозова «"Гамлет" Шекспира»). — «Избранные переводы». — Автограф (ГЛМ, ф. 6135); варианты:

ст. 1—4: Устав кругом, о смерти я молю.

Противно видеть, как живет бедняк

И как богатый гибнет во хмелю,

И доверяясь попадать впросак, ст. 9: И что талантам затыкают рот.

ст. 11: И простодушье «простотой» слывет ст. 13-14: Устав кругом, бежал бы от всего,

Да страшно друга бросить одного.

Сонет 73 (С. 49). - «Новый мир», 1938, № 8.

Сонет 74 (С. 50). — «Вопросы литературы», 1975, № 1 (в письме Г. М. Козинцеву 4 марта 1954); варианты:

ст. 5: Ты вновь разыщешь, их перечитав,

ст. 10: Нисколько не достойный сожаленья.

ст. 12: Случайности добыча, жертва тленья.

— Д. Н. Журавлев. Жизнь: Искусство: Встречи. М., 1985 (в письме Д. Н. Журавлеву 7 марта 1954); вариант

ст. 5: И ты разыщешь, их перечитав,

391

Комментарии

— «Вопросы литературы», 1975, № 1 (в письме Г. М. Козинцеву 14 марта 1954).

Сонет был переведен по просьбе Г. М. Козинцева для концовки спектакля «Гамлет» в Александрийском театре. Козинцев просил перевести сонет «строем наиболее приближенным к строю монологов Гамлета» (письмо Г. М. Козинцева 26 янв. 1954 //

«Вопросы литературы», 1975, № 1), в случае отказа Пастернака режиссер собирался использовать текст Маршака. Желая избежать «кооперирования разноименных текстов», Пастернак исполнил его просьбу (письмо 4 марта 1954). Однако Козинцев предпочел Маршака. «Меня огорчает, что присобачили они ко мне Маршака. Зачем это?» — недоумевал Пастернак (письмо к О. М. Фрейденберг 16 апр. 1954). Впервые познакомившись с переводами С. Я. Маршака в 1947 г., Пастернак писал М. М. Морозову: «Мне и в голову не пришло соперничать с С. Я. в свободе и изяществе. Во-первых, я не надеялся выйти победителем из этого состязания, во-вторых, куда бы увели меня эти усилия от подлинника, который, по-моему, гораздо неряшливее и беднее» (30 сент. 1947).

Зима (С. 50). — «Красная новь», 1938, № 8; вариант ст. 7 и 15: Тью-гу! Ту-ит, тью-гу! Ну и певун!

— «Избранные переводы». — «Баллады и песни английского народа». М.-Л., 1942; вариант ст. 7 и 15 — как в «Красной нови».

— Борис Пастернак. Полное собрание звукозаписей авторского чтения. Государственный литературный музей. Russian Disc. Читает Борис Пастернак. 2000. (Запись сделана в 1947 г.)

Песня из финала комедии Шекспира «Тщетные усилия любви». В тексте ей предшествует песня о весне; песни написаны языком народной поэзии, не связанной строгими нормами салонной речи, и предвосхищают бытовые зарисовки Р. Бернса и У. Вордсворта.

Переведено в 1938 г.

Музыка (С. 51). — «Красная новь», 1938, № 8.

Песенка из хроники «Генрих VIII» (акт III, сц. I). Королева Екатерина, жена Генриха VIII, отвергнутая своим мужем, который влюбился в Анну Болейн, просит придворную даму «спеть песню и рассеять ее тоску».

Лирой заставлял Орфей... — легендарный фракийский певец и музыкант, сила таланта которого приводила в движение деревья, скалы и укрощала диких зверей. Безутешный после смерти своей жены Эвриди-ки, Орфей глушит печаль игрой на кифаре; именно в такой момент его настигла смерть — Орфей был убит киконскими вакханками (Овидий, «Метаморфозы»).

Переведено в 1938 г.

Переводы западной поэзии

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ (1749-1832) был для Пастернака предметом постоянного поклонения и любви, а его творческая плодотворность — недосягаемым примером подражания. Переводить Гете Пастернак начал еще в 1919 г. В 1922 г., будучи в Германии, он посетил Веймар, дом, где жил Гете. «В эти полтора дня, — писал Пастернак брату 16 сент. 1922 г., — я прожил больше, чем за целый месяц своего переезда, и впервые за долгий срок... вспомнил об искусстве, о книгах, о молодости, о существовании мысли на земле и так далее. — В этом тоне и ритме, который удалось мне удержать и по возвращении в Берлин, хотелось бы мне повести свою жизнь теперь и свою работу». Именно в Веймаре Пастернак намечал встретиться с Мариной Цветаевой весной 1925 г., но этому не суждено было сбыться. Когда в 1929 г. Пастернак получил предложение подготовить новый перевод «Фауста», он собирался поделить работу с М. И. Цветаевой. «Предстоит обработать существующие переводы Фауста <...> думаю, половину придется переводить наново <...> Я приму ее (работу. — Е. П.,А. С.) только при условии долговременной командировки в Веймар, хоть сейчас», — писал Пастернак Цветаевой (12 мая 1929). В 1948 г. Пастернак взялся за перевод «Фауста», вторая часть которого была окончена в 1953-м. Начатый из соображений заработка (надо было окупить время для писания романа «Доктор Живаго»), перевод вскоре увлек его: «Область, дух которой выражает собою "Фауст", есть царство органического, мир жизни. Мир этот живет по тем же законам, которые одушевляют замысел "Фауста" и составляют тайну его яркости. <...> Род этой энергии естественно должен был пробудиться и во мне за его передачей. Я счастлив был чувствовать это начало в себе и рядом с собой, пока трудился над русским воссозданием этого чуда, и мне грустно

было расстаться с этой силой по окончании работы» (письмо к М. К. Баранович 9 авг. 1953). Работа Пастернака была высоко оценена в Германии, — исследователи увидели в переводе удивительное проникновение в глубокие и остававшиеся темными и недостаточно выраженными в тексте «Фауста» мысли Гете.

Посвящение (С. 51). — И.-В. Гете. «Тайны». М., изд. «Современник», 1922; варианты:

ст. 15-16: И вот, в темнице туч — с собою сам я.

Оцепленный отвсюду облаками, ст. 20: Кой-где редела, рвалась об кусты, ст. 22-23: Разлука прибавляет красоты...

Еще у утра с мглою шло боренье, ст. 27—31: Глядеть сперва, мигаючи сквозь влагу,

На выси гор, горевшие в огне,

На облака, бежавшие ватагой

К внезапному видению: к жене,

Такой красы, что равной нет на свете.

393

Комментарии

ст. 49: Не назову тебя. Хоть есть и много

ст. 52: В глазах людей ты — цель для всех очей.

ст. 93-94: Владеет им, залогом лучших премий,

Кто принял скромно, в простоте души ст. 107: И новый день у нового порога ст. 109—112: Встречать его мы выйдем вместе, в ногу, И так уйдем. Он будет век цвести, И внук откроет, нашу смерть оплакав, Что дух любви остался жить средь знаков.

— И.-В. Гете. Тайны. Сказка. Р. Штайнер: О Гете. М., 1996 (с учетом авт. правки по тексту 1922 г.). — Экз. книги: И.-В. Гете. «Тайны». М., «Современник», 1922, с авт. правкой 1920-х гг.

Написано в 1784 г. и изначально относилось непосредственно к поэме «Тайны», оставшейся фрагментом. Впоследствии «Посвящение» стало восприниматься как самостоятельное стихотворение, открывая сборники лирики Гете и собрания его сочинений.

Переведено в 1919 г. по заказу издательства «Всемирная литература»; выправленный вариант при жизни Пастернака не публиковался.

Тайны (Фрагмент) (С. 55). — И.-В. Гёте. «Тайны». М., изд. «Современник», 1922; варианты:

ст. 33: А рядом — солнце, бьясь меж туч стоячих, ст. 38: Решится, нет вблизи ль следов людских, ст. 64: Он видит крест. Он взор земле снижает, ст. 77—78: Девиза щит лишен, приобретая

Тем больший смысл под плотной оболочкой, ст. 186: Стремясь наружу, зиждут жизнь стократ, ст. 244: Хвалами вечно подлинной далек, —

— И.-В. Гете. Тайны. Сказка. Р. Штайнер: О Гете. М., 1996 (с учетом авт. правки по тексту 1922 г.). — Экз. книги: И.-В. Гёте. «Тайны». М., «Современник», 1922, с авт. правкой 1920-х гг.

Он вновь, как прозелит, / Каким-то новым чувством очарован... — прозелит — новообращенный. Крест розами увит... — символ религиозно-мистического общества розенкрейцеров, возникшего в XVII в. и близкого к масонству.

Гёте писал поэму «Тайны» в 1784—1785 гг., она осталась незаконченной. Вместо задуманных 3000 октав было напечатано 14 строф «Посвящения» и 44 строфы самой поэмы.

«Тайны» стали первым переводом Пастернака из Гёте. В 1920 г. как эксперт издательства «Всемирная литература» перевод поэмы читал Блок, которому он показался тяжеловесным, непростым, искусственным, хотя и литературным. «Правда, — замечал он, октава — очень трудная для перевода строфа» (Александр Блок. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.—Л., Гослитиздат, 1962. С. 469). Сам Пастернак со свойственной ему стро

393

Переводы западной поэзии

гостью в оценке собственных работ называл свои ранние переводы, в том числе «Тайны» Гете, «удручающе неумелыми писаниями», а отзыв Блока характеризовал как «пренебрежительный, уничтожающий отзыв, в оценке своей заслуженный, справедливый» («Люди и положения», 1956). Фактически рецензия Блока относится только к «Посвящению», перевод самой поэмы он сравнивал с переводом А. А. Сидорова (1913), который, как пишет Блок, «производит впечатление более гётевское». «Тайны» Гете во «Всемирной литературе» не были изданы. Вскоре после выхода книги в 1922 г. в издательстве «Современник» Пастернак сделал в тексте поэмы исправления, но работа не была окончена, некоторые варианты строк остались неотделанными, но говорят об уточнении смысла и упрощении сложных конструкций ранней редакции.

На горных вершинах (С. 65). — И.-В. Гете. Лирика. М., 1966. — Автограф под назв. «Uber allen Gipfeln».

Стих., публиковавшееся под назв. «Ночная песня странника», Гете записал карандашом на стене лесной сторожки близ Ильменау, местечка, куда он скрылся от торжеств, которыми отмечалось его 82-летие в 1831 г. Широко известно в знаменитом переводе Лермонтова «Горные вершины...».

Миньона (С. 65).

1. — Франц Шуберт. «Песни». М., Музгиз, 1950, под назв. «Песня Миньоны (Из "Вильгельма Мейстера")»; варианты: ст. 3—4: Там негой юга дышит небосклон,

И дремлет мирт, и лавр заворожен, ст. 6: Возлюбленный, нам скрыться навсегда,

ст. 7: Ты видел дом? Высокий, пышный фриз

ст. 12: Уйти, мой покровитель навсегда, ст. 13: Ты с гор на туч гряды у ног взглянул? ст. 18: Уйдем, отец мой, навсегда! Туда!

— Автограф; варианты:

ст. 3-4, 7, 13 — как в «Песнях» Шуберта, ст. 17-18: Ты там бывал?

Туда, туда, туда

Уйдем с тобой, отец мой, навсегда.

— Гете. Избр., 1950.

Стихотворный цикл из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1782—1796) состоит из 8 стих, и, начиная с первого прижизненного собр. соч. Гете, печатался не только в составе романа, но и в томе лирики. Миньона, Арфист — действующие лица романа. Семь переводов из «Вильгельма Мейстера» были выполнены в конце 1940-х гг. по просьбе М. В. Юдиной, готовившей сборник русских переводов песен Ф. Шуберта. Однако в него были включены только три стих, в ранней редакции.

Написано не позднее 1783 г.

Комментарии

2. - Гете. Избр., 1950.

Написано до ноября 1782 г.; в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера» — в переделанном виде.

3. — И.-В. Гете. Лирика. М., 1966.

Написано в 1785 г.; в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера» — в сокращенном виде.

4. - Гете. Избр., 1950. Написано в 1796 г.

Арфист (С. 67).

/. - Гете. Избр., 1950.

Написано до 1783 г.

2. — Франц Шуберт. Песни. М., Музгиз, 1950, под назв. «Песнь арфиста (из "Вильгельма Мейстера")»; варианты:

ст. 5: Для людских сердец заноза

ст. 7: Еле побеждает слезы

— Гёте. Избр., 1950. Написано в 1795 г.

3. — Собр. соч. Т. 2. — Автограф. Написано до 1783 г.

Вечерняя песня охотника (С. 68). — Гёте. Избр., 1950.

— Автограф, вариант

ст. 1: Я рыщу по полю с ружьем,

Написано в 1775-1776 гг.; в 1789 г. переработано для собр. соч. и позднее публиковалось в таком виде.

Ученик чародея (С. 69). — Гёте. Избр., 1950. Написано в 1797 г.

Из «Фауста* (С. 70):

Посвящение. — Гёте. Избр., 1950; варианты: ст. 7—8: Всецело покоряюсь вашим чарам,

Дыша всей грудью колдовским угаром, ст. 31: Все близкое отходит вдаль, а давность

— И.-В. Гёте. Фауст. М., 1953.

— Автограф 1948 г.; варианты: ст. 7—8 как в изд. 1950 г.

ст. 9—10: Вы воскресили лучших дней картины,

Ожившие так ясно, как вчера, ст. 20—21: Теперешний читатель легковесен

И втайне я боюсь его похвал, ст. 28—30: Я их записываю, как попало,

И слезы лью, и тает лед во мне.

Все близкое отходит вдаль, а давность,

— Машин, с правкой (текст изд. 1950).

Написано в 1797 г. в связи с возвращением к работе над «Фаустом» после длительного перерыва.

Фульский король. — Франц Шуберт. Песни. М., Музгиз, 1950, под назв. «Король в Фуле»; варианты:

ст. 1-4: Король жил в Фуле дальней,

И кубок он хранил,

Его он в дар прощальный

От милой получил, ст. 10: Земель он роздал тьму ст. 17-18: И кубок золоченый,

Испив его до дна, ст. 20: Где пенилась волна.

— Гёте. Избр., 1950; варианты: ст. 8: И слезы утирал.

ст. 10—11: Он роздал княжеств тьму, И все, вплоть до престола,

— И.-В. Гете. Фауст. М., 1953.

— Автограф 1948 г.; варианты: ст. 10—11 как в изд. 1950 г.

ст. 16: И кубок золоченый,

— Машин, с правкой (текст изд. 1950).

...в Фуле дольной... — у древних римлян название легендарной страны (Ultima Thule), располагавшейся на крайнем Севере, видимо, имелась в виду Исландия.

Баллада написана в 1774 г. как отдельное произведение, но потом была вложена в уста Гретхен и стала составной частью «Фауста» (I часть, сц. «Вечер»). Уже в первой публикации в 1782 г. имела подзаголовок: «Из Фауста». Печаталась в собр. соч. Гете в разделе «Баллады». Имеет древнескандинавские корни.

Маргарита за прялкой. — «Звездное небо». — Автограф 1948 г. (в составе «Фауста»).

Песня публиковалась как отдельное стих, в собр. соч. Гёте. В тексте «Фауста» песня Гретхен выделена в самостоятельную сцену, что придает ей особое значение в развитии конфликта. В первонач. варианте перевода Пастернак использовал текст песни Гретхен из раннего варианта «Фауста» — «Прафауста» (Urfaust). В машин, он сделал новую редакцию по требованию редактора тома Н. Н. Вильяма-Вильмонта. По позднему признанию Вильмонта, этот вариант уступает в качестве первоначальному, и он жалел, что заставил Пастернака переделать его.

Вторая редакция входила затем во все издания «Фауста». Приводим ее текст:

Что сталось со мною? Я словно в чаду. Минуты покоя Себе не найду.
Чуть он отлучится, Забьюсь, как в петле, И я не жилица На этой земле.
В догадках угрюмых Брожу, чуть жива, Сумятица в думах, В огне голова.
Что сталось со мною? Я словно в чаду. Минуты покоя Себе не найду.
Гляжу, цепенея, Часами в окно. Заботой моею Все заслонено.
И вижу я живо Походку его, И стан горделивый, И глаз колдовство.
И, слух мой чаруя, Течет его речь, И жар поцелуя Грозит меня сжечь.
Что сталось со мною? Я словно в чаду. Минуты покоя Себе не найду.
Где духу набраться, Чтоб страх победить, Рвануться, прижаться, Руками обвить?
Я б все позабыла С ним наедине, Хотя б это было Погибельно мне.

Песенка о блохе. — Гёте. Избр., 1950 (в составе «Фауста»); варианты: ст. 1—4: Жил-был король с причудой,
С большой блохой в белье.
С ней нянчился он всюду,
Как с первенцем в семье, ст. 12: И лента на боку, ст. 24: Короткий разговор.
— И.-В. Гёте. Фауст. М., 1953. — Автограф 1948 г. — текстизд. 1950 г.
— Машин, с правкой — текст изд. 1950 г.

Относится к первой части «Фауста»: в погребе Ауэрбаха ее поет Мефистофель.

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН (1788-1824) - английский поэт-романтик, оказавший сильнейшее влияние на русскую поэзию начала XIX в., для Пастернака был связан прежде всего с его любовью к Лермонтову. В пастернаковском переводе «Стансов к Августе» сказалось характерное для Лермонтова претворение душевного настроения, нашедшего выражение в стих. Байрона, в свое собственное, личное переживание. Помимо «Стансов к Августе», Пастернак в 1938 г. собирался переводить поэму Байрона «Дон Жуан» (1818—1823), однако это намерение оста

лось неосуществленным (см. письмо Н. К. Чуковскому 5 нояб. 1938). В своих воспоминаниях А. Кун пишет: «Когда после выхода шенгелев-ских переводов Байрона, я спросила Бориса Леонидовича, почему он его не переводит, Пастернак ответил, что у Байрона полно каламбурных рифм, передать их невозможно, а тогда исчезнет вся прелесть и остроумие байроновского стиха» (Рукопись).

В поэтическом наследии Байрона есть несколько произведений, адресованных Августе Ли, его единокровной сестре (1783-1851). «Стансам к Августе» предшествовал развод Байрона с женой и общественный скандал, связанный с его влюбленностью в Августу. Байрону пришлось покинуть Англию и уехать в Швейцарию, откуда в 1816 г. он послал Августе Ли обращенные к ней «Стансы».

Стансы к Августе (С. 73). — «Красная новь», 1938, № 8.

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ (1792-1822) - английский романтик и теоретик поэзии, друг Байрона с 1816 г. Поэзия Шелли, заслоненная творчеством Байрона, впервые проникла в Россию только в 1864 г. Фактическое открытие Шелли принадлежит русским символистам. Настоящим «русским Шелли» Пастернак считал переводы К. Бальмонта. В советское время наибольший интерес вызывала гражданская лирика Шелли, проникнутая революционным пафосом. В «заклинателе стихий и певце революций, безбожнике и авторе атеистических трактатов» Пастернак увидел «предшественника и провозвестника урбанистического мистицизма, которым дышали впоследствии русский и европейский символизм». С этих позиций он перевел «Оду западному ветру»: «Едва только в обращениях Шелли к облакам и ветру нам послышались будущие голоса Блока, Верхарна и Рильке, как всё в нем оделось для нас плотью» («Заметки переводчика», 1943). Стихотворения Шелли были переведены в

1943 г. для собиравшейся А. И. Старцевым антологии английской поэзии (издание не состоялось).

Индийская серенада (С. 75). — «Знамя», 1944, № 1—2.

...Сердца частой стукотне. — Ср. близость ритмической и синтаксической конструкции со строкой Пушкина «Жизни мышья беготня» из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», 1830.

Написано в 1819 г.

К... (С. 76). - «Знамя», 1944, № 1-2.

Опошлено слово одно... — ср.: «Пошло слово любовь» из стих. Пастернака «Без названия» (1956). Написано в 1820 г.

Строки (С. 76). — «Знамя», 1944, № 1-2. Написано в 1822 г.

Ода западному ветру (С. 76). — «Знамя», 1944, JVfe 1-2.

Ты ставишь им, как пляшущей менаде... — менады — вакханки, жрицы бога вина Вакха. Под Вайями, где меж прибрежных скал... — небольшой город близ Неаполя; в древности был излюбленным местом отдыха римской аристократии.

Тему «западного ветра», ветра-разрушителя, традиционную для английской романтической поэзии, Шелли интерпретирует по-новому: для него осенний ветер не только сила, губящая всё живое, но и хранитель жизни, заботливо укладывающий ее семена в теплую постель.

Написана в Италии в 1819 г.

ДЖОН КИТС (1795-1821) — английский поэт-романтик. Ките рано лишился родителей, воспитывался бабушкой и в юности изучал фармацевтику и медицину. Получив право заниматься медицинской практикой, стал писать стихи, отказался от карьеры врача и посвятил себя литературе. Последние годы своей короткой жизни он провел в Италии. Вышедший в 1820 г. стих. сб. принес ему славу, но Ките в это время уже умирал от туберкулеза.

Поклонение высшей Красоте, открывающейся в природе и поэзии, стремление прославить жизнь во всех ее формах, было близко Пастернаку, который в 1910-х гг. знакомился с английской поэзией, находя в ней опору своим поэтическим стремлениям. 11 янв. 1914 г. Пастернак послал К. Г. Локсу свой перевод письма Китса поэту Джону Гамильтону Рейнольдсу, в котором приводится знаменитое стих. Китса о дрозде, подсказанное ему, как хочет уверить автор, этим «неугомонным дроздом <...>, избавившим его от бесполезных угрызений совести»: «Он сказал мне, — пишет Ките, — что я прав, давно уже не дотронувшись до книги.

О ты, с единой книгой из лучей,
Что тьму заветную питали, ночь за ночью,
Да будет день тебе тройной зарей...
Не требуй знания — нет знанья у меня,
И все же песнь мою исторгло зноем.
Не требуй знания — нет знанья у меня,
И все же вечер внемлет...

Тот бодрствует, кто мнит себя во сне...» (Письмо Китса датируется февралем 1818 г.) Четыре стих. Китса переведены в 1938 г.

Ода к осени (С. 79). — «Огонек», 1939, № 11; вариант ст. 8: Лесным орехам, и как можно доле.

— «Избранные переводы».

Экономии — сельскохозяйственные фермы. Одонья — круглые клади сена (диалектн.). Реполов — птичка-коноплянка.

Написано в сентябре 1819 г. под впечатлением от осени, проведенной в Винчестере.

Кузнечик и сверчок (С. 80). — «Литературная газета», 31 дек. 1938.

Одно из самых известных стихотворений Китса. Написано в 1816 г. в качестве дружеского состязания с поэтом Джеймсом Генри Ли Хан-том (1784—1859) — сочинить сонет на заданную тему. Ките потратил на него всего пятнадцать минут, сумев выразить в сонете свои размышления за многие годы.

Море (С. 80). - «Огонек», 1939, № 11. Написано в 1817 г.

Из «Эндимиона» (С. 81). — «Литературная газета», 31 дек. 1938.

Начало поэмы (1818), посвященной юноше, которого погрузила в вечный сон любующаяся им богиня луны Цинция (одно из наименований Дианы). Эндимион должен выбрать между своей любовью к земной девушке и прекрасной богиней. «Эндимион» — самая большая поэма Китса. Ее замысел — примирение Красоты с действительностью, жизни с мечтой.

ЮЛИУШ СЛОВАЦКИЙ (1809-1849) - польский поэт-романтик, младший современник Адама Мицкевича. Родился на Украине, жил и учился в Вильне, потом в Варшаве. После поражения польского восстания 1830 г. был вынужден покинуть Польшу, много путешествовал, в том числе по Ближнему Востоку, жил во Франции и скончался в Париже. Стихотворения Словацкого передают патриотические настроения, охватившие Польшу во время восстания.

Пастернак переводил Словацкого в эвакуации в Чистополе в 1942 г. Его огорчал сделанный в издательстве «невозможный выбор. Редактор, Д. А. Горбов, наверное, руководился политическим содержанием оригинальных текстов, из которых нельзя было извлечь ничего», — написал он на машин, переводов (РГАЛИ, ф. 1334). «Помогите мне в пристройке переводов в наши журналы, лучше сказать, возьмите великодушно этот труд на себя. Я не знаю, куда какие перевезли. Списываться с ними отсюда затруднительно», — просил Пастернак главного редактора Гослитиздата П. И. Чагина 12 дек. 1941 г. Удалось опубликовать только два стих. «Песнь Литовского легиона» и «Кулиг», — отказ издательства от печатания сб. Словацкого в 1942 г. был вызван политическими причинами, связанными с прекращением поддержки польского патриотического движения («Армии Крайова» генерала Андерса). Десять переведенных Пастернаком стих. Словацкого оставались неизвестными в течение тридцати лет. Автограф под назв. «Стихотворения Юлия Словацкого, избраннные Д. А. Горбовым в переводе и сокращеньях Бориса Пастерна

ка» и датировкой: «Перевел в Чистополе в марте и апреле 1942 г.» — был обнаружен в бумагах чистопольского знакомого Пастернака В. Д. Авдеева, и подборка была напечатана в 1973 г. в «Новом мире» (№ 9). Машин, с авт. правкой была отдана А. Крученых (РГАЛИ, ф. 1334).

Польский поэт и переводчик Северин Поллак, анализируя переводы ранних стихотворений Словацкого, таких как «Кулиг», «Песнь литовского легиона» и «Ода к свободе», писал, что они «несомненно, обеднены в своей стихийности и революционном пафосе». Он обвинял Пастернака в снижении романтической образности и языка: «Словацкий мог показаться ему чересчур риторичным, слишком углубленным в проблемы своего народа, то есть опутанным той сложной действительностью, к которой у Пастернака <...> не было ключа». Причину этого Поллак видел в воздействии поэтики Пастернака на его переводы: «Процесс индивидуализации перевода шел беспрерывно. Не только язык, но даже реалии переводимых им произведений становились языком и реалиями Пастернака». В то же время Поллак вынужден был признать исключительную верность Пастернака духу «романтических идей всеобъемлющей нравственной ответственности», то есть самому смыслу поэтического дарования Словацкого (Польские стихи в переводах Бориса Пастернака // Борис Пастернак. Colloque Serisi-la-Salle. Париж, 1979. С. 478, 484). Отмеченные Поллаком особенности подтверждаются собственным отношением Пастернака

к основным задачам перевода: «Переводы мыслимы, потому что в идеале и они должны быть художественными произведениями и, при общности текста, становиться вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью» («Заметки переводчика», 1943).

Ода к свободе (С. 82). — «Новый мир», 1973, № 9. — Автограф (РГАЛИ, ф. 2867). - Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334).

Так древний обелиск, пугавший встарь феллаха... — речь идет о египетских обелисках, вывезенных в Рим. В конце XVI в. некоторые из них были установлены на римских площадях. Феллахи — в арабских странах оседлое население, занятое земледелием, крестьяне. Слабым голосом дряхлый старик... — папа Римский. И в жилище у грозных владык... — резиденция папы, Ватикан, располагается в пределах Рима. Вдруг поднялся безвестный монах... — Мартин Лютер (1483—1546), деятель Реформации в Германии, начало которой положило его выступление в Вит-тенберге с 95 тезисами против индульгенций, отвергавшими основные догматы католицизма. Уроженцы Англии нашли / Мстителя за родину в Кромвеле. — Оливер Кромвель (1599-1658), деятель английской революции XVII века. Содействовал казни короля и провозглашению республики. Он Стюартов кровью залил трон... — Карл I (Стюарт) был казнен Кромвелем в 1649 г. Выше башен Тауэрской тюрьмы... — с конца XI в. замок-крепость в Лондоне стал главной государственной тюрьмой.

Зданье за Вестминстерским собором... — английский Парламент. Там дерево недоброе росло... — «В Америке растет дерево, названное деревом смерти. Человек, заснувший под ним, умирает» (примеч. Ю. Словацкого). В русской поэзии «древо смерти» (упас) связано со стих. Пушкина «Анчар», а также с подавлением польского восстания в 1831 г., когда русская армия занесла в Польшу эпидемию холеры. Польские и западные средства пропаганды называли Николая I «сеятелем холеры», а русскую армию отравительницей. Английский поэт и общественный деятель Т. Кембелл в своем стих. «Власть России» писал: «Этот могущественный упас, напитавший себя / Польской кровью, еще набросит на вас / Удлиняющуюся тень своей высоко подъятой головы — / Смертоносную тень, от которой померкнут краски природы!» (А. А. Долинин. Из разысканий вокруг «Анчара»// Пушкинская конференция в Стенфорде. М., 2001. С. 30—32). Страна в единодушъи поднялась/По зову Вашингтона. — Речь идет о войне за независимость в Северной Америке (1775—1783), возглавляемой Джорджем Вашингтоном. Вспоминавших Польшу до раздела. — До 1795 г., когда произошел последний (третий) раздел Польши между Пруссией, Австрией и Россией. Или трубит вАмфитритинрог. — Амфитрита — в греч. мифол. жена бога морей Посейдона, дочь морского старца Нерея.

Написано в 1830 г., вышло отдельным изданием вместе с «Песнопением» в Варшаве, временно освобожденной от власти России. Некоторые образы оды стали отражением и развитием идей популярной в революционных кругах «Оды к молодости» (1820) А. Мицкевича.

Песнопение (С. 86). — Юлиуш Словацкий. Стихи. Мария Стюарт. М., «Художественная литература», 1975. — Автограф (РГАЛИ, ф. 2867). — Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334).

Но однажды раздался набат, / И шарахнулась хищная птица... — речь идет о событиях польского восстания 1830 г. и о временном освобождении Варшавы из-под власти России. Хищная птица — двуглавый орел на гербе России. Гедимин (Гедиминас) — с 1316 г. великий князь литовский, нанес ряд поражений немецким рыцарям; в союзе с Тверским княжеством выступал против объединительной политики Москвы. Восстание в Литве, которое вспыхнуло весной 1831 г. и осложнило операции русских войск, преисполнило надеждами поляков-повстанцев.

Образцом для стих, стала старинная польская песня «Богородица», послужившая гимном польскому войску в знаменитой битве с крестоносцами под Грюнвальдом (1410).

Написано в 1830 г.

«Кулиг» (С. 87). — «Красная новь», 1942, № 7.

— Автограф под назв. «Кулик» (РГАЛИ, ф. 2867); варианты:

ст. 2—4 (вычеркнуты):

Все при оружьи в веселии диком Рвутся на бой, как с победного боя, С сабельным стуком, смехом и криком, ст. 118—119: В двери стучитесь. Спят по-мертвецки. Так не перечьте нашей забаве.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334).

Кулиг — традиционное гулянье на санях на масленицу, слово происходит, вероятно, от «kula» — шар. Разукрашенный жезл с шаром служил знаком предводителя группы ряженых, которые вереницей саней отправлялись по имениям и хуторам, увлекая за собой новых участников. Здесь «кулиг» — аллегория повстанческого движения. Отсвет кен-кетов. — Лампа, в которой горелка устроена ниже масляного запаса. Карл Десятый — французский король, отрекшийся от престола во время июльской революции 1830 г.

Отражает патриотическое воодушевление общества во время восстания.

Написано в 1830-1831 гг.

Песнь литовского легиона (С. 91). — «Красная новь», 1942, № 7. — Автограф (РГАЛИ, ф. 2867). — Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334).

Напрасно праву кулака / Учили нас тевтоны. — Германцы, рыцари Тевтонского ордена, пытавшиеся подчинить Литовское княжество. Ольгерд (Альгирдас) — великий князь литовский (1345—1377), сын Гедими-на, одержал победы над Тевтонским орденом, Золотой Ордой и присоединил часть западно-русских земель. Ягеллоны — королевская польская династия (1386—1572), ее основателем считается внук князя Гедимина Владислав Ягелло (Ягайло), ставший королем в 1386 г.

Написано в 1830—1831 гг., использовалось как прокламация в дни польского восстания.

Гроб Агамемнона. Отрывок из поэмы «Путешествие на Восток» (С. 93). - «Новый мир», 1973, № 9. - Автограф (РГАЛИ, ф. 2867); варианты:

ст. 44—46 (вычеркнуты):

Я этот луч разрезал поперек, Но и в воображении ни звука Из золотистой нити не извлек, ст. 92 (вычеркнута):

Чем под прикрытьем странницы и нищей.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334).

Агамемнона погребальный свод. — В греч. мифол. царь Микен, предводитель греческого войска во время Троянской войны Агамемнон погиб от руки своей жены Клитемнестры по возвращении на родину. Развалины дворца и гробница Агамемнона в Микенах — древнейшие памятники

греческой архитектуры. Здесь кровь Атридов обагрила плиты. — Атрид, то есть сын царя Атрея, Агамемнон. Электры смех доносит ветер горный. — Электра, дочь Агамемнона и Клитемнестры, мстительница за отца, вдохновлявшая брата Ореста на месть матери и Эгисфу. В своей извечной тяжбе с Арахнеей... — Арахнея (Арахна), искусная вышивальщица, вызвавшая на состязание богиню Афину; в гневе богиня порвала вышитую Арахной ткань и превратила соперницу в паука. Стрелой по воздуху, как мысль пророка, / Несется конь ретивый подо мной. — Ср. с переводом Пастернака стих. груз, поэта Н. Бараташвили «Мерани» («Стрелой несется конь мечты моей...»). Херонея — город в Беотии (Средняя Греция), около которого в 338 г. до н. э. Филипп Македонский одержал победу над греческими войсками и установил власть над Грецией. Я в Фермопилах отдыхать не смею... — горное ущелье, соединяющее южные и северные районы Греции; здесь во время греко-персидской войны 480 г. до н. э. погибли триста спартанцев во главе с царем Леонидом,

прикрывая отступление греческих войск от наступавшего с огромной армией персидского царя Ксеркса. Словацкий сравнивает судьбу спартанцев с участью своего народа, так и не сумевшего скинуть оковы рабства. Как Деяниры жгучую тунику... — в греч. мифол. жена Геракла Деянира по коварному совету убитого Гераклом кентавра Несса собрала его кровь, смешанную с ядом Лернейской гидры, и пропитала ею плащ, который стал причиной смерти Геракла. Громадою из одного куска... — ср. со строками Пастернака из стих. «Свидание» (1949): «И весь твой облик слажен / Из одного куска...». ...страдалец Прометей... — в греч. мифол. сын титана Иапета, не подчинившийся Зевсу и сознательно избравший страдание: орел Зевса каждый день выклевывал печень прикованному к скале Прометею. Евмениды (Эвмениды) — богини мщения; изображались со змеями в волосах, факелами и бичами, описывалось упорство Эвменид, ни днем, ни ночью не оставляющих в покое свою жертву.

В 1836—1837 гг. Словацкий совершил паломничество на Ближний Восток, начало которого было описано в неоконченной поэме «Путешествие из Неаполя к Святым местам» («Путешествие на Восток»), яркой и романтической, написанной в традиции байроновского «Чайльд-Гарольда». Отрывок из «Путешествия...» был написан в 1839 г. и опубликован в 1840 г. под назв. «Гробница Агамемнона», в нем отразились впечатления от посещения развалин древней столицы Микен в Арголиде (Пелопоннес).

Восход солнца на Соломине (С. 98). — «Новый мир», 1973, № 9. — Автограф (РГАЛИ, ф. 2867); вычеркнуты варианты: ст. 14—16: Как легкий вздох далекого упрека, Волна прошлась по лодочному дну. Она была как вестница пучины — Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334).

401

Комментарии

От гроба Фемистокла с Соломина. — Саламин — остров в Эгейском море, около которого в 480 г. до н. э. греческий флот разгромил персидский. Фемистокл (524-459 до н. э.) — государственный и военный деятель, стоявший во главе греческого флота в битве при Саламине. Где Ксерксов трон стоял... — Ксеркс, персидский царь с 486 по 465 г. до н. э., выступивший против Греции, но разбитый при Саламине. Греческая трирема — боевое гребное судно с тремя рядами весел; в Риме — трирема, в Греции — триера. Где в золотой мидийской диадеме... — знак достоинства персидских царей, завоевавших Мидию, государство на Иранском нагорье, в 550 г. до н. э.

Написано в 1836—1837 гг., отразило впечатления от переезда в рыбачьей лодке через Эгинский залив из Каламаки в Пирей.

Закат на море (С. 99). — «Новый мир», 1973, № 9. — Автограф (РГАЛИ, ф. 2867). - Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334).

Минорная тональность стих, объясняется изгнанием, во время которого поэт жил в Швейцарии.

Написано в 1836 г.

Разговор с пирамидами (С. 100). — «Новый мир», 1973, № 9. — Автограф (РГАЛИ, ф. 2867). — Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334).

И потом вернуть отчизне/В дни восстановленья жизни?— По верованиям древних египтян, после суда Осириса душа умершего должна вернуться в тело (мумию), специально для этого тщательно сохраняемое.

Написано во время путешествия к Святым местам в 1836—1837 гг., когда Словацкий посетил Египет; при его жизни не публиковалось.

В Швейцарии. Поэма (С. 102). — «Новый мир», 1973, № 9; варианты: VI, ст. 16: Волненье им соединяло руки, ст. 18: Им приближала руки и уста. — Автограф (РГАЛИ, ф. 2867); вычеркнуты варианты: II, ст. 20: Что я, казалось, изнутри ослепну, ст. 24—25: Я узнавал задатки обожанья, И опасаясь за нее, стерег,

VI, ст. 15—16: Движенья волн, выделывая штуки,

Соединяло отраженьем руки, ст. 18: Сближало лицам в озере уста. Следующие четыре строки не читаются под зачеркнутым.

VII, ст. 9: Все чаще, и немного погодя,

После ст. 10 четыре строки не читаются под зачеркнутым, ст. 19—20: Я видел, что она на стену дышит

И пальцем по льду чье-то имя пишет. После ст. 26 две строки не читаются под зачеркнутым. X, ст. 7: Почти в слезах, от ласки сходных грез.

ст. 17—18: Внезапно уступая скорой страсти.

Меж тем заметно близилось ненастье.

XVII, ст. 13-14:

На ней была шнуровка этих мест, Корсаж и шляпка тамошних невест.

ст. 25: И не было мне радости вдвоем:

После ст. 34 четыре строки не читаются по зачеркнутым.

XXI, ст. 12: С надеждой некоторою помышляю,

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334), текст «Нового мира». С марта 1831 г. по поручению повстанческих властей Словацкий

уехал за границу и некоторое время жил в Париже, а с 1832 по 1836 г. — в Швейцарии, впечатления от которой отразились в поэме, написанной в Сорренто летом 1836 г. Ее содержание связано с увлечением дочерью польского помещика 15-летней Марией Водзинской и предпринятой в 1834 г. совместно с ее семейством поездкой по Швейцарии. Словацкий посвятил Марии ряд произведений, описание их отношений окрашено поэтическим воображением.

Юнгфрау, снеговая дева гор... — горная вершина в Бернских Альпах, в переводе с немецкого означает «юная женщина», что соотносится с образом героини поэмы. Часовня Теллю сооружена. — Вильгельм Телль, герой народной швейцарской легенды, положивший начало народному восстанию. Показывается лицо Дианы. — Здесь: луна; Диана — богиня Луны.

Мое завещание (С. 114). — «Новый мир», 1973, № 9. — Автограф (РГАЛИ, ф. 2867); вычеркнуты варианты:

ст. 17—20: Пусть друзья моей памяти литературной Зимней ночью сберутся, как принято тут, И сожгут мое сердце, и теплую урну Бедной мамушке в дар от меня отнесут.

ст. 23-24: Я ей-богу приду, я привижусь средь зала, Если цепью не буду прикован в аду.

ст. 37—38: И как раз то, быть может, мое сумасбродство, От которого видел я столько невзгод,

ст. 40: И к грядущему следом за мной понесет.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 1334), текст «Нового мира».

Принадлежит к числу наиболее популярных стих. Словацкого, который умер в 1849 г. на чужбине, однако перед смертью побывал на родине и даже стал свидетелем революционных событий 1846 и 1848 гг.

Написано в 1839—1840 гг.; при жизни Словацкого не публиковалось.

КАРЕЛ ЯРОМИР ЭРБЕН (1811-1870) - чешский поэт и фольклорист, представитель «народной школы», его творчество приходится на период господства в Чехии немецкой культуры и немецкого языка.

Еще в университете увлекся чешской историей, стал изучать летописи. Первые известные стихи Эрбена носят песенный характер, в раннем творчестве он сблизился с романтиками, несколько позже зародился интерес к фольклору, особенно его привлекал жанр баллады. После окончания университета работал в Пражском суде, одновременно занимаясь просветительской деятельностью: организовал студенческую читальню, устраивал большие патриотические вечера, собирал фольклор. В 1841-1845 гг. издал три тома «Чешских народных песен» с комментарием. С 1849 г. — признанный ученый в области чешской

истории и фольклора, член Чешского научного общества. В 1853 г. выпустил сб. баллад «Букет», написанных в духе народной поэзии. Автор сказок, в стиле которых сказалось серьезное изучение чешского фольклора.

Клад (С. 116). — Черновой автограф начала стихотворения; варианты:

ст. 4: Раздаются в отдаленья.

ст. 7: Это стук простого била.

ст. 9: И по звуку колотушки

ст. 13-16 а: В Божий храм не протесниться,

Стены темные суровы.

Перед черной (скорбной) плащаницей

Страсти хор поет Христовы, ст. 13—16 б: В Божий храм не протесниться,

Свечки теплятся в участьи.

Перед строгой плащаницей

Хор поет Христовы Страсти, ст. 19: Сверху женщина с ребенком ст. 25—28: Чем шумнее влаги вешней

Перекаты по корягам,

Тем ее шаги поспешней

Над бушующим оврагом, ст. 29: И у края косогора ст. 31—32: Слышатся обрывки хора,

Отзвуки Страстей Господних, ст. 33-40: Но нежданно богомолка

Шепчет: «Верить ли глазам мне?

Раньше этот спуск к поселку

Загораживали камни».

Так куда они девались?

И она стоит в тревоге

Смотрит в стороны, печалясь,

И не узнает дороги. Баллада написана в 1837 г. и пользовалась небывалым успехом. Пастернак начал переводить «Клад» в 1947 г. по просьбе известного

фольклориста П. Г. Богатырева, но работа осталась незавершенной. В собр. соч. Эрбена, вышедшем в 1948 г., баллада дана в переводе Н. Асеева.

ТАРАС ШЕВЧЕНКО (1814-1861) -украинский поэт и художник, сыгравший большую роль в формировании национального литературного языка. Родился в семье крепостного крестьянина. Был выкуплен у помещика усилиями русских литераторов и художников (В. А. Жуковский, К. П. Брюллов, А. Г. Венецианов). Окончил Петербургскую Академию художеств. Вступил в Кирилло-Мефодиевское братство, организованное Н. И. Костомаровым. Молодой ученый был поглощен идеями объединения славянских народов, уничтожения крепостного права и распространения просвещения. В1847 г. за участие в братстве был арестован и определен рядовым в Оренбургский корпус, на Урал. В1848 г., будучи в ссылке, стал участником экспедиции к берегам Аральского моря — в качестве рисовальщика. Прожил в Оренбурге до 1857 г. Вернувшись в Петербург, сблизился с представителями демократической литературы, связанными с «Современником». В 1859 г. посетил Украину, где хотел остаться. Мечте не суждено было осуществиться. Шевченко умер от водянки в 47 лет.

Произведения Шевченко многократно переводились на русский язык, наиболее часто — самый известный его стих. сб. «Кобзарь» (1840). Максим Рыльский, бывший редактором русских переводов Т. Шевченко, писал об издании 1944 г.: «Привлечен был широкий крут поэтов, среди них и такие, как Борис Пастернак, который поначалу даже удивился, когда ему была предложена эта работа; Пастернаку казалось, что шевченковская поэтика слишком далека от его собственной, а в конце концов он дал чудеснейший перевод поэмы "Мария", показывающий не только мастерство переводчика, а и подлинную любовь его к перево-

димому произведению — любовь, которая является одним из необходимейших условий творческой удачи» (цит. по сб.: Пастернак. Не я пишу стихи. С. 340). Пастернак переводил эту поэму осенью 1938 г., она привлекала его изложением евангельских событий как близкой и легко узнаваемой реальности наших дней. Именно так подходил он к евангельской теме позднее в стихах к роману «Доктор Живаго», в частности передавая в «Рождественской звезде» живой образ Девы Марии.

Работа над другими переводами Шевченко датируется 1945 г., когда Пастернак писал С. Чиковани: «Совсем недавно <...> сделал две вещи из Шевченки». Тогда же он заново переработал старый перевод «Марии», видя «свою задачу» в том, чтобы сделать из Шевченко, как ранее из Шекспира или Верлена, «русские стихи» (9 сент. 1945).

«Средь нашего земногорая...* (С. 117). — «Ленинград», 1945, № 19/20; варианты:

ст. 2: Не знаю красоты живей,

ст. 34: Одна как перст, набросишь ты

ст. 48: Чтобы избегнуть людных мест, ст. 92: Что бедняга обормота

— Пастернак. Не я пишу стихи.

— Машин, с авт. правкой сб. Избр.-1948.

И целовать его без счету / Как маленькое божество... — ср. в «Докторе Живаго» записи Юрия Андреевича в Варыкине: «Мне всегда казалось, что каждое зачатие непорочно, что в этом догмате, касающемся Богоматери, выражена общая идея материнства. <...> она (Богородица. — Е. П., А. С.) говорит о своем младенце, он возвеличит ее <...> он ее слава. Так может сказать каждая женщина. Ее Бог в ребенке» (ч. 9, гл. 3).

Написано в 1849 г. в экспедиции, отделано в 1858 г. в Петербурге.

Мария. Поэма (С. 120). — «Красная новь», 1939, № 2 (без эпиграфа); варианты:

ст. 13: Донесть свой крест вплоть до могилы. Вместо ст. 31—32:

Как розан алый расцвела, ст. 41—47: И думает: «Одна, без крова

И ни кола и ни двора.

Вот если б... Самая пора.

И жить бы подобру-здорову».

А та уйдет за тын дворовый

И белую волну прядет,

Ему к бурнусу на обнову, ст. 55: И волю ей всегда дают, ст. 56 отсутствует, ст. 59 отсутствует.

ст. 60—61: А девушка, как тень, стоит

И говорит, на пруд с пригорка, ст. 63 отсутствует. Вместо ст. 71—75:

Плечами старца подопру».

И так глазами засверкала,

Так выпрямилась сгоряча,

Что наземь невзначай упала

Заплатанная епанча, ст. 82 отсутствует, ст. 102—104: Разбушевался, и, увы,

Уж не сносить тебе, родимой,

Своей несчастной головы! ст. 158: Пойдем в палатку; пообедай, ст. 164: На ветхую Елизавету, ст. 170: Шатра выходит гость умытый, ст. 172: Под белою льняною свитой.

ст. 205: Огонь тихонько в зольной яме. ст. 207-208: И думу думает. Краями

Небес звезда, блеща, взошла, ст. 213-214: Благовестителя в свой срок

Свела на пруд ночною тишью, ст. 224: Дай повенчаемся с тобой, ст. 228: И скроемся от самосуда, ст. 233-236: Несет на рынок чан дощатый.

Продать бы чан да молодой
Платочек поднести цветной
И за венчанье справить плату, ст. 253: Таинственный тот гость недавний? ст. 267: В дом бочара, что он с порога, ст. 276—277: «Его!» — подумала Мария
И, радуясь, на вести те, ст. 281 : За волю павшего борца ст. 293: «Вы собственною шли персоной ст. 295-296: И голос, эхом повторенный,
В раскатах стихнул вслед за тем. ст. 307—309: Их не с кем бросить на базу;
И Бог ее в пути, быть может,
Развяжет, вот и молоко, ст. 329-330: Дорога не такая близь.
И я упарился, присяду! ст. 372: Зря было матерям страдать, ст. 396: И нарожденного Мессию, ст. 410-411: И обдает ручьями слез
Свое плетение из лоз. ст. 417: На них вылупливают очи. ст. 428: Чтоб сыну на козу собрать, ст. 446: Плетется старый, их опора, ст. 450—454: Для матери — платок ковровый
И на сандалии ремни
Себе под старые ступни.
Вошел, передохнул минутку
И говорит: «Не плачь, малютка, ст. 457-465: Чего-то на ночь он наелся,
Да так, что надвое расселся,
Давай-ка, — говорит, — пойдем
Скорей домой в наш райский садик.
Воротимся домой, касатик!»
«Идем!» — сказала и бегом
Пошла на Нил стирать рубашки.
Паслись коза и козлик в кашке, ст. 471-472: И вышли, люльку и дитя
Комментарии
Вдвоем в дорогу подхватя.
ст. 476-478: На что уж глушь — у рощи самой Их дом — неведомый, незнамый, А в доме этом все вверх дном!
ст. 507-512: К вдове проситься в домочадцы И к ней в служанки наниматься. Растет ребенок не по дням, А по часам, и подрастает. Растет, и с горем пополам С Иваном вдовиным играет.
ст. 514-516: На улице; нашли средь пыли Каких-то два шеста, схватили И мамкам тащат на дрова.
ст. 528-530: Тот крестик-виселицу. «Злой,
Недобрый кто, — вскричала, — бука Брось эту вещь, сыночек мой!»
ст. 542: И в ротик коржики совала.
ст. 545: Он вытянулся, спатки лег —
ст. 548-551: Он спит, и заслезенным оком Мать на сокровище свое Глядит тайком, чтоб ненароком Не потревожить забытье.
ст. 557-559: Но редкого его чутья
Улыбками не одурачить: Увидел все — и в три ручья.
ст. 576-580: И тешет клепку про запас,
В отцовском помогая званьи. Раз, о седьмом, наверно, годе (Уже постиг он мастерство) Лежал Иосиф на свободе
ст. 582: На что он в жизни будет падок
ст. 584: Вот как-то раз с запасом кадок.
ст. 609: Расторговавшись целиком,
ст. 611-612: И до рассвета в путь-дорогу, Ночным пустились холодком.
ст. 626: В чужбине бросив; сыну вслед.
ст. 648: С водой вернется и напоит,

ст. 650-653: И вытряхнет хитон худой, Зачинит дырки, и — долой Куда-нибудь за ствол смоковный, Сыновний наблюдать покой.

ст. 660: Вот и сейчас теснились с краю.

ст. 662—663: Привстав навстречу этой стае, И подошел, благословляя.

ст. 667: Спустился с малолетней братьей, ст. 678: Ты напослед сказала детям, ст. 681: В пути ночуя по подклетям, ст. 683—685: Давно похоронили Божью

Старушку, бедную вдову.

Иван убит в тюремном рву. ст. 689: Осталась из всего звена.

— Тарас Шевченко. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., Гослитиздат, 1955.

Написана в 1859 г. в Петербурге после возвращения из 10-летней ссылки. В то же время Шевченко пишет несколько вольных переложений библейских текстов («Подражание 11 псалму», «Исайя», «Во Иудее во дни оны...», «Подражание Иезекиилю», «Саул» и др.). Отход поэмы от евангельского текста и использование его для выражения своих идей встретили у современников резкие отзывы.

Поэма была переведена в 1938 г. и значительно переделана в 1954 г. Пастернак признавался, что чувство удачи, сопровождавшее перевод «Марии», было результатом сильного впечатления, которое она произвела на него, и по «непосредственности действия» сопоставлял ее со своей работой над Шекспиром и Верленом. Готовя выступление по радио в 1946 г., посвященное Шевченко, Пастернак отмечал в поэме пушкинскую свободу «стихийного, развивающегося, стремительного, повествовательного стиха с его периодами, нагнетаниями, повторениями и внезапно обрывающимися концами». Самой «дорогой особенностью», по признанию Пастернака, была для него «глубина евангельской преемственности у Шевченки, которою он пользуется с драматической широтой Рембрандта, Тициана или какого-нибудь другого старого итальянского мастера». Эта черта таланта Шевченко более всего выразилась в «образе молодой соблазненной и брошенной матери с ребенком на руках, в которой он неизменно видел образ Марии с младенцем» («Я хочу сказать несколько слов о Тарасе Шевченко...», 1946).

В бытовых сценах поэмы наст. изд. главные персонажи даются со строчной буквы, в сценах, близких к Евангелию, — с прописной.

Широкая Тивериада. — Здесь: Тивериадское (Геннисаретское) озеро в Галилее. Раина — ракита, украинская ива. Благоуханный крин долины...— лилия долины; слова церковной службы, воспевающие Богородицу. Вдали пред ней Фавор-гора... — гора, на которой произошло Преображение Христа. «Из Назарета. / Зашел к нам переночевать...» — по Евангелию, Мария и Иосиф сами жили в Назарете. Упоминаемые в поэме Елизавета, Захарий и Иван — евангельские Елисавета, Захария и Иоанн Креститель, которые приходились родственниками Марии. Равви — учитель (ивр.). Протопресвитер Симеон... — Симеон-Богоприимец, священник Иерусалимского Храма, который, встретив на ступенях Храма Марию с Младенцем на руках, исповедал Его как Мессию. Ессеи —

древнееврейская секта отшельников, удалившихся в пустыню к Мертвому морю, духовная основа их учения — напряженное ожидание Мессии и стремление к нравственной чистоте. В народе имели репутацию святых. Эммануилом нарекли. — Имя Мессии в предсказаниях ветхозаветных пророков и благовествовании архангела Гавриила; Эммануил означает «с нами Бог». Пророчество Иеремии / Сбылось; пророк Исайя прав!— Имена пророков, предсказывавших приход Мессии. По Иродову приказанью... — царь Ирод I (37 до н. э. — 6 н. э.), возведенный на престол римлянами, под властью которых находилась в это время Иудея, жестокий правитель. Евангелие от Матфея рассказывает о стремлении Ирода убить новорожденного Христа и приказе об избиении младенцев в Вифлееме (Мф. 2,16). Имя Ирода стало нарицательным. На путь Мем-фисский. — Дорога в город Мемфис,

по которой святое семейство направилось в Египет. ...копт убогий... — копты — потомки древних обитателей Египта. Бывало, он на Елеоне... — Елеонская (Масличная) гора, возвышающаяся над Иерусалимом, на ней были масличные сады, один из них по имени селения, где он находился, назывался Гефсиманским. И блещут в золотом виссоне... — дорогая ткань. И римский золотой плебей!— Имеется в виду Иерусалим, бывший римской колонией, — «плебеем» для римлян. И дух в их бренные тела/ Святой свой вдунула. — Речь идет о еврейском празднике Пятидесятницы, отмечавшемся на 50-й день после Пасхи; тогда апостолы получили дар Святого духа — способность к проповеди христианства на разных языках. У христиан это день Святой Троицы.

АЛДЖЕРНОН ЧАРЛЗ СУИНБЕРН (1837-1909) - английский поэт, драматург и литературный критик. Первая книга его вольнолюбивых стихов, далеких от сложившейся в английской поэзии традиции умеренности, вышла в 1866 г. Из драматических произведений наибольшей известностью пользовалась трилогия, посвященная Марии Стюарт: «Шателяр», «Босуэлл», «Мария Стюарт». С творчеством Суинберна Пастернак познакомился еще в 1913 г. В 1916 г. перевел первую часть трилогии — «Шателяр», а в 1917 г. начал работать над третьей — «Мария Стюарт». Рукописи переводов утеряны. Написанная в 1918 г. статья «О трагедии Суинберна» тоже не сохранилась. Долгое время Суинберн оставался для Пастернака актуальной фигурой (так, например, «Поэму Конца» Цветаевой он называл «Суинберниадой» по сходству характера поэтессы с героиней трилогии английского драматурга, а в 1936 г. упоминал Суинберна в числе своих любимых поэтов).

Джон Форд (С. 140). — Известия АН СССР: Серия литературы и языка. 1984. Т. 43, № 6 (в составе статьи М. А. и Е. Б. Рашковских «Сонет Суинберна в переводе Бориса Пастернака»). — Автограф (РГАЛИ, ф. 2554).

407

Переводы западной поэзии

Джон Форд (1586—1639) — английский драматург. Его произведения полны беспросветного пессимизма, отсюда обилие «мрачных» метафор в сонете Суинберна, входившего в его цикл «Английские драматурги» (1882) и посвященного современникам Шекспира.

Мемнон — в греч. мифол. царь Эфиопов, сын богини зари Эос и Тифона, герой, сражавшийся в Троянской войне на стороне Трои. Погиб от руки Ахилла, по просьбе матери, был похоронен в Эфиопии. При фараоне Аменхотепе III в Египте были воздвигнуты две колоссальные каменные фигуры, одна из которых считалась изображением Мемнона. ...знак запала/Кронида меж титановых бровей. — Зевс, сын титана Крона, вынужденно участвовал в решении судьбы Мемнона во время его поединка с Ахиллом. Отказав Эос в спасении ее сына, он сотворил из его праха птиц скорби, которые ежегодно слетались на гробницу Мемнона. День мраморной не расколышет глыбы/Ине расслышит музыки немой. — По преданию, статуя Мемнона, поврежденная в результате землетрясения, каждое утро издавала звук, который воспринимался как приветствие Мемнона своей матери богине зари Эос.

Перевод сделан в 1916 г. во время работы над трилогией Суинберна. Посвящен поэту, переводчику и активному сотруднику «Центрифуги» И. А. Аксенову (1884-1935), который подарил Пастернаку только что вышедшую книгу своих переводов из английских драматургов шекспировского времени («Елисаветинцы»), в том числе и из Джона Форда. Свой перевод Пастернак послал С. Боброву с просьбой напечатать его в альманахе «Московские мастера», но он остался неопубликованным. Только после смерти Боброва (1889—1971) сонет был найден в его архиве.

ГЕОРГ ГЕРВЕГ (1817-1875) — один из ведущих поэтов революционно-демократического направления Германии, находящейся в 1840-х гг. на гребне общественного подъема. Два тома его книги «Стихи живого человека» (1841, 1843) имели громкий успех в революционно настроенных кругах. Развитие политических взглядов Гервега привело его к увлечению марксизмом, анархическими идеями М. Бакунина, реформистскими достижениями Ф.

Лассаля. В Кельне с Марксом он познакомился, а затем в Париже принимал участие в издаваемом Марксом «Немецко-французском ежегоднике». Одно время Гервег тесно сошелся с А. И. Герценом и стал причиной его расставания с женой. Когда в 1848 г. в Вене и Берлине вспыхнуло восстание, возглавил отряд немецких эмигрантов, который был разбит в первом же сражении в герцогстве Баденском. После поражения немецкой революции в 1849 г. отошел от общественной жизни, стихи его потеряли прежнюю энергию. Жил в Швейцарии, в 1866 г. по амнистии вернулся в Германию, где умер в полном одиночестве.

В России до революции стихи Гервега были известны читателям по антологии немецкой поэзии. Благодаря вышедшей в 1925 г. книге переводов Пастернака Гервег был заново открыт для русской публики.

408

Комментарии

Легкая поклажа (С. 141). — Гервег. Стихи, 1925.

— Автограф (ИМЛИ, ф.120); варианты: ст. 5-6: Живу не в замке, подо мною

Земли не стелятся края, ст. 19: И видел золотым лишь солнце, Вошло в первый том «Стихов живого человека». Написано в 1840 г.

Кто свободен? (С. 142). — Гервег. Стихи, 1925. Написано в 1841 г.

Протест (С. 143). — Гервег. Стихи, 1925.

— Автограф (ИМЛИ, ф. 120); варианты: ст. 10—11: В младенцах зачастую

Я с верой осаждал постель, ст. 23—24: Не будет вольных там людей, —

Я и запротестую. Написано в 1841 г.

Воззвание (С. 144). — Гервег. Стихи, 1925.

Это золото заката, / Смерть черна, багряна кровь. — Черный, золотой и красный — цвета Германской империи и немецкого флага, а также немецких революционеров XIX в.

Написано в 1841 г.

Песнь о ненависти (С. 145). — Гервег. Стихи, 1925. Вошло в первый том «Стихов живого человека». Написано в 1841 г.

Прогулка в полночь (С. 146). — Гервег. Стихи, 1925.

— Автограф (ИМЛИ, ф. 120); варианты:

ст. 7: Кручину полдня солнце увело, —

ст. 7 а: Кручину солнце, севши, увело, —

ст. 8: Пускай их спят и видят, что ни снится.

ст. 16: В тот тайный мир, что этим спящим снится.

ст. 47: Мне снился б конь, грызущий удила.

Написано в 1840 г.

Худое утешенье (С. 147). — Гервег. Стихи, 1925.

Там, Брут, тебя обступят Бруты... — Марк Юний Брут (85-42 до н. э.) вместе с Кассием возглавил заговор против Юлия Цезаря и затем был главой республиканцев в борьбе со 2-м триумвиратом. Потерпев неудачу, покончил с собой. Имя Брута стало нарицательным наименованием борца против тирании.

408

Переводы западной поэзии

Jacta alea est (С. 148). — Гервег. Стихи, 1925.

— Автограф (ИМЛИ, ф. 120); варианты: ст. 2: Уймутся в срок, —

ст. 14: Рассветши, славный день блеснул.

Jacta alea est (лат.) — букв.: брошена кость (игральная). Слова Юлия Цезаря, сказанные им при переходе через реку Рубикон и ознаменовавшие начало похода на Рим. «"Ich hab's gewart" (нем.) — я посмел это сделать. Слова Ульриха фон Гуттена (1488-1523), вождя рыцарской и затем крестьянской революции (1523—1524), одного из эпизодов немецкой Реформации; рыцарь и поэт, вначале писавший по-латыни, под впечатлением Лютерова слога начавший писать на мало еще литературном в те времена немецком языке. Приведенная фраза находится в одном из его политических стихотворений» (примеч.

Пастернака). Я видел Каина печати, / Судя по лбам. — Печать Каина — символ братоубийства.

Написано в 1841 г.

Против Рима (С. 150). — Гервег. Стихи, 1925.

— Автограф (ИМЛИ, ф. 120); варианты:

ст. 12: Смиряясь, творит поклон раба, ст. 48: У дома судии с прислугой, ст. 48 а: С судейской молодой прислугой. Написано в 1841 г.

Проклясть тебя, о, сын Петра... — Римский папа, по традиции считающийся преемником Апостола Петра. Вселенский скипетр из иссопа. — Иссоп, вероятно, майоран, душистое растение, упоминающееся в Библии. Стебли иссопа, связанные в пучок, служили для кропления исцеленных от проказы. Также — «огородное и лекарственное растение, из листьев которого приготовляют грудной чай. Существует мнение, по которому под Евангельским оптом (уксусом. — Е. И, А. С.) следует понимать иссоп» (примеч. Пастернака). Увы!Европы Ханаан... — Рим, обетованная земля Европы. Край, где рожден Риенци Кола... — Кола да Риенцо (наст, имя Никола ди Лоренцо Габрини; 1313—1354), «живший в XIV столетии, мечтал о создании центральной и независимой власти в Риме на демократической основе. С помощью Папы Иннокентия VI, использовавшего его для своих целей, он достиг десятинедельного господства в Риме, после чего, осенью 1354 г., народный трибун пал жертвою городской черни» (примеч. Пастернака). С тех пор, что Лютер проклят в нем... — Мартин Лютер (1483-1546) «был проклят папскою буллою (посланием) в 1520 г. Эту буллу Лютер всенародно сжег в присутствии Виттенбергских студентов» (примеч. Пастернака). И что лоялен лишь Лойола. — Игнаций Лойола (1491-1556), основатель ордена иезуитов, признанный авторитет в вопросах католического вероучения. С тех пор как Генрих пред крыльцом... — «здесь имеется в виду император Генрих IV, в знак покаяния перед папой Григорием VII трое суток, с 25 по

Комментарии

28 января 1077 г., стоявший на дворе горного замка Каноссы, в Италии, где тогда, в гостях у маркграфини Матильды Тосканской, находился папа» (примеч. Пастернака). О, край погибший, ты похож / На Вавилон... — имеется в виду образ Вавилона в Откровении святого Иоанна Богослова. В одной руке ты держишь ложь... — город греха представлен в образе «вавилонской блудницы», держащей в руке золотую чашу, «наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее» (Откр. 17,4). Ты впрямь того Петра подобье... — в двух последних строфах Гервег крайне тенденциозно описывает евангельскую историю предательства Петра в ночь ареста Христа в Гефсиманском саду. Ты не скала, как оный Петр... — саркастическая отсылка к словам Христа: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18).

Строфы с чужбины (С. 151). — Гервег. Стихи, 1925. — Автограф (ИМЛИ, ф. 120); варианты: ст. 22: Тебя средь звезд полуночь не осыплет, ст. 22 а: Тебя звездой полуночь не осыплет, Стих, имеет подзаголовок «На горе» и состоит из двух самостоятельных частей. Пастернак перевел только вторую часть. Вошло в первый том «Стихов живого человека». Написано в 1839 г.

Беранже (С. 152). — Гервег. Стихи, 1925.

Пьер Жан Беранже (1780—1857) — французский поэт, завоевавший известность сатирой на наполеоновский режим («Король Ивето»). Песни Беранже, проникнутые революционным духом и восходящие к фольклорному куплету, приобрели широкую популярность. Сулиоты — греко-албанское горное племя. Свое происхождение ведут от небольшого числа греческих семейств, которые в XVII в., спасаясь от турецкого ига, бежали в горы Сули, неподалеку от греч. города Парга. Сулиоты принимали активное участие в борьбе за независимость Греции. Известна «Песнь к сулиотам» Байрона.

Написано в 1840 г.

Сонеты (С. 154). — Гервег. Стихи, 1925. — Георг Гервег. Избранное. М., 1958. XXVII

Пошли нам случай Аристогитона, — /Гармодия, наверно б, не хватало. — Аристогитон и Гармодий — два друга, убийцы афинского тирана Гиппарха (514 до н. э.).

Цикл сонетов «Диссонансы» написан осенью 1840 г. Переведен выборочно (II, IX, XVI, XX, XXII, XXVII, XXXVII, LII).

XLIX— второй сонет из цикла, посвященного немецкому поэту-романтику Ф. Гельдерлину (1770—1843).

LII

Счастливее, чем некогда Шлемиль... — герой повести-сказки «История Петера Шлемиля» (1814), написанной немецким романтиком Альбертом фон Шамиссо (1781—1838). В ней герой продает свою душу черту и становится тенью.

Военная заря (С. 159). — Гервег. Стихи, 1925. — Автограф (ИМЛИ, ф. 120), под назв. «Зов утра». Вошло в первый том «Стихов живого человека». После этого стих. Г. Гейне назвал Гервега «железным жаворонком».

Язычники (С. 160). — Гервег. Стихи, 1925.

И если вдруг с красоткой бык... — намек на греч. миф о похищении Европы, финикийской царевны, которую Зевс унес, обернувшись быком. И ни Ахилл, ни Гектор... — герои гомеровского эпоса, сражавшиеся в Троянской войне. Их приставляли к курам, /А не к опеке дам. — Имеются в виду древнеримские жрецы-птицегадатели и дамские духовники в католических странах. Незнавшие купели!— Жившие до крещения, до Христианской эры. Его ареопаг!— Афинский совет старейшин.

Амнистия (С. 162). — Гервег. Стихи, 1925. Написано в 1842 г.

ШАНДОР ПЕТЕФИ (1823-1849; наст, фамилия: Петрович) — основоположник венгерской литературы, родился в деревне Кишкереш, находящейся на Средне-Дунайской равнине. Творчество Петефи приходится на 1840-е годы, начало национально-освободительного движения Венгрии против австрийского господства. Он начинал свой жизненный путь в армии, затем, сменив военный мундир на костюм актера, с театральной труппой несколько лет странствовал по стране. С 1843 г. печатает свои стихи в периодической прессе. Его многосторонняя одаренность проявилась и в жанровой поэзии, и в сказочном эпосе, и в области романа, новеллы и драмы. Но подлинная стихия Петефи — это самобытная лирическая поэзия, связанная с венгерским фольклором и народной песенной традицией. Одно из наиболее известных его произведений — гимн «Восстаньте, мадьяры!» сложен в 1848 г., когда началось освободительное восстание. Петефи встал в ряды восставших и через год был убит в одном из сражений.

Впервые Пастернак обратился к творчеству Петефи в 1939 г. и перевел пять его стихотворений («Литературная газета», 26 июля 1939). «Сначала я отнесся к нему холодно, — писал Пастернак родителям, — а потом обнаружил что-то близкое и загорелся. Я когда-то увлекался Ле-нау и был под его влияньем, а у этого венгерца есть что-то напоминающее Ленау, Фр. Листа и других, — общность почвы, единая основа и

прочее, так что я не жалею, что позанялся им» (22 июня 1939). В конце 1946 г. по инициативе венгерских литераторов А. Кун и А. Гидаша в Гослитиздате началась подготовка «Избранного» Петефи (М., 1948), а затем и четырехтомного собр. соч. (1952—1953). Желая привлечь к этой работе Пастернака, А. Кун обратилась к нему, но Пастернак, — как она вспоминала, — «сказал, что хотя Петефи он любит, и перевел несколько его стихотворений, однако сейчас у него другие планы и переводить он не собирается» (Рукопись). Пастернак в это время начал писать роман «Доктор Живаго», однако он все-таки взялся за работу и многократно переделывал уже готовые переводы по замечаниям А. Кун, которая скрупулезно редактировала его тексты. «Переводы его, — вспоминала она, — тут и говорить нечего, изумительны, это истинная поэзия, но именно поэтому, каждое неудачное

место торчало из них точно пружина из старого дивана» (Рукопись). Несмотря на то что работа над переводами Петефи шла нелегко, Пастернак перевел в общей сложности 60 лирических стихотворений и три поэмы. Большая часть была сделана за месяц с небольшим весной 1947 г.

На родине (С. 163). - Петефи. Избр. 1948.

Написано в 1842 г. по возвращении в родные места Киш-Куншага, где Петефи не был с 1838 г. Первое стих., опубликованное под псевдонимом; оно привлекло внимание крупнейшего в то время венгерского поэта М. Верешмарти, который сразу почувствовал, что под именем Петефи скрывается крупный поэт.

Надоевшее рабство (С. 164). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1. Написано в 1843 г.

Побывка у своих (С. 165). — Петефи. Избр. 1948; варианты: ст. 24: Хотел я б посмотреть ст. 25: Средь поучений бездны, ст. 39: Он только ведь учился — Шандор Петефи. Избр. 1958.

И об актерской доле/Зашла при этом речь. — Петефи был в ссоре с родителями из-за того, что стал актером. Он в жизни лишь учился / Скотину свежевать. — Отец Петефи в молодости был мясником.

После полутора лет разлуки с родителями Петефи навестил их в Дунавече, где отец его арендовал сельскую корчму.

Написано в 1844 г.

Алфельд(С. 166). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1 (назв.: Альфельд).

Алфелъд — венгерская низменность, часть Среднедунайской равнины. Колосятся нивы, версты пастбищ / Тянутся меж Тиссой и Дунаем. — В «Путевых письмах» (1847) Петефи писал: «Я хочу умереть там,

где родился, в степях Алфельда, между Тиссой и Дунаем». Водопойный желоб у колодца. — Ср. «У выдолбленной водопойной колоды...» (из стих. Пастернака «Рождественская звезда», 1947). Написано в 1844 г.

Моя любовь (С. 168). — «Литературная газета», 26 июня 1939. Написано в 1844 г.

«Бушующее море...» (С. 168). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1. Написано в 1844 г.

Лесное жилье (С. 169). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1. — Автограф (РГАЛИ, ф. 1334); варианты:

ст. 7: Щелканье дроздов доносится из чащи,

ст. 11—12: С берега цветы, как девушки-кокетки, К зеркалу ручья склоняются вертляво,

ст. 14: Гости и друзья цветов — лесные пчелы,

ст. 16: Падают в источник с головой тяжелой,

ст. 19: Только влезть пчеле в спасательную лодку,

ст. 25: И дрозды свистят, и горлинки воркуют,

ст. 29: Здесь ни бар, ни слуг, и не гремят приказы,

Фридеш Керени (1822-1852) — поэт, друг Петефи, принимал участие в восстании 1848 г.; после его поражения эмигрировал за границу, где вскоре умер. Михай Томпа (1817—1868) — венгерский поэт, во время восстания служил священником в армии, написал ряд революционных стих. «Лесное жилье» было напечатано со следующим примеч.: «В лесу Эперьеша стоит домик. Гуляя в этих краях, мы все трое условились не описывать его точно, а только нарисовать приблизительно сходный пейзаж, К. П. Т.» (Керени, Петефи, Томпа).

Написано в 1845 г.

«Кабаки не редкость здесь в стране...» (С. 170). — «Литературная газета», 26 июня 1939. Написано в 1845 г.

«Если ты цветок —я буду стеблем...» (С. 170). — Петефи. Избр. 1948.

Из цикла «Жемчуга любви», посвященного Берте Меднянски — красавице из знатного рода, на которой поэт намеревался жениться, но был признан неподходящей партией и получил отказ.

Написано в 1845 г.

«Смолкла грозовая арфа бури...» (С. 170). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1.

— Автограф (РГАЛИ, ф. 1334); варианты:

ст. 2-4: Тишина настала, гром заглох,

Как, отмучившись в борьбе со смертью, Испускают свой последний вздох.

ст. 12: Кораблями в воздухе висят.

ст. 23—24: Или лучше б отдал я напиться Смерти неминуемой моей.

Написано в 1845 г. Входит в цикл «Жемчуга любви».

В деревне (С. 171). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1.

— Автограф (РГАЛИ, ф. 1334); вариант

ст. 5: Нагнувшись, из-под крыши выхожу.

— Петефи. Избр. 1958.

Я забываю Пешт, и суету... — во времена Петефи Пешт был самостоятельным городом, в 1872 г. вошел в состав объединенной столицы Венгрии Будапешта.

Написано в 1845 г.

Старый добрый трактирщик (С. 173). — «Огонек», 1947, № 52;

варианты:

ст. 4: И, в ладу с собой, не ведаю печали.

ст. 6-7: Днем спокойно, ночью только шум в прихожей.

Деду-добряку принадлежит харчевня, ст. 12: Опоздал — все в сборе ждут меня в столовой, ст. 17: Рассуждаем, как он в гору шел сначала, ст. 37: Я ревмя реву, как телка перед дойкой, ст. 39: Это ведь отец мой — старичок за стойкой.

— Петефи. Избр. 1948; варианты:

ст. 26: А его пора вечерняя объята ст. 37: Я ревмя реву от этого удара

— Петефи. Избр. 1958.

Осенью 1845 г. Петефи поехал к своим родителям в Салксентмар-тон, где его отец, разорившийся во время разлива Дуная в 1838 г. (река снесла его дом), взял в аренду сельскую корчму.

Написано в 1845 г.

Развалины корчмы (С. 174). — Петефи. Избр. 1948; варианты:

ст. 24: Где времени опустится пята.

ст. 53: Вот подмастерья-странника стакан.

— Петефи. Избр. 1958.

О Венгрия, в течение веков / Сменилось сколько на тебе оков!— С 1526 г. Венгрия была под игом Османской империи, а на западе и севере Венгерского королевства укрепились Габсбурги. После австро-турецкой войны 1683-1699 гг. вся Венгрия оказалась под властью Габсбургов. Фата-моргана, марево пустынь. — От итал. fata morgana, форма мира

жа, при которой на горизонте появляются быстро сменяющиеся отражения предметов, находящихся за горизонтом. Написано в 1845 г.

«На горе сижу я...» (С. 176). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1.

Из цикла «Тучи» с нехарактерными для Петефи настроениями отчаяния и скорби, вызванными ударами судьбы, лишениями, изменой друзей и нападками критики.

Написано в 1845 г.

Источник и река (С. 177). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1. Написано в 1845 г.

В лесу (С. 178). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1. Написано в 1846 г.

«Как на летнем небе бродят...» (С. 178). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1.

Написано в 1846 г.

«Люблюя как никто, пожалуй...» (С. 179). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1.

Написано в 1846 г.

«Розами моей любви...» (С. 180). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1. Написано в 1846 г.

«Дней осеннихпрозябанъе...» (С. 180). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1. Написано в 1846 г.

Ночь звездная, ночь светло-голубая (С. 181). — Петефи. Избр. 1948; варианты:

ст. 4: Лишь ангел мой ему красою равен,

ст. 5—12: Мой друг и эта ночь в оконной нише
Всего на свете виденного выше.
Я насмотрелся всякого на свете,
Не встретив ярче ничего, чем эти.
К рассвету месяц побледнел и скоро
Зайдет за синий выступ косогора.
Он бледен, как несчатья знак тревожный.
Я счастлив, что несчастье так ничтожно

ст. 20: Что с — Петефи. Избр. 1 Написано в 1846 г.

Что с этой жизнью наяву сравнится? Избр. 1958.

413

Комментарии

В альбом барышне Р. Э. (С. 182). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1.

Осенью 1846 г. Петефи провел полторы недели в Дебрецене в гостях у своего друга Даниэля Эмеди (1819-1891), литератора и впоследствии политического деятеля, в то время служившего воспитателем дочери профессора Й. Эрдеи. Уезжая, в благодарность за гостеприимство, Петефи вписал эти стихи в альбом Розы Эрдеи.

Венгерская нация (С. 182). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1. Написано в 1846 г.

«Сердце не из камня...» (С. 184). — Петефи. Избр. 1948. Написано в 1847 г.

«Скинь, пастух, овчину, леший!..» (С. 185). — «Литературная газета», 26 июня 1939; вариант

ст. 5: Вон с разбега, всею грудью

— Петефи. Избр. 1948. — Петефи. Избр. 1958; вариант ст. 5 — как в «Литературной газете».

Написано в 1847 г.

Цветы (С. 185). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1. Написано в 1847 г.

«Стоит мне о милой замечтаться...» (С. 186). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1.

Написано в 1847 г.

«Пыль столбом клубит, земля гудит, трясется...» (С. 187). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1.

Через год после знакомства с Юлией Сендреи, Петефи, приехавший просить ее руки, получил отказ; однако вскоре обстоятельства переменились, и 5 августа 1947 г. состоялось их обручение. Тогда же написаны и стихи.

Тетя Шари (С. 188). — Петефи. Избр. 1948; вариант ст. 28: Что уже на слух не отдается.

— Петефи. Избр. 1958. — Автограф; вариант ст. 28: Что на слух уж не распознается.

Написано летом 1847 г., когда Петефи гостил у своего друга поэта Яноша Араня. Стихотворение посвящено женщине, оставшейся без крова после пожара и некоторое время ютившейся у Я. Араня.

«Дорогою пустынные места...» (С. 189). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 1.

Написано в 1847 г.

413

Переводы западной поэзии

«"Люблю ли я тебя?" Справляйся...» (С. 190). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2.

Написано в 1847 г.

«Улеса — птичья трель своя...» (С. 191). — Петефи. Избр. 1948. Написано в 1847 г.

«Я вижу дивные цветы Востока...» (С. 191). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2.

Написано в 1847 г.

Ответ на письмо моей милой (С. 192). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2.

Написано в 1847 г.

Не обижайся (С. 194). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. Написано в 1847 г.

Прекрасное письмо (С. 196). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. Написано в 1847 г.

Звездное небо (С. 197). — Петефи. Избр. 1948; варианты: ст. 2: На звезды в высоте гляжу во власти грез,

ст. 28: Где дарят праведных и грешных не щадят?

— Петефи. Избр. 1958. Написано в 1847 г.

«Видал ли кто на свете...» (С. 198). — Шандор Петефи. Собр. соч.

Т. 2.

— Петефи. Избр. 1958. Написано в 1847 г.

В конце сентября (С. 199). — Петефи. Избр. 1948; ранний вариант: Еще под окном зеленеют осины, В долинах цветут и пестреют сады, Но снежный покров уже лег на вершины, Зима на горах заметает следы. Так лето цветет в моем сердце доныне. Простилось оно лишь недавно с весной, Но, видишь, виски серебрит уже иней, И черный мой волос блеснул сединой.

Цветы опадают, и жизнь промелькнула... Садись же ко мне на колени, жена!

К груди моей ты головою прильнула, На прах мой не склонится ль завтра она? Скажи лишь одно: если первый умру я, Пойдешь ли в слезах ты за гробом моим? Иль, может быть, сердце другому даруя, Захочешь ты именем зваться другим?

Тогда растяни ты вуаль свою вдовью, Как траурный флаг, над могилой моей, — И, мертвый, пойму, что покинут любовью, И я унесу его в царство теней, Перевяжу им сердечную рану, И, плача о той, что забыла меня, Вовеки тебя вспоминать не устану, Любить, как люблю тебя с первого дня. — Петефи. Избр. 1958.

Грустные предчувствия оправдались, — через год после гибели Петефи Юлия Сендреи вышла замуж вторично. Поэт Янош Арань в пламенном стихотворении осудил ее.

Написано в 1847 г.

Последние цветы (С. 200). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. Юля — умница... — жена Петефи Юлия Сендреи, героиня его лирики 1846-1849 гг.

Написано в 1847 г.

Небо и земля (С. 200). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2.

Как некогда безумец Фаэтон. — Фаэтон в греч. мифол. сын бога солнца Гелиоса, попытавшийся подняться на небо в его колеснице, но не сумевший справиться с конями и погибший. А если есть зима, — есть и весна. — Ср. «Пришла Зима, зато Весна в пути» из стих. Шелли «Ода западному ветру» (в переводе Пастернака).

Написано в 1847 г.

Могила нищего (С. 201). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. Написано в 1847 г.

У Яноша Араня (С. 202). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. После женитьбы Петефи на Юлии Сендреи поэт Янош Арань предоставил молодым свой замок, в котором они провели медовый месяц. Написано в 1847 г.

«В душе глубокой...» (С. 204). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. Написано в 1847 г.

Переводы западной поэзии

«Темны не склепы...» (С. 205). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. Написано в 1847 г.

Ночь (С. 206). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. Написано в 1847 г.

Зимние вечера (С. 207). — Петефи. Избр. 1948; варианты: ст. 23: Обычно речи на ветер бросают ст. 38: Назвать ее ленивой скупердягой.

— Петефи. Избр. 1958.

Зимой земля, как нищенка в сермяге... — ср.: «Словно падают не хлопья, / А в заплатанном салопе / Сходит небо с чердака» из стих. Пастернака «Снег идет» (1957).

Написано в 1848 г.

Степь зимой (С. 209). — Петефи. Избр. 1948. Написано в начале 1848 г. в предчувствии антигабсбургской революции, которая разразилась в Венгрии 15 марта 1848 г.

В родных местах (С. 211). — Петефи. Избр. 1948; под назв. «На родине»; варианты:

ст. 2: Вернулся в степь Альфельдскую свою,

ст. 26 — опечатка: пропущена строка рефрена.

— Петефи. Избр. 1958.

Пора, бетяр, домой. — Бетяр (венг.) — мальчик-подросток, шалун. Написано в 1848 г.

В горах (С. 212). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. Написано в 1848 г.

Ты помнишь?.. (С. 213). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 2. Написано в 1848 г.

«Осень вновь, опять чаруя...» (С. 214). — Петефи. Избр. 1948. Написано в 1848 г.

В конце года (С. 215). — «Литературная газета», 26 июля 1939; варианты:

ст. 29: Крик и смех и плач и лепет ст. 33—34: Или легким, как расческа, За полоскою полоску.

— «Избранные переводы»; вариант ст. 29 — как в «Литературной газете».

— Петефи. Избр. 1948.

Комментарии

— Авт. правка по кн.: «Избранные переводы» для вечера чтения: ст. 7: Дело я тебе задам,

ст. 45: В час захода твоего, ст. 50: Благодарно повторят.

Написано в последние дни уходящего 1848 г. за несколько месяцев до гибели Петефи на поле боя под Шегешваром.

«Вновь жаворонок надо мной...» (С. 217). — Петефи. Избр. 1948;

вариант

ст. 21: Лететь к возлюбленной мечтой — — Петефи. Избр. 1958. Написано в 1849 г.

Витязь Янош. Поэма (С. 218). — Петефи. Избр. 1948; варианты:

I, ст. 7: Пока он их пасет на холодке в лощине ст. 17: Она стоит в ручье и подоткнула юбку ст. 21: Пастух на берегу с заплатанною блузой ст. 22: Не кто-нибудь иной, но Янош Кукуруза

ст. 32: Дай до смерти и всласть нацеловаться в губы

ст. 43: И мачеха сейчас не над душою самой

ст. 48: И только знает Бог, как крепко и как часто.

II, ст. 1: Тем часом время шло, и золото заката.

III, ст. 5—6: Чья б ни была вина, он спохватился поздно,

И делу не помочь теперь тоскою слезной ст. 23—24: «Ты дело говори, а то я, Бог свидетель...» —

Так молвил господин его и благодетель ст. 30: Пусть выклюют за то глаза тебе вороны! ст. 39: Он парень был силач, шутя табун треножил.

IV, ст. 9: Уж Илушка спала в те грустные мгновенья ст. 12: И выбежала вон на вызов торопливо

ст. 15: Признайся поскорей, что так тебя туманит? ст. 21: Я, Илушка, не вру, моя весна и зорька! ст. 27: Он ей упал на грудь, лицо от милой пряча ст. 33: Ну, Янчи, что ж, ступай, раз такова судьбина ст. 41: Он наудачу шел, шел по прямой от тына.

V, ст. 8: Сверкнул песок вдали и озеро в осоке

ст. 22: Лишь небо с высоты, как ел он, наблюдало ст. 33-35: И сон его унес в родимую деревню.

Он Илушку сжимал в руках все задушевней.

Чуть захотел ее губами он коснуться ст. 57—58: И очутился он в лесной дремучей чаще,

Сплошной живой стеной вокруг него стоящей ст. 64: В лучах луны кой-где желтевшие травинки.

VI, ст. 1: Уж время к полночи примерно приближалось

ст. 5: Вот счастье, — думает, — наверно, двор заезжий
ст. 34: Оставьте жить меня и на ночь приютите
ст. 41: Бедовый у тебя святой, как перед Богом!
ст. 60: Себе был на уме и только пил глотками
ст. 66: Покамест в Судный день труба вас не разбудит.
VIII, ст. 8: Известно ль вам, что все мы в крае людоеды?
ст. 18: Взял сторону гусар и встал на их защиту.
X, ст. 31—32: Спадала духота, и легче всем вздохнулось,
Чуть Франция внизу пред ними растянулась.
XI, ст. 6: Враг буйствовал вовсю и уж награбил много ст. 11—12: Низвергли короля, в разгар судьбы плачевной
Страдальца разлучив с любимой королевной ст. 19—20: Как ни сложись теперь судьба моих сокровищ,
Их больше никогда уже не восстановишь ст. 28: Я отвоюю край твой за одно сраженье.
XII, ст. 20: И через трубача войну им объявили
ст. 30: В семь ведер толщиной, был небольшого роста ст. 39—40: Так кровью враг потел в горячей рукопашной,
Что перекрасил луг зеленый в цвет кумачный ст. 49: И саблю с силою на толстяка обруша ст. 56: Когда б гусары их в пути не нагоняли ст. 63—65: Лишившаяся чувств добыча произвола —
Наследница была французского престола.
Он несся. Янчи гнал за ним быстрее серны ст. 70: Но вдруг усталый конь под седоком свалился ст. 75: Взгляни на возраст мой и сжалься надо мною ст. 81 : Тут Янчи слез с коня и, ей поклон отвеся,
XIII, ст. 3 и 4 переставлены местами.
ст. 13—16: Помывшихся гусар позвали в полном штате
В соседний замок, где король был встречен знатью.
Пока шел бой, он ждал конца кровопролитья,
Теперь он отдавал распоряженья свите ст. 21—22: Не чаявши ее в живых и встретясь с нею,
На радостях король к ней бросился на шею. ст. 25—26: Теперь мне всё равно, хоть своды замка рухни!
Пусть сходит кто-нибудь за поваром на кухню ст. 29-30: Я здесь уж, мой король, — вмешавшись в общий
говор,
Проговорил в толпе давно стоявший повар ст. 34: Упрашивать себя они не заставляли ст. 36: Расселись без чинов и дальних слов гусары, ст. 41—42: Тем временем король, гусарам подливая,
Привстал из-за стола и молвил, став у края ст. 52: Я прозвище ношу, не чувствуя конфуза

ст. 71 : А витязь Янош встал и словно как в угаре ст. 77-80: Наверно, ты не ждал, что я его отрину И счастье оттолкну по своему почину? Я б это объяснил своей житейской былью, Но я наскучу вам, я не люблю насилья.
XIV, ст. 6-7: Занявшись как-то раз на огороде полкой,
Она подобрала младенца-карапуза; ст. 14: Пошел ругать ее, чуть не дошло до драки ст. 18—19: Оставить там его! Живой ребенок малый!

Когда б он там погиб, могла б ли я своими ст. 29—30: Так я и вырос бы в работе средь побоев,

Другого ничего из жизни не усвоив ст. 71-72: То обвенчала б нас, она б сдержала слово,

Помимо мачехи, помимо мужа злого; ст. 77: Но Бог нам не судил и вскоре отнял тоже ст. 89: Располагать собой я не могу, царевна.

XV, ст. 4: От жалости к другим и от сердечной боли ст. 7—8: Но ты тогда позволь, когда не этим браком,

Признательность излить другим посильным знаком ст. 13—14: Ну, так, — сказал король, — вот первый долг пока наш.

Воспользуйся мешком во благо, витязь Янош. ст. 20: Задержитесь еще и с нами поживете.

XVI, ст. 8: Кто, как на крыльях, мчит к тебе чрез все границы ст. 21—22: Вот вышел Янош раз на воздух из каюты,

По палубе пройтись, размяться на минуту ст. 30—31: Курлыкая вдали, на юг летели птицы, Он в крике их ловил далекие призывы.

XVII, ст. 8: Спасенья не было, попытки все напрасны ст. 16: Как хлынула вода в каюты из пробоин

ст. 22: Он облако поймал, нацелившись, за холку

ст. 30: Ягнятника гнездо висело над равниной

ст. 86: Переспросила вновь та женщина в косынке.

XVIII, ст. 3: Вся жизнь его пред ним на части раскололась, ст. 8: Чтоб быть раздавленным такой судьбы десницей ст. 17—18: Без вас весь Божий свет был Илушке невзрачен,

И вам последний вздох ее был предназначен ст. 26: «Пойдемте», — был ответ отзывчивой крестьянки ст. 30: Когда все в ней жило, уста, глаза и щеки.

XIX, ст. 1: Два было у него товарища в просторе

ст. 36: А воз ни тпру ни ну, приклеились ободья ст. 74: Как Янош был уже с той стороны границы ст. 83—84: Что будет с Яношем? Какие приключенья? Сейчас узнаете, минуту-две терпенья.

XX, ст. 8: Могло хватить на плащ с широкой пелериной

ст. 10: Количеством своим в сырых местах пугая ст. 21—22: Ворота были в нем такие, что, ей-богу,

Не назову длины и ширины порога ст. 29: Да, было здесь на что взглянуть! В кругу открытом

XXI, ст. 7—8:Но суть была не в том, не слеп он, и, однако,

Хоть выколи глаза, была завеса мрака ст. 16: Слетались испокон на шабаш все колдуньи ст. 18: И прочих игр они несутся кавалькадой ст. 23—25: Потрескивал огонь в сухих еловых сучьях,

И над огнем котел подвешен был на крючьях,

Когда подкрался он, глазами их буравя ст. 41: То был обоз иль парк лейб-гвардии их храброй ст. 50—52: Пустились наутек, но верх переполоха:

Хватились метел — нет, а были перед этим!

Нет метел, нет как нет, и не на чем лететь им ст. 78: Стал полный день, как бы в честь ведьминой кончины.

XXII, ст. 33: И мертвецы кольцом, сдвигая полукружье ст. 36: Не разогнал петух, в деревне прогорланя.

XXIII, ст. 15-16:

Когда они, плещась, выкидывались разом,

Играла чешуя, подобная алмазам ст. 33-34: Но Янош возразил: «Ведь чем он необъятней,

Тем мне поспеть туда, на берег тот, занятней ст. 43: Послушно Янош влез, а тот уперся об пол.

XXIV, ст. 1: Они в дороге три уже недели были.

XXV, ст. 9-10:

На следующий день он приступил к работам,

Приблизясь, как хотел он, ко вторым воротам ст. 17-18: Победою гордясь, решил он торопливо

Немедленно вперед идти без перерыва ст. 21—22: Но что он увидал, в беде взывая к Богу?

Дракона поперек широкого порога! ст. 24: Свободно шесть волов вошло бы в зев бездонный ст. 31 : С разбега прыгнул он ему в отверстье зева ст. 35—36: Возникла новая задача: как из туши

Уйти скорей, чтоб не погибнуть от удушья.

— Машин, с авт. правкой; варианты:

VI, ст. 76: Я с Илушкой, как встарь, до нас Адам и Ева. XVII, ст. 16: Когда втекла вода в каюту из пробоин? XIX, ст. 3: Вся жизнь его как бы на части раскололась.

— Петефи. Избр. 1958.

Di. VI: Разбойники, вскочив, взялись за ятаганы... — вид турецкого оружия, среднего между саблей и кинжалом. Ион ему, при всей повольнице разбойной... — шайка разбойников. Гл. VII: Откуда ни возьмись солдаты,

Комментарии

доломаны! — Гусарская одежда, на которую накидывался ментик — короткая куртка. Гл. XI: Он сущий рай земной и лучше Ханаана. — Обетованная земля, которую, по Библии, Господь отдал во владение еврейскому народу. «Теперь я нищ, как парий. / А я ведь был богат, как царь персидский Дарий. — Пария (парий) — в Южной Индии — человек, «стоящий вне каст», то есть лишенный всех прав; в переносном смысле: отверженное и угнетаемое существо. Царь Дарий стоял во главе могущественного государства Ахеменидов (521—486 до н. э.), славившегося несметными богатствами. Гл. XII: Турецкий вождь, паша семилошадно-хвостый... — почетный титул должностных лиц в Османской империи, во времена Петефи — генерал турецкой армии. Чепрак — ковровая подстилка под конское седло. Гл. XIII: Паладины — сподвижники Карла Великого, позднее — рыцари, преданные государю или своей даме. Di. XIX: А что там за большак бежит лесным изложьем? — Большак — большая дорога; изложье — низина. Di. XXVI: Смарагдов залежи... — изумрудные жилы.

Поэма написана в 1844 г. в течение одной недели и получила одобрительные отзывы крупнейших венгерских литераторов. Известный поэт Михай Верешмарти, которому Петефи ее прочитал, заметил, что она «могла бы служить украшением любой литературы» (Шандор Петефи. Стих. Поэмы, 1971. С. 599). Поэма заканчивалась возвращением Яноша из Франции; по совету Верешмарти, автор добавил еще несколько глав. Петефи долгое время не удавалось издать поэму. Наконец, владелец «Пештского журнала мод» (Петефи работал там помощником редактора) согласился напечатать ее, если автор изменит простонародное название «Янчи Кукуруза» на литературное «Витязь Янош».

Пастернак взялся за перевод поэмы, уступив просьбам А. Кун, готовившей собр. соч. Петефи. Первый вариант по ее указаниям подвергся значительной переделке.

Шалго. Поэма (С. 266). — Шандор Петефи. Собр. соч. Т. 3.

Меж Гёмером и Ноградом простерлась... — названия комитатов (областей) Венгрии. За Эндре Третьим вымерла вся ветвь / Арпадов. — Ар-пад (889—907), первый король Венгрии; Эндре III — последний король этой династии, правил с 1290 по 1301 г.

В 1845 г. Петефи, путешествуя по Верхней Венгрии, посетил руины замка Шалго. В своих «Путевых письмах» он так описывал замок: «Он примостился так необычно, что только безумец мог его там выстроить. Шалго окружен буковым и дубовым лесом. Вершина горы

— огромная гранитная скала. На ней и стоял замок, от которого сейчас сохранились одни только развалины» (Шандор Петефи. Стих. Поэмы. 1971. С. 600). Об истории замка почти ничего неизвестно.

Написано в 1846 г.

419

Переводы западной поэзии

Мария Сечи. Поэма (С. 279). — «Новый мир», 1971, № 8. — Автограф; варианты:

ст. 4: Древний сад волшебный старины бывалой,

ст. 20—22: Можешь сжать ее своей солдатской хваткой.

Мужа и отца прославили их войны,

Оттого и я — не робкого десятка, ст. 25—28: Ракоци ушел, оставивши Марии

Только небольшую кучку для дозора.

Пусть приходит враг. Постройки крепостные

Улыбнутся сверху. Скалы им опора, ст. 41: Посмотрел гонец, теряясь, на Марию: ст. 49-53: Дома доложил гонец о результате

И о странной встрече в замке — Вешелени.

Тот не знал, что думать, изрыгал проклятья,

Подавлял тревогу, сдерживал волненье.

Тучей он смотрел, поддавшись чувству злому, ст. 61-63: Слава ли моя сюда не досягнула,

Что со мной чудачка связываться смеет?

Завтра ведь заря от пушечного гула ст. 66: Трубку я зажгу о головню Мурани. ст. 68: Как мужчина в юбке или в этом роде, ст. 70: А они, как видно, водятся в природе? ст. 81-82: Блещет плащ его и звездочка денницы

Светится на шапке выпушкой павлиньей, ст. 86: Бросились бежать, попутно поредели, ст. 97: В мыле прыгал конь под ней разгоряченный, ст. 109-120: Он красив, он весь — мадьяра воплощенье,

Взгляд его горит и, полный красноречья,

Означает смертной цели достиженье.

И глаза он поднял на Марию Сечи,

Кровь с его лица отхлынула мгновенно

В дальний закоулок сердца сокровенный.

Молча он стоял, соображая туго.

Словно безъязыкий колокол негодный.

Всем казалось, он примолк от перепуга,

Лишь Мария знала, что с ним, превосходно.

Он был ясен ей любой душевной складкой.

Велика на это женская догадка, ст. 123: Подвела она коня к гонцу вплотную ст. 129: Всякий, кто сперва упрется бестолково, ст. 143-144: Как бы в знак того, что не на шутку дело,

Невзначай Мария саблей зазвенела, ст. 148: Если мы умрем, то только как герои, ст. 151: Не сводя с ней глаз, гонец стоял в тумане.

419

Комментарии

ст. 153—154: Дух его пылал, как вспыхнет мирозданье,

В страшный Судный день объятое пожаром, ст. 160: Глядя на меня с неотразимой силой, ст. 163—168: У ворот гонец был рад пера огрызку,

Чтобы недомолвку письменно исправить.

Он велел немедля сторожу записку

В собственные руки госпоже доставить.

«Сплоховал я, брат, — сказал он, — в замке вашем,

Как посол Осман пред королем Матьяшем. ст. 184—186: Слишком сердце в латы у нее стучало.

И потом, не видя надобности в шлеме,

И его сняла, чтоб не давил ей темя, ст. 191-192: Саблей наголо махавшая, бывало,

С радостью теперь в ножнах ее держала, ст. 199—202: Много раз письмо она прочла без счету.

«Женщина превыше всех! — оно гласило. —

Ум был у меня один, и вот его-то

Ты меня своею красотой лишила, ст. 233—234: Удовлетворившись, тем что было нужно,

Написала: «В полночь будь у башни южной», ст. 239—240: Место поискал, где не было бы тесно

И залез нежданно на утес отвесный, ст. 249-253: Вот оно влиянье колдовского взгляда!

Пелена на всем, и тьма мой взор туманит.

Лишь отверстье есть, чтоб мог я втихомолку

Лиходейкой этой любоваться в щелку.

Хороша, смела! Мы были б чудной парой, ст. 263—268: Вдруг она ответит мне холодновато?

Страсть, не подводи меня к крутому скату».

Он пошел, взглянув на замок с неприязнью,

Миновал свои посты сторожевые.

Он вошел в шатер и вздрогнул от боязни:

В глубине палатки ждал ответ Марии, ст. 305—306: В сталь закован я, и тут твоя заслуга,

Что безмерна страсть и порвала кольчугу, ст. 319—324: Нет, — ответил Вешелени непреклонно.

С этою уступкой ум мой не мирится.

Требуй жертв, но эта просьба незаконна.

Ты дороже жизни. Что с тобой сравнится?

Споры тут смешны, и отговорки мелки,

Кроме чести: с ней недопустимы сделки, ст. 331-333: Между тем Мария в мнимом безразличьи

Любовалась им и молча ликовала:

«Вот моя мечта о нравственном величьи!

Переводы западной поэзии

ст. 357: Но причем тут ты и эти обвиненья?

ст. 370—373: В то, что доиграть я не сумела роли.

Женщины с мечом — мужчины подголоски. С этим покидаю ныне я подмостки.

ст. 378: Мужественность женщин, женская держава».

ст. 387: Розы осыпались грустно перед входом

Мария Сечи (сер. XVII в.) — представительница рода известных Трансильванских князей. Двести лет назад Дёрдь Ракоци с войсками / В Венгрию пришел за дело веры биться. — Дьёрдь II Ракоци (1621—1660), правитель протестантской Трансильвании, периферийного княжества, которое в ходе Тридцатилетней войны (1618—1648) обрело международное стратегическое значение. Вел религиозные войны на территории раздробленной Венгрии, часть которой была католической. В Гёмерских горах за темными лесами/ Крепости Мурань он увидал бойницы. — Крепость в Трансильвании, принадлежавшая княжескому роду Сечи. Здравствуй, храбрый сын Эрдея, рада встрече... — Эрдей — русское наименование Трансильвании, по-венгерски: «Erdely» (от слова erdo «лес»). «Сын Эрдея» — сын своей земли. Вел их полководец Ференц Вешелени. — предводитель армии Верхней («королевской») Венгрии, которая входила в состав Австрийской (католической) империи и управлялась Габсбургами. Как гонец Осман пред королем Матьяшем. — Матьяш Хуньяди, он же — Матвей Корвин (1443—1490) — король Венгрии с 1458, проводил политику

централизации страны, вел успешную борьбу с Османской империей. Осман — здесь: не имя, а национальная принадлежность гонца. Превратился Марс в Венеру. — Очевидно, Петефи использовал цитату из поэмы Иштвана Дьёндьёши (1629—1704) «Венера из Мураньи, беседующая с Марсом» (1638), в которой рассказывалось о счастливом супружестве Марса и Венеры, т. е. Ференца Вешелени и Марии Сечи. Розу я сорвал. Быть может, роза эта/ Выросла из праха женщины воспетой. — Ср. мотив розы, выросшей из праха героини, в поэме Петефи «Витязь Янош».

Написана в 1847 г. в ответ на объявленный в феврале этого года конкурс на поэму, «предметом которой должна быть Мария Сечи». Петефи вдохновила недавняя поездка в крепость Мурань. «На днях мы проведали замок Мурань, — писал он в «Путевых письмах», — он в каких-нибудь шести часах ходьбы отсюда. Каждый попавший в Гёмер тяжко согрешит против себя самого, если не посетит этот замок. Гёмер — один из прекраснейших комитатов Венгрии, а Мурань — его прекраснейший уголок» (Шандор Петефи. Стих. Поэмы. 1971. С. 600—601).

Перевод был сделан в 1948 г. по заказу Агнессы Кун, составительницы собр. соч. Петефи, и серьезно переработан по ее указаниям, но остался не издан, так как сюжет поэмы — измена Марии Сечи делу борьбы в пользу любви — был сочтен идеологически недопустимым. При жизни Пастернака перевод не публиковался.

421

Комментарии

ПОЛЬ МАРИ ВЕРЛЕН (1844-1896) — французский поэт-символист. Пережил раннюю потерю близких, разгром Парижской коммуны, необходимость скрываться от преследований, страстную любовь к своему другу поэту Артюру Рембо, тюремное заключение, алкоголизм, доведший его до неврастении. Злоключения Верлена стали образом судьбы богемного поэта нового времени. Поэзия Верлена отмечена нарочитой неопределенностью образов, особой музыкальностью манеры и умением передавать тончайшие оттенки душевных состояний.

Верлен оказал значительное влияние на творчество Пастернака. Несколько стих., переведенных весной 1938 г., не исчерпывают пронесенной через всю жизнь дани восхищения творчеством Верлена. В статье, приуроченной к его столетию, Пастернак сравнивал Верлена с Блоком и определял его как родоначальника новейшей европейской поэзии, самой существенной стороной которой, наложившей на него самого сильнейший отпечаток, Пастернак считал разговорную естественность его стихов: «Парижская фраза во всей ее нетронутости и чарующей меткости влетала с улицы и ложилась в строчку целиком, без малейшего ущемленья, как мелодический материал для всего последующего построены!. В этой поступательной непринужденности — главная прелесть Верлена» («Поль-Мари Верлен», 1944).

Посылая О. М. Фрейденберг только что вышедшую книгу «Избранные переводы», Пастернак писал: «Вышел сборник моих переводов <...> среди них, между прочим, и очень важный для меня Верлен...» (15 нояб. 1940). Весной 1938 г. Пастернак выступал с чтением своих переводов из Верлена, об этом событии осталась запись в дневнике Еликониды Поповой: «Каждую строчку стихов Верлена аудитория глотает с жадностью, с пересохшим от жажды горлом и все время еще раз переводит Верлена, как-то расшифровывая его. Стихи приобретают страшную злободневность, и еще через мгновение кажется, что присутствуешь на конспиративном собрании» (В. А. Швейцер. Мандельштам после Воронежа // «Вопросы литературы», 1990, № 4. С. 247).

Ночное зрелище (С. 291). — «Красная новь», 1938, № 8; вариант ст. 4: Пустырь. Костыль с телами мертвецов,

— «Звездное небо» (по автографу из собр. Е. С. Левитина). Без угомону пляшущих чакону... — испанский танец, первоначально быстрый, а с XVII в. медленный и плавный.

Из первой книги «Сатурнических стихов» (1866), относится к циклу «Офорты», посвященному близкому другу Верлена поэту Франсуа Коппе, и намеренно приближен к его поэтической манере.

«Так как брезжит день...» (С. 291). — «Красная новь», 1938, № 8. Из книги «Песнь чистой любви» (1870). Верлен считал, что это лучшее его стихотворение.

Зелень (С. 292). — «Красная новь», 1938, № 8; вариант ст. 2: И сердце, каждым вздрогом преданное вам.

— «Звездное небо» (по автографу из собр. Е. С. Левитина).

Из цикла «Акварели» книги «Романсы без слов» (1874). Все шесть стих, цикла написаны в Англии и имеют английские названия (Green).

Искусство поэзии (С. 292). — «Красная новь», 1938, № 8; варианты: ст. 6: Но отбирай слова с оплошкой,

ст. 15: Лишь он связует в брак законный, ст. 21: Хребет изяществу сверни

— «Избранные переводы»; вариант ст. 6 — как в «Красной нови».

— «Звездное небо» (по автографу из собр. Е. С. Левитина).

Написано в 1874 г., вошло в книгу «Далекое и близкое» (1884). Поводом послужило 200-летие знаменитого трактата Буало «Искусство поэзии», в котором обосновывалась нормативная поэтика классицизма. Несмотря на возражения автора, современники восприняли это стих, как творческое кредо Верлена, противопоставившего себя классической поэзии. В. Брюсов писал о верности Верлена «провозглашенному им принципу "De la musique avant toute chose"» в тех вещах, «в которых на первом месте стоит музыка слов <...> словесное содержание отходит на второй план, и пленяют прежде всего самые звуки слов, сочетание гласных, согласных, носовых» («От переводчика» // Поль Верлен. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М., 1911. С. 11).

Отталкивание от «литературы», «словесности» оказало значительное влияние на русскую поэзию начала XX в. В статье «Поль-Мари Верлен» Пастернак объяснял это отталкивание: «Как всякий большой художник, он требовал "не слов, а дела" даже и от искусства слова, то есть хотел, чтобы поэзия содержала действительно пережитое или свидетельскую правду наблюдателя». Определяя задачи художественного перевода, Пастернак писал: «Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности» («Замечания к переводам из Шекспира», 1946). Опираясь на ту же верленовскую антиномию литературы и жизни, С. Н. Дурылин оценивал в 1945 г. стихи самого Пастернака: «Стихи твои к Марине Цветаевой <...> прорывают всяческие "бытования" и "бывания", жизненные и условно-поэтические (то, что Верлен называл "литературой"). Они заставляют трепетать скорбью, гневом — и вместе великим утешением подлинного "бытия"» (Две судьбы. Публ. М. А. Рашковской// Встречи с прошлым. Вып. 7, 1990. С. 397).

Томление (С. 294). — «Избранные переводы». Что тут, Батилл, смешного? — Батилл — римский трагический актер-мим, вольноотпущенник и фаворит Мецената (I в. н. э.).

Сонет напечатан в 1883 г., включен в книгу «Далекое и близкое».

Хандра (С. 294). — «Избранные переводы», опечатка в ст. 14: На то и хандра,

Из цикла «Забытые мелодии» книги «Романсы без слов» (1872— 1873). Эта книга, название которой Пастернак в своей статье о Верлене (1944) оценивает как «достаточно дерзкое» для произведения словесности, — считается вершиной музыкальности поэзии Верлена.

«Средь необозримо...» (С. 294). — «Новый мир», 1938, № 8; с эпиграфом из первых строк франц. оригинала: «Dans l'interminable / Ennui de la plaine»; варианты: ст. 6-8; 14-16:

То медной латунью Исчезнет бесследно Во мгле новолунье. — «Избранные переводы». — Автограф (ГЛМ); текст как в журнале. Из цикла «Забытые мелодии» книги «Романсы без слов» (1872— 1873).

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН (1855-1916) — бельгийский поэт, драматург, критик, родоначальник мистического урбанизма в европейской поэзии, сумевший одним из первых передать в своих стихах тревогу за судьбу человека в большом современном городе. В 1883 г. дебютировал поэтическим сб. «Фламандки», изображение быта крестьян в котором близко по колориту и общей тональности старым мастерам фламандской живописной школы. «Верхарн создал свой мир поэзии, как создали свой мир Данте, Шекспир, Гёте», — писал о нем В. Брюсов в предисловии к его «Стихам о современности» (М., «Скорпион», 1906. С. 7). С конца 1880-х гг. Верхарн живет в Париже, много путешествует. В декабре 1913 г. проводит две недели в Москве. Л. О. Пастернак пишет его портрет. В «Людях и положениях» (1956) Пастернак вспоминал: «В 1913 году в Москве был Верхарн. Отец рисовал его. Иногда он обращался ко мне с просьбой занять портретируемого, чтобы у модели не застывало и не мертвело лицо. <...> С понятным восхищением я говорил ему о нем самом и потом робко спросил его, слышал ли он когда-нибудь о Рильке. Я не предполагал, что Верхарн его знает. Позировавший преобразился. Отцу лучшего и не надо было. Одно это имя оживило модель больше всех моих разговоров». Уезжая, Верхарн подарил и надписал отцу и сыну две свои книги, которые Б. Пастернак бережно хранил всю жизнь.

Равнины (С. 295). — Поэты Бельгии. М., 1915.

И там на дорогах распятья / Раскрыли во мраке объятья... — ср. ту же метафору: «Слишком многим руки для объятья / Ты раскинешь по концам креста...» в стих. «Магдалина, II» (1949) из «Стихотворений Юрия Живаго».

Из книги стихов «Поля в бреду» (1893).

Переведено для составлявшейся С. Н. Дурылиным антологии. Самая ранняя публикация из переводных стих. Пастернака, при его жизни не переиздавалась.

ИВАН ФРАНКО (1856-1916) — украинский писатель, ученый и общественный деятель. Родился в семье сельского кузнеца, закончил гимназию и поступил во Львовский университет на философский факультет. В 1877 г. был арестован за пропаганду в журнале «Друг» левых политических взглядов. В конце 1870-х годов выпустил два литературных сб. и подготовил серию брошюр по разным областям знания. В 1880 г. был снова арестован. Первый сб. стихов вышел в свет в 1887 г. В это время он много писал, печатался в журналах. В1891 г. после 10-летнего перерыва окончил университет и через два года защитил докторскую диссертацию в Венском университете. Франко вел также научную филологическую деятельность, изучал украинский фольклор и историю украинской литературы.

Вступление к поэме «Моисей» (С. 297). — «Литературная газета», 27апр. 1941; варианты:

ст. 16—17: Ужели столько попусту сгорело

В любви к тебе тем драгоценным жаром, ст. 41—42: В кругу народов, озарив Карпаты,

До Черноморья рокот новой воли — Иван Франко. Избр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1945. Написано в 1905 г.

ШАРЛЬ ВАН ЛЕРБЕРГ (1861-1907) - фламандский поэт, наряду с Э. Верхарном и М. Метерлинком входивший в число реформаторов французской поэзии. Лерберг был родом из буржуазной семьи, его отрочество было омрачено ранней смертью матери. Друзья детства Лер-берга — Метерлинк и Грегуар ле Руа, учившиеся в 1885 г. в Гэнтском университете, вместе с Лербергом входили в так называемую «гэнтскую группу» поэтов. Старшим из них был Жорж Роденбах, напечатавший первые стихи своих друзей в журн. «Молодая Бельгия». С этого момента Лерберг сотрудничает в разных периодических изданиях и переезжает из одного города в другой; Париж, Лондон, Рим, Берлин поочередно становятся местами его проживания. А. Мокель писал о нем: «Робкий до неуверенности и до неловкости, этот человек, высокий и сильный, с твердой поступью, здоровья могучего, глядел голубыми

глазами очень ясными, глазами птицы, которую малое ничто может спугнуть» (Ш. ван Лерберг. Ищейки. СПб., 1909. С. 12). В 1906 г. у него появились серьезные признаки душевной болезни, он был переведен в клинику, в которой за 40 лет до этого лечился Бодлер. С этого момента началось медленное угасание, через год приведшее его к ранней смерти.

Его творческое наследие невелико. Самую значительную часть составляет переписка. Он не желал широко публиковать свои стихи, и при жизни они были малоизвестны. Первую славу ему принесла драма «Ищейки», фактически положившая начало и театру Метерлинка. В поздних работах он ушел в тончайшую лирику неуловимых ощущений («Нюхатели», 1889, «Следопыты», 1890). «Печаль Лерберга безоблачна, как золотистое апрельское утро, — писал о нем С. Н. Дурылин, — и столько в ней религиозной покорности и радостного преодоления скорби» («Поэты Бельгии». М., 1915. С. 6). Пьеса «Пан» (1906), сюжет которой построен на борьбе христианства с языческим духом, считается вершиной его творчества. Его стих. сб. «Entrevisions» («Миражи») вышел в 1898 г. в Брюсселе и только через 25 лет был переиздан в Париже. С этого времени имя Лерберга прочно входит в историю французской литературы.

Переводы из Лерберга были выполнены в 1918-1919 гг., Пастернак упоминает их в «Ходатайстве в Центральную коллегию Лит. отдела Наркомпроса» (1920). Делались они по заказу издательства «Всемирная литература», но остались неизданными. Три из них, сохранившиеся в собр. Е. С. Левитина, публикуются впервые по списку, сделанному с автографа, в котором они даны под французским названием.

Забвение (С. 299). — «L'oublie».

Предвестница (С. 300). — «La messagire». Ст. 19: Оне ж отражают то пламя

— старое правописание «оне» с ять на конце дает представление о женском роде: имеются в виду белокурые сестры Апреля из ст. 2.

Картины (С. 300). — «Les images».

АНДРЕ ПОЛЬ ГИЙОМ ЖИД (1869-1951) - французский писатель. Первые книги стихов («Стихотворения Андре Вальтера», 1887, и «Тетради Андре Вальтера», 1891) были написаны в духе поэтики символизма, под влиянием С. Маларме и О. Уайльда. В романах «Имморалист» (1902), «Тесные врата» (1909) воспевал ницшеанскую сильную личность, анархическое бунтарство. На его произведения начала XX в. большое влияние оказало творчество Ф. М. Достоевского. В середине 1930-х гг. он примкнул к антифашистскому движению и выражал симпатии коммунистической идеологии. Годы Второй мировой войны провел в Тунисе. Лауреат Нобелевской премии 1947 г. Познакомился с Пастернаком в Париже на Конгрессе в защиту культуры в 1935 г. Для публикации романа А. Жида «Новая пища» Пастернак в 1935 г. перевел вставные стихотворения. Следующая их встреча состоялась летом 1936 г., когда А Жид приезжал в Москву. Позднее он вспоминал, что Пастернак открыл ему глаза на ложный смысл показываемых ему успехов социалистического образа

жизни. Пастернак отказался участвовать в организованной травле А. Жида, вызванной публикацией его книги «Возвращение из СССР», что послужило поводом резких политических выпадов против него (выступление В. П. Ставского на общемосковском собрании писателей 16 дек. 1936).

Стихи из романа «Новая пища» (С. 301). — «Знамя», 1936, № 1. «Ветерок забубённый...» «О весна, вся — томленье...» «Ослепленье спросонок...»

«Юной жизни оплот...»; опущены ст. 5 и 10, служащие рефреном, ст. 21: Пуще в небе высоком

— Автографы (собр. П. Уитни, Йельский университет, США).

Стихи из романа «Новая пища» объединены чувством преклонения перед жизнью, которое передано в его словах из романа: «Разлитая повсюду радость омывает землю, и как земля, всеми порами отвечает на зов солнца, как она, выделяет взволнованную атмосферу, где стихия начинает жить и, еще покорная, ускользает от первых оков...» («Знамя», 1936, № 1. С. 163)

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ (1875-1926) - немецкий поэт, один из крупнейших в XX столетии. Занимал в кругу литературных привязанностей Пастернака первое место. Сильное влечение к русскому языку и культуре привело Рильке в Москву в 1899 г., тогда же он познакомился с художником Л. О. Пастернаком, который представил его Л. Н. Толстому. Вернувшись на родину, Рильке приступил к изучению русского языка, перевел на немецкий «Чайку» А. П. Чехова. На следующий год он вновь посетил Россию, ездил в Ясную Поляну. Свою автобиографическую повесть «Охранная грамота», посвященную памяти Рильке, Пастернак открывает эпизодом случайной встречи с Рильке на Курском вокзале перед отправкой поезда. Установившаяся переписка между Л. О. Пастернаком и Рильке возобновилась через 25 лет, когда в Европе отмечалось 50-летие Рильке. Тогда же из письма отца Б. Пастернак узнал, что Рильке с интересом читал его стихи в маленькой русской антологии 1922 г. и во французском переводе Е. А Извольской: «...С разных сторон, — писал Рильке Л. Пастернаку 14 марта 1926 г., — меня коснулась ранняя слава Вашего сына Бориса. Последнее, что я пробовал читать, находясь в Париже, были его очень хорошие стихи <...>, впоследствии мне не раз хотелось перечитать их» (Райнер Мария Рильке. Дыхание лирики. Переписка с М. Цветаевой и Б. Пастернаком. М., 2000. С. 30). 12 апр. 1926 г. Б. Пастернак написал Рильке: «Великий обожаемый поэт! Не знаю, где окончилось бы это письмо и чем бы оно отличалось от жизни, позволь я заговорить в полный голос чувствам любви, удивления и признательности, которым насчитывается уже двадцать лет. Я обязан Вам основными чертами своего характера, всем складом духовной

425

жизни. Они созданы Вами». Пастернак надеялся на личную встречу, но смерть Рильке 29 дек. 1926 г. помешала осуществлению этой мечты.

Первые попытки переводить Рильке на русский язык Пастернак делал еще в 1911—1913 гг. Среди его студенческих тетрадей сохранились фрагменты нескольких стих, из «Книги образов» («Buch der Bilden>). Der Schutzengel <Ангел хранитель>

Ты птица та, что снизошла крылами,
Когда сквозь ночь я прокричал, прозрев,
И оттого, что имя твое — зев
Глубин в миллион ночей — вскричали руки сами.
Ты тень. Я тихо в ней уснул, как в храме,
И ты во мне замыслил снов посев.
И образ ты, и ты во мне, как в раме.
Ты ей оправлен, блещущий рельеф.
Назвать тебя мне уст-калек углами?
Начало ты, что мощно пролилось,
А я — тревожно-медленное Amen,
Что робостью о красоту сплелось. (Следующие 15 строк не переведены.) Die Engel <Ангелы>
И их уста усталых — ровны,
Каймы их души лишены.
Порой тоска (как по греховном)
У них проходит через сны.
Они друг с другом разнясь мало,
Молчат у Господа в саду,

Как не <...> ые интервалы

В его <...> власти и в ладу. (Последние 5 строк не переведены.) Die Stille <Тишина>

Слышишь, любовь, шевелю я рукою.

Чу! Шорох рук.

Найду ль, одинокий, движенье такое, Что не подслушали б вещи вокруг. Слышишь, любовь, я смыкаю ресницы. Как, и этот шорох до слуха достиг. Слышишь, любовь, их попытку раскрыться. Отчего ж ты не здесь в этот миг! Движений малых моих отпечаток Шелковой тишью проступит, как след. Каждый порыв, как бы ни был он краток, И каждый мой вздох погрузит, поднимая Звезду с собой.

Переводы западной поэзии

У моих губ ароматы сошлись к водопою.

И кисти рук я прозреваю

Далеких ангелов. (Две последние строки остались без перевода.) <Jetzt reifen schon die roten Berberitzen...>

Уже рдяные зреют барбарисы.

И астр стареющих — ослабшая гряда.

В лишеньи, чтоб себя не ждать всегда,

С своим богатством летним соберися.

И кто сейчас, свои смыкая очи,

Не убежден в видений полноте

Заждавшейся начала ночи,

Чтоб выпрямиться в темноте — Последние пять строк не переведены. Из двух стих, переведены только начальные строки: «Музыка»:

Зачем играл ты, мальчик. В сад прошел, Шаги гурьбою шепчущих велений. О не играй, душа твоя в пленении За прутьями <...>

«Мальчик»:

О если б стать таким, как те, Что через ночь на диких конях гонят! («Труды по знаковым системам». Ученые записки Тартуского Государственного университета. Тарту, 1969. Вып. IV.)

В 1929 г. были переведены два Реквиема из одноименной книги; в 1956 г. — «За книгой» и «Созерцание» из «Книги образов».

По одной подруге. Реквием (С. 303). — «Новый мир», 1929, № 8-9.

Посвящен памяти художницы и скульптора Паулы Модерзон-Беккер (1876-1907), скончавшейся от родов. Паула Модерзон была близкой подругой Клары Вестгоф, ставшей женой Рильке и также занимавшейся скульптурой. Под влиянием П. Модерзон у Рильке возник интерес к творчеству Родена. Она же была автором живописного и скульптурного портретов Рильке, выполненных в примитивистской манере. Некоторые биографы считают, что Рильке был влюблен в Паулу Беккер и колебался в выборе между ней и Кларой Вестгоф, ставшей его женой.

Написано в Париже в 1908 г.

Реквием (С. 311). — «Звезда», 1929, № 8 (семь строк, оставшихся непереведенными, отмечены отточием).

— Автограф ст. 1—40 (на страницах кн.: Rainer Maria Rilke. Requiem. Leipzig, 1921); варианты:

Комментарии

ст. 4: Тебя, покойник, вольно почиющий

ст. 7: Иль жизни срыв еще не весь покой?

ст. 9-10: Там и кусок верней. Ты там мечтал

Попасть в живые недра дали, вечно ст. 12-13 а: И очутиться изнутри любимой,

Сквозь все пройдя, как трепет скрытых сил. ст. 12 б: Ты думал изнутри в любимой ст. 16—22 отсутствуют.

ст. 26: И дальше трудность то, что неподдельность.

ст. 33—34: Кто подтвердит, что семена в земле Расселин не дают, кто обнаружит

ст. 37-39: Забрасывает искрами их мозг.

Кто знает, как врезается поступок В соседний шест, кто выследит удар,

Посвящен памяти графа Вольфа фон Калькройта (1887—1906), покончившего с собой поэта-дилетанта.

В письме отцу в Берлин 26 марта 1929 г. Пастернак писал о своем намерении перевести этот «Реквием» и просил его разузнать у вдовы Рильке о графе Вольфе фон Калькройте: «По духу стихотворенья это должен быть поэт голой эмоциональной складки, противоположной Rilke, с яркой, верно, биографией и со страстями, кончивший самоубийством». Через два месяца, 21 мая, пришел ответ от Клары Рильке, которая не была знакома с Вольфом Калькройтом, но знала его друзей, родителей и сестер: «Он был, как это следует из Реквиема, чрезвычайно одаренным человеком; после его смерти был издан том его стихотворений. Вероятно, ему приходилось страдать от сильной неуравновешенности своей натуры, одна сторона которой возносила его в высокие области духовных переживаний, другая же заставляла его мучиться от депрессии. Начавшаяся тогда военная служба, от которой его отец ожидал успокаивающего и укрепляющего действия, еще более углубила его депрессию, что и привело к роковому исходу, о котором идет речь в Реквиеме» (Борис Пастернак. Письма к родителям и сестрам. Stanford, 1998. Кн. I. С. 228. — перевод с нем.).

Написан в Париже в 1908 г. вслед за первым «Реквиемом», тесно связан с ним тематически и образно.

За книгой. Созерцание (С. 315). — газ. «Новое Русское слово», 12-26 янв. 1959 г. в составе очерка «Люди и положения». — Автографы на развороте страницы с немецким текстом стих. «Der Lesende» и «Der Schauende» в кн.: Rainer Maria Rilke. Buch der Bilder; варианты:

— Автограф под назв. «За чтением» (собр. И. Охлопкова); варианты:

ст. 14: Тоской прощальной горизонт объят.

ст. 20—21: Чуть я глаза от книги подыму

И изнутри скользну наружу взглядом,

Переводы двух стих, были сделаны для автобиографического очерка, который Пастернак написал в качестве предисловия к сб. 1956 г., не вышедшему из-за травли, организованной после публикации в Италии «Доктора Живаго». Объясняя включение стих. Рильке в свой очерк, посвященный людям, которые формировали его понимание искусства, Пастернак писал о Рильке: «Немногочисленные попытки передать его по-русски не по вине переводчиков, а по неизбежности, иногда присущей этому делу, впадали в бледное академическое глубокомыслие, не имеющее ничего общего с самобытным богатством этого замечательного лирика. Мне подумалось, что если я своими словами опишу его особенности, это никому ничего не скажет, и гораздо больше объяснят пример или два из его поэзии, каковые я и привожу в своем переводе с целью такого ознакомления. Это стихотворения из "Книги с картинками" Рильке ("Buch der Bilder"). Дословно они у него озаглавлены "Читающий" ("Der Lesende") и "Глядящий" ("Der Schauende"). В переводе эти заглавия тяжелы, так их нельзя было оставить» (Каталог аукциона Christie's: Poetical manuscripts and autograph letters by B. L. Pasternak from the archive of O. V. Ivinskaia, 1996. С. 45).

Вошли в «Книгу с картинками» (Книгу образов), 1902.

Написаны в 1901 г.

БОЛЕСЛАВ ЛЕСЬМЯН (1877-1937) — польский поэт, родился в Варшаве. Окончил юридический факультет Киевского университета, работал нотариусом. В 1911 г. в Варшаве руководил Художественным театром. В 1933 г. стал членом Польской академии литературы. В книгах стихов «Сад на перепутье» (1912), «Луг» (1920), «Тенистый напиток» (1936), опираясь на славянскую мифологию, создал свой мир, населенный фантастическими полусуществами, одновременно принадлежащими и этому свету и «загробью», передал

особый трагизм мира недовоп-лотившихся форм. Автор сборников сказок и большого количества журнальных статей. Его поэзия тесно связана с европейским символизмом, поэтическую манеру отличает словотворчество, своеобразное использование фольклора.

Сестре (С. 317). — журн. «Польша», 1963, № 4. — Польская поэзия. М., 1963. Т. 2.

Посвящено памяти сестры Лесьмяна Александры, умершей в 1921 г. Северин Поллак обвинял перевод в удаленности от оригинала, который «для переводчика, наделенного сильной поэтической индивидуальностью <...> ...становится лишь толчком, материалом, подвергающимся всевозможным изменениям», и «формально оставаясь переводом... становится оригинальным произведением» (Польские стихи в переводах Бориса Пастернака// Борис Пастернак. Colloque Serisi-la-Salle. Париж, 1979. С. 486).

Переведено в 1957 г.

428

Комментарии

ЛЮДВИГ РУБИНЕР (1882-1920) — поэт, драматург, публицист, один из лидеров немецкого экспрессионизма. Представитель поэтической группы «активизма», приверженцы которой группировались вокруг журнала «Акцион» («Действие») и исповедовали пацифизм и социал-демократические идеалы. В 1919 г. Рубинер составил и выпустил в свет антологию поэтических произведений «активистов» «Товарищи человечества», направленную против творческих установок своих идеологических противников, «визионеров», возглавляемых поэтом Георгом Геймом.

Пастернак видел в новой немецкой поэзии продолжение достижений Рильке и Уитмена, а также близость творческим установкам французских поэтов 1910-х гг., объединившихся около Ж. Ромена. Сестре Жозефине он писал: «...Мне интересно твое мненье об этом движеньи немецкой поэзии, коммунистической, идеалистической, вытекающей из Рильке и Уитмена, верующей в исторические перспективы, близкой по духу к французским unanimist'aM и пр.» (6 февр. 1926). Пастернак обратился к переводам немецких экспрессионистов в 1924 г., некоторые из них вошли в два последних номера журн. «Современный Запад», но большая часть осталась тогда неопубликованной, — журнал прекратил свое существование. Он надеялся включить их в готовившуюся в Петрограде Антологию революционной поэзии, но ее издание не состоялось. Переводы были переданы Г. В. Петникову в Харьков для антологии «Молодая Германия». Вошедшие туда 22 стих, в переводе Пастернака были перепечатаны в сб.: Festschrift fьr Hans-Bernd Hdrder zum 60. Geburtstag. Mьnchen, 1995, и снабжены статьей К. Поливанова и К. Харера.

Голос (С. 319). — «Молодая Германия». Написано в 1916 г.

АЛЬФРЕД ВОЛЬФЕНШТЕЙН (1883-1945) - немецкий лирик, драматург, прозаик и теоретик искусства, примыкавший к немецкому экспрессионизму. Родился в семье торговца, детство и юность провел в Берлине, где защитил докторскую диссертацию по юриспруденции. С 1912 по 1917 г. сотрудничал в журнале «Акцион». В 1916-1920 гг. издавал поэтический ежегодник «Возрождение». За книгу «Артюр Рембо. Жизнь, творчество, письма» (1930) получил первую премию переводчика. Как противник смертной казни и пацифист значился у нацистов в черном списке, но с помощью Лиги, борющейся за права человека, эмигрировал в Прагу. Когда фашистские войска вошли в Чехию (1938), ему удалось перебраться в Париж, где он сотрудничал в Союзе защиты немецких писателей. Во время взятия Парижа был схвачен гестапо; за несколько месяцев, проведенных в тюрьме, написал цикл стих. «Пленник». Бежал из заключения, скитался, написал роман «Франк». Под чужим именем вернулся в Париж, освобождение которого застало его тяжело больным. Друзья отправили его в госпиталь Ротшильд, где в приступе глубокой депрессии Вольфенштейн покончил с собой.

428

Переводы западной поэзии

Поэзия была для него «видом любви». «Активизм» и героический гуманизм отвечали его стремлениям к мировому перевороту на основе духовного обновления.

Горожане (С. 321). — «Молодая Германия». Написано в 1914-1919 гг.

ПАУЛЬ ЦЕХ (1881—1946) — немецкий лирик, прозаик, эссеист, драматург, переводчик. Был сыном учителя, рос в промышленном районе, учился в Бонне, Гейдельберге и Цюрихе, потом два года работал шахтером. В 1910 г. был чиновником коммунальных служб в Берлине. Уже в зрелом возрасте почувствовал тягу к литературной деятельности. В 1913—1920 гг. — соиздатель журн. «Новый пафос». Был в числе лидеров «активизма» — одного из направлений немецкого экспрессионизма. В социально заостренных стихах книг «От Кресси до Марны» (1916), «Голгофа» (1920) выражено стремление преобразовать мир любовью, они проникнуты религиозными представлениями. В 1933 г. после прихода нацистов к власти был интернирован в тюрьму Шпандау, его книги сожжены. Через год, выйдя на свободу, эмигрировал из Германии. С 1937 г. жил в Южной Америке, бедствовал и тяжело работал, сотрудничал в журн. «Международная литература», был соучредителем «Немецких листков», выходивших в Чили. Во время войны писал стихи о своей шахтерской молодости, антивоенные произведения, а также прозу и поэзию о бразильской экзотике. Умер в 1946 г. в Буэнос-Айресе.

В Москве в начале 1926 г. в Академии художественных наук (ГАХН) устраивалась «Выставка революционного искусства современного Запада», для которой были получены книги современных немецких поэтов. Пастернак ознакомился со многими из них и писал сестре Жозефине в Германию: «Тебе же, если ты новых немцев не знаешь, я бы посоветовал достать Menschheits Dдmmerung («Сумерки человечества». — нем.). Herausgegeben von Kurt Pinthus. Ernst Rowohlt Verlag. Berlin. Это хорошая антология, в ней много Бехера, Цеха, Гейма и Лихтенштейна» (6 февр. 1926). Имеется в виду антология группы поэтов экспрессионис-тов-«визионеров», возглавляемых Георгом Геймом.

Сортировщицы (С. 321). — журн. «Современный Запад», 1924, № 2 (6); варианты:

ст. 10: Нагруженной баржами воде канав ни разу ст. 24: На которых даже ночью нет покою, ст. 26: Что-то мнут и вертят руки или виснут плетью, ст. 29—30: Инженера, — сердцееда и самца:

Сифилитики милей, чем кудри эти! ст. 31—32: Ходу жизни заведенной нет износу, нет конца,

Из нее тоски не вытравить и ядом,

ст. 37—38: Редко лишь, как капля крови, капнувшая в свежий снег,

Вспыхнет счастье, миг румянцем крася, ст. 40: И они дрожат, губами прикасаясь к рясе.

— «Молодая Германия»; опечатка:

ст. 32: Из нее тоски не вьпрачишь и ядом.

— Современная революционная поэзия Запада. М., 1930 — перво-нач. вариант.

Написано в 1911 г.

ГЕОРГ ГЕЙМ (1887-1912) —немецкий поэт, лидер так называемого «черного», или «визионерного», экспрессионизма. Это направление противостояло «активизму» и тяготело к анархическому отрицанию современного общества и его культуры. Поэты группировались вокруг журн. «Штурм». Художественным манифестом группы стала антология поэтов-визионеров «Сумерки человечества», полемически направленная против антологии «активистов» «Товарищи человечества» и вышедшая в свет в 1919 г., через семь лет после гибели Гейма. Он утонул в озере во время катания на коньках незадолго до начала Первой мировой войны. Печатался главным образом в периодических изданиях, при жизни выпустил в свет только один сб. стихов «Вечный день» (1911). Вторая книга под лат. назв. «Umbra vitae» («Тень жизни», 1912) вышла вскоре после его смерти. Гейм — урбанист, в своих стихах он говорит о кошмарах большого города, таящего гибель для человека, чувствует приближение социальных катаклизмов и будущих исторических потрясений, в том числе Первой мировой войны, о которых он пишет как об уже состоявшихся событиях.

Призрак войны (С. 323). — «Молодая Германия»; 8-я строфа в переводе пропущена.

На Гоморру серу шлет из щедрых рук. — Имеется в виду эпизод из Библии, когда Господь покарал города Содом и Гоморру, пролив на них «дождем серу и огонь» с неба (Быт. 19, 24).

Написано в 1911 г.

Демоны городов (С. 324). — журн. «Современный Запад», 1924, № 2 (6); варианты:

ст. 2: Они бредут, пригнувшись до земли,

ст. 10: Другой на башни наклонивши стан, ст. 32: Они как кошки плачут и визжат, ст. 39: Вот плод. Но лона больше не разжать,

— «Молодая Германия»; в ст. 28, 39, 48 — опечатки.

Они на флейтах свищут словно Пан. — В Древней Греции Пан — бог стад, покровитель пастухов, изображался в виде человека с козлиными рогами, копытами и бородой, играющим на свирели.

Написано в 1910 г.

430

Переводы западной поэзии

ЯКОБ ВАН ХОДДИС (Годдис; 1887-1942) - один из выдающихся немецких поэтов-экспрессионистов (наст, имя — Ганс Давидсон). Родился в Берлине, жил в Тюрингии. Наиболее значительное произведение — стих. сб. «Светопреставление» (1918). Эсхатологические видения и отчаяние пронизывают все его небольшое по объему творчество. Рано развившееся душевное заболевание привело поэта в психиатрическую лечебницу. Как еврей и душевнобольной, он был уничтожен фашистами.

В декабре 1924 г. в Академии Художественных наук (ГАХН) в Москве на вечере «Поэзии современного Запада» Пастернак выступал с чтением трех стих. Якоба ван Ходдиса и двух Бехера.

Сомнение (С. 326). — журн. «Современный Запад», 1924, № 1 (5). Написано в 1914 г., вошловсб. «Светогаэеставление» («Utende»), 1918 г.

Небесная змея (С. 326). — журн. «Современный Запад», 1924, № 1 (5); две последние строфы ошибочно выделены в отдельное стих.: «У об-лак вид столового белья...».

— «Молодая Германия»; та же ошибка в расположении текста, что и в журн. публикации. По мнению К. Поливанова и К. Харера, разделение стих, на два произошло от того, что в немецком издании книги Ходдиса «Weltende» («Светопреставление») две последние строфы напечатаны на следующей странице (Festschrift fьr Hans-Bernd Hдrder zum 60. Geburtstag. Mьnchen, 1995. S. 378).

РУДОЛЬФ ЛЕОНГАРДТ (1889-1953) — немецкий драматург, поэт, эссеист, один из первых киносценаристов и авторов радиопостановок. Учился в Берлине и Геттингене философии и юриспруденции. В 1914 г. добровольцем ушел на войну. В1918-1919 гг. принимал участие в немецкой революции. После войны жил в Берлине как свободный художник, участвовал в создании театра «Трибуна» и был одним из его руководителей. Сотрудничал в издательстве «Кузнецы». В 1921 г. выходят его «Спартаковские сонеты», посвященные III Интернационалу, советской республике и немецкому пролетариату, а в 1925 г. — том сонетов «Обнаженная жизнь». В1927 г. Леонгардт вместе с В. Газенклевером переезжает в Париж. После 1933 г. его произведения издаются на французском языке — Леонгардт выступает как активный антифашист, в 1936 г. пишет политическую комедию «Фюрер и К°». Был организатором «Союза защиты писателей в ссылке». С началом Второй мировой войны интернирован в лагерь Le Vernet в Пиренеях, где написал цикл из 600 стих. Бежав из лагеря, жил в Марселе, принимал активное участие во французском Сопротивлении. Нелегально под псевдонимом Роберт Ланцер опубликовал томик стих. «Германия должна жить» (1944), обращенный к немецким солдатам. В 1947 г. принимал участие в Первом конгрессе немецких писателей в Берлине, из Парижа в Берлин ему удалось вернуться только в 1950 г.

430

Комментарии

Мертвый Либкнехт (С. 327). — «Молодая Германия».

Написано под впечатлением от гибели Карла Либкнехта (1871— 1919) — одного из основателей коммунистической партии Германии (1918). Во время Первой мировой войны Либкнехт вел антивоенную пропаганду, призывал к свержению правительства и установлению социалистической республики. Был убит вместе с его соратницей по партии Розой Люксембург в 1919 г.

АЛЬФРЕД ЛИХТЕНШТЕЙН (1889-1914) - немецкий поэт и прозаик. Сын фабриканта, изучал юриспруденцию в Берлине. Его прозаические и поэтические произведения публиковались в журн. «Штурм» (1910) и «Акцион» (1912). В 1913 г. был призван на военную службу и пал на полях сражений. Принадлежал к экспрессионистическому движению, в своих стихах выразил разочарование бюргерским обществом, как миром распада («Сумерки», 1911). В «гротескной поэзии» Лихтенштейна трагическое воспринималось как комическое. Под влиянием своего современника и единомышленника Якоба ван Ходциса создает картины жизни современного большого города, в котором скрывается обреченность цивилизации и приближение катастрофы.

Сумерки (С. 328). — журн. «Современный Запад», 1924, № 2 (6); варианты:

ст. 1: Прутом играет юный карапуз

(опечатка: вместо — «прудом»).

ст. 11: Седой паяц кряхтит, надев сапог.

ст. 12: Истомно воет детская коляска

(опечатка: вместо — «истошно»).

— «Молодая Германия»:

ст. 2: Ветер меж ветвей застрял, попав в засаду,

(опечатка: вместо — «ветр»).

В нашем тексте ст. 2 исправлена по журн. публикации. Написано в 1911 г.

ФРАНЦ ВЕРФЕЛЬ (1890-1945) — немецкий поэт, прозаик, драматург, представитель «пражской школы» в немецкой литературе. Был мобилизован на фронт во время Первой мировой войны и воевал два года; к тому времени он был уже известным поэтом. В 1907 г. был напечатан цикл его стихотворений «Сады города Праги». В военные годы публикует стихи, перегруженные подробностями фронтовых впечатлений. В его поэзии этого времени сочетаются идеи марксизма, теософия и буддизм. Всемирный успех пришел к нему после публикации романа «Верди. Роман оперы» (1924). С наступлением фашизмаживет попеременно то в Праге, то в Вене, в 1938 г. эмигрирует во Францию, затем — в США, где сходится с Генрихом и Томасом Маннами, Лионом Фейхтвангером.

Читателю (С. 328). — «Молодая Германия». Написано в 1911 г.

«На земле ведь чужеземцы все мы...» (С. 329). — «Молодая Германия»; отсутствует разбивка на строфы.

Ниневия (библ.) — город, которому грозило наказание за грехи и который покаялся благодаря проповеди пророка Ионы (Иона, 3).

Написано в 1915 г.

ВАЛЬТЕР ГАЗЕНКЛЕВЕР (1890-1940) — немецкий поэт, романист и драматург, стоявший у истоков экспрессионизма, автор «бунтарской» драмы «Сын» (1914). Пережил тяжелое детство в семье, измученной деспотизмом отца. В Оксфорде, Лозанне, Лейпциге изучал юриспруденцию, а также историю литературы. В Лейпциге произошла решающая для Газенклевера встреча с К. Пинтусом, одним из лидеров «активизма», издателем антологии «Сумерки человечества» (1919). В начале Первой мировой войны добровольцем ушел на фронт. В военном госпитале он начал свою литературную деятельность. Наибольший интерес представляют антимилитаристские стихи, написанные в годы войны. Одно из самых известных — «Убийцы в опере» — посвящено гибели Карла Либкнехта

(1919). В 1920—1921 гг. был издателем журн. «Люди», в 1922 г. принял буддизм. В 1933 г., во время утверждения фашизма, был лишен гражданства, эмигрировал во Францию. В мае 1940 г., находясь во французском лагере для интернированных лиц, покончил с собой при приближении фашистских войск.

Смерть Жореса (С. 330). — «Молодая Германия».

Жан Жорес (1859-1914) — руководитель Французской социалистической партии, реформист, основатель газ. «Юманите», борец против милитаризма. Был убит 31 июля 1914 г. в канун Первой мировой войны.

Написано предположительно в 1916 г.

ИОГАННЕС РОБЕРТ БЕХЕР (1891-1958) - немецкий поэт, выразитель поколения, прошедшего через символизм и примкнувшего к экспрессионизму. Начинал свой путь в литературу с неудачной попытки самоубийства, приуроченной к столетию со дня самоубийства Г. фон Клейста (1911). В том же году вышла в свет его первая поэма «Страждущий. Гимн Клейсту». Вскоре становится видным экспрессионистом, смыкается с «активистами» по общественно-политическим вопросам и с «визионерами» по эстетическим устремлениям. В 1928 г. стал во главе Союза пролетарских революционных писателей Германии. Во времена фашизма эмигрировал в Советский Союз, где прожил с 1935 по 1945 г. В 1954—1958 гг. был министром культуры ГДР.

В России Бехер познакомился с Пастернаком, который переводил его стихи еще в 1920-х гг. Известно письмо Пастернака к нему от 20 сент. 1940 г., в котором он назвал Бехера «настоящим, великим, единственным поэтом», наследником Рильке.

Броневая баллада (С. 330). — журн. «Современный Запад», 1924, № 2 (6); варианты:

ст. 30—31: Сквозь пораженье, залы ожидания, тягостные
остановки
Открывают косые, душистые и уже медоносные
просини,

ст. 36: Твоя аллилуя из львиного рва, Даниил —

ст. 42: Исус младенец, истолченный заводною пастью
бешеной ищейки.

— «Молодая Германия», под назв. «Броневики. Баллада»; вариант (опечатка)

ст. 3: — «Кто ступит дальше, будет убит»...

...из львиного рва, Даниил... — пророк Даниил был брошен в львиный ров (Дан. 6, 16—23). Плутонг — корабельная батарея. Написано предположительно в 1918 г.

Лес (С. 333). — «Молодая Германия»; последние две строфы в переводе отсутствуют.

Лютер. Поэма (С. 335). — «Литературная газета», 30 июля 1938; варианты

ст. 28: И все идет не по Господней воле.

ст. 74: Как постыдить не чаял никогда б их,

ст. 87: Чего приказом не достичь простым,

ст. 98: Приема дожидаясь, точно счастья.

ст. 108: Не мог монах пристать к их аллилуйе.

ст. 140: Я мести меч и воздаянья пламя.

:
ст. 1 -143: И поколенье сменит
42 поколенье, —
-
Я буду жить и сыпать искры с
крыш,
ст. 1 И плоть его, и доля, и недоля.
46
:
ст. 1 И вдруг ни стен, ни дома, ни
63 привала,
:
ст. 1 Так мечется, склонясь к доске
65 конторки,
:
ст. 1 Торчал немой, но глазу явный
96 крик.
:
ст. 1 -200: И чуть мурлыча песню тех
99 времен, —
-

«Головушку», — брела домой в печали.

— «Избранные переводы».

— Иоганнес Бехер. Избранное. М., 1956; варианты: ст. 66—73: «Как веруешь? Зачем плодишь раздор?»

Воскликнул император пред рядами,

А эхо повторило: «На костер!» —

И в сотне глаз заполыхало пламя.

Монах не дрогнул. Выпрямивши стан,

Он ощутил опору и подмогу

В страданьях бедных горемык-крестьян,

В долготерпеньи братии убогой, ст. 95—96: Он в битву шел и бой давал в словах,

Внушительных, как войска нарастанье. ст. 189—192: Тела вертелись. Ветер так и сяк

Повертывал их. Появлялись лица

И вдруг скрывались; так вдали маяк

То скроется во мгле, то загорится, ст. 196: Торчал немой, но глазу ясный крик, ст. 205-207: Он пел: «Наш флаг, в сердцах людей гори!

Зови народ на бой и стань преддверьем

Иных времен, счастливой той поры,

— Собр. соч. Т. 2. — текст «Избранных переводов».

— «Звездное небо», текст «Избранного», 1956; варианты: ст. 118: Набравшийся от нас мужичьей силы.

ст. 132: И углем выжигаю козни вражьи.

ст. 199: И, напевая песню тех времен —

ст. 205: Он пел и пел, прижав обрывок к телу.

— Машин, с авт. правкой Избр.—1948.

Монах шагнул на паперть и прибил / Лист тезисов к церковному порталу. — Мартин Лютер (1483—1546) выступил в 1517 г. в Виттенберге с 95 тезисами против папского абсолютизма, безграничной власти епископата и торговли индульгенциями. Это событие положило начало раскола католической церкви и зарождения протестантского

вероисповедания. На сейме в Вормсе... — происходившем в 1522 г., Лютер отказался отречься от своего учения, после чего Вормсским эдиктом был объявлен еретиком и поставлен вне закона. Их покрывал своим примером папа... — в 1521 г. папа Римский отлучил Лютера от церкви. Ударил туш. Явился государь. — Карл V (1500-1558), император «Священной Римской империи», испанский король из династии Габсбургов, издавший Вормсский эдикт. «На этом я стою/И, Бог судья мне, не могу иначе!» — Исторические слова Лютера: «Hier stehe ich, ich kann nicht anders». Засев на башне Вартбургской, монах / Переводил Священное Писанье. — В 1522—1534 гг. в Вартбурге Лютер впервые осуществил перевод Священного Писания с латыни на немецкий язык, что сыграло значительную роль в развитии литературного языка и культуры Германии. Подняв потир и таинство творя... — речь идет о таинстве евхаристии; потир — церковный священный сосуд. Томас Мюнцер (1490—1525) — вождь и идеолог крестьянских масс в период Реформации и крестьянской войны 1524—1526 гг. Повешенным в немецком бедном крае / Терялся счет... — речь идет о разгроме крестьянской

войны, в частности о гибели отряда Томаса Мюнцера у Франкенхаузена; сам Мюнцер был взят в плен и казнен. «Олик в венце терновом!» — По-немецки: «O Haupt voll Blut und Wunden» — средневековый религиозный гимн; при публикации в «Литературной газете» появился вариант, скрывающий христианскую направленность гимна: «И напевая песню тех времен / "Головушку", — брела домой в печали». Этот вариант пере-печатывался потом во всех русских изданиях Бехера.

Поэма напечатана в 1938 г. В том же году переведена и опубликована по-русски. Бехер трактует эпоху Реформации с точки зрения классовой борьбы: выступление Мартина Лютера против князей церкви послужило началом народного движения против феодализма. В дальнейшем Лютер пошел на компромисс с феодалами и буржуазией, но крестьянскую войну остановить уже было невозможно.

ПАВЛО ТЫЧИНА (1891-1967) — украинский поэт и общественный деятель. Родился в семье сельского дьяка, окончил Черниговскую духовную семинарию, учился в Киевском коммерческом институте. Начал печататься в 1912 г. В Чернигове посещал «субботы» в доме М. Коцюбинского, где познакомился с демократически настроенной молодежью. Первый сб. стихов — «Солнечные кларнеты» (1918). В 1929 г. — академик АН УССР, в 1935 г. — делегат Международного антифашистского конгресса писателей в Париже, в котором участвовал и Пастернак. В 1930-е гг. Тычина публикует ряд эпических произведений: «Сабля Ко-товского» (1938), «Шевченко и Чернышевский» (1939). Народно-поэтическая лексика этих произведений сочетается с публицистическим стилем агитационной поэзии. Во время войны выпускает ряд поэтических сборников и поэму «Похороны друга» (1943). За 15 послевоенных лет издает семь книг стихов, отчетливо окрашенных идеологически.

Первое знакомство (С. 342). — «Молодая гвардия», 1939, № 5;

вариант

ы:

ст. 34: Не дотащить?» — он молвит в пустоту,

ст. 42: С сука вспорхнула птица. Ветра гам

ст. 44: А незнакомец, собираясь вспять,

ст. 55: И, средь распорядителей дежуря,

ст. 67: С охапкой листьев лазил, долговязый.

ст. 68: «Не злись», — сказал мне, подтолкнув слегка,

ст. 79: Сказал высокий, радуясь, как

брату.

ст. 86: Но вместо смеха и веселых мин

ст. 94: Навстречу вырывалась за порог

ст. 115: Что чувствует, казалось мне, всецело

ст. 117: Мы «Жаворонка» грянули капеллой.

ст. 123: Сидел творец, единственный, достойный,

— Павло Тычина. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1960.

...и к Валу зашагал, а ветерок... — Вал, высокая земляная насыпь в Чернигове на берегу Десны. Лениво Стрижня движется поток. — Приток Десны. «А это Коцюбинский», — ткнул рукой/преподаватель рисованья. «Fatal» — / воскликнул я невольно... — М. М. Коцюбинский (1864— 1913) — украинский писатель, автор повести в двух частях «Fata morgana» (1904—1910), посвящ. восстанию крестьян.

Стих, и перевод нравились Пастернаку: «Однажды из Тычины / Я перевел терцины, и очень милые, о Коцюбинском», — писал он в письме редактору Гослитиздата А. П. Рябининой (22 июля 1949).

Написано в 1910 г., переведено в 1939 г.

«Язнаю...» (С. 346). — Пастернак. Не я пишу стихи.

Перевод был сделан по просьбе редакторов Гослитиздата А. П. Рябининой и М. Завадской в 1949 г., но остался в письме к Рябининой и напечатан не был. Над текстом перевода — посвящение: «С любовью искренней и братской / Рябининой и М. Завадской». Далее Пастернак пишет: «Просьбу Вашу я уже исполнил только как женскую блажь и фантазию, Вашу и Завадской, потому что и перевод, и стихотворение страшные пустяки <...>. Переводить Тычину / Нет у меня причины» (22 июля 1949).

ЭДЛЕФ КЁППЕН (1893-1939) — немецкий поэт, прозаик, публицист, примыкавший к течению немецкого экспрессионизма. Изучал германистику, философию, литературу и искусство в Мюнхенском университете. Был мобилизован в 1914 г. и воевал в течение четырех лет, выступал против принудительного призыва в армию. 1918 год провел в психиатрической больнице в Майнце. С 1921 г. сотрудничает в издательстве в Потсдаме. С1925 г. — член литературного объединения «Funkstunde» в Берлине, с 1932 г. — его руководитель. С приходом к власти фашистов смещен с должности, в 1935 г. подверглись запрету его антифашистский роман «Доклад господина» и все ранее изданные произведения. Впоследствии — руководитель кинообъединения Европа-фильм.

Мертвый город (С. 347). — «Молодая Германия». Написано в 1915 г., переведено в 1924 г.

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ (1895-1964) - украинский поэт, общественный деятель, академик АН СССР. Сын известного украинского просветителя и этнографа. Учился в Киевском университете, работал учителем. В1910 г. вышел первый сб. стихов «На белых островах». В 1920-е гг. принадлежал к группе «неоклассиков», в сб. середины 1920-х гг. — отчетливые приметы сближения с советской идеологией. Во время войны широкую известность получило стих. Рыльского «Слово о матери-родине» (1942). В послевоенные годы выходят многочисленные поэтические

сборники Рыльского, он переводит с русского, польского и французского языков. Среди его научных работ — исследования о Шевченко, Пушкине, Мицкевиче, Словацком, об украинской поэзии.

Полдень (С. 347). — Максим Рыльский. Лирика. М., 1944; варианты:

ст. 22-23: Родной сестрой склонилась над тобою Недремлющая пристальность творца.

— Антология украинской поэзии. М., 1958. Т. 2.

Из книги «Где сходятся дороги» (1929), в которой важное место занимают темы жизни и искусства, человека и природы, близкие поэтике Пастернака.

Написано в 1929 г.

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ (1897-1962) - один из крупнейших польских революционных поэтов, продолжавший традиции польского романтизма. Родился в старинном городе Плоцке на Висле, и любовь к родным местам пронес через все творчество. Семнадцатилетним юношей, бросив гимназию, вступил добровольцем в легионы Пилсудского и в 1920 г. участвовал в походе против Советской России. Вернувшись с войны, примкнул к левому движению. В 1921 г. поступил в Варшавский университет на философский факультет, где завязалась его связь с коммунистической партией Польши. Первая книга стихов «Ветряные мельницы» вышла в свет в 1925 г. О втором сб. Броневского «Дымы над городом» (1927) благожелательно отозвался Маяковский, посетивший в это время Польшу и познакомившийся с Броневским. Через несколько лет Броневский написал стих, на смерть Маяковского. В 1939—1942 гг. жил в СССР, знал и переводил многих советских писателей, в том числе и Пастернака. Во время фашистской оккупации Польши эмигрировал на Ближний Восток, где создает поэтический сб. «Дерево отчаяния» (1945). В 50-е гг. работает над эпическими поэмами «Надежда» и «Мазовия» (1951), «Висла» (1953) и лирическим циклом «Анка» (1956), посвященным безвременно погибшей дочери.

Я и стихи (С. 348). — Владислав Броневский. Избранное. М., 1961.

...и чтоб лопнул Вельзевул. — В Евангельской традиции — «князь бесов», наименование сатаны. Именем твоим, Мария... — Марией звали жену Броневского, известную польскую актрису. Весть о гибели жены в концентрационном лагере оказалась ложной. Вернувшись после войны, он встретился с женой, выжившей в Освенциме, но вскоре скончавшейся у него на руках. ...все в Леванте, у воды... — (фр. Levant или um. Levante) — страны восточного побережья Средиземного моря.

Написано в эмиграции на Ближнем Востоке и вошло в книгу стихов «Дерево отчаяния» (1945). Одна строфа в переводе опущена (отмечено отточием).

436

Переводы западной поэзии

ВИТЕЗСЛАВ НЕЗВАЛ (1900-1958) — чешский поэт. Родился в Би-скоупках, небольшом моравском селе, в семье школьного учителя. Когда ему было 14 лет, на войну призвали его отца, а через три года и его самого. В1918 г. после возвращения из армии поступил на юридический факультет университета в Брно, потом перевелся на философский Карлова университета в Праге. До 1916 г. своим главным призванием считал музыку и как поэт впервые выступил только в 1920 г. В 1922 г. дебютировал книгой стихов «Мост». В 1923 г. вместе с К. Тейге провозглашает принципы нового литературного направления — поэтизма, сущность которого в свободном развитии поэтического образа на основе ассоциативного мышления вместо последовательного развития логической идеи. Для Незвала поэтизм — синоним абсолютной свободы художника, с конца 1920-х гг. его привлекает тайна подсознательных психических процессов, соотношение творчества и фантазии. В1934-1938 гг. фактически возглавлял чешскую «Сюрреалистическую группу» и создал свой вариант общеевропейского направления. Во время фашистской оккупации оставался в Чехии, в 1944 г. был арестован, его поэзия оказалась под запретом. В 1950 г. издал свое собрание сочинений. Человек подлинно ренессансного склада, он соединял в себе писательский талант с дарованием художника, актера и композитора. Исходя из принципа единства всех видов искусства, включал в свои стих. сб. пьесы, либретто, теоретические афоризмы, ноты.

Прославление абсолютной ценности жизни, которому он посвятил все свое творчество, сближало его с Пастернаком, — поэтому после кончины Незвала его вдова обратилась именно к Пастернаку с просьбой о переводах. З. А. Масленикова записала рассказ Пастернака о его встречах с Незвалом, которому он очень симпатизировал, но поэзию

которого оценил не сразу: «<...> Я его недооценил. Стихи его индивидуальны <...>. Незвал — первый поэт Чехословакии, он был признан. По убеждениям он социалисте широком понятии» (Борис Пастернак. Встречи. М., 2001. С. 231).

Переводы делались в 1959—1960 гг.

«Судьба, о судьбина...» (С. 349). — Незвал. Избранное. 1960. Из книги «Крылья» (1949-1952).

Без названия (С. 349). — Незвал. Избранное. 1960. Из книги «Васильки и города» (1955).

Над Свраткою-рекой (С. 350).— Незвал. Избранное. 1960. — Автограф; варианты:

ст. 11: Есть редкостней места и краше, может статься, ст. 13: Но здесь как раз пришлось семье обосноваться. Свратка — река в Моравии, протекающая рядом с домом родителей Незвала в Жабоврежсках, недалеко от Брно. Над Свраткою-рекой вероника в цветенъи... — травянистое растение, цветущее весной мелкими си

ними цветочками. Любимицей моей останется Морава. — Моравия, южная провинция Чехии, расположенная по берегам реки Моравы, притока Дуная. Над Прагой Вышеградроскошнее втройне... — Вышеград, или Пражский град (основан в IX веке) — историческое ядро Праги, включающее королевский дворец (XII-XVIII вв.), собор Св. Вита (XIV-XX вв.), базилику Св. Йиржи (XII—XVIII вв.). Но мне милее в Брно гранитные гробницы. — Брно — исторический центр Моравии, известен с XI века. Из книги «Васильки и города» (1955).

РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ (1902-1991) — испанский поэт и общественный деятель. Его детство прошло в Андалусии на Атлантическом побережье, впечатления от природы которого наполняют первые книги его стихов, из которых в основном и выбраны переводы Пастернака, — большей частью из самого раннего сб. «Моряк на суше» (1924). В юности он профессионально занимался живописью, затем неожиданно обратился к поэзии. Первая же книга стихов завоевала Национальную премию. С начала 1930-х гг. Альберти участвовал в антифашистском движении, в его творчество вошла политическая тема. В годы национально-революционной войны Альберти играл видную роль в Союзе антифашистской интеллигенции Испании. Стихи тех лет вошли в сб. «Поэт на улице» (1936) и «На переломе» (1937). В 1936 г. был вынужден покинуть Испанию и до 1977 г. жил за границей: во Франции, Аргентине, Италии. В начале 1930-х гг. дважды посещал Москву. В 1935 г. на Конгрессе в защиту культуры в Париже познакомился с Пастернаком, который сделал первые переводы из Альберти в 1938 г.

Федерико Гарсии Лорке (С. 351). — журн. «30 дней», 1938, № 8. Из книги «Моряк на суше» (1924); из трех частей, названных по временам года, Пастернак перевел только третью часть («Лето»).

«Дочь булочницы, встарь..,» (С. 351). — журн. «30 дней», 1938, № 8. Из книги «Моряк на суше» (1924).

«Летняя моя матроска...» (С. 352). — журн. «30 дней», 1938, № 8. Из книги «Моряк на суше» (1924).

Сан Рафаэль (Сьерра де Гуадаррама) (С. 352). — журн. «30 дней», 1938, № 8.

Из книги «Моряк на суше» (1924).

«Нет его, морюшка-моря...» (С. 352). — журн. «30 дней», 1938, № 8. Из книги «Моряк на суше» (1924).

«Если голос умрет мой на суше...» (С. 353).—журн. «30 дней», 1938, № 8. Из книги «Моряк на суше» (1924).

Прегон (Песняуличного торговца) (С. 353). — «Красная новь», 1938, № 8. Шемая — крупная рыба семейства карповых. Из книги «Левкой зари» (1925-1926).

Монте де Эль Пардо (С. 353). — «Новый мир», 1938, № 8.

Эль Пардо — парк вокруг летней королевской резиденции близ Мадрида; в 1936 г. во время гражданской войны по нему проходила линия фронта.

Из книги «Столица славы» (1936—1938).

Крестьяне (С. 354). — «Литературная газета», 15 июля 1938. — Избр.-1948; ст. 13-16 вычеркнуты рукой Пастернака. Из книги «Столица славы» (1936—1938).

ОНДРА ЛЫСОГОРСКИЙ (наст, имя: Эрвин Гой; 1905-1990) -родился в Австро-Венгрии в Остравско-Корвинском угольном районе (Бескиды), происходил из шахтерской семьи. Население этой местности принадлежало к ляшскому народу со своим собственным языком. О. Лысогорский — первый национальный ляшский поэт, который фактически стал создателем ляшского литературного языка. Дом его родителей стоял рядом с легендарной Лысой горой, которая в XVIII в. стала центром восстания бескидского крестьянства под предводительством местного крестьянина Ондраша. Так появился его псевдоним. В 1929 г. окончил Пражский университет и поехал для продолжения образования во Францию, потом в Италию, несколько лет путешествовал по Европе. В 1934 г. побывал в СССР. К этому же году относится и выход его первой книги стихов «Поющий кулак». Во время гитлеровской оккупации покинул родину и с 1939 г. жил в СССР.

Познакомился с Пастернаком в Москве, куда попал из лагеря для интернированных в Польше. Читал лекции в Литературном институте и был обвинен в национализме. На его защиту встали В. Шкловский и Б. Пастернак. В 1943 г. в статье «Славянский поэт» Пастернак писал: «Ондра Лысогорский сын бескидского рудокопа. Он получил редкое и блестящее высшее образованье. Когда по возвращении из иностранных университетов он приехал в родной горнозаводский округ, его обступило страшное зрелище народного бедствия, охватившего европейских рабочих в годы послевоенных хозяйственных затруднений. <...> Тогда под влиянием виденного он стал писать по-ляшски, на языке тех мест и их нужды, языке, среднем между чешским и польским, боковой ветви чешского. <...> С Лысогорским меня сближает общность поэтических привязанностей и испытанных влияний. Мне в нем дорог видный современный поэт с интересными мыслями и очень родным и неистребимым живописным вкусом». Говоря об «общности поэтических привязанностей и испытанных влияний», Пастернак имел в виду общее для обоих поэтов преклонение перед творчеством Рильке.

Тогда же Пастернак сделал дарственную надпись на своей книге «На ранних поездах»: «Настоящему глубокому поэту Ондре Лысогор-скому дружески от всего сердца. Москва. 20 ноября 1943» (перевод с франц.). — «Poйsie vivante». № 20: Ondra Lysohorsky, Genive, 1966. С. 18).

23 ноября 1944 г. в Клубе писателей состоялся творческий вечер О. Лысогорского, на котором Пастернак читал переводы его стихов. Подборка переводов, готовившаяся в «Новом мире», не состоялась, составленный сб. стихов «Песни о солнце и земле» задерживался и вышел только в 1945 г. без предисловия Пастернака. Перед возвращением Лысогорского на родину весной 1946 г. Пастернак надписал ему на прощание свою книгу «Избранные стихи и поэмы» (М., 1945): «Ондра такой настоящий, талантливый и неожиданный, что он заслуживает особой надписи. Она и воспоследует, и в ней будет назван Райнер Мария Рильке, наш общий учитель, любимец и первый страдалец. Б. П. <...> Ну вот и этот период прошел, дорогой Ондра (войны и Вашего пребывания в России), и опять что-то новое впереди, особенно для Вас. Я все-таки верю в лучшее будущее. Мне жаль, что Вы уезжаете. Я Вам завидую. Я рад был знакомству с Вами, и это вина моей трудной и неинтересной жизни этого времени, что я так мало пользовался этим знакомством» («Советская культура», 4 авг. 1990; «Poйsie vivante», № 20: Ondra Lysohorsky, 1966. С. 40).

В конце жизни Лысогорский стал профессором Братиславского университета, но был лишен возможности писать по-ляшски — от него требовали перехода на государственный язык, чешский. Тогда он стал писать по-немецки и публиковать свои стихи в Германии.

Превращены (С. 354). — «Литература и искусство», 21 авг. 1943; вариант:

ст. 10: Струею славы, смерти и войны

— Ондра Лысогорский. Стихотворения. М., 1946. Написано в 1942 г.

Венецианские мосты (С. 355). — Ондра Лысогорский. Стихотворения. М., 1946.

— «Звездное небо»; варианты по авт. правке (собр. Е. С. Левитина), ст. 14—15: Но утаит их имена

Аккорда звон под аркой зданья, И отзвук волн, и тишина. Печатается по изданию 1946 г.

Написано в 1943 г., посвящено Б. Л. Пастернаку (Ondra Lysohorsky. Aj la&ke feky plynu do mofa (Я до смерти в плену у ляшской речи). Praha, 1958. С. 132).

Комната в Ташкенте (С. 356). — Ондра Лысогорский. Песни о солнце и земле. М., 1945.

439

Переводы западной поэзии

— Автограф без назв.; варианты:

ст. 1: Художника ли огненный этюдник?

ст. 4—5: Лист кактуса в фаянсовом горшке.

И вот уж с красками не сладить глазу! ст. 7-9: И падают охапками алмазы

В цветной вулкан персидского ковра.

Я из угла смотрю в недоуменье ст. 11—12 выпущены.

ст. 13: И возвращусь, как из оранжереи, Входит в книгу стихов «Мальвы». Написано в 1942 г.

Благодаренье (С. 356). — Ондра Лысогорский. Песни о солнце и земле. М., 1945.

Написано в 1942 г.

Радиорупор (С. 357). — Ондра Лысогорский. Стихотворения. М., 1946.

— Автограф без назв.; варианты:

ст. 3-9: В радиорупор катятся рулады.

К кому они обращены? Куда?

Что скажет человеку на чужбине

Рыдающего рупора труба?

О чем в домишке на краю пустыни

Лепечут кровельные желоба?

И вот своей у подворотни кто-то. ст. 11-13: Другие где-то видит он ворота,

И тех же звуков бешеный разбег

Несется в ночь из радиопролета. Свои Бескиды видит человек. — Бескиды, северная полоса Карпат в Польше и Чехии, родные места Лысогорского. В оригинале под назв.: «Бетховен в пустыне». Написано в 1942 г.

Разведчик (С. 357).— «Poйsie vivante», № 20: Ondra Lysohorsky. Genive, 1966.

— Автограф ст. 1-9 с правкой; дата: 19 апреля 1942 г., Ташкент; варианты:

ст. 5-9: Свет прожектора в углу Протянул мой силуэт. (На стену мои черты.) Распростер <...> к крылу Ты простер свой страшный след? (К озаренным крыльям ты?) Как от них мне мысль отвлечь?

ПЕРЕВОДЫ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ

АЛИШЕР НАВОИ (Низамаддин Мир Алишер Навои; 1441— 1501) — узбекский поэт, мыслитель, государственный деятель. Писал стихи на языке тюрки и на фарси. Жил в Герате. Был визирем султана Хусейна Байкары, покровительствовал ученым, людям искусства. Лирические стихи собраны в 1498-1499 гг. в четыре сборника-дивана. Вершина его поэтического творчества «Пятерица» («Хамсе», 1483—1485), состоящая из поэм «Смятение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фар-хад и Ширин», «Семь планет», «Искандерова стена».

Пастернак перевел газели Навои в 1946 г. для «Антологии узбекской поэзии». Газель (газела) — вид лирического стих, в поэзии народов Востока, состоящего из 5—12 бейтов-двустиший с особой рифмовкой и упоминанием имени автора в последнем бейте. В своем выступлении на Первом Всесоюзном совещании переводчиков (1936 г.) Пастернак говорил о

переводе восточных стихов: «Когда персидская газель или что-нибудь другое всем строем языка уводит в какой-то бытовой уклад, когда она в глубочайшей степени связана с тем, как читаются стихи, когда читаются стихи, в какой обстановке протекает это искусство, когда это не только чисто художественная форма, но художественная форма, корнями уходящая в форму бытования, в таких случаях, при невозможности переноса на свой родной язык того языка, того уклада и того быта, на мой взгляд, передача метрономическая, то есть соблюдающая все эти шаги, спотыкания оригинала, — совершенно смехотворное занятие». Однако впоследствии Пастернак писал К. Кулиеву (31 дек. 1949): «Между прочим, несмотря на лучшие наши и гётевские переводы персидской и арабской лирики, несмотря на Саади и Омар Хайяма и пр., на Ваших примерах я впервые в жизни понял, открыл, испытал на себе действие и природу этих газе-леобразных возвращений и повторений, трагическую естественность и победоносность этой формы, так сказать, роковой, заклятый ее ход».

Подготавливая для изд. «Советский писатель» в 1948 г. сб. избранных переводов, Пастернак почти полностью переписал тексты газелей

(карандашом поверх машин.). Сб. переводов был сверстан, но остался неизданным.

Газели (С. 360).

«ТЫ лицом хороша и сама сложена хорошо...» — Навои—1948. — Антология узбек.—1950; варианты:

ст. 3—4: Ты одна — человек, человечество ж прах, мелюзга...

Разве в пыль и песок обращать племена хорошо? ст. 9: Да и что мне страданье? Все — дар от нее. И строга...

ст. 11—12: Отрази ее в сердце, как зеркало вод — берега.

Пусть же будет прозрачно оно и до дна хорошо. Между ст. 12 и 13:

Чтоб глаза не ослепли от света ее очага,

Смой былых впечатлений на них письмена хорошо, ст. 13—14: Без тебя Навои никуда не ступает нога,

И хорошее врозь от тебя не сполна хорошо.

— Пастернак. Не я пишу стихи; с учетом последней авт. правки. «Брось кипарис в огонь, она стройней его!..» — Навои—1948.

— Антология узбек.—1950; варианты:

ст. 2: Что ворох роз пред ней? Скорей развей его.

ст. 4—7: Я вздохами сведу, как суховей его.

Свое безумье как вмещает разум наш?

Как я могу таить в груди своей его?

Вина в обмен на рвань, кабатчик, не продашь?

— Пастернак. Не я пишу стихи; с учетом последней авт. правки.

Ты, Навои, — Меджнун или шальней его. — Меджнун — герой народной легенды о трагической любви, ставшей сюжетом поэмы персидского поэта Низами «Лейли и Меджнун» (1188). Меджнун означает «безумный, одержимый».

«Ко мне нагрянула извне беда...» — Навои—1948; варианты: ст. 3-4: Но берегись изведать кто другой,

Какая мне бывала с ней беда. Между ст. 4 и 5:

Бывало, радость, скорбь — наперебой.

Злорадствуй, горе! Смейся! Не беда! ст. 5-6: Бывало, в ревности бегу домой,

Но жить без ревности вдвойне беда. Между ст. 6 и 7:

Что твой совет — изгладит образ твой?

Меж нас стена, и в той стене беда, ст. 7—8: Но беспокойство лучше, чем покой,

Не знать беды — поистине беда.

— Пастернак. Не я пишу стихи; с учетом последней авт. правки. «Итуфель покрой, и тюрбан ее груб...» — Антология узбек.—1950;

варианты:

441

Комментарии

ст. 5: Вы все испытаете это дрожа...

Между ст. 6 и 7:

О ветер, ты резок был в ночь кутежа,

Ты так был в часы эти ранние груб, ст. 9-10: Не слушает нас, Навои, госпожа.

Что так он в часы эти ранние груб. — Пастернак. Не я пишу стихи; с учетом последней авт. правки.

НИКОЛАЙ БАРАТАШВИЛИ (Николоз; 1817-1845) - основоположник новой грузинской поэзии, сын князя Мелитона Бараташвили из обедневшего аристократического рода и Евфимии Орбелиани, сестры известного грузинского поэта-романтика Григория (Григола) Орбелиани. В статье «Николай Бараташвили» (1946) Пастернак писал: «Он родился <...> в Тифлисе, учился в приходской школе и кончил гимназию. Его мечтам о военной карьере не суждено было сбыться, потому что мальчиком он сломал себе ногу и остался хромым на всю жизнь. Не осуществилось и другое его желание — завершить свое образование в одном из русских университетов. Расстроенные дела отца и необходимость поддерживать семью заставили его искать места на службе. Прослужив в небольших чинах на разных административных должностях, он в 1845 г. был назначен помощником уездного начальника в Гянджу. По приезде туда он заболел свирепствовавшей там злокачественной лихорадкой и умер там 9 октября того же года» (1946). Литературное наследие Бараташвили составляет 37 стихотворений и одну поэму. Однако, по выражению Пастернака, «он как метеор озарил грузинскую поэзию на целый век вперед и прочертил по ней путь, доныне неизгладимый» («Несколько слов о новой грузинской поэзии», 1946). При жизни Бараташвили не было напечатано ни одной его строчки, стихи распространялись в автографах и списках. Поэт был известен только узкому кругу почитателей. Впервые несколько стих. Бараташвили были опубликованы семь лет спустя после его смерти, в 1852 г., после чего началась его необыкновенная слава.

Пастернак перевел все произведения Бараташвили. Работу над переводом он начал в сентябре 1945 г. по инициативе С. Чиковани. В письме к нему 9 сент. 1945 г. Пастернак писал: «Два дня как принялся за Бараташвили. Он у меня пойдет, я уже вижу. Я смотрел, что сделали в этом отношении раньше <...>. Попытка сделать ритмическую комбинацию изо всех слов подстрочника уже произведена, и ее не стоит повторять. Из этого надо сделать русские стихи <...>, так я понимаю свою задачу <...> Надо дать, если возможно, нечто легкое, свежее, безусловное. <...> Мне не только не пришлось отступать от того, как я пишу последние годы, но, наоборот, Бараташвили оказался благодарным поводом для того, чтобы сделать несколько шагов дальше в том же направлении». Пастернак выполнил все переводы в течение 40 дней. С. Чиковани, высо

441

Переводы восточной поэзии

ко оценил его работу. Пастернак «обратил главное внимание, — писал он, — на духовную экспрессию и внутреннюю музыкальность Бараташвили, на живой ритм его стиха, на глубину и динамическую изменчивость его поэтического мира <...> он искал адекватные формы стихосложения в русском стихе, не насилуя последний иноязычными стихотворными размерами. <...> В самих своих переводах более ранние стихи Бараташвили («Ночь на Кабахи», «Кетевана») Пастернак как бы сблизил с юношескими стихами Пушкина, а в стихах поэта более зрелой поры он скорее почувствовал нечто родственное духовному миру Баратынского. <...> С удивительной экспрессией и полнокровной образностью оказались переданными в переводах Пастернака все духовные устремления поэта, его политическое кредо, его историзм и культурно-эстетический кругозор» (цит. по кн.: Пастернак. Не я пишу стихи. С. 312).

Сравнивая Бараташвили с Баратынским, Пастернак писал: «В обоих случаях перед нами творчество, охватывающее картины природы и случаи жизни в некоторой идеализации, свойственной веку, и какой-то, веку несвойственный, ускользающий, горячий придаток. Это — черта той оригинальности, о которой говорил Пушкин в приложении к Баратынскому, сводя ее к постоянному присутствию мысли у последнего; и замечательно, что именно она, а не какие-нибудь частности, рассеянные в тексте, заставляют нас видеть картины и сцены, в тексте не названные, но ярко открывающиеся в глубине за ним по непреодолимым законам, которым одинаково подчиняются деятельность художника и глаза потомков» («Великий реалист», 1945). Впоследствии, как это часто бывало, Пастернак разочаровался в своих переводах и писал А. П. Рябининой 10 дек. 1953 г.: «Полный Бараташвили, за исключением "Ме-рани" и "Синего цвета", — это ведь бред неизобразимый, возы и горы бессмыслицы, выдаваемой за глубокомыслие». Переводы Бараташвили многократно переиздавались и при этом подвергались редакторской правке, не всегда соответствующей желаниям переводчика. Сохранился экз. первого издания 1946 г. (Биб-ка «Огонек») с пометками автора перевода, вызванными вопросами редактора. На оборотной стороне титульного листа — его примеч.: «Кажется, потом были другие издания этих переводов, с изменениями, которых я не помню. Этих книг у меня нет. Надо достать в библиотеке и сличить с поздними вариантами эту огоньковскую раннюю редакцию. Наверное были какие-то удачные изменения, которыми, может быть, следует воспользоваться. Где могут быть эти позднейшие переработки? В сборнике "Грузинские лирики"? В Грузинской антологии? Я этого точно не помню» (собр. И. Охлопкова).

Соловей и роза (С. 362).—«Литературная газета», 6 окт. 1945; варианты: ст. 8: Роза, благоуханные раскрывши бутоны,

ст. 18: В твердой вере, что цвесть он уж не перестанет. —- Николай Бараташвили— 1946.

Комментарии

Самое раннее из стих. Бараташвили, написано в 1833 г. Любовь соловья к розе — традиционная тема восточной поэзии. В этом стих, появляется характерный для Бараташвили образ увядшего цветка (ср. «Гиацинт и странник», «Осенний ветер у меня в саду...» и др.).

Кетевана (С. 363). — «Литературная газета», 13 окт. 1945; варианты:

ст. 28: Ты там и встретишься со мной.

ст. 36: Крикнув пред смертью из волн: «Амилбар!»

— Николай Бараташвили—1946; вариант

ст. 36: Крикнув пред смертию «Амилбар!»

— Николай Бараташвили—1957.

Кетевана (Кетеван) — имя царицы Кахетии, казненной персами в 1624 г. и причисленной к лику святых. Считается, что стих, посвящено Кетеване Эристави (1823—1905). Перебирая струны чонгури... — народный инструмент с тремя или четырьмя струнами. Крикнув пред смертью: «Мой Амилбар!» — Имя, буквально означающее «военачальник»; здесь имеется в виду Элизбар Эристави (1808—1871), супруг Кетеваны, один из руководителей политического заговора 1832 г. против России, находившийся в то время в ссылке.

Написано в 1835 г.

Сумерки на Мтацминде (С. 364). — газ. «Заря Востока», 30 сент. 1945.

Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); вариант:

ст. 39: Он говорит: «Утешься. За ночью день настанет.

Мтацминда — «Святая гора», возвышающаяся над Тбилиси, где в VI в. св. Давид основал монастырь, носящий его имя. Теперь там расположен пантеон грузинских писателей, куда в 1938 г. был перенесен прах Н. Бараташвили.

Написано в 1833-1836 гг.

Таинственный голос (С. 365) — Николай Бараташвили—1946. Написано в 1836 г.

Дяде Григорию (С. 366). — «Ленинград», 1945, №21/22; варианты: ст. 11-12: Женщин не меньше очарованье, Чем незабвенных владычиц твоих.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 1: Ты поплатился за злые остроты,

ст. 3: Где они, дедовской рощи красоты,

ст. 9—12: Сколько ты стран ни объехал в скитаньи, Ни навидался диковин каких, Самые лучшие воспоминанья — Годы средь бывших ровесниц твоих. Николай Бараташвили—1946; вариант

ст. 12: Сверстниц былых незабвенных своих!

— Николай Бараташвили-1957.

— Экз. кн.: Николай Бараташвили—1946 с авт. правкой (собр. И. Охлопкова); вариант ст. 12 как в 1957 г.

Место гуляний, показа невест ?— Имеется в виду сад Кабахи, родовая собственность Орбелиани.

Написано в 1836 г. и обращено к дяде Бараташвили по материнской линии, известному поэту Григорию (Григолу) Орбелиани (1804—1883), высланному из Грузии за участие в заговоре 1832 г.

Ночь на Кабахи (С. 366). — «Октябрь», 1945, № 10. — Поэзия Грузии. М.-Л., 1949, под назв. «Ночь в Кабахи». — Николай Бараташвили-1957; вариант

ст. 5: То плавно течет, то бушует Кура,

— Экз. кн.: Николай Бараташвили-1946 с авт. правкой (собр. И. Охлопкова); вариант ст. 5.

Кабахи — сад в Тбилиси, место гуляний тбилисской знати, принадлежавший роду Орбелиани. В письме дяде Григорию Орбелиани Бараташвили упоминал, что описал «одну прекрасную лунную ночь... в Кабахи, где общество красавиц и прелесть одной из них... усладили взор мой, завладели мыслями моими, лишили меня рассудка... Кабахи твой, дядюшка, ты любишь его, потому описание случившегося там тебе посвящается» (цит. по кн.: Пастернак. Не я пишу стихи. С. 314). Повеет прохладою ветер с Коджор?— Селение в горах над Тбилиси. Любимцу семьи, одному из родни... — речь идет о Каплане Орбелиани (1813—1878), друге и родственнике Бараташвили.

Написано в 1836 г.

Раздумья на берегу Куры (С. 368). — «Ленинград», 1945, № 21/22; варианты:

ст. 4: Луга, покой, раздолье без границы,

ст. 30: На ней трудиться до самой кончины.

— Николай Бараташвили-1946, под назв. «Раздумия на берегу Куры».

— Николай Бараташвили-1957. Написано в 1837 г.

Моей звезде (С. 369). — «Ленинград», 1945, № 21/22; варианты: ст. 10: Ты мне неба целого милей.

— Николай Бараташвили—1946. Написано в 1837 г.

Наполеон (С. 369). — Николай Бараташвили-1946; варианты: ст. 1: Взором всю Францию в целости меряя,

ст. 3—4: «Необозримы дали империи,

Войны, походы и жертв миллион!

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 12: Сам я властитель судеб и времен.

ст. 14: Может быть, славе и я надоем, ст. 22: Кажется этот загадочный дар ст. 24: Гений, бушующий ночью пожар.

— Николай Бараташвили—1957. Написано в 1839 г.

Княжне Е<катери>не 4<авчава>дзе (С. 370). — Николай Бараташвили—1946; варианты:
ст. 16-18: Своею грацией
Во мне ты пробудила
Поэта, чем навек тебе обязан я.
— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 1-3: Развитьем голоса,
Искусством исполненья
Открыта жизнь передо мной со всех сторон.
— Николай Бараташвили—1957.

Однажды «Розу» спела ты и «Соловья»... — стих. А. Одоевского «Роза и соловей» было переведено на грузинский А. Чавчавадзе и положено на музыку.

Написано в 1839 г. и посвящено Екатерине Чавчавадзе (1816—1882), дочери А. Чавчавадзе, младшей сестре Нины Грибоедовой. Е. Чавчавадзе считалась первой красавицей Грузии, и Бараташвили был влюблен в нее, к ней обращена вся его любовная лирика. Несмотря на взаимность чувств, она в 1839 г. вышла замуж за князя Мингрелии Давида Дадиани. Пастернак писал об этом: «Всю жизнь он прожил с этой незаживающей раной, которую он сам все время растравлял нежностью и ожесточением своей личной лирики и своими счетами с высшей грузинской аристократией, крупнейшей звездой которой сияла его ненаглядная, в замужестве владетельная княгиня мингрельская Дадиани» («Николай Бараташвили», 1946).

Серьга (С. 371). — «Ленинград», 1945, № 21/22; варианты: ст. 5-6: Сережка с камушком
Бросает тени, ст. 13—18: Кого туманящий
Покой пристанища
Охватит пылко
У шейной впадины
С серьгой и ссадиной
И синей жилкой.
— Николай Бараташвили—1946.

Написано в 1839 г. и посвящено Е. Чавчавадзе. Сохранилось письмо Бараташвили Левану Меликишвили: «Леван, Леван! Я схожу с ума! Я уже не в силах! Екатерина там, и игра ее серьги свела меня с ума! Ничего лучшего не увидит человек на Божьем свете!» (Николай Бараташвили. Судьба Грузии. М., 1983. С. 255).

Младенец (С. 371). — Николай Бараташвили-1946.
— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 5—8: Он может обходиться без понятий,
Есть в мире мать и грудь ему дает. Он тянется к расстегнутому платью Он смелый созерцатель без забот. Написано в 1839 г.

Одинокая душа (С. 372). — «Ленинград», 1945, № 21/22; варианты: ст. 3 Но тот, кто одинок душой, такому
ст. 5—13: Несчастье овдовевших поправимо.
Они вступают в новое родство.
Но замкнутому сердцу нелюдима
На свете дела нет ни до кого.
Его однажды в жизни обманули.
И протянись участия рука,
Оно от ласки отлетает пулей
В привычный мрак брюзги и бирюка.
Такая доля — каторга без срока, ст. 15—16: Гнушаются душою одинокой,
И прочь бегут, и держатся вдали.
— Николай Бараташвили-1946.

Написано в 1839 г. вскоре после замужества Е. Чавчавадзе.

Моя молитва (С. 372). — Николай Бараташвили-1946.

— Экз. кн.: Николай Бараташвили-1946 с авт. правкой (собр. И. Охлопкова); вариант

ст. 16: В утайки с умыслом мне не зачти.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 9: Ключ жизни, раствори мою печаль

ст. 20: В мои молитвы тоже мне зачти.

— Николай Бараташвили-1957.

... Отцу родному... / Смотреть на гибель сына... — (букв, «сына, сбившегося с праведного пути»). Здесь использована евангельская притча о блудном сыне (Лк. 15,11-32). Ключ жизни, утоли.../ Спаси мой челн... — образы древнегрузинской гимнографической поэзии. Мои... у молчанья / Вмолитвы... зачти. — Двустишие восходит к высказыванию грузинского поэта XII—XIII вв. Иоанна Шавтели о безгласной молитве.

Написано в 1840 г.

«Когда ты, как жаркое солнце, взошла...» (С. 373). — Николай Бараташвили—1946.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 17—20: Чтоб после разлада слились голоса

И соединились в согласии звуки, Чтоб мы, помирившись чрез четверть часа, Не помнили больше недавней разлуки. Посвящено Е. Чавчавадзе. Написано в 1840 г.

Моим друзьям (С. 373). — «Октябрь», 1945, № 10; варианты: ст. 7-8: Подобно старящемуся ребенку

Бессмыслен молодящийся старик.

— Николай Бараташвили—1946.

Тематически перекликается с пушкинскими стих. «Друзьям» (1816), «К Каверину» (1817). Написано в 1841 г.

«Что странного, что я пишу стихи?..» (С. 374). — Николай Бараташвили-1946.

Посвящено Е. Чавчавадзе. Написано в 1841 г.

«Яхрам нашел в песках. Средь тьмы...» (С. 375). — «Октябрь», 1945, № 10; вариант

ст. 23: Где пыль бы я от ног отряс

— Николай Бараташвили-1946;

ст. 23: 1де я бы пыль от ног отряс

— Николай Бараташвили-1957. Написано в 1841 г.

«Глаза с туманной поволокою...» (С. 376). — Николай Бараташвили-1946; вариант:

ст. 12: Чтоб в смерти окунуться в вечность.

— Николай Бараташвили—1957. Посвящено Е. Чавчавадзе. Написано в 1842 г.

Гиацинт и странник (С. 376). — Николай Бараташвили—1946; вариант:

ст. 26: Я умру окончательно в этом плену.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 9: Только я взаперти, я из оранжереи

ст. 12—14: Разве ты не сохраннее тут, чем снаружи.

Разве ты не закрыт этой роскошью стен И от засухи летней и ночью от стужи.

ст. 20: О пустом с ветерком шаловливо шепча.

— Николай Бараташвили-1957; вариант

ст. 1: Гиацинт, где былая яркость твоя?

Странник — грузинское «мцыри» имеет два значения: странника (как у Бараташвили) и послушника в монастыре (как в поэме Лермонтова). Темой этого стих, традиционно считается символическое изображение судьбы Грузии.

Написано в 1842 г.

«Как змеи локоны твои распались...» (С. 377). — Николай Бараташвили-1946; варианты:

ст. 4: Откинь и заплети их! Пощади,

ст. 8: Тебя к нему ревную по-мужски.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 7—8: И тот час же тебя к его порыву

Как к равному ревную по-мужски.

— Николай Бараташвили-1957. Посвящено Е. Чавчавадзе. Написано в. 1842 г.

«Мужское отрезвленье — не измена...» (С. 378). — Николай Бараташвили-1946; варианты:

ст. 3: Очарованье внешности мгновенно,

ст. 7: И слабость и душевный недостаток —

ст. 9: Сама же красота иного корня...

— Экз. кн: Николай Бараташвили-1946 с авт. правкой (собр. И. Охлопкова); вариант

ст. 8: Любить пустой смазливости налет.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 2: Какой наружностью ни оглуши,

ст. 17: Лишь между ними чувство идеала, ст. 19—20: Он только в свете истины, пожалуй, В соединеньи с этой красотой.

— Николай Бараташвили-1957. Написано в 1842 г.

Мерани (С. 378). — «Московский комсомолец», 23 окт. 1945.

— Борис Пастернак. Грузинские поэты. Тбилиси, 1947; варианты:

ст. 1-4; 33-36:

Летит Мерани, конь мечты моей.

Нам каркает вдогонку ворон черный.

Вперед, мой конь, рвись мыслию упорной,

Вперед, и дней и жизни не жалей! Об этом варианте рефрена Пастернак писал Бесо Жгенти (29 авг. 1947): «...Мне очень не хотелось бы переделывать Мерани. Он сразу

446

вышел легко и выразительно. Вот что я предложил Вам <...>, привожу по памяти:

Лети, Мерани, конь мечты моей! Пусть каркает вдогонку ворон черный. Рвись без оглядки мыслию упорной Без устали вперед за грани дней».

— Николай Бараташвили. Стихотворения. М., Гослитиздат, 1948; варианты:

ст. 3-4; 15-16; 27-28; 35-36:

Вперед, мой конь! Мою печаль и думу Дыханьем ветра встречного обвей, ст. 12: Як звездам неба в подданство впишусь. По поводу этого варианта, также сделанного против воли автора, Пастернак жаловался в письме Н. Табидзе (26 сент. 1947): «Некоторое время мне придется удовлетворять пожелания редакторов и доделывать разные мелочи <...> (как, например, в Мерани)».

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 15—16: Вперед, мой конь, стремись упорной думой,

Вперед! И дней и жизни не жалей, ст. 23—24: Вперед и ввысь, мой конь, упорной думой, Вперед! И дней и жизни не жалей.

— Борис Пастернак. Полное собрание звукозаписей авторского чтения. Гос. лит. музей. Russian Disc. Читает Борис Пастернак. 2000. (Запись сделана в 1945 г.)

— Печ. по редакции 1945 г.

Мерани — крылатый конь, популярный образ грузинского фольклора, родственный греческому Пегасу. Написано в 1942 г. под впечатлением пленения войсками Шамиля дяди и друга Бараташвили Ильи Орбелиани. Стих, было послано в письме Григорию Орбелиани со словами: «Вот что поэт думает за Илико» (цит. по кн.: Пастернак. Не я пишу стихи. С. 314).

Могила царя Ираклия (С. 380). — «Октябрь», 1945, № 10; варианты:

ст. 21—24: Мир тени царственной святой твоей, И крепости былой твоей десницы, И мир твоей, всем краем с давних дней Слезами облицованной гробнице.

— Николай Бараташвили—1946; варианты: ст. 21—24 как в журн. публикации.

— Николай Бараташвили-1957.

Ираклий II Багратиони (1720—1798) — грузинский царь Кахетинской династии, объединивший Кахетию и Карталинию. После поражения в Крцанисской битве (1795) с персидским шахом Ага-Магометом

Переводы восточной поэзии

Ираклий решил присоединить Грузию к России. Могила Ираклия находится в Мцхете.

Написано в 1842 г. и посвящено князю М.Баратаеву (Бараташвили; 1784-1856), участнику войны с Наполеоном, занимавшемуся историей и культурой Грузии. Было записано в его альбом перед отъездом князя в Петербург.

Злой дух (С. 380). — Николай Бараташвили-1946; без назв. — Грузинские поэты-1947.

— Поэзия Грузии. М.-Л., 1949; под назв. «Злобный дух».

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 1-2: Кто навязал тебя мне, лжевожатый?

Куда твои советы заведут? ст. 4: Что с детской верой сделал, баламут?

ст. 8: Твой рай, из ада созданный, — обман.

Написано в 1843 г.

«Вытру слезы средь самого пыла...» (С. 381). — Николай Бараташвили-1946.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 4: Не жалея его, разожгу.

ст. 12: Только ради него я поэт. Посвящено Е. Чавчавадзе. Написано в 1843 г.

Поход Грузии на Чечню и Дагестан в 1844 году (С. 382). — Пастернак. Не я пишу стихи; по машин. 1945 г. с авт. правкой (собр. Е. С. Левитина).

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); вариант ст. 2: Трепещи, Дагестан! Срок приспел.

Грузия находилась в состоянии постоянной войны с народами Северного Кавказа, которые, будучи мусульманами, поддерживали турок и персов в их борьбе с христианской Грузией. Имамом Чечни и Дагестана в середине XIX в. был Шамиль. Командует ими /Эристави... — Эриста-ви по-грузински означает «глава народа», в походах против кавказских горцев участвовало несколько грузинских князей с этой фамилией. На устах у нихКартлоса имя. — Имя легендарного прародителя грузин. Вот сомхитцев сомкнулись колонны. — Грузинское наименование армян. В них Сардали Давид жив без слов. — Армянский средневековый полководец. Царь Ираклий растил их отцов. — Царь Грузии Ираклий II Багратиони был прежде царем Кахетии. Вот тушйнцы, как волки лесные... — грузинское племя, живущее в горах Хевсуретии в Вост. Грузии.

По политическим причинам (в 1943 г. чеченцы были насильственно выселены с Кавказа) перевод остался неопубликованным при жизни Пастернака, хотя был подготовлен для изд.: Николай Бараташвили. М., Гослитиздат, 1948.

Комментарии

Чинара (С. 383). - «Октябрь», 1945, № 10.

Тематически связано с лермонтовским образом «одинокой сосны» из переложения Гейне «На севере диком..... Чинара — разновидность

платана, распространенная на Кавказе.

Написано в 1844 г.

«Ты самое большое чудо Божье...» (С. 383). — Николай Бараташвили-1946; вариант:

ст. 3: Я у родителей — одна надежа,

— Николай Бараташвили-1957; вариант

ст. 7: Но если б ты со мною скрылась в чаще,

— Экз. кн. Николай Бараташвили-1946 с авт. правкой (собр. И. Охлопкова); вариант

ст. 7 как в изд. 1957 г.

Подруга — бурка мне... — варьирует мотивы народной грузинской песни «Только я и моя бурка...». Написано в 1845 г.

Ек<атерине>, когда она пела под аккомпанемент фортепиано

(С. 384). — «Октябрь», 1945, № 10; опечатка в назв.: «Нине, когда она пела под аккомпанемент фортепиано».

— Николай Бараташвили-1946. Обращено к Е. Чавчавадзе.

Время написания неизвестно. Впервые на груз. яз. в 1860 г.

«Осенний ветер у меня в саду...» (С. 384). — «Октябрь», 1945, № 10.

Собр. стих. Бараташвили открывалось образом безвременно увядшего цветка («Соловей и роза») и заканчивается тем же образом. В этом стих. Бараташвили переосмысливает метафору из псалма Давида: «Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его» (Пс. 102,15-16).

Написано в 1845 г. незадолго до кончины.

«Когда мы рядом, в необъятной...» (С. 384). — Николай Бараташвили-1946.

— Николай Бараташвили-1957, без ст. 10.

Посвящено Е. Чавчавадзе, было положено на музыку и исполнялось как романс в доме Чавчавадзе.

Время написания неизвестно. Впервые на груз. яз. опубликовано в 1882 г.

«Цвет небесный, синий цвет...» (С. 385). — «Октябрь», 1945, № 10.

— Николай Бараташвили-1957; вариант ст. 14: Это облик высоты.

— Экз. кн.: Николай Бараташвили-1946 с авт. правкой (собр. И. Охлопкова); вариант ст. 14 как в изд. 1957 г.

Время написания неизвестно. Впервые на груз. яз. опубликовано в 1882 г.

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ (1840-1915) - грузинский поэт и драматург, родился в Верхней Имеретии в селе Схвитори. По обычаю знатных грузинских семей, до семи лет воспитывался в крестьянском доме. Учился в кутаисской гимназии, затем — в Петербургском университете на факультете восточных языков. Познакомился с писателями-демократами: Н. Г. Чернышевским, Н. А Добролюбовым, Н. А Некрасовым, Т. Г. Шевченко. В 1862 г. вернулся в Грузию и составил круг, в который входил Илья Чавчавадзе. В 1870-х гг. как режиссер, актер и драматург организовал театральную труппу, автор теоретических и литературоведческих статей, прозаик, переводил русских классиков, в том числе басни Крылова.

К столетию Церетели в 1940 г. Пастернак перевел стих. «Памяти Гоголя» и «Поэт», остальные — в 1952 г. С. Чиковани писал об этих переводах: «Особый мой восторг вызывают его переводы "Песни Песней" и "Головушки моей" («Ты горька, моя жизнь бесталанная...» — Е. П., А. С.) <...> "Песнь Песней" вообще является шедевром поэтического перевода» (цит. по кн.: Пастернак. Не я пишу стихи. С. 317—318). Пастернак также считал «Песнь Песней» самым значительным стих. Церетели (письмо Г. Бебутову 27 февр. 1957), но своими переводами был недоволен. «Сгоряча мне все это казалось приемлемым, а теперь не понимаю, зачем срамил себя. Гоголь еще туда-сюда, а "Поэт" всё еще тяжел и плох», — писал он 23 июля 1940 г. С. Чиковани. По поводу своих поздних переводов Пастернак тоже высказывался критически: «Не более удачно перевел я <...> три стихотворения Церетели (по просьбе Фать-мы Антоновны) (Твалтвадзе. — Е. П., А. С.) и мне было стыдно...» (письмо к С. Чиковани 2 июля 1952). Более подробно он писал редактору сборника Ф. Твалтвадзе, посылая 22 июня 1952 г. свои переводы: «И хотя я Церетели больше приблизил к какому-то минимуму определенности (может быть, ценою частичного непонимания и некоторых неумышленных отступлений), все равно, и это ужасно, и Вы и Маргвелашвили различите в приложенном тот отвратительный стук барабанно-ремеслен-ной приподнятости, который вообще отличает стихию стихотворных переводов. Я не думал, когда все же взялся за это, что ничего не добьюсь».

«1ы горька, моя жизнь бесталанная...» (С. 385). — А. Церетели—1953; вариант:

ст. 36: Смерть завидней, чем скорбь постоянная.

— Автограф; варианты:

ст. 6: У себя я в беспамятстве падаю,

ст. 32—36: Ничего впереди не откроется.

Часто Бога молю опечаленно: «Дай мне, Боже, в гробу успокоиться, Ане гнить одряхлевшей развалиной И помехой всего постоянною».

Отсутствует последняя строфа-рефрен.

— Акакий Церетели. Избранные произведения. Тбилиси, 1960. Желчь в щербете моем, зелье адское... — щербет, сладкий напиток. Написано в 1871г.

Песнь Песней (С. 387). — А. Церетели—1953. — А. Церетели. Избранные произведения. Тбилиси, 1960; варианты: ст. 4: Местности прелесть углублена,

ст. 12: Явственна тайна ст. 36: Травы, деревья, ст. 53: Небо и землю нам воедино ст. 59-65: Всех поражало косноязычье,

Лишь принимался кто воспевать
Силы твоей неземное величье,
Небом дарованная благодать.
Но, как предчувствие лебедя мечет
С песней предсмертной за облака,
Пусть моя песня увековечит Между ст. 74 и 75:
В юности первой, когда слишком рано
Я поклонялся тебе, сам не свой,
Нину, Тамару и Кетевану,
Трех находил я сразу в одной.
Ныне опять у того же подножья
Я, как впервые, весь целиком,
Словно теперь становлюсь я моложе,
А перед этим был стариком.

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

— Автограф; варианты — как в изд. 1953 и 1960 гг. Песнь Песней — название книги Ветхого Завета. Посвящено Григорию Орбелиани. Написано в 1882 г.

Памяти Гоголя (С. 389). — «Литературная газета», 10 июля 1940; варианты:

ст. 3—7: В подножьи мнимого величья Без силы правда замерла, И несмотря на важность позы, Не ускользало от вельмож, Как льются тружеников слезы,

ст. 9: ст. 12: ст. 15-16:

Тогда в глуши народной грянул От тучи строгостей кругом. Все ожило в гнезде разврата, Как бы очнувшись ото сна. Который без особых сил То был таланта смех беззлобный, Невинно тешивший народ 24 и 25: Из слез и желчи вперемежку Составил средство человек, И стал лечить своей усмешкой Слепорожденных и калек.

ст. 18: ст. 21-22:

Между ст.

ст. 26-28: Мечтатель с жилкою задиры,
Благотворитель-зубоскал,
Он на слепых писал сатиры, ст. 31-32: В чудесной силе осмеянья,
Излечивавшей всякий вред, ст. 34-36: Удостоверились вполне,
Какое сердце проглядели
Они во мнимом ворчуне! ст. 39-40: И как могла казаться желчью
Его любовь без берегов...

— Акакий Церетели. Избранные переводы. Тбилиси, 1960; отсутствуют ст. 5—8.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530); варианты: ст. 5: Когда сквозь лицемерье позы

ст. 12: От неприятностей кругом.

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

Написано к 50-летию первой постановки «Ревизора». Церетели читал его на вечере, посвящен, памяти Гоголя 6 мая 1886 г.

Поэт (С. 391). — Акакий Церетели. Избранное. М., 1940; вариант: ст. 20: И случая орудье.

— Автограф (РГАЛИ, ф. 1452; Альбом А. И. Вьюркова); варианты: ст. 1-9: То умница, то сумасброд,

Ни то я, ни другое, Самих вещей случайный ход Играет в жизни мною. Благоразумью не дивись, На ветренность не сетуй: Иные силы собрались, Чтоб стать судьбою этой. Способность подмечать дала

ст. 13-20: Подхватывая каждый слух,

Я новостей не прячу, Но, думается, нет заслуг В их устной передаче. Итак, совсем не тот святой, Какого видят люди, Я голос истины простой И случая орудье.

— Машин, с авт. правкой (РГАЛИ, ф. 2530): ст. 1-4: То как мудрец, то сумасброд,

Ни то я ни другое.

Я то, что случай приведет,

И лучшего не стою, ст. 7: Иные голоса слились

ст. 9: Способность подражать дала

ст. 13— 18 : Подхватывая всякий шум,

Я ничего не прячу.

И разглашаю наобум,

Что вспомню наудачу.

Не в вашей роли, и не в той,

Что навязали люди,

— Акакий Церетели. Избранные переводы. Тбилиси, 1960. Написано в 1886 г.

Больной поэт (С. 392). — Акакий Церетели. Избранное. М., 1940.

— Автограф; варианты:

ст. 1—4: Судьба, не томи меня более,

Дорог моих больше не путай.

Дай мне, не терзаясь неволею,

Свободно вздохнуть хоть минуту, ст. 9-12: Но в уши напрасно навязчиво

Врывается шум злободневный.

Далёко от нужд настоящего

Зовет меня лира напевно, ст. 14: Ты реешь вне круга мирского, ст. 20: Подъемы твои и паденья, ст. 26: Ты сердце мне умилила. Написано в 1894 г.

Лира (С. 393). — А. Церетели-1953; — Автограф; варианты: ст. 2: Два круга, два мира родные,

ст. 19—20: Заменит поэта-творца

Ничтожный волынщик бродячий. Написано в 1901 г.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР (1861-1941) - индийский писатель и общественный деятель, писал на бенгальском языке. Родился в состоятельной семье, обучался в Калькутте, слушал лекции в Лондонском университете. В 1875 г. опубликовал первое стих., сотрудничал в журналах. Писал музыку и был талантливым художником. В 1880—1890 гг. пишет исторические романы, рассказы и поэтические циклы, редактирует журнал. В поэтических сб.

1890-х гг. отражается мировоззрение Тагора, который формулирует концепцию «божества жизни», восходящую к учению упани-шад о единстве человека и природы. Тагор говорит, что свое вдохновение он черпает из «внутреннего я», существующего в единстве с разлитым повсюду «высшим началом» (см. стих. «Драгоценная пыль земли»).

Тагор вел активную просветительскую деятельность, преподавал в открытой им школе, в 1920-х гг. основал университет в Шантинкетоне. Он участвовал в патриотическом движении, захватившем Бенгалию в начале века, однако, как только оно вышло за рамки ненасильственной борьбы, порвал с ним. К этому времени относится его роман «Гора», наиболее известный русскому читателю. За книгу стихов «Жертвенные песни» ему была присуждена Нобелевская премия (1913). В 1930 г. Тагор приезжал в Советскую Россию, его впечатления отразились в «Письмах о России».

О Тагоре Пастернак писал французскому поэту Рене Шару 30 мая 1958 г.: «Это великое имя, это великая жизнь, это поэзия, — и кто я такой, и чего мы все стоим, в сравнении с ним. К тому же с юности я был окружен теми, кто в постсимволистское время восхищался Гитанджа-ли, — и не мог разделить их восторга. Мне была дорога скрытая и зависимая духовность великих русских прозаиков, Жюля Лафорга, Рильке, Блока, работавших в направлении определенных сторон жизни, века и переживаемой реальности, — вот что мне было нужно, а не та расплывчатая и напыщенная одухотворенность, равномерно распределяемая по всем страницам» (перевод с франц.).

Пастернак переводил Тагора в середине 1950-х гг. для готовившегося собрания сочинений.

Та, которую я любил (С 393). — Рабиндранат Тагор. Стихотворения. Рассказы. Гора. М., 1973.

Она меня водила к храму Шивы... — в инд. мифол. один из верховных богов, входящий вместе с Брахмой и Вишну в так наз. божественную триаду, воплощение мужского и женского начала.

Из книги стихов «Посвящения» (1903).

Обыкновенная девушка (С. 395). — Восточный альманах. М., 1957. Вып. 1; варианты:

ст. 1—2: Я — девушка из онтохпура,

Но ты меня не знаешь. Я прочла ст. 8: Я поняла, что правда ты волшебник:

Комментарии

ст. 75: Молоти: имя (так зовут меня)

ст. 77, 81,92,107, 116 — во всех случаях имя героини — Молоти.

— Рабиндранат Тагор. Т. 7.

Я— девушка из онтохпура. — Из женской половины дома. Я прочла /Последний твой рассказ «Гирлянда /Увянувших цветов»... — рассказ Тагора, название которого переводится на русский как «Гирлянда любви» (1903); в рассказе идет речь о девушке, которая перед смертью своей искренностью и неподдельностью чувства вызывает любовь героя, до тех пор остававшегося по отношению к ней равнодушным. Как Сакунталу, закали ее / В страданиях. — Сакунтала (Шакунтала) стала героиней одной из поэтических легенд «Махабхараты». Ее любовь к царю Душьян-те, их разлука и встреча легли в основу многих произведений, среди которых знаменитая драма индийского поэта Калидасы (V в.) «Шакунтала, или Перстень-примета»; отрывки из нее впервые в 1792 г. перевел на русский язык Н. М. Карамзин.

Монолог мужчины (С. 398). — Рабиндранат Тагор. Т. 7. Из сб. «Сокровенное» (1887-1890).

Цветок (С. 401). — Восточный альманах. М., 1957. Вып. 1; вариант: ст. 31 : Что хотим мы сказать этой нотою?

— Рабиндранат Тагор. Т. 7. Из сб. «Разное» (1933).

Люди трудятся (С. 402). — Восточный альманах. М., 1957. Вып. 1; варианты:

ст. 13-16: Нет следов их величия ложного.

Больше дегтем колесным телеги

Не грязнят ковыля придорожного.

Стерлась память о древнем набеге, ст. 21 : Вдоль железных дорог на чудовищах ст. 25-28: Чту их силу, но время могучее

След их тоже сотрет в той же мере,

И рассыплется волею случая

Сеть опутавших землю империй, ст. 49—50: Люди с каменщицкою хваткою

Соберутся, в грядущее веря.

— Рабиндранат Тагор. Т. 7.

Приходили, вторгались моголы. — Почти двести лет (XVI—XVIII вв.) большая часть Индии находилась под властью династии Великих Моголов. Англичане являлись пред нами. — После распада империи моголов в XVIII в. Индия стала колонией Великобритании фактически до конца Второй мировой войны. Но за труд добровольцев в Бомбее, / В Гуджарате, в Пенджабе, в Бенгалии... — различные области Индии.

Из сб. «Выздоровление» (1941).

Вопрос(С. 404). — Восточный альманах. М., 1957. Вып. 1; варианты:

ст. 14: Погасивших свет твоего светоча;

ст. 16: Ты простил бы, любил бы их, Всеведущий?

— Рабиндранат Тагор. Т. 7.

Из сб. «Завершение» (1931).

Распахни дверь (С. 405). — Восточный альманах. М., 1957. Вып. 1.

Драгоценная пыль земли (С. 405). — Восточный альманах. М., 1957. Вып. 1.

Из сб. «Выздоровление» (1941).

ВАЖА ПШАВЕЛА (наст, имя: Лука Разикашвили; 1861-1915) — грузинский поэт, писавший под псевдонимом Важа Пшавела (букв. «Муж Пшавский»). Родился в семье священника в селе Чаргали в горах Пшавии (Восточная Грузия). Окончил Горийскую учительскую семинарию, где изучал греческий язык, философию, увлекался Гомером, Шекспиром, Гёте. В 1882 г. вернулся в Чаргали и стал учителем. В 1883 г. поступил вольным слушателем на юридический факультет Петербургского университета, в 1884 г. вернулся и до конца жизни жил в родном селе, пас скот, охотился, обрабатывал землю, учительствовал и писал стихи. Умер в Тифлисе. В 1935 г. его прах был перенесен в Пантеон писателей на горе Мтацминда.

В литературу Важа Пшавела вступил в середине 1880-х гг. Ему принадлежат 36 поэм, около 400 стихотворений, несколько пьес, рассказы, а также этнографические, публицистические и критические статьи. Важа Пшавела воспевал старые обряды пшавов, идеализировал их неиспорченность «фальшивой цивилизацией», рисовал картины родной природы. Его богатый, народный язык отличается безукоризненной точностью литературного, включающего в себя пшавские диалектизмы, которые придают ему особый колорит.

Пастернак писал о Важа Пшавеле: «...Это действительный отшельник и созерцатель, затерявшийся в неприступных горах. <...> Важа Пшавела с самого начала писал так, как говорит в горах простой народ под тяжестью своего повседневного обихода. Однако суровую эту ноту высокогорной разобщенности Важа Пшавела углубил до такой степени, что его книги стали достоянием избранных и религией личности, способной поспорить с созданиями величайших индивидуалистов Запада в недавнее время» («Несколько слов о новой грузинской литературе», 1946).

Поэма «Змееед» — один из первых переводов Пастернака из грузинской поэзии, выполненный в 1934 г. По мнению А. Цыбулевского, «его перевод можно считать основополагающим и родоначальным для поэм Важа Пшавелы на русском языке» (Александр Цыбулевский. Рус

ские переводы поэм Важа Пшавелы. Тбилиси, 1974). А. Цыбулевский заметил также, что основная коллизия поэмы — прозрение Миндии и следующее за этим изменение его жизни — была особенно близка Пастернаку времени «Второго рождения», в котором были сходные мотивы. Оформление «Змееда», вышедшего в Тифлисе отдельной книгой, очень понравилось Пастернаку. «Какой хороший художник! — писал он Г. Бебутову. — Вагнеризм Важа Пшавелы (дракон, Зигфрид, птичка и пр.) еще усилился после того, как змея пошла лейтмотивом ко всем главам» (2 окт. 1934). В 1936 г. на Первом Всесоюзном совещании переводчиков Пастернак рассказывал о своей работе над поэмой: «Я прочел подстрочник, и хотя мне товарищи из Грузии писали, что в их поэтической жизни <...> эта вещь представляется им чем-то вроде "Гайаваты" или "Калеваны", но мне она ни "Калевалу", ни что-либо другое не напоминала. Мне эта вещь напомнила Пушкина. Она мне напомнида Пушкина мастерством, своей страстностью, умением сразу приступом подойти к рассказу».

Грузинские поэты высоко оценили перевод Пастернака. В своем выступлении на том же совещании переводчиков В. Гаприндашвили говорил: «В переводе Пшавелы Пастернак показал себя редчайшим мастером эпического рассказа. <...> Перевод "Змееда" глубоко музыкален, и музыка эта, созданная Пастернаком, еще раз убеждает нас в том, какого великого поэта мы имеем в лице Важа Пшавелы» (цит. по кн.: Александр Цыбулевский. Русские переводы поэм Важа Пшавелы. Тбилиси, 1974. С. 64). «Перевод "Змееда" — огромное достижение, очень много прибавляющее к ценности Пастернака как переводчика, — отозвался Святополк-Мирский. — Пастернак сумел в однообразном и спокойном движении своего перевода передать глубокое своеобразие этого эпоса» (Пастернак и грузинские поэты // Д. П. Святополк-Мирский. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. СПб., 2002. С. 227-228).

В поздние годы Пастернак разочаровался в своем переводе и писал А. П. Рябининой: «Мой Змееед плох и устарел. Знаете ли Вы, что за вещь есть у Заболоцкого? Я не видел его перевода, но он гораздо новее и уже тем одним, наверное, лучше. Заболоцкий занимался Важа Пша-вела недавно, а я двадцать лет тому назад, когда еще в силе были все гадости футуризма, распад формы, неточная рифмовка...» (10 дек. 1953).

Змееед (С. 406). — Важа Пшавела. Змееед. Тбилиси, 1934; варианты: ст. 9—11: Внимая из каждой строки

О чьем-нибудь имени чтимом,

Покуривали старики, ст. 13: Со вздохом за их упокой ст. 21—23: Тянулись, как пчелы на мед,

К нему стар и млад на попойке.

С мечом и шитом вперемет

ст. 25—41: Два друга, нагнувшись вдвоем,

Без шапок пред ним на коленях,

Хватают ковши порожнем

И передают ему в пене.

«Пей, Миндия, не баламуть,

Не лей, — говорят ему, — мимо.

И проговори что-нибудь.

Не стой, — говорят, — нелюдимом».

«Что вымолвить мне во хмелю?

Я отяжелел от опоя.

Я после свое объявлю,

Коль смерти не время за мною».

Он чашу приподнял в обхват

И выпил, до лба задирая.

Его еще тешил возврат
К веселью родимого края.
Как все, раскутившися в прах, ст. 65—66: «Решу себя; — жизнь в западне
И так мне печенкою выйдет», ст. 69—72: Он ведал про тайну котла:
Варилась похлебка змеевья.
У дивов способность была
Змею принимать в очеревье. ст. 93-100: Смекает, что в образе змей
Клад мудрости прятали дивы
В расчете, что, брезгуя ей,
Он не соблазнился поживой.
Хоть правда, что «Миндия, ешь»
Просили они для отвода,
Как понял, ступив за рубеж
Он сам, овладев их природой, ст. 114-116: Хевсуров и пшавов отары.
С своих венценосных высот
Им вторит царица Тамара: ст. 126: Заращивает его зелье, ст. 128: В военном ли, в мирном ли деле, ст. 150: Нет травки на свете полезней», ст. 152: «А я от такой-то болезни», ст. 169: Не тронь меня — слышишь — не тронь, ст. 193—194: Поныне идут рубежи
Чинары и вяза и клена, ст. 195—196: Все жнут от межи до межи,
А он, как какой исступленный, ст. 200: И полю позор и потрава.

Комментарии
ст. 217-220: «Меня!» — протеснясь к лезвию, Один не дождется изводу. Другой: «Нет, меня: — чуть стою. Я больше боюсь небосвода.
ст. 222: А ость так зерном и расперло.
ст. 248-249: Справляло со всем многовершьем. К ГУданской молельне креста
ст. 254: Другие про что-то чужое,
Авт. правка: Другие про что про чужое,
ст. 266: Им Чалхия с видимым весом: —
ст. 282-284: Всего себя кровью захлюпав, Сам Миндия грудит, злодей, Курганы из вражеских трупов?
ст. 290-292: Не станет считать душегубьем.
Не то ли, как взявши топор, Для пользы мы дерево срубим?»
ст. 316: Он по слову Бердии вышел.
ст. 327: При этом вся куча хевсур
ст. 332: Сидевших под ясенем птичек.
ст. 349-352: Таким поразившись чутьем, Все в голос об этом гудели. Что прежде порочили, в том Теперь убедились на деле.
Между ст. 356 и 357:
Вели, чтоб лисица в соку Курятину забраковала. Кто сядет с пути к камельку, Коряг не найдя у чувала?
ст. 393-394: Турам для обточки рогов,
И то лишь, те выси любезны.
ст. 397-400: Они ни души не блюдут, Ни тела не холят покрова, Но миром неласковых груд Царят широко и сурово.
ст. 413: В нем плач и побранки в сердцах.
ст. 460: Очаг так и пышет от пыла».
ст. 470-481: С душой захитрил я по-лисьи: Сначала срубил я платан. Потом, как ни плакались листья (А — «Миндья, — их были слова, — Врагом мы тебя не считали»), Потом, говорю я, и два. Так, ожесточаясь в закале, Я Господа начал просить,

Чтоб дал мне бесчувственность камня. Но, ненасытимая в сыть, И тут ты вздохнуть не дала мне. Бывало, убьет кто тура,

ст. 483: Мне жалко тебя до нутра,

ст. 538: Что сталось с грозой их вчерашней,

ст. 542-546: Хотя б это дни вам пресекло. Уж ежели мне, как в аду, Не дам, чтоб и родину в пекло! Как буду в глаза вам смотреть, Господне как чтить буду имя?

ст. 626-628: Я вижу, как все они плачут.

Лишь голос бессонных гонцов Разносится в воздухе горном:

ст. 629: Неровного света намек

ст. 721-724: Мы рады предутренней мгле, Когда она в пользу покосу, Но здесь о полуночном зле Являли свидетельство росы.

ст. 766: Угроз не привел в исполненье,

ст. 768: Извел на жертвоприношенья.

ст. 786: Я так и не поняла, вроде,

ст. 788: Скорбит о себе и народе.

ст. 790: Вздыхал он со днями несвязней.

ст. 816: И звездной не трогаюсь славой.

ст. 818-820: Лишь только бы дом ваш был полон.

На что теперь меч мне!» — вскричал, Да так бушевать и пошел он.

ст. 825-829: Так все это правда? Тогда

Сгубила нас всех твоя несыть. Тогда ведь по силе вреда Язык тебе надо отрезать, Подвесить и сжарить живьем!

ст. 865-866: Мне снилось, что издали вблизь, Обвалами множа обрывы,

ст. 888: Дома ж и совсем, как скорлупы.

ст. 927: Ах, сколько я приняла мук,

ст. 932: И смилуйся небо над вами.

Между ст. 960 и 961:

Как отдыха б чаял больной, И пищи алкал бы голодный, Хотела б, чтоб брат был герой И в памяти пребыл народной.

ст. 961 : Кому же она не мила?

Комментарии

ст. 994: Какой я советник, хевсуры?

ст. 995—1000: Иная была и натура.

Советовать не по уму.

Уж вы без меня это взвесьте.

Обдумайте по одному

И соедините все вместе.

Я вышел делить ваш почин ст. 1017-1020: Средь войска пошел шепоток

Невысказанного протеста.

Совет никого не привлек

Особенно — выбором места, — Грузинские поэты—1946; под назв. «Пожиратель змей. Гвелис Мчамели». — Важа Пшавела. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1958.

Хевсуры гуляли в гостях. — Жители Хевсуретии, горной области восточной Грузии. Гостей веселя под пандуру... — грузинский народный трехструнный щипковый инструмент, на котором обычно исполняли любовные и героические песни. Держали могучие дивы. — Исполинские злые существа, часто многоголовые. Царица Тамара им вторит... — правительница Грузии (1184—1207), ее царствование было отмечено политическим, экономическим и культурным расцветом. КГуданскому храму креста... — главная церковь в Хевсуретии. Окреп Карталинский увал. — Гористая местность между реками Кура и Алазань. Чрез пропасть привет Пиримзе. — горный цветок («солнцеликий») и женское имя.

Идет ополченье кистин. — Грузинское наименование ингушей, искони враждовавших с грузинами. Мост через Аргун разобрали. — Река в Северной Хевсуретии. Мерцает в Хахматской часовне... — Хахмати, село в Хевсуретии. Хевисберн — старейшина рода у горских племен, соединявший светскую и религиозную власть.

АВЕТИК ИСААКЯН (1875-1957) - армянский поэт, родился в Александрополе, раннее детство провел в селе Казарапат. «Я родился в историческом Ширакском районе Армении, — писал о себе поэт. — Здесь воображение ребенка было окрылено идущим из глубины веков поэтическим фольклором, песнями ашугов и крестьян, благородными памятниками прошлого...» (Аветик Исаакян—1945. С. 5). В 1889 г. поступил в Эчмиадзинскую духовную академию, а в 1893-м уехал за границу, где учился в Лейпцигском университете, изучая историю литературы и философию. В 1896 г. вернулся в Армению и был арестован за антиправительственную деятельность. Выйдя на свободу, выпустил свой первый поэтический сборник «Песни и раны» (1897), который принес ему славу. В 1911 г. уехал в Константинополь и прожил в Европе 25 лет. Вернулся в Армению в 1936 г.

Пастернак перевел Исаакяна в 1940 г. Поэт называл Пастернака в числе тех переводчиков, которым «больше всего удались переводы» его стих. (см. в кн.: Пастернак. Не я пишу стихи. С. 339).

«Когда бы из моей сердечной раны...» (С. 436). — Аветик Исаакян—1945. Написано в 1898 г.

«Глухим, неясным, призрачным порывом...» (С. 437). — Аветик Иса-акян-1945.

Написано в 1899 г.

«Душа — перелетная бедная птица...» (С. 437). — журн. «30 дней», 1940, № 5/6.

Написано в 1905 г.

«В тоске я шел вдоль горного кряжа...» (С. 437). — журн. «30 дней», 1940, № 5/6.

Написано в 1906 г.

«Укого так ноет ретивое...» (С. 438). — журн. «30 дней», 1940, № 5/6; варианты:

ст. 7: Волчье сердце, я твое подобье

ст. 9—12 отсутствуют.

— Аветик Исаакян—1945. — Избр.—1948, авт. правка ст. 7. —Аветик Исаакян. Стихотворения и поэмы. М., 1960; по тексту 1945 г.

— Пастернак. Не я пишу стихи. Написано в 1907 г.

«Из жизни всей...» (С. 438). — Аветик Исаакян—1945; варианты: ст. 2: Два аромата

ст. 4: Доныне святы:

— Избр.—1948, авт. правка ст. 2 и 4.

—Аветик Исаакян. Стихотворения и поэмы. М., 1960; по тексту 1945 г.

— Пастернак. Не я пишу стихи. Написано в 1908 г.

Песня Заро (С. 438). — журн. «30 дней», 1940, № 5/6.

Из третьей песни цикла «Песни Алагяза» (1895-1917).

Заро — имя героини цикла. Алагяз (Арагац) — гора близ Еревана.

АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ (наст, фамилия: Чочия; 1884-1954) -грузинский поэт. Родился в семье бедного крестьянина, первоначальное образование получил в Абаше, затем в кутаисском народном училище. В 1913—1914 гг. слушал лекции в народном университете им. Шанявско-го. Первая книга стихов вышла в 1913 г. После 1917 г. работал редактором периодических изданий, где печатались его стихи. В 1947 г. издал однотомник, включивший произведения за сорок лет.

Стихи Абашели Пастернак перевел в 1956 г. после окончания работы над романом «Доктор Живаго», хотя намеревался сделать это еще в

1953 г., когда писал А. П. Рябининой (21 марта 1953): «Подстрочники Абашели взял, отберу 3-4, потому что страшно занят». О своих впечатлениях от этой работы Пастернак писал Г. В. Бебутову (27 февр. 1957): «После перевода стихов Абашели не прошло и года, а я ни одного не помню, кроме "Моря", как самого значительного».

Море (С. 439). — Александр Абашели-1957. Из книги «Из ранних песен». Написано в 1911 г.

Фиолетовый свет (С. 440). — Александр Абашели—1957. Из книги «Из ранних песен». Написано в 1919 г.

Сердце поэта (С. 440). — Александр Абашели-1957. Из книги «Дневник путника». Написано в 1928 г.

Рождение стиха (С. 441). — Александр Абашели-1957. Из книги «Рождение стиха». Написано в 1938 г

Каменный олень (С. 442). — Александр Абашели—1957. Вон, где крепость Нарикалы... — древняя крепость на юго-восточной окраине Тбилиси. Написано в 1939 г.

Николаю Бараташвили (С. 442). — Александр Абашели—1957.

Что по небу пронесся твой Мерани, / Что сломано у ворона крыло... — аллюзия из стих. Н. Бараташвили «Мерани» (см. перевод Пастернака: «Стрелой несется конь мечты моей. / Вдогонку ворон каркает угрюмо»).

Из книги «Рождение стиха».

Написано в 1945 г.

Весна (С. 443). — Александр Абашели-1957. Из книги «Вечная весна». Написано в 1949 г.

ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ (1889-1941) - грузинский поэт. Учился на юридическом факультете Московского университета. Свои первые стихи опубликовал в Москве по-русски. Увлекаясь творчеством западноевропейских и русских символистов, он стал одним из организаторов группы грузинских символистов «Голубые роги». Первая книга стихов вышла в 1919 г. Много занимался переводами Бараташвили на русский язык, Шиллера, Шелли и Гюго — на грузинский. Помимо этого, Гаприндашвили — автор работ по теории литературы.

457

Переводы восточной поэзии

В 1933-1934 гг. Гаприндашвили готовил для Пастернака прозаические переводы грузинских стихов. Пастернак писал П. Фоляну о них (14февр. 1934): «Все его подстрочники замечательные, и, кроме того, он и сам еще замечательный поэт». На Первом Всесоюзном совещании переводчиков (1936 г.) Гаприндашвили высоко отзывался о работе Пастернака: «Пастернак пишет не копию, а портрет оригинала. Вы смотрите на двойника и удивляетесь своим чертам. Конечно, вас изменил наряд чужого языка, музыка чужого языка, но вы благодарны волшебнику, который ввел вас в ином уборе в многолюдный и торжественный мир русской поэзии» (цит. по кн.: Пастернак. Не я пишу стихи. С. 322).

С галерки оперного театра (С. 444). — «Новый мир», 1934, № 3;

варианты:

ст. 5: Меня не мрак безумит,

ст. 7: Чудит его инструмент-

ст. 14: То — духовидцев сбор.

ст. 17-20: Певица льнет все кротче В край Фаустовых уст. Вальпургиевой ночи, Дрожа в углу, дождусь.

— Борис Пастернак. Грузинские лирики. М., 1937; вариант: ст. 7: Чудит один инструмент

— Избр.-1948 (авт. правка).

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

Потребуй Паганини... — Никколо Паганини (1782-1840), итальянский скрипач и композитор, один из основоположников романтизма в музыке. Вальпургиевой ночью... — ночь на 1 мая; по немецким народным поверьям, «великий шабаш» ведьм в горах Гарца; одна из центральных сцен «Фауста» Гете; здесь роль ведьм и духов отведена музыкантам

оркестра, создающего таинственный мир оперы. Фиалка ариозо... — в оперной музыке XIX в. небольшая ария с мелодикой напевно-декламационного характера; здесь ариозо уподобляется недостижимому голубому цветку литературы немецкого романтизма. И в этот миг Новалис... — немецкий поэт-романтик (Фридрих фон Харденберг; 1772-1801), представитель «йенской школы», разработавшей теорию романтической иронии, суть которой состоит в недостижимости мечты (голубого цветка), отсюда и мотив голубых слез.

Переведено в 1933-1934 гг.

Кутаис в ветреную погоду (С. 444). — «Известия», 17 авг. 1934;

варианты:

ст. 19: Да здравствуют гулкие выси безумья,

ст. 26: И там-то, наверное, им благодать,

ст. 30: Мне нравится этот причудливый вид

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

К Джоконде, Корделии и Дездемоне... — Мона Лиза дель Джокондо изображена на известной картине Леонардо (1503); Корделия — героиня трагедии Шекспира «Король Лир», Дездемона — героиня трагедии Шекспира «Отелло». Вот с беркутом на рукавице Эдгар. — Эдгар Аллан По (1809-1849), американский писатель-романтик, в лирике — предтеча символизма. Рембо от Верлена, в их ссоры разгар. — Артюр Рембо (1854-1891) и Поль Верлен (1844-1896), французские поэты-символисты, отношения которых окончились кровавой ссорой. И вот уж в огне не одна Саломея... — дочь Иродиады, жены царя Ирода, танцевавшая перед ним на пиру и потребовавшая за это голову Иоанна Крестителя (Мф. 14, 6—8), а также героиня одноименной пьесы Оскара Уайльда (1893).

Переведено в 1933—1934 гг.

Море (С. 445). — «Красная новь», 1934, Jsfe 9.

В маске из молний и в дыме мимикрии... — здесь: превращений, перевоплощений. Эйфель за Эйфелем, башни из пены!— Метонимически изображена парижская Эйфелева башня. Всем ураганом своим тигро-шкурым... — эпитет отсылает читателя к главному эпическому произведению грузинской литературы — поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», что свидетельствует не только о красоте урагана, но и о его мощи.

Переведено в 1933-1934 гг.

Мечта (С. 446). — «Красная новь», 1934, № 9; варианты: ст. 17: Довольно! Их и пресеку ст. 19—20: Не стих печатному станку

Сдаю, а лист с моей духовной. Междуст. 20и 21:

«О черный рок, — взмолюсь, — приди!

Освободи, чем зря маячить!»

Земля прижмет меня к груди,

И небо звездное оплачет, ст. 27-28: Ее не стало нужды длить,

Живя в народе после гроба.

— Избр.-1948 (авт. правка).

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии. Переведено в 1933-1934 гг.

Дантон (С. 447). — Русский литературный авангард: материалы и исследования. Тренто, 1990.

Жорж Жак Дантон (1759-1794), один из лидеров Великой французской революции, участвовал в подготовке восстания 10 авг. 1792 г., свергнувшего монархию и казнившего короля Людовика XVI; казнен

по решению революционного трибунала. Не раз от беды избавляя Па-риж... — речь идет об обороне от интервентов, которую развернул в Париже Дантон. Арсийскую провинциальную тишь. — Родиной Дантона был провинциальный городок Арси. В

Конвенте он был урагану подобен... — Конвент — высший законодательный и исполнительный орган Великой французской революции (1792-1795). И крови Дантона взалкал Робеспьер. — Максимильен Робеспьер (1758-1794), лидер якобинцев, фактически возглавивший революционное правительство в 1793 г., в Конвенте потребовал казни Дантона. Ну что ж. Он, не вздрогнув, умрет. Он не трус. — Дантон был гильотинирован в 1794 г. Переведено в середине 1950-х гг.

ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ (наст, фамилия: Мамулаишвили; 1889-1965) — грузинский поэт и историк литературы, родился в семье каменщика. С юности писал стихи и пьесы. Работал суфлером в грузинских театрах. В 1906—1907 гг. вышли два первых сб. его стихов, в них преобладала любовная лирика. После 1917 г. больше внимания уделяет социальной проблематике. Гришашвили принадлежат также исследования по истории грузинской литературы и театра, о связях с русской культурой («Литературная богема старого Тбилиси», «Жизнь Александра Чавчавадзе», «Лермонтов в грузинской литературе»). Переводил на грузинский язык русских, армянских и азербайджанских поэтов.

Пастернак переводил стихи Гришашвили в 1933 г.; в статье «Несколько слов о новой грузинской поэзии» (1946) он назвал Гришашвили «украшением» «текущей поэтической литературы».

Судьба гения на тифлисском базаре (С. 448). — «Красная новь», 1934, МЬ 9; вариант:

ст. 7: «"Терек" Ильи из башки своей выброс», —

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

Шота, Акакий и Чавчавадзе. — Классики грузинской поэзии: Шота Руставели (XII в.), Акакий Церетели (1840-1915) и Илья Чавчавадзе (1837—1907). «Собственность Теклы» — виднелся экслибрис... — Текла Батонишвили — дочь царя Кахетии Ираклия II (1720—1798). В книге Вахтанговой первопечатни. — Вахтанг VI Законодатель (1675—1737) — царь Карталинии, писатель, ученый, давший Грузии свод законов; в 1709 г. основал в Тбилиси первую типографию, в которой печатались церковные и светские книги, в частности впервые была издана поэма Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с примеч. Вахтанга. «Терек бурлящий из памяти выброс»... — имеется в виду поэма Ильи Чавчавадзе «Видение» (1859). Наших грузинских Ромео с Джульеттой... — вероятно, герои поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» Тариэль и его возлюбленная Нестан-Дареджан. Что отдавать не стыдится Давида / Ректора рукописи на обертки. — Давид Ректор, грузинский ученый и писатель

XVIII века. ОИнгороква и Джавахишвили... — Павел Ингороква (1893— 1983), известный исследователь классической грузинской литературы; Иван Джавахишвили (1876-1940), специалист по истории Кавказа, академик, основатель Грузинского университета (1918). Злой, как Шамиль... — Шамиль (1799-1871), имам Чечни и Дагестана, вместе с персами и турками воевал против Грузии и России. Выросшею на баштанах Бесики. — Грузинский поэт Бесарион Габашвили (1750—1791). Входило в книгу «Мой Тбилиси». Написано в 1927 г.

Прощание со старым Тифлисом (С. 449). — «Литературный Ленинград», 14 февр. 1935; варианты:

ст. 5: Блуждая в грязных Сирачханах,

ст. 18 опечатка: Но и следов уже не найти, ст. 45: Старинный мой Тифлис, не надо! ст. 47: Но ты пребудешь мне в отраду ст. 49: Старинный мой Тифлис, сомненьям

— Б. Пастернак. Грузинские лирики. М., 1935.

— Иосиф Гришашвили. Лирика. Тбилиси, 1959.

Блуждая в шумных Сирачханах... — винные ряды в старом Тифлисе. Ичианурам, и чарге?— Чианури — народный смычковый четырехструнный инструмент, напоминающий скрипку; чарга — восточная мелодия. Оборван на платке гайтан... — речь идет о так называемом «багдади», бахромчатом мужском платке. О чоху черную не трется... — чоха —

национальная мужская длиннополая одежда. Исчез кулачный бой, амкары... — амкарами назывались цеховые объединения тбилисских ремесленников. Игра в артурму, плясуны. — Артурма — старинная игра вроде чехарды. Зурны разливы раздались. — Зурна — духовой инструмент. Взамен шикасты — пара высвист... — шикаста — восточная мелодия. Меджнун без Лейлы, я останусь... — герои знаменитой восточной легенды о трагической и верной любви, обрабатывавшейся поэтами, в том числе Низами и Навои.

Написано в 1925 г., вошло в книгу «Мой Тбилиси».

НИКОЛО МИЦИШВИЛИ (наст, имя Николоз Сирбиладзе; 1894-1937) — грузинский писатель, родился в крестьянской семье, окончил кутаисское училище и работал сельским учителем. Печататься начал в 1912 г. Примыкал к группе символистов «Голубые роги». В 1917 г. был редактором газеты Кутаисского совета рабочих и крестьян «Голос солдата», издававшейся по-русски. В1922 г. редактировал русскую газету «Фигаро». Составил и издал антологию переводов на русский язык: «Поэты Грузии» (1922). С 1922 по 1925 г. жил во Франции. Был главным редактором издательства «Заря Востока». В 1922 г. вышла первая книга стихов Мицишвили «Черная звезда», в 1926 г. — вторая — «Жар-птица». В 1935 г. Мицишвили переиздал антологию «Поэты Грузии», включив в нее переводы Пастернака и Н. Тихонова. В 1937 г. погиб в застенках НКВД.

460

Переводы восточной поэзии

Сталин (С. 451). — «Новый мир», 1934, № 3; варианты: ст. 25—26: Ты тем недостижимого достиг,

Что пересоздал ум людей и душу,

— Грузинские стихи и песни о Сталине. Тбилиси, 1937.

Он прометеевым огнем согрел... — в греч. мифол. огонь знания, подаренный людям титаном Прометеем, жестоко наказанным за это Зевсом. Из зуб дракона нижешь тучи стрел, / Орфей, с рабов сдвигающий оковы. — Имеется в виду не только волшебная сила пения Орфея, но, вероятно, и его участие в путешествии аргонавтов за золотым руном (отсюда и зубы дракона). Прошел моря борьбы, как Гильгамеш, / Герой седого эпоса Халдеи. — Гильгамеш, герой ассиро-вавилонского эпоса того же названия. Клич «Лилео» — гимн солнцу над природой. — Языческий сва-нетский гимн.

Переведено в 1934 г. Вероятно, в первую очередь к этому стих, относится замечание Пастернака в письме Г. Бебутову(15 нояб. 1935): «В свое время я сам просил авторов о досылке вещей, политически содержательных...». Перевод был сделан из желания оказать поддержку Мицишвили, подвергавшемуся критическим нападкам и обвинениям, но, к сожалению, это не помогло и Мицишвили был вскоре арестован.

НИКОЛАЙ (КОЛАУ) НАДИРАДЗЕ (1895-1990) - грузинский поэт, родился в семье врача, в 1916 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1916 г. вошел в символистскую группу «Голубые роги» и стал печататься в ее изданиях. Первая книга стихов «Катафалк» вышла в 1920 г. В 1946 г. опубликовал сб. стихов «У большого пути», в 1962 г. — избранные произведения и грузинские переводы с русского (Пушкина, Лермонтова, Маяковского) и французского языков.

В статье «Несколько слов о новой грузинской поэзии» (1946) Пастернак писал о «свежей и захватывающей непосредственности Николая Надирадзе», а в очерке «Люди и положения» (1956) характеризовал его как «перворазрядного и неподдельного лирика».

Песня (С. 452). — «Новый мир», 1934, № 3; варианты: ст. 9—10: Так шибко снилось детство мне, Что отмелькало, как ширянье

— Б. Пастернак. Грузинские лирики. М., 1935. Переведено в 1933 г.

Белая алыча (С. 452). — «Новый мир», 1934, № 3; вариант: ст. 26: Тогда, почти что в те недели,

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии. Алыча — вид сливы. Переведено в 1933 г.

460

Комментарии

Окроканы (С. 454). — «Новый мир», 1934, № 3 (под назв. «Окрока-на»); варианты:

ст. 37—38: О, Окрокана, ты, как сот,

Течешь, мне в душу меду вылив.

— Б. Пастернак. Грузинские лирики. М., 1935.

Окроканы — дословно «золотая нива», деревня над Тбилиси по Манглисской дороге. А вы, которых нет... — имеются в виду умершие юные друзья: поэты Сандро Цирекидзе и Шалва Кармели.

Написано в 1929 г., переведено в 1933 г.

Пушкину (С. 455). — Поэзия Грузии. М.-Л., 1949. Написано к 100-летию со дня гибели Пушкина (1937), переведено в 1940-х гг.

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ (1895-1937) — грузинский поэт. Родился в деревне Шуамта близ Орпири (Западная Грузия). «Самые причудливые пейзажи окружали меня с раннего детства. Особенно я помню закаты в долине Риона, когда дневное светило опускалось в горящем пурпуре в Палеостомское озеро и комары охватывали полнеба» (Страницы из автобиографии, 1936//Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960. С. 5—6). Табидзе застал в упадке этот район Грузии, когда-то богатый и плодородный: был свидетелем «вымирания» окрестных деревень, жители погибали от лихорадки или покидали родные места. Отец поэта, отчисленный из Тифлисской духовной семинарии за участие в беспорядках, вернулся в деревню, стал священником. В 1913 г. Табидзе закончил кутаисскую гимназию, где учился вместе с Маяковским. Стихи начал писать в детстве, первые публикации появились в кутаисских газетах, тогда же стал переводить Блока, Брюсова, Ф. Сологуба, Аннен-ского. В 1913 г. поступил на филологический факультет Московского университета, где слушал лекции Н. Я. Марра, посещал поэтические вечера А. Белого, И. Северянина, В. Брюсова, входил в число поклонников А. Н. Скрябина, на глазах Табидзе происходило формирование футуризма, взлет Маяковского.

В 1915 г. в Кутаиси Табидзе, Яшвили и другие молодые поэты создали символистскую группу «Голубые роги». Табидзе был автором ее манифестов и редактировал ее газету «Баррикады». «Новая школа поэтов всё-таки сыграла большую роль. Впервые нами были введены в строй грузинского стиха слова, изгнанные из употребления или вовсе не использованные», — вспоминал Табидзе (Страницы из автобиографии, 1936// Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960. С. 13). Поэты этой группы переводили французских и русских авторов.

Пастернак познакомился с Т. Табидзе летом 1931 г. во время своей поездки в Грузию. К1933 г. относятся его первые переводы из Табидзе и начало их дружеской переписки. Его арест и тщетные надежды на осво

бождение составили содержание писем Пастернака к его вдове и дочери, которые на всю жизнь остались в числе наиболее близких друзей Пастернака. Он их постоянно поддерживал и помогал им. В очерке «Люди и положения» (1956) Пастернак писал: «...Тициан Табидзе был устремлен внутрь и каждою своей строкой и каждым шагом звал в глубину своей богатой, полной догадок и предчувствий души. Главное в его поэзии — чувство неисчерпанности лирической потенции, стоящее за каждым его стихотворением, перевес несказанного и того, что он еще скажет, над сказанным. Это присутствие незатронутых душевных запасов создает фон и второй план его стихов и придает им то особое настроение, которым они пронизаны и которое составляет их главную и горькую прелесть. Души в его стихах столько же, сколько ее было в нем самом, души сложной, затаенной, целиком направленной к добру и способной к ясновидению и самопожертвованию».

Табидзе помогал Пастернаку в работе над переводами грузинской поэзии, отбирал стихи, готовил подстрочники с указанием фонетических и интонационных особенностей оригинала. Он отмечал, что в переводах Пастернака мы «наблюдаем предельную смысловую точность, почти сохранены все образы и расстановка слов, несмотря на некоторое

несовпадение метрической природы грузинского и русского стиха, и, что важнее всего, в них чувствуется напев, а не переложение образов, и удивительно, что все это достигнуто без знания грузинского языка...» (цит. по кн.: Тициан Табидзе. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964. С. 132). Д. П. Святополк-Мирский так оценивал пастернаковские переводы из Тициана Табидзе: «Это большой лирический голос, напоминающий о Лермонтове и о Блоке. Тициан Табидзе, в выборе Пастернака, встает перед нами как глубокий и серьезный поэт, чувствующий свой долг и ответственность перед эпохой» (Пастернак и грузинские поэты // Д. П. Святополк-Мирский. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. СПб., 2002. С. 227). Когда после двадцатилетнего запрета на упоминание имени Тициана Табидзе, в 1957 г. наконец вышел его стихотворный сборник (Избранное. М., 1957), в письме его вдове, Нине Табидзе, Пастернак писал: «Везде выступает главная, движущая сила поэта Тициана — чувство преданности жизни, родной истории и природе, которое в соединении с чувством обреченности придает выражению этой темы постоянный элегический оттенок. Очень много доброты, человечности в этом...» (ЗОавг. 1957).

«Трижды существуя...» (С. 457). — Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960.

—Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920); дата: 5 июня 1959 г.

Написано в 1915 г., переведено в 1959 г.

Комментарии

Автопортрет (С. 457). — Тициан Табидзе. Избранное. М., 1957; опечатка:

ст. 10: Я в Багдаде в расстегнутом плаще.

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

— Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920).

Профиль Уайльда. — Оскар Уайльд (1854-1900), английский писатель-символист, значительная фигура для модернистов начала XX в. Инфанта — в Испании и Португалии титул принцесс королевского рода. Перечитываю Малларме. — Стефан Малларме (1842-1898), французский поэт-символист.

Написано в 1916 г., переведено в 1956 г.

Фатьма Хатун (С. 457). — Тициан Табидзе. Избранное. М.,

1957.

Фатьма Хатун — героиня поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Кто б ни был — Чачнагир иль Автандил... — персонажи той же поэмы: Чачнагир — бывший любовник Фатьмы Хатун, Автандил — витязь, к которому она воспылала страстью, убивший Чачнагира. В поэме Руставели есть строки, посвященные непостоянству Фатьмы Хатун, очевидно отразившиеся в стих. Табидзе: «В душу влезет, завладеет, от нее спасенья нет. / И нежданно вам изменит, вмиг презрев любви завет» (М., 1950. Перевод Нуцубидзе).

Написано в 1917 г., переведено в 1956 г.

Петербург (С. 458). — «Новый мир», 1956, № 7 (под назв. «Петроград»).

— Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960.

— Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920).

Тонет тень Скитальца-Моряка. — Имеется в виду легендарный капитан летучего Голландца, или герой поэмы английского поэта-романтика С.-Т. Колриджа «Сказание о Старом Моряке» (1798).

Начало стих, написано «в ночь на 25 октября 1917 г., Кутаиси», ст. 9—12 приписаны в начале 1930-х гг.

Переведено в 1956 г.

Карменсита (С. 459). — «Новый мир», 1956, № 7; варианты: ст. 17: В душе поют рожки без счета, ст. 19—20: Как будто в ней ютится кто-то И яблоню там посадил.

— Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960.

— Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920). Карменсита — уменьшительное от Кармен, имени героини повести Проспера Мериме и оперы Жоржа Бизе.

Написано в 1923 г., переведено в 1956 г.

Топит Табидзе (С. 459). — «Дружба народов», 1956, № 8.

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии; вариант ст. 13: Я в Тбилиси, но дерево всякое,

— Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920). Саламбо, босоногая, хрупкая... — героиня одноименного романа

Гюстава Флобера (1862), действие которого происходит в Карфагене (III в. до н. э.). К Карфагену, к Танит, к Ганнибалу. — Карфаген с 600 г. до н. э. был важнейшим торговым и портовым городом Западного Средиземноморья, подчинившим себе многие государства. В результате 3-й Пунической войны (149—146 до н. э.) Карфаген был захвачен римлянами и по решению Сената стал римской колонией. Танит — богиня любви и луны в древнем Карфагене. Ганнибал (246-183 до н. э.) — полководец в Карфагене, одержавший много крупных побед, однако потерпевший поражение от римлян в 202 г. Когда Рим потребовал его выдачи, Ганнибал покончил с собой.

Написано в 1926 г. и посвящено дочери. Переведено в 1956 г.

«Иду со стороны черкесской...» (С. 460). — «Известия», 6 марта 1934.

— Автограф (ГЛМ, ф. 141); вариант:

ст. 19: Но точно б был я с ней обвенчан,

— Автограф в письме к Бесо Жгенти 16 окт. 1933 (РГАЛИ, ф. 2563). Написано в 1926 г., переведено в 1933 г.

«Высоким будь, как были предки...» (С. 461). — Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960. — Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920); дата: 5 июня 1959 г.

Горит в Кахетии закат... — Кахетия, историческая область в Восточной Грузии в верховьях рек Иори и Алазани.

Написано в 1926 г., переведено в 1959 г.

На рассеете (С. 462). — Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960.

— Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920); дата: 5 июня 1959 г.

Написано в 1926 г., переведено в 1959 г.

«Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут...» (С. 462). — «Известия», 6 марта 1934.

— Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960; вариант: ст. 14: С орпирских берегов большой оригинал.

— Автограф (ГЛМ, ф. 141); варианты:

ст. 16: И, как съестной припас, с собой в дорогу брал, ст. 23: Что стих? Он как обвал. Дохнет и с места слышит,

— Автограф в письме Бесо Жгенти 16 окт. 1933 (РГАЛИ, ф. 2563); варианты:

ст. 11: Замолвят что-нибудь они в мою защиту, ст. 14 как в «Известиях», ст. 16 как в автографе ГЛМ.

Под ливнем лепестков родился я в апреле. — День рождения Т. Табидзе 2 апреля. Орпирских берегов большой оригинал. — Табидзе родился возле селения Орпири в Колхиде на берегу реки Риони.

Написано в 1929 г., переведено в 1933 г.

Ликование (С. 463). — «Дружба народов», 1956, № 8.

— Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920). Написано в 1927 г., переведено в 1956 г.

Всходит солнце, светает (С. 464). — «Новый мир», 1956, Nq 7 (под назв. «Светает»); вариант

ст. 2: Склоны гор, очнувшихся от сна,

— Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960.

— Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920).

Точно вдунул сам Важа Пшавела / Жар Химикаури в грудь мою. — Химикаури — народный герой из поэмы Важа Пшавелы «Сон Ираклия».

Написано в 1927 г., переведено в 1956 г.

«Если ты — брат мне, то спой мне за чашею...» (С. 464). — «Красная новь», 1934, № 6.

— Автограф (ГЛМ, ф. 141); варианты:

ст. 1: Если ты брат мне, спой мне за чашею,

ст. 8: Где б не качались на солнце колосья?

ст. 9: Если помрет кто нездешний, то что ему

ст. 15-16: Лучше без родины сохнуть, чем детищем

Этой, такой вот неотразимой. Между ст. 16 и 17:

Нет ли какой-нибудь Грузии где еще,

Если отыщется в свете другая,

Где б, как в раю над жаровнею рдеющей,

Небо склонялось, огнем обжигая.

— Автограф в письме Бесо Жгенти 16 окт. 1933 (РГАЛИ, ф. 2563); варианты:

ст. 3: Здравствуй о здравствуй, жизнь сладчайшая,

ст. 8 как в автографе ГЛМ.

Между ст. 16 и 17 — строфа как в автографе ГЛМ.

Кто дал окраску мухранскому соку ? — Мухранская долина располагается между реками Арагвой и Ксани и издавна славится виноградниками и вином. Кто — зеленям на Арагвинском плесе?— Живописная долина реки Арагви, левого притока Куры. Горы иль сон эта высь голи

афъя?— Голиаф (библ.), великан-филистимлянин, убитый в единоборстве Давидом.

Написано в 1928 г. Одно из первых стих., переведенных в 1933 г.

Сельская ночь (С. 465). — «Красная новь», 1934, № 6.

Из Окрокан блюду твои ворота. — Деревня в горах над Тифлисом.

Написано в 1928 г., переведено в 1934 г.

Окроканы (С. 466). — «Известия», 17 авг. 1934; варианты: ст. 3 Пусть и руки б чесавших отсохли, (опечатка),

ст. 12: Стой и стой и стихов не пиши.

— Тициан Табидзе. Избранное. М., 1936.

Стереги Марабды голыши... — селение Марабда близ Тбилиси, где в XVII в. произошло знаменитое сражение между грузинами и персами. Висни в небе, как крепость Короглы... — (Кёроглы) развалины средневекового замка близ селения Коджоры в окрестностях Тбилиси. Как вчера соловей из Удзо. — Горная местность в районе Коджор. Имацонщиков нам предпочтет. — Продавцы мацони, грузинской простокваши.

Написано в 1929 г., переведено в 1934 г.

Стихи о Мухранской долине (С. 467). — «Новый мир», 1956, № 7; варианты:

ст. 4: И обе Арагви смешали струи,

ст. 24: И землю последователей моих.

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

В обеих Арагвах смешались струи. — Имеются в виду два истока Арагви: Черная и Белая. Я— Гурамишвили, из сакли грузинской/Лезгинами в детстве захваченный в плен... — Давид Гурамишвили (1705—1792), грузинский поэт, похищенный в 1727 г. горцами и увезенный в Дагестан, откуда он бежал в Россию и вступил в русскую армию; позже жил на Украине под Миргородом. Лезгинами грузины называли мусульманские племена Северного Кавказа..

Об этом стихотворении Пастернак писал Нине Табидзе (7 марта 1956): «"Стихи о Мухранской долине" сложны и значительны по движению своей поэтической мысли, и в переводе у меня, может быть, вышли тяжеловесными...». О. В. Ивинская ошибочно утверждает, что это стих, было переведено ею, а Пастернак только подписал его (Ольга

Ивинская. В плену времени: Годы с Б. Пастернаком. М., 1992. С. 44). Это одна из многочисленных ошибок ее воспоминаний.

Написано в 1931 г., переведено в 1956 г.

«Лежу в Орпиримальчиком в жару...» (С. 468). — «Новый мир», 1956, № 7; опечатка:

ст. 16: Иль ангела спустившиеся крылья?

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

Орпири — селение в Колхиде на берегу реки Риони, близ которого родился Т. Табидзе, находилось в болотистых местах, порождавших лихорадку.

Написано в 1933 г., переведено в 1956 г.

Матери (С. 469). — Тициан Табидзе. Стихотворения. М., 1960; опечатка:

ст. 39: Мы напрасно приуныли,

— Пастернак. Не я пишу стихи.

— Автограф (Музей грузинской литературы, ф. 021920); под назв. «Стихотворение сильное, как заговор», дата: 5 июня 1959 г.

Я был похож на Антиноя, /Но все полнею, как Нерон. — Юноша Ан-тиной (?—130 н. э.) — любимец императора Адриана (76—138 н. э.) был обожествлен после смерти за свою красоту. Нерон (37-68 н. э.) — римский император-тиран, вошедший в историю гонениями на евреев и христиан, по преданию, был очень полным. Отцовскою епитрахилью... — отец Табидзе был священником в родном селе; епитрахиль — часть облачения священника, носимая под ризой, без которой не совершаются церковные службы и таинства.

Написано в 1937 г., переведено в 1959 г.

ПАОЛО ЯШВИЛИ (1895-1937) — грузинский поэт, родился в дворянской семье в селе Аргвети. Начал печататься с 1911 г. В 1913 г. после окончания гимназии уехал в Париж, где изучал живопись в Институте искусств при Лувре. Испытал сильное влияние французского символизма. В 1915 г., вернувшись в Грузию, вошел в круг основателей группы «Голубые рога» и стал издавать одноименный журнал. Яшвили был общепризнанным главой группы и автором манифеста «голуборожцев» (1916), в котором в качестве предшественников назывались французские символисты и проскальзывали отголоски футуристических теорий. Свои ранние символистские произведения Яшвили публиковал в 1915— 1924 гг. под псевдонимом Елена Дариани. Он был талантливым импровизатором и мастером экспромта, ему принадлежит заслуга в реформировании грузинского стиха, введении новых поэтических форм. Перевел на грузинский сочинения Пушкина, Маяковского, Бодлера, Рембо, Уайльда. Яшвили был первым из грузинских поэтов, с которым Пастернак познакомился в 1929 г., и летом 1931 г. Яшвили с широким радушием принимал его у себя в Тифлисе. Будучи в Грузии осенью 1933 г., Пастернак стал свидетелем критики, которой подвергались его друзья, и писал жене: «...Параллельно с нарастающим моим убежденьем в общем превосходстве Паоло и Тициана я встречаюсь с фактом их насильственного исключенья из списков авторов, рекомендованных к распростра-ненью и обеспеченных официальной поддержкой. Я бы тут преуспел,

если бы от них отказался. Тем живее будет моя верность им» (23 нояб. 1933). В 1934 г. Яшвили стал членом Закавказского ЦИК, но ни это, ни переводы Пастернака из желания помочь другу, ни стихи Яшвили «На смерть Ленина» и «Сталин» (1934), к сожалению, не защитили Яшвили от репрессий, и в 1937 г. он покончил с собой, опередив свой арест.

О Яшвили Д. П. Святополк-Мирский писал: «Это мужественный поэт с громким голосом, в котором главное не оттенки и не настроения. В передаче Пастернака у Яшвили запоминаются особенно острые, немые и четкие отражения природы» (Пастернак и

грузинские поэты // Д. П. Святополк-Мирский. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. СПб., 2002. С. 227).

В очерке «Люди и положения» (1956) Пастернак посвятил его памяти такие слова: «Паоло Яшвили — замечательный поэт послесимво-листического времени. Его поэзия строится на точных данных и свидетельствах ощущения. Она сродни новейшей европейской прозе Белого, Гамсуна и Пруста и, как эта проза, свежа неожиданными и меткими наблюдениями. Это предельно творческая поэзия. Она не загромождена плотно напиханными в нее эффектами. В ней много простору и воздуху. Она движется и дышит. <...> Одаренность сквозила из него. Огнем души светились его глаза, огнем страстей были опалены его губы. Жаром испытанного было обожжено и вычернено его лицо...». Восхищение Яшвили как поэтом и как человеком Пастернак пронес через всю жизнь. 1 окт. 1936 г. он писал Тициану и Нине Табидзе: «Я целыми вечерами думал о нем. Я вспомнил его широту, благородство его проявлений по отношению ко мне в ответственнейшие для души моей минуты. Какая безукоризненная проницательность большого человека с большим сердцем и кругозором!» И через десять лет в письме к Чиковани (1 февр. 1946) Пастернак говорил о Яшвили: «Чуть ли не после 10-летнего перерыва <...> пробежал "Грузинских лириков" и поразился, до какой степени свеж и интересен остался Паоло!!». Со временем Пастернак не разочаровался в своих переводах из Яшвили и писал Чиковани 4 марта 1946 г: «Паоло <...> у меня вышел наиболее хорошо и ровно».

Как хлопанье паруса (С. 470). — «Красная новь», 1934, № 6; варианты: ст. 4: Гроздьев сладостурского сорта (опечатка),

ст. 14—16: С моря в долете,

Задора и ярости

И мне бы в работе! ст. 19: Менялися сами ст. 27: Собой, как фосфаты, ст. 30-32; 42-44:

Что слышимо с моря,

Такой же бы ярости

В моем бы задоре.

Комментарии

— Б. Пастернак. Грузинские лирики. М., 1935; под назв. «Что мне в поисках...».

— Пастернак. Не я пишу стихи; варианты: ст. 10: Опрозраченный и горделивый ст. 12: Бормочу про себя торопливо ст. 14, 30, 42: Что с моря лопочет,

— Паоло Яшвили. Избранное. М., 1958.

Гроздьев аладастурского сорта. — Сорт винного винограда. До хевсурского стада... — Хевсуретия, горная область Восточной Грузии на склонах Большого Кавказского хребта.

Написано в 1932 г., переведено в 1934 г.

Событие сада (С. 471). — «Известия», 6 марта 1934. Написано в 1932 г., переведено в 1934 г.

Обновление (С. 472). — «Известия», 6 марта 1934; вариант ст. 12: Лишь искренности новое теченье (опечатка).

— Грузинская советская поэзия. Тбилиси, 1954; вариант ст. 20: И как свинец в стволе зажатой пули.

— Паоло Яшвили. Избранное. М., 1958. Написано в 1933 г., переведено в 1934 г.

Без повода (С. 472). — «Известия», 12 сент. 1934. Написано в 1928 г., переведено в 1934 г.

Утро (С. 473). — «Известия», 6 марта 1934; варианты: ст. 18—19: Так миг, как в поле пахари пришли,

И дружный труд стал выводить на пашне

— Б. Пастернак. Грузинские лирики. М., 1935.

— Грузинская советская поэзия. Тбилиси, 1954; варианты: ст. 3: Так тихо, что раздался б стук паденья,

ст. 10: В лесу, в траве ль — их трели тут как тут.

— Паоло Яшвили. Избранное. М., 1958. Написано в 1932 г., переведено в 1934 г.

Стол — Парнас мой (С. 473). — «Известия», 6 апр. 1934. Написано в 1932 г., переведено в 1934 г.

Вступление в поэму (С. 474). — «Литературная Грузия», 1957, № 3, под назв. «Самому себе»; варианты:

ст. 13: Слово, нацеленное на мишени, ст. 21-24 выпущены, ст. 41—48 выпущены, ст. 57-64 выпущены.

— Паоло Яшвили. Избранное. М., 1958.

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии; варианты: ст. 20: Где вырастала, ютясь, беднота.

ст. 24: Сцену расстрела его допиши, ст. 29-32: Кару предвидя, надежды какие

Мог он питать, и чего он желал,

На губернатора из России

Жизни ценой поднимая кинжал? ст. 36: Вынь из забвенья и обнови, ст. 37-40: С косностью спорь, но не наши печали,

Если кто хочет плестись позади.

Вывери Пушкина в оригинале

И по-грузински переведи, ст. 45: Вырвавшись разом из стойла на волю, ст. 48: Словно действительные рысаки, ст. 53—54: Чтобы твой дар признавала природа,

Верила в искру святую твою, ст. 56: Песнь твоя знаменем братьям в бою. ст. 57-60: Чтоб вдохновенье, как наводненье

Полнило книги твоей берега,

Чтобы тобою гордились селенья,

Улицы города и округа, ст. 62—63: Книгу твою прочитал как-нибудь,

Проникновенно закрыл бы твой сборник, ст. 65—68: Если твой труд посвятишь ты отчизне,

Ты обессмертишь себя наяву.

Славу свою утвердишь ты при жизни,

Памятник вечный, живую молву.

— Автограф; варианты:

ст. 20: Где городская жила беднота.

— Автограф (РГАЛИ, ф. 3100). После ст. 68 строфа:

После когда-нибудь людям в духане Скажет кутила, седой старожил: «Умер сосед мой, поэт по призванью, Выполнил план свой и мирно почил». Махом бросали в Лиахву с моста. — Лиахва, приток Куры. О Джапаридзе поэму доделай... — Алеша Джапаридзе, один из 26 бакинских комиссаров. На Мурдзакана Дадешкелиани... — Мурдзакан Дадешкели-ани был казнен в 1857 г. за убийство кутаисского генерал-губернатора. О Саакадзе старинную сагу... — Георгий Саакадзе (Великий Моурави; ок. 1580-1629) — грузинский полководец и политический деятель, возглавивший в 1625 г. восстание против персов. Пушкина с верностью оригиналу... — Яшвили был одним из лучших переводчиков Пушкина

на грузинский язык. Чтоб пандурист и сказитель бродячий... — панду-ри, грузинский народный трехструнный щипковый инструмент с деревянным корпусом, на котором исполняли любовные и героические песни.

Пастернак перевел «Вступление в поэму» и следующее стих. «Малтаква» по просьбе Н. А. Табидзе в 1957 г. для готовившегося в Москве «Избранного». Несколько позже, посылая переработанные тексты для сб. «Стихи о Грузии. Грузинские поэты» в Тбилиси, он писал составителю Г. В. Бебутову: «...Как я только набросал эти переводы, они слишком неотделанными поступили в оборот <...> в старой, необработанной форме, далекой от их нынешнего окончательного вида» (7 авг. 1957).

Малтаква (С. 476). — сб. «Великому Октябрю», Тбилиси, 1957; варианты:

ст. 13: Здесь через скорые сроки ст. 15-16: Каменщики у холма
Вскорости сложат дома. — Паоло Яшвили. Избранное. М., 1958. Автограф; вариант
ст. 18: Море, безлюдье, затишье.
Малтаква — местечко в Колхиде на берегу Черного моря.

Переведено в 1957 г. Пастернак был недоволен своим переводом, как и переводом «Вступления в поэму», и писал Н. А. Табидзе 21 авг. 1957 г.: «Бебутову я послал переводы тех двух стихотворений Паоло, которые Вы просили меня перевести <...>. Это очень бледные работы...».

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ (наст, имя: Согомонян; 1897-1937) — армянский поэт, родился в семье мелкого торговца, учился в карсском реальном училище. В 1915 г. ушел добровольцем на фронт. В 1918-1919 гг. воевал в Красной армии. В 1914 г. в Карее опубликовал первый поэтический сб. «Три песни печально-бледной девушке...»; несколько поэм и цикл стихов «Радуга» вышли вслед за ним в следующие три года. После 1917 г. осваивает тему революционной героики. В 1930 г. выходит знаменитая книга стихов «Эпический рассвет». Последний сб. — «Книга пути», 1933. Переводил на армянский язык Пушкина, Маяковского, Гете, Верхарна, Уитмена, написал серию статей о современной поэзии. В 1937 г. Е. Чаренц был арестован и расстрелян как «враг народа». Пастернак писал Г. Бебутову (27 марта 1954): «Посылаю Вам единственное переведенное мною стихотворение Чаренца. <...> Какое пророческое по содержанию!..».

Кудрявый мальчик (С. 477). — «Известия», 7 нояб. 1935; варианты: ст. 16: И возвел этой зелени своды!

ст. 37—40 отсутствуют; ст. 47: И весна, с ст. 53: Но случай
И весна, схоронясь в их глазах, Но случайно из их череды Покидая родные ряды, И в преданьях чего-то ища, Тем поспешнее путь продолжает.
ст. 55: Покидая ст. 69: И в пред*
ст. 72: Тем
ст. 73-80 отсутствуют.
— Антология армянской советской литературы. Ереван, 1957.

К Арарату проходит шоссе / Изменившеюся Эриванью. — После 1936 г. — Ереван. Арарат — вулкан, находящийся близ современной границы Армении с Турцией и Ираном. В то ущелье, где низом Зангу/Протекает светло и шумливо... — река в горах Зангезурского хребта в Армении. «...Стихотворца, Маку уроженца». — Чаренц родился в городке Маку в Западном Азербайджане (ныне — Иран).

Написано в 1928-1929 гг., переведено в 1935 г.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ (1899-1966) - грузинский поэт, родился в селе Патардзеули в Кахетии в семье педагога и литератора. Учился в тбилисском духовном училище, с 1913 г. — в семинарии. Стихи начал писать с 1911 г. В 1918 г. вступил в литературную группу символистов «Голубые роги». В 1930-х гг. в творчестве Леонидзе появляется социальная тема. Мастер картин кавказской природы и грузинского народного быта. В 1962 г. выпустил сб. рассказов «Волшебное дерево. Воспоминания», в котором даны колоритные зарисовки жизни старой Кахетии. Выступал также как исследователь древней грузинской литературы.

Пастернак был дружен с Леонидзе, в письме Тициану и Нине Табидзе 6 нояб. 1933 г. он писал: «...Я кланяюсь поэту Леонидзе, <...> я кланяюсь искре детскости, пробегающей сквозь его руки и рукописи и нисходящей на его детей. И я говорю <...> о простоте и вздорности и незащищенности ребенка, о его электропроводности. О способности детства выстроить мир на игрушке и погибнуть, переходя улицу». Пастернак переводил Леонидзе в разное время. Ему он посвятил стих. «Как-то в сумерки Тифлиса...» (1936), но снял посвящение «из опасения как бы у него не было неприятностей, ввиду некоторой независимости содержания» (письмо Т. и Н. Табидзе 8 апр. 1936). В статье «Несколько слов о новой грузинской поэзии» (1946) Пастернак называл Леонидзе «ярким и замечательным

талантом наших дней <...> поэтом сосредоточенных и редких настроений, нерасторжимых с почвою, на которой они родились, и с языком, на котором они высказаны. Это автор образцовых стихов, на другой язык почти непереводимых». В очерке «Люди и положения» (1956) Пастернак упомянул Леонидзе как «самобытнейшего поэта, больше всех связанного с тайнами языка, на котором он пишет, и потому меньше всех поддающегося переводу».

469

Комментарии

Первый снег (С. 480). — «Известия», 6 мая 1934; вариант ст. 52: Либо — силой никакою,

— Георгий Леонидзе. Стихотворения. М., 1957, под назв. «Песня первого снега».

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

Пастернак выделял этот перевод среди других и 4 марта 1946 г. писал С. Чиковани о Леонидзе, «который весь у меня неудачен, кроме "Первого снега"».

Написано в 1926 г., переведено в 1933 г.

Калила иДимна (С. 481). — «Красная новь», 1934, № 6 (опечатка в назв.: Кил ила и Дамна).

Калила и Димна — литературный памятник, восходящий к древнеиндийской книге «Панчатантра» (санскрит), которая в арабском пересказе получила назв. «Калила и Димна» по именам двух шакалов, рассказывающих басни, чтобы проиллюстрировать то или иное поучение (в оригинальном тексте «Панчатантры» шакалов зовут Каратака и Да-манака). В XVIII в. эпос был переведен на грузинский язык царем Вах-тангом VI и стал любимой книгой грузин. Как к кружку Тамарина соска. — Исследователи расходятся во мнении по поводу происхождения этого образа, предполагая в Тамаре то ли грузинскую царицу XII в., то ли героиню поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», где с образом Тамары связаны мотивы ночи, звездного неба, а также эротические моменты. Стих. Леонидзе строится на чередовании сказочных сюжетов (легенду о Тамаре как будто тоже рассказывают шакалы) и повторяет схему эпоса «Калила и Димна», что объясняет ее название.

Переведено в 1934 г.

«Где пройдет опять к закату...» (С. 482). — Георгий Леонидзе. Стихи. Поэмы. М., 1960.

Написано в 1926 г., переведено не ранее 1946 г.

Надпись на чаше (С. 482). — Пастернак. Не я пишу стихи. Переведено в 1946 г.

Осень. Из старой тетради (С. 482). — «Литературная Грузия», 1965, № 9. Написано в 1926 г., переведено в 1946 г.

Зима (С. 483). — Георгий Леонидзе. Стихи. Поэмы. М., 1960. Написано в 1927 г., переведено не ранее 1946 г.

«Япривязал коня к плетню...» (С. 483). — Георгий Леонидзе. Стихи. Поэмы. М., 1960.

Написано в 1928 г., переведено не ранее 1946 г.

469

Переводы восточной поэзии

Путешествие (Из записной книжки) (С. 485). L Кахетия. — Георгий Леонидзе. Стихи. Тбилиси, 1947 (под номером 2);

вариант

ст. 4: И над ними — замок Бахтрион.

— Автограф с номером 2; варианты:

ст. 4: И под ними — замок Бахтрион.

ст. 6—7: С песнями съезжаются на двор, Выстроились по лесной опушке

— Георгий Леонидзе. Стихи. Поэмы. М., 1960.

Эта куча домиков — Ахмети, /Инад ними — крепость Бахтрион. — Селение в Восточной Грузии и средневековая крепость в верховьях р. Алазани в Кахетии. Алазани даль под ним цвела. — Алазанская равнина (другое назв.: Кахетинская равнина) вдоль южного подножия Кавказа, известная особым сортом винограда.

Первонач. назв. цикла: «Путешествие по Родине»; написан в 1928— 1929 гг., переведен в 1946 г.

2. Ананур. — Георгий Леонидзе. Стихи. Тбилиси, 1947 (под номером 1).

— Автограф, с номером 1.

Ананур — средневековый замок близ села Ананур по Военно-Грузинской дороге.

3. Вечер в старом Тифлисе. — «Октябрь», 1947, № 3.

— Георгий Леонидзе. Избранное. М., 1949; варианты: ст. 1—3: На сады тбилисские, где живы

Сказки, на тбилисские сады, На сады Тбилиси и обрывы

— Георгий Леонидзе. Стихи. Поэмы. М., 1960, под назв. «Вечер в старом Тбилиси».

— Автограф под назв. «Вечер в старом Тифлисе».

4. Карталинская ночь. — «Октябрь», 1947, № 3.

— Автограф.

Карталиния (Хартли) — историческая область в Восточной Грузии, в долине реки Куры, существовавшая с IV в. до н. э. (Иберия), впоследствии (X в.) стала ядром единого Грузинского государства, в XV в. объединилась с Кахетией.

5. Гарь пожарищ Тимура. — Георгий Леонидзе. Стихи. Тбилиси,

1947.

— Автограф; вариант

ст. 5: Город, мрак конур, огни, фигуры,

Тимур — Тамерлан (1336-1405), среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир с 1370 г. Создал государство со столицей в Самарканде, разгромил Золотую Орду, совершал грабительские походы на Иран, Индию, Малую Азию, завоевал все Закавказье.

Комментарии

Тифлисские рассветы (С. 487).

/. — «Литературная газета», 4 июня 1934; варианты:

ст. 12: И она — лукава.

ст. 15: Ив резную Кашуету

ст. 20: Воды Ниагары.

После ст. 32: Будто время надо выбрать

Крышам на рассвете.

Тут и Вавилон и Нимврод,

Тут и все столетья.

Выбор сам кивает с дома

Флагом Совнаркома.

Городскому утру мало Свиста сонной птички. Липовой работой стало Пенье по привычке Слов и мыслей непривычных — Лесу труб фабричных.

Не сплавляйте дня, как прежде,

По теченью речи.

Встретьте в лоб и перережьте,

Старине переча.

Слово — не в любовных играх,

Но и в силе тигра. Нимврод (Нимрод) — (Библия) внук Хама, противник Бога, идолопоклонник, руководивший постройкой Вавилонской башни («дома Нимрода»),

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

— Георгий Леонидзе. Стихи. Поэмы. М., 1960; под назв. «Тбилисские рассветы 1»; вариант

ст. 1: За тбилисской цитаделью —

Пламя Саят-Новы! — Знаменитый народный армянский поэт (наст, имя Арутюн Саядян, 1712-1795), живший в Тифлисе и слагавший песни на армянском, грузинском и азербайджанском языках. Одно время был придворным поэтом царя Ираклия II и погиб при

взятии города Ага-Магомет-ханом. Ив резную Кашуэти / С крыльями грифона. — Памятник древнегруз. церковного зодчества в Тифлисе; грифон — в вост. мифол. фантастическое животное с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла, чье скульптурное изображение используется в декоративных целях. Воды — ниагвари. — У Леонидзе: «Ниагварис цхали», то есть «воды половодья». Пастернак принял грузинское слово за назв. реки Ниагары (см. выше вариант из «Литературной газеты»). В изд. 1958 г. составитель исправил текст. ИВерийским склоном... — старое назв. одного из районов Тифлиса между горой и притоком Куры Верой. Как

хурджин живет растряской... — дорожная переметная сума из ковровой ткани. Вон Этим Гурджи горланит... — ашуг (народный поэт-сказитель) Дабчишвили (ум. в 1940 г.). Краску Пиросмани. — Грузинский художник-самоучка Нико Пиросманашвили (1862—1918). Плача чианури?— Народный смычковый четырехструнный инструмент, напоминающий скрипку.

Написано в 1930 г., переведено в 1934 г. /7. — «Красная новь», 1934, № 6; варианты: ст. 1: Цвел миндаль. С верхов Мтацминды

ст. 3—4: Блеск звезды разросся инда

С буйволовый глаз, ст. 28: Цветом миндаля, ст. 33: В доме встали, а вперед них Машин, с правкой (РГАЛИ, ф. 613); вариант: ст. 4: Буйволицы глаз,

ст. 33 как в «Красной нови».

— Георгий Леонидзе. Стихи. Поэмы. М., 1960, под назв. «Тбилисские рассветы 2».

Цвел миндаль. С Мтацминды утром... — «Святая гора», возвышающаяся над Тифлисом. Не по кровельному гонту... — плитка кровельного покрытия. Из-за лысины Махати... — гора близ Тифлиса.

Написано в 1930 г., переведено в 1934 г.

Переписчик древних книг (С. 489). — «Литературная Грузия», 1965, № 9.

Написано в 1936 г., переведено не ранее 1946 г.

НадМетехи (С. 490). — «Литературная Грузия», 1964, № 5 (в составе статьи Г. Маргвелашвили «В мире образов Г. Леонидзе»).

Метехи — древняя крепость в Тбилиси, до XVII в. — резиденция грузинских царей, в XIX в. на этом месте была построена тюрьма. Во дни Тамары величавой... — Тамара, грузинская царица XII в., покровительствовала Шота Руставели.

Написано в 1938 г., переведено не ранее 1946 г.

Чайка (С. 491). — «Литературная Грузия», 1964, № 5; без последней строфы (в составе статьи Г. Маргвелашвили «В мире образов Г. Леонидзе»).

— Пастернак. Не я пишу стихи.

Написано в 1938 г., переведено не ранее 1946 г.

Фреска ангела (С. 492). — «Октябрь», 1947, № 3 (в составе цикла «Путешествие по Родине»).

— Пастернак. Не я пишу стихи. — Автограф. Написано в 1938 г., переведено в 1946 г.

Старый бубен (С. 493). — альм. «Дружба народов», 1947, кн. 14; варианты:

ст. 13: В напеве отзвук жертв и пыток, ст. 17—18: Но чем бы эта быль ни пахла,

Когда шумела в первый раз, ст. 22: Он старше вековых чинар, ст. 33: А мне не удержать разлада,

— Георгий Леонидзе. Избранное. М., 1949; вариант: ст. 17: Но чем бы эта страсть ни пахла,

— Автограф; варианты:

ст. 17—18: И чем бы сладостно ни пахла,

Когда шумела в первый раз, ст. 33: А мне не победить разлада, ст. 38: Всему положен свой предел.

— Георгий Леонидзе. Стихотворения и поэмы. М., 1951. Затягивает мухамбаз. — Форма восточного стиха с пятистрочной строфой. Он — сверстник вековых чинар... — чинара, разновидность платана.

Написано в 1939 г. Переведено Пастернаком в 1946 г.

ПлатанеТелави(С. 494). — Георгий Леонидзе. Стихи. Поэмы. М, 1960. Телави — город в Кахетии. Анахорет — пустынник, отшельник (грен.). Написано в 1957 г. Переведено в 1959 г.

АЛИО МИРЦХУЛАВА (псевдоним: Машашвили; 1903-1971) — грузинский поэт, родился в крестьянской семье, учился в потийской гимназии. Начал печататься с 1921 г., первый сб. стих, вышел в 1924 г. В 1923—1927 гг. учился в Москве в литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, был знаком с Маяковским, Есениным и другими поэтами. Автор полемической поэмы «Я и Бараташвили». Стихи 1930-х гг. преимущественно о стройках и победах социализма, в послевоенные годы появляется стремление к философскому осмыслению времени и своего творческого опыта. В драматической поэме «Рустав-ская симфония» (1959) предпринята попытка художественного исследования вопросов искусства.

Морской орел (С. 495). — Родина: Поэты советской Грузии. Тбилиси, 1946.

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии; вариант ст. 25: Тобой в мегрельской стороне

А. Цуриумия — капитан флота, герой Великой Отечественной войны. Тобой в мингрельской стороне... — Мингрелия (Мегрелия), историческая область в Западной Грузии, в XVI—XIX вв. была Мингрельским княжеством. «И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозя-банье». — Цитата из стих. А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

Переводы восточной поэзии

Пастернак перевел это стих, осенью 1941 г. и, совершенно забыв об этом переводе, удивился, когда увидел в списке, присланном ему составителем сб. грузинских переводов Г. Бебутовым, имя этого автора, не связав псевдоним с настоящим именем грузинского поэта, которое стояло в первой публикации. Он писал Бебутову 7 авг. 1957 г.: «В Вашем списке моих переводов числится также стихотворение Машашвили "Морской орел". Не ошибка ли это? Мне кажется, я никогда Машашвили не переводил». Однако, прочитав перевод, Пастернак признал свое авторство и 31 авг. 1957 г. признавался: «Конечно "Морской орел" — мой. Но текст был для меня совершенно нов, я и по сей миг его забыл и абсолютно не помню. Этим можно похвастаться. Вот как надо работать, много, легко, разносторонне, без хранения черновиков и рукописей, чтобы забывать себя бесследно и чтобы сделанное не останавливало в движении, чтобы не сознавать его, чтобы оно не мешало тому, что всегда впереди, и не заводило в душе творческого склероза. Тем большее Вам спасибо, что Вы "Орла" разыскали и заставляете его усыновить».

СИМОН ЧИКОВАНИ (1903-1966) — грузинский поэт, родился в селе Наэсакао в Мингрелии в дворянской семье, в которой хорошо знали и любили грузинскую классическую поэзию. Мать поэта умерла после его рождения. В 1922 г. Чиковани окончил кутаисское реальное училище, затем в Тбилиси поступил в университет на филологический факультет. Тогда же в Тбилиси и Кутаиси образовалось две группы грузинских футуристов, вскоре объединившиеся под названием «Левизна»; участие в этом литературном движении оказало решающее влияние на творчество Чиковани, который стал одним из лидеров грузинского футуризма. Их литературными противниками были участники символистской группы «Голубые роги». Чиковани стал печататься с 1924 г. Первые стихи его обнаруживали приемы футуристической поэтики. В 1925 г. вышел сб. стихов «Раздумья у берегов Куры», в который были включены произведения экспериментального характера. В 1927 г. намечается поворот к традициям классической грузинской поэзии (Бесики, Бараташвили, Чавчавадзе, Важа Пшавела). В годы войны Чиковани был сотрудником фронтовой прессы, в 1944—1951 гг. возглавлял Союз писателей Грузии. В последние годы жизни, уже тяжело больной,

написал лироэпический цикл «Гянджинская тетрадь», посвященный судьбе Н. Бараташвили. Чиковани — автор литературоведческих и критических работ о грузинских классиках от Руставели до Важа Пшавелы и современниках (Блоке, Маяковском, Табидзе, Леонидзе, Заболоцком и Пастернаке). Перевел на грузинский язык «Слово о полку Игореве».

О поэзии Чиковани Д. П. Святополк-Мирский писал: «У грузинских поэтов есть какая-то особая сельская, полевая, горная свежесть, утерянная русской поэзией с середины XIX века, свежесть при отсутст

473

Комментарии

вии наивности и плохой простоты, которая слишком часто характерна для более молодых литератур. Особенно интересна эта черта в таком поэте, причислявшем себя к футуристам и лефам, как Симон Чиковани» (Пастернак и грузинские поэты // Д. П. Святополк-Мирский. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. СПб., 2002. С. 229).

Хотя переводы из Чиковани были в числе первых работ Пастернака, их дружба завязалась в середине 1940-х гг. В статье «Несколько слов о новой грузинской поэзии» (1946) Пастернак писал: «Образная стихия, общая всякой поэзии, получает у Чиковани новое, видоизмененное, повышенно существенное значение. Чиковани — артист и живописец по натуре, и как раз эта артистичность, порядка Уитмена и Вер-харна, дает ему широту и свободу в выборе тем и их трактовке. <...> Живописность эта представляет высшую степень воплощения и означает предельную, до конца доведенную конкретность всего в целом: любой мысли, любой темы, любого чувства, любого наблюдения». В письме к Нине Табидзе 30 сент. 1953 г. Пастернак говорил о Чиковани: «Я его считаю одним из интереснейших поэтов современного мира и разными способами доказал, как я люблю и ценю его». Чиковани был инициатором переводов Пастернака из Бараташвили, так как очень высоко ценил переводы Пастернака: «Пастернак нашел для каждого грузинского поэта особый музыкальный и колористический "закон", соответствующий переводимому поэту. Он с редкой щедростью нюансировал и разные по звучанию стихи одного и того же поэта <...> Но в любом случае Пастернак переводил только те произведения, которые перекликались с его собственными настроениями и душевным состоянием» (пит. по кн.: Пастернак. Не я пишу стихи. С. 333).

Мингрельские вечера (С. 496). — журн. «Литературное Закавказье», 1934, № 4/5; вариант I, ст. 16: Взмотыженный гектар под кукурузой.

— Родина: Поэты советской Грузии. Тбилиси, 1946; под назв. «Мегрельские вечера».

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

Колхозники в поту поют надури. — Коллективная трудовая песня, которую во время работы поют «нади», деревенские жители, собирающиеся для помощи соседям. Закат, как свеженачатую десть... — пачка писчей бумаги, единица счета бумаги. Испариною вяжущей маис... — кукуруза. До Очамчир идет пути прокладка... — Очамчиры, селение на берегу Черного моря, порт в Абхазии.

Стих, очень нравилось Пастернаку, в письме Н. Тихонову 4 янв. 1934 г. он писал: «У Чиковани замечательный есть материал — "Мингрельские вечера", не шутя восхитительный».

Написано в 1933 г., переведено тогда же.

473

Переводы восточной поэзии

Тифлисский рыбак (С. 499). — «Новый мир», 1938, № 4; варианты: ст. 3: С живою рыбой он обходит

ст. 11 : И пахнет сыростью осадка, ст. 13: И вновь он шастает и шарит,

— Симон Чиковани. Стихи. М., 1939, под назв. «Тбилисский рыбак».

В стих, описан обычай, бытовавший в Грузии вплоть до XX века. Рыбак по ночам заходил к пирующим во дворах людям и, приветствуя их, бросал на стол живую рыбу. За это ему дарили деньги (деликатная форма продажи ночного улова). Шум, хохот, голос толумбаша...

— (турец.: «глава бурдюка»), тамада, глава стола. Клубя их, как штаны кин-то. — Мелкие торговцы вразнос в старом Тифлисе, отличающиеся плутовским нравом. «Кинто... одет в ситцевую в белый горошек рубаху с высоким, никогда почти не застегнутым, воротником. Просторные сатиновые шаровары заправлены в носки» (Иосиф Гришашвили. Литературная богема старого Тбилиси. Цит по кн.: Симон Чиковани. Стихотворения и поэмы. Л., 1983. С. 342).

Входило в книгу стихов «Здесь я искал знакомые места». Об этих переводах Пастернак писал Чиковани 20 апр. 1938 г.: «Когда я переложил две чудесных Ваши вещицы о рыбаке, <...> меня они не удовлетворяли. Мне совестно было обозначить их переводами, и, чтобы снизить значенье своего труда, более далекого от подлинника, чем это бывало прежде, я подписал под рукописью: зарифмовал по подстрочнику Б. П. Мне, кроме того, не хотелось, чтобы какие-нибудь неприятности, которые, может быть, вызовут мои выраженья, как это иногда со мной случалось, были отнесены на Ваш счет, что, при дальности перевода, было бы особенно несправедливо...».

Написано в 1935 г.; переведено в 1938 г.

Приход рыбака (С. 500). — «Новый мир», 1938, № 4, под назв. «Посещение рыбака»; вариант

ст. 36: И в сладком веяньи земли.

— Симон Чиковани. Избранное. Тбилиси, 1950, под первонач. назв.

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

Стихов закидываем тоню... — одна закидка невода. Входило в книгу стихов «Здесь я искал знакомые места»; написано в 1935 г.; переведено в 1938 г.

У камина Важа Пишвелы (С. 502). — «Литературная газета», 17 февр. 1945; варианты:

ст. 4: Так вот он, былой твой потухший очаг!

ст. 11-12: Чтоб искорок вихрем души пережитки

Вытягивало сквозь трубу в небосвод, ст. 14: И с нею в соседстве уже не один.

Комментарии

ст. 19—20: В предвидены* бури всем пламенем сердца Ты устье печное ссудил под залог. Курилась над пропастью хата твоя. Ты жил, не сливая с безлюдьем ущелья Сурового жара людского жилья. И, видя, что солнце за тучи садится, Садился орел на одну из чинар. В безмолвии после дождя вдалеке. Со словом тебя единило стремленье Подняться и вверх потянуться, как дым. Я бледный твой отблеск и твой ореол, И душу по слуху на лад твой настроив, По шелесту леса в Чаргали пришел. Над печью простертые крылья орла. Как будто твою умаляет особу, Что сядет другой у того же огня. И ярость его, как каленый кирпич. И утром прошу: подними, возвеличь. Прошу и тебя, поддержи, помоги мне. — Симон Чиковани. Избранное. М., 1949.

Как келья отшельника, дом твой в Чаргали... — село в горной области Пшаветии, в котором Важа Пшавела родился, жил и работал как простой крестьянин. Как обеАрагвы на водоразделе... — два притока, впадающие в Арагву, — Черная и Белая Арагвы; их воды разного цвета, и какое-то время они текут, не смешиваясь. Простертого вширь над камином орла. — Имеется в виду стих. Важа Пшавелы «Орел». Всю ночь я борюсь с ним, как праотец Яков... — по Библии, Иаков ночью боролся с Богом (Быт. 32, 24—30).

Из книги стихов «Предки»; написано в 1940 г.; переведено в 1944 г.

ст. 26-28:

ст. 31-32:

ст. 36: ст. 39-40:

ст. 42-44:

ст. 48: ст. 51-52:

ст. 54: ст. 56: ст. 59:

Гнездо ласточки (С. 504). — «Литературная газета», 2 марта 1946; варианты:

ст. 28: В холода в стихи вас заверну.

ст. 31: Вас, как детство, песнью колыбельной

— Симон Чиковани. Избранное. М., 1949.

Входило в книгу стихов «Прошлогодний дневник». Пастернак писал Чиковани 25 янв. 1946 г.: «Прилагаю Вам <...> "Ласточку", как она тогда вышла. В ней есть огонь и движение, для такого стихотворения обязательные, и я не знаю, не испорчу ли я его, если буду кропотливо дорабатывать и уточнять».

Написано в 1940 г., переведено в 1945 г.

Работа (С. 505). — «Огонек», 1946, № 8; вариант

ст. 19: В замешательстве и, растерявшись совсем,

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

Входило в книгу стихов «Прошлогодний дневник». В стих, сопоставляются два подхода к поэтическому ремеслу: самого себя автор относит к поэтам, которые не в состоянии сдержать натиск впечатлений. К ним же Чиковани относил и Т. Табидзе: «Он утверждал, что непосредственное впечатление, горение души поэт должен выразить сразу же своей внутренней напевностью, одним дыханием» (Симон Чиковани. Слово о Т. Табидзе // Тициан Табидзе. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1964. С. 12).

Первоначально стих, называлось «Сомнение». Пастернак писал Чиковани 9 нояб. 1945 г.: «...Я сейчас разбирал бумаги и нашел "Сомнение". Я не помню, окончательный ли это варьянт, у меня нет подстрочника, чтобы проверить, не слишком ли я наврал. Но некоторые упрощенья я, наверное, сделал умышленно и не мог не сделать, как это в переводах у меня теперь замечается со всеми, в целях компоновочной ясности и легкости движения, забота о которых теперь перевешивает у меня соображения живописности, эмоции и прочие частности...».

Написано в 1940 г., переведено в 1945 г.

Майский дождь (С. 506). — «Литературная Грузия», 1957, № 4; варианты:

ст. 33—36 отсутствуют.

ст. 23: Ведь только и после дождя

— Пастернак. Не я пишу стихи.

— Автограф; варианты:

ст. 10: Меж зданий теснясь со вниманьем, ст. 23: Не правда ли, после дождя ст. 34—36: С хвалами шумящих деревьев Тягаться меня не зови: Дождь лучший ее псалмопевец. Входило в книгу стихов «В тени платанов»; написано в 1953 г.; переведено в 1957 г.

Цветы (С. 508). — «Дружба народов», 1958, № 3; вариант ст. 29: Я шел и не ведал покоя,

— Симон Чиковани. Тени платанов. М., 1959.

— Автограф; варианты:

ст. 7—8: Как будто я встал спозаранку,

ст. 12: ст. 25-27:

Как в детстве, и в доме темно. По-детски мудреным цветам. Цветы в моем сердце, как в вазе.

ст. 30: ст. 35-36:

Я ими уставлю твой стол. Для этого, на горы лазя, Я шел, головы не терял. Раздувши усердия пламя, Я юность зову на порог.

Входило в книгу стихов «Тени платанов»; написано в 1955 г., переведено в 1957 г.

Табак (С. 509). — Борис Пастернак. Стихи о Грузии. Автограф; варианты:

ст. 6-10: Для меня наилучший советчик.

Сонно тянется в высь потолка

Столб клубящихся синих колечек.

Точно в церкви жгут ладан, как встарь,

Или печи дымят в помещенье, ст. 12—13: Поездов в полосе отчужденья.

День дождливый в ущельях Чечни, ст. 16: Где-нибудь в непроглядности ночи, ст. 19: Чтоб мечтать и писать, как-никак, ст. 25-28: Даже если ленивый узор

Вьет окурка дымок на ладони,

Точно вид открывается с гор

Перевальный и потусторонний. Входило в книгу стихов «Тени платанов»; написано в 1955 г., переведено в 1957 г.

В тени платанов (С. 510). — газ. «Заря Востока», 7 сент. 1958.

— Автограф; варианты:

ст. 4: Это — мой, а подалее — твой,

ст. 12—14: Здесь — моя, а подальше — твоя.

Поздней осенью листья, увянув,

Ворохами желтеют у стен, ст. 16: Я во впадину стану взамен, ст. 18—20: Наша нежность одних с ними лет.

Я навстречу с деревьями всеми

Выйду ждать и глядеть тебе вслед, ст. 24: Меж платанов по-прежнему встреть. Входило в книгу стихов «Тени платанов»; написано в 1956 г., переведено в 1957 г.

Снежок (С. 511). — «Дружба народов», 1958, № 3.

— Автограф; варианты:

ст. 3: Как же при положеньи таком

ст. 9: Что ты смотришь на снежную гладь?

ст. 17-19: Я хвалю твою меткость стрелка,

Но не спас от тебя своей шкуры.

Ведь меня ты под видом снежка ст. 21—22: Как ни тверд человек пожилой,

Но безумье кого ни осилит.

ст. 28: Снежным комом в меня запустила.

— Автограф (РГАЛИ, ф. 3100); вариант

ст. 12: Ты снежком отшвырнула их наземь. Входило в книгу стихов «Тени платанов»; написано в 1957 г., переведено в 1957 г.

КАРЛО КАЛАДЗЕ (1904-1988) - грузинский поэт и драматург. Печатался с 1920 г. Первая книга стихов вышла в 1926 г. Каладзе воссоздает в своих стихах картину новой Грузии, рисует строительство социализма в Месхетии. Поэма «Учардиони» (1933) посвящена коллективизации в Грузии. Мотивы войны легли в основу цикла «Встречи на ратном поле», 1942. В поэзии Каладзе большое место занимает любовная лирика; он автор стихов для детей, а также нескольких пьес, сыгравших значительную роль в развитии грузинской драматургии и театра.

Зима (С. 512). — «Литературная газета», 6 июля 1934; вариант ст. 30: Я для сближенья кой с кем привожу, как намек,

— Карло Каладзе. Избранное. Тбилиси, 1955.

Сам Инашвили гулял до последних недель. — Сандро Инашвили (1887—1958), оперный баритон, народный артист СССР. Орбелиановой, может быть, жизни свидетель... — очевидно, имеется в виду поэт Григорий (Григол) Орбелиани (1804—1883). Ворон от века открытую печень клевал. — В древнегреч. мифол. к прикованному Зевсом к скале за неповиновение титану Прометею прилетал орел и выклевывал ему печень, которая за ночь отрастала заново.

Написано в 1929 г., переведено в 1934 г.

Из поэмы «Учардиони» (С. 513). — Поэты Грузии. Тифлис, 1935; опечатка

ст. 6: Закрытых неподалеку испокон.

— Б. Пастернак. Грузинские лирики. М., 1935.

Учардиони — имя главного героя, в честь которого названа поэма. По словам Каладзе, его поэма посвящена раскулаченным. Пастернак просил редактора сб. «Грузинские лирики» В. В. Гольцева снять это пояснение: «Приписав его от себя, я думал, что это будет реверансом в советскую сторону и, видно, перестарался. Приседанья отменяются. <...> Смысл отрывка совершенно ясен. Я именно потому его и перевел, что сомнительному и страшному делу раскулачивать <... > никогда такой человечной и состоятельной защиты не встречал. <...> Положенье такое: выселяемый со своей земли с сыном подходят к вековым деревьям и отец говорит: "Прощайте, деревья мои". "Твои?" — иронически подхватывают деревья и т. д. и нелепость мнимой принадлежности огромной многостолетней природы этим несчастным, выступает во всей очевидности» (24 июля 1934).

Написано в 1933 г., переведено в 1934 г.

477

Комментарии

САМЕД ВУРГУН (1906-1956) — азербайджанский поэт и драматург (наст, имя: Самед Юсиф оглы Векилов), основоположник новой поэтической школы, сформировавшей стиль и язык азербайджанской поэзии XX в. Родился в семье крестьянина, окончил казахскую учительскую семинарию (1924), преподавал в школах Казаха, Кубы, Кировабада. В 1929 г. поступил во 2-й МГУ, через два года — в аспирантуру в Баку. Начал печататься с 1924 г. В 1930 и 1932 гг. вышли первые сб. его стихов. Героико-романтическая драма в стихах «Вагиф» (1937) посвящена поэту-лирику XVIII века, драма в стихах «Фархад и Ширин» (1941) написана по сюжету известной поэмы Низами. В 1941—1945 гг. в стихах преобладают темы войны. Автор статей о Пушкине, Маяковском, Низами, Горьком. Перевел на азерб. язык «Евгения Онегина», главы «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели и поэмы «Лейли и Меджнун» Низами, стихи Шевченко и Чавчавадзе.

Философия жизни (С. 514). — Самед Вургун. Сегодня и завтра. М, 1944;

— Пастернак. Не я пишу стихи; опечатка ст. 52: Эта поздняя старая тварь.

О безумная, дивная пери... — по религиозным преданиям парсов (община зороастрийцев в Западной Индии, Гуджарате, с VII-X вв. н. э. до наших дней), сверхъестественные существа, напоминающие фей средневековых сказаний.

Написано в 1942 г., переведено в 1945 г.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ (1909-1992) - грузинский поэт, окончил филологический факультет Тбилисского университета, начал печататься с 1928 г. Первая книга стихов вышла в 1931 г. В годы войны широкую популярность получили патриотические произведения поэта: «Капитан Бухаидзе», «Песня раненого», «Когда приближаешься к Бран-денбургу». В послевоенном цикле «По следам Руставели» (1959) дано поэтическое обобщение впечатлений от путешествия по Индии. В 1960 г. стал академиком АН Грузинской ССР. Ему принадлежат также несколько литературно-критических статей.

Баллада спасенья (С. 516). — «Молодая гвардия», 1934, № 2; варианты:

ст. 66: Со слепу ль не бродят даже и теперь? ст. 70: Не за то боролись, не к тому придем, ст. 74: К полюсам ли держим, в мысли ли зенит.

— Антология грузинской поэзии. М., 1958; варианты: ст. 5: Он не слыл убитым, но кто мог поручиться, ст. 45: Брат, о как летит стремительное время!

ст. 49—72 отсутствуют, ст. 77—80 отсутствуют.

477

Переводы восточной поэзии

ст. 91—92: Одолели мы превратности похода, И идем к победе, льды разворотив.

— Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

В Трапезунде или где-то по пути... — Трапезунд (Трабзон), город и порт в Турции. Не герой ли Фритьоф Нансен?.. — (1861-1930) норвежский исследователь Арктики, в 1888 г. пересек Гренландию на лыжах, во время Первой мировой войны — комиссар Лиги Наций по

делам военнопленных, один из организаторов помощи голодающим Поволжья (1921), лауреат Нобелевской премии Мира (1922).

Написано в 1931 г., переведено в 1934 г.

АШОТ ГРАШИ (1910-1973) — армянский поэт (наст, имя — Ашот Григорян), закончил Ереванский педагогический университет. Литературную деятельность начал в 1934 г., когда вышел первый сб. его стих. «Вступление». После этого в разное время было издано около 15 сб. его оригинальных произведений, а также переводы на армянский язык Пушкина, Лермонтова, Петефи, Низами и др. Творчество Граши известно русским читателям по книгам стихов «Карабахская весна» (1941), «Горы поют» (1946), «Солдаты мира» (1950). Классик армянской литературы А Исаакян писал о глубокой эмоциональности лирики Граши и называл его виртуозом в смысле умения пользоваться всем разнообразием восточных и западных поэтических форм. Переводы были выполнены в 1956 г.

«Яродился в седле...» (С. 519). — Ашот Граши. Лирика: 1934—1956. М., 1956.

Лошадей Карабаха. — Верховые лошади, выведенные в Нагорном Карабахе, издавна славятся своей быстротой и выносливостью. Из книги «Утро в горах».

«Мои глаза, из глубины долины...» (С. 520). — «Нева», 1956, № 5; вариант

ст. 2: Любившие к горам и долам льнуть,

— Антология армянской советской литературы. Ереван, 1957. Из книги «Утро в горах».

«Петухи поют на гумнах...» (С. 521). — «Нева», 1956, № 5. Из книги «Утро в горах».

«В детском краю возле дома...» (С. 521). — «Нева», 1956, № 5. Из книги «Утро в горах».

АМО САГИЯН (1914-1993) — армянский поэт (наст, имя Амаяк Григорян), родился в крестьянской семье, в 1940 г. закончил Бакинский педагогический институт. Начал печататься в 30-е гг. В 1941-1945 гг.

служил в военно-морском флоте. В 1946 г. вышел первый сб. стихов «На берегу Воротана», в 1950-1960-е гг. публикуются сб. «В полете», «Радуга в степи», «На высотах», «Зеленый тополь Наири», «Песнь скал» и др. Оригинальная образная система поэзии Сагияна основана на классической и народно-фольклорной традиции. Перевел на армянский язык стихи С. Есенина, Гарсиа Лорки и некоторых азербайджанских поэтов.

Моему Воротану (С. 522). — Амо Сагиян-1959; с посвящ. Акопу Салахяну.

Воротан — река в Южной Армении. Написано в 1955 г., переведено в 1957 г.

Воротан (С. 522). — Амо Сагиян-1959. Переведено в 1957 г.

«Стремительно летит машина...» (С. 523). — Амо Сагиян-1959. Написано в 1954 г., переведено в 1957 г.

«Куда вы плывете, усталые тучи...» (С. 524). — Амо Сагиян-1959.

Перевод Пастернака имеет отчетливую не только мотивную, но и интонационную перекличку со стих. Лермонтова «Тучи» (1840): Куда вы плывете, усталые тучи, /Над далью морскою, над ширью мирской... (Са-гиян). У Лермонтова: «ТУчки небесные, вечные странники! / Степью лазурною, цепью жемчужного / Мчитесь вы...».

Написано в 1915 г., переведено в 1957 г.

Е. В. Пастернак, А. Ю. Сергеева-Клятис

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ ЗАПАДНОЙ ПОЭЗИИ.....5 .531
КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК
К Мельпомене.....6.... 531
На возвращение
Помпея Вара.....7.... 531
ГАНС САКС
Немецкая масляница.....8.... 533
Эйленшпигель

со слепцами.....12.... 533
Корзина разносчика.....26.... 533
Фюнзингенский конокрад
и вороватые крестьяне .... 36.... 534 УОЛТЕР РАЛЕЙ
Сыну.....48.... 534
УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
Сонет 66.....49.... 535
Сонет 73.....49.... 535
Сонет74.....50.... 535
Зима.....50.... 536
Музыка.....51.... 536
ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ
Посвящение.....51.... 537
Тайны {Фрагмент).....55.... 538
На горных вершинахв.... 65.... 539
Миньона
1.....65.... 539
2.....66.... 540
3.....66.... 540
4.....67.... 540
Арфист
1.....67.... 540
2.....68.... 540
3.....68.... 540
Вечерняя песня
охотника.....68.... 540
Ученик чародея.....69.... 540
Из «Фауста»
Посвящение.....70.... 540
Фульский король .... 71.... 541 Маргарита
за прялкой.....72.... 541
Песенка о блохе.....72.... 542
ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН
Стансы к Августе.....73.... 543
ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ
Индийская серенада.....75.... 543
Ks.....76.... 543
Строки.....76.... 543
Ода западному ветру.....76.... 544

Содержание
ДЖОН китс
Ода к осени.....79.... 544
Кузнечик и сверчок.....80.... 545
Море.....80.... 545
Из «Эндимиона».....81.... 545
ЮЛИУШ СЛОВАЦКИЙ
Ода к свободе.....82.... 546
Песнопение.....86.... 547
«Кулиг».....87.... 547
Песнь литовского
легиона.....91.... 548

Ц)об Агамемнона. Отрывок из поэмы «Путешествие
на Восток».....93.... 548
Восход солнца
на Саламине.....98.... 549
Закат на море. Гимн.....99.... 550
Разговор
с пирамидами..... 100.. 550
В Швейцарии. Поэма..... 102.. 550
Мое завещание.....114.. 551
КАРЕЛ ЯРОМИР ЭРБЕН
Клад.....116.. 552
ТАРАС ШЕВЧЕНКО «Средь нашего
земного раяв».....117.. 553
Мария. Поэма..... 120.. 554
АЛДЖЕРНОН ЧАРЛЗ СУИНБЕРН
Джон Форд..... 140.. 558
ГЕОРГ ГЕРВЕГ
Легкая поклажа.....141.. 560
Кто свободен?.....142.. 560
Протест.....143.. 560
Воззвание.....144.. 560
Песнь о ненависти..... 145.. 560
Прогулка в полночь.....146.. 560
Худое утешенье..... 147.. 560
Jactaaleaest.....148.. 561
480
Против Рима..... 150.. 561
Строфы с чужбины.....151.. 562
Беранже..... 152.. 562
Сонеты
II.....154
IX.....154
XVI.....155
XVIII.....155
XX.....156
XXII.....156
XXVII..... 157.. 562
XXXVII.....157
XLIX..... 158.. 562
LH..... 158.. 563
Военная заря..... 159.. 563
Язычники..... 160.. 563
Амнистия..... 162.. 563
ШАНДОР ПЕТЕФИ
На родине..... 163.. 564
Надоевшее рабство.....164.. 564
Побывка у своих..... 165.. 564
Алфельд..... 166.. 564
Моя любовь..... 168.. 565
«Бушующее море...»..... 168.. 565
Лесное жилье..... 169.. 565
«Кабаки не редкость

здесь в странев»..... 170.. 565
«Если ты цветок —
я буду стеблемв»..... 170.. 565
«Смолкла грозовая
арфа бурив»..... 170.. 565
В деревне.....171.. 566
Старый добрый
трактирщик..... 173.. 566
Развалины корчмы..... 174.. 566
«На горе сижу яв»..... 176.. 567
Источник и река..... 177.. 567
В лесу..... 178.. 567
«Как на летнем небе
бродятв»..... 178.. 567
«Люблю я как никто,
пожалуйв»..... 179.. 567
«Розами моей любвив» .. 180.. 567
Содержание
«Дней осенних
прозябаньев».....180.. 567
Ночь звездная, ночь
светло-голубая.....181.. 567
В альбом барышне Р. Э. .. 182.. 568
Венгерская нация..... 182.. 568
«Сердце не из камняв»... 184.. 568 «Скинь, пастух, овчину,
леший!..».....185.. 568
Цветы..... 185.. 568
«Стоит мне о милой
замечтатьсяв».....186.. 568
«Пыль столбом клубит,
земля гудит, трясетсяв».. 187.. 568
Тетя Шари..... 188.. 568
«Дорогою пустынные
местав»..... 189.. 568
«"Люблю ли я тебя?"
Справляйсяв».....190.. 569
«У леса — птичья
трель CBOfls».....191.. 569
«Я вижу дивные цветы
BocTOKas».....191.. 569
Ответ на письмо
моей милой.....192.. 569
Не обижайся.....194.. 569
Прекрасное письмо.....196.. 569
Звездное небо.....197.. 569
«Видал ли кто на светев» 198.. 569
В конце сентября.....199.. 569
Последние цветы.....200.. 570
Небо и земля.....200.. 570
Могила нищего.....201.. 570
У Яноша Араня.....202.. 570
«В душе глубокойв».....204.. 570

«Темны не склепьк».....205.. 571
Ночь.....206.. 571
Зимние вечера.....207 ..571
Степь зимой.....209.. 571
В родных местах.....211.. 571
В горах.....212.. 571
Ты помнишь?.....213.. 571
«Осень вновь, опять
чаруяв».....214.. 571
В конце года.....215.. 571
«Вновь жаворонок
надо mhohs».....217.. 572
Витязь Яношь. Поэма.....218.. 572
Шалго. Поэма.....266.. 576
Мария Сечи. Поэма.....279.. 577
ПОЛЬ МАРИ ВЕРЛЕН
Ночное зрелище.....291.. 580
«Так как брезжит
дены».....291.. 580
Зелень.....292.. 581
Искусство поэзии.....292.. 581
Томление.....294.. 581
Хандра.....294.. 582
«Средь необозримое».....294.. 582
ЭМИЛЬ ВЕРХАРН
Равнины.....295.. 582
ИВАН ФРАНКО
Вступление к поэме
«Моисей».....297.. 583
ШАРЛЬ ВАН ЛЕРБЕРГ
Забвение.....299.. 584
Предвестница.....300.. 584
Картины.....300.. 584
АНДРЕ ПОЛЬ ГИЙОМ ЖИД Стихи из романа «Новая пища» «Ветерок
забубенныйв».....301.. 585
«О весна, вся —
томленьев».....302.. 585
«Ослепленье
cnpocoHOKS».....302.. 585
«Юной жизни
оплоте».....302.. 585
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ По одной подруге.
Реквием.....303.. 587
Реквием.....311.. 587

За книгой.....315.. 588
Созерцание.....315.. 588
БОЛЕСЛАВ ЛЕСЬМЯН
Сестре.....317.. 589
ЛЮДВИГ РУБИНЕР
Голос.....319.. 590

АЛЬФРЕД
ВОЛЬФЕНШТЕЙН
Горожане.....321.. 591
ПАУЛЬ ЦЕХ
Сортировщицы.....321.. 591
ГЕОРГ ГЕЙМ
Призрак войны.....323.. 592
Демоны городов.....324.. 592
ЯКОБ ВАН ХОДДИС
Сомнение.....326.. 593
Небесная змея.....326.. 593
РУДОЛЬФ ЛЕОНГАРДТ Мертвый Либкнехт.....327.. 594
АЛЬФРЕД
ЛИХТЕНШТЕЙН
Сумерки.....328.. 594
ФРАНЦ ВЕРФЕЛЬ
Читателю.....328.. 595
«На земле ведь
чужеземцы все mus».....329.. 595
ВАЛЬТЕР ГАЗЕНКЛЕВЕР Смерть Жореса.....330.. 595
ИОГАННЕС РОБЕРТ БЕХЕР
Броневая баллада.....330.. 596
Лес.....333.. 596
Лютер. Поэма.....335.. 596
ПАВЛО ТЫЧИНА
Первое знакомство.....342.. 598
Я 3Haios.....346.. 599
ЭДЛЕФ КЁППЕН
Мертвый город.....347.. 599
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ Полдень.....347.. 600
ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ Я и стихи.....348.. 600
ВИТЕЗСЛАВ НЕЗВАЛ
«Судьба, о судьбиназ»....349.. 601
Без названия.....349 ..601
Над Свраткою-рекой.....350.. 601
РАФАЭЛЬ АЛЬБЕРТИ Федерико Гарсиа
Лорке.....351.. 602
«Дочь булочницы,
встарь».....351.. 602
«Летняя моя
матроскав».....352.. 602
Сан Рафаэль
(Сьерра де Гуадаррама).... 352.. 602 «Нет его,
морюшка-моряв».....352.. 602
«Если голос умрет мой
на cyuies».....353.. 602
Прегон (Песня
уличного торговца).....353.. 603
Монте де Эль Пардо.....353.. 603
Крестьяне.....354.. 603
ОНДРА
ЛЫСОГОРСКИЙ

Превращенье.....354.. 604
Венецианские мосты.....355.. 604
Комната в Ташкенте.....356.. 604
Благодаренье.....356.. 605
Радиорупор.....357.. 605
Разведчик.....357.. 605

ПЕРЕВОДЫ ВОСТОЧНОЙ ПОЭЗИИ
АЛИШЕР НАВОИ Газели
«Ты лицом хороша
и сама сложена
хоронios».....360.. 607
«Брось кипарис
в огонь, она
стройней его!..».....361.. 607
«Ко мне нагрянула
извне бед as».....361.. 607
«И туфель покрой,
и тюрбан ее гру6s».. 361.. 607
НИКОЛАЙ БАРАТАШВИЛИ
Соловей и роза.....362.. 609
Кетевана.....363.. 610
Сумерки на Мтацминде.. 364.. 610
Таинственный голос.....365.. 610
Дяде Григорию.....366.. 610
Ночь на Кабахи.....366 ..611
Раздумья на берегу
Куры.....368 ..611
Моей звезде.....369.. 611
Наполеон.....369.. 611
Княжне Е<катери>не
4<авчава>дзе.....370.. 612
Серьга.....371.. 612
Младенец.....371.. 613
Одинокая душа.....372.. 613
Моя молитва.....372.. 613
«Когда ты, как жаркое
солнце, взошлав».....373.. 614
Моим друзьям.....373.. 614
«Что странного,
что я пишу стихи?..».....374.. 614
«Я храм нашел в песках.
Средь TbMbis».....375.. 614
«Глаза с туманной
поволокоюб».....376.. 614
Гиацинт и странник.....376.. 614
«Как змеи локоны
твои распалисьв».....377 ..615
359 ..606 «Мужское отрезвленье —
не изменав».....378.. 615
Мерани.....378.. 615

Могила царя Ираклия.....380.. 616
Злой дух.....380.. 617
«Вытру слезы
средь самого пылав».....381.. 617
Поход Грузии на Чечню
и Дагестан в 1844 году.....382.. 617
Чинара.....383.. 618
«Ты самое большое
чудо Божьев».....383.. 618
Ек<атерине>, когда она пела под аккомпанемент
фортепиано.....384.. 618
«Осенний ветер у меня
в садув».....384.. 618
«Когда мы рядом,
в необъятнойв».....384.. 618
«Цвет небесный,
синий цвете».....385.. 618
АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ «Ты горька, моя жизнь
бесталаннаяв».....385 ..619
Песнь Песней.....387.. 620
Памяти Гоголя.....389.. 620
Поэт.....391.. 621
Больной поэт.....392.. 622
Лира.....393.. 622
РАБИНДРАНАТ ТАГОР
Та, которую я любил.....393.. 623
Обыкновенная
девушка.....395.. 623
Монолог мужчины.....398.. 624
Цветок.....401.. 624
Люди трудятся.....402.. 624
Вопрос.....404.. 625
Распахни дверь.....405.. 625
Драгоценная пыль
земли.....405.. 625

Содержание
ВАЖА ПШАВЕЛА
Змееед.....406.. 626
АВЕТИК ИСААКЯН «Когда бы из моей
сердечной раныв».....436.. 631
«Глухим, неясным, призрачным
nopbiBOMS».....437.. 631
«Душа — перелетная
бедная nraiias».....437 ..631
«В тоске я шел вдоль
горного кряжав».....437 ..631
«У кого так ноет
peTHBoes».....438.. 631
«Из жизни Bcefts».....438.. 631
Песня Заро.....438.. 631
АЛЕКСАНДР АБАШЕЛИ

Море.....439.. 632
Фиолетовый свет.....440.. 632
Сердце поэта.....440.. 632
Рождение стиха.....441.. 632
Каменный олень.....442.. 632
Николаю Бараташвили... 442.. 632 Весна.....443.. 632
ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ С галерки оперного
театра.....444.. 633
Кутаис в ветреную
погоду.....444.. 633
Море.....445.. 634
Мечта.....446.. 634
Дантон.....447.. 634
ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ Судьба гения
на тифлисском базаре.....448.. 635
Прощание
со старым Тифлисом.....449.. 636
НИКОЛО МИЦИШВИЛИ Сталин.....451.. 637
НИКОЛАЙ НАДИРАДЗЕ
Песня.....452.. 637
Белая алыча.....452.. 637
Окроканы.....454.. 638
Пушкину.....455.. 638
ТИЦИАН ТАБИДЗЕ
«Трижды существуяв» .... 457.. 639
Автопортрет.....457.. 639
Фатьма Хатун.....457.. 640
Петербург.....458.. 640
Карменсита.....459.. 640
Танит Табидзе.....459.. 640
«Иду со стороны
черкесскойв».....460.. 641
«Высоким будь,
как были предкив».....461.. 641
На рассвете.....462 ..641
«Не я пишу стихи. Они,
как повесть, пишутз».....462 ..641
Ликование.....463.. 642
Всходит солнце, светает.. 464.. 642 «Если ты — брат мне, то
спой мне за чашеюв».....464.. 642
Сельская ночь.....465.. 643
Окроканы.....466.. 643
Стихи
о Мухранской долине.....467.. 643
«Лежу в Орпири
мальчиком в жарув».....468.. 643
Матери.....469.. 644
ПАОЛО ЯШВИЛИ
Как хлопанье паруса.....470.. 645
Событие сада.....471.. 646
Обновление.....472.. 646
Без повода.....472.. 646

Утро.....473.. 646
Стол — Парнас мой.....473.. 646
Вступление в поэму.....474.. 646
Малтаква.....476.. 648
ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ
Кудрявый мальчик.....477.. 648

Содержание
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ
Первый снег.....480.. 650
Калила и Димна.....481650
«Где пройдет опять
к закату^».....482.. 650
Надпись на чаше.....482.. 650
Осень. Из старой
тетради.....482.. 650
Зима.....483.. 650
«Я привязал коня
к плетнюв».....483.. 650
Путешествие
(Из записной книжки)
1. Кахетия.....485.. 651
2. Ананур.....485.. 651
3. Вечер в старом Тифлисе.....486.. 651
4. Карталинская
ночь.....486.. 651
5. Гарь пожарищ
Тимура.....486.. 651
Тифлисские рассветы
I.....487.. 652
II.....488.. 653
Переписчик
древних книг.....489.. 653
Над Метехи.....490.. 653
Чайка.....491.. 653
Фреска ангела.....492.. 653
Старый бубен.....493.. 654
Платан в Телави.....494.. 654
АЛИО МИРЦХУЛАВА
Морской орел.....495.. 654
СИМОН ЧИКОВАНИ
Мингрельские вечера.....496.. 656
Тифлисский рыбак.....499.. 657
Приход рыбака.....500.. 657
У камина
Важа Пшавелы.....502.. 657
Гнездо ласточки.....504.. 658
Работа.....505.. 658
Майский дождь.....506.. 659
Цветы.....508.. 659
Табак.....509.. 660
В тени платанов.....510.. 660

Снежок.....511.. 660
КАРЛО КАЛАДЗЕ
Зима.....512.. 661
Из поэмы
«Учардиони».....513.. 661
САМЕД ВУРГУН
Философия жизни.....514.. 662
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ Баллада спасенья.....516.. 662
АШОТ ГРАШИ
«Я родился в седлев».....519.. 663
«Мои глаза, из глубины
долиныв».....520.. 663
«Петухи поют
на гумнахв».....521.. 663
«В детском краю
возле домав».....521.. 663
АМО САГИЯН
Моему Ворогану.....522.. 664
Воротан.....522.. 664
«Стремительно летит
машинав».....523.. 664
«Куда вы плывете,
усталые тучи...».....524.. 664
Комментарии.....525

Пастернак Б. Л.
П 19 Полное собрание сочинений [Текст]: в 11 т. Т. VI. Стихотворные переводы / Борис Пастернак; сост., коммент. Е. В. Пастернак и А. Ю. Сергеевой-Клятис. - М.: СЛОВО/SLOVO, 2005. - 672 с. -ISBN 5-85050-686-1 (в пер.)

Том составили стихотворные переводы, сделанные Пастернаком на протяжении жизни.

Переводы из западной поэзии представлены не только именами Шекспира, Гёте, Байрона, Петефи, Рильке, но и малоизвестными широкому кругу поэтами, такими как Л. Рубинер, А Вольфенштейн, П. Цех, Р. Леонгардт и другими. Стихотворения Шарля ван Лерберга публикуются впервые.

В раздел переводов из восточной поэзии вошли стихи Н. Бараташвили, Т. Табидзе, П. Яшвили, Важа Пшавелы, А Навои, Р. Тагора, А Исаакяна и многих других.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
Борис Леонидович Пастернак ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Том VI
Редактор Т. Н. Беднякова Художник К Е. Журавлев Технический редактор Л. А. Комарова Верстка Л. А. Комаровой Корректор С. В. Щербин
Подписано в печать 14.01.05. Формат 60Х90/,
Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура Newton
Усл. печ. л. 42,50. Уч.-изд. л. 36,57
Тираж 5000 экз. Заказ № 0506500.
Издательство СЛОВО/SLOVO 109147, Москва, Воронцовская ул., 41
Отпечатано
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97
ЯПК
isbn 5-85050-686-1
IIIIIIIIII

,,785850,,506865,l